

История
КПСС
в воспоминаниях
современников

ДАЙТЕ НАМ ОРГАНИЗАЦИЮ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ...

Политиздат

1895

1903

92

5

**История
КПСС
в воспоминаниях
современников**

1895

1903

ДАЙТЕ НАМ ОРГАНИЗАЦИЮ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ...

Москва
Издательство
политической
литературы
1987

Под общей редакцией
доктора исторических наук
К. В. ГУСЕВА

Руководитель тома —
доктор исторических наук
А. Ф. КОСТИН

Составители:
З. А. ДЖАБИЕВА и А. И. СЕРЕДА

Д14 **Дайте** нам организацию революционеров... (1895—1903 гг.)/Сост.: З. А. Джабиева и А. И. Середина. — М.: Политиздат, 1987. — 639 с. — (История КПСС в воспоминаниях современников).

Книга открывает совместное издание Политиздата и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под названием «История КПСС в воспоминаниях современников». В ней собраны воспоминания участников и современников событий периода создания РСДРП — первой пролетарской партии нового типа. Хронологические рамки книги: 1895—1903 гг. — от ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» до II съезда РСДРП, на котором была создана большевистская партия.

Подобное издание предпринимается впервые. Адресуется широкому кругу читателей.

Д $\frac{0505030101-031}{079(02)-87}$ 128—87

ББК 66.61(2)252

Дайте нам организацию
революционеров —
и мы перевернем Россию!

В. И. ЛЕНИН

К ЧИТАТЕЛЮ

За 70 лет Советской власти увидели свет немало произведений мемуарной литературы, в той или иной степени касающихся истории КПСС. Они очень разнообразны по своему характеру и по подходу к освещению событий, по манере изложения и степени доказательности, относятся к различным периодам истории, публиковались в разное время и в разных изданиях. Однако еще не было книги или серии книг, в которых мемуары были бы собраны вместе и из воспоминаний об отдельных этапах, событиях и эпизодах была бы создана цельная картина истории нашей партии.

В настоящем издании впервые предпринимается попытка собрать воедино воспоминания очевидцев и участников событий, то есть тех, кто был не просто сторонним наблюдателем, а делал историю своими руками. То, что после тщательного отбора разрозненные воспоминания собраны в единый комплекс, сгруппированы по основным периодам истории КПСС, придает им новое звучание. Из воспоминаний об отдельных эпизодах и событиях они становятся историей КПСС в воспоминаниях современников.

Как отмечалось на XXVII съезде КПСС, история ленинской партии — это не отгремевшее славное прошлое, а неотъемлемая часть сегодняшнего политического дела и разума всех коммунистов, она служит воспитанию молодого поколения, учит извлекать уроки из прошлого для решения современных задач.

Перед изданием не ставилась задача на основе мемуаров создать нечто вроде курса истории партии, дать ее полное, систематизированное изложение. Основная цель «Истории КПСС в воспоминаниях современников» — проиллюстрировать исторический процесс свидетельствами очевидцев и участников важнейших событий, определивших его ход.

Известно, что мемуарная литература пользуется большим спросом у читателей, вызывает их интерес. В чем же секрет ее популярности? Вероятно, в том, что она передает события прошлого такими, какими их воспринимал очевидец и участник, знакомит с такими деталями, которые придают историческому факту особую выпуклость, особый колорит и которые другие источники донести до нас не могли. Конечно, воспоминания, как правило, окрашены

личным отношением автора к описываемым событиям. Среди мемуаристов вряд ли можно найти человека, который писал бы, «добру и злу внимая равнодушно...». Но это скорее положительная черта мемуарной литературы, особенно относящейся к такому острому сюжету, как история политической партии, поскольку читатель ощущает в ней дыхание классовой борьбы.

Еще великий революционный демократ, выдающийся литературный критик В. Г. Белинский писал: «В том-то и заключается трудность условий исторического таланта, что в нем должны быть соединены строгое изучение фактов и материалов исторических, критический анализ, холодное беспристрастие с поэтическим воодушевлением и творческой способностью сочетать события, делая из них живую картину, где соблюдены все условия, перспективы и светотени». Воспоминания, как исторический жанр, прежде всего и отличаются поэтическим воодушевлением, тем, что они, с одной стороны, доносят до нас дух эпохи, живую картину исторических событий и в наибольшей степени воздействуют на эмоциональное восприятие истории, а с другой — основаны на подлинных фактах и действительных явлениях истории.

На воспоминаниях всегда лежит печать времени, но одновременно в них отражается и индивидуальность автора, который в зависимости от личного восприятия выделяет определенные привлекавшие его внимание и запомнившиеся детали. Тем не менее мемуары — важное свидетельство истории, без них круг исторических источников был бы неполон. В них не только содержатся факты, о которых в других источниках нет сведений, они в первую очередь дают возможность узнать об отношении современников к событиям.

При изучении того или иного вопроса надо всегда сопоставлять то, что пишут авторы воспоминаний, с документами, относящимися к данному историческому явлению, и определять, подтверждают или опровергают они приведенные мемуаристами факты. При этом важно отделить сам факт от его оценки автором воспоминаний. В данном случае это будет отделение объективного от субъективного. Но природа исторического факта такова, что и субъективное, поскольку оно является мнением и оценкой очевидца, участника событий, имеет далеко не второстепенное значение, ибо дает представление о воздействии, оказанном тем или иным фактом на участников событий.

Воспоминания подбирались таким образом, чтобы по возможности осветить узловые вопросы истории КПСС, все ее этапы и важнейшие события. Чтобы у читателя в итоге сложилось в известной мере цельное представление о деятельности нашей партии и ее роли в общественном развитии, о том, что представляла она собой в различные исторические периоды.

Безусловно, не все периоды можно показать на материалах воспоминаний одинаково полно и ярко: это исключается своеобразием их как источника. Известно также, что в мемуарной литера-

туре освещение тех или иных событий и направлений деятельности партии распределяется весьма неравномерно и не всегда определяется их значимостью. Современники не могли сразу определить значение какого-либо факта или события и поэтому, возможно, не обратили на него должного внимания. Позднее же детали стираются в памяти. Некоторые, порой весьма важные вопросы рассматривались и решались, по соображениям конспирации, в очень узком кругу людей, и записок о них не сохранилось.

Наиболее полное отражение в мемуарах получили явления и события широкомасштабные, такие, например, как три российских революции. В то же время менее яркие, менее броские, хотя и важные, события и явления порой отскакивали в тени. Поэтому в книгах настоящего издания иногда сравнительно мало сказано о событиях, которые по своей значимости заслуживают более полного и детального освещения. Это следует отнести к неизбежным издержкам жанра.

В издание вошли мемуары, публиковавшиеся в периодической печати в первые десятилетия Советской власти. С тех пор они, за небольшим исключением, не перепечатывались и поэтому неизвестны широкому читателю. Часть воспоминаний почерпнута из архивных фондов и публикуется впервые.

Среди авторов, чьи мемуары включены в настоящее издание, руководители партии и ее рядовые члены, участники трех российских революций и делегаты партийных съездов, ученые и рабочие, деятели культуры и военачальники... Но объединяет их всех то, что они сами были активными участниками создания партии и свершения эксплуататорского строя, строительства социализма и защиты завоеваний революции от посягательств внутренних и внешних врагов, борьбы за единство партийных рядов и за чистоту марксистско-ленинской теории. Разнообразие их свидетельств дает возможность посмотреть на исторический процесс с разных точек зрения, увидеть его в различных аспектах. В целом же собранные в издании воспоминания дают представление о сложном героическом пути, пути борьбы и побед, который прошла Коммунистическая партия Советского Союза. Они показывают процесс внутрипартийного развития и преемственности ее политики, характеризуют тех, кто шел впереди, прокладывая дорогу к обществу будущего, к коммунизму.

«...История общества,— говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии,— не сумма случайных слагаемых, не беспорядочное «броуново движение», а закономерный поступательный процесс»¹. Таков фундаментальный вывод марксизмаленинизма, доказанный всем ходом мирового общественного развития. Свидетельства современников великих исторических свершений, их воспоминания подтверждают обоснованность и истори-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 7.

ческую закономерность победы социализма, правильность генеральной линии партии.

На XXVII съезде КПСС указывалось на необходимость более глубокого изучения истории партии. Издание «Истории КПСС в воспоминаниях современников» призвано помочь решению этой задачи. И преподаватель, и пропагандист найдут в нем полезный материал, который поможет сделать изложение истории партии более живым и убедительным. Оно может стать и серьезным подспорьем для специалистов, изучающих историю партии, как первый систематизированный свод воспоминаний. Книги настоящего издания адресованы всем, кто интересуется историей нашей партии. И цель издания будет достигнута, если они дадут читателям возможность ощутить время, почувствовать атмосферу революционного творчества, борьбы и созидания, познакомят их с мыслями и делами людей, которые вошли в историю, стали ее частью, чьи имена запечатлены в памяти народа.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга посвящена периоду создания пролетарской партии нового типа — ленинской партии большевиков. В нее вошли воспоминания ближайших соратников В. И. Ленина, активных участников марксистского рабочего движения в России на рубеже XIX—XX веков.

Хронологические рамки книги охватывают события с 1895 по 1903 год. То было переломное время. Капитализм вступил в эпоху империализма, чреватую глубокими социальными конфликтами и революционными взрывами. С особой силой его противоречия проявлялись в нашей стране, где средневековый гнет многочисленных пережитков крепостничества переплетался с тяжелыми формами капиталистического угнетения трудящихся. Здесь созревали необходимые предпосылки революции 1905—1907 годов — первой народной революции эпохи империализма.

Новая революционная эпоха потребовала творческого подхода к вопросам теории и практики социал-демократических рабочих партий, поиска новых форм и методов их деятельности. Прежние теоретические взгляды и формы рабочего движения, сложившиеся в условиях относительно «мирного» развития капитализма, становились уже недостаточными. Теперь, в обстановке стремительного нарастания революционного кризиса, на первый план выдвигалась разработка проблем субъективного фактора, прежде всего теории, политики и организации партии как руководящей силы рабочего, всего освободительного движения. Разрешению именно этой сложной и актуальной задачи В. И. Ленин подчинил всю свою научную и практическую работу. Решительно разоблачая оппортунизм «экономистов» и их сторонников, проводивших буржуазно-реформистскую линию на стихийное развитие рабочего движения, Ленин подчеркивал первостепенное значение организации, воспитания социалистического сознания пролетариата. *«Роль передового борца,— писал он,— может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»*¹.

В. И. Ленин обосновал необходимость последовательно марксистской партии рабочего класса и возглавил борьбу за ее образо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 25.

вание. Ленинское учение о партии было принято на вооружение революционными социал-демократами и претворено в жизнь, в реальную действительность. Создание такой партии явилось событием всемирно-исторического значения.

История образования РСДРП занимает почти целое предреволюционное десятилетие, которое включает в себя три относительно самостоятельных периода. Публикуемые в томе воспоминания разделены на три части, соответствующие этим периодам: 1. У истоков большевизма; 2. В годы ленинской «Искры»; 3. Второй съезд РСДРП. Они служат не только живым комментарием событий прошлого, но и дополнительным источником знаний по каждому из названных периодов.

Как известно, в середине 90-х годов прошлого столетия революционные социал-демократы во главе с В. И. Лениным положили начало соединению научного социализма с рабочим движением в России. Их первопроходческая деятельность по распространению марксизма среди рабочих Петербурга, по созданию «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», как зачатка пролетарской партии, получила широкое освещение в мемуарной литературе своего времени. Понятно, что без использования мемуаров непосредственных участников социал-демократического движения тех далеких лет, в том числе Н. К. Крупской, А. И. Ульяновой-Елизаровой, Г. М. Кржижановского, М. А. Сильвина, И. В. Бабушкина, В. А. Шелгунова и других авторов, по-настоящему раскрыть содержание столь важного исторического периода было бы невозможно.

Каждая из трех частей книги открывается работой В. И. Ленина, в которой дается характеристика периода и задач революционной социал-демократии. В первой части помещен фрагмент из ленинской брошюры «Задачи русских социал-демократов». Из мемуаров современников, собранных в этой части, читатель почерпнет немало сведений о жизни и борьбе передовых рабочих Питера и других промышленных центров страны, о деятельности первых социал-демократических организаций России и их руководителей. Значительная часть воспоминаний посвящена подготовке и работе I съезда РСДРП, провозгласившего в 1898 году основание нашей партии.

Второй раздел книги начинается статья В. И. Ленина «Заявление редакции «Искры». Важное место в освещении истории организации этой газеты и ее выдающейся роли в создании партии принадлежит воспоминаниям агентов и корреспондентов «Искры». Большой познавательный интерес представляют мемуары Е. Д. Стасовой, М. М. Литвинова, Н. А. Алексеева, О. А. Варенцовой, О. А. Пятницкого, М. М. Эссен, В. П. Ногина, А. С. Енукидзе и других активных участников искровского подполья. В них содержится богатый и достоверный материал, раскрывающий многотрудную, поистине героическую работу редакции «Искры» и ее представителей на местах по собиранию разрозненных сил социал-демократического движения в стране, по идейному и организацион-

ному сплочению партии. Эти мемуары убедительно свидетельствуют о том, что ленинская «Искра» способствовала сплочению революционных социал-демократов и благодаря ее деятельности большевизм «вышел на борьбу с меньшевизмом, как цельное направление»¹.

Подготовленная «Искрой» победа большевистского направления в РСДРП показала правильность научного предвидения В. И. Ленина как теоретика и политического руководителя. Не случайно ленинские идеи строительства партии стали центром притяжения всех стойких искровских делегатов на II съезде, которые увидели в Ленине самого выдающегося партийного вождя. «Уже в течение первых двадцати заседаний для меня стало ясно, — пишет С. И. Гусев, агент «Искры» и делегат съезда от Донского комитета РСДРП, — что Ленин играет в руководстве съездом не менее важную роль, чем Плеханов, а в отдельные моменты, наиболее горячие, берет на себя руководство целиком»². Об этом же пишут в своих воспоминаниях А. В. Шотман, М. Н. Лядов, Н. К. Крупская и другие участники съезда.

II съезд РСДРП, на котором была создана большевистская партия, явился поворотным пунктом в развитии российского и международного рабочего движения. С возникновением большевизма на историческую арену вышла партия нового типа — партия рабочего класса, партия научного коммунизма, партия социалистической революции и коммунистического созидания³.

Однако путь большевиков не был простым и легким. Сразу же после съезда меньшевики, занявшие место разбитых «экономистов», пытались подорвать организационные принципы партии и ослабить ее руководящую роль в рабочем движении. Большевики, выступавшие под руководством В. И. Ленина против оппортунизма меньшевиков в организационных вопросах, развернули последовательную борьбу за сплочение РСДРП и ее местных организаций на позициях революционного марксизма.

Борьба большевиков за преодоление серьезного партийного кризиса, возникшего по вине меньшевиков после II съезда РСДРП, раскрывается в воспоминаниях многих делегатов партийного форума, в том числе С. И. Гусева, А. В. Шотмана, М. Н. Лядова, Р. С. Землячки, Д. И. Ульянова, А. Н. Стопани, С. И. Степанова и др. Третьей части мемуаров предпослана работа В. И. Ленина «Рассказ о II съезде РСДРП», написанная по горячим следам событий. Красной нитью проходит через нее мысль о необходимости крепить единство рядов партии, оберегать ее от беспринципности и оппортунистических шатаний. Русской социал-демократии, подчеркивал В. И. Ленин, предстояло свершить «трудный переход

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 103.

² Воспоминания о II съезде РСДРП. Изд. 3-е. М., 1983, с. 117.

³ См.: О 80-летию Второго съезда РСДРП. Постановление ЦК КПСС 31 марта 1983 г. М., 1983, с. 3.

к партийности от кружковщины, к сознанию революционного долга от обывательщины, к дисциплине...»¹

В. И. Ленин прекрасно сознавал, что создание и укрепление подлинно революционной пролетарской партии возможно только путем бескомпромиссной борьбы против оппортунизма, в какой бы форме он ни проявлялся, будь то «экономизм», меньшевизм или анархизм. Он исходил из того, что в новых условиях классовой борьбы пролетариату нужна партия, свободная от всех видов оппортунизма и ревизионизма и основывающая свою деятельность на принципах творческого марксизма. Только такая организация революционеров способна «перевернуть Россию», возглавить борьбу рабочего класса за революционное преобразование общества, за демократию и социализм.

Мемуарная литература по истории КПСС начального периода располагает большими возможностями не только историко-познавательного, но и политико-воспитательного, нравственного характера. Ее авторы не сторонние наблюдатели, а пламенные борцы за дело партии, ее высокие идеалы, поборники социальной справедливости и народной свободы. Достоверные сведения и размышления ветеранов партии — непосредственных участников исторических событий — обогащают память советских людей о славном революционном прошлом нашей Родины, воспитывают их в духе патриотизма и интернационализма.

Между тем историко-партийные мемуары, написанные много десятилетий назад, за очень небольшим исключением, не переиздавались. Распыленные по страницам старых, забытых и полузабытых изданий, они практически недоступны широкому кругу читателей. По той же причине воспоминания современников крайне редко используются в научно-исследовательской и популярной литературе. Собранные воедино, они обретают новую жизнь и будут достойно служить насущным интересам современности, удовлетворению духовных потребностей советского общества.

* * *

Воспоминания современников, опубликованные в настоящей книге, расположены в хронологическом порядке, в соответствии с общепринятой периодизацией событий. Мемуары печатаются по последним изданиям, сверенным с первоисточниками, некоторые из них даются с небольшими сокращениями. В необходимых случаях тексты снабжены подстрочными примечаниями. В конце книги помещены краткие биографические сведения об авторах воспоминаний.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 20.

І У ИСТОКОВ БОЛЬШЕВИЗМА

ИЗ БРОШЮРЫ «ЗАДАЧИ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ»

Русская социал-демократия еще очень молода. Она только-только выходит из того зародышевого состояния, когда преобладающее место занимали вопросы теоретические. Она только начинает развивать свою практическую деятельность. На место критики социал-демократических теорий и программ революционеры других фракций должны, в силу необходимости, выступить с критикой *практической деятельности* русских социал-демократов. И надо признать, что эта последняя критика отличается самым резким образом от критики теоретической, отличается до того, что оказалось возможным сочинить комический слух, будто с.-петербургский «Союз борьбы» есть организация не социал-демократическая. Самая возможность подобного слуха показывает уже неправильность ходячих обвинений социал-демократов в игнорировании политической борьбы. Самая возможность такого слуха свидетельствует уже о том, что многие революционеры, которых не могла убедить *теория* социал-демократов, начинают убеждаться их *практикой*.

Перед русской социал-демократией еще громадное, едва начатое поле работы. Пробуждение русского рабочего класса, его стихийное стремление к знанию, к объединению, к социализму, к борьбе против своих эксплуататоров и угнетателей проявляется с каждым днем все ярче и шире. Гигантские успехи, которые делает русский капитализм в последнее время, ручаются за то, что рабочее движение будет безостановочно расти вширь и вглубь. В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность «процветает», торговля идет бойко, фабрики работают вовсю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности. Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массы рабочих в ряды безработных и поставит, таким образом, перед всеми рабочими массами в острой форме те вопросы социализма и демократизма, которые давно уже встали перед каждым сознательным, каждым думающим рабочим. Русские социал-демократы должны позаботиться о том, чтобы

этот крах застал русский пролетариат более сознательным, более объединенным, понимающим задачи русского рабочего класса, способным дать отпор классу капиталистов, пожинаящих ныне гигантские барыши и стремящихся всегда сваливать убытки на рабочих,— способным вступить во главе русской демократии в решительную борьбу против полицейского абсолютизма, связывающего по рукам и по ногам русских рабочих и весь русский народ.

Итак, за работу же, товарищи! Не будем терять дорогого времени! Русским социал-демократам предстоит масса дела по удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, по укреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по объединению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую *социал-демократическую рабочую партию!*

Полн. собр. соч., т. 2, с. 465—466

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ИЛЬИЧЕ

V. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ РАБОТЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА УЛЬЯНОВА (Н. ЛЕНИНА)

I. ИЗ САМАРЫ В ПЕТЕРБУРГ

Владимир Ильич переехал из Самары в Петербург осенью 1893 года с целью взяться за революционную работу. Окончательные экзамены при университете были им сданы еще в 1891 году. Самара не могла дать простора его деятельности, она давала слишком мало пищи его уму. Теоретическое изучение марксизма, которое он мог взять и в Самаре, было уж взято им¹.

Почему же не уехал он с осени 1892 года, когда уже окончил университетский курс, зачем сидел еще год в Самаре?

На этот вопрос я могу ответить: сидел для матери.

...Каким большим авторитетом, какой горячей любовью пользовалась и с его стороны, как и со стороны всех нас, наша мать. Той твердости, с которой она переносила свои тяжелые несчастья, удивлялись все, кто ее знал,— тем более чувствовали это дети. Несчастье с потерей старшего брата было из ряда вон выходящим, и все же оно не подавило ее, она выказала так много силы воли, что, скрывая, по возможности, свои слезы и тоску, заботилась, как прежде, еще больше, чем прежде, о детях, потому что после смерти мужа ей одной приходилось заботиться о них.

Она старалась, по мере возможности, не омрачать их молодую жизнь, давать им строить свое будущее, свое счастье... И она понимала их революционные стремления.

Эти заботы были так удивительны, пример, который она показывала детям, был так прекрасен, что и им хотелось еще больше, чем прежде, скрасить ей жизнь, облегчать ее горе. А в год окончания Владимиром Ильичем университета над семьей стряслось новое несчастье: умерла в Петербурге от брюшного тифа его сестра Ольга. Владимир Ильич приехал как раз тогда, весной, для сдачи первой половины своих экзаменов. Ему пришлось отвезти сестру

¹ Далее в рукописи следует:

«Он начал изучать русскую действительность, прилагая к ней метод Маркса; он написал частью разбор сочинений народников, который вошел потом в его работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», в эту работу, в которой, как правильно указывали, заключается уже в основном все его позднейшее учение. И городскую самарскую библиотеку — библиотеку для провинциального города хорошую — он во всем для себя существенном уже использовал». *Ред.*

в больницу (попала, к несчастью, в очень плохую), потом, когда ей стало плохо, вызвать телеграммой мать. Владимир Ильич был один с матерью в первые, самые тяжелые, дни. Он привез ее домой в Самару. Он видел, как и при этом новом ударе проявилось ее мужество, ее чуткость к другим прежде всего.

Стараясь преодолеть свое горе, мать все же, конечно, сильно страдала. Ольга была прекрасная, с выдающимися способностями и большой энергией девушка.

Осенью 1890 года она поехала в Петербург на Высшие женские курсы. Ни в Казани, ни тем более в Самаре высшего женского заведения не было, а она страстно рвалась к учению. На курсах она выделилась в первый же год своими знаниями, своей работоспособностью, и подруги ее — З. П. Невзорова-Кржижановская, Торгонская, покойная А. А. Якубова — говорили о ней как о выдающейся девушке, бывшей центром их курса. Со всем неясным или непонятным подруги шли к ней, и она повредила себе тем, что, уже больная, объясняла им по химии и другим предметам к начавшимся экзаменам. Она искала также путей и для общественной работы, и из нее вышла бы, несомненно, выдающаяся и преданная революционерка. После ее потери одно могло облегчить несколько горе матери: близость к ней остальных детей. И Володя остался еще на год дома, в Самаре.

Но к концу этой последней зимы он уже иногда порядочно скучал, стремясь к более оживленному центру, к простору для революционной работы: Самара в те годы была как бы только станцией из Сибири, из настоящей ссылки, в центры умственной жизни, которыми были столицы и университетские города.

Остался у меня в памяти разговор с Володией о появившейся в ту зиму в одном из журналов новой повести А. Чехова «Палата № 6». Говоря о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведенном им, — Володя вообще любил Чехова, — он определил всего лучше это впечатление следующими словами: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6». Это было поздно вечером, все разошлись по своим углам или уже спали. Перемолвиться ему было не с кем.

Эти слова Володи приоткрыли мне завесу над его душевным состоянием: для него Самара стала уже такой «Палатой № 6», он рвался из нее почти так же, как несчастный больной Чехова. И он твердо решил, что уедет из нее следующей же осенью. Но ему не захотелось основаться в Москве, куда направилась вся наша семья вместе с поступающим в Московский университет меньшим братом Митей. Он решил поселиться в более живом, умственном и революционном таком центре — Питере. Москву питерцы называли тогда большой деревней, в ней в те годы было еще много провинциального, а Володя был уже сыт, по горло сыт провинцией. Да, вероятно, его намерение искать связи среди рабочих, взяться

вплотную за революционную работу заставляло его также предпочитать поселиться самостоятельно, не в семье, остальных членов которой он мог бы компрометировать.

Поздней осенью, устроившись в Москве, мы с матерью ездили в Питер навестить Володю. У матери была при этом специальная цель: купить ему зимнее пальто. Володя был всегда очень непрактичен в житейских обыденных вещах — он не умел и не любил покупать себе что-нибудь, и обычно и позже эту задачу брали на себя мать или я. В этом он напоминал всецело отца, которому мать заказывала всегда костюмы, выбирала материал для них и который, как и Володя, был чрезвычайно безразличен к тому, что надеть, привыкал к вещам и по своей инициативе никогда, кажется, не сменил бы их. Володя и в этом, как и во многом другом, был весь в отца.

2. НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА И СВЯЗИ

Знакомства по приезду в Петербург Владимир Ильич стал заводить понемногу, осмотрительно: он знал, что правительство смотрело на него предубежденно, как на брата Александра Ильича, он видел, как часто за неосторожную болтовню влетала молодежь, не успев ничего сделать. Всякая болтовня и фраза были чужды ему: он хотел нести свои знания, свою работу в тот слой, который — он знал — совершит революцию, в слой рабочих. Он искал знакомства с людьми, которые разделяли его взгляды, которые считали, что революцию можно ждать не от крестьянства, якобы социалистически настроенного, якобы разделявшего коммунистические верования и навыки предков, и не от представителей интеллигенции — самоотверженных, готовых идти на смерть, но одиноких. Он искал таких, которые знали твердо, как и он, что революция в России будет произведена рабочим классом или ее не будет вовсе (слова Плеханова). Таких людей, социал-демократов, было тогда меньшинство. Большинство революционно настроенных образованных людей придерживались народнических и народовольческих взглядов, но так как организация была уже разрушена, дела никакого не было, то активно мало кто проявлялся, а было больше разговоров, шумихи. От этой интеллигентской болтовни и старался держаться подальше Владимир Ильич. Полиция, власти считали тогда тоже опаснее представителей народовольчества, идущих на насилие, несущих смерть для других и ставящих на карту и свою жизнь. По сравнению с ними социал-демократы, ставящие себе целью мирную пропаганду среди рабочих, казались мало опасными. «Маленькая кучка, да когда-то что будет — через пятьдесят лет», — говорил о них директор департамента полиции Зволянский.

Таково же приблизительно было воззрение на социал-демократов и в обществе. Если такой руководитель умов того времени,

как Михайловский, настолько не понимал взглядов Маркса, что не видел — или затушевывал — революционное значение их, то чего же можно было ожидать от широких слоев. Маркса почти никто не читал, представление о социал-демократах имелось, главным образом, по легальной парламентской деятельности их в Германии. В России парламентом в то время и не пахло, поэтому нетерпеливой, рвущейся к революционной работе молодежи казалось, что русские социал-демократы просто избирают себе спокойный удел: почитывая Маркса, дожидаться, когда заря свободы взойдет над Россией. Им казалось, что объективизм Маркса прикрывал тут попросту вялость, старческую рассудочность в лучшем смысле, а в худшем — шкурнические интересы. Так смотрели на русских учеников Маркса авторитетные для молодежи старые революционеры, возвращавшиеся с каторги и ссылки. Их молодость была горячим и дерзким порывом борьбы со всемогущим самодержавием, они, направляясь в народ, забрасывали книжки, плевали на дипломы... И они с тоской и непониманием взирали на новую, какую-то не по-юному солидную молодежь, которая считала возможным обкладывать себя толстыми томами научных книг в то время, как ничто не сдвинулось еще в устоях самодержавия и положение народа было плачевным по-прежнему. Они видели в этом какую-то холодность. Они готовы были применить к этой молодежи слова Некрасова:

Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой.
Ему нет горше укоризны...

Каждое время выставляет свои требования, и обычно бывает, что представители старого поколения плохо понимают идеалы и стремления молодого, начавшего мыслить при изменившихся общественных условиях. А если политические условия остались в России прежние, то экономические начали сильно меняться: капитализм захватывал все большие области, все несомненное становилось, что ход развития пойдет у нас так же, как на Западе, что вожаком революции будет и у нас, как и там, пролетариат. А сторонникам старых, народнических воззрений, не понимавшим, что дело тут не в чем-то безразличии и не в чьей-то злой воле, что таков ход развития и против него никаким самым самоотверженным порывом ничего не поделаешь, казалось, что марксисты, слепо идя по пути Запада, хотят выварить всех крестьян в фабричном котле. Крестьянам же, по их убеждению, были присущи коммунистические взгляды, с которыми они могли бы миновать тяжелый путь через капитализм, несущий, особенно в первой своей стадии, неисчислимые бедствия и страдания для народа. «Лучше бы без капитализма», — говорили они устами В. В. (Воронцова), Южакова и других народников и старались найти доказательства, что это «лучше бы» возможно. Они негодовали на марксистов, как негодует человек, не понимающий необходимости какой-либо

операции, на холодность и сухость врача, спокойно подвергающего больного всем связанным с нею страданиям, не пытаюсь обойтись «лучше» без них.

Это добренькое «лучше без капитализма» Владимир Ильич высмеивал очень ядовито и в устных своих выступлениях в тот период, и в первых своих работах, посвященных главным образом критике народничества. Отсылаем читателя к упомянутому уже нами сочинению его «Что такое «друзья народа»...», которое дает наилучшее представление о взглядах Ильича в тот период и которое в перепечатанных тогда на mimeографе тетрадках зачитывалось до дыр молодежи.

Еще раньше, чем тетрадки эти появились, — зимой 1893 года — Владимир Ильич выступал против народников в Москве. Это было во время рождественских каникул, когда он приехал побывать к нам. На праздниках устраивались обычно вечеринки. Так и тут на одной вечеринке с разговорами в студенческой квартире выступил против народников Владимир Ильич. Ему пришлось здесь сцепиться главным образом с известным писателем-народником В. В. (Воронцовым) ¹. Не встречаясь с В. В. лично, Владимир Ильич не знал, против кого он выступает, и потом даже рассердился на знакомую ², приведшую его на эту вечеринку, что она не сказала ему, кто его противник. Выступал он со свойственной ему великолепной смелостью, во всеоружии своих знаний и со всей силой убеждения, сосредоточив на себе весь интерес вечеринки. Сторонникам противной стороны дерзость неизвестного молодого человека казалась чрезмерной; вся марксистски настроенная молодежь была страшно рада неожиданной поддержке и жалея, что, отчитав В. В., незнакомец быстро ускользнул с вечеринки. А Владимир Ильич ругал себя потом, что, раззадоренный авторитетностью, с которой В. В. высказывал свои устарелые взгляды, дал вызвать себя на обличения в неконспиративной обстановке. Но сошла эта вечеринка благополучно: на праздниках и полиция в Москве любила поспрашивать, а потом имени Ильича никто не знал, его называли «петербуржец». Значение же его выступления для московской молодежи было большое: оно разъяснило молодым марксистам многое, оно дало им опору, толкнуло их вперед.

И в Питере в ту зиму у Владимира Ильича было мало знакомств. Он сошелся с кружком технологов, группировавшихся

¹ О вечеринке, состоявшейся 9(21) января 1894 г., и выступлении В. И. Ленина в донесении московского охранного отделения в департамент полиции от 20 января (1 февраля) 1894 г. говорилось: «Присутствовавший на вечере известный обснователь теории народничества писатель В. В. (врач Василий Павлов Воронцов) вынудил своей аргументацией Давыдова замолчать, так что защиту взглядов последнего принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту защиту с полным знанием дела» (Красный архив, 1934, № 1(62), с. 76). *Ред.*

² М. П. Ясневу-Голубеву. *Прим. автора.*

вокруг братьев Красиных¹, с которыми связался через Нижний Новгород, затем познакомился с несколькими сознательными и активными рабочими, как Бабушкин (расстрелянный после революции 1905 года в Сибири²) и В. А. Шелгунов, давно уже ослепший, который и теперь выступает в Москве со своими воспоминаниями³. Он познакомился с некоторыми легальными литераторами-марксистами, как с П. Б. Струве, А. Н. Потресовым, с которыми его сближала общая борьба против народников. Потресов, впрочем, был его ближайшим товарищем и позднее, по работе в «Искре», вплоть до раскола на II съезде в 1903 году. Но, направляя вместе со Струве удары против народников, Владимир Ильич раньше других почувствовал в нем чуждые струнки нерволюционера, не делающего всех выводов из учения Маркса, остававшегося на чисто легальном, профессорском, буржуазном марксизме. Он почуял в нем будущего кадета и тогда же напал горячо на это вредное уклонение в статье под псевдонимом К. Тулин⁴, помещенной в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», изданном Потресовым в 1895 году. Сборнику этому не удалось проскочить через цензуру, как изданной ранее книге Плеханова под псевдонимом Бельтов «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Мудреное заглавие спасло книгу Плеханова, содержащую ярые нападки на народников и определенно высказывавшую точку зрения революционных марксистов. А сборник «Материалов», несмотря на несколько сухих, кишаших цифирью статей, влетел за статью Тулина и был сожжен. Удалось спасти только несколько экземпляров, и немногие поэтому прочли тогда статью Владимира Ильича.

Таким образом, цензура быстро разобрала разницу между марксизмом революционным — социал-демократией — и марксизмом легальным. Стали понимать эту разницу и кое-кто из народников-революционеров, стали замечать, что собственно их противники социал-демократы также революционеры и что нельзя валить их в одну кучу с «легальными марксистами», которые, устанавливая факт, что Россия «идет на выучку к капитализму» (эпиграф к книге Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России»), никакого вывода в смысле необходимости борьбы с существующим строем из этого не делают. Кое-кто из молодых народовольцев, не признававших значения нашей об-

¹ Герман и Леонид Борисовичи. Последний — видный нелегальный работник под кличкой Никитич. При Советской власти — нарком внешней торговли и полпред сначала во Франции, затем в Англии. Умер осенью 1926 г. *Прим. автора.*

² См. статью-некролог «Иван Васильевич Бабушкин» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 20, с. 79—83). *Ред.*

³ В. А. Шелгунов умер в 1939 г. *Ред.*

⁴ Речь идет о статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 1, с. 347—534). *Ред.*

щины... стали подходить ближе к социал-демократам, убеждаясь, что они не только не против политической борьбы, а выставляют ее на своем знамени. Так, народовольцы, имевшие свою типографию в Петербурге (Лахтинская типография), сами предложили социал-демократам печатать их листовки и брошюры, считая, что разница между двумя направлениями лишь в том, что социал-демократы обращаются к рабочим, а не к другим классам общества, но что направление их также революционное. В Лахтинской типографии были напечатаны многие листовки Владимира Ильича и его брошюра «О штрафах»¹; вторая, «О стачках», была забрана там при аресте типографии и погнбла.

Но это было уже позднее. Лето 1894 года — после первой зимы в Петербурге — Владимир Ильич проводил с нами под Москвой, в Кузьминках, неподалеку от станции Люблино Курской железной дороги. Жил довольно уединенно и много занимался. Для отдыха гулял с меньшим братом и сестрой по окрестностям и заложил в них основы социал-демократического учения. Из московских социал-демократов виделся с Мицкевичем, с которым познакомился еще раньше в Нижнем Новгороде, с Ганшиным и братьями Масленниковыми. Эти товарищи взялись печатать его тетрадки «Что такое «друзья народа»...», которые появились осенью 1894 года в Москве и Петербурге, размноженные на миеографе².

Помню, что не успела прочесть его тетрадку о Михайловском в рукописи и разыскивала ее потом в Москве.

Это было не так-то легко, потому что выступление Михайловского против социал-демократов возмутило многих, и в Москве ходило несколько рукописных или доморожденно напечатанных ответов ему. Легально ответы эти напечатаны быть не могли, это и возмущало против Михайловского, что он нападает и клевет на людей, которым зажат рот. Мне стали рассказывать о двух-трех ответах и, характеризуя их, заявили: «Один более основательный, только выражения очень уже недопустимые». — «А какие, например?» — спросила я с живостью. «Да, например, Михайловский сел в лужу». — «Вот этот, пожалуйста, мне и достаньте», — заявила я, решив совершенно определенно, что этот и должен был принадлежать перу Володи. И потом мы смеялись с ним относительно того признака, по которому я безошибочно определила его работу.

3. БОРЬБА С «ЭКОНОМИСТАМИ»

Кроме народников и «легальных марксистов», Владимиру Ильичу пришлось сражаться еще с так называемыми «экономистами». Это было направление, отрицавшее необходимость политической

¹ См.: *Ленин В. И.* Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах. — Полн. собр. соч., т. 2, с. 15—60. *Ред.*

² Первый выпуск указанной работы был издан в июне, второй и третий — в августе и сентябре 1894 г. *Ред.*

борьбы со стороны рабочих и агитацию за такую в рабочих массах. Вытекало оно из здорового и естественного стремления подходить к рабочим, политически совершенно неразвитым, сохранившим еще в массе веру в царя, с точки зрения их повседневных нужд и требований. Дело шло о первых шагах в этих массах, которые надо было пробудить, в которых надо было развить стремление к защите своего достоинства, сознание, что спасения можно искать только в объединении, в сплочении, и содействовать этому сплочению. А объединить можно было только на непосредственных, наглядных нуждах — прежде всего на протесте против притеснения со стороны хозяев. Так, призыв восстать против непомерно удлиняющегося рабочего времени, сокращаемого с помощью разных мошенничеств заработка, призыв требовать кипятка в обеденное время, более раннего окончания работы в субботу для того, чтобы пользоваться баней, отмены несправедливых штрафов, удаления грубых, зазнавшихся мастеров и т. п. был понятен самым серым, неразвитым рабочим.

Сплочаясь на таких обыденных нуждах, они научались бороться вместе, дружно, стойко, защищать общие интересы, а удача в этой борьбе давала им чувствовать свою силу и объединяла еще более. Удача первых стачек — а чем мельче и справедливее были выставленные требования, тем легче они удовлетворялись — окрыляла и толкала вперед сильнее всякой агитации. Добытые улучшения в положении давали больше досуга и возможности читать, развиваться дальше. Поэтому все социал-демократы, шедшие к рабочим массам, начинали агитацию с экономических нужд. И листовки Владимира Ильича указывали на самые насущные требования рабочих того или иного завода или фабрики, производя этим большое впечатление. В случае несогласия хозяев удовлетворить мирным путем требования рабочих, рекомендовалось прибегнуть к стачке. Успех стачки в одном предприятии побуждал к этому методу борьбы и другие¹.

То время было временем перехода от занятий в небольших кружках — пропаганды, к работе в массах — агитации. И Владимир Ильич был одним из тех, кто стоял за такой переход. Разница между пропагандой и агитацией определялась, пожалуй, лучше всего словами Плеханова: «Пропаганда дает много идей небольшому кругу лиц, а агитация — одну идею массам».

Но если первый подход к совершенно неразвитым рабочим должен был по необходимости идти от ближайших экономических нужд, то никто не говорил с самого начала определеннее Влади-

¹ А. И. Ульянова-Елизарова в своей книге «Воспоминания об Ильиче» (М., 1926, с. 42—43) пишет: «Авторитет тех неведомых защитников, которые выпускали эти листовки, уча рабочих бороться, возрастал до огромных размеров, и позднее, когда Владимир Ильич был уже арестован, а организованный им союз назывался «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», рабочие разных производств обращались к нему с просьбой листовок, заявляя: «Почему нас союз забыл?» Ред.

мира Ильича, что это должно быть лишь начальной ступенью, что политическое сознание должно развиваться с первых же бесед и с первых листков. Помню разговор с ним об этом поздней осенью 1895 года, незадолго до его ареста, когда я приехала опять к нему в Петербург.

«Как подходить с разговорами о политике к серым рабочим, для которых царь — второй бог, которые и листки с экономическими требованиями берут еще со страхом и оглядкой? Не оттолкнуть бы их только этим», — говорила я, имея в виду еще более серых московских рабочих.

Владимир Ильич указывал мне тогда, что все дело в подходе.

«Конечно, если сразу говорить против царя и существующего строя, то это только оттолкнет рабочих. Но ведь «политикой» переплетена вся повседневная жизнь. Грубость и самодурство урядников, пристава, жандарма и их вмешательство при всяком несогласии с хозяином обязательно в интересах последнего, отношение к стачкам всех власть имущих — все это быстро показывает, на чьей они стороне. Надо только всякий раз отмечать это в листках, в статьях, указывать на роль местного урядника или жандарма, а там уже постепенно направляемая в эту сторону мысль пойдет дальше. Важно только с самого начала подчеркивать это, не давать развиваться иллюзии, что одной борьбой с фабрикантами можно добиться чего-нибудь». «Вот например, — говорил Владимир Ильич, — вышел новый закон о рабочих (не помню сейчас точно, чего он касался. — А. Е.), его следует разъяснить, показать, насколько тут делается что-либо для рабочих и насколько — для фабрикантов. И вот в газете, которую мы выпускаем, мы помещаем передовицей статью «О чем думают наши министры?»¹, которая покажет рабочим, что такое наше законодательство, чьи интересы оно защищает. Мы намеренно говорим о министрах, а не о царе. Но эта статья будет политической, и такой должна быть обязательно передовица каждого номера, чтобы газета воспитывала политическое сознание рабочих». Статья эта, принадлежащая перу Владимира Ильича, входила, действительно, в первый номер «Рабочей газеты», не увидевший тогда света, забранный, как известно, при аресте Володи с товарищами 9 декабря 1895 года. Я читала ее, как и другой материал для первого номера «Рабочей газеты», подготовлявшегося тогда. Выпуск номера на mimeографе был делом громоздким и подготовлялся задолго. Помню, как ядовито был поддет в этой статье министр и какой она была популярной и боевой.

Говорю об этом так подробно, чтобы указать, насколько неправы были многие, клонившиеся тогда к «экономизму» люди, которые оправдывались позже тем, что и Владимир Ильич писал в то время листовки на экономические темы. Арест номера газеты с политической передовицей в рукописи и последовавшее затем изъяс-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 75—80. Ред.

тие Владимира Ильича на 4 с лишком года давали некоторую почву для таких оправданий, хотя и при кратковременном пребывании на воле перед ссылкой, да из тюрьмы и из ссылки Владимир Ильич проявлялся в этом отношении достаточно определенно, чтобы можно было не валить на него обвинения в «экономизме». Достаточно напомнить хотя бы его протест из ссылки против кусковского «Кредо»¹.

Это ярко-политическое направление было присуще Ильичу с самого начала, оно вытекало из правильно понятого учения Маркса, оно находилось также в соответствии со взглядами родоначальницы русской социал-демократии — группы «Освобождение труда», собственно ее основателя — Плеханова. Владимир Ильич хорошо знал его взгляды по его литературным работам, а кроме того, летом 1895 года, когда ездил за границу, и лично познакомился с ним. Официальной целью было отдохнуть и полечиться после воспаления легких, а неофициальной — завязать сношения с группой «Освобождение труда».

Владимир Ильич был очень доволен своей поездкой, и она имела для него большое значение. Плеханов пользовался всегда большим авторитетом в его глазах; с Аксельродом он очень сошелся тогда; он рассказывал по возвращении, что отношения с Плехановым установились хотя и хорошие, но довольно далекие, с Аксельродом же совсем близкие, дружественные. Мнением обоих Владимир Ильич очень дорожил. Позднее, из ссылки, он послал им для напечатания свою брошюру «Задачи социал-демократов в России»². И когда я передала ему хвалебный отзыв о ней стариков, он написал мне: «Их (стариков) одобрительный отзыв о моих работах — это самое ценное, что я могу себе представить». И после свидания с ними он еще определеннее и энергичнее вступил на путь организации политической партии социал-демократов в России.

По возвращении из-за границы Владимир Ильич был у нас в Москве и много рассказывал о своей поездке и беседах, был особенно довольный, оживленный, я бы сказала даже — сияющий. Последнее происходило главным образом от удачи на границе с провозом нелегальной литературы.

Зная, что на него, вследствие его семейного положения, смотрят особенно строго, Владимир Ильич не намеревался везти с собой что-нибудь недозволенное, но за границей не выдержал, искушение было слишком сильно, и он взял чемодан с двойным дном. Это был обычный в то время способ перевозить нелегальную литературу; она укладывалась между двумя днами. Работа производилась в заграничных мастерских чисто и аккуратно, но способ

¹ Изложение своих убеждений. *Прим. автора.* (См.: Ленин В. И. Протест российских социал-демократов.— Полн. собр. соч., т. 4, с. 163—176). *Ред.*

² См.: Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 433—470. *Ред.*

этот был все же очень известен полиции, — вся надежда была на то, что не станут же исследовать каждый чемодан. Но вот при таможенном осмотре чемодан Владимира Ильича был перевернут вверх дном и по дну, кроме того, прищелкнули. Зная, что опытные пограничные чиновники определяют таким образом наличие второго дна, Владимир Ильич решил, как рассказывал нам, что влетел. Тот факт, что его благополучно отпустили и он сдал чемодан в Питере, где последний был также благополучно распотрошен, привел его в великолепное настроение, с которым он и приехал к нам в Москву.

4. СЛЕЖКА И АРЕСТ

Вполне возможно, конечно, что Владимир Ильич не ошибся, что скрытое содержание было действительно обнаружено, но, как это практиковалось, влетевший не арестовывался сразу, чтобы проследить целый ряд лиц, принимавших литературу, распространявших ее, и создать таким образом большое дело¹.

К осени 1895 года за Владимиром Ильичем сильно следили. Он говорил мне об этом в упомянутый мной приезд к нему поздней осенью этого года. Он говорил, чтобы, в случае его ареста, не пускать в Питер мать, для которой хождение в разные учреждения с хлопотами о нем было особенно тягостно, так как было связано с воспоминаниями о таком же хождении для старшего сына. В тот приезд познакомилась я у брата с В. А. Шелгуновым, тогда еще молодым, здоровым рабочим.

Рассказывал Владимир Ильич мне несколько случаев о том, как он удирал от шпиков. Зрение у него было хорошее, ноги проворные, и рассказы его, которые он передавал очень живо, с веселым хохотом, были, помню, очень забавны. Запомнился мне особенно один случай. Шпион настойчиво преследовал Владимира Ильича, который никак не хотел привести его на квартиру, куда отправлялся, а отделаться тоже никак не мог. Выслеживая этого нежеланного спутника, Ильич обнаружил его в глубоких воротах питерского дома. Тогда, быстро миновав ворота, он вбежал в подъезд того же дома и наблюдал оттуда с удовольствием, как заметался выскочивший из своей засады и потерявший его преследователь.

«Я уселся, — передавал он, — на кресло швейцара, откуда меня не было видно, а через стекло я мог все наблюдать, и потешался, глядя на его затруднительное положение; а какой-то спускавшийся с лестницы человек с удивлением посмотрел на сидящего в кресле швейцара и покатывавшегося со смеха субьекта».

¹ А. И. Ульянова-Елизарова в своей книге «Воспоминания об Ильиче» (с. 47—48) пишет: «И после ареста через 3—4 месяца Владимир Ильич был очень озабочен этой уликой, и в первых наших с ним сношениях из тюрьмы чемодан играл большую роль, на него намекали и на первом допросе, но, очевидно, концы с этим были спрятаны удачно, и это «преступление» потонуло в других, более определенно доказанных». *Ред.*

Но если при ловкости и удавалось уходить иногда от преследований, то все же полиция, дворники (которые были тогда домовой полицией) и стаи шпионов были сильнее. И они выследили наконец Владимира Ильича и его товарищей, которым приходилось маленькой кучкой исполнять множество различных неразрешенных дел: встречаться на конспиративных собраниях, куда очень мудрено было не привести никому шпика, посещать рабочие квартиры, которые были приметны и за которыми следили, добывать и передавать нелегальную литературу, писать, перепечатывать и раздавать листки и т. п. Разделения труда было мало, ибо и работников было мало, и каждый поэтому быстро привлекал внимание полиции. А затем, кроме уличных ищеек, были еще провокаторы, втиравшиеся под видом «своих» в кружки; таков был в то время зубной врач Михайлов, входивший хотя не в тот кружок, где работал Владимир Ильич, но имевший сведения и о других кружках. Насаждались такие провокаторы и в рабочих кружках, а, кроме того, тогдашние рабочие были наивны и легко попадались на удочку. При нелегальной работе люди «жили» в то время недолго: лишь с осени 1895 года стала она разворачиваться, а 9 декабря Владимир Ильич и большая часть его товарищей были «изъяты».

И вот первый период деятельности Владимира Ильича закончился дверями тюрьмы. Но за эти 2¹/₂ года был пройден большой этап как им лично, так и нашим социал-демократическим движением. Владимир Ильич за эти годы провел решающие бои с народниками, он выявил вполне определенно свою революционную марксистскую сущность, отмежевавшись от разных уклонений, он завязал связь с заграничной группой основоположников марксизма. Но что еще важнее, он начал практическую работу, он завязал связь с рабочими, он выступил в качестве вождя и организатора партии в те годы, когда считалась еще сомнительной возможность зарождения ее в условиях тогдашней России. И хотя создалась она (I съезд партии¹) уже без него, когда он был в ссылке, но создалась под его давлением и после того, как им была заложена первая политическая организация социал-демократии в Петербурге, был намечен первый политический орган, были проведены первые крупные — на весь Питер и на Москву — стачки.

VI. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ТЮРЬМЕ

Владимир Ильич был арестован измученным нервной сутолокой работы последнего времени и не совсем здоровым. Известная «охранная» карточка 1895 года дает представление о его состоянии.

¹ I съезд РСДРП состоялся 1—3 (13—15) марта 1898 г. в Минске. *Ред.*

После первого допроса он послал к нам в Москву Надежду Константиновну Крупскую с поручением. В зашифрованном письме он просил ее срочно предупредить нас, что на вопрос, где чемодан, привезенный им из-за границы, он сказал, что оставил его у нас, в Москве.

«Пусть купят похожий, покажут на мой... Скорее, а то арестуют». Так звучало его сообщение, которое я хорошо запомнила, так как пришлось с различными предосторожностями покупать и привозить домой чемодан, относительно внешнего вида которого Надежда Константиновна сказала нечто очень неопределенное и который оказался, конечно, совсем непохожим на привезенный из-за границы, с двойным дном. Чтобы чемодан не выглядел прямо с иголочки, новеньким, я взяла его с собой в Петербург, когда поехала с целью навестить брата и узнать о его деле.

В первое время в Петербурге во всех переговорах с товарищами, в обмене шифром с братом и в личных беседах с ним на свиданиях чемодан этот играл такую большую роль, что я отворачивалась на улицах от окон магазинов, где был выставлен этот настолько осатаневший мне предмет: видеть его не могла спокойно. Но хотя на него и намекали на первом допросе, концов с ним найдено не было, и обвинение это, как часто бывало, потонуло в других, относительно которых нашлись более неопровержимые улики.

Так, доказано было сообщество и сношение с целым рядом арестованных одновременно с ним лиц, и у одного из них, Ванеева, был взят рукописный номер нелегальной «Рабочей газеты»; была доказана связь с рабочими в кружках, с которыми — за Невской заставой — Владимир Ильич занимался. Одним словом, доказательств для того, чтобы начать жандармское расследование, было вполне достаточно.

Вторым приехавшим к нам в Москву после ареста брата был Михаил Александрович Сильвин, уцелевший член его кружка; он рассказал о письме, полученном от Владимира Ильича из тюрьмы на имя той знакомой, у которой он столовался¹. В этом первом большом письме из тюрьмы Владимир Ильич развивал план той работы, которой хотел заняться там, — подготовлением материала для намечаемой им книги «Развитие капитализма в России». Серьезный тон длинного письма с приложенным к нему длиннейшим списком научных книг, статистических сборников искусно замаскировал тайные его цели, и письмо дошло беспрепятственно, без всяких помарок. А между тем Владимир Ильич в письме этом ни больше ни меньше как запросил товарищей о том, кто арестован с ним; запросил без всякого предварительного уговора, но так, что товарищи поняли и ответили ему тотчас же, а бдительные аргусы ничего не заподозрили.

«В первом же письме Владимир Ильич запросил нас об арестованных».

¹ Письмо В. И. Ленина было написано 2(14) января 1896 г. и послано на адрес А. К. Чеботаревой (см: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 55, с. 15—17). *Ред.*

стованных,— сказал мне с восхищением Сильвин,— и мы ответили ему».

К сожалению, уцелела только первая часть письма, приложенного к ней списка книг нет: очевидно, он застрял и затерялся в процессе розыска их. Большая часть перечисленных книг была действительно нужна Владимиру Ильичу для его работы, так что письмо метило в двух зайцев и, в противовес известной половице, попало в обоих. Я могу только восстановить по памяти некоторые из тех заглавий, которыми Владимир Ильич, искусно вплетая их в свой список, запросил об участии товарищей. Эти заглавия сопровождалось вопросительным знаком, которым автор обозначал якобы неточность цитируемого на память названия книги и который в действительности отмечал, что в данном случае он не книгу просит, а запрашивает. Запрашивал он, пользуясь кличками товарищей. Некоторые из них очень подходили к характеру нужных ему книг, и запрос не мог обратить внимания. Так, о Василии Васильевиче Старкове он запросил: «В. В. Судьбы капитализма в России». Старков звался «Ве́ве». О нижегородцах — Ване́еве и Сильвине, носивших клички Минин и Пожарский, запрос должен уже был остановить более внимательного контролера писем заключенных, так как книга не относилась к теме предполагавшейся работы,— это был Костомаров «Герои смутного времени». Но все же это была научная историческая книга, и, понятно, требовать, чтобы просматривающие кипы писем досмотрели такое несоответствие, значило бы требовать от них слишком большой дозы пронизательности. Однако же не все клички укладывались так сравнительно удобно в рамки заглавий научных книг, и одной из следующих, перемеженных, конечно, рядом действительно нужных для работы книг была книга Брема «О мелких грызунах». Здесь вопросительный знак запрашивал с несомненностью для товарищей об участии Кржижановского, носившего кличку Суслик. Точно так же по-английски написанное заглавие: Maupе Rid «The Mynoga» — обозначало Надежду Константиновну Крупскую, окрещенную псевдонимом Рыба или Минога. Эти наименования могли как будто остановить внимание цензоров, но серьезный тон письма, уйма перечисленных книг, а кроме того, предусмотрительная фраза, стоящая где-то во втором (потерянном) листке: «Разнообразие книг должно служить коррективом к однообразию обстановки», усыпили их бдительность.

К сожалению, в памяти моей сохранились лишь эти несколько заглавий, по поводу которых мы когда-то немало хохотали. Еще я вспоминаю только «Goutchoul» или «Goutchioule», намеренно сложным французским правописанием написанная фамилия фантастического автора какой-то исторической книги (названия ее уже не помню). Это должно было обозначить Гуцул, то есть Запорожец. Помню еще, что по поводу «Героев смутного времени» Сильвин рассказывал, что они ответили: «В библиотеке имеется

лишь I т. сочинения», то есть арестован лишь Ванеев, а не Сильвин.

Владимир Ильич был посажен в дом предварительного заключения, коротко называвшийся «предварилкой». То была полоса довольно благоприятных условий сидения. Свидания разрешались обычно через месяц после ареста и по два раза в неделю: одно личное, другое общее, за решеткой. Первое в присутствии надзирателя продолжалось полчаса; второе — целый час. При этом надзиратели ходили взад и вперед — один сзади клетки с железной решеткой, в которую вводились заключенные, другой — за спинами посетителей. Ввиду большого галдежа, который стоял в эти дни, и общего утомления, который он должен был вызывать в надзирателях, а также низкого умственного развития их, можно было при некоторых ухищрениях говорить на этих свиданиях почти обо всем. Передачи пищи принимались три раза в неделю, книги — два раза. При этом книги просматривались не жандармами, а чиновниками прокурора суда, помещавшегося в доме рядом, и просмотр этот, при массе приносимых книг, был, вероятно, в большинстве случаев простой формальностью. Книги разрешались к пропуску довольно широко, без больших изъятий; разрешались даже ежемесячные журналы, а потом и еженедельные. Таким образом, отрыва от жизни — одной из самых тяжелых сторон одиночного заключения — не было. Была довольно богата и библиотека «предварилки», составившаяся из разных пожертвований, так что многие товарищи, особенно из рабочих, серьезно пополняли в ней свое образование.

Владимир Ильич, налаживаясь на долгое сидение, ожидая далекой ссылки после него, решил использовать за это время и питерские библиотеки, чтобы собрать материал для намеченной им работы — «Развитие капитализма в России». Он посылал в письмах длинные перечни научных книг, статистических сборников, которые доставались ему из Академии наук, университетской и других библиотек. Я с матерью жила большую часть тюремного заключения Владимира Ильича⁴ в Питере, и мне приходилось таскать ему целые кипы книг, которыми был завален один угол его камеры. Позднее и с этой стороны условия стали более суровы: число книг, выдаваемых заключенному в камеру, было строго и скупно определено. Тогда же Ильич мог не спеша делать выписки из статистических сборников и, кроме того, иметь и другие — научные, беллетристические — книги на русском и иностранном языках.

Обилие передаваемых книг благоприятствовало нашим сношениям посредством их. Владимир Ильич обучил меня еще на воле основам шифрованной переписки, и мы переписывались с ним очень тщательно, ставя малозаметные точки или черточки в буквах и отмечая условным знаком книгу и страницу письма.

Ну и перепортили мы с этой перепиской глаза немало! Но она давала возможность снести, передать что-либо нужное, конспиративное и была поэтому неоцененна. При ней самые толстые

стены и самый строгий начальнический надзор не могли помешать нашим переговорам. Но мы писали, конечно, не только о самом нужном. Я передавала ему известия с воли, то, что неудобно было, при всей маскировке, сказать на свидании. Он давал поручения такого же рода, просил передать что-либо товарищам, завязывал связи с ними, переписку по книгам из тюремной библиотеки; просил передать, к которой доске в клетке, в которую пускали гулять, прилеплена черным хлебом записка для того или другого из них. Он очень заботился о товарищах: писал ободряющие письма тому, кто, как он слышал, нервничал; просил достать тех или иных книг; устроить свидание тем, кто не имел его. Эти заботы брали много времени у него и у нас. Его неистощимое, бодрое настроение и юмор поддерживали дух и у товарищей.

К счастью для Ильича, условия тюремного заключения сложились для него, можно сказать, благоприятно. Конечно, он похудел и, главным образом, пожелтел к концу сидения, но даже желудок его — относительно которого он советовался за границей с одним известным швейцарским специалистом — был за год сидения в тюрьме в лучшем состоянии, чем в предыдущий год на воле. Мать приготавливала и приносила ему три раза в неделю передачи, руководствуясь предписанной ему указанным специалистом диетой; кроме того, он имел платный обед и молоко. Очевидно, сказалась благоприятно и регулярная жизнь этой российской «санатории», жизнь, о которой, конечно, нечего было и думать при нервной беготне нелегальной работы.

Свидания с ним бывали очень содержательны и интересны. Особенно много можно было поболтать на свиданиях за решеткой. Мы говорили намеками, впутывая иностранные названия для таких неудобных слов, как «стачка», «листовка». Наберешь, бывало, новостей и изоощряешься, как передать их. А брат изоощрялся, как передать свое, расспросить. И как весело смеялись мы оба, когда удавалось сообщить или понять что-либо такое запутанное. Вообще наши свидания носили вид беспечной оживленной болтовни, а в действительности мысль была все время напряжена: надо было суметь передать, суметь понять, не забыть всех поручений. Помню, раз мы чересчур увлеклись иностранными терминами, и надзиратель за спиной Владимира Ильича сказал строго:

— На иностранных языках говорить нельзя, только на русском.

— Нельзя, — сказал с живостью, обертываясь к нему, брат, — ну, так я по-русски говорить буду. Итак, скажи ты этому золотому человеку... — продолжал он разговор со мной.

Я со смехом кивнула головой: «золотой человек» должно было обозначать Гольдмана, то есть не велели иностранных слов употреблять, так Володя немецкое по-русски перевел, чтобы нельзя было понять, кого он называет.

Одним словом, Владимир Ильич и в тюрьме проявлял свою всегдашнюю кипучую энергию. Он сумел устроить свою жизнь так,

что весь день был наполнен. Главным образом, конечно, научной работой. Обширный материал для «Развития капитализма» был собран в тюрьме. Владимир Ильич спешил с этим. Раз, когда к концу сидения я сообщила ему, что дело, по слухам, скоро оканчивается, он воскликнул: «Рано, я не успел еще материал весь собрать».

Но и этой большой работы было ему мало. Ему хотелось принять участие в нелегальной, революционной жизни, которая была тогда ключом. Этим летом (1896 года) происходили крупные стачки текстильщиков в Петербурге, перекинувшиеся затем в Москву, стачки, произведшие эпоху в революционном движении пролетариата. Известно, какой переполох создали эти стачки в правительственных кругах, как царь боялся вследствие них вернуться в Питер с юга. В городе все кипело и бурлило. Было чрезвычайно бодрое и подъемное настроение. Год коронации Николая II с его знаменитой Ходынкой¹ отмечен первым пробным выступлением рабочих двух главных центров, как бы первым, зловещим для царизма маршем рабочих ног, еще не политическим, правда, но уже тесно сплоченным и массовым. Более молодым товарищам трудно оценить и представить себе все это теперь, но для нас, после тяжелого гнета 80-х годов, при кротообразном существовании и разговорах по каморкам, стачка эта была громадным событием. Перед нами как бы «распахнулись затворы темницы глухой в даль и блеск лучезарного дня», как бы выступил сквозь дымку грядущего облик того рабочего движения, которым могла и должна была победить революция. И социал-демократия из книжной теории, из далекой утопии каких-то марксистов-буквоедов приобрела плоть и кровь, выступила как жизненная сила и для пролетариата, и для других слоев общества. Какое-то окно открылось в душном и спертom каземате российского самодержавия, и все мы с жадностью вдыхали свежий воздух и чувствовали себя бодрыми и энергичными, как никогда.

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса», как был назван уже после ареста Владимира Ильича основанный им союз, становился все более и более популярным. Предприятия одно за другим обращались к нему с просьбой выпустить и для них листовки. Посылались и жалобы: «Почему нас союз забыл?» Требовались и листовки общего характера, прежде всего первомайские. Товарищи на воле жалели, что их не может писать Владимир Ильич. И ему самому хотелось писать их. Кроме того, у него уже были намечены темы для брошюр, как «О стачках».

Он был занят вопросом программы. И вот он стал пробовать писать в тюрьме и нелегальные вещи. Передавать их шифром

¹ Имеется в виду катастрофа 18 мая 1896 г. на Ходынском поле (Москва) во время массового гулянья по случаю коронации Николая II, когда из-за преступной халатности властей, не обеспечивших порядка, произошла давка, в которой погибло около двух тысяч человек, несколько десятков тысяч людей получили увечья. *Ред.*

было, конечно, невозможно. Надо было применить способ незаметного, проявляемого уже на воле письма. И, вспомнив одну детскую игру, Владимир Ильич стал писать молоком между строк книги, что должно было проявлять нагреванием на лампе. Он изготовлял себе для этого крошечные чернильницы из черного хлеба, с тем чтобы можно было проглотить их, если послышится шорох у двери, подглядывание в волчок. И он рассказывал, смеясь, что один день ему так не повезло, что пришлось проглотить целых шесть чернильниц.

Помню, что Ильич в те годы и перед тюрьмой и после нее любил говорить: «Нет такой хитрости, которой нельзя было бы перехитрить». И в тюрьме он со свойственной ему находчивостью упряжился в этом. Он писал из тюрьмы листовки, написал брошюру «О стачках», которая была забрана при аресте Лахтинской типографии (ее проявляла и переписывала Надежда Константиновна). Затем написал программу партии и довольно подробную «объяснительную записку» к ней, которую переписывала частью я после ареста Надежды Константиновны. Программа эта тоже не увидела света: она была передана мною по окончании А. Н. Потресову и после ареста его была уничтожена кем-то, кому он отдал ее на хранение¹. Кроме работы, ко мне по наследству от Надежды Константиновны перешло конспиративное хранилище нелегальщины — маленький круглый столик, который, по мысли Ильича, был устроен ему одним товарищем-столяром. Нижняя точеная пуговка несколько более, чем обычно, толстой единственной ножки стола отвинчивалась, и в выдолбленное углубление можно было вложить порядочный сверток. Туда к ночи запрыгивала я переписанную часть работы, а подлинник — прогретые на лампе странички — тщательно уничтожала. Столик этот оказал немаловажные услуги: на обысках как у Владимира Ильича, так и у Надежды Константиновны он не был открыт; переписанная последнею часть программы уцелела и была передана мне вместе со столиком матери Надежды Константиновны. Вид его не внушал подозрений, и только позднее, после частого отвертывания пуговки, нарезки стерлись, и она стала отставать.

Сначала Владимир Ильич тщательно уничтожал черновики листовок и других нелегальных сочинений после переписки их молоком, а затем, пользуясь репутацией научно работающего человека, стал оставлять их в листах статистических и иных выписок, нанизанных его бисерным почерком. Да такую, например, вещь, как подробную объяснительную записку к программе, и нельзя было бы уничтожить в черновом виде: в один день ее нельзя

¹ Эта объяснительная записка была также забрана еще в рукописи и долгое время считалась погибшей. Уже после смерти Владимира Ильича был найден один неполный экземпляр ее, напечатанный в ленинском 3-м (26-м) номере «Пролетарской революции» 1924 г. *Прим. автора.* (см.: *Ленин В. И.* Проект и объяснение программы социал-демократической партии.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 81—110. *Ред.*.)

было переписать; и потом Ильич, обдумывая ее, вносил постоянно исправления и дополнения. И вот, раз на свидании он рассказывал мне со свойственным ему юмором, как на очередном обыске в его камере жандармский офицер, перелистав немного изрядную кучу сложенных в углу книг, таблиц и выписок, отделался шуткой: «Слишком жарко сегодня, чтобы статистикой заниматься». Брат говорил мне тогда, что он особенно и не беспокоился: «Не найти бы в такой куче», а потом добавил с хохотом: «Я в лучшем положении, чем другие граждане Российской империи, — меня взять не могут». Он-то смеялся, но я, конечно, беспокоилась, просила его быть осторожнее и указывала, что если взять его не могут, то наказание, конечно, сильно увеличат, если он попадется; что могут и каторгу дать за такую дерзость, как писание нелегальных вещей в тюрьме.

И поэтому я всегда с тревогой ждала возвращения от него книги с химическим посланием. С особенной нервностью дожидалась я возвращения одной книги: помнится, с объяснительной запиской к программе, которая, я знала, вся сплошь была исписана между строк молоком. Я боялась, чтобы при осмотре ее тюремной администрацией не обнаружилось что-нибудь подозрительное, чтобы при долгой задержке буквы не выступили — как бывало иногда, если консистенция молока была слишком густа, — самостоятельно. И, как нарочно, в срок книги мне не были выданы. Все остальные родственники заключенных получили в четверг книги, сданные в тот же день, а мне надзиратель сказал кратко: «Вам нет», в то время как на свидании, с которого я только что вышла, брат заявил, что вернул книги. Эта в первый раз случившаяся задержка заставила меня предположить, что Ильич попался; особенно мрачной показалась и всегда мрачная физиономия надзирателя, выдававшего книги. Конечно, настаивать было нельзя, и я провела мучительные сутки до следующего дня, когда книги, в их числе книга с программой, были вручены мне.

Бывало, что и брат бил тревогу задаром. Зимой 1896 года, после каких-то арестов (чуть ли не после ареста Потресова), я запоздала случайно на свидание, пришла к последней смене, чего обычно не делала; Владимир Ильич решил, что я арестована, и уничтожил какой-то подготовленный им черновик.

Но подобные волнения бывали лишь изредка, по таким исключительным поводам, как новые аресты; вообще же Ильич был поразительно ровен, выдержан и весел на свиданиях и своим заразительным смехом разгонял наше беспокойство.

Все мы — родственники заключенных — не знали, какого приговора ждать. По сравнению с народовольцами социал-демократов наказывали довольно легко. Но последним питерским инцидентом было дело М. И. Бруснева, которое кончилось сурово: 3 года одиночки и 10 лет ссылки в Восточную Сибирь — так гласил приговор главе дела.

Мы очень боялись долгого тюремного сидения, которого не вынесли бы многие, которое во всяком случае сильно подорвало бы здоровье брата. Уже и так к году сидения Запорожец заболел сильным нервным расстройством, оказавшимся затем неизлечимой душевной болезнью; Ванеев худел и кашлял (умер в ссылке, через год после освобождения, от туберкулеза); Кржижановский и остальные тоже более или менее нервничали.

Поэтому приговор к ссылке на три года в Восточную Сибирь был встречен всеми прямо-таки с облегчением.

Он был объявлен в феврале 1897 года. В результате хлопот матери Владимиру Ильичу разрешено было поехать в Сибирь на свой счет, а не по этапу. Это было существенным облегчением, так как кочевка по промежуточным тюрьмам брала много сил и нервов.

Помню, как в день освобождения брата в нашу с матерью комнату прибежала и расцеловала его, смеясь и плача одновременно, тов. Якубова.

И очень ясно запомнилось выразительно просиявшее бледное и худое лицо его, когда он в первый раз забрался на империял конки и кивнул мне оттуда головой.

Он мог разъезжать в конке по питерским улицам, мог повидаться с товарищами, потому что всем освобожденным «декабристам» разрешено было пробыть до отправки три дня в Петербурге, в семьях. Этой небывалой льготы добилась сначала для своего сына мать Ю. О. Цедербаума (Мартова) через какое-то знакомство с директором департамента полиции Зволянским; а затем, раз прецедент создан, глава полиции не счел возможным отказывать другим. В результате все повидались, снялись группой (известный снимок), устроили два вечерних, долго затянувшихся собрания: первое — у Радченко Степана Ивановича и второе — у Цедербаума. Говорили, что полиция спохватилась уже после времени, что дала маху, пустив гулять по Питеру этих социал-демократов, что совсем не такой мирный они народ; рассказывали также, что Зволянскому был нагоняй за это. Как бы то ни было, после этого случая таких льгот «скопом» уже не давалось; если и оставались иногда до высылки, то или люди заведомо больные, или по особой уже протекции. Собрания были встречами «старых» и «молодых». Велись дебаты о тактике. Особенно таким чисто политическим собранием было первое — у Радченко. Второе — у Цедербаума — было более нервное и сутолочное. На первом собрании разгорелась дискуссия между «декабристами» и позднейшими сторонниками «Рабочей мысли».

Владимиру Ильичу было разрешено провести три дня и в Москве, в семье. Повидавшись с товарищами, он решил было заарестоваться в Москве и ехать дальше с ними вместе. Тогда была только что окончена магистраль до Красноярска, и этап представлялся уже не таким тягостным, как раньше: только две тюрьмы — в Москве и Красноярске. И Владимиру Ильичу не

хотелось пользоваться льготой по сравнению с товарищами. Помню, что это очень огорчило мать, для которой разрешение Володи ехать на свой счет было самым большим утешением. После того как ей доказывали, насколько важно добиться поездки на свой счет, после того как ей передавали слова кого-то из старых ссыльных: «Ссылку мог бы повторить, этап — никогда», Владимир Ильич решает отказаться от полученной с трудом льготы и добровольно пойти опять в тюрьму.

Но дело обошлось. «Декабристы», заарестованные в Питере, не прибыли еще к окончанию трех льготных дней в Москву, а между тем засуетившаяся московская охранка поставила вызванного к себе Владимира Ильича перед ультиматумом: или получение проходного свидетельства на завтра или немедленное заарестовывание. Перспектива идти в тюрьму тотчас же, даже не простившись с домашними, и ждать там неопределенное время приезда «своих», — эта конкретная русская действительность, да еще в ее менее причесанной, чем в Питере, в ее московской форме, в этом отпечатке «вотчины» князя Сергея, навалилась на него, на его стремление идти вместе с товарищами. Естественный протест здравого ума против такой бесплодной растраты сил для того, чтобы не отличаться от товарищей, всегда присущее ему сознание необходимости беречь силы для действительной борьбы, а не для проявления рыцарских чувств, одержало верх, и Ильич решил выехать на следующий день. Мы четверо — мать, сестра Мария Ильинична и я с мужем, Марком Тимофеевичем, поехали провожать его до Тулы.

Владимир Ильич пошел в ссылку вождем, признанным многими. Первый съезд партии 1898 года наметил его редактором партийного органа и ему поручил написать программу партии. И наше социал-демократическое движение сделало за эти годы первый, а потому и самый трудный шаг к партийности, к широкой массовой борьбе. Почти все руководители были арестованы, участники I съезда были сметены почти целиком, но основы были заложены. Первый, начальный этап движения был пройден.

VII. ССЫЛКА

Ссылка протекла для Владимира Ильича также в сравнительно благоприятных условиях. По ходатайству матери ему было разрешено, вследствие слабости здоровья, отбывать ее в самой здоровой местности Сибири, в Минусинском уезде. Пунктом ссылки было назначено ему село Шушенское, или, как оно называлось тогда кратко, Шуша. С ним вместе было два или три рабочих-поляка¹. Товарищи по делу были разосланы по другим селам. В худшие

¹ В Шушенском отбывали ссылку участник польского социал-демократического движения И. Л. Проминский с семьей и путиловский рабочий-финн О. А. Энгберг. Подробнее о них см. в воспоминаниях Н. К. Крупской (Воспоминания о В. И. Ленине. В 5-ти т. Изд. 3-е. М., 1984, т. 1, с. 224—225). *Ред.*

условия попал — очевидно как еврей — Ю. О. Цедербаум (позднее Мартов). Он был сослан в самый северный пункт, в Туруханск, отделенный непроходимыми топяными болотами, и был на все время ссылки отрезан от товарищей. Другие же имели возможность встречаться, съезжаться друг к другу на празднования, вроде свадьбы, встречи Нового года и т. п., получать разрешение проехать в Красноярск для лечения, — так, брат ездил туда для лечения зубов. С Мартовым же сношения поддерживались только перепиской, но переписка с ним была зато у Владимира Ильича самой деятельной.

Время Владимира Ильича проходило очень однообразно, за усиленной и напряженной работой. Он за время ссылки написал «Развитие капитализма» (вышла в марте 1899 года) и ряд статей, помещавшихся частью в тогдашнем легальном марксистском журнале «Новое слово» и собранных затем в одну книжечку под заглавием «Экономические этюды и статьи»¹.

Приучивши себя работать регулярно, он не допускал больших перерывов в занятиях даже тогда, когда они обычно считаются неизбежными, например в дороге или в неопределенном, выжидательном положении. Так, он не только в течение того месяца, который провел в Красноярске в ожидании назначения, отправлялся ежедневно заниматься в библиотеку купца Юдина, версты за три от города, но даже те три дня, на которые ему разрешено было остановиться в родной семье, в Москве, ухитрился использовать частично для занятий в Румянцевской библиотеке². Этим он поверг в полное недоумение одного молодого студента, Яковлева, с детства знакомого с нашей семьей, который забежал повидать его перед отъездом в трехлетнюю ссылку...

Переписка с Ильичем шла у меня в те годы все время самая деятельная. В обыкновенных письмах он запрашивал книги, давал поручения, писал о своих литературных работах, о своей жизни, о товарищах; в химических я ему писала о ходе революционной борьбы и работы в России, а он посылал свои статьи для отправки их в питерский «Союз борьбы» или за границу — группе «Освобождение труда» для издания. Так была переправлена им брошюра «Задачи социал-демократов в России», появившаяся за границей с предисловием П. Б. Аксельрода, и ответ на записку тогдашних «экономистов», составленную Кусковой и Прокоповичем и получившую название «Кредо». Вследствие этого ответ известен под именем «Антикредо». С большим жаром выступил в нем Владимир Ильич против этого самого откровенного в то время изложения тех взглядов, что рабочие должны довольствоваться экономической

¹ Первый сборник произведений В. И. Ленина под названием «Экономические этюды и статьи» за подписью «Владимир Ильин» вышел в октябре 1898 г. в Петербурге. *Ред.*

² Ныне Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина. *Ред.*

борьбой, предоставив политическую либералам. Изложение это было сделано, правда, не борющимся отрядом социал-демократов, но людьми, имевшими в то время авторитет среди молодежи. И кроме того, наиболее выпукло выраженные взгляды давали возможность подчеркнуть более решительно, к чему ведут уклоны в «экономизм». Протест этот был зачитан при одной из упомянутых встреч социал-демократов, съехавшихся из разных сел, принят тогда же и отослан как «Ответ 17-ти социал-демократов» — заглавие, под которым он известен в партийной литературе.

В противоположность большинству ссыльных, Владимир Ильич не рвался в более оживленный центр, не стремился к перемене места. На предложение матери похлопотать о его переводе в город (через год или полтора) он писал, что не стоит, что временные наезды в Минусинск или Красноярск, по его мнению, лучше, чем постоянная жизнь там. Очевидно, потому, что жизнь в тихом селе и на одном месте давала больше простора и удобств для занятий, ничто не отвлекало от них, как в более людных колониях, где, кроме того, вынужденное безделье порождало те склоки, которые были самой тягостной стороной ссылки. По поводу одной такой склоки, вызвавшей самоубийство Н. Е. Федосеева в Верхотенске, Владимир Ильич писал мне: «Нет, не желай мне лучше товарищей из интеллигентов: эти склочные истории — самое худшее в ссылке».

Но иногда Владимир Ильич охотно ездил повидаться с товарищами в другое село, верст за 50, за 100 или встречался с ними в Шуше. Такие поездки разрешались тогда для встречи Нового года, празднования свадьбы или именин. При этих съездах на 3—4 дня время проводилось, как писал Ильич, «очень весело»: гуляли, отправлялись на дальние охоты и на купанье летом; катались на коньках и играли в шахматы зимою. Беседовали на разные темы, читали отдельные главы из книги Владимира Ильича или обсуждали различные новые направления в литературе или политике. Так, для осуждения упомянутого «Кредо» товарищи съехались под предлогом празднования рождения дочери Лепешинского¹. Охотно также ездил Владимир Ильич два или три раза за время ссылки в Минусинск и Красноярск под предлогом лечения.

Кроме компании ссыльных, в которой Владимир Ильич откровенно излагал свои взгляды, которым охотно помогал в смысле их развития, указания им литературы, он интересовался и жизнью местных крестьян, из которых некоторые помнят его и до сих пор и послали свои воспоминания о нем. Но с ними он был, понятно, сдержан в разговорах. Тогдашнее крестьянство и российское, не говоря уже о более отдаленном, сибирском, было политически совсем неразвито. Кроме того, в его положении ссыльного, под-

¹ О. П. Лепешинской. *Ред.*

надзорного, было бы не только нецелесообразно, но прямо дико вести пропаганду.

Но Владимир Ильич охотно разговаривал с крестьянами, что давало ему возможность изучать их, выяснять себе их мировоззрение; он давал им и советы во всем, что касалось их местных дел, главным образом юридические. За этими последними крестьяне стали приходить к нему и из округи, их накоплялось иногда довольно много. Об этом рассказывают в своих воспоминаниях крестьяне, а также и Надежда Константиновна. И незаметно на почве этих разговоров, на почве бесед на охоте Владимир Ильич почерпал и из этого пребывания в деревне, как раньше из пребывания в приволжских деревнях, то знание крестьянства, его психологии, которое сослужило ему такую большую службу как во время его революционной работы, так и позднее, у кормила правления¹.

Он умел во время беспритязательной болтовни развязывать языки своим собеседникам, и они выкладывали ему себя как на ладонке.

Таким образом, из ссылки Владимир Ильич поехал не только революционером, имевшим опыт и определенно выкристаллизовавшуюся индивидуальность, которая была уже авторитетом в подполье; не только человеком, выпустившим научный труд, но и укрепившим, в результате трехлетней жизни в самой деревенской гуще, свое знание крестьянства — этого основного слоя населения России...

*Воспоминания о В. И. Ленине. В 5-ти т.
Изд. 3-е. М., 1984, т. 1, с. 32—58*

¹ А. И. Ульянова-Елизарова в своей книге «Воспоминания об Ильиче» (с. 60—61) пишет: «Несмотря на самую большую и самую отвлеченную научную работу и наряду с ней Владимир Ильич никогда не отрывался от жизни, ее непосредственного пульса, а умел как будто бы за болтовней почерпать знания практические. В этом кроме его выдающихся способностей и прозорливости была его сила». *Ред.*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНИНЕ

В ПИТЕРЕ
1893—1898 годы

Владимир Ильич приехал в Питер осенью 1893 года, но я познакомилась с ним не сразу. Слышала я от товарищей, что с Волги приехал какой-то очень знающий марксист, затем мне принесли тетрадку «О рынках», порядком таки зачитанную. В тетрадке были изложены взгляды, с одной стороны, нашего питерского марксиста, технолога Германа Красина, с другой — взгляды приезжего волжанина. Тетрадка была согнута пополам: на одной стороне расстрепанным почерком, с помарками и вставками, излагал свои мысли Г. Б. Красин, на другой — старательно, без помарок, писал свои примечания и возражения приезжий.

Вопрос о рынках тогда очень интересовал всех нас, молодых марксистов.

В питерских марксистских кружках в это время стало уже откристаллизовываться особое течение. Суть его заключалась в том, что процессы общественного развития представителями этого течения казались чем-то механическим, схематическим. При таком понимании общественного развития отпадала совершенно роль масс, роль пролетариата. Революционная диалектика марксизма выбрасывалась куда-то за борт, оставались мертвые «фазы развития». Конечно, сейчас каждый марксист сумел бы опровергнуть эту «механистическую» точку зрения, но тогда наши питерские марксистские кружки весьма волновались по этому поводу. Мы были еще очень плохо вооружены — многие из нас не знали из Маркса, например, ничего, кроме I тома «Капитала», даже «Коммунистического манифеста» в глаза не видали и лишь инстинктом чувствовали, что эта «механистичность» — прямая противоположность живому марксизму.

Вопрос о рынках стоял в тесной связи с этим общим вопросом понимания марксизма.

Сторонники «механистичности» обычно очень абстрактно подходили к вопросу.

С тех пор прошло больше тридцати лет.

Тетрадка, о которой идет речь, к сожалению, не сохранилась.

Я могу говорить только о том впечатлении, какое она произвела на нас.

Вопрос о рынках в его трактовке приезжим марксистом ставился архиконкретно, связывался с интересами масс, чувствовался

во всем подходе именно живой марксизм, берущий явления в их конкретной обстановке и в их развитии.

Хотелось поближе познакомиться с этим приезжим, узнать поближе его взгляды.

Увидела я Владимира Ильича лишь на масленице. На Охте у инженера Классона, одного из видных питерских марксистов, с которым я года два перед тем была в марксистском кружке, решено было устроить совещание некоторых питерских марксистов с приезжим волжанином¹. Для ради конспирации были устроены блины. На этом свидании кроме Владимира Ильича были: Классон, Я. П. Коробко, Серебровский, Ст. Ив. Радченко и др.; должны были прийти Потресов и Струве, но, кажется, не пришли. Мне запомнился один момент. Речь шла о путях, какими надо идти. Общего языка как-то не находилось. Кто-то сказал — кажется, Шевлягин, — что очень важна вот работа в комитете грамотности. Владимир Ильич засмеялся, и как-то зло и сухо звучал его смех — я потом никогда не слыхала у него такого смеха:

«Ну, что ж, кто хочет спасать отечество в комитете грамотности, что ж, мы не мешаем»².

Надо сказать, что наше поколение подростками еще было свидетелями схватки народовольцев с царизмом, свидетелями того, как либеральное «общество» сначала всячески «сочувствовало», а после разгрома партии «Народная воля» трусливо поджало хвост, боялось всякого шороха, начало проповедь «малых дел».

Злое замечание Владимира Ильича было понятно. Он пришел сговариваться о том, как идти вместе на борьбу, а в ответ услышал призыв распространять брошюры комитета грамотности.

Потом, когда мы близко познакомились, Владимир Ильич рассказал мне однажды, как отнеслось «общество» к аресту его старшего брата. Все знакомые отшатнулись от семьи Ульяновых, перестал бывать даже старичок-учитель, приходивший раньше постоянно играть по вечерам в шахматы. Тогда еще не было железной дороги из Симбирска, матери Владимира Ильича надо было ехать на лошадях до Сызрани, чтобы добраться до Питера, где сидел сын. Владимира Ильича послали искать попутчика — никто не захотел ехать с матерью арестованного.

Эта всеобщая трусость произвела, по словам Владимира Ильича, на него тогда очень сильное впечатление.

Это юношеское переживание, несомненно, наложило печать на отношение Владимира Ильича к «обществу», к либералам. Он рано узнал цену всякой либеральной болтовни.

¹ Совещание происходило в конце февраля 1894 г. *Ред.*

² Н. К. Крупская в своей книге «Воспоминания» (М., 1925, с. 7 (Б-ка «Прожектор», № 2) пишет: «Я сидела в соседней комнате с Коробко и слушала разговор через открытую дверь. Подошел Классон и, взволнованный, пощипывая бороду, сказал: «Ведь это черт знает что он говорит». — «Что же, — ответил Коробко, — он прав, какие мы революционеры». *Ред.*

На «блинах» ни до чего не договорились, конечно. Владимир Ильич говорил мало, больше присматривался к публике. Людям, называвшим себя марксистами, стало неловко под пристальными взорами Владимира Ильича.

Помню, когда мы возвращались, идя вдоль Невы с Охты до-мой, мне впервые рассказали о брате Владимира Ильича, бывшем народовольцем, принимавшем участие в покушении на убийство Александра III в 1887 году и погибшем от руки царских палачей, не достигнув еще совершеннолетия.

Владимир Ильич очень любил брата. У них было много общих вкусов, у обоих была потребность долго оставаться одному, чтобы можно было сосредоточиться. Они жили обычно вместе, одно время в особом флигеле, и, когда заходил к ним кто-либо из многочисленной молодежи — двоюродных братьев или сестер — их было много, у мальчиков была излюбленная фраза: «Осчастливьте своим отсутствием». Оба брата умели упорно работать, оба были революционно настроены. Но сказывалась, вероятно, разница возрастов. Александр Ильич не обо всем говорил с Владимиром Ильичем.

Вот что рассказывал Владимир Ильич.

Брат был естественником. Последнее лето, когда он приезжал домой, он готовился к диссертации о кольчатых червях и все время работал с микроскопом. Чтобы использовать максимум света, он вставал на заре и тотчас же брался за работу. «Нет, не выйдет из брата революционера, подумал я тогда, — рассказывал Владимир Ильич, — революционер не может уделять столько времени исследованию кольчатых червей». Скоро он увидел, как он ошибся.

Судьба брата имела, несомненно, глубокое влияние на Владимира Ильича. Большую роль при этом сыграло то, что Владимир Ильич к этому времени уже о многом самостоятельно думал, решал уже для себя вопрос о необходимости революционной борьбы.

Если бы это было иначе, судьба брата, вероятно, причинила бы ему только глубокое горе или, в лучшем случае, вызвала бы в нем решимость и стремление идти по пути брата. При данных условиях судьба брата обострила лишь работу его мысли, выработала в нем необычайную трезвость, умение глядеть правде в глаза, не давать себя ни на минуту увлечь фразой, иллюзией, выработала в нем величайшую честность в подходе ко всем вопросам.

Осенью 1894 года Владимир Ильич читал в нашем кружке свою работу «Друзья народа»¹. Помню, как всех захватила эта книга. В ней с необыкновенной ясностью была поставлена цель борьбы. «Друзья народа» в отгектографированном виде потом

¹ Имеется в виду книга «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 125—346). *Ред.*

ходили по рукам под кличкой «желтеньких тетрадок». Они были без подписи. Их читали довольно широко, и нет никакого сомнения, что они оказали сильное влияние на тогдашнюю марксистскую молодежь. Когда в 1896 году я была в Полтаве, П. П. Румянцев, бывший в те времена активным социал-демократом, только что вышедшим из тюрьмы, характеризовал «Друзья народа» как наилучшую, наиболее сильную и полную формулировку точки зрения революционной социал-демократии.

Зимой 1894/95 года я познакомилась с Владимиром Ильичем уже довольно близко. Он занимался в рабочих кружках за Невской заставой, я там же четвертый год учительствовала в Смоленской вечерне-воскресной школе и довольно хорошо знала жизнь Шлиссельбургского тракта¹. Целый ряд рабочих из кружков, где занимался Владимир Ильич, были моими учениками по воскресной школе: Бабушкин, Боровков, Грибакин, Бодровы — Арсений и Филипп, Жуков и др. В те времена вечерне-воскресная школа была прекрасным средством широкого знакомства с повседневной жизнью, с условиями труда, настроением рабочей массы. Смоленская школа была на 600 человек, не считая вечерних технических классов и примыкавших к ней школ женской и Обуховской. Надо сказать, что рабочие относились к «учительницам» с безграничным доверием: мрачный сторож громовских лесных складов с просиявшим лицом докладывал учительнице, что у него сын родился; чахоточный текстильщик желал ей за то, что выучила грамоте, удалого жениха; рабочий-сектант, искавший всю жизнь бога, с удовлетворением писал, что только на страстной узнал он от Рудакова (другого ученика школы), что бога вовсе нет, и так легко стало, потому что нет хуже, как быть рабом божьим, — тут тебе податься некуда, рабом человеческим легче быть — тут борьба возможна; напивавшийся каждое воскресенье до потери человеческого облика табачник, так насквозь пропитанный запахом табака, что, когда наклонился к его тетрадке, голова кружилась, писал каракулями, пропуская гласные, что вот нашли на улице трехлетнюю девчонку и живет она у них в артели, надо в полицию отдавать, а жаль; приходил одноногий солдат и рассказывал, что Михайла, который у вас прошлый год грамоте учился, надорвался над работой, помер, а помирая, вас вспоминал, велел поклониться и жить долго приказал; рабочий-текстильщик, горой стоявший за царя и попов, предупреждал, чтобы «того, черного, остерегаться, а то он все на Гороховую шляется»²; пожилой рабочий толковал, что никак он из церковных старост уйти не может, «потому что больно попы народ обдувают и их надо на чистую воду выводить,

¹ Рабочий пригород Петербурга, расположенный за Невской заставой; раньше он назывался Невским, теперь Володарским районом. Через него вдоль Невы проходила большая почтовая дорога (тракт) на Шлиссельбург, вдоль которой и расположено большинство фабрик и заводов этого района. *Прим. автора.*

² На Гороховой помещалось охранное отделение. *Ред.*

а церкви он совсем даже не привержен и насчет фаз развития понимает хорошо» и т. д. и т. п. Рабочие, входившие в организацию, ходили в школу, чтобы приглядываться к народу и намечать, кого можно втянуть в кружки, вовлечь в организацию. Для них учительницы не все уже были на одно лицо, они уж различали, кто из них насколько подготовлен. Если признают, что учительница «своя», дают ей знать о себе какой-нибудь фразой, например при обсуждении вопроса о кустарной промышленности скажут: «Кустарь не может выдержать конкуренции с крупным производством» — или вопрос загнут: «А какая разница между петербургским рабочим и архангельским мужиком?» — и после этого смотрят уж на учительницу особым взглядом и кланяются ей по-особенному: «Наша, мол, знаем».

Что случится на тракту, сейчас же все рассказывали, знали — учительницы передадут в организацию.

Точно молчаливый уговор какой-то был.

Говорить в школе можно было, в сущности, обо всем, несмотря на то что в редком классе не было шпика; надо было только не употреблять страшных слов «царь», «стачка» и т. п., тогда можно было касаться самых основных вопросов. А официально было запрещено говорить о чем бы то ни было: однажды закрыли так называемую повторительную группу за то, что там, как установил нагрянувший инспектор, преподавали десятичные дроби, разрешалось же по программе учить только четырем правилам арифметики.

Я жила в то время на Старо-Невском, в доме с проходным двором, и Владимир Ильич по воскресеньям, возвращаясь с занятий в кружке, обычно заходил ко мне, и у нас начинались бесконечные разговоры. Я была в то время влюблена в школу, и меня можно было хлебом не кормить, лишь бы дать поговорить о школе, об учениках, о Семянниковском заводе, о Торнтоне, Максвеле и других фабриках и заводах Невского тракта. Владимир Ильич интересовался каждой мелочью, рисовавшей быт, жизнь рабочих, по отдельным черточкам старался охватить жизнь рабочего в целом, найти то, за что можно ухватиться, чтобы лучше подойти к рабочему с революционной пропагандой. Большинство интеллигентов того времени плохо знало рабочих. Приходил интеллигент в кружок и читал рабочим как бы лекцию. Долгое время в кружках «проходила» по рукописному переводу книжка Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Владимир Ильич читал с рабочими «Капитал» Маркса, объяснял им его, а вторую часть занятий посвящал вопросам рабочим об их работе, условиях труда и показывал им связь их жизни со всей структурой общества, говоря, как, каким путем можно переломить существующий порядок. Увязка теории и практики — вот что было особенностью работы Владимира Ильича в кружках. Постепенно такой подход стали применять и другие члены нашего кружка. Когда в следующем году появилась виленская гектогра-

фированная брошюра «Об агитации», почва для ведения листковой агитации была уже вполне подготовлена, надо было только приступить к делу. Метод агитации на почве повседневных нужд рабочих в нашей партийной работе пустил глубокие корни. Я поняла вполне всю плодотворность этого метода только гораздо позже, когда жила в эмиграции во Франции и наблюдала, как во время громадной забастовки почтарей в Париже французская социалистическая партия стояла совершенно в стороне и не вмешивалась в эту стачку. Это-де дело профсоюзов. Они считали, что дело партии — только политическая борьба. Необходимость увязки экономической и политической борьбы была им совершенно неясна.

Многие из товарищей, работавших тогда в Питере, видя эффект листковой агитации, в увлечении этой формой работы забыли, что это одна из форм, но не единственная форма работы в массе, и пошли по пути пресловутого «экономизма».

Владимир Ильич никогда не забывал о других формах работы. В 1895 году он пишет брошюру «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах»¹. В этой брошюре Владимир Ильич дал блестящий образец того, как надо было подходить к рабочему-средняку того времени и, исходя из его нужд, шаг за шагом подводить его к вопросу о необходимости политической борьбы. Многим интеллигентам эта брошюра показалась скучной, растянутой, но рабочие зачитывались ею: она была им понятна и близка (брошюра была напечатана в народо-вольческой типографии и распространена среди рабочих). В то время Владимир Ильич внимательно изучал фабричные законы, считая, что, объясняя эти законы, особенно легко выяснить рабочим связь их положения с государственным устройством. Следы этого изучения видны в целом ряде статей и брошюр, написанных в то время Ильичем для рабочих, и в брошюре «Новый фабричный закон»², в статьях «О стачках», «О промышленных судах» и др.³

Хождение по рабочим кружкам не прошло, конечно, даром: началась усиленная слежка. Из всей нашей группы Владимир Ильич лучше всех был подкован по части конспирации: он знал проходные дворы, умел великолепно надуть шпионов, обучал нас, как писать химией в книгах, как писать точками, ставить условные знаки, придумывал всякие клички. Вообще у него чувствовалась хорошая народо-вольческая выучка. Недаром он с таким уважением говорил о старом народо-вольце Михайлове, получившем за свою конспиративную выдержку кличку Дворник. Слежка все росла, и Владимир Ильич настаивал, что должен быть намечен «наследник», за которым нет слежки и которому надо передать все связи. Так как я была наиболее «чистым» человеком, то решено было назначить «наследницей» меня. В первый день пасхи нас

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 15—60. *Ред.*

² См. там же, с. 263—314. *Ред.*

³ См. там же, т. 4, с. 288—298, 274—287. *Ред.*

человек 5—6 поехало «праздновать пасху» в Царское Село к одному из членов нашей группы — Сильвину, который жил там на уроке¹. Ехали в поезде как незнакомые. Чуть не целый день просидели над обсуждением того, какие связи надо сохранить. Владимир Ильич учил шифровать. Почти полкниги исшифровали. Увы, потом я не смогла разобрать этой первой коллективной шифровки. Одно было утешением: к тому времени, когда пришлось расшифровать, громадное большинство «связей» уже провалилось.

Владимир Ильич тщательно собирал эти «связи», выискивая всюду людей, которые могли бы так или иначе пригодиться в революционной работе. Помню, раз по инициативе Владимира Ильича было совещание представителей нашей группы (Владимира Ильича и, кажется, Кржижановского) с группой учительниц воскресной школы². Почти все они потом стали социал-демократами. В числе их была Лидия Михайловна Книпович, старая народоволка, перешедшая через некоторое время к социал-демократам. Старые партийные работники помнят ее. Человек с громадной революционной выдержкой, строгая к себе и другим, прекрасно знавшая людей, прекрасный товарищ, окружавшая любовью, заботой тех, с кем она работала, Лидия сразу оценила во Владимире Ильиче революционера. Она взяла на себя сношения с народвольтческой типографией: договаривалась, передавала рукописи, получала оттуда уже напечатанные брошюры, развозила корзины с ними по своим знакомым, организовала разноску литературы рабочим. Когда она была арестована — по указаниям предателя, наборщика типографии, — было арестовано у разных знакомых Лидии двенадцать корзин с нелегальными брошюрами. Народвольтцы печатали тогда массы брошюры для рабочих: «Рабочий день», «Кто чем живет», брошюру Владимира Ильича «О штрафах», «Царь-голод» и др. Двое из народвольтцев, работавших в Лахтинской типографии, — Шаповалов и Катанская — теперь в рядах Коммунистической партии. Лидии Михайловны нет уж в живых. Она умерла в 1920 году, когда Крым, где она жила последние годы, был под белыми. Умирая, в бреду она рвалась к своим, к коммунистам, умерла с именем дорогой ей партии коммунистов на устах. Из учительниц были, кажется, на этом совещании еще П. Ф. Куделли, А. И. Мещерякова (обе теперь члены партии) и др. За Невской же заставой учительствовала и Александра Михайловна Калмыкова — прекрасная лекторша (помню ее лекции для рабочих о государственном бюджете), имевшая в то время книжный склад на Литейном. С Александрой Михайловной познакомился тогда близко и Владимир Ильич. Струве был ее воспитанником, у нее всегда бывал и Потресов, товарищ Струве по гимназии. Позднее Александра Михайловна содержала на свои деньги ста-

¹ Совещание состоялось 2(14) апреля 1895 г. *Ред.*

² Совещание с группой учительниц воскресной школы состоялось в апреле 1895 г. *Ред.*

рую «Искру», вплоть до II съезда. Она не пошла следом за Струве, когда он перешел к либералам, и решительно связала себя с искровской организацией. Кличка ее была Тетка. Она очень хорошо относилась к Владимиру Ильичу. Теперь она умерла, перед тем два года лежала в санатории в Детском Селе, не вставая. Но к ней приходили иногда дети из соседних детских домов. Она рассказывала им об Ильиче. Она писала мне весной 1924 года, что надо издать особой книжкой статьи Владимира Ильича 17-го года, полные горячей страсти, его горячие призывы, так действовавшие тогда на массы. В 1922 году Владимир Ильич написал Александре Михайловне несколько строк теплого привета, таких, какие только умел он писать. Александра Михайловна была тесно связана с группой «Освобождение труда». Одно время (кажется, в 1899 году), когда Засулич приезжала в Россию, Александра Михайловна устраивала ее нелегально и постоянно с ней видалась¹. Под влиянием начавшего нарастать рабочего движения и под влиянием статей и книг группы «Освобождение труда», под влиянием питерских социал-демократов полевел Потресов, полевел на время и Струве. После ряда предварительных собраний стала нащупываться почва для совместной работы. Задумали сообща издать сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». От нашей группы в редакцию входили: Владимир Ильич, Старков и Степан Ив. Радченко, от них — Струве, Потресов и Классон. Судьба сборника известна. Он был сожжен царской цензурой. Весной 1895 года перед отъездом за границу Владимир Ильич усиленно ходил в Озерной переулок, где жил тогда Потресов, торопясь закончить работу.

Лето 1895 года Владимир Ильич провел за границей², частью прожил в Берлине, где ходил по рабочим собраниям, частью в Швейцарии, где впервые видел Плеханова, Аксельрода, Засулич. Приехал полон впечатлений, захватив из-за границы чемодан с двойным дном, между стенками которого была набита нелегальная литература.

Тотчас же за Владимиром Ильичем началась бешеная слежка: следили за ним, следили за чемоданом. У меня двоюродная сестра служила в то время в адресном столе. Через пару дней после приезда Владимира Ильича она рассказала мне, что ночью, во время ее дежурства, пришел сыщик, перебирал дуги (адреса в адресном столе надевались по алфавиту на дуги) и хвастал: «Выследили, вот, важного государственного преступника Ульянова — брата его повесили, — приехал из-за границы, теперь от нас не уйдет». Зная, что я знаю Владимира Ильича, двоюродная сестра

¹ В. И. Засулич приехала в Россию в конце 1899 г. и пробыла там несколько месяцев. В феврале 1900 г. В. И. Ленин встретился с ней, познакомил с планом издания «Искры» и «Зари» и вел переговоры об участии группы «Освобождение труда» в этих изданиях. *Ред.*

² В. И. Ленин уехал за границу 25 апреля (7 мая) и вернулся 7 (19) сентября 1895 г. *Ред.*

поторопилась сообщить мне об этом. Я, конечно, сейчас же предупредила Владимира Ильича. Нужна была сугубая осторожность. Дело; однако, не ждало. Работа развертывалась. Завели разделение труда, поделив работу по районам. Стали составлять и пускать листки. Помню, что Владимир Ильич составил первый листок к рабочим Семянниковского завода ¹. Тогда у нас не было никакой техники. Листок был переписан от руки печатными буквами, распространялся он Бабушкиным. Из четырех экземпляров два подобрали сторожа, два пошли по рукам. Распространялись листки и по другим районам. Так, на Васильевском острове был составлен листок к работницам табачной фабрики Лаферм. А. А. Якубова и З. П. Невзорова (Кржижановская) прибегли к такому способу распространения: свернули листки в трубочки так, чтобы их можно было удобно брать поодиночке, и пристроив соответственным образом передники, они, как только раздался гудок, пошли быстрым шагом навстречу работницам, валившим гурьбой из ворот фабрики, и почти пробежали мимо, рассовывая недоумевающим работницам в руки листки. Листок имел успех. Листки, брошюры шевелили рабочих. Решено было еще издавать — благо была нелегальная типография — популярный журнал «Рабочее дело» ². Тщательно готовил Владимир Ильич к нему материал. Каждая строчка проходила через его руки. Помню одно собрание у меня на квартире, когда Запорожец с необычайным увлечением рассказывал о материале, который ему удалось собрать на сапожной фабрике за Московской заставой. «За все штраф,— рассказывал он,— каблук на сторону посадишь — сейчас штраф». Владимир Ильич рассмеялся: «Ну, если каблук на сторону посадил, так штраф, пожалуй, и за дело». Материал собирал и проверял Владимир Ильич тщательно. Помню, как собирался, например, материал о фабрике Торнтон. Решено было, что я вызову к себе своего ученика, браковщика фабрики Торнтон — Кроликова, уже выславшегося раньше из Петербурга, и соберу у него по плану, назначенному Владимиром Ильичем, все сведения. Кроликов пришел в какой-то занятой у кого-то шикарной шубе, принес целую тетрадь сведений, которые были им еще устно дополнены. Сведения были очень ценные. Владимир Ильич на них так и накинудся. Потом я с Аполлиной Александровной Якубовой, повязавшись платочками и придав себе вид работниц, сами ходили еще в общежитие фабрики Торнтон, побывали и на холостой половине, и на семейной. Обстановка была ужасающая. Только на основании так собранного материала писал Владимир Ильич корреспонденции и листки. Посмотрите его листок к рабочим и работницам фабрики Торнтон ³. Какое детальное знание дела в нем видно! И какая это

¹ Листок к рабочим Семянниковского завода написан позднее 24 декабря 1894 г. (5 января 1895 г.). Листок не разыскан. *Ред.*

² Речь идет о подготовлявшейся газете «Рабочее дело». *Ред.*

³ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 2, с. 70—74. *Ред.*

школа была для всех работавших тогда товарищей! Вот уж когда учились «вниманию к мелочам». И как глубоко врезывались в сознание эти мелочи.

Наше «Рабочее дело» не увидало света. 8 декабря было у меня на квартире заседание, где окончательно зачитывался уже готовый к печати номер. Он был в двух экземплярах. Один экземпляр взял Ванеев для окончательного просмотра, другой остался у меня. Наутро я пошла к Ванееву за исправленным экземпляром, но прислуга мне сказала, что он накануне съехал с квартиры. Раньше мы условились с Владимиром Ильичем, что я в случае сомнений буду наводить справки у его знакомого — моего сослуживца по Главному управлению железных дорог, где я тогда служила, — Чеботарева. Владимир Ильич там обедал и бывал каждый день. Чеботарева на службе не было. Я зашла к ним. Владимир Ильич на обед не приходил: ясно было, что он арестован. К вечеру выяснилось, что арестованы очень многие из нашей группы. Хранившийся у меня экземпляр «Рабочего дела» я отнесла на хранение к Нине Александровне Герд — моей подруге по гимназии, будущей жене Струве. Чтобы не всадить еще больше арестованных, было решено пока «Рабочее дело» не печатать.

Этот петербургский период работы Владимира Ильича был периодом чрезвычайно важной, но невидной по существу, незаметной работы. Он сам так характеризовал ее. В ней не было внешнего эффекта. Вопрос шел не о геройских подвигах, а о том, как наладить тесную связь с массой, сблизиться с ней, научиться быть выразителем ее лучших стремлений, научиться быть ей близким и понятным и вести ее за собой. Но именно в этот период петербургской работы выковывался из Владимира Ильича вождь рабочей массы.

Когда я пришла в первый раз после ареста нашей публики в школу, Бабушкин отозвал меня в угол под лестницу и там передал мне написанный рабочими листок по поводу ареста. Листок носил чисто политический характер. Бабушкин просил передать листок в технику и доставить им для распространения. До тех пор у нас с ним никогда не было прямой речи о том, что я связана с организацией. Я передала листок нашим. Помню это собрание — было оно на квартире Ст. Ив. Радченко. Собрались все остатки группы. Прочитав листок, Ляховский воскликнул: «Разве можно печатать этот листок — он ведь написан на чисто политическую тему». Однако, так как листок был, несомненно, написан рабочими, по собственной инициативе, так как рабочие просили его непременно напечатать, решено было листок печатать. Так и сделали.

Сношения с Владимиром Ильичем завязались очень быстро. В те времена заключенным в «предварилке» можно было передавать книг сколько угодно, они подвергались довольно поверхностному осмотру, во время которого нельзя было, конечно, заметить мельчайших точек в середине букв или чуть заметного изменения цвета бумаги в книге, где писалось молоком. Техника

конспиративной переписки у нас быстро совершенствовалась. Характерна была заботливость Владимира Ильича о сидящих товарищах. В каждом письме на волю был всегда ряд поручений, касающихся сидящих: к такому-то никто не ходит, надо подыскать ему «невесту», такому-то передать на свидании через родственников, чтобы искал письма в такой-то книге тюремной библиотеки, на такой-то странице, такому-то достать теплые сапоги и пр. Он переписывался с очень многими из сидящих товарищей, для которых эта переписка имела громадное значение. Письма Владимира Ильича дышали бодростью, говорили о работе. Получая их, человек забывал, что сидит в тюрьме, и сам принимался за работу. Я помню впечатление от этих писем (в августе 1896 года я тоже села). Письма молоком приходили через волю в день передачи книг — в субботу. Посмотришь на условные знаки в книге и удостоверись, что в книге письмо есть. В шесть часов давали кипяток, а затем надзирательница водила уголовных в церковь. К этому времени разрежешь письмо на длинные полоски, заварить чай и, как уйдет надзирательница, начинаешь опускать полоски в горячий чай — письмо проявляется (в тюрьме неудобно было проявлять на свечке письма, вот Владимир Ильич додумался проявлять их в горячей воде), и такой бодростью оно дышит, с таким захватывающим интересом читается. Как на воле Владимир Ильич стоял в центре всей работы, так и в тюрьме он был центром сношений с волей.

Кроме того, он много работал в тюрьме. Там было подготовлено «Развитие капитализма в России». Владимир Ильич заказывал в легальных письмах нужные материалы, статистические сборники. «Жаль, рано выпустили, надо бы еще немножко доработать книжку, в Сибири книги доставать трудно», — в шутку говорил Владимир Ильич, когда его выпустили из тюрьмы. Не только «Развитие капитализма» писал Владимир Ильич в тюрьме, писал листки, нелегальные брошюры, написал проект программы для I съезда (он состоялся лишь в 1898 году, но намечался раньше), высказывался по вопросам, обсуждавшимся в организации. Чтобы его не накрыли во время писания молоком, Владимир Ильич делал из хлеба маленькие молочные чернильницы, которые — как только щелкнет фортка — быстро отправлял в рот. «Сегодня съел шесть чернильниц», — в шутку добавлял Владимир Ильич к письму.

Но как ни владел Владимир Ильич собой, как ни ставил себя в рамки определенного режима, а нападала, очевидно, и на него тюремная тоска. В одном из писем он развивал такой план. Когда их водили на прогулку, из одного окна коридора на минутку виден кусок тротуара Шпалерной. Вот он и придумал, чтобы мы — я и Аполлинария Александровна Якубова — в определенный час пришли и стали на этот кусочек тротуара, тогда он нас увидит. Аполлинария почему-то не могла пойти, а я несколько дней ходила и простаивала подолгу на этом кусочке. Только что-то из плана ничего не вышло, не помню уже отчего.

Пока Владимир Ильич сидел, работа на воле разрасталась, стихийно росло рабочее движение. После ареста Мартова, Ляховского и др. силы группы еще более ослабели. Правда, в группу входили новые товарищи, но это была публика уже менее идейно закаленная, а учиться уже было некогда, движение требовало обслуживания, требовало массы сил, все уходило на агитацию, о пропаганде некогда было и думать. Листковая агитация имела большой успех. Стачка 30 тысяч питерских текстилей, разразившаяся летом 1896 года, прошла под влиянием социал-демократов и многим вскружила голову.

Помню, как однажды (кажется, в начале августа) на собрании в лесу, в Павловске, Сильвин читал вслух проект листа.

В одном месте там попалась фраза, прямо ограничивающая рабочее движение одной экономической борьбой. Прочтя ее вслух, Сильвин остановился. «Ну и загнул же я, как это меня угораздило», — сказал он, смеясь. Фраза была вычеркнута. Летом 1896 года с треском провалилась Лахтинская типография, пропала возможность печатать брошюры, пришлось надолго отложить попечение о журнале.

Во время стачки 1896 года в нашу группу вошли группа Тихарева, известная под кличкой Обезьяны, и группа Чернышева, известная под кличкой Петухи¹. Но пока «декабристы» сидели в тюрьме и держали связь с волей, работа шла еще по старому руслу. Когда Владимир Ильич вышел из тюрьмы², я еще сидела. Несмотря на чад, охватывающий человека по выходе из тюрьмы, на ряд заседаний, Владимир Ильич ухитрился все же написать письмишко о делах. Мама рассказывала, что он в тюрьме поправился даже и страшно весел.

Меня выпустили вскоре после «ветровской истории» (заклученная Ветрова сожгла себя в Петропавловской крепости). Жандармы выпустили целый ряд сидевших женщин, выпустили и меня и оставили до окончания дела в Питере, приставив пару шпионов, ходивших всюду по стопам. Я застала организацию в самом плачевном состоянии. Из прежних работников остался только Степан Ив. Радченко и его жена. Сам он работы по конспиративным условиям уже вести не мог, но продолжал быть центром и держал связь. Держал связь и со Струве. Струве вскоре женился на Н. А. Герд, социал-демократке, Струве и сам в то время был социал-демократствующим. Он совершенно не был способен к работе в организации, тем более подпольной, но ему льстило, несомненно, что к нему обращаются за советами. Он даже написал манифест для I съезда социал-демократической рабочей партии. Зимой 1897/98 года я довольно часто бывала у Струве с поручениями от Владимира Ильича — тогда Струве издавал жур-

¹ 12 августа 1896 г. произошел новый провал: провалились почти все «старички» и многие из «петухов». Я тоже была арестована тогда же. *Прим. автора.*

² В. И. Ленин был освобожден из тюрьмы 14 (26) февраля 1897 г. *Ред.*

нал «Новое слово»,— да и так с Ниной Александровной меня многое связывало. Я приглядывалась к Струве. Он в то время был социал-демократом, но меня удивляла его книжность и почти полное отсутствие интереса к «живому дереву жизни», интереса, которого так много было у Владимира Ильича. Струве достал мне перевод и взялся его редактировать. Он, видимо, тяготился этой работой, быстро уставал (с Владимиром Ильичем мы часами сидели за аналогичной работой. Владимир Ильич совсем иначе работал, весь уходя в работу, даже такую, как перевод). Для отдыха брал Струве читать Фета. Кто-то в воспоминаниях своих писал, что Владимир Ильич любил Фета. Это неверно. Фет — махровый крепостник, у которого не за что зацепиться даже, но вот Струве действительно любил Фета.

Знала я и Туган-Барановского. Я училась вместе с его женой, Лидией Карловной Давыдовой (дочерью издательницы журнала «Мир божий»), и одно время заходила к ним. Лидия Карловна была очень умная и хорошая, хотя и безвольная женщина. Она была умнее своего мужа. В его разговорах всегда чувствовался чужой человек. Раз я обратилась к нему с подписным листом на стачку (костромскую, кажется). Я получила сколько-то, не помню сколько, рублей, но должна была выслушать рассуждение на тему: «Непонятно-де, почему надо поддерживать стачки,— стачка недостаточно действительное средство борьбы с предпринимателями». Я взяла деньги и поторопилась уйти.

Я писала Владимиру Ильичу в ссылку обо всем, что приходилось видеть и слышать. Однако о работе организации мало чего можно было написать. Ко времени I съезда в ней было лишь четыре человека: Ст. Ив. Радченко, его жена Любовь Николаевна, Саммер и я. Делегатом от нас был Степан Иванович. Но, вернувшись со съезда, он ничего почти не рассказал нам о том, что там произошло, вынул из корешка книги хорошо знакомый нам «манифест», написанный Струве и принятый съездом, и разрыдался: все почти участники съезда — их было несколько человек — были арестованы.

Мне дали три года Уфимской губернии, я перепросилась в село Шушенское Минусинского уезда, где жил Владимир Ильич, для чего объявилась его «невестой».

В ССЫЛКЕ

1898—1901 годы

В Минусинск, куда я ехала на свой счет, поехала со мной моя мать. Приехали мы в Красноярск 1 мая 1898 года, отсюда надо было ехать на пароходе вверх по Енисею, но пароходы еще не ходили. В Красноярске познакомилась с народоправцем Тютчевым и его женой, которые, как люди опытные в этих делах, устроили мне свидание с проезжавшей через Красноярск партией ссыльных

социал-демократов; в их числе были товарищи по одному со мною делу — Ленгник и Сильвин. Солдаты, приведя ссыльных в фотографию, сели в сторонку и жевали хлеб с колбасой, которыми их угостили.

В Минусинске зашла к Аркадию Тыркову — первоартовцу, сосланному в Сибирь без срока, чтобы передать поклон от его сестры, моей гимназической подруги. Заходила к Ф. Я. Кону, польскому товарищу, осужденному в 1885 году на каторгу по делу «Пролетариата», много перенесшему в тюрьме и ссылке, — он был для меня окружен ореолом старого непримиримого революционера — ужасно он мне понравился.

В село Шушенское, где жил Владимир Ильич, мы приехали в сумерки; Владимир Ильич был на охоте. Мы выгрузились, нас провели в избу. В Сибири — в Минусинском округе — крестьяне очень чисто живут, полы устланы пестрыми самоткаными дорожками, стены чисто выбелены и украшены пихтой. Комната Владимира Ильича была хоть невелика, но также чиста. Нам с мамой хозяева уступили остальную часть избы. В избу набились все хозяева и соседи и усердно нас разглядывали и распрашивали. Наконец вернулся с охоты Владимир Ильич. Удивился, что в его комнате свет... Ильич быстро взбежал на крыльцо. Тут я ему навстречу из избы вышла. Долго мы проговорили в ту ночь.

В Шушенском из ссыльных было только двое рабочих — лодзинский социал-демократ, шляпочник, поляк Проминский с женой и шестью ребятами и путиловский рабочий Оскар Энгберг, финн по национальности. Оба — очень хорошие товарищи. Проминский был спокойным, уравновешенным и очень твердым человеком. Он мало читал и не много знал, но обладал замечательно ярко выраженным классовым инстинктом. К своей верующей тогда еще жене он относился спокойно-насмешливо. Он очень хорошо пел польские революционные песни «*Ludu goboczu, poznaj swoje sily*», «*Pierwszy maj*»¹ и целый ряд других. Дети подпевали ему, присоединялся к хору и Владимир Ильич, очень охотно и много певший в Сибири. Пел Проминский и русские революционные песни, которым учил его Владимир Ильич. Проминский собирался назад в Польшу на работу и погубил несметное количество зайчишек, чтобы заготовить мех на шубки детям. Но добраться до Польши ему так и не удалось. Перебрался с семьей только поближе к Красноярску и служил на железной дороге. Дети выросли. Сам он стал коммунистом, коммунисткой стала пани Проминская, коммунистами стали дети. Один убит на войне. Другой чуть не погиб во время гражданской войны, теперь в Чите. Только в 1923 году выбрался Проминский в Польшу, но по дороге умер от сыпного тифа.

Другой рабочий, Оскар, был совсем иного типа. Молодой, он был сослан за забастовку и за буйное поведение во время нее.

¹ «Рабочий народ, познай свою силу», «Первое мая». *Ред.*

Он много читал всякой всячины, но о социализме имел самое смутное представление. Раз приходит из волости и рассказывает: «Новый писарь приехал, сошлись мы с ним в убеждениях». — «То есть?» — спрашиваю. «Да и он и я против революции». Мы с Владимиром Ильичем так и ахнули. На другой день я засела с ним за «Коммунистический манифест» (приходилось переводить с немецкого), и, одолев его, перешли к чтению «Капитала». Зашел как-то на занятия Проминский, сидит и посасывает трубочку. Я предлагаю какой-то вопрос по поводу прочитанного. Оскар не знает, что сказать, а Проминский спокойно так, улыбаючись, ответил на вопрос. На целую неделю бросил Оскар занятия. Но так парень хороший был. Больше ссыльных в Шушенском не было. Владимир Ильич рассказывал, что он пробовал завести знакомство с учителем, но ничего не вышло. Учитель тянул к местной аристократии: попу, паре лавочников. Дулись они в карты и выпивали. К общественным вопросам интереса у учителя никакого не было. С этим учителем постоянно препирался старший сын Проминского, Леопольд, тогда уже сочувствовавший социалистам.

Был у Владимира Ильича один знакомый крестьянин, которого он очень любил, Журавлев. Чахоточный, лет тридцати, Журавлев был раньше писарем. Владимир Ильич говорил про него, что он по природе революционер, протестант. Журавлев смело выступал против богатеев, не мирился ни с какой несправедливостью. Он все куда-то уезжал и скоро помер от чахотки.

Другой знакомый Ильича был бедняк, с ним Владимир Ильич часто ходил на охоту. Это был самый немудрый мужичонка — Сосипатычем его звали; он, впрочем, очень хорошо относился к Владимиру Ильичу и дарил ему всякую всячину: то журавля, то кедровых шишек.

Через Сосипатыча, через Журавлева Владимир Ильич изучал сибирскую деревню. Он мне рассказывал как-то об одном своем разговоре с зажиточным мужиком, у которого он жил. У того батрак украл кожу. Мужик накрыл его у ручья и прикончил. Говорил Ильич по этому поводу о беспощадной жестокости мелкого собственника, о беспощадной эксплуатации им батраков. И правда, как каторжные, работали сибирские батраки, отсыпаясь только по праздникам.

И еще был у Ильича способ изучать деревню. По воскресеньям он завел у себя юридическую консультацию. Он пользовался большой популярностью как юрист, так как помог одному рабочему, выгнанному с присков, выиграть дело против золотопромышленника. Весть об этом выигранном деле быстро разнеслась среди крестьян. Приходили мужики и бабы и излагали свои беды. Владимир Ильич внимательно слушал и вникал во все, потом советовал... Иногда совершенно нельзя было разобратся по рассказам, в чем дело, и потому Владимир Ильич всегда просил приносить ему копию с дела. Раз бык какого-то богатея забодал корову маломощной бабы. Волостной суд приговорил владельца быка за-

платить бабе десять рублей. Баба опротестовала решение и потребовала «копию» с дела... Часто достаточно было угрозы обижаемого, что он пожалуется Ульянову, чтобы обидчик уступил.

Сибирскую деревню хорошо изучил Владимир Ильич — он знал раньше деревню приволжскую. Рассказывал Ильич раз: «Мать хотела, чтобы я хозяйством в деревне занимался. Я начал, было, да вижу — нельзя, отношения с мужиками ненормальные становятся».

Собственно говоря, заниматься юридическими делами Владимир Ильич не имел права, как ссыльный, но тогда времена в Минусинском округе были либеральные. Никакого надзора фактически не было...

Помню, как мы встречали Первое мая ¹.

Утром пришел к нам Проминский. Он имел сугубо праздничный вид, надел чистый воротничок и сам весь сиял, как медный грош. Мы очень быстро заразились его настроением и втроем пошли к Энгбергу, прихватив с собою собаку Женьку. Женька бежала впереди и радостно тявкала. Идти надо было вдоль речки Шуши. По реке шел лед. Женька забиралась по брюхо в ледяную воду и вызывающе лаяла по адресу мохнатых шушенских сторожевых собак, не решавшихся войти в такую холодную воду.

Оскар заволновался нашим приходом. Мы расселись в его комнате и принялись дружно петь:

День настал веселый мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь, раздайся удаляя!
Забастуем в этот день!
Полицейские до пота
Правят подлую работу,
Нас хотят изловить,
За решетку посадить.
Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело,
Вместе разом,
Гоп-га! Гоп-га!

Спели по-русски, спели ту же песню по-польски и решили пойти после обеда отпраздновать Май в поле. Как наметили, так и сделали. В поле нас было больше, уже шесть человек, так как Проминский захватил своих двух сынишек. Проминский продолжал сиять. Когда вышли в поле на сухой пригорок, Проминский остановился, вытащил из кармана красный платок, расправил его на земле и встал на голову. Дети завизжали от восторга. Вечером собрались все у нас и опять пели. Пришла и жена Проминского. К хору присоединились и моя мать, и Паша.

А вечером мы с Ильичем как-то никак не могли заснуть, мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых мы когда-нибудь примем участие...

¹ 1 Мая 1899 г. В этот день, как позднее вспоминала Н. К. Крупская, они хором пели «Интернационал». *Ред.*

С утра мы брались с Владимиром Ильичем за перевод Вебба ¹, который достал мне Струве. После обеда часа два переписывали в две руки «Развитие капитализма». Потом другая всякая работешка была. Как-то прислал Потресов на две недели книжку Каутского против Бернштейна ², мы побросали все дела и перевели ее в срок — в две недели. Поработав, закатывались на прогулки...

По вечерам Владимир Ильич обычно читал книжки по философии — Гегеля, Канта, французских материалистов, а когда очень устанет — Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Когда Владимир Ильич впервые появился в Питере и я его знала только по рассказам, слышала я от Степана Ивановича Радченко: Владимир Ильич только серьезные книжки читает, в жизнь не прочел ни одного романа. Я подвиглась; потом, когда мы познакомились ближе с Владимиром Ильичем, как-то ни разу об этом не заходил у нас разговор, и только в Сибири я узнала, что все это чистая легенда. Владимир Ильич не только читал, но много раз перечитывал Тургенева, Л. Толстого, «Что делать?» Чернышевского, вообще прекрасно знал и любил классиков. Потом, когда большевики стали у власти, он поставил Госиздату задачу — переиздание в дешевых выпусках классиков. В альбоме Владимира Ильича, кроме карточек родных и старых каторжан, были карточки Золя, Герцена и несколько карточек Чернышевского ³.

Два раза в неделю приходила почта. Переписка была обширная.

Приходили письма и книги из России. Писала подробно обо всем Анна Ильинична, писали из Питера. Писала, между прочим, Нина Александровна Струве мне о своем сынишке: «Уже держит головку, каждый день подносим его к портретам Дарвина и Маркса, говорим: поклонись дедушке Дарвину, поклонись Марксу, он забавно так кланяется». Получали письма из далекой ссылки — из Туруханска от Мартова, из Орлова Вятской губернии от Потресова. Но больше всего было писем от товарищей, разбросанных по соседним селам. Из Минусинска (Шушенское было в 50 верстах от него) писали Кржижановские, Старков; в 30 верстах, в Ермаковском, жили Лепешинский, Ванеев, Сильвин, Панин — товарищ Оскара; в 70 верстах, в Теси, жили Ленгник, Шаповал, Барамзин, на сахарном заводе жил Курнатовский. Переписывались обо всем — о русских вестях, о планах на будущее, о книжках, о новых течениях, о философии. Переписывались и по шахматным делам, особенно с Лепешинским. Играли по переписке...

¹ Имеется в виду книга Беатрисы и Сиднея Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма». *Ред.*

² Речь идет о книге К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» (Штутгарт, 1899). *Ред.*

³ Чернышевского Владимир Ильич особенно любил. На одной из карточек Чернышевского имеется надпись рукой Владимира Ильича: родился тогда-то, умер в 1889 г. *Прим. автора.*

С товарищами по ссылке не только переписывались, иногда, хотя не часто, виделись.

Раз мы ездили к Курнатовскому¹. Был он очень хорошим товарищем, очень образованным марксистом, но тяжело сложилась его жизнь. Суровое детство с извергом-отцом, потом ссылка за ссылкой, тюрьма за тюрьмой. На воле почти не работал, через месяц-другой влетал на долгие годы, жизни не знал. Осталась в памяти одна сценка. Идем мимо сахарного завода, где он служил. Идут две девочки — одна постарше, другая маленькая. Старшая несет пустое ведро, младшая — со свеклой. «Как не стыдно, большая заставляет нести маленькую», — сказал старшей девочке Курнатовский. Та только недоуменно посмотрела на него. Ездили мы еще в Тесь². Пришло как-то раз письмо от Кржижановских — «Исправник злится на тесинцев за какой-то протест и никуда не пускает. В Теси есть гора, интересная в геологическом отношении, напишите, что хотите ее исследовать». Владимир Ильич в шутку написал исправнику заявление, прося не только его пустить в Тесь, но в помощь ему и жену. Исправник прислал разрешение нарочным. Наняли двуколку с лошастью за три рубля — баба уверяла, что конь сильный, не «жоркий», овса ему мало надо, — и покатили в Тесь. И хоть не «жоркий», конь стал у нас посередине дороги, но все же до Теси мы добрались. Владимир Ильич с Ленгником толковали о Канте, с Барамзиным — о казанских кружках, Ленгник, обладавший прекрасным голосом, пел нам; вообще от этой поездки осталось какое-то особенно хорошее воспоминание.

Ездили пару раз в Ермаковское. Раз для принятия резолюции по поводу «Кредо»³ — Ванеев был тяжело болен туберкулезом, умирал. Его кровать вынесли в большую комнату, где собрались все товарищи. Резолюция была принята единогласно.

Другой раз ездили туда же, уже хоронить Ванеева⁴.

Из «декабристов» (так в шутку называли товарищей, арестованных в декабре 1895 года) двое скоро выбыли из строя: сошедший в тюрьме с ума Запорожец и тяжело захворавший там Ванеев погибли, когда только-только еще начинало разгораться пламя рабочего движения.

На Новый год ездили в Минусу, куда съехались все ссыльные социал-демократы.

Были в Минусе и ссыльные народовольцы: Кон, Тырков и др., но они держались отдельно. Старики относились к социал-демократической молодежи недоверчиво: не верили в то, что это настоя-

¹ Поездка В. И. Ленина и Н. К. Крупской к В. К. Курнатовскому в деревню Ивановку Минусинского уезда состоялась 11 (23) октября 1898 г. *Ред.*

² В село Тесинское В. И. Ленин и Н. К. Крупская ездили летом 1899 г. *Ред.*

³ Совещание политических ссыльных-марксистов, организованное В. И. Лениным для обсуждения манифеста «экономистов» — «Credo», проходило 20—22 августа (1—3 сентября) 1899 г. *Ред.*

⁴ На похороны А. А. Ванеева В. И. Ленин с Н. К. Крупской ездили 10 (22) сентября 1899 г. В. И. Ленин произнес речь на могиле погибшего товарища. *Ред.*

щие революционеры. На этой почве незадолго до моего приезда в село Шушенское в Минусинском уезде разыгралась ссыльная история. Был в Минусе ссыльный социал-демократ Райчин, гражданин, связанный с группой «Освобождение труда». Он решил бежать. Достали ему денег на побег, дня побега не было назначено. Но Райчин, получив деньги, пришел в очень нервное состояние и, не предупредив никого, бежал. Старики-народовольцы обвиняли социал-демократов, что те знали о побеге Райчина, но их, стариков, не предупредили, могли быть обыски, а они не почистились. «История» росла как снежный ком. Когда я приехала, Владимир Ильич рассказал мне про нее. «Нет хуже этих ссыльных историй, — говорил он, — они страшно затягивают, у стариков нервы больные, ведь чего только они не пережили, каторгу перенесли. Нельзя давать засасывать себя таким историям — вся работа впереди, нельзя себя растрчивать на эти истории». И Владимир Ильич настаивал на разрыве со стариками. Помню собрание, на котором произошел разрыв. Решение о разрыве было принято раньше, надо было провести его по возможности безболезненно. Рвали потому, что надо было порвать, но рвали без злобы, с сожалением...

В общем, ссылка прошла неплохо. Это были годы серьезной учебы. По мере того как приближался срок окончания ссылки, все больше и больше думал Владимир Ильич о предстоящей работе. Из России вести приходили скупо: там рос и креп «экономизм», партии на деле не было, типографии в России не было, попытка наладить издательство через Бунд не удалась. Между тем ограничиваться писанием популярных брошюр и не высказываться по основным вопросам ведения работы было более невозможно. В работе был величайший разброд, постоянные аресты делали невозможной всякую преемственность, люди договорились до «Кредо», до идей «Рабочей мысли», помещавшей корреспонденции распропагандированного «экономистами» рабочего, писавшего: «Не надо нам, рабочим, никаких Марксов и Энгельсов...»

Л. Толстой где-то писал, что едущий первую половину дороги обычно думает о том, что он оставил, а вторую — о том, что ждет его впереди. Так и в ссылке. Первое время больше подводились итоги прошлого. Во второй половине больше думалось о том, что впереди. Владимир Ильич все пристальнее и пристальнее думал о том, что нужно делать, чтобы вывести партию из того состояния, в которое она пришла, что нужно делать, чтобы направить работу по надлежащему руслу, чтобы обеспечить правильное социал-демократическое руководство ею. С чего начать? В последний год ссылки зародился у Владимира Ильича тот организационный план, который он потом развил в «Искре», в брошюре «Что делать?»¹ и в «Письме к товарищу»². Начать надо с органи-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 1—192. *Ред.*

² См.: Ленин В. И. Письмо к товарищу о наших организационных задачах. — Полн. собр. соч., т. 7, с. 1—32. *Ред.*

зации общерусской газеты, поставить ее надо за границей, как можно теснее связать ее с русской работой, с российскими организациями, как можно лучше наладить транспорт. Владимир Ильич перестал спать, страшно исхудал. Бессонными ночами обдумывал он свой план во всех деталях, обсуждал его с Кржижановским, со мной, списывался о нем с Мартовым и Потресовым, сговаривался с ними о поездке за границу. Чем дальше, тем больше овладевало Владимиром Ильичем нетерпение, тем больше рвался он на работу. А тут еще нагрянули с обыском. Перехватили у кого-то квитанцию письма Ляховского к Владимиру Ильичу. В письме была речь о памятнике Федосееву, жандармы придрались к случаю, чтобы учинить обыск. Обыск произведен был в мае 1899 года¹. Письмо они нашли, оно оказалось очень невинным, пересмотрели переписку — и тоже ничего интересного не нашли. По старой питерской привычке нелегальщину и нелегальную переписку мы держали особо. Правда, она лежала на нижней полке шкафа. Владимир Ильич подсунул жандармам стул, чтобы они начали обыск с верхних полок, где стояли разные статистические сборники, — и они так умаялись, что нижнюю полку и смотреть не стали, удовлетворившись моим заявлением, что там лишь моя педагогическая библиотека. Обыск сошел благополучно, но боязно было, чтобы не воспользовались предлогом и не накинули еще несколько лет ссылки. Побег были еще тогда не так обычны, как позднее, — во всяком случае, это бы осложнило дело. Ведь прежде чем ехать за границу, нужно было провести большую организационную работу в России. Дело, однако, обошлось благополучно — срока не набавили...

*Воспоминания о В. И. Ленине. В 5-ти т.
Изд. 3-е. М., 1984, т. 1, с. 210—233*

¹ 2 (14) мая 1899 г. *Ред.*

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

В 1889 году, семнадцатилетним юношей, духовно еще совершенно не оперившимся, приехал я в Петербург и определился студентом Петербургского технологического института. На втором году своего пребывания в институте я примкнул к левому крылу тогдашнего студенчества. Вспоминаю, что и я и мои новые друзья на первых порах были полны каким-то неопределенным, но властным стремлением «сжечь свои корабли», то есть порвать с той обывательщиной, которая вскармливала нас, собравшихся под одной крышей из различных уголков провинции. Различными путями до нас доходили струйки, так или иначе связывавшие нас с теми воспоминаниями борьбы революционеров-героев, которые славно прошли свой «доблестный и благородный путь» вот здесь, в стенах этого же города. Первичные искания разночинцев 60-х годов, шедшие к нам с ветшающих страниц «Современника» и «Отечественных записок», обличительное слово Салтыкова-Щедрина, свободолюбивые блестящие публицистики Михайловского, тяжеловесная проповедь Лаврова, отдельные брошюрки из изданий землевольцев и народолюбцев и, наконец, тот удивительный благовест, совпавший с весной нашей жизни, который шел к нам от изданий группы «Освобождение труда», — вот та литературная цепь, по звеньям которой мы шли в своем превращении из неопределенных народолюбцев во вполне определенных марксистов. И как некоторый утес, завершающий поворотную грань на этом пути, стояло великое творение Маркса — его «Капитал»...

Продумывая страницы этой книги, мы впервые начинали чувствовать твердую почву под своими ногами и находили опорные пункты для критического отношения к народничеству всевозможных оттенков, какими бы революционными красками оно ни прикрывалось. Скоро в нашей группе, состоявшей по преимуществу из студентов-технологов, создался специфический культ Маркса¹.

Встречаясь с новыми людьми, мы прежде всего осведомлялись об их отношении к Марксу. Я лично, например, был глубоко убеж-

¹ В этой группе были: С. И. Радченко, Г. Б. Красин, А. А. Ванеев, В. В. Старков, Н. К. Крупская, П. К. Запорожец, А. Л. Малченко, М. А. Сильвин, М. К. Названов, З. П. и С. П. Невзоровы, А. А. Якубова и др. *Прим. автора.*

ден, что из человека, который не проштудировал два или три раза «Капитал» Маркса, никогда ничего путного выйти не может... К сожалению, почти такую же требовательность мы предъявляли не только к студенческим головам, но и к мозгам тех рабочих, с которыми мы уже тогда стремились завязать регулярные сношения, группируя их в определенные пропагандистские кружки. Вспоминая, как терзали мы наших первых друзей из рабочего класса «сюртуком» и «холстом» из первой главы «Капитала», я и по сие время чувствую немалые угрызения совести. Наши революционные рабочие кружки были нагружены и работой культурнического оттенка, чему в немалой степени способствовала та громадная духовная жажда, которую были преисполнены передовые рабочие того времени.

Появление у нас осенью 1893 года В. И. Ульянова можно сравнить с животворным по своим последствиям грозovým разрядом. С этого момента для нас началась новая жизнь. Вернувшись осенью 1893 года с летней заводской практики, я нашел весь свой кружок в состоянии необычайного оживления именно по той причине, что наш новый друг, Владимир Ульянов, пришедший к нам с берегов Волги, в кратчайший срок занял в нашей организации центральное место. Уже одно то обстоятельство, что он был братом Александра Ильича Ульянова, одного из последних славных народовольцев, казненного в 1887 году, создавало ему самые благоприятные предпосылки для дружеского приема в нашей среде... Оглядываясь назад и вспоминая фигуру тогдашнего двадцатитрехлетнего Владимира Ильича, я ясно теперь вижу в ней особые черты удивительной душевной опрятности и того непрерывного горения, которое равносильно постоянной готовности к подвигу и самопожертвованию до конца. Может быть, это шло к нему непосредственно от фамильной трагедии, от героического образа его брата, что по-иному связывало его, чем нас, с традициями предшествовавшей героической революционной борьбы. Однако нам, марксистам до педантизма, гораздо более импонировало в нем удивительное умение владеть оружием Маркса и превосходное, прямо-таки поразительное знакомство с экономическим положением страны по первоисточникам статистических сборников.

Моя первая встреча с Владимиром Ильичем состоялась на квартире З. П. Невзоровой при его докладе в нашем кружке на тему «О рынках». В этом докладе Владимир Ильич блеснул перед нами таким богатством иллюстраций статистического характера, что я испытал своего рода неистовое удовольствие, видя, какое грозное оружие дает марксизм в познании нашей собственной экономики. Некоторые члены нашего кружка были даже до известной степени шокированы этой своеобразной конкретностью подхода к столь теоретическому вопросу, как вопрос о создании рынка для развивающегося капитализма. На материале хозяйственного развития России Владимир Ильич опрокинул все их пута-

ные, искусственные построения о развитии капиталистической экономики¹.

За обнаженный лоб и большую эрудицию Владимиру Ильичу пришлось поплатиться кличкой Старик, находившейся в самом резком контрасте с его юношеской подвижностью и бившей в нем ключом молодой энергией. Но те глубокие познания, которыми свободно оперировал этот молодой человек, тот особый такт и та критическая сноровка, с которыми он подходил к жизненным вопросам и к самым разнообразным людям, его необыкновенно умение поставить себя среди рабочих, к которым он подходил, как это верно отметила Надежда Константиновна Крупская, не как надменный учитель, а прежде всего как друг и товарищ², — все это прочно закрепляло за ним придуманную нами кличку. Прошло немного месяцев моего знакомства с этим своеобразным «Стариком», как я уже начал уличать себя в чувстве какой-то особой полноты жизни именно в присутствии, в дружеской беседе с этим человеком. Уходил он — и как-то сразу меркли краски, а мысли летели ему вдогонку...

Мы были одними из первых социал-демократов, очутившихся в Восточной Сибири, и вся старая ссылка присматривалась к нам со смешанным чувством любопытства и недоверия. Но среди всех нас особо ярко окрашенной фигурой нового типа политических борцов был именно Владимир Ильич.

Владимир Ильич, В. В. Старков и я были определены на трехлетнее пребывание в Минусинском округе. Мы со Старковым были назначены в село Тесинское, а Владимир Ильич — в село Шушенское, расположенное от нас на расстоянии свыше 100 верст. Это не мешало нам находиться в постоянном общении, причем особенно аккуратным корреспондентом был, конечно, Владимир Ильич. Примерно два раза в неделю мы получали от него письма, благодаря которым были в курсе его собственных работ и тех сведений, которые он получал в результате обширной переписки. Эта переписка возникла не только потому, что письма Владимира Ильича всегда были по существу, всегда давали в сжатой и лаконичной форме глубоко обдуманые ответы по самой сути затрагиваемых тем, но также и вследствие необычайной аккуратности и самодисциплины Владимира Ильича в этом отношении: он мог послать резкий, полемический ответ на полученное письмо, но замолчать или тем более «захалатить» ответ на те запросы, которые к нему поступали, он считал совершенно недопустимым.

Горько мне подумать, что эта груда писем Владимира Ильича, полученная мною за время ссылки, погибла в результате тех

¹ Материалы прочитанного В. И. Лениным доклада «О рынках» были положены в основу написанной им работы «По поводу так называемого вопроса о рынках» (см.: Полн. собр. соч., т. 1, с. 67—122). *Ред.*

² Имеется в виду речь Н. К. Крупской на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов 26 января 1924 г. (в кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти т. Изд. 3-е. М., 1984, т. 1, с. 581—582). *Ред.*

мытарств и непрерывных полицейских опасностей, которым пришлось подвергаться в дальнейшем. А между тем эти письма могли бы послужить ценным материалом для характеристики той мощной подготовительной работы, в которую погрузился Владимир Ильич во время своей ссылки. Мы обсуждали с ним и те вопросы, которые были связаны с многообразными темами писавшейся им в то время книги «Развитие капитализма в России», и различные новинки доходившей до нас и русской и немецкой литературы, и все то, что по тому времени казалось нам существенным и злободневным. Думаю, что эта переписка могла бы недурно характеризовать и ту особенность Владимира Ильича, которая сказывалась в его особом навыке и умении прямо и без всяких околичностей подходить к сути любого вопроса. Именно эта особенность обуславливала исключительную простоту и, так сказать, прозрачность его литературного языка. И, вероятно, трудно найти другого писателя, который в такой степени строго следовал бы совету Некрасова: «Мысли просторно — словам тесно».

По воспоминаниям крестьян села Шушенского, опубликованным в печати, видно, какое впечатление производил на них тот исключительно трудовой и правильный образ жизни, который вел Владимир Ильич в ссылке. Его юридическое образование и постоянное корпение над книгами, умение ответить на всякий вопрос и дать вовремя юридический совет быстро создали ему репутацию необычного человека.

Кажется, на первом же году ссылки мне удалось под каким-то предлогом получить разрешение на пребывание в течение нескольких недель в селе Шушенском, и эта совместная жизнь с Владимиром Ильичем ярко живет в моей памяти. В ту пору он жил еще в полнейшем одиночестве и его рабочий день, продуманный до последней минуты, составлял превосходные чередования крупных порций труда с правильными вкраплениями в обрез необходимого отдыха. По утрам Владимир Ильич обыкновенно чувствовал необычайный прилив жизненных сил и энергии, весьма не прочь был побороться и повозиться, по какой причине и мне приходилось неоднократно вступать с ним в некоторое единоборство, пока он не уймется при самом активном сопротивлении с моей стороны. А затем, после короткой утренней прогулки, начинались графы нашей учебы. Определенные часы были посвящены работам литературного характера, подготовке материалов по статистическим сборникам, занятиям философией, чтению экономической литературы, как нашей, так и западной, а на отдых полагалось и чтение беллетристики.

Газеты мы получали, конечно, с громадным запозданием и сразу целыми пачками. Но Владимир Ильич ухитрялся систематизировать и чтение этих газет: он распределял их таким образом, что каждый день прочитывал только номера, соответствующие темпу запоздания, но именно приходящиеся только на определенный день. Выходило, что он каждый день получает газету, только

с большим опозданием. А когда я пытался портить этот газетный ритм, злонамеренно выхватывая сообщения позднейших номеров, он затыкал уши и яростно защищал преимущества своего метода.

Владимир Ильич был большим поклонником морозного чистого воздуха, быстрой ходьбы, бега на коньках, шахмат и охоты. И какой это был веселый, живой и общительный товарищ в часы такого отдыха на свежем воздухе или в процессе сражения за шахматным столиком!

Так шли недели за неделями нашей ссыльной жизни, и напряженный темп работы этого необыкновенного человека, который на наших глазах не пропускал ни одного дня, чтобы так или иначе, но несколько продвинуться вперед в смысле расширения своего умственного багажа, действовал на нас необычайно подбадривающим и подтягивающим образом. Каждому в его присутствии хотелось быть лучше, чем он есть, и вместе с тем так тянуло быть ближе именно к этому яркому и жизнерадостному человеку.

Я здесь не имею в виду описывать «времена и нравы» минусинской ссылки тех времен. Отмечу только, что в последнем счете наша социал-демократическая компания с Владимиром Ильичем во главе послужила некоторым яблоком раздора среди ссыльных. Весь этот мирок раскололся на две части, причем вся рабочая публика очутилась на нашей стороне. Когда до наших минусинских степей дошло послание госпожи Кусковой, ее известное «Кредо» («Верую»), в котором она старалась доказать неосмотрительность политической проповеди среди пролетариата, которому-де на ближайшее время уготованы лишь пути экономической борьбы, а вся борьба политического характера должна быть отнесена на иждивение «белой кости», то есть господ либералов и всякого рода разночинной интеллигенции,— отношение к этому посланию среди наших ссыльных было весьма различное. Но лишь один Владимир Ильич правильно оценил всю ту губительность искривления сознания пролетариата, которое могло быть связано с таким хвостизмом и пресмыкательством перед куцым российским либерализмом, и всю близорукость этих якобы практических сторонников чисто экономической борьбы. Энергичная отповедь автору «Кредо», которая затем разошлась по всей России в виде письма за подписью 17 ссыльных Восточной Сибири, целиком принадлежит его перу¹. В такие моменты Владимир Ильич всегда был начеку, всегда кипел негодованием по адресу такого рода противников.

Ссылка приближалась к концу. Еще до окончания ссылки я получил разрешение работать на Сибирской железной дороге. Очень памятна мне одна из последних моих прогулок с Владимиром Ильичем по берегу широкого Енисея. Была морозная лунная ночь, и перед нами искрился бесконечный саван сибирских снегов. Владимир Ильич вдохновенно рассказывал мне о своих

¹ Имеется в виду «Протест российских социал-демократов» (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 4, с. 163—176). *Ред.*

планах и предположениях по возвращении в Россию. Организация печатного партийного органа, перенесение его издания за границу и создание партии при помощи этого центрального органа, представляющего, таким образом, своеобразные леса для постройки всего здания революционной организации пролетариата,— вот что было в центре его аргументации. Мне, признаться, на первых порах показалось, что он переоценивает роль такой партийной газеты и что это происходит лишь потому, что за длительный срок пребывания в ссылке ему самому поневоле приходилось делать односторонний нажим лишь в сторону литературной деятельности.

Жизнь показала всю правильность намеченного Владимиром Ильичем пути.

*Воспоминания о В. И. Ленине. В 5-ти т.
Изд. 3-е. М., 1984, т. 2, с. 11—22*

КАК БЫЛИ ИЗДАНЫ
СТАТЬИ В. И. УЛЬЯНОВА
«ЧТО ТАКОЕ «ДРУЗЬЯ НАРОДА»
И КАК ОНИ ВОЮЮТ
ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ?»

Ранней весной в 1894 году я узнал от своих родственников-друзей братьев Масленниковых, что им удалось, после долгих попыток, приобрести в Москве типографский шрифт. Я тотчас же предложил нашему кружку технологов-марксистов (Владимиру Ильичу Ульянову, С. И. Радченко, В. В. Старкову, Г. М. Кржижановскому, Г. Б. Красину, М. К. Названову, А. Л. Малченко, А. А. Ванееву, П. К. Запорожцу) воспользоваться шрифтом и отпечатать только что написанную статью Владимира Ильича «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», причем всю типографскую работу я брал на себя. Условились, что рукопись передаст Владимир Ильич в Москве в середине июня.

Приехав в Москву, я узнал от братьев Масленниковых, что шрифта нет: доставший шрифт рабочий испугался ревизии типографии и взял его обратно, но есть надежда получить шрифт из других источников. Обещали не сегодня завтра достать; время шло, а шрифта не было. Рукопись о Михайловском была передана мне Владимиром Ильичем в квартире С. И. Мицкевича на Садовой, которому она была дана для прочтения. Дело было только за шрифтом. Решено было ехать в город Юрьев-Польский, где был у меня знакомый наборщик, и предложить ему или отпечатать рукопись, или снабдить нас шрифтом. Переговоры не привели ни к чему: типография была маленькая и убыль шрифта сразу могла броситься в глаза владельцу. Но все-таки удалось достать литографский камень, на котором в конце концов и решили отпечатать «Что такое «друзья народа»...».

Местом для работы выбрали имение моего отца «Горки», Переяславского уезда, Владимирской губернии, в 160 верстах от Москвы, куда, приобретя пишущую машинку, краски, валик и пр., перебрались мы с В. Н. Масленниковым, но вследствие неумения литографскую работу поставить на удалось. Тогда В. Н. Масленников едет в Москву, достает там автокопист, пергамент и пр., начинаем печатать; работа идет медленно: станок всего на поллиста, делаем новый — в лист. К концу августа напечатали одну только первую часть в количестве 100 экземпляров, форматом в $\frac{1}{4}$ листа, черной краской, стараясь придать внешность типографской работы. С начала сентября продолжаем работу в Москве, на

1-й Мещанской, в доме Зайцевского, в квартире моего отца, куда приезжал из Петербурга А. Л. Малченко, забрал все готовые экземпляры и рукопись в Петербург, где она была вскоре издана на гектографе (синими чернилами) полностью. Насколько помню, в этом издании и принимал участие А. А. Ванеев. На этом издании, по-видимому ради конспирации, то есть чтобы отвлечь внимание жандармов от петербургской организации, была сделана пометка: «Издание провинциальной группы социал-демократов». В ноябре я привез из Петербурга несколько экземпляров этого издания для братьев Масленниковых и С. И. Мицкевича.

В «Горках» и в Москве мною и В. Н. Масленниковым были изданы только две первые части: ответ Михайловскому и Южакову. Ответ Кривенке не успели издать. Рукописи о Южакове и Кривенке я получил от Владимира Ильича в Люблино, где он жил лето 1894 года на даче у А. И. Елизаровой. Двадцатидевятилетняя давность не изгладила из памяти тех бесед, которые вел со мной Владимир Ильич, гуляя по берегу пруда в Кузьминках; уже тогда чувствовалось, что пред тобой могучая умственная сила и воля, в будущем великий человек...

*Воспоминания о В. И. Ленине. В 5-ти т.
Изд. 3-е. М., 1984, т. 2, с. 60—61*

СОЗДАНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

Владимир Ильич вернулся из-за границы в сентябре. Зная нашу нужду в литературе, он захватил оттуда чемодан с двойным дном, набитый нелегальщиной. Чемодан он благополучно перевез, а может быть, его и намеренно пропустили с целью выследить дальнейшее. Этот чемодан доставил нам много хлопот. Надо было припрятать и чемодан и содержимое как можно скорее.

Героическими усилиями Ванеева, Сержникова, Попова и других товарищей это блестяще удалось. Полицейские ищейки потеряли след чемодана. Владимир Ильич сознавал, однако, что приближается развязка. В противоположность большинству из нас, менявших свою комнату каждые полгода и даже чаще, он был довольно оседлым и почти все время прожил в Казачьем переулке. По возвращении из-за границы он на протяжении трех месяцев два или три раза переменял адрес, чтобы при допросах квартирные хозяйки не могли установить, кто ходил к нему, какие приносились и уносились вещи посетителями и т. п. Из Таирова переулка (ныне переулок Бринько), д. 6/44, где он сначала снял комнату, он переехал куда-то еще, а затем опять переехал на Гороховую (ныне улица Дзержинского), 61/1, где и прожил до самого ареста.

За границу Владимир Ильич ездил с целью теснее связаться с группой «Освобождение труда», прежде всего установить личный контакт, сговориться касательно общих теоретических воззрений, информировать группу о состоянии подпольной работы, побудить ее к более действенному обслуживанию возникшего движения, снабжению наших организаций литературой и к созданию органа, который отражал бы события и этапы движения, регистрировал вехи в развитии борьбы пролетариата и объяснял их. По инициативе Владимира Ильича было предпринято в Женеве издание «Работника», для которого Владимир Ильич энергично побуждал нас писать. Кржижановский дал для него статью о фабрике Торнтон, Ванеев — о преследованиях духоборов, я — о сельскохозяйственных рабочих. Характерно для Ванеева, что он, атеист и коммунист, взял темой своей первой статьи в нелегальной печати преследование религиозной секты, протестуя против варварского надругательства над свободой совести, против унижения достоинства человеческой личности, совершенно независимо от того, реакция или прогрессивна была сама по себе эта личность и пред-

ставляемое ею движение. Он следовал в этом заветам Владимира Ильича, писавшего в «Друзьях народа»: «...русским коммунистам, последователям марксизма, более чем каким-нибудь другим, следует именовать себя **СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ** и никогда не забывать в своей деятельности громадной важности **ДЕМОКРАТИЗМА**»¹.

Мою статью размером около печатного полулиста (перепечатана в Собр. соч. Ленина, т. 1, изд. 1924 г.) я написал по личным впечатлениям, полученным в Бугурусланском уезде Самарской губернии, где я провел лето 1895 года в имении Н. Г. Михайловского-Гарина. «Как вы нашли мою заметку?» — спросил я как-то Владимира Ильича, ничего не слыша от него о судьбе своей работы. «Это не заметка, а статья... превосходно написана», — сказал Владимир Ильич к великой моей гордости. Позже я убедился, что он переслал ее для печати без единой поправки. В письме группе «Освобождение труда», при котором пересылался материал для «Работника», Владимир Ильич назвал мою статью: «Рассказ о сельских рабочих на юге».

Надо было не только писать статьи, но и переправлять их, а это опять требовало особой конспирации и особых технических приемов, впервые здесь примененных нами по указаниям Владимира Ильича. Из склеенных особым составом листов рукописи делался картон, в который и переплеталась какая-нибудь невинного содержания книга, посылавшаяся затем за границу почтой самым обыкновенным порядком по заранее данному нейтральному адресу. В этой заделке рукописей ближайшее участие принимали Ванеев и Запорожец.

Вопрос получения заграничной нелегальной литературы, «транспорта», стоял у нас до конца из рук вон плохо. Нам так и не удалось наладить это дело сколько-нибудь регулярно, и все получения литературы из-за границы были случайны, примерно того же порядка, как провоз ее в желтом чемодане самим Владимиром Ильичем. Большею частью нелегальную литературу привозили с собой по мелочам учившиеся за границей студенты. Время от времени получали солидный транспорт через поляков или через виленскую организацию (Гофман). Еще в 1892 году Райчину удалось доставить в Москву сравнительно большой тюк литературы, часть которой попала к нам в Нижний (через Мицкевича) и в Петербург (плехановский «Социал-демократ»; «Нищета философии», «Наемный труд и капитал», «Гражданская война во Франции», «Речь о свободе торговли», «Критика Готской программы» Маркса; «Манифест [Коммунистической партии]»; «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельса; речь Варлена; «Задачи социалистов в борьбе с голодом» Плеханова и др.).

Мы сознавали, что для транспорта должна быть создана специальная организация, и мысль об особой группе профессиональ-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 300. *Ред.*

ных революционеров возникла сама собой. Между тем нужда в литературе, особенно в популярной литературе для рабочих, была очень острая. Имевшиеся в нашем распоряжении книжки зачитывались до дыр. В разных воспоминаниях и исследованиях уже не раз приводился перечень литературы, циркулировавшей в те времена среди рабочих. Так как это была главная духовная пища в нашей пропагандистской работе, я приведу еще раз перечень этих книг по памяти. У нас имелись и распространялись нами среди рабочих:

Маркс и Энгельс: «Манифест Коммунистической партии»;

Маркс: «Капитал», т. I и особо переплетенная глава из него о первоначальном накоплении капитала, «Наемный труд и капитал», «Речь о свободе торговли», «Гражданская война во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Критика Готской программы»;

Энгельс: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Развитие социализма от утопии к науке», «Социализм в Германии»;

Лассаль: Речи и статьи, Книга против Шульце-Делича; популярные брошюры Плеханова, Аксельрода, Засулич и Кольцова;

Каутский: «Эрфуртская программа», «Экономическое учение К. Маркса», «Исторические статьи»;

разные популярные брошюры: «Коллективизм» (Ж. Геда), «Кто чем живет», «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Речь П. Алексеева», «Речь Мышкина», «Речь Бардиной», «Речи петербургских рабочих 1 Мая», «Царь-голод», «Хитрая механика» и др.

Из произведений легальной литературы: сочинения Писарева и Добролюбова; биографии [Биографическая библиотека] Павленкова, Свицерского («Труд и капитал»), Карышева («Экономические беседы»); отдельно переплетенные статьи из старых журналов: «Слово», «Дело»¹, «Знание»², «Отечественные записки»; популярные книги по естествознанию Рубакина и др., романы Беллами, Швейцера, Шпильгагена, «Спартак» Джованьоли, «Углекопы» Золя, «93-й год» В. Гюго и др.

Выбор подходящей к нашим целям легальной литературы был очень невелик; в частности, почти не было книг по русской истории, и мы вынуждены были в ответ на запросы указывать иной раз такую ничтожную книжонку, как Петрушевского. Рассказы Водово-

¹ «Дело» — ежемесячный научно-литературный журнал, выходивший в Петербурге с 1866 по 1888 г., наиболее прогрессивный журнал 70—80-х годов. С 1880 г. редактором его стал Н. В. Шелгунов, но вскоре был арестован за связь с революционным подпольем. С 1883 г. «Дело» становится умеренно-либеральным изданием. *Ред.*

² «Знание» — ежемесячный научно-литературный и политический журнал, издававшийся в Петербурге с октября 1870 г. по апрель 1877 г., был одним из прогрессивных журналов в 70-х годах XIX века. *Ред.*

зовой были также в большом ходу. Однако во всей этой литературе совсем не было того, что было особенно важно: книг на темы современной русской жизни, в особенности жизни рабочих, их движения, их борьбы, их насущных интересов и задач. Первой книжкой этого рода была брошюра Владимира Ильича «О штрафах», пользовавшаяся в рабочей среде громадным спросом. Владимир Ильич понимал, что необходимые интеллектуальные силы для создания такой литературы найдутся у него под рукой: он сам, литераторы из кружка легальных марксистов, наконец, многие из нас, пропагандистов.

Вопрос был в технике, и в поисках ее он сблизился с группой народовольцев, у которых была типография, а затем с группой Мартова, располагавшей и пограничными связями для транспорта, и техническими силами и средствами. Один из этой группы, Ляховский, уже с начала 1895 года работал в нашей организации как пропагандист. Осенью, с приездом в Петербург Мартова, произошло дальнейшее сближение. Помимо известной личности самого Мартова, к этому сближению толкало то, что за ним стояла целая деятельная группа... у которой, через Гофмана, были прочные связи на границе и, кроме того, был мимеограф — это новое благодетельное изобретение, важное для печатания листовок. Теперь их не надо было писать от руки, а можно было печатать на пишущей машинке и без хлопотливой варки массы гектографа и пр. быстро размножать в виде сравнительно приличном и удобочитаемом. Впервые мы испробовали этот мимеограф уже в ноябре, а в декабре пустили его полным ходом в работу.

Идеей Владимира Ильича стало затем полное объединение всех работавших в Петербурге социал-демократических групп. Пока же, пользуясь притоком новых сил и соглашением с народовольцами, все более склонявшимися к нашим идеям, Владимир Ильич решил поставить издание газеты «Рабочее дело». Были два собрания в расширенном составе нашей организации, оба в квартире Радченко, Симбирская, 12. Одно, так сказать, конституционное, где было оформлено слияние с группой Мартова. Основное ядро организации составляли теперь 17 человек: Ленин, Радченко, Старков, Запорожец, Ванеев, Сильвин, Якубова, З. П. Невзорова, Крупская, Малченко, Пономарев, Кржижановский — все члены нашей старой группы — и от новых товарищей: Мартов, Гофман, Ляховский и Тренюхин¹. Был выбран центральный кружок (слово «комитет» тогда еще не было в употреблении) для объединения работы и руководства ею; в него вошли Ленин, Мартов, Кржижановский, Старков и Ванеев. Были намечены кандидаты в центральную группу семнадцати ввиду вероятного расширения нашей деятельности и на случай провалов. Кандидатом со стороны мартовцев был выдвинут Гурвич (впоследствии извест-

¹ В рукописи автора воспоминаний из 17 человек основного ядра организации петербургского «Союза борьбы» перечислено только 16. *Ред.*

ный под именем Дана), а с нашей стороны рекомендованные мной В. К. Сержников, И. А. Шестопапов. Заведующим техникой был избран студент-технолог Я. П. Пономарев, также присутствовавший на этом собрании; к тому времени он уже специализировался на издании листков, для чего у него была под рукой своя небольшая группа. Скоро к нему был присоединен Гольдман (Горев) из группы Мартова, ставший после ареста Пономарева вместе с М. Лурье главой и руководителем всей технической части (не только печатания прокламаций, но также получения и распределения нелегальной литературы, хранения архива и пр.). Ванеев был избран для сношений с народовольческой типографией, которые он вел и прямо через Л. Книпович (кличка Дяденька, тогда народоволка, позже наш единомышленник и деятельный товарищ) и при содействии А. А. Якубовой. Это и было основанием для введения его пятым в руководящую четверку, которая, помимо организационных задач, взяла на себя и редактирование всех изданий, в том числе и предположенного неперiodического органа.

Члены центральной группы — пропагандисты — были разбиты по районам соответственно их прежним связям. Ульянову, Мартову и Кржижановскому отводился район Невской заставы, или Шлиссельбургского тракта, как он иногда у нас назывался; Старкову, Ляховскому и Запорожцу — Нарвский район, главным образом, конечно, Путиловский завод; Гофману и Тренюхину — район Обводного канала; Сильвину, Ванееву, З. Невзоровой, Якубовой — заречные части, Васильевский остров, Петербургская и Выборгская стороны. Это не значит, что весь район обслуживался только теми членами центральной группы, которым он был отведен; они были лишь, так сказать, ответственными организаторами района, должны были привлекать новых сотрудников (с ведома центральной пятерки), организовывать рабочие и студенческие кружки, упорядочить связи, собирать сведения о положении дел в районе, обеспечивать снабжение литературой, листками и т. д.

Надо сказать, что строгое распределение районов фактически не соблюдалось. Владимир Ильич посещал рабочие кружки и в других районах города кроме Невской заставы. В дальнейшем, однако, имелось в виду Ульянова совсем освободить от занятий в кружках, Ванееву сосредоточиться на обязанностях секретариата и связи, остальным уточнить и разукрупнить районы деятельности. Аресты помешали нам развернуться в планомерно действующую организацию с могучим политическим и литературным руководящим центром, с точным распределением работы среди всех членов.

Я ничего не сказал здесь о Н. К. Крупской; она не была пропагандисткой в тесном смысле слова, но вела ответственную и очень важную для нас работу. Своим положением в вечерней школе за Невской заставой она пользовалась для привлечения новых рабочих в наши кружки, к ней стекались все особо важные или срочные сведения для нас от рабочих — членов кружков, все рабочие-

вожаки лично ее знали и относились к ней с глубоким уважением и полным доверием. Она поддерживала и возобновляла обрывавшиеся связи, она была, в сущности, главным стержнем всей нашей организации, — она и ее ближайшие помощницы и коллеги: Кудели, Чечулина и др.

С. И. Радченко от пропагандистской работы также был освобожден. Он заведовал финансовой частью, планированием техники, подготовкой необходимых элементов для устройства собственной подпольной типографии и, так сказать, дипломатическими сношениями — с легальными марксистами, с другими социал-демократическими группировками в столице, с разными интеллигентскими организациями в кружках литераторов, студентов, культурных деятелей. Всякий из этих кругов, заинтересованный в связях или сношениях с нами, знал, что именно через Радченко он мог найти нити этих связей. При массовых арестах его роль становилась особо важной, ему приходилось иногда чуть ли не вновь сколачивать организацию. Малченко был придан ему в помощники при выполнении всех этих многообразных обязанностей.

У нас была, кроме того, обширная «периферия» сотрудников, не связанных непосредственно с центром: пропагандистов, техников, хранителей, переносчиков и распространителей литературы. И. Смилович, С. Невзорова, Названов, А. Ванеев, Стратанович, Е. Н. Федорова, Рунина, Попов, Неустроев, Леман, Богданов, Таранович и множество других имен можно было бы еще назвать в числе этих самоотверженных товарищей, не чуждавшихся никакой подпольной работы, как бы она ни казалась маловажной, лишь бы служила общему делу. Без помощи всех этих товарищей мы не могли бы развернуть той широкой работы в массах, которая привела наконец к их революционному подъему.

Другое собрание было редакционное, дня за три до арестов. На нем Владимир Ильич в качестве редактора «Рабочего дела» читал нам все статьи, предназначенные для первого номера. Он, улыбаясь, начал с заявления: «Я понимаю свои обязанности редактора самодержавно», — исключая, таким образом, ненужные прения по содержанию статей, которые уже были согласованы с отдельными авторами. Три статьи в этом первом и единственном номере принадлежали Владимиру Ильичу: передовая, общеполитического содержания статья, посвященная смерти Ф. Энгельса, и статья по поводу циркуляра Дурново («О чем думают наши министры»). Были также статьи Мартова, Кржижановского, Ванеева, Сильвина (о фабрике Лаферма), Шестернина (о стачке ткачей в Иваново-Вознесенске), остальных авторов я не помню.

За несколько дней до того Запорожец убедил Владимира Ильича не отдавать в типографию статей, написанных его характерным почерком, и переписал их, вследствие чего жандармы приписали Запорожцу авторство этих статей, смотрели на него как на главаря и приговорили к более тяжкой и продолжительной ссылке сравнительно с другими.

Тут же после собрания Владимир Ильич передал весь материал Ванееву, на котором лежали обязанности по сношению с типографией; у Ванеева и был захвачен этот материал при обыске в ночь на 9 декабря.

«Рабочее дело» не было газетой по своему характеру и не могло быть ею еще и потому, что выход его не мог быть периодическим, каждый выпуск требовал бы неопределенно продолжительного времени. Это не был и научно-теоретический журнал типа издававшейся позже женевской «Зари»¹. Скорее всего это издание приняло бы форму неперIODических сборников, близких по своему характеру заграничному «Работнику», со статьями, в которых находили бы отклик все важные события рабочей жизни и революционной борьбы. Потребность в такого рода органе была особенно острой, и последующие нелегальные издания социал-демократических организаций в России шли по тому же пути, какой был намечен нашим «Рабочим делом».

Между тем наша агитационная кампания шла полным ходом. Зиновьев и Карамышев (Борис и Петяшка, как их называли) с группой подобранной ими молодежи агитировали открыто всюду, где возможно, разбрасывали листки прямо на улицах, в толпе рабочих при выходе с завода и в других местах. Листки у Торнтонна, на Путиловском заводе, у Лаферма и др. привлекали внимание, вызвали толки. Более отсталые среди рабочих, ткачи подходили к ним сначала с опаской. «Видит листок, и хочется ему взять, а боится», — рассказывал нам Зиновьев.

Правительство скоро создало им популярность. Листок обычно касался какого-нибудь частного случая злоупотреблений, нарушения закона, сбавки платы без предупреждения и т. п. Приезжал фабричный инспектор, начиналось расследование, полиция вела свое дознание. Все это было событием в однообразной заводской жизни, вызывало толки, будило интересы. Напряженно ждали, каков будет результат вызванной листком шумихи. Уже опубликование злоупотребления или случая произвола, казавшегося своим, домашним, внутренним делом, порождало само по себе возбуждение. «Ловко продернули!» — говорили в толпе, читая свежий, только что подобранный листок. Читали его теперь уже громко, то есть публично, чаще всего те же рабочие, которые дали для него материал, и распространяли его иной раз довольно своеобразно — через какую-нибудь духовую трубу, откуда листовки веером разлетались по мастерской. Однако все это происходило на немногих, преимущественно механических заводах, а между тем мы хотели проникнуть со своей агитацией в самую толщу рабочих, именно в среду наиболее отсталых, движение среди которых сразу могло бы изменить весь характер нашей работы. Случай помог нам проникнуть на фабрику Лаферма, где работали почти исключительно женщины.

¹ «Заря» — марксистский научно-политический журнал, издавался в 1901—1902 гг. в Штутгарте редакцией «Искры». *Ред.*

5 и 8 ноября нами были распространены листки на фабрике Торнтон, 15 ноября — на «Скороходе», в ноябре же и затем 4 декабря — на Путиловском заводе. 10 ноября произошла забастовка на фабрике Лаферма, помещавшейся на углу 9-й линии и Среднего проспекта Васильевского острова.

Я жил в это время на 3-й линии. Возвращаясь часов около двух из университета, я заметил на улицах какое-то необычное оживление, разговоры о каком-то публичном происшествии в окрестности и, следуя за группой спешивших куда-то людей, подошел к фабрике. Улица возле нее была запружена толпой праздных зевак, вся мостовая была усеяна папиросной бумагой, из окон высывались возбужденные лица работниц, что-то громко кричавших и продолжавших бросать на мостовую обломки ящиков, части инструментов, табак, папиросные гильзы и т. п. У здания фабрики стояла пожарная машина и пожарные налаживали рукава, собираясь пустить ее в действие — холодной струей охладить пыл забастовщиц. Было очень много полиции. Я бродил кругом и около в состоянии сильного возбуждения. У меня под носом такие волнения, а я, ответственный организатор района, ничего не знаю и ничего не могу предпринять. Я полетел к Ильичу. «Пойдемте, — тормозил я его, — посмотрите, что там делается». Он заметил что-то скептически, но пошел. Спускались уже туманные зимние сумерки, когда мы прибыли на место. Картина «беспорядков» была все та же. Приехал градоначальник, в окна направили струи воды из пожарной машины, более решительных действий, видимо, не предпринимали. Работницы понемногу успокаивались и расходились.

Я зашел в ближайшую пивную послушать разговоры, и мне удалось понять, в чем было дело. На фабрике ввели новую машину для набивки папирос и понизили расценку с единицы выработки; заработок сократился. Работницы заявили протест, но на него не обратили внимания, тогда они устроили «бунт»: принялись разбивать машины и вообще все, что попадалось под руку, избили бы и заведующих мастерскими, если бы те не попрятались. Из пивной, где благодушествовали мелкие лавочники и тому подобный люд, не скупившийся на насмешки и пошлые замечания насчет расходившихся работниц, я вышел в настроении не очень бодром. Несмотря на это, я решил завести знакомство и, увязавшись за группой работниц, вышедших с фабрики, дошел, болтая с ними, до их квартиры, куда меня и пригласили зайти выпить чаю. Там мне подробно рассказали все дело, отнесясь ко мне очень любезно, как к студенту и сотруднику газет, как я себя рекомендовал. Уходя, я попросил позволения зайти еще раз. Связь, таким образом, была установлена. С тех пор фабрика Лаферма стала как бы моей революционной вотчиной, и почти все прокламации и статьи, каsavшиеся ее, до самого моего ареста, писались мной. Позже мы еще не раз имели здесь дела, связанные с нашей «агитацией» в момент брожения среди рабочих.

К ноябрю 1895 года стадия кружковой пропаганды в нашей организации стала уже достоянием прошлого. Некоторое время еще продолжались теоретические занятия с рабочими, но главной целью образования кружков стало теперь расширение связей, соби́рание сведений о положении дел на заводах и фабриках, дотоле нам известных только понаслышке, и распространение листовок на них. Приходя в кружок, пропагандист теперь не выискивал наиболее интеллигентных рабочих, способных усвоить теорию прибавочной стоимости. Он искал живых, деятельных, развитых товарищей, которые способны были бы стать агитаторами, улавливать настроения, подмечать важные факты. «Агитация» так захватила нас, что скоро нам просто некогда было заниматься кружковой работой, тем более что и полицейское наблюдение за нами усилилось. Не в кружке в воскресенье, в спокойной обстановке за чашкой чая,— мы встречались теперь с рабочими где-нибудь на лету, на улице, в сквере, на кладбище, в пивной, в лесу за городом, в глухом переулке вблизи завода, получали от них сообщение на словах или кое-как нацарапанную на бумаге информацию и таким же порядком передавали принесенную на себе под жилетом пачку прокламаций, которые в ту же ночь или утром уже раскидывались на заводе. Это была нервная работа, требовавшая напряженного внимания, выдержки, хладнокровия, решительности и быстроты исполнения. Формально листок всякий раз должен был редактироваться уполномоченной на то коллегией, фактически же автор листка очень часто выпускал его за своей личной ответственностью и уже потом передавал для ознакомления товарищам. Разногласия и возражения были редки: мы были хорошо спевшейся группой, раньше у нас было достаточно времени, чтобы сговориться обо всем главнейшем.

Агитация как прием борьбы, как метод революционной социал-демократической работы получила вскоре широкое применение во всей стране, в большинстве случаев независимо от нас, но нередко и под прямым влиянием наших успехов. Иные товарищи, приверженцы старых методов конспирации, испугались ее, отошли от нас, предсказывали нам полный провал. Другие обвиняли нас в крохоборстве, в борьбе за «кипяток», в забвении широких задач. Мы, однако, этих задач ни на минуту не забывали. Мы теперь сосредоточили все наше внимание на одной всепоглощающей цели: вызвать массовое движение. Это наше понимание агитации и ее значения превосходно сформулировал Владимир Ильич в своем проекте и объяснении программы социал-демократической партии, написанной им в тюрьме в 1895—1896 годах. Он писал:

«В этом начавшемся теперь повсюду в России переходе рабочих к неуклонной борьбе за свои насущные нужды, борьбе за уступки, за лучшие условия жизни, заработка и рабочего дня, заключается громадный шаг вперед, сделанный русскими рабочими, и на эту борьбу, на содействие ей должно быть обращено поэтому главное внимание с.-д. партии и всех сознательных рабочих.

...На этой борьбе массы рабочего люда учатся, во-1-х, распознавать и разбирать один за другим приемы капиталистической эксплуатации, соображать их и с законом, и с своими жизненными условиями, и с интересами класса капиталистов. Разбирая отдельные формы и случаи эксплуатации, рабочие научаются понимать значение и сущность эксплуатации в ее целом, научаются понимать тот общественный строй, который основан на эксплуатации труда капиталом. Во-2-х, на этой борьбе рабочие пробуют свои силы, учатся объединению, учатся понимать необходимость и значение его. Расширение этой борьбы и учащение столкновений ведет неизбежно к расширению борьбы, к развитию чувства единства, чувства своей солидарности сначала среди рабочих данной местности, затем среди рабочих всей страны, среди всего рабочего класса. В-3-х, эта борьба развивает политическое сознание рабочих. Масса рабочего люда поставлена условиями самой жизни в такое положение, что они (не могут) не имеют ни досуга, ни возможности раздумывать о каких-нибудь государственных вопросах. Но борьба рабочих с фабрикантами за их повседневные нужды сама собой и неизбежно наталкивает рабочих на вопросы государственные, политические, на вопросы о том, как управляется русское государство, как издаются законы и правила и чьим интересам они служат. Каждое фабричное столкновение необходимо приводит рабочих к столкновению с законами и представителями государственной власти»¹.

...Собрание состоялось 15 декабря на Аптекарском острове в квартире дьякона. И. А. Шестопалову удалось достать эту квартиру, очень удобную для многолюдного и весьма конспиративного собрания,— захвати нас здесь полиция, и в ее руки попалась бы почти вся наша организация полностью. В просторной комнате усадились мы за длинным обеденным столом, уставленным чайными приборами и закусками,— дьякон не поспешил на угощение. Здесь были из старых С. И. и Л. Н. Радченко, Мартов, Крупская, З. П. Невзорова, Якубова, Ляховский, Сильвин, Пономарев и, наряду с ними, новые товарищи, которыми мы теперь решили немедленно пополнить центральный кружок: Тренюхин, Гофман, М. Лурье, Гурвич, Стратанович, Шестопалов, Л. Попов, Леман.

Председатель собрания формально не избирался, руководство прениями и формулировку решений, которые никак не записывались, принял на себя Сильвин. По выяснении того, кто арестован и кто уцелел, какими силами располагает организация, какие связи остались в рабочей среде, каковы наши денежные средства, нелегальный библиотечный фонд и техника, было прежде всего решено, единогласно и без прений, продолжать агитационную деятельность главным образом путем выпуска листовок соответственно притоку информации с фабрик и заводов, тут же было прочитано и одобрено к выпуску воззвание ко всем петербургским рабо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 103—105. *Ред.*

чим, написанное еще до арестов, кажется, Кржижановским и оставшееся у кого-то из товарищей в рукописи. Затем Мартов прочитал проект обращения к рабочим по поводу арестов, которое тоже было принято без поправок. Заведование технической стороной дела, то есть печатанием листов, мы по-прежнему оставили в руках Я. П. Пономарева, в распоряжении которого был mimeограф и небольшой штат молодых людей — переносчиков и хранителей. Был выбран новый организационный центр — в составе Ляховского, Мартова, Радченко и Сильвина, — которому поручались сношения с другими организациями, изыскание денежных и технических средств, привлечение новых членов, редактирование листов, распределение районов между пропагандистами и всякого рода общие вопросы организации.

Об этом собрании сообщает и Тахтарев. Он писал, конечно, со слов своей жены, А. А. Якубовой, члена центральной группы, присутствовавшей на этом собрании. Он говорит:

«Некоторые, как, например, М. А. Сильвин, остались на свободе и не только продолжали действовать, но решились показать, что страшный удар, нанесенный жандармами социал-демократическому движению, не попал в настоящую цель и что социал-демократическая организация... несмотря на аресты, не только жива и продолжает действовать, но даже выросла в целый рабочий союз... Собравшиеся на совещании поставили перед собой двойную задачу: во-первых, показать, что действовавшая группа Владимира Ильича уцелела от арестов, как будто они ее совсем не коснулись, и, во-вторых, что арестованные лица, а в их числе и Владимир Ильич, непричастны к той массовой агитации, которая происходила за последнее время посредством распространения безымянных воззваний».

Организация наша до сих пор не имела имени. Даже кличка «старички» появилась уже после ареста Ульянова и его ближайших товарищей и относилась главным образом к ним. Листки мы выпускали без всякой подписи. Сами мы называли себя группой социал-демократов, но нигде это не было формально зафиксировано. Между тем именно теперь, с исчезновением из нашего кружка такой крупной индивидуальности, как Ульянов, признанного его руководителя и идеолога, нам необходимо было подчеркнуть то особенно характерное, чем выделялась наша группа, что она вносила в движение: революционный энтузиазм, принципиальную непримиримость, широкие задачи. Агитация путем листовок, связанные с этим забастовки и другие выступления рабочих в Петербурге были почти всецело нашим делом, мы были за это ответственны. Мы должны были поэтому показать свое лицо, иметь свой герб, свою печать и имя. Этого требовал также и тот размах, который приобрела наша организация, пережившая формы кружковщины. Передовые рабочие играли в ней теперь все более заметную роль, более влиятельную и важную, чем та роль обслуживания их запросов, какую выполняли многие из нас, интеллигентов.

Мы уже не могли теперь выступать от имени только нашего кружка пропагандистов, мы выступали с призывами и лозунгами, обращенными ко всей петербургской массе рабочих от имени многочисленной и влиятельной организации, состоявшей из рабочих-революционеров не менее, чем из интеллигентов-революционеров. Мы должны были иметь имя и должны были провозгласить его сейчас же, если мы хотели отвлечь внимание сыска от наших арестованных товарищей и направить этот сыск по ложному следу. Мы должны были заявить, что вот мы, имярек, делаем и продолжаем делать то, в чем ошибочно обвиняют «декабристов» (так стали называть арестованных в декабре 1895 года). Мы все хорошо сознавали важность этого шага — принять публичное имя и ставить нашу печать и подпись под каждым воззванием нашей организации, при каждом публичном ее выступлении.

По вопросу о названии организации мнения в собрании разделились. Мартов предлагал назваться «Петербургский рабочий союз». Я оспаривал это, говоря, что организация, оформленная наподобие европейских рабочих союзов — политических или экономических, сразу почувствуется рабочими и произведет в их среде неблагоприятное впечатление совершенно так же, как если мы назовемся «рабочая партия» или «социал-демократическая партия», потому что партии мы тоже еще пока не представляем. Мы должны быть реалистами, говорил я, и, выступая от имени массы и в защиту ее интересов, никого не мистифицировать. Название должно отвечать действительному положению вещей и никого не вводить в заблуждение. Затем оно должно быть всем понятно. Мы представляем собой, однако, союз, это верно; в этот союз, объединенный общностью целей, входят и рабочие, и интеллигенты, и может войти всякий, кто пожелает оказать свое содействие осуществлению этих целей.

Если в наш союз вольются в достаточном числе рабочие, которые придадут ему иные организационные формы и более ясно сформулируют свои задачи, название можно будет изменить, теперь же я предлагаю принять название несколько широковещательное, но, по существу, более скромное, чем название «партия» или «рабочий союз». Я предлагаю назваться «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». После кратких прений мое предложение было принято значительным большинством голосов. Тут же постановили заказать печать и поставить ее на первом же выпускаемом листке...

Тахтарев рассказывает об этом в той же своей статье:

«Ни одно из названий, предлагавшихся тем или другим из участников собрания, не удовлетворяло почему-либо других. Одно из этих названий, предложенное, по словам Аполлинарии Александровны (А. А. Якубовой), М. А. Сильвиным, вполне соответствовало своему назначению, но казалось другим слишком длинным. Это название было «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Листок, выпущенный от имени «Союза борьбы» 15 декаб-

ря 1895 года, объявлял, что «все ранее изданные воззвания принадлежали «Союзу борьбы», который извещал настоящим воззванием о своем существовании».

Мартов, говоря в своих «Записках», что название «Союза борьбы» предложено им, просто запомнил, как было дело. А как оно было, я рассказывал Анне Ильиничне, будучи у нее в Москве в конце декабря. Она одобрила название.

Усомнившись в возможности назвать себя рабочим союзом или как-либо в этом роде, мы обнаружили ту же скромность и нерешительность, что и наши рабочие в вопросе о посылке венка на могилу Энгельса при известии о его смерти. Бабушкин рассказывает:

«На... собрании... часть стояла за посылку, но большинство было против. Отказ мотивировали тем, что наше движение довольно ничтожно, и если мы пошлем венок с надписью от петербургских рабочих, то это будет совсем неверно»¹.

Собрание на Аптекарском острове имело важное значение в жизни нашей организации. Оно нас сблизило, как бы спаяло в одно целое, проникнутое общими устремлениями. Правда, вождя, каким был ранее для всех нас Ульянов, не было. Но все чувствовали, что у нас одна цель, что мы должны отдать для нее все, свободу и, если понадобится, самую жизнь. Придавало бодрости также и сознание того, что рабочий аппарат, исполнительный орган опять имеется налицо.

Этот исполнительный орган никогда не собирался в том составе, в каком он был избран. Вероятно, из осторожности Ляховский и Радченко (последний без всякого сомнения поэтому) не приходили на собрания. Мы с Мартовым «самовольно» кооптировали пятым, а в действительности третьим С. А. Гофмана. Втором обсуждали все прокламации и заявления «Союза борьбы». По нашему постановлению и под нашей коллективной редакцией были выпущены листовки: Бабушкина («Что такое социалист...»), Ляховского («К ткачам ф-ки Лебедева»), Сильвина («К рабочим Путиловского завода»), к прядильщикам фабрики Кенига, к рабочим Александровского механического завода и пр. Мы по возможности точно выявили личный состав организации и установили наши связи в рабочей среде.

Дела были совсем неплохи, несмотря на то что аресты выхватили наиболее энергичных и инициативных рабочих. У нас оставалась довольно обширная «периферия» в интеллигентской среде, откуда мы могли черпать пополнение и находить себе заместителей в случае провала, и хорошие связи среди рабочих, потому что уцелели Бабушкин за Невской заставой, Шаповалов на Выборгской стороне, Соловьев на Балтийском, Морозов и Львов на Путиловском заводе, Лебедев, Галактионов, Царьков и др., которые продолжали требовать листов и давали для них достаточный материал.

¹ Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина. М., 1951, с. 78. *Ред.*

В этот первый месяц до ареста Мартова вопросами кружковой пропаганды мы мало занимались, хотя она и не прекращалась. Каждый из нас вел кружок или даже несколько. За Невской заставой работали Ляховский, Стратанович, З. П. и С. П. Невзоровы, Крупская, Гофман, Мартов, Сильвин и Тренюхин вели кружки за Нарвской заставой, в районе Путиловского завода. Гурвич имел кружок в Новом порту. Якубова и Леман — в Центральном районе. Впрочем, это разделение районов точно не соблюдалось. Состав кружков теперь часто менялся, менялись и руководители. Один пропагандист передавал кружок другому иногда без ведома центра. Кружки часто распадались без всякой видимой причины, просто вся работа стала более нервной, живой и подвижной. Проведя две-три беседы на теоретические темы, пропагандист переходил на злободневные вопросы рабочей, заводской жизни, и эта линия быстро подхватывалась участниками кружка, которые — так нам часто казалось — только того и ждали.

Листок, его сенсационные разоблачения, формулировка настроений и требований массы — вот что теперь было нужно, и этого именно прежде всего хотели теперь в кружках. Мы, разумеется, охотно шли навстречу подобным стремлениям, это вполне отвечало нашим желаниям. Теперь уже пропагандисту не приходилось выдерживать долгий период испытания его теоретической пригодности, подвергаться чуть ли не экзамену, чтобы получить кружок, как это было прежде. Оценивались только его моральные качества, чтобы не нарваться на предателя, чтобы вновь привлекаемый в организацию товарищ был верный человек, действительно преданный революционному делу. И пропагандистский и вспомогательный аппарат требовался теперь сравнительно многочисленный, и новым для нас было то, что мы, члены центра, теперь уже не знали лично и не могли знать всех членов организации.

Из товарищей, тогда сравнительно отдаленных от центра, а затем заменивших нас в работе, я помню имена Попова, Неустроева, Богданова, Лемана, Инны Смилович, Тарановича, Руиной, Труховской, Федоровой, Рябинина и Гольдмана. В распределении функций и обязанностей по работе мы руководствовались принципом, что никакая работа, как бы она сама по себе ни казалась малозначительной, не может считаться недостойной и по своей важности для дела должна почитаться равной работе центрального руководства, никакого генеральства не допускалось, и каждый член центрального кружка в случае надобности должен был и печатать листки, и хранить их, и бегать как посыльный, что и бывало в нашей практике того времени.

Лично я занимался кроме Путиловского завода еще и на Балтийском, где Ванеев передал мне кружок Самохина, с арестом которого вместе с остальными «декабристами» руководителем стал Соловьев; у него в квартире и собирался кружок. В это же время я бывал и на Выборгской стороне у Шаповалова, работав-

шего на заводе Лесснера, во всяком случае кружок лесснеровцев собирался у него.

Остро ощущалась нами потребность в печатном станке, тем более что лавры народовольцев не давали нам покоя: их типография продолжала работать. Мы получили сообщение, что работа Ильича «Объяснение закона о штрафах» напечатана и мы должны быть готовы к ее принятию и распространению. Через Надежду Константиновну, с которой держала постоянную связь Анна Ильинична, мы запросили Ильича, нет ли с его стороны возражений, так как при аресте могли быть найдены у него рукописи или другие доказательства его прикосновенности к этой работе. Ответ Ильича был благоприятный. Брошюру мы получили и стали усиленно распространять в конце января.

Для того чтобы наладить собственное печатное дело, нужно было сначала добыть все необходимое, и прежде всего шрифт. На одном из совещаний тройки Гофман сообщил, что имеется партия шрифта, пуда два-три, в Москве и что желательно было бы шрифт этот привезти в Петербург и держать его до поры до времени в надежном месте. Я сказал, что собираюсь на рождество поехать в Нижний и могу захватить шрифт на обратном пути. Но выяснилось, что, во-первых, шрифт надо взять срочно, чтобы он от нас не ушел в другое место, а во-вторых, что мне лично этим заниматься нельзя, так как я, один из немногих уцелевших из прежнего центра организации, имел на своих руках рабочие и иные связи, знал важные пути сношений, источники денежных средств и пр., не успел еще все это передать и распределить по-новому и мой арест со шрифтом был бы в данное время очень нежелателен: Я поэтому сказал, что на пути в Нижний остановлюсь в Москве и подыщу человека, который привезет шрифт. Мне был дан московский адрес, по которому я должен был явиться за шрифтом, а доставить его надо было в Петербург в дом № 3 по Троицкой улице в квартиру горного инженера, кажется Касьянова, сказав: «Вот вам ящик с вином».

По приезде в Москву, в самый канун рождества 1895 года, я стал соображать, к кому бы обратиться за помощью. Кружок Мицкевича, с членами которого я обычно виделся, бывая в Москве, был разгромлен. Впутывать в это дело Анну Ильиничну и ее друзей мне казалось нежелательным, неконспиративным по связи с петербургскими арестованными. Что было делать? Стал я тогда припоминать, не найдется ли в Москве кого-нибудь из старых моих товарищей по гимназии. Наконец я вспомнил С. Н. Х.— студента-медика, отличавшегося в нашем нижегородском кружке необычайным рвением, в особенности по части пропаганды марксизма среди гимназисток. Я разыскал его, объяснил ему дело и после некоторого колебания с его стороны получил благородное и решительное согласие выполнить задание.

Оставалось только разыскать шрифт. Помнится, в Салтыковском переулке я нашел нужный мне дом и увидел себя в мебелиро-

ванных комнатах не первого разряда, назвал имя и несколько нерешительно постучался в указанную мне дверь. Каждый раз в таких случаях думаешь, а вдруг ловушка, засада. Всегда, конечно, можно отговориться недоразумением или ошибкой, и я настоятельно прислушивался, что будет дальше.

«Войдите», — не сразу послышался спокойный, тихий голос.

На диване лежал шатен лет двадцати восьми, худой и длинный, спокойно и молча смотревший на меня.

«Вы ли г-н Невский?» — «Да, я». И он поднялся с дивана.

Фамилия «Невский» показалась мне почему-то сомнительной. «Вероятно, живет по фальшивке», — подумал я.

Я кратко объяснил Невскому положение вещей, обменявшись, конечно, предварительно условленными паролями, и мы назначили день, когда мой товарищ явится за шрифтом. «А где же шрифт?» — поинтересовался я. «А вот он», — и Невский указал на небольших размеров корзину, стоявшую тут же на стуле.

Я приподнял корзину рукой: тяжеловата...

Невский не проявил склонности поддерживать какой бы то ни было разговор, что мне понравилось при данных обстоятельствах, хотя он и показался мне каким-то вялым и безучастным. «Такое серьезное дело — и такой тюря, — подумал я, — что он за человек, случайный ли он пособник, вроде моего Х., сочувствующий только или же член организации?» Я чувствовал, что и Невский смотрит на меня как будто с некоторым сомнением. Впрочем, в подобных случаях не принято было много разговаривать. Я простился и вышел, забегая к Х., сказал ему день, час и адрес и уехал в Нижний.

Возвращаясь недели через две обратно, я в Москве прямо с вокзала направился к Х. Он встретил меня в состоянии крайней подавленности и смущения. «В чем дело?» — «Что за адрес ты мне дал, черт вас возьми совсем!»

«Получив у Невского шрифт, — рассказывал С. Н. Х., — я отправился в Петербург и прямо с вокзала на Троицкую. Позволил. Выходит мадам, расфуфыренная этакая барыня. Я поставил корзину тут же в передней на пол и говорю: «Вот вам ящик с вином». Как она на меня закричит: «Вон, вон отсюда!» Я было наутек, но она поймала меня за пальто: «Возьмите это сейчас же, а не то дворника позову». Что мне было делать? Обрато поезд идет только завтра, пришлось ехать в гостиницу. Швейцар бросается помочь внести вещи. Хорошо, что со мной был еще чемодан, я ему его сунул, а с корзиной, как с пухом, взлетел на четвертый этаж. На другой день выехал обратно. Хорошо, но куда же мне девать корзину в Москве? Домой брату не хочу. Еду прямо к Невскому. К счастью, застал его дома».

«Что же он тебе сказал?» — «Ничего не сказал». — «А ты что?» — «И я ничего не сказал. Поставил корзину и ушел. Теперь жду обыска».

Он был так жалок и смешон в своем состоянии непреодолимого ужаса, который он не мог и не пытался скрыть. Я живо представил

себе его тучную фигуру в этом приключении, как он метался с тяжелой ношей свинца, как с пухом, с этажа на этаж высоких петербургских домов, стремительно бежал по перрону вокзала, не смыкал глаз от страха две ночи напролет в постоянном ожидании, что вот-вот его схватят, засадят, засудят — и погибла вся его тихая, скромная, аккуратная жизнь. Мне стало так смешно, что я, к его великой обиде, громко и неудержимо хохотал до слез. Весь эпизод имел прежде всего комическую сторону, и она меня так поразила, что долго после того, стоило мне в минуту грусти вспомнить Х. и его путешествие со шрифтом, меня одолевал смех. Я дал себе слово никогда больше не вовлекать непроверенного человека в наше подпольное дело, никого не уговаривать принять в нем участие и пользоваться услугами только тех, кто сам шел к нам навстречу, сам желал принять участие в революционной борьбе, тем более что в таких желающих уже не было недостатка.

Я направился к Невскому. Совершенно не помню содержания нашего разговора с ним, но знаю, что шрифта я с собой не взял, никогда не встречал больше этого человека и ничего о нем не слышал. Много позже я узнал из разоблачений Меньшикова с некоторой грустью и отчасти с недоумением, что этот Невский, владелец корзины шрифта, был провокатор. Однако ни для меня, ни для Х. этот эпизод не имел никаких печальных последствий.

Проездом через Москву я посетил и семью Ульяновых. Мне хотелось утешить их в утрате, сказать им что-нибудь ласковое, приятное о Владимире Ильиче. Как-то, вероятно за год перед тем, Владимир Ильич дал мне записочку к Анне Ильиничне, с которой я и заходил к ней на пути в Нижний. Теперь я явился уже как старый знакомый и, рассказывая об арестах, сообщил и о том остроумном письме, которое мы получили от Владимира Ильича из тюрьмы, где он просил о присылке ему разных научных книг. Он так ловко комбинировал фамилии авторов, большей частью фантастических, и их содержание, что нам было ясно его желание узнать о судьбе товарищей. Мы ответили ему в том же тоне, и он понял, что Минога (Н. К. Крупская) не арестована, точно так же как и Пожарский (Сильвин), но что взяты Ванеев (Минин), Кржижановский и Старков («суслики» или «грызуны»), Анна Ильинична смеялась рассказу об этой переписке. Мария Ильинична и Дмитрий Ильич, тогда оба еще совсем молодые люди, не принимали участия в беседе. Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, отнеслась к известию об его аресте внешне спокойно.

В Нижнем, где я увиделся прежде всего с А. С. Розановым, вождем местной организации, произвели впечатление не столько мои рассказы об арестах и арестованных, сколько о нашей агитации посредством листовок и о восприятии ее рабочей массой. Идея агитации как необходимой дальнейшей ступени в развитии движения, так сказать, носилась в воздухе и нашла себе выражение в революционной практике почти одновременно в Москве, Вильне,

в Петербурге и Нижнем. Подобно нам, нижегородцы уже и раньше изредка выпускали по разным случаям написанные от руки воззвания. После же моего сообщения об образовании «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», его опыте и его успехах они решили делать это систематически и постоянно. Начиная с 12 января 1896 года в Нижнем Новгороде и на окрестных заводах стали появляться одна за другой прокламации, оживившие настроение в рабочей среде, пробудившие политические интересы в самых ее низинах, что и повлекло за собой массовые аресты в июле того же года. Но, как и в других местах, в движение уже были вовлечены столь широкие круги, что никакие аресты не могли затормозить его. Тактика была усвоена нижегородскими товарищами та же, что и у нас. Уцелевшие от разгрома принялись выпускать листки с удвоенной энергией...

Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л., 1958, с. 99—111, 119—128

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ПЕТЕРБУРГЕ

К приезду Владимира Ильича в 1893 году в Петербурге уже существовала марксистская группа, причем интеллигенция и рабочие группировались каждые отдельно. У рабочих существовал центральный кружок, в который входили Фишер, Кейзер, Норинский и Шелгунов; из марксистской интеллигенции в этот кружок входили Старков, Кржижановский, Радченко.

Петербургские рабочие уже пережили маевки 1891 и 1892 годов. Рабочих кружков уже было порядочно в Петербурге, но все это носило какой-то случайный характер. Вот что было в Петербурге к приезду Владимира Ильича.

Я в то время ходил на занятия к студенту-технологу Герману Борисовичу Красину. В один из моих приходов к Красину он мне заявил, что приехал очень интересный человек, волжанин, который хочет со мной познакомиться. Я, конечно, изъявил согласие. И мы с Германом условились, что он мне сообщит, когда к нему прийти. В назначенный день я пришел к Герману Борисовичу. Он в это время жил где-то в Семеновском полку. Минуты через три туда же пришел и Владимир Ильич. Здесь у Германа мы обменялись двумя-тремя словами, что-то по поводу одной из вышедших недавно книжек, и Владимир Ильич пригласил меня к нему зайти.

Недели через две или три я отправился к Ильичу в Казачий переулок. Он встретил меня словами: «Вот кстати пришел, у меня есть интересная книга». И тут же показал мне книжку, которая, как я увидел, была написана на немецком языке. Я сказал Владимиру Ильичу, что немецкого языка не знаю. Он ответил: «Ничего, мы будем читать по-русски». Книжка называлась «Промышленные синдикаты, картели и тресты» — Бруно Шёнланка. На чтение этой книжки Владимир Ильич затратил около трех часов. По прочтении ее стал задавать мне вопросы. И когда он их задавал, а на некоторые вопросы требовал письменного ответа, я увидел, что он читал эту книжку не с пропагандистской целью, а для того, чтобы меня на этой книжке испытать. В особенности это стало ясно, когда он спросил: «А сколько здесь в Петербурге среди ваших знакомых таких рабочих вот, как вы?» Я ему назвал това-

ришей по центральному кружку, и он тут же попросил, чтобы его с ними познакомил.

Владимир Ильич с первых же шагов старался основательно изучить всю нашу организацию. Он охотно ходил на кружки и пылливо присматривался к каждому рабочему-революционеру.

В 1894 году уже среди нас, рабочих, ставился вопрос о наиболее целесообразном распределении сил по заводам, то есть если на каком-нибудь заводе не было нашего человека, а завод был крупный, то мы старались туда определить кого-нибудь из наших товарищей, чтобы на всех крупных заводах было хотя бы по одному нашему человеку.

* * *

К весне 1895 года в Петербурге появилась брошюра об агитации¹. Эта брошюра была зачитана на собрании на квартире Сильвина. Из интеллигенции здесь было человек семь-восемь, были тут Владимир Ильич, Старков, Кржижановский, Ванеев и др. При чтении этой брошюры некоторая часть интеллигенции высказалась за то, что к печатной агитации переходить еще рано. Приводился тот мотив, что если на каком-нибудь заводе будет выпущена прокламация, а у нас наших рабочих еще очень мало, то их перестают и работа остановится.

Владимир Ильич доказывал, что бояться этого не нужно, потому что прокламации сделают то, что вместо одного арестованного появятся десятки новых таких же и еще более сильных рабочих. Все присутствовавшие на собрании рабочие были за переход к печатной агитации.

Марксистские печатные прокламации стали появляться только с осени 1895 года. Их было выпущено четыре или пять. Печатались они, насколько мне помнится, в Лахтинской (Ергинской) типографии. Под ними обычно стояла подпись: «Группа социал-демократов». После выхода нескольких прокламаций Владимир Ильич поставил вопрос о том, что нужно создать организацию. «Группа социал-демократов» — это ничего не говорит, заявлял он, рабочий должен знать, что есть определенная организация.

По поручению Владимира Ильича еще в августе 1895 года мною была создана конспиративная квартира, хозяином которой был один из семянниковских рабочих, по фамилии, кажется, Афанасьев. Эту квартиру посещали довольно часто Владимир Ильич, Ляховский, Тахтарев, Старков и др. Я в то время был за Невской заставой чем-то вроде организатора, а потому тоже ходил довольно часто на эту квартиру. Здесь закладывались основы «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Владимир Ильич обращал наше внимание на то, что мы должны принять меры

¹ Имеется в виду брошюра «Об агитации», написанная А. И. Кремером в 1894 г. и изданная «Союзом русских социал-демократов» в Женеве в 1896 г. с послесловием П. Б. Аксельрода. *Ред.*

к тому, чтобы наша молодая организация не пошла по пути английских тред-юнионов. Здесь уже было видно, что Владимир Ильич особенно заботится о том, чтобы организация шла революционным путем. Хотя мы были вынуждены при подходе к рабочему говорить больше об экономике и сплачивать рабочих на почве насущных экономических интересов, но Владимир Ильич говорил, что политическую сторону дела никогда забывать не надо.

За Невской заставой кроме вышеуказанной квартиры Владимир Ильич посещал квартиры Фунтикова, Бодровых и мою на Александровской улице, дом 23. Был я с Владимиром Ильичем еще где-то около Александровской улицы, в поселке по названию Корабли, но где, в каком доме, сейчас вспомнить не могу.

То, что Владимир Ильич с первых же шагов «Союза борьбы» направил его на рельсы революционного марксизма, сыграло в будущем большую организующую роль. Несмотря на то что в декабре 1895 года вся руководящая верхушка марксистской интеллигенции, а также большое количество рабочих были арестованы, все-таки в мае 1896 года в Петербурге вспыхнула небывалая в России забастовка, охватившая свыше 30 тысяч рабочих. Основным требованием рабочих было требование об уплате за коронационные дни, которые рабочие вынужденно прогуливали, а следовательно, не получали зарплаты. В то время короновался Николай II. Эта забастовка была небывалым явлением. В самом требовании уплаты за коронационные дни сказалось непочтительное отношение рабочих к «высокой особе» царя.

Эта забастовка, которая была вызвана работой «Союза борьбы», сыграла ту роль, что рабочее движение из тайного стало явным. И так как большое количество рабочих познакомилось с прокламациями, с нелегальной литературой вообще, то о социалистах уже заговорили вслух. И если революция 1905 года была генеральной репетицией 1917 года, то забастовку 1896 года надо считать одной из важнейших репетиций в подготовке к революции 1905 года.

НАБРОСКИ ВОСПОМИНАНИЙ О «СОЮЗЕ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»¹

25 лет тому назад... Утро нашей партии. И сами мы на пороге жизни...

Маленькая кучка рабочих и интеллигентов среди миллионов глубоко безразличных масс...

Маленькая кучка без средств, без литературы, без оружия и — огромный могущественный государственный механизм со всеми усовершенствованными орудиями борьбы и подавления: полиция тайная и явная, войска, миллионные средства, вся пресса, университетская наука, школа и пр. и пр...

«Ваше дело безнадежное, вы безумцы и хотите прошибить лбом каменную стену», — говорил нам знаменитый в те времена профессор истории на прощальном студенческом вечере, когда мы, то есть группа курсисток Высших женских курсов, доказывали ему неизбежность и необходимость бороться революционным путем за низвержение существующего строя и за осуществление социализма.

И вот 25 лет пролетело в истории народа. Каменная стена, казавшаяся несокрушимой ученому профессору, уже три года лежит в развалинах, и только отдельные уцелевшие бастионы ее то тут, то там пытаются оказывать сопротивление. А маленькая кучка «безумцев» выросла в огромную, охватывающую самые глубокие слои народа партию, сумевшую осуществить в жизни власть рабочих и крестьян и поднявшую красное знамя над всем миром.

Линия развития неукротимо стремительная и в своей стремительности — неукротимо жизненная.

Что же случилось? Что дало силу этой горстке людей начала 90-х годов, как могли осуществиться через 25 лет, в течение одной человеческой жизни самые «безумные» надежды ее, самые «дерзкие» лозунги?

Дело было просто: у нее в руках был ключ к неизвестному будущему — великая теория Маркса, прорубавшая ясную дорогу для работы, за ней стояли огромные пролетарские массы, еще неподвижные, еще пассивные, но полные глубокой и скрытой жизненной силы.

¹ Написано в 1920 г. *Ред.*

Среди них каждое слово пропагандиста-марксиста било в точку, каждое слово освещало тот или иной угол действительности, создавало волю к тому или иному действию.

Работа среди них была поистине благодарная, и я не раз удивлялась внутренне, с какой легкостью усваивалась ими теория прибавочной стоимости Маркса, как были они самой жизнью подготовлены к восприятию ее.

Все это создавало глубокую уверенность в правильности пути, в несокрушимости нашей линии, в несомненности нашей победы. Будущее было за нас, и мы то и дело получали подкрепление в виде известий об образовании все новых и новых групп в различных промышленных центрах России.

И еще было огромное историческое счастье для работы — это то, что во главе РСДРП был с самого начала В. И. Ульянов, без которого вся ее работа имела бы и иной темп, и иное русло, и иной характер. С самого ее рождения вплоть до образования РКП его ум, его воля, его огромное политическое чутье проникали через всю работу, давали ей направление, ставили основные вехи на ее пути. И вся история партии есть вместе с тем история его жизни и его работы.

В самом начале 90-х годов все слои русского народа были еще придавлены реакцией 80-х годов. Царило спокойствие могилы.

Среди интеллигенции — толстовство, теория малых дел, теория самоусовершенствования. Было нудно, серо, тоскливо...

Но этот период уже изживался. Креп новый класс — пролетариат, а вместе нарождались звуки новых песен, новых слов...

В Германии к этому времени сложилась уже сильная социал-демократическая партия. В Женеве группа «Освобождение труда» издавала свои первые произведения, среди студенчества, наиболее тогда чуткой части интеллигенции, забродили, зашевелились новые мысли, новые настроения.

Правда, еще была над душами власть народовольческой партии, разбитой и почти уничтоженной царизмом. Но неумолимая логика фактов и жизни делала свое. Народовольческие листки и брошюры уже не удовлетворяли, не давали опоры. Среди аморфной массы студенчества начали образовываться кружки марксистов, еще теоретизирующие, вступающие лишь в словесную борьбу с народовольческими и народническими течениями, но свежие и бодрые, быстро нащупывающие дорогу к массам.

И когда впервые в 1891—1892 годах появились нелегальные издания «Коммунистического манифеста» и издания группы «Освобождение труда», это было откровением для многих из нас и определило всю дальнейшую линию поведения.

Я до сих пор помню потрясающее впечатление от «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса. Точно кто-то мощный отдернул предо мной завесу, с беспощадной и суровой правдой вскрыл сущность пестрого переплета общественных отношений и ярким лучом пронизал тьму будущего... Ничего подобного

я никогда не испытывала. Несколько дней ничего другого не могла читать, ничем заниматься. В эти дни определилась вся моя дальнейшая судьба, вся моя жизнь. Путь был намечен ясно. Надо было только решиться вступить на него и вооружиться для работы на нем...

Я жила в то время вместе с А. Якубовой. Вместе с ней я переживала эту лихорадку откровения. Мы набросились на Лассаля и Маркса. Добытый с величайшим трудом I том «Капитала» (он был запрещенной книгой, конечно) штудировали и изучали. И каждая новая глава подводила все более и более прочный фундамент под новое мирозерцание, давала уверенность, силу, жажду претворить в действие все эти новые мысли, новый подход к жизни.

Тогда же в Питере организовалась сильная качественно группа студентов-технологов марксистов, завязавшая уже сношения с рабочими разных районов и ведущая среди них пропагандистскую работу. Группа эта держалась очень конспиративно, доступ в нее был очень труден и допускались исключительно лица, хорошо прштудировавшие I том «Капитала».

В эту группу входили: С. Радченко, Г. Красин, В. Старков, Г. Кржижановский, П. Запорожец, М. Названов, А. Ванеев, А. Малченко.

Группа к студенческим, как «интеллигентским», делам относилась равнодушно. Лозунгом ее была работа среди пролетариата.

В начале 1893 года нас, то есть меня и Якубову, единственных в то время марксисток на Высших женских курсах, познакомили с членами этой группы. Первое знакомство произошло, кажется, с Г. Красиным. Красин, бывший одним из самых первых социал-демократов в Питере, был в это время уже выслан из Питера в связи с демонстрацией на похоронах Шелгунова. С этого времени мы вступили в постоянные сношения с этой группой, помогая ей в той или иной мере. Работа была углубленно пропагандистская. Связи с рабочими завязывались большею частью через вечерние школы. Каждому поручалась (после большого искуса) маленькая группа рабочих (три-четыре человека), с которыми усердно проходили теорию Маркса, историю революционных движений, иногда историю мироздания.

С осени 1893 года наступил новый период в жизни русской социал-демократии. В Питере появился Владимир Ильич Ульянов, который сразу резко поставил вопрос о расширении сферы влияния на массы, об изменении линии и темпа работы путем внесения в нее политического содержания и перехода от пропагандистских методов к агитационным. Зима 1893/94 года прошла в жарких спорах об изменении тактики. Некоторые старые члены кружка вышли из него, несогласные с новой линией работы. Но таких было единицы. Вся же группа в целом встала на новые практические рельсы. Работа велась еще кружковая, но связи с заводами расширялись, и мы быстро переходили к агитационным методам

путем издания листовок на всякие злободневные темы. Были это линючие лиловые маленькие листочки, написанные от руки печатными буквами, но несли они новые смелые слова, простые и правдивые, близкие и понятные каждому. Листочки передавались из рук в руки, обсуждались, а мы радовались, когда удавалось просунуть на завод, вопреки всяким «каменным стенам», 2—5 таких листочков.

Летом 1894 года многие из нас окончили курс высших учебных заведений и некоторые должны были уехать из Питера с твердым намерением вернуться в Питер при первой возможности. Уехала и я в Нижний Новгород, уехал Кржижановский на работу в Нижегородское земство. В Нижнем началась к этому времени тоже горячая социал-демократическая работа. Кружки рабочих были на всех крупных заводах. Работа уже вышла из стадии пропагандистской, и я сразу вошла в ту же колею, отличающуюся от питерской только своим размером. Во главе нижегородской группы стояли д-р А. С. Розанов, статистики П. Румянцев и Кулябко, группа рабочих с крупных заводов и типографий — все горячая и преданная молодежь.

Мы все работали дружно, вели кружки, печатали листовки, целые брошюры, устраивали за городом собрания с рабочими. Я начала было, кроме того, заниматься в воскресной школе с группой рабочих, но после четырех лекций о мироздании и происхождении человека вылетела оттуда по требованию нижегородского губернатора. Дело кончилось тем, что лучшие ученики моей группы очутились у меня в нелегальном кружке, где мы изучали уже теорию Маркса и неизбежность социальной революции.

Питерские товарищи все же усиленно звали нас обратно, и в начале 1895 года сначала Кржижановский, а затем и я вернулись в Питер.

Там линия работы шла все время вверх. Тяготили и стесняли кустарные формы ее. Не было ни литературы, ни средств печатания. Весной 1895 года В. И. Ульянов поехал за границу, и этим был произведен новый сдвиг в работе. Была установлена связь с группой «Освобождение труда», был привезен небольшой запас нелегальной литературы и mimeограф. Это было целое огромное событие. Интересно отметить, что Плеханов после свидания с Владимиром Ильичем писал одному своему знакомому в Россию, что за все 10 лет его эмигрантской жизни первый раз приехал из России человек, так удивительно совмещающий глубокую теоретическую подготовку с активным практицизмом, и что этот человек призван сыграть крупную роль в революционном движении.

С осени 1895 года впервые был поставлен вопрос о правильной организации нашей работы и об издании постоянного органа. Все мы разбились по районам, каждый взял на себя работу на определенном заводе. В центре организации стояла редакция журнала, состоящая из В. И. Ульянова, Г. Кржижановского, В. Старкова.

Через некоторое время в нее был введен Ю. Цедербаум (Мартов), незадолго до этого приехавший из Вильны.

Ульянов, Кржижановский и Крупская работали за Невской заставой, Старков и Запорожец — за Нарвской. Якубова, я, Сильвин, Ванеев — на Васильевском острове. Распределение остальных не помню. Кроме района я с Якубовой работала в вечерней школе на Шлиссельбургском тракте, также служившей нам вечным источником все новых и новых связей с рабочими разных заводов. Там же и уже давно работала Надежда Константиновна Крупская, которая пользовалась большой популярностью среди учеников и служила связующим живым центром между ними и нелегальной организацией.

Мне в школе, как это ни курьезно, пришлось заниматься нелегально. Я не была утверждена инспектором народных училищ, и группа моя числилась официально за одной из «законных» учительниц. Я читала о государственном и экономическом строе европейских государств и об истории рабочего движения, а на столе во время урока лежал на случай прихода инспектора архизаконный учебник географии. Я попробовала было легализовать свое положение и отправилась к директору департамента полиции с жалобой на инспектора народных училищ. Там я была встречена очень сурово. Директор департамента Сабуров очень злобно и резко заявил мне, что он удивляется дерзости моих претензий, что около меня имеется уже «ореол фактов», что у меня очень плохой круг знакомых и что он никогда не допустит моей близости к рабочим. Мне оставалось только пожать плечами, сделать удивленные глаза, удалиться вспять и... продолжать нелегально заниматься в школе.

Надо сказать, что слезка за нами к этому времени очень усилилась. Было решено отменить всякие дружеские хождения друг к другу, частные собрания и пр. Все работники районов должны были собираться только раз в неделю с отчетом о своей работе. Все мы чувствовали, что вступаем в новый фазис работы, более суровой, напряженной и дисциплинированной. Был уже готов к печати № 1 «Рабочего дела». Надежды на укрепление и расширение работы все возрастали. Уверенность в успехе была огромная. Но... наступил скверный день 9 декабря... Тотчас после службы я зашла к Запорожцу. Меня встретила хозяйка с испуганными глазами и шепнула, что ночью его увезли. Дело было плохо. Я знала, что одним арестом дело кончиться не может. Действительно, у себя на квартире я нашла всю нашу уцелевшую василеостровскую группу, взволнованную, потрясенную. Мне сообщили об аресте наших товарищей. Были арестованы Ульянов, Старков, Кржижановский, Запорожец, Малченко, Ванеев и лучшие товарищи из рабочих. Это был первый удар, и удар сильный и меткий... Мы его перенесли особенно тяжело... И самое скверное было то, что влетела вся редакция.

Но терять времени было некогда. В ближайшие дни были собра-

ны уцелевшие члены — Степан Иванович и Любовь Радченко, Крупская, Цедербаум, я, Якубова, Сильвин. Решено было немедленно пополнить состав. Были введены: д-р Гурвич (Дан), Гофман, д-р Ляховский, студ. Шестопалов, Стратанович, позднее Елизавета Федорова и Инна Смидович. Кроме этой группы была большая «периферия»: Борис Гольдман, тогда студент 1-го курса Моисей Лурье, студент Рябинин, Софья Невзорова и др.

Был немедленно издан листок о продолжении работы, и группа решила оформить свое бытие, объявив себя «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

4 января были арестованы Мартов и Ляховский. Работа после ареста самых ответственных товарищей стала вдвое труднее. Но за нас было будущее. Газету поставить не удавалось. Но количество выпускаемых листков все увеличивалось, и 1 мая 1896 года нам *впервые* удалось отпечатать в достаточном количестве и распространить *по всем заводам без исключения* первомайский листок. Торжество наше было немалое. К этому времени у нас уже на каждом заводе была более или менее прочная связь, и нам удавалось распространять довольно большое по тому времени количество литературы, печатаемой в нелегальной народвольческой типографии по особому с ней уговору. Наши товарищи в тюрьме были в курсе всех наших дел. С ними удалось наладить правильные сношения, между прочим и чрез особо сформированный штат «невест». Владимир Ильич помимо всяких советов ухитрился написать и переслать на волю для печати целую брошюру «О стачках».

Вскоре начались знаменитые стачки 1896 года. Это были первые движения просыпающегося великана. Впервые Питер переживал массовое рабочее движение. Все силы явной и тайной полиции были поставлены на ноги. Мы работали как в лихорадке. Листки выпускались за листками и жадно, как никогда, расхватывались рабочими. Кое-где удавалось провести летучие беседы среди толпы бастующих. Потребовалось сплочение всех социал-демократических групп, работавших вразбивку. Прежде всего присоединились «молодые» — Ленгник, Богатырев и др. Волна работы захватила и сплотила на это время всех нас.

17 июня я и Шестопалов были арестованы в связи с провалом Лахтинской народвольческой типографии, с которой мы были в деловых отношениях по части наших изданий.

В июле и августе произошли новые аресты среди «Союза борьбы». Были арестованы Крупская, Дан, Гофман, Сильвин, Ленгник, С. Невзорова, Смидович, Федорова, Радченко и др.

Но мы были уже неистребимы. На место арестованных товарищей становились немедленно новые и новые члены «Союза борьбы», и работа шла, невзирая ни на что, вперед, постепенно расширяясь и углубляясь...

Первый съезд РСДРП. Документы и материалы. М., 1958, с. 132—138

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В начале 1895 года я получил через С. И. Якубова предложение от одного из конспиративных центров (мне оставшегося неизвестным) заняться пропагандой в кружке рабочих. Я охотно согласился.

Мне дали группу, кажется, в шесть или семь человек. Из них выделялся и казался с первого взгляда на целую голову выше остальных Василий Яковлевич Антушевский, работавший токарем по металлу в механической железнодорожной мастерской. Юноша лет двадцати двух, чистенько и не без щегольства одетый, нередко с манишкой и манжетами, он по внешнему виду производил впечатление интеллигента. В кружке он должен был играть роль не столько объекта социалистической обработки, сколько субъекта воспитания остальных членов кружка. В качестве «сознательного» он лишь «дополнял» меня как пропагандиста. По всей вероятности, ему было поручено, на первое по крайней мере время, внимательно присматриваться ко мне — стою ли я, мол, на высоте своей задачи. На нем же лежала ответственность за организационную сторону кружковой работы: назначать время и место для собраний и следить за тем, чтобы члены кружка собирались аккуратно.

Нельзя сказать, чтобы он сколько-нибудь был силен по части книжной премудрости, но понатореться около интеллигентов он действительно успел и любил-таки кстати и не кстати щегольнуть ученым словом или фразою.

Я был в приятельских отношениях и с Антушевским, но более приятное впечатление производил на меня другой член кружка — Филипп Галактионов, сравнительно немолодой (лет под тридцать) ткач с Кожевниковской фабрики. У него были не нахватанные на скорую руку элементы мировоззрения, а мысли, выстраданные и выношенные в глубине настоящей пролетарской психологии. Несмотря на свою скромность, он на самом деле был гораздо развитее Антушевского. Кстати сказать, и впоследствии, будучи арестован, он держал себя на дознании с таким гордым достоинством, какое в то время было далеко не частым явлением в атмосфере запуганности и растерянности, царившей среди попадавшей в лапы жандармов рабочей молодежи.

Из других своих слушателей я помню еще Королева — молодого паренька с волнистой рыжеватой шевелюрой, которой он лихо потряхивал, приходя в восторг от какого-нибудь красного словца или какой-нибудь заманчивой революционной перспективы. Он отличался способностью быстро воспламеняться, но и быстро остывать. Эта нервность и неуравновешенность впоследствии, когда он был арестован, послужили причиной его излишней откровенности на допросах, за что он потом дорого расплачивался мучениями больной совести. Во время же кружковых занятий он был источником моей постоянной досады. Бывало, только что я войду в раж, объясняя «хитрую механику» закабаления капиталистами рабочего класса, а он уж тут как тут — и преподнесет какой-нибудь вопрос, застигающий меня врасплох.

— А скажите, П. Н., как это наука показывает, что бога нет... Очень уж это самое дело меня берет за живое... Да и фабричные ребята тоже интересуются: как так бога нет?! Почему такое?!

— Ах, послушайте, Королев,— строго замечаю я.— Во-первых, у нас сейчас идет речь о прибавочной стоимости, а не о боге или черте, а во-вторых, охота же вам возиться с вопросами религии... Вот лучше поучитесь тому, как это так случилось, что вы стали жертвою, брошенной в прожорливую пасть молоха, который зовется капиталом... И как бы так рабочему классу насмерть поразить это чудовище... А библейского-то этого бога вы пошлите к черту, и дело с концом!..

Говоря так, я был глубоко убежден, что разговоры о религии только понапрасну отвлекут внимание моей аудитории от важного и существенного — от экономики и социализма — в сторону метафизических умствований. С таким же недружелюбием я встречал и другие «не относящиеся к делу» вопросы — например, о происхождении мира или человека — вопросы, на которые очень часто требовал прямых ответов все тот же неукротимый Королев, не без поддержки, впрочем (робкой и дипломатической), со стороны вдумчивого Галактионова. Кажется, если не ошибаюсь, таким же предрассудочным отношением к естественным запросам ума стремившегося «из мрака к свету» рабочего грешили и многие интеллигенты, бравшиеся в то время за дело социалистической пропаганды в рабочих кружках.

В пояснение этого обстоятельства замечу, между прочим, следующее. Нельзя сказать, чтобы я и мне подобные просветители рабочего класса не придавали большого значения делу ознакомления рабочих с естественнонаучными элементами материалистического мировоззрения. Но нам казалось, что принцип разделения труда и экономики сил требует от нас сужения нашей задачи до пределов чисто социалистической пропаганды. Общее же развитие рабочий сможет получить и в своей вечерней школе.

— А что же представляла из себя эта вечерняя школа? — спросит иной читатель.— О, вечерняя школа в описываемое время была огромным фактором революционной работы среди рабочих.

Подчиненная контролю придирчивого чиновника — инспектора, она долгое время не привлекала внимания охраны или, лучше сказать, не в такой мере привлекала, чтобы революционерам нельзя было с нею оперировать. Под невинным соусом преподавания географии по какому-нибудь Смирнову или истории по Иловайскому пробравшаяся в эту школу учительница-социалистка давала рабочим элементы материалистического мирозерцания и гражданской грамоты. Правда, такой учительнице приходилось изворачиваться, опасаясь и посещения инспектора, и соглядатайства шпиона из среды слушателей, и подвоха со стороны какой-нибудь товарки по работе в школе, прислуживающей начальству и готовой даже в случае чего и на донос. Но наши товарищи-учительницы великолепно приспособлялись к своей роли и не только с честью выполняли свою чисто учительскую функцию, но и помогали революционным организациям подбирать кружки из рабочих для последующей обработки их под знаком социалистической пропаганды. С этой целью учительница внимательно изучала индивидуальность каждого посетителя школы, делала на основании этого знакомства отбор наиболее доброкачественных экземпляров, постепенно подготавливала их для нелегальных форм восприятия идеи социализма и в таком уже виде передавала в значительной мере обработанный материал специальному пропагандисту для дальнейшей выучки.

При некоторых школах устраивались даже конспиративные квартиры, а сами учительницы начинали увлекаться нелегальной работой. Так, например, при Глазовской вечерне-воскресной школе в квартире рабочего Рядова частенько устраивались конспиративные собрания. Учительницы этой школы Сибилева, Устругова и Агринская сильно скомпрометировали себя в глазах полиции своим непосредственным участием в нелегальных видах работы. В то же самое время и Н. К. Крупская, работавшая в Варгунинской вечерне-воскресной Смоленской школе, по ее собственным словам, через школу хорошо знала рабочую публику на близлежащих фабриках и заводах, знала, где кто имеет влияние и т. п. Большинство рабочих, посещавших кружки, ходило и в школу, заводило и там новые связи и т. п. Хотя прямого разговора не было, но ученики прекрасно знали, что она принадлежит к определенной группе, и учительница знала, кто из них в какие кружки ходит. В той же школе работали З. П. Невзорова и А. А. Якубова, также связанные с нелегальными организациями.

Что же касается огромной положительной роли вечерних школ для революционной пропаганды среди столичного пролетариата, то она совершенно ясна. Около этих школ питались и «старики», и «молодые» (чернышевцы-тож), и народовольцы... Вот почему даже такая школа, как Глазовская, где была подобрана учительская радикальная интеллигенция не из социал-демократической среды, объективно должна была обслуживать интересы социал-демократической борьбы.

Не мудрено, что и жандармское дознание, натываясь много раз на имя В. Сибилевой в связи с именами очень многих рабочих, прошедших через Глазовскую школу и связанных в свою очередь с рабочими кружками, обслуживаемыми группой социал-демократов, ничего другого не могло и придумать, как занести ее, вместе с Е. Д. Уструговой и сестрами Агринскими, за одну скобу с социал-демократами — вопреки действительности.

Кстати сказать, раз речь зашла о Верочке Сибилевой, она пользовалась большой популярностью среди рабочих. Я очень хорошо помню ее красивое, кругленькое личико, дышащее молодостью и энергией. Смерть, однако, не пощадила ее молодости. Она умерла в 1898 году в Астрахани, будучи туда сослана по окончании нашего процесса. (Кажется, ее сначала сослали в Архангельск, но ввиду совершенно расшатанного тюремной ее здоровья Архангельск был заменен ей Астраханью.)

Любопытно отметить, что в свою очередь и я, вышедший из недр народовольчества, вел свои беседы с рабочими, основываясь на прочитанных мною и проштудированных страницах из Маркса (я был одним из немногих счастливых — обладателей I тома «Капитала»), из Лассаля, даже из Чернышевского, но клянусь честью, что мне и в голову не приходило подсовывать моим слушателям народнические теории Н. К. Михайловского, Николая — она, В. В. и К⁰. И это происходило вовсе не потому, что во мне проснулось недоверчиво-критическое отношение к народничеству, а вышло как-то само собою, так сказать, по независящим от меня обстоятельствам. Правда, я уже болезненно переживал тогда тот умственный кризис, о котором говорил выше. Но я еще не смел круто повернуться спиной к своим прежним фетишам, я еще не отделился от той пуповины, которая меня связывала с детским местом моего революционного развития в его эмбриональной стадии.

Если я как бы и позабыл о своих народнических догматах, то это прежде всего и весьма просто объяснялось тем, что я имел дело с кусочком общественной среды, совершенно определенно предъявлявшей спрос на идеологические элементы своего особого классового самоопределения. Заговори, например, я со своей аудиторией об общине, о земледельческих артелях, о тяге мужицкой России к коллективистическим формам жизни, о самобытных путях развития русского народа, неприемлемости для него капиталистического развития и т. д. и т. д. — и я скоро должен был бы почувствовать, что мои семена падают на неблагоприятную почву. В то же время животрепещущие злобы дня — о том, что творится на Путиловском заводе, у Лаферма или у Торнтонна — были властными центрами нашего общего внимания. Какое там, черт, артели или община, когда тут в спешном порядке нужно разрешить задачу об организации стачечного фонда или кассы взаимопомощи!.. И я искренне увлекался этими новыми для меня мотивами, новыми заданиями.

Словом, не рабочие приспособлялись к моему мировоззрению (довольно-таки путанному в тот период), а, наоборот, я был увлечен мощной стихией стачечного движения и приспособлялся к потребностям своей аудитории. И это обстоятельство до такой степени сыграло роль могучего фактора в процессе моего политического перевоспитания, что не кто иной, как я же сам, уничтожил почти всю пачку в 300 экземпляров прокламации «Императорского дома нашего приращение», не желая распространять этой листовки плохого бунтарского тона среди рабочих.

Думаю, что революционная работа и остальных выходцев из народовольческих организаций носила в то время такой же характер приспособления к неудержимо растущему рабочему движению. Недаром же сбита с толку прокуратура умозаключает:

«Из всего вышеизложенного усматривается, что дознанием установлены данные, указывающие, что группу «Народовольцев», совершенно расстроенную в 1894 г. уголовным преследованием, заменили в противоправительственной пропаганде среди рабочих лица *одинаковых с народовольцами убеждений* (курсив мой.— П. Л. Очевидно, с точки зрения подслеповатой охранки, все кошки стали серы), но начавшие действовать по иной программе и именовавшиеся социал-демократами».

В известном, очень условном, смысле жандармы были правы. Время нытья революционной интеллигенции и ее плача на реках вавилонских прошло. В центрах рабочего движения жизнь забила ключом. Стаечная волна подняла полуразбитое суденышко русской революции с мели реакции и бросила его вместе с обновленным его командным составом в водоворот бурной политической жизни. Революционер старой марки, если только он не спешил спрятаться от этой жизни и замуроваться в тех говорильных тайниках, где много болтали для самоуслаждения по Михайловскому, а вступал на путь практической революционной работы, ничего другого и выдумать не мог, как идти в рабочую среду, говорить там о заработной плате, о 8-часовом рабочем дне, о борьбе с хозяевами, о стачках и т. п., вести пропаганду, придерживаясь экономической теории Маркса, самому таким образом попадать в гущу саморастущего рабочего движения и на этой почве обновлять свой идейный багаж. Недреманное же око жандармерии, имея в поле своего зрения переплетающиеся линии «преступной деятельности» в одних и тех же плоскостях как народовольцев, так и социал-демократов, оперируя агентурными данными о вольном или невольном контакте и тех и других, толкавшихся около одного и того же объекта своей работы, в конце концов переставало правильно различать не только революционные оттенки, но и основные цвета.

Как известно, главная роль по работе среди петербургского пролетариата в 1894—1895 годах принадлежала группе социал-демократов, известных под именем «стариков». Эта группа была сильна не столько количественно, сколько качественно. Деятельностью этой группы руководил Владимир Ильич Ульянов, отно-

сительно которого выдавший его летом 1895 года за границей Г. В. Плеханов отзывался как о единственном в своем роде человеке, необычайно счастливо соединявшем в своем лице и великолепного практика и блестящего теоретика. Около Владимира Ильича сгруппировалась кучка интеллигенции, прошедшая такую марксистскую выучку, которая сразу определила весьма выдержанную линию ее социал-демократической работы. Со «стариками» в некотором роде конкурировали «молодые», руководимые Чернышевым. Это были социал-демократы уже совершенно другой марки. Не хватало того теоретического багажа, которым могли похвалиться — не говоря уже о Владимире Ильиче — некоторые из членов его кружка, как, например, Г. М. Кржижановский и В. В. Старков.

Следующую ступень занимали народовольцы, по большей части предоставленные самим себе и действовавшие за свой собственный риск и страх.

Хотя, как это я старался выяснить выше, условия революционного момента на практике сближали их работу с однородной деятельностью социал-демократических кружков, но ни идейной поддержки, ни определенности в методах работы у них, конечно, не могло быть. Центр притяжения у всех этих элементов был общий, но если группу В. И. Ульянова можно было бы сравнить с планетой, окончательно сформировавшейся из революционных сгустков, то одиночек из народовольческой «туманности» хочется уподобить блуждающим кометам, которые то приближаются к своему центру тяготения, то удаляются от него черт знает на какое расстояние. Зато работа такого кустаря-одиночки как будто выигрывала в смысле большей красочности, более свободного развертывания присущих ему творческих сил, большей, так сказать, романтичности.

Сейчас я считаю очень сомнительными и мещански-индивидуалистическими эти преимущества, но когда-то, в те далекие времена, я сознательно предпочитал роль кустаря-одиночки более стесненному, как мне казалось, положению членов той или иной сплоченной группы, действующих друг на друга самоограничительно.

— Никто, мол, мне не указчик, — я сам себе ответственный руководитель!

По праздничным дням или по канунам праздников моя группа рабочих собиралась где-нибудь за городом — то за Балтийским вокзалом, то за Волковым кладбищем, то за Невской заставой или в каких-нибудь иных укромных местечках. Чтобы замаскировать свою интеллигентскую внешность, я заказал себе высокие сапоги охотничьего типа, воображая, что они, вместе с картузом, лихо заломленным набекрень, придадут мне достаточно демократический вид. Не думаю, впрочем, что именно эти сапоги долгое время, на протяжении 8—9 месяцев, спасали меня от провала. Вероятнее всего, мое положение чиновника (пожалуй, уже не рядового) в го-

раздо большей степени способствовало тому, что внимание охраны не сразу было обращено в сторону «благополучного россиянина», связавшего свою судьбу с благами 20-го числа.

Но как бы то ни было, не чувствуя себя еще опутанным паутиною шпионских наблюдений, я становился все более и более дерзким в своих похождениях. Однажды, например, мне пришла в голову идея собрать вокруг себя более значительную аудиторию, чем мой кружок, и, кстати, дать возможность расправиться в этой обстановке свои агитаторские крылья моим лучшим ученикам — Антушевскому и Галактионову. Сходка где-нибудь в лесу с непременным присутствием на ней шпика, от которого никак в таких случаях не удается уберечься, мне нисколько не улыбалась.

И вот мне пришло в голову нанять финляндский пароходишко якобы для увеселительной прогулки. Зараженный моим авантюризмом Антушевский одобрил этот план и взял на себя его выполнение — разыскал такой именно пароходишко, какой был нам нужен, с парюю матросов-финляндцев, плохо понимающих русский язык, составил с очень строгим выбором список будущих пассажиров (предполагалось собрать, насколько помнится, человек 75) и закупил нужное количество провизии — французских булок, чайной колбасы, а также несколько бутылок водки отчасти в целях имитации «пиршества», а отчасти и для того, чтобы напоить до положения риз пароходную команду.

Весь наш кружок ждал этой прогулки по Неве с величайшим нетерпением. Антушевский и Галактионов заготовляли речи, с которыми собирались выступить на пароходе. Была выработана программа дня. Начало сентября предвещало хорошую погоду. Одним словом, мы были настроены весьма радужно. Но, как водится в таких случаях, вышла какая-то путаница с назначением дня отъезда, и на наш «Тулон» явилось вместо 75 человек не более 25—30 приглашенных гостей.

Примирившись, однако, с этой неприятной неожиданностью, мы ранним утром отчалили от пристани у Летнего сада и пустились в путь вверх по Неве. День выдался теплый, солнечный. Вот уж и Охта осталась позади. Освобожденная от скучных городских построек и от унылых фабричных корпусов с их вытянутыми к небу трубами, могучая река ласкает наш взор своей зеркальной ширью. Мимо нас мелькают зеленые берега; на этом зеленом фоне пестреют золотые блики осенней листвы берез и осин. А там, на горизонте, туманятся лиловатые дымчатые дали.

Иллюзия свободы опьяняет нас. И по программе, а еще более сверх всякой программы льются обильными потоками на излюбленные темы речи, завязываются споры. Затем запевалы затягивают песню, дружно подхватываемую хором.

От этого ясного голубого неба, от этих залитых солнечным светом ландшафтов нам еще более, еще увереннее хочется смотреть вдаль, где, к сожалению, так еще туманно, так эскизно вырисовываются светлые перспективы борьбы рабочего класса за новый мир.

— А что же делать рабочей женщине в этой борьбе? — подымает спорный вопрос Верочка Сибилева.— Ведь работница несет двойное иго, находясь под гнетом и капитала и семейной домоштроевщины...

Мнения разделились. Я стою на той позиции, что женский вопрос разрешится только тогда, когда будет благополучно ликвидирован вопрос о всем «четвертом» сословии в целом, ибо только при социализме будут изжиты эксплуатация, рабство и гнет во всех их видах и формах, а в том числе и семейных. Наши женщины (их было две на пароходе) настаивают на необходимости поддерживать самостоятельное женское движение. Торжествует в конце концов синтетическая точка зрения. Если, мол, будет почва для самостоятельного объединения женщин-работниц, то следует отнестись к этому явлению благосклонно, отнюдь, однако, не поддерживая иллюзий о достижении полной эмансипации женщины вне борьбы рабочего класса за социализм.

Время летит незаметно. Вот уже и солнце начинает спускаться к горизонту. Пароход наш на полдороге к Шлиссельбургу, прежде чем повернуть назад, где-то в красивом местечке делает часика на полтора привал. Наша публика высыпает на берег, бегаёт, дурачится, играет в горелки и дышит полной грудью, захватывая жадными легкими напоенный ароматами соснового леса чистый, бездымный и беспыльный воздух. Серовато-желтые с зеленоватым оттенком лица рабочих начинают покрываться легким румянцем.

Прогулка в тот день сошла для нас благополучно. Охранники прозевали ее. Но если бы даже при возвращении нашего парохода нас поджидала уже расплата за дерзостное деяние, наказуемое по такой-то статье, если бы нам пришлось в качестве заключительного аккорда к нашему веселому дню испытать в тот же вечер прелесть ввержения нас в каменные мешки, я не думаю, чтобы у многих из нас шевельнулось в душе чувство горечи или раскаяния. Не много таких хороших дней выпадало в серой жизни тогдашнего рабочего. Это был наш импровизированный праздник, который позволил не только на минуту отдохнуть от скучных серых будней жизни, но и воспринять его как символ, как легкий намек, как предвосхищение того далекого, того желанного идеала свободной братской жизни, который маячил перед нашим умственным взором светлой звездочкой на темном горизонте окружающей действительности.

Впоследствии жандармы, найдя у арестованного Антушевского пароходную квитанцию, написанную на мое имя, задним числом вскрыли картину нашей прогулки, считая этот эпизод одним из самых выпуклых моментов моего «преступного» поведения, но все же главную мою роль они видели в моих функциях печатника для обслуживания, как им казалось, издательских нужд социал-демократов.

Нужно заметить, что я действительно несколько специализировался в этом деле, но без получения на этот счет каких-либо за-

даний социал-демократической группы, а по собственной инициативе, в качестве, так сказать, «свободного художника». Впрочем, точнее было бы сказать, не я специализировался, а выявил свою богатую творческую инициативу С. С. Гуляницкий, мною только стимулируемый и в некотором роде «развращенный».

Славный был парень этот студент-технолог Степка Гуляницкий. С кристально чистой душой, он был плохой политик и оставался довольно-таки равнодушным к тем «нашим разногласиям», которые раскидывали революционную интеллигенцию того времени в разные стороны. Он готов был сочувствовать и служить всему, что революционно отрицало полный грубого насилия над личностью человека порядок вещей, но служить не в качестве первой скрипки, а в роли подсобной технической силы, тем более что вечные заботы о куске хлеба для семьи (у него были жена и ребенок) не располагали его к выступлению на первые боевые позиции. Задумав отдать его целиком революционной работе, я сошелся с Гуляницким и снял с ним общую квартиру, занимая в ней одну комнату под видом его жильца.

Я знал, что даже очень нужные прокламации, призывающие, например, к срочной забастовке, очень часто пишутся от руки и распространяются среди рабочих в количестве, не превышающем десятка экземпляров. Чем особенно страдала и группа В. И. Ульянова, так это отсутствием печатной техники. Поэтому предпринятые мною самостоятельные шаги к постановке мимеографического дела были как нельзя более кстати. Я уже стал получать довольно много конспиративных заказов, иногда из неизвестных мне источников, пока обыск и арест не оборвали моей налаженной работы. К сожалению, я не успел передать секретов моей техники следующему революционному поколению, и все изобретательское остроумие Степки Гуляницкого, который был арестован вместе со мной, пропало даром.

А Гуляницкий оказался действительным гением изобретательности. Наша задача, которую мы поставили перед собой, заключалась в том, чтобы отыскать наиболее простые, наиболее дешевые, а самое главное — наименее нарушающие условия конспиративности способы тиснения.

Прежде всего необходимо было состряпать типографский валик. Вопрос заключался в том, из какого материала его приготовить. После нескольких опытов мы с Гуляницким нашли, что продаваемое в аптекарском магазине растение агар-агар вместе с глицерином и водой в известной определенной пропорции дает как раз подходящую упругую массу, которую стоит только отлить в цилиндрическую форму около железного стержня с выступами (чтобы масса не скользила вокруг стержня), приделать ручку, охватывающую своими гнездами концы железной оси валика, и инструмент готов.

Второе затруднение заключалось в том, чтобы получить восковую бумагу, которая годилась бы для мимеографического печата-

ния. Опыты с папиросной бумагой, одна сторона которой протаскивалась по поверхности определенной смеси из парафина, стеарина и спермацета (состав смеси был открыт все тем же Гуляницким), подогреваемой в особо приготовленном для этой цели корытце, дали в конце концов превосходные результаты. Бумага нашего изготовления более удовлетворяла нас, чем продававшаяся в магазинах, и мы заготовили ее целую стопу, предварительно отпечатав на ней клетчатую сеть для удобства писания.

Затем на очередь всплыла проблема пробивания на этой бумаге букв из ряда микроскопических дырочек, через которые должна проходить типографская краска. В продаже для этих целей служил резец с колесиком на конце. Но покупать такую бы то ни было полиграфическую принадлежность было рискованно. И вот Гуляницкий додумался до простого способа — писания стальным прутком на навощенной бумаге, наложенной на напильник с мелкими нарезками (от 60 до 80 на 1 см)...

Все эти приспособления вместе с типографской краской, которую, к сожалению, нам пришлось купить, а не собственными средствами изготовить, обошлись, насколько мне помнится, в три рубля с копейками. Таким образом, простой, дешевый и конспиративный способ размножения революционных небольших изданий был нами открыт. Можно было, не подновляя трафарета, получить сразу по нескольку сот (и даже около тысячи) вполне отчетливых экземпляров. Но, повторяю, нам не удалось передать в наследие наше открытие последующим работникам, так как те лица, которые были посвящены в этот секрет (Антушевский, Романенко), были вместе с нами арестованы.

*Лепешинский П. Н. На повороте. 1894—
1895 гг. М., 1955, с. 29—41*

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

Я работал в порту нового адмиралтейства в слесарной мастерской учеником с 1884 года, а в 1889 году вышел в мастера. Работа в порту шла тихо и примитивно — не пользовались даже и станками, какие были в мастерской. Спросишь, бывало, у указателя (мастера) наждачной бумаги отшлифовать медную вещь, а он в ответ: «Эх, плохой ты мастеровой! Захотел наждачной бумагой, а ты возьми щепочку, насыпь наждаку, да и протри». Так и шла работа — больше проводили времени, чем работали.

Но вот с Балтийского завода перешли в мастерскую несколько молодых мастеровых; впоследствии оказалось, что они были уволены с Балтийского завода как «опасный элемент». Они внесли в порт живую струю. Сейчас же пустили в ход стоявшие без работы станки, поденную работу перевели на штучную, благодаря чему заработки повысились.

Вместе с тем эти мастеровые повели среди рабочих социалистическую пропаганду, выбирая лучшие элементы из заводской молодежи. Началась организация кружков, в один из которых попал и я. Получив в кружке кое-какие познания, я сейчас же стал распространять среди своих друзей то, что узнал в кружке. Кроме устной пропаганды, раздавались по рукам книжки, в которых высказывались идеи социализма. Изредка к нам попадала и нелегальная литература. Но она плохо «прививалась», так как ее трудно было хранить.

В целях правильного политического развития рабочих у нас в порту устраивались так называемые в те времена «демократические университеты» при слушателях не более пяти человек. При этом говорили так: «Если рабочий не может прийти в университет сам, то университет придет к нему». И действительно, работа по развитию членов кружка шла быстро.

Руководителями наших кружков были студенты высших учебных заведений, они же были и организаторами кружков.

Когда в 1894—1895 годах Владимир Ильич Ульянов совместно с Запорожцем и Старковым составили программу занятий, работа в наших рабочих кружках стала более углубленной и правильной.

Я помню, что когда я организовал несколько рабочих кружков на Петербургской стороне, на Васильевском острове, на Вы-

боргской стороне и в посаде Колпино и заявил, что необходимо прислать интеллигентов в эти кружки для чтения лекций, то мне в нашем центре сказали: «Хорошо, к вам придет Николай Петрович. Это один из лучших, поэтому люди в кружках должны быть благонадежными и серьезными».

В силу этой директивы я отобрал среди завербованных в члены кружков рабочих более мне известных: Ильина, Астафьева, Крылова, Ниляндера, сам же был пятым. Первое собрание этого нашего кружка состоялось на Петербургской стороне, в доме на углу Съезжинской и Большой Пушкарской улиц, в комнате, в которой я жил и которая имела отдельный ход с лестницы, так что мои квартирные хозяева не видели, кто ко мне приходил.

В назначенный час ко мне кто-то постучал. Открыв дверь, я увидел мужчину лет тридцати, с рыжеватой маленькой бородкой, круглым лицом, с пронизательными глазами, с нахлобученной на глаза фуражкой, в осеннем пальто с поднятым воротником, хотя дело было летом, вообще — на вид этот человек показался мне самым неопределенным по среде человеком. Войдя в комнату, он спросил: «Здесь живет Князев?» На мой утвердительный ответ заметил: «А я — Николай Петрович». — «Мы вас ждем», — сказал я. «Дело в том, что я не мог прийти прямым сообщением... Вот и задержался. Ну как, все налицо?» — спросил он, снимая пальто.

Лицо его казалось настолько серьезным и повелительным, что его слова заставляли невольно подчиняться, и я поторопился успокоить его, что все пришли и можно начинать.

Подойдя к собравшимся, он познакомился с ними, сел на указанное ему место и начал знакомить собрание с планом той работы, для которой мы все собрались. Речь его отличалась серьезностью, определенностью, обдуманностью и была как бы не терпящей возражений. Собравшиеся слушали его внимательно. Они отвечали на его вопросы: кто и где работает, на каком заводе, каково развитие рабочих завода, каковы их взгляды, способны ли они воспринимать социалистические идеи, что больше всего интересует рабочих, что они читают и т. д.

Главной мыслью Николая Петровича, как мы поняли, было то, что люди неясно представляют себе свои интересы, а главное, не умеют пользоваться тем, чем могли бы воспользоваться. Они не знают, что, если бы они сумели объединиться, сплотиться, в них была бы такая сила, которая могла бы разрушить все препятствия к достижению лучшего. Приобретя знания, они смогли бы самостоятельно улучшить свое положение, вывести себя из рабского состояния и т. п.

Речь Николая Петровича продолжалась более двух часов; слушать его было легко, так как он все объяснял, что было нам непонятно. Сравнивая его речь с речами других интеллигентов, становилось ясно, что она была совсем иной, выделялась, и когда Николай Петрович ушел, назначив нам день следующего собрания, то

собравшиеся стали спрашивать меня: «Кто это такой? Здорово говорит».

Но я им объяснить не мог, кто был Николай Петрович, так как сам его в то время не знал. Он посещал нас часто — раз в неделю. Посещал он также и другие кружки, которые ему указывали. Удалось организовать кружок на Черной речке и у рабочего П. Дмитриева. Николай Петрович посещал и этот кружок, несмотря на дальность расстояния. Посещал он кружок и на 7-й линии Васильевского острова у Крочкина-Федорова. Этот кружок был для Николая Петровича роковым: его там проследили. Кружок этот — пять человек — был арестован в ноябре 1894 года.

Так как я был членом центрального кружка, то у меня на квартире собирались и представители других кружков, и интеллигенты. Эти собрания были еще более конспиративны. На этих собраниях руководителем был тот же Николай Петрович. Но как его звали по-настоящему, никто из рабочих и здесь не знал. Николай Петрович на этих собраниях распределял по кружкам интеллигентов-пропагандистов и давал им указания, знакомил их с тем, что представляли из себя эти кружки и что читать в них.

В 1893 году умерла моя бабушка, и мне предстояло получить наследство. Зная, что я всегда могу получить совет со стороны товарищей, как мне поступить, с тем чтобы это наследство попало мне в руки, я обратился к ним. Они меня отправили к помощнику присяжного поверенного В. И. Ульянову, предупредив при этом меня, чтобы я адреса его не записывал, а запомнил бы, а если и придется, записать условно, прибавив к числам номера дома и номера квартиры число 9.

Придя в дом № 7 в Казачий переулоч, в квартиру № 13, я отыскала по данному мне плану эту квартиру. На звонок дверь мне открыла квартирная хозяйка, заявив, что Ульянова дома нет, но он скоро будет, и разрешила мне обождать его в его комнате. Комната имела два окна. Меблировка ее была очень скромная: железная кровать, письменный стол, три-четыре стула, комод. Осмотрев все, я задумался: «Что это за адвокат, и возьмется ли он за мое дело...» Раздался звонок, и вскоре в комнату вошел мужчина. «А, вы уже ждете?» — сказал он мне, при этом быстро скинул пальто и стал расправлять немного помятый фрак. «Ну-с, одну минуточку: я сейчас переоденусь, и мы с вами займемся».

Посмотрев этому адвокату в лицо, я обомлел: да это же ведь Николай Петрович! Пока я приходил в себя, передо мною появился переодетый в другую одежду Николай Петрович и, указывая на стул, обратился ко мне: «Вы расскажите мне все по порядку». Сев, я, как умел, начал рассказывать, а он, перебивая меня, требовал пояснений, как бы вытаскивая из меня один факт за другим. Узнав от меня, что бабушка моя умерла в услужении у одного генерала и что последний может присвоить наследство, хотя и имеет собственный каменный дом в три этажа, Николай Петрович потер руки и сказал с ударением на этих словах: «Ну что же, отберем дом,

если выиграем. Затруднение лишь в том, что очень трудно отыскать посемейный список, так как покойная из крепостных».

Сказав это, он взял бумагу и стал писать прошение для получения ревизских сказок¹. Написав его, он указал мне, куда придется ходить, куда подавать, и велел по получении того или иного сообщения по делу прийти к нему.

— Ну, а теперь перейдем к другому вопросу. Как дело в кружках? Что на заводах? — стал расспрашивать меня Николай Петрович. Я едва успевал ему отвечать. «Вы,— сказал он мне,— как непосредственно связанный с кружками, должны узнавать, что происходит на заводах, чем недовольны рабочие и кто в этом виноват. Вы должны знать интересы рабочих, чем они больше интересуются, как к ним подойти».

Я слушал и чувствовал, что все эти требования выполнить довольно трудно, но Николай Петрович так уверенно все говорил, что я не осмелился отказаться.

— Вот,— продолжал он,— вы организовали кружок. Сами вы должны стать выше их по знанию, чтобы руководить. Вы должны больше читать, развиваться и развивать других. Я слышал, что вы любите ходить на танцы, но это бросьте — надо работать вовсю. Вы должны развиваться политически, и тогда вся ваша работа в кружке будет для вас наслаждением...

Мы расстались. От мысли о возложенных на меня обязанностях мне стало тяжело. Выйдя от него на улицу, я стал обдумывать, как все выполнить. Встретясь дня через два с Запорожцем, я рассказал ему про свою встречу с Николаем Петровичем — В. И. Ульяновым — и о том, что он мне наказал сделать. Выслушав меня, Запорожец засмеялся и сказал: «Ничего, ничего, берите с него пример. Он и сам очень много работает. Надо же и нам работать и помогать ему».

С тех пор я стал периодически посещать В. И. Ульянова, давая ему сведения, которые получал с завода, и каждый раз получал от него новые инструкции.

— Погодите, погодите,— говорил он,— придет время, когда мы заставим слушать нас и добьемся права организации. Нам будет легче. Важно, чтобы нас поняли рабочие, и тогда мы приобретем силу и поставим нашу жизнь так, как мы захотим.

Говорил это В. И. Ульянов с большим оживлением. Я уходил от него в приподнятом настроении и с усиленным желанием работать.

На заводе я в свою очередь старался рассказывать обо всем, что слышал от Владимира Ильича. Рабочие слушали меня со вниманием, их отношение ко мне переменилось, и меня они стали уважать. Но не долго это продолжалось. Слухи о моей пропаганде дошли до начальства, и мне пришлось уйти с завода.

¹ Переписи податного населения. Последняя перепись была проведена при отмене крепостного права. *Ред.*

Придя как-то к В. И. Ульянову, я услышал от него вопрос: «А что?! Если бы вас арестовали, вы знаете, как держаться на допросе, на суде?» — «Да», — ответил я... Рецепт, как держаться на допросе, состоял в том, чтобы не давать никаких показаний. «Ну, так вот, — продолжал он, — если знаете, то объясните и всем товарищам. Имеется у вас касса? Библиотека? Из каких книг она состоит? Нам надо организовать хорошую библиотеку, составить соответствующую программу чтения. Надо знать, как надо помогать арестованным и ссыльным. Для этого необходимы средства. Надо обязать членов партии вносить членские взносы, устраивать лотереи и пользоваться всеми возможными источниками для добытия денежных средств».

Владимир Ильич старался передать мне все, что было необходимо для нашей организации. Просидев у него около часа, я ушел, обещая ему все по возможности выполнить.

А вскоре узнал, что он был арестован. Вскоре же после его ареста был арестован и я, а затем выслан в Вятскую губернию.

*Воспоминания о В. И. Ленине. В 5-ти т.
Изд. 3-е. М., 1984, т. 2, с. 38—42*

ВОСПОМИНАНИЯ

Родился я в 1873 году в городе Петербурге. Отец мой был сын крестьянина. Обучался он в Кронштадте кантонистом 1-го учебного морского экипажа. По окончании его был прикомандирован в отряд князя Меншикова в качестве писаря. Попал в плен к туркам и, пробыв в плену семь лет, вернулся в Петербург, где поступил канцелярским служителем в Финляндский статс-секретариат, где прослужил до шестидесяти пяти лет, а шестидесяти восьми умер. Мать моя была дочерью разорившегося купца-лабазника.

Отцу моему было крайне тяжело содержать жену и восемь человек детей. Жалованье он получал 1600 финских марок в год. И потому, когда я кончил начальное городское училище, все с радостью ухватились за предложение моего дяди, модельщика Балтийского завода, определить меня в Балтийскую ремесленную школу...

Кончив школу в 1888 году, я тоже поступил в механическую мастерскую учеником слесаря, и, по счастливой случайности, тиски мои оказались между тисками Норинского и Кости Куприянова, а через трое тисков вправо от меня работал Иван Иванович Тимофеев.

Мне, как вышедшему из семьи, где слово «социалист» произносилось со страхом и не иначе как шепотом, конечно, сразу бросилось в глаза, что у тисков Тимофеева творится что-то неладное, то есть все время с ним кто-нибудь да беседует, а затем получает книжку и под полой уносит ее к себе. Я по секрету сообщил об этом Норинскому и высказал предположение, что Тимофеев, вероятно, нехороший человек. Меня очень удивило, что и Норинский и даже Костя Куприянов, который был моим лучшим товарищем, принялись страстно защищать Тимофеева, но, конечно, сразу убедить меня было невозможно. В конечном счете они мне заявили, что хотя я и ничего не понимаю, но чтобы никому ничего не болтал. Предупреждение, конечно, напрасное. Ведь я тоже был учеником нашего Ивана Ивановича.

С этого времени оба мои соседа с жаром взялись за мою работу. Очень много крови испортили себе из-за моего упорства, в особенности из-за вопросов религии, но все же в конце концов заставили меня смотреть с уважением на Тимофеева и людей, по-

добных ему. Дальше пошло уже легче, и в начале 1891 года я уже вместе с моими учителями находился в кружке Володи Фомина.

Преподавание в кружке усваивалось мною довольно легко и кое-что помню даже и до сих пор, но моя застенчивость и боязнь ответить невпопад (ставшие проклятием половины моей жизни) мешали мне высказываться, и я все время был якобы последним. Школа и кружок вызвали во мне не только желание учиться, но и порыв к борьбе и самопожертвованию. А так как открытая борьба с самодержавием нам тогда, конечно, еще и не снилась, то, конечно, воевать приходилось с ближайшим притеснителем — мастером. За это я, хотя и работавший не хуже остальных учеников моего выпуска, за четыре года учения получил только одну прибавку в 15 копеек в день.

В 1892 году я кончил учение и, отказавшись от следующей прибавки, взял с Балтийского завода расчет. С помощью Ивана Ивановича Егорова я вскоре поступил на завод керосиновых двигателей морского инженера Яковлева на Петербургской стороне, по Большой Спасской улице. Здесь по тому времени собралось прямо-таки революционное гнездо, так как на 30 рабочих наших было: А. Фишер, Иван Егоров, Иван Кейзер, Иван Форсов, Александр Ильин, Владимир Князев, Н. Ниляндер и я.

С этого времени я выхожу из гаванского кружка и вступаю в кружок Фишера, а затем и въезжаю к нему в комнату, в которой он жил с Иваном Форсовым. Хотя нас было в комнате три человека, но это нас не стесняло, так как комната была и хорошая и большая. Хозяйка — немка, вдова с сыном, была женщина хорошая, скромная и нами, единственными жильцами, дорожила, а значит, и не мешала нам устраивать всякие собрания.

Кружок Фишера по составу был довольно большой. В него входили: Кейзер, Форсов, Князев, Ильин, Ниляндер, Козловский, я и еще два товарища, фамилий которых не помню. Но это еще не все. Довольно часто у нас собирался и женский кружок во главе с В. М. Карелиной. В него входили: Наташа, теперь Кейзер, Феня, теперь Норинская, Паша Иванова, Лена, Маша и Лиза. Все они, за исключением Веры Марковны, — прислуги Елизаветинского института. Иногда мы устраивали совместные вечеринки, которые Вере Марковне удавалось сделать такими веселыми и интересными, что они до сих пор держатся в памяти как самые отрадные и веселые за все молодые годы.

Да, создать веселость там, куда девушки приходили измученными и озлобленными на своих капризничавших и издевающихся над ними воспитанниц, кисейных барышень-дворянок, удавалось нам лишь благодаря неистощимой жизнерадостности и энергии В. М. Карелиной.

О чем только мы не говорили на этих вечерках, — тут достанется и фабрикантам, и заводчикам, и полиции, и батюшке-попу. Руководили всем, конечно, Фишер и Вера Марковна. А уж и как же мы «Дубинушку» пели, так просто лампы гаснут. Нередко да-

леко жившие Вера Марковна, Паша и Феня оставались у нас ночевать (хозяйева, конечно, перебирались на новую квартиру — на пол), и утром мы гурьбой отправлялись к Егору Афанасьеву, там заканчивали наш праздник. Забыл упомянуть, что почти на всех наших вечерках бывал и Костя Норинский.

Такое наше благополучие продолжалось сравнительно недолго. Заводчик наш хотя и был тоже моряком, но это был не Иван Иванович, это был эксплуататор 96-й пробы. Он скоро заметил, что молодежь хотя и великолепные работники, но с ними надо держать ухо востро, и мы скоро почувствовали, что дни нашей работы здесь сочтены.

...Шаг за шагом вся наша компания была разогнана.

К этому времени Фишер жил уже на Васильевском острове вместе с Кейзером Иваном. Работали оба на заводе «Сименс и Гальске», куда определили и меня. Я бывал у них чуть ли не каждый день, и, естественно, конечно, что и здесь я был одним из членов кружка Фишера. Мать моя жила в это время на Фонтанке у Обуховского моста. И вот, идя один раз от нее рано утром на работу — я выходил рано потому, что часто и утром я заходил к Фишеру, — смотрю, на Николаевском мосту идут мне навстречу с узелками Володя Фомин, Иван Иванович Егоров и Петр Кайзо. Я очень удивился, что они вместо Балтийского завода идут в противоположную сторону.

Хотел поздороваться и спросить, что сие значит, да вовремя спохватился. Гляжу, шагах в десяти от них тащатся двое городских и двое околоточных, и мне сразу стало ясно, в чем дело. Попрощались только глазами. Потом, перейдя на другую сторону, я с тоской долго смотрел им вслед, пока они не скрылись. Моей первой мыслью было: надо предупредить Фишера, если он цел. Не скрывая от себя опасности, я все же направился к нему на квартиру, и, к счастью, и он, и Кейзер оказались целы. Конечно, сейчас же приняли меры. Кое-что сожгли, а что поважнее — снесли на завод и там припрятали.

Кружковые занятия описывать, конечно, не стоит, они уже описаны лучше меня многими моими товарищами. А на заводе работа была поставлена так. Фишер занимался индивидуальной обработкой и держался в видах конспирации по возможности в тени. А я и Кейзер старались использовать завтрак, во время которого машины останавливались на полчаса, для агитации. Обычно мы заранее выбирали тему и решали, кто из нас ее защищает, а кто оспаривает. Кругом нас всегда собиралось 15—20 рабочих. Иногда подходил к нам и Фишер, но в споры не вступал, а просто, как бы случайно, возьмет да и резюмирует выводы из нашего спора. Конечно, и здесь мы не забывали показывать на деле, как надо защищать свои права.

В марте или в апреле 1894 года состоялась вторая дискуссия с народовольцами в квартире Фишера. Из народовольцев помню только Петра Петровича, Василия Михайловича, студента-меди-

ка, и Кузюткина. Всех их я видел только один этот раз. Из наших же знал только одного В. В. Старкова. Хотя там присутствовал и Михайлов, но я его тогда не знал и лицо его не запомнил. Из рабочих были, конечно, Фишер, Шелгунов, Норинский, Кейзер, Фунтиков, я и еще человек пять, которых я почти не знал.

Решили, что народовольцы могут приходить, но только в те кружки, куда их попросят, говорить на темы, предложенные рабочими, и вообще работать под контролем наиболее развитых рабочих. Не могу не вспомнить, как таким решением был расстроен и огорчен Петр Петрович. У него появилась нервная дрожь, и по лицу его было видно, что для него общение с рабочими было не просто работа, а дело, в которое он вкладывал всю душу. Конечно, это мое субъективное мнение, но к нему как к человеку были направлены самые лучшие мои симпатии.

Незадолго до ареста Фишера я специально для собраний снял холостую квартиру в Гавани. Это был мезонин в маленьком доме на углу Наличной улицы и переулка того же названия. Квартира была удобна тем, что, кроме двух семей стариков латышей, хорошо мне знакомых, в доме никто не жил.

Осенью 1894 года, не помню точно кто — Фишер или Шелгунов, направили меня к Владимиру Ильичу Ленину для изучения «Капитала» Маркса, и я ходил к нему всю зиму, каждое воскресенье от 10 до 12 часов дня. Жил он тогда в Большом Казачьем переулке, кажется, дом 7, кв. 13 или наоборот. Прихожу, спрашиваю Николая Петровича, как его тогда звали. Меня провели в небольшую комнатку, в которой, кроме кровати, небольшого стола и двух стульев, кажется, ничего больше и не было.

Смотрю, за столом сидит рыжеватый, лысый человек и пишет. Увидев меня, отложил свою работу и, наскоро допив чай, стал меня спрашивать: где я работаю, как обстоят дела на заводе, что и как я проходил в кружках, и лишь после этого стал читать Маркса. Конечно, из чтения я немного почерпнул бы — ведь я и сам умел читать, — но каждый абзац, где встречались какие-либо трудности, он объяснял, и объяснял так, как только он один и мог: и коротко и ясно. За все время наших занятий я никого у него не встречал и лишь один раз в дверях столкнулся с В. А. Шелгуновым.

В одно из воскресений я на занятия не явился. Прихожу в следующее. Смотрю, Николай Петрович нахмурился и довольно неласково спрашивает, почему не был прошлый раз. Я рассказал ему, что я и Костя Куприянов сидели три дня в арестном доме на Казачьем плацу за оскорбление городского. И вот его подлинные слова: «Как жаль, что вы мне раньше об этом не сказали, я бы выступил в суде и, конечно, вас все равно бы посадили, но, по крайней мере, можно хоть душу отвести и попортить крови этим мерзавцам».

Конечно, после этого меня стало мучить любопытство, кто же такой этот Николай Петрович? На студента он не похож. Брат у меня служил писцом в окружном суде, и я сказал ему, что один из

моих товарищей хочет узнать фамилию присяжного поверенного, которого ему рекомендовали, описал его наружность и спросил, не встречал ли он такого. Он сказал, что у них есть алфавитный указатель юристов, но нужно знать адрес. Сказал. И на завтра узнал, что Николай Петрович есть помощник присяжного поверенного Владимир Ильич Ульянов. Пишу это для того, чтобы показать, как уже тогда рабочие берегли Владимира Ильича, если мне, бывшему четыре года в кружках, не открыли его имя и фамилию.

Незадолго до своего ареста Кейзер мне сообщил, что меня непременно хочет видеть зубной врач Михайлов, живущий на Николаевской улице. Мне не очень хотелось идти туда, но ввиду того, что Кейзер очень настаивал, я согласился. Михайлов много говорил о том, что ему очень хотелось бы потеснее связаться с рабочими, а [так как] ему известно, что они у меня собираются, то было бы желательно, чтобы я ввел его в свой кружок. Я ему ответил, что он, наверное, знает интеллигентов, посещающих нас, то пусть приходит по их рекомендации. Это ему ужасно не понравилось. В этот раз мы с ним ни до чего не договорились, и он просил меня зайти в следующий раз, когда обещал приготовить книги для моей библиотеки.

Позволю себе сделать маленькое отступление. П. И. Кулябко показала мне донесение начальника тульского жандармского управления, где проживал много времени спустя Михайлов, в котором он аттестуется как дельный работник, а что жена его ведет себя непозволительно и может его скомпрометировать. Это донесение напомнило мне инцидент, происшедший у Михайлова во время моего первого посещения. Когда мы сидели и беседовали с ним, жена вызвала его в соседнюю комнату, а между ними произошел такой разговор: «Коля, я не могу, я скажу». Это было сказано со слезами в голосе. Между ними произошла какая-то борьба, и слышно было, как он сказал: «Вы не смеете, и вы этого не делаете». Она с рыданием убежала куда-то. Когда он вошел, то нам обоим было как-то неловко, и минут через пять мы расстались. Думаю, что она хотела меня предупредить.

После этого я пошел к нашим, чтобы узнать, что за человек Михайлов. Зашел на Серпуховскую или Подольскую и застал там товарищей Старкова и Малченко. Рассказал им о моем свидании. Они мне определенно сказали, что Михайлов у них под большим подозрением, книги от него брать можно, но вводить его к себе не следовало бы.

Вскоре я был у Михайлова второй раз. Опять то же требование, то есть когда я назначу день, когда он может прийти. Я отговорился, что в квартире живу я один и потому редко бываю дома, а все свободное время провожу у товарищей. Ну тогда, говорит, я приду к вам, когда мне вздумается. Такая навязчивость в конце концов взорвала и меня. Я в резкой форме заявил ему, что если вы так сделаете, то я просто уйду из квартиры, вы все равно ничего не достигнете. Несмотря на то что он очень рассердился, книги —

журналов штук 20—24 — он мне все-таки дал. А на допросе, поганец, показал, что я у него взял 60 штук. Несмотря на все его приглашения через Кейзера, приезжавшего из Колпина, я к нему больше не пошел.

В одно из воскресений по окончании кружка, когда все уже разошлись, я с тов. Садовым Василием только что вышли из ворот; у самого дома встретили Михайлова, идущего ко мне. Несмотря на все его просьбы, мы домой не вернулись и постарались его спроводить. Это была моя с ним последняя встреча.

25 марта 1895 года у меня был собран центральный кружок. Выбраны были организаторы районов, причем Василеостровский район был поручен мне. Кому какой район достался, не помню, а казначеем выбрали Бориса Зиновьева.

Некоторое время кружок собирался регулярно, но потом стала замечаться слезка. Например, по воскресеньям, когда надо собираться кружку, против дома на лужке появляются с выпивкой какие-то три чиновника, и, конечно, не гаванские. Известно, что гаванские чиновники — публика безобидная.

Подошло время, когда квартиру пришлось бросить. Я переехал на Петроградскую сторону, на Гатчинскую улицу, в дом, где жила Наташа Кейзер. Дворником там был ее зять, очень хороший человек, но семейный. Под его охраной мы чувствовали [себя] спокойно и продолжали собрания. Месяца через два какие-то два господина приказали дворнику хорошенько следить за своим жильцом, да я и сам успел признать двух типов. Пришлось прекратить всякие собрания у меня. Дворник тоже стал просить пожалеть его семейство, и пришлось бросить квартиру и тут.

Переехал на 5-ю линию Васильевского острова, где поселился в одной комнате с Николаем Зейштрандом. Сюда господа полупочтенные пожаловали чуть ли не на другой день и были настолько нахальны, что даже и не прятались. Чтобы показать им, что я их вижу, я иногда с ними раскланивался. От поклона они с улыбкой хотя и отворачивались, но все же следовали за мной шагах в пятнадцать — один по одной, а второй по другой [стороне улицы]. Тут я понял, что мне осталось недолго гулять по Питеру, и предупредил товарищей, чтобы никто ко мне не ходил, и сам уже идти больше ни к кому не решался, чтобы не привести «хвоста».

Действительно, вскоре, в ночь с 8-го на 9 декабря 1895 года, я был арестован. Просидел в доме предварительного заключения 14 месяцев и 15 февраля 1897 года был выпущен. Приговор: три года лишения права жительства в обеих столицах и университетских городах. Выбрал Екатеринослав.

Прямо из «предварилки» направили в охранку. Там застал еще одного паренька лет девятнадцати. Ни фамилии, ни того, из какого он района, не помню. Нам обьявили, что мы должны завтра же вечером выехать из Питера. Мы стали просить, чтобы нам дали сроку три дня. Тогда чиновник, принимавший нас, предложил нам две недели отдыха, 50 рублей жалованья и место на любом заводе.

За это мы должны будем им немного помогать. Уж очень хотелось получить три дня, и мы просили дать нам эти дни на размышление. Но, как видно, он был похитрее нас и дал нам полчаса и отдельную комнату. Мы поставили там вопрос, не согласиться ли нам, а через три дня прийти и сказать, что раздумали. Но в конечном счете струсили, так как за это они могли сторицей отомстить нам. Когда через полчаса сообщили наш ответ, нас предупредили: если завтра с вечерним поездом не выедете, то ночью мы вас опять арестуем и поедете по этапу. Конечно, этапа мы не хотели и вечером назавтра я ехал в Екатеринослав.

Проехав Москву, я разговорился с калужанином-плотником, едущим тоже в Екатеринослав. Он ездил в Питер поступать в городские, так как ему очень надоело работать. Но так как он был парень-простяга, в котором не было ничего фараонского, то, конечно, его не приняли. К кому я еду, я ему легко соврал, а вот когда он стал допрашивать, на какой улице и в какой части живут мои родственники, то, не зная города, врать стало уже нельзя. И я открылся ему начистоту. С этого времени мы с ним стали друзьями. В городе он завез меня к своему брату, у которого была артель плотников, но брат был не подрядчиком, а просто старостой артели земляков. Это были все хорошие ребята, и у них я прожил две недели и все время работал с ними за плотника, хотя сам слесарь. Конечно, это как будто к истории и не относится, и я, пожалуй, об этом не писал [бы], но вспоминаю потому, что дальше буду писать о Бабушкине и укажу, где без такой подготовительной обработки рук с ним судьба сыграла злую шутку.

В январе я встретился с И. В. Бабушкиным, и в скором времени мы стали жить с ним в одной комнате. Не помню уже — из Питера или от местной интеллигенции мы имели рекомендацию к присяжному поверенному Александрову. Он нельзя сказать, чтобы очень обрадовался дорогим гостям, но рекомендацию на Брянский завод все же дал. Из этой рекомендации у нас ничего не вышло. Более двух месяцев мы были без работы, и, если бы не екатеринославская дешевизна, нам пришлось бы, как говорится, хоть запевай.

Через два с половиной месяца я получил место на трубопрокатном заводе Шодуара. Бегу скорее обрадовать Бабушкина, а он меня огорошил: «У вас хотя немного, да есть денег, а у меня нет ничего, значит, на работу должен идти я, а не вы». Я стал ему доказывать, что я хоть две недели и не по своей специальности, да работал, значит, на мои руки больше надежды, чем на его. Все-таки убедить его я не мог, и на работу отправился он. До обеда пробу хотя и сдал, но зато на правой ладони содрал всю кожу. Можно быть героем, но работать рукой с содранной кожей нельзя. Стал он просить мастера-итальянца дать ему передышку на два дня, а тот ему ответил, что ему белоручки в заводе не нужны, что он только испортил руки и работу, а пробу за него сделал кто-нибудь другой. Пришлось Ивану Васильевичу получить за полдня расчет, и опять мы оба были без работы.

Через недельку после этого мы случайно встретили Александра Сергеевича Филимонова, и он определил меня строгальщиком на завод Геллерштейна, где сам работал техником. Вскоре и Бабушкин через Филимонова поступил в трамвайный парк кладовщиком.

Характерная черта Бабушкина: когда он был кладовщиком, ему приходилось делать некоторые закупки. Однажды купец предложил ему на извозчика. Конечно, Бабушкин сказал, что на извозчиках он ездить не привык, а для себя в таких рублях он не нуждается. Торговец не отступал и заявил, что это уже у них постоянное положение. Тогда Иван Васильевич рубль взял и представил его в контору. Конечно, это ему повредило. Его стали сторониться как ненадежного, а вскоре постарались и совсем от него освободиться, да, в сущности, и не место было такому бойцу, как Бабушкин, среди служащих. Ему нужна была рабочая среда.

В Екатеринославе я несколько распустился и почти не вел партработы. Конечно, я не отказывался помогать Бабушкину распространять листки. Вскоре к нам приехал молодой паренек Матвей Яковлев, взятый во время забастовки с фабрики Кенига в Екатеринбург. Это был действительно артист по части распространения нелегалщины, и, надо сказать, Бабушкин использовал его полностью. В видах конспирации Иван Васильевич съехал от нас с квартиры, и мы стали жить вдвоем с Матвеем.

С Костей Норинским мы встречались редко. Я переехал в поселок Кайдаки, а он жил в Чечелевской слободе. На работе же он не имел ни минуты свободы. Доживая третий год в Екатеринославе, я работал на Брянском заводе. За это время у меня был всего один обыск в мое отсутствие. Забрали все письма, но там были только письма родственников. Письма же товарищей, где были фамилии и адреса, я немедленно уничтожил.

В конце третьего года меня с работы вызвали в проходную и объявили мне царскую милость: ссылка мне была продолжена на один год без объяснения причин. В июле 1900 года мне разрешили перебраться в город Луганск, где я поступил на паровозостроительный завод Гартмана. Там же работал Костя Норинский, а вскоре туда приехала и Феня. С ней после своего ареста встретился первый раз. Несколько раз бывал я у них, а 25 сентября по ходатайству моей матери департамент полиции прислал мне бумагу, что мне разрешено вернуться в Питер.

НА УРОКАХ СКЛАДЫВАЛИСЬ И КРЕПЛИ НАШИ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ УБЕЖДЕНИЯ

Я сын рабочего Невского судостроительного завода. За Невскую заставу я попал десятилетним мальчиком, здесь я рос, здесь окончил начальное трехклассное училище. После этого учился еще в Обуховской школе. Там преподавали В. Я. Аврамов, Кувшинский, жена которого преподавала в Корниловской школе, и другие, имена их я не могу теперь вспомнить. Окончить эту школу мне не удалось, так как царское правительство превратило помещение школы в казарму для городовых, которые ему нужны были, чтобы усмирять рабочих.

Преподаватели школы, видя у подростков стремление к дальнейшему приобретению знаний, говорили: «Идите учиться дальше в вечерние классы».

Вскоре я поступил «мальчиком» в контору Невского завода. В мои обязанности входило подавать чай, раскладывать в чертежной чертежи, разносить их по цехам. Здесь от В. С. Грибакина я услышал про вечернюю Корниловскую школу. Я пошел в нее. Там я сразу же встретился с В. Я. Аврамовым. И когда некоторые преподаватели стали говорить: «Разве можно такого маленького, тщедушного мальчика принять?» — В. Я. Аврамов сказал, чтобы меня взяли в школу.

Попав в нее, я, хотя был очень юн, сразу почувствовал, если можно так выразиться, дух рабочего класса в этой школе. Здесь были сплоченность, дружба, свободный обмен мнениями на переменах. Несмотря на то что рабочие того времени были малограмотными, мы не стеснялись задавать вопросы педагогам. Эта школа развязывала язык каждому рабочему, а учителя всячески старались установить товарищеские взаимоотношения с учащимися, отвечать на каждый вопрос учащихся.

Необходимо отметить, что среди учителей была очень тесная спайка, и если появлялся случайно преподаватель, который относился к рабочим не так, как это повелось в школе, то он немедленно изгонялся. В этом принимали участие и ученики.

Как велось преподавание в школе? Возьмем урок математики. В. Я. Аврамов, считаясь с тем, что мы на производстве работали по 10—11 часов, подбирал интересные примеры, иногда рассказы-

вал что-нибудь веселое и тем самым делал предмет усвояемым. Он не допускал зубрежки ни одной теоремы. Он искал все возможности, чтобы человек понял теорему, и говорил: «Если ты понял теорему, то никогда ее не забудешь».

Задачи преподавателя того времени, если даже он не входил в революционную партию, а только чувствовал гнет царского правительства и был либерально настроенным, заключались в том, чтобы поднять сознание рабочих, расширить их кругозор.

Помню, как на одном из собраний учеников и учителей В. Я. Аврамов, выступая, сказал: «Задача всех преподавателей, в том числе и моя как математика, заключается в том, чтобы доказать истину. Если мы докажем, что дважды два — четыре, то пусть кто-нибудь докажет, что это будет не четыре, а пять. Я и в математике ищу истинные законы, и каждый преподаватель должен в своем предмете искать истину». Эти слова ярко характеризуют настроение преподавателей, которые учили нас в те далекие времена.

Учителя относились к своим ученикам с большой любовью, и последние отвечали тем же.

Невзирая на тяжелые условия, имея очень мало времени, учащиеся-рабочие прорабатывали еще дома пройденный на уроке материал. Они повседневно общались между собой и помогали друг другу разбираться в трудных вопросах. Это имело громадное значение. Люди хорошо узнавали друг друга, и в ту среду нельзя было попасть постороннему человеку. Благодаря этому в Корниловской школе сложились небольшие группы рабочих, которые вошли затем в первые социал-демократические организации в России.

Появлялась нелегальная литература, и ее смело передавали друг другу. Это были первые ростки, из которых образовалась крупная революционная рабочая организация Невской заставы.

Все учащиеся обращали сугубое внимание на то, чтобы хорошо познакомиться друг с другом, выяснить, кто чем дышит. И когда люди досконально узнавали друг друга, появлялось доверие, можно было совершенно свободно обмениваться мнениями и решать вопросы не по указу, а по-товарищески, любовно. Там, где друг друга понимают, всегда будут простые, дружеские, честные взаимоотношения. Так складывался крепкий коллектив первых рабочих-революционеров...

Кем становились учащиеся Корниловской школы?

Если перечислить их по пальцам, то окажется, что почти все они боролись за дело рабочего класса, все в той или иной мере терпели гонение от самодержавия.

Когда рабочий попадал под арест, то полицейские спрашивали в первую очередь, не учится ли он в воскресной школе. Одного посещения этой школы было достаточно, чтобы человека заподозрили в причастности к революционной работе. Это свидетельствует,

что Корниловская школа была не только образовательной школой, но являлась одновременно и своеобразным центром развития революционных взглядов.

Школа открыла мне глаза на очень многое, привела меня в ряды тех рабочих, которые шли вместе с Владимиром Ильичем [Лениным]. Одним из них был Петр Степанович Грибакин, который занимался в кружке, руководимом Владимиром Ильичем Лениным. Другим — его брат В. С. Грибакин, работавший вместе со мной в конторе. Эти двое товарищей помогли мне разобраться в происходившей тогда политической борьбе, и я начал работать в партийной организации...

*Пролетарский пролог. Воспоминания
участников революционного движения
в Петербурге в 1893—1904 гг. Л., 1983,
с. 195—197*

ДОМ № 65 ПО ШЛИССЕЛЬБУРГСКОМУ ТРАКТУ

Давно это было, и все тогда другим было. Другим был и теперешний Володарский район в Ленинграде. Невская застава в Петербурге в 90-е годы представляла собой ряд грязных улиц; вместо панелей были мостки, качавшиеся, когда по ним шли. В доме № 65 по Шлиссельбургскому тракту помещалась воскресная школа, известная среди рабочих под названием Корниловской. Четырехэтажное здание, где была школа, находилось во дворе. На лестницах этого дома постоянно стоял очень тяжелый запах, потому что сюда выходили уборные. В трех этажах дома были рабочие квартиры, а на четвертом разместилась школа.

Обстановка школы была очень простая — деревянные некрашенные столы и такие же лавки. Но, несмотря на неприглядную обстановку, что-то светлое было в этой школе, притягивающее к себе и преподавателей и учеников. Рабочие после длинного, 11- или 12-часового, рабочего дня приходили на занятия прямо от станка сильно усталыми, с закопченными лицами. Помню одного ткача — я ему что-то объясняю, а он смотрит на меня непонимающими усталыми глазами и говорит: «Ткачи ведь всегда глухие, вот я в школу пришел, а в ушах шум стоит, свист, поэтому мне и невдомек, что объясняют».

Постепенно эти люди, переутомленные работой, начинали втягиваться в учебу, и мы, учителя, замечали, что те из учащихся, кто аккуратно посещал школу, даже стали заботиться и о том, чтобы явиться в школу чистыми, опрятно одетыми.

Что же было светлого и притягательного в этой школе? Почему мы, преподаватели, с большой охотой приезжали с разных концов Петербурга на эту окраину? Тогда не было трамваев; маленький паровичок, который рабочие называли «самоваром», тянул три-четыре вагона, потом надо было пересаживаться на конку, для того чтобы доехать до школы.

Случалось иногда, что учителя школы, едущие на уроки, занимали целый вагон. Поднимались разговоры о преподавании, об успехах учащихся и т. д. И этот день для нас был праздничным днем. Когда мы приезжали в школу и каждый шел в свой класс, нас встречали оживленные и веселые лица рабочих.

Что увлекало преподавателей тогда и что всегда может увлечь каждого учителя, интересующегося своим делом? Занимаясь, мы наблюдали, как постепенно просветлялось сознание наших учеников, как они становились на уроках более оживленными, как впитывали в себя преподносимые им истины. А какая в мире есть высшая красота? В чем она заключается? Уверяю вас из своего большого опыта педагогической работы, что она заключается в прояснении сознания темного, забитого человека, в росте его личности, в познании им законов общественного развития и своей роли в этом великом процессе. Вот служение этой-то высшей красоте — способствовать росту человеческой личности — нас и тянуло в Корниловскую школу.

Что влекло в школу рабочих? То, что они в свою очередь чувствовали, как просветляется их сознание, как они становятся сознательными людьми. В этой школе многие рабочие впервые узнавали о науке, о силе знания, о борьбе классов, и это их окрыляло.

Какие же знания получали в этой школе рабочие?

Школа начала свое существование с 80-х годов, и в ней работали преподаватели разных течений и разных политических направлений. Вначале, в 80-х годах, среди учителей было распространено народническое мировоззрение. В 90-е годы, когда среди молодежи — учащихся университета и других высших школ — началось сильное влияние марксистского мировоззрения, когда студенты и курсистки засели за труды Карла Маркса и его учение запало им в душу, когда знание теории Карла Маркса у многих из нас окрепло, это не могло не отразиться и на школе. Карл Маркс учит, что рабочий класс является двигателем истории, и нас потянуло в рабочие школы, чтобы заниматься с рабочими и, несмотря на все преграды, несмотря на то, что под видом учащихся иногда появлялись шпионы и охранники, популяризировать учение Карла Маркса.

Но как мы могли это делать в тогдашних условиях?

Мы прекрасно знали, что во главе школы стояли не наши по своему мировоззрению люди. Значит, опору надо было искать прежде всего среди учащихся, хорошо знать каждого из них. Помню, вела я занятия в группе, учащиеся которой умели прилично читать, но писали слабовато. Мне нужно было узнать, что представляют собою мои ученики. В этом отношении мне помогало изучение литературных произведений. Взяла я, например, стихотворение Алексея Толстого «Василий Шибанов». В этом стихотворении рассказывается, как князь Курбский бежал за границу от гнева Ивана Грозного и, для того чтобы досадить ненавистному царю, послал к нему своего верного слугу Ваську Шибанова с обличительной грамотой. Шибанов явился к Ивану Грозному и передал письмо. Царь, вонзив свой посох с острием на конце в ногу Василия Шибанова, заставил дьяка прочесть ему вслух все послание князя Курбского, в котором было много неприятных для него истин, а затем послал Василия Шибанова в застенки на пытку и смерть.

Это стихотворение, прочитанное в школе, произвело очень сильное впечатление. Мы начали выяснять характеристики Василия Шибанова, князя Курбского и Ивана Грозного. Затем я предложила учащимся написать к следующему уроку характеристику одного из действующих лиц этого стихотворения. С большим нетерпением ожидала я, что будет написано. Вот сочинения у меня в руках. Один учащийся пишет, что Василий Шибанов, конечно, показал большую твердость воли, проявил самопожертвование, но это самопожертвование ни ему самому, ни тогдашнему обществу никакой пользы не принесло. Когда я прочитала такой вывод, то сразу решила, что на этого учащегося надо обратить особое внимание. В то время уже начали создаваться подпольные марксистские кружки за Невской заставой. В 1893 году здесь работал наш незабываемый вождь Владимир Ильич Ленин. Его ученик Иван Бабушкин организовывал группы для изучения марксистской литературы. Помню, как один раз на занятия в мою группу явился невысокого роста человек со светлыми волосами. Это был Иван Бабушкин. Я ему говорю: «Вы не в моей группе занимаетесь», а он отвечает: «Это ничего, я посижу у вас на уроке, послушаю». Как выяснилось потом, он приходил для того, чтобы слушать ответы учащихся. И если от какого-нибудь учащегося ему приходилось услышать ответ в таком приблизительно роде, как было написано в приведенном выше сочинении, то он знакомился с ним ближе и, узнав как следует, привлекал к работе в подпольный марксистский кружок.

В. А. Шелгунов, рабочий Невского судостроительного завода, также появлялся время от времени в разных группах школы и прислушивался к ответам рабочих.

Преподаватели в большинстве своем не были социал-демократами. Они были настроены против самодержавия, но что должно быть дальше, они не задумывались. Иногда учащиеся — члены марксистских кружков вступали в споры с преподавателями. Когда преподаватель говорил, например, что в Швейцарии — милиция, кантональное управление, свобода собраний, свобода слова, печати и т. д., то вдруг кто-либо из распропагандированных учащихся спрашивал: «Все это хорошо, но буржуазия-то там имеется?» Преподаватель отвечал: «Да, имеется». — «Почему же в таком случае вы говорите, что там так уж хорошо? Там, где буржуазия, всегда будет угнетение рабочего класса». Рабочие, занимавшиеся в кружке Владимира Ильича, занимавшиеся также и в Корниловской школе, в смысле политического развития стояли выше некоторых преподавателей, которые не изучали марксизма, а стремились только к свержению самодержавия.

Преподавание литературы играло огромную роль в деле политического и общественного развития учащихся. Конечно, и здесь очень многое зависело от преподавателя. Преподавая историю литературы, мы в то же время знакомили учащихся с историей революционного движения в России, что расширяло кругозор учащихся, подготавливало их к пониманию настоящего и будущего.

Каждой изучаемой эпохе предпосылалась характеристика общества того времени, характеристика экономики и всего политического строя, и на этом фоне давалось понятие о писателях данной эпохи.

О Н. Г. Чернышевском и его произведениях нельзя было говорить открыто, но на переменах мы рекомендовали учащимся прочесть роман Чернышевского «Что делать?», а затем и в частных беседах, и в удобную минуту говорили о значении романа.

Когда наступали экзамены, то на них обязательно приезжал из учебного округа специальный уполномоченный. Мы, учителя, побаивались, что вдруг кто-нибудь из рабочих по неопытности начнет говорить про Чернышевского или другого какого-либо революционного писателя, тогда преподавателя не только сняли бы с работы, но, может быть, выслали бы из Петербурга. Но рабочие и на экзаменах умели себя держать как надо. Был такой случай. Приезжал на экзамены в мою группу инспектор, ужаснейший иезуит. Сладеньким голосом спрашивает учащегося: «Скажите, какие вы книжечки читали?» Ученик в таком же тоне ответил: «Сказочку о серебряном блюдечке и наливном яблочке». — «А еще?» — «Капитанскую дочку» господина Пушкина». Инспектор отстал.

Иногда бывало и так, что кто-нибудь из пропагандистов, из подпольных работников договаривался с учительницей, что она будет сидеть на уроке в то время, как он будет заниматься политической пропагандой. Делалось это опять на случай посещения класса кем-либо из посторонних. Как только входил инспектор, сейчас же учительница вставала и начинала, к примеру: «Мы с вами проходили умножение на двузначные числа, а теперь разберем случаи умножения на трехзначные...» Учительница писала на доске цифры и таким образом проводила весь урок.

Но о политической работе в школе все же дознались в учебном округе.

Много лет спустя, уже после Октябрьской социалистической революции, мне пришлось рассматривать архивные документы, и я нашла некоторые сведения, которые давались о школе в охранное отделение. Оказалось, что один из учащихся был осведомителем и сообщал подробности преподавания. Так, например, он писал: «Учительница диктует: «Великая французская революция произошла в 1789 году». Ученики пишут, а она потом задает вопрос: «А когда же будет русская революция?» Учительница эта была удалена из школы и даже лишена права преподавать, но тогда мы не знали, по какой причине.

Преподаватели естествознания говорили о том, как создавалась вселенная, приводили учащихся к атеистическим взглядам. Таким образом, преподаватели естествознания, в свою очередь, оказывали огромное влияние на учащихся, помогали выработке у них цельного, материалистического мировоззрения.

В школе изучалась также экономическая география. Это такой предмет, преподавая который можно дать очень много самых раз-

нообразных сведений. Возьмем, например, географию Франции, Германии и других стран. Мы говорили не только о том, что Париж стоит на реке Сене, а Берлин — столица Германии, но и о том, какая форма правления во Франции, как развивается там рабочее, профессиональное движение, какие там политические партии, профессиональные союзы...

На уроках экономической географии мы давали понятие об экономике разных стран, о формах правления и пр. Стараясь обходить полицейский надзор, мы говорили о царском самодержавии в России, каким классам при нем принадлежит фактическая власть и т. п.

Корниловская школа пользовалась большой популярностью и уважением у рабочих с окружавших ее фабрик и заводов. Учеников школы рабочие называли «студентами». Очень часто к ним обращались за советом по какому-либо непонятному вопросу. Корниловская школа сыграла большую роль в деле подготовки революционных деятелей из среды рабочих. И теперь, через много лет, когда встречаешь кого-нибудь из бывших учеников, уже седовластого старика, оказывается, что этот товарищ работает на ответственной работе.

Если мы в воскресной школе давали далеко не все знания, которые были нужны по тем или иным обстоятельствам, то все, что мы преподавали, так западало в душу, что помогало человеку в его деятельности на протяжении всей жизни. Все то, что рабочие узнавали в школе, они передавали на фабриках и заводах другим, учили своих товарищей, вели агитацию за то, чтобы рабочие поступали в школу.

Школа наша пополнялась непрерывно, и агитаторами за ее пополнение были сами рабочие.

Таким образом, в развитии революционного движения в нашей стране, в частности в Петербурге, Корниловская школа сыграла большую роль...

*Пролетарский пролог. Воспоминания
участников революционных событий
в Петербурге в 1893—1904 годах. Л.,
1983, с. 189—194*

КАК ОРГАНИЗОВАЛСЯ «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ»

...Осенью 1893 года мы наконец решили оформить нашу организацию. Если не ошибаюсь, Мицкевич разработал проект устава. Мы обсуждали его на ряде собраний, обсуждали самым детальным образом. Крупных принципиальных разногласий между нами не было. Название было принято почти без споров — «Московский рабочий союз»¹. Без споров все соглашались, что организация эта должна быть социал-демократической. Но мы тогда тщательно избегали употреблять иностранные слова и решили временно избежать непонятного массам слова «социал-демократия», а затем постепенно всем содержанием выпускаемых листков приучать массы к этому слову. Ни на минуту среди нас не было колебаний и в том, что организация эта должна быть политической.

В этом отношении среди нас не было ни одного сторонника так называемого «экономизма», который появился уже значительно позже. Начать классовую борьбу против буржуазии и против самодержавия — вот основной лозунг нашей организации...

* * *

...Наша работа принимала все более массовый характер. На целом ряде заводов под руководством наших кружков были проведены забастовки. Обыкновенно на заседании кружка выработывались требования, которые должны были быть предъявлены рабочими данного предприятия. Этот год был несомненным переломом в нашем металлургическом и механическом производстве. Заводы были завалены заказами, спрос на квалифицированных рабочих был большой. Все безработные находили легко место если не в Москве, то на юге, в Екатеринославе, в Николаеве, в Донбассе, где как раз зарождались гигантские заводы, а также на только что начинающейся постройке Сибирской дороги. Это было время подъема нашей промышленности. И мы сразу же учли это положение. Впервые в России началась волна наступательных забастовок.

¹ Неточно. В сентябре 1893 г. в Москве была образована Центральная марксистская группа для пропаганды и агитации среди рабочих («шестерка»). Московская социал-демократическая организация приняла название «Рабочий союз» на первой маевке 30 апреля 1895 г. *Ред.*

стовок. Требования предъявлялись в момент наибольшего количества спешных заказов. И требования в большинстве случаев удовлетворялись. Разработанные кружком требования утверждались нашим центром, за подписью союза они отпечатывались, разбрасывались и расклеивались по мастерским. Масса их дружно подхватывала. Листок очень быстро попадал к заводской администрации. Иногда дело кончалось и без забастовки. Администрация вступала в переговоры немедленно после появления листка. Иногда приходилось бросать работу, но я не помню, чтобы забастовка в этот год продолжалась больше двух-трех дней. А между тем именно этой волной требований удалось на всех буквально механических заводах Москвы провести сокращение рабочего дня до 10 часов и значительное увеличение заработной платы. Наряду с этим всюду фигурировали требования «вежливого обращения» и изгнания того или другого мастера, особенно ненавистного рабочим. Помню, как раз по этому последнему поводу бастовал модельный цех завода Гоппера, и это требование было поддержано и остальными цехами. В работе по проведению этих забастовок громадную роль сыграл Константин Бойе, его младший брат, только что окончивший школу, Федор, Александр Хозецкий, Петров, Поляков и один модельщик от Гоппера — Самохин. Особенно отличался Саша Хозецкий. Он проникал на чужие заводы, агитировал... сколачивал кружки, разбрасывал листки и т. п.

Вот для этой-то работы гектограф нас удовлетворить уже не мог. Широкая серая масса гектографский листок часто не могла прочесть. А нам предстояло такую же забастовочную волну поднять на текстильных фабриках.

Появление листков, организованность всех стачечных выступлений заставили полицию начать слежку за рабочими и за нами, бывшими уже у нее на учете, марксистами. Именно к весне 1894 года я уже начал чувствовать, что за мной установлена настоящая слежка. Правда, тогдашние шпики были «трехрублевые», липовые. Надуть их большого труда не стоило, но надо было быть начеку...

Вообще мы все в это время чувствовали, что для нашей уже значительно выросшей аудитории одной листовкой литературы далеко не достаточно. Все больше чувствовалась потребность в массовой популярно-научной литературе. Попадавшие нам заграничные издания группы «Освобождение труда» предназначались преимущественно для интеллигенции. У нас уже накопилось изрядное количество рукописей частью переработанных польских, немецких и французских книжек: «Рабочий день», «О конкуренции», Свидерского «Труд и капитал», Дикштейна «Кто чем живет», «Манифест Коммунистической партии», «Эрфуртская программа». Кроме этих книжек Винокуров написал брошюру «На смерть Александра III», я написал первую свою популярную книжку «Как крестьянин и кустарь в фабричного рабочего превратился». Вот все это мы решили послать за границу группе «Освобождение труда» с просьбой там напечатать и прислать нам.

Отвезти все это за границу и завязать тесные сношения от имени нашего союза с Плехановым и Аксельродом должен был Спонти. Нам удалось по всей организации устроить специальный сбор, который дал нам достаточно средств, чтобы оплатить поездку Спонти и расходы по изданию посылаемых рукописей. На случай провала Спонти мы второй экземпляр рукописей отправили через Вильну. Если не ошибаюсь, Мицкевич отвозил их туда. Спонти поехал за границу. Как я уже узнал после, в ссылке, Плеханов забраковал все наши рукописи как «вульгаризацию марксизма» и высказался против такой агитационной литературы. Из всех посланных нами рукописей группа «Освобождение труда» издала в то время только «Рабочий день», но Плеханов снабдил эту брошюру послесловием, которое мы решительным образом забраковали. Он в этом послесловии рисовал настоящим земным раем политическую буржуазную свободу, совершенно не упоминая о классовой борьбе, которую и европейские рабочие вынуждены были вести. Мы единогласно решили выпустить в массу присланное нам из-за границы издание «Рабочего дня», вырезав из него это послесловие. В нашей агитации мы, говоря о парламентаризме, который должен заменить русское самодержавие, всегда подчеркивали, что парламентаризм не является самоцелью для рабочего класса, а лишь лучшим орудием классовой борьбы. Я помню, что это была официальная точка зрения нашего союза, и эту точку зрения разделяла нижегородская группа, как мы договорились с ней во время поездки моей в Нижний. Эта же точка зрения была принята в Туле, где работали тогда А. А. Богданов (Малиновский) и С. И. Степанов, и в Екатеринославе, куда после приговора уехал мой брат Григорий. В Екатеринославе работа развивалась по нашему типу. Каникулы (1894 г.) там провели Винокуровы, кроме них и брата там работали: студент Линдов (Лейтейзен) и рабочие Мазанов, Кац, Файн и Смирнов. Летом 1894 года я два раза тоже ездил в Екатеринослав, отвозил им нашу литературу и присутствовал на заседаниях тамошней организации.

Весной 1894 года началась работа и среди женщин. Винокурова, Муралова, Смирнова и Мокроусова проникали на воскресные и вечерние курсы, заводили там знакомство среди работниц и организовывали их в кружки. Мы выпустили самодельную брошюру «Кое-что о женщине-работнице» и какую-то переводную брошюру Клары Цеткин. В декабре 1894 года наша организация испытала первую жестокую потерю: Винокуров и Мицкевич были арестованы в связи с демонстративным протестом студентов против Ключевского (который получил тогда назначение читать лекции наследнику, кажется, Георгию или Михаилу, и поэтому вдруг резко изменил читаемый им в университете курс). Мы предполагали, что Мицкевич и Винокуров подверглись обыску за старые студенческие дела, а не как участники нашей организации¹. У Винокурова не нашли

¹ Жандармы были осведомлены о нашей конспиративной работе, и студенческие волнения были только предлогом для обысков и высылки из Москвы С. И. Мицкевича, А. Н. Винокурова и Д. П. Калафати. *Прим. автора.*

ничего компрометирующего, и поэтому его не держали долго в тюрьме, а выслали под надзор на родину, в Екатеринослав. У Мицкевича, наоборот, нашли очень много нелегального, явно свидетельствующего о его связи с рабочим движением. Он остался в тюрьме. С их арестом и отъездом Спonti за границу наша организация потеряла почти весь свой руководящий интеллигентский состав, что, конечно, не могло не отразиться на нашей работе. Нам не хватало кружковых руководителей, не хватало литераторов, не хватало той технической помощи, которую в особенности Мицкевич добывал через свои студенческие связи. За последнее время я совершенно оторвался от интеллигенции. А между тем ясно чувствовал, что работать мне долго не придется. Слежка за моей квартирой и за мной была отчаянная, я ежедневно ожидал ареста. Надо было во что бы то ни стало добывать связи, вербовать новых работников.

На старый марксистский кружок, собиравшийся у Рязанова, много рассчитывать не приходилось. Там оставались марксистствующие молодые адвокаты и студенты, которые были годны разве только на то, чтобы выжимать из них пожертвования на рабочее движение. Я пошел пытаться счастье на студенческую вечеринку. В день 19 февраля 1895 года происходила традиционная нелегальная вечеринка техников, учеников Московского технического училища, на которую я и отправился. Там с либеральной речью о задачах интеллигенции выступил ставший в будущем известным статистиком, тогда студент, Михайловский. Он призывал студентов к единению. Я выступал с возражением.

Сначала мое возражение было встречено страшным возмущением всей аудитории. Я думал, что меня избыбют. Но в конце концов мне удалось заставить себя слушать. Я развил программу социал-демократов, обрисовал начавшееся в России рабочее движение, которое уже принимает массовые формы. Я делал вывод, что та часть интеллигенции, которая не может существовать без продажи своего труда капиталу, должна понять, что она составляет часть рабочего класса, и должна слиться с ним, должна принести ему свои знания, должна отколоться от буржуазной интеллигенции, которая служила и будет служить буржуазии. Я говорил очень долго. Самыми упорными оппонентами моими выступали Ив. Ив. Скворцов (Степанов) и В. А. Базаров. Оба они стояли еще тогда на народнической точке зрения, и лишь вскоре после этого диспута они стали переходить к марксизму.

После этой вечеринки к нашей организации примкнул целый кружок техников, в том числе А. Н. и В. Н. Масленниковы, которые с этого времени основательно помогали по оборудованию нашей печатной техники. Кроме них присоединились к нам студенты Кирпичников, Дурново и курсистка Петрова. Мы решили оборудовать настоящую типографию. Моя колодезная уже удовлетворить нас не могла. Было решено снять специальную квартиру из нескольких комнат, обставить ее более или менее прилично и перенести туда

типографию. Чтобы поставить дело твердо, надо было найти подходящих хозяев квартиры.

Мы решили, что Дурново, родственник министра, потомственный дворянин, будет очень подходящим хозяином. Но так как могло возбудить подозрение то обстоятельство, что один человек занимает целую квартиру, то было решено «поженить» его на Петровой, которую он, к слову сказать, ни разу до этого не видел. Действительно, мы их «поженили». Труднее оказалось разрешить второй вопрос — о подходящей обстановке. Денег у нас было очень мало, так что, когда «господа» переехали на новую квартиру (где-то на 1-й Мещанской), дворник с презрением посматривал на рыночную, приобретенную на Сухаревке, сборную обстановку, которую «господа» привезли с собой и которой было более чем недостаточно, чтобы обставить снятые четыре комнаты.

Но как-никак техника была оборудована, и оборудована довольно прилично. Был изготовлен новый станок, распропагандированные рабочие-наборщики натаскали из типографий достаточное количество разных шрифтов. Работа закипела. Кроме типографии у нас работало в разных местах три мимеографа, мы уже начали пользоваться пишущей машинкой, а в техническом училище к нашим услугам был литографский станок. Одним словом, теперь уже мы могли полностью развить издательскую деятельность. Главная остановка была за авторами, их нам не хватало. Сочувствующие студенты не умели писать понятным для рабочего языком. Хорошо писал прокламации Поляков, но его с трудом удавалось засадить за это, он предпочитал писать стихи, и кое-какие из этих стихов мы печатали. Мы мечтали о газете, но из-за недостатка литературных сил эту мысль пришлось отбросить. Мне волей-неволей пришлось сделаться главным литератором.

Большой недостаток испытывали мы и в денежных средствах. Хотя все кружки, входящие в организацию, и отчисляли определенный процент на литературу, но это были гроши в сравнении с нашими возросшими потребностями. И очень часто мы эти гроши предпочитали тратить на поддержку забастовщиков, на поддержку уволенных за выступления рабочих. Наши девицы, в особенности Смирнова и Муралова, ухитрялись всякими способами добывать деньги среди студенчества. Печатали фотографии писателей и продавали их, перепродавали нелегальную литературу, устраивали лотереи, собирали в пользу забастовщиков среди радикальной молодежи, среди учащейся массы, в пользу какой-нибудь придуманной умирающей с голоду курсистки, и раз кому-то из них удалось обобрать какого-то заезжего губернатора в пользу фантастической голодающей дворянки.

Смирнова обхаживала с финансовой целью разведенную жену сибирского золотопромышленника Пенневскую, которая обещала, что если удастся ей по суду отвоевать от мужа причитающуюся ей часть имущества, то она пожертвует нам 10 процентов своей доли. Смирнова познакомила и меня с ней, кое-что нам удавалось

доставать у нее. Квартиру ее мы широко использовали для хранения нелегальщины, но имущества так и не дождались. Она, между прочим, свела меня с кружком студентов духовной академии в Троице-Сергиевской лавре. Я несколько раз ездил к ним. Там было два-три человека, уже основательно изучивших марксизм, а вокруг них был кружок человек из двенадцати. После первого посещения я им предложил поставить в лавре гектограф и начать печатать для нас литературу. Они действительно отпечатали для нас две прокламации.

* * *

С ранней весны началась митинговая работа... Мы решили в этом году (1895) широко отпраздновать 1 Мая. Этот день мы хотели использовать, чтобы свести наши отдельные законспирированные кружки друг с другом, произвести подсчет наших сил и официально перед всем рабочим классом Москвы выступить как уже сложившаяся организация. План был тщательно обсужден первоначально в нашем центре, затем популяризирован на ряде кружковых собраний, где должен был быть произведен подсчет участников. Выбрали тройку (Полякова, Бойе и меня), которой были предоставлены широчайшие полномочия. Каждый из кружков выделил ответственного организатора, который должен был получать директивы от одного из нас. Места празднования никто, кроме нас троих, не должен был знать. День празднования должен быть сообщен только накануне.

Мы обшарили все окрестности Москвы и остановились на лесочке между ст. Вешняки и Шереметьевкой Казанской железной дороги. К этому же лесочку можно было подъехать и пройти от ст. Люблино Курской дороги и со ст. Кусково Нижегородской дороги. Мы выбрали воскресный день (30 апреля), в который из Москвы обычно выезжает много народа за город. Каждый кружок получил задание поехать с таким-то поездом, такой-то железной дорогой, до такой-то станции, причем каждый должен был брать билет отдельно, садиться в разные вагоны и не разговаривать друг с другом. Организаторы кружков должны были приехать с ранними поездами. Каждый из нас трех должен был встретить организаторов кружков на разных станциях и проводить их к сборному месту. Тут только они могли узнать назначенное место. Затем они должны были с условленными заранее отметками встречать поезда, в которых прибывали члены их кружков, и сопровождать последних на место собрания. План удался на славу.

Я очень боялся за себя, чтобы не привести за собой сыщиков, которые не отставали от меня. И вот, чтобы избежать этого, я последние три ночи перед маевкой не заходил домой вовсе, проводил ночи в извозчичьих чайных, а последнюю ночь переночевал в лесу. Выясняя предполагаемых участников собрания, то есть лиц, уже организационно связанных с кружками, оказалось, что некоторые мастерские собираются прийти чуть ли не поголовно. Так, например, выразили желание принять участие в сходке вся

модельная завода Гоппера, значительная часть михайловцев, мастерские технического училища, в которых в это время работал Хозеёцкий, и др. Было решено в таких случаях проводить на собрание только делегатов. Мы боялись, что соберется чересчур много народу.

Помню, с каким замиранием сердца я ждал первого назначенного поезда, который должен был привезти кружковых организаторов. Я ждал их на станции и думал: вдруг в Москве уже все провалилось и никто не приедет. Я встречал приезжающих товарищей на Казанской дороге, в Вешняках, Поляков — по Курской дороге, в Люблино, Бойе — по Нижегородской дороге. Я вынул условленный знак: «Русские ведомости». Держа их в руках, я пошел по направлению к лесу. Оглянувшись, я увидел, как за мной потянулись гуськом человек двенадцать, то есть как раз то число, какое было установлено. Я повел их в назначенный лесок, там мы застали партию, которую привел таким же образом Бойе. Через полчаса пришла команда Полякова. Всех организаторов, после того как они познакомились с местом, мы разными тропинками отправили встречать те поезда, с которыми должны были приехать их кружки. День был воскресный, поэтому по всем дорогам отправлялось много дачных поездов. Организаторы приехали с первыми ранними поездами. Последняя партия пришла к месту приблизительно в час дня. Две партии пришли прямо из города пешком и случайно столкнулись у станции с приехавшими и пошли за ними.

Как после выяснилось, собралось около 300 человек, представлявших 35 фабрик, заводов и мастерских. При приблизительном подсчете они представляли больше тысячи организованных в кружки рабочих. Перед началом митинга мы произвели тщательную проверку всех наличных товарищей. Все разбились по кружкам и друг друга проверяли, нет ли кого лишнего. Ни один кружок не знал про существование другого. Встречались рабочие, работавшие на разных фабриках, хорошо знавшие друг друга, но не подозревавшие, что их хорошие знакомые тоже являются членами организации. В этом отношении я мог отметить, что, несмотря на сравнительно широкий размах работы, условия конспирации соблюдалась очень строго. Вначале, до проверки всех собравшихся, каждый кружок уединялся под каким-нибудь деревом, вытаскивалась закуска, и делали вид, что приехали просто на пикник. Только после проверки вся толпа смешалась, и слышались радостные возгласы о том, что вот-де мы все не верили руководителям, когда те говорили, что кружков уже много. Все закрадывалось сомнение, не они ли единственно организованные, а вот теперь видят, что движение очень широко развилось, что затронуто уже очень много предприятий.

Мы не успели открыть собрание, как вдруг расставленные патрули сообщили, что прямо к нам подходит человек с ружьем. Оказывается, подходил лесник, услышавший наши многочисленные голоса. Кто-то из молодых ребят решил его обезвредить. У него

оказалась в запасе бутылка водки, и с места в карьер он начал угощать непрошеного гостя, причем плел ему какую-то чушь про земляков, которые собирались отпраздновать свой деревенский храмовой праздник. У кого-то нашлось подкрепление, и мы не успели опомниться, как лесник оказался побежденным водкой, начал сначала горланить песни, а затем заснул мертвецки пьяным сном. Его взяли два товарища на руки и отволокли версты за две от нас. К нему приставили караульного. Но так до вечера он и не проснулся. Уже никто не помешал нам спокойно провести весь день вместе.

Открыть собрание пришлось мне длинной речью о значении 1 Мая, о нашей организации, о борьбе западноевропейских и американских рабочих, о нашей конечной цели. Слушали как-то особенно внимательно и хорошо. После меня говорили Бойе, Поляков, Карпузи, Хозецкий... говорил и еще ряд товарищей вне программы. Говорила Мокроусова о женском движении. Поляков прочел несколько своих и чужих стихотворений, пели песни, пели Поляковым же сочиненные куплеты. Все время на ораторском месте развевался красный кумачовый флаг. Было очень торжественно, очень трогательно и очень задушевно. Чужие, совершенно незнакомые до того времени люди братски целовались. После началась простая душевная беседа, никто не хотел расходиться, хотелось как можно дольше продолжить этот день. Помню, многие подходили ко мне и с какой-то неуверенностью спрашивали, неужели мы не доживем до того дня, когда можно будет, не скрываясь в лесу, а по-настоящему открыто отпраздновать этот день. Я был всегда оптимистом, но не решался ответить на этот вопрос утвердительно. Мы-то не доживем, это наверно, но наши дети несомненно доживут, если мы будем бороться. Всем так хотелось верить в это, но верилось с трудом. Я подробно рассказал, как много пришлось вынести европейским рабочим, прежде чем они добились относительной свободы союзов, собраний и участия в парламенте. Раздались возгласы: «Но немцы и французы — народ ученый, им легко было понять, а мы, русские, — темные, необразованные». Я на это горячо возражал, указывая, что французские крестьяне и рабочие сто лет тому назад, перед французской революцией, были не развитее и не образованнее наших, а вот сумели же свергнуть помещичье-дворянский строй. Нам будет легче бороться, чем им, мы учтем все их ошибки и не допустим, чтобы после свержения самодержавия власть перешла к буржуазии.

По заранее составленному плану перед уходом должны были раздать заготовленные прокламации, которые каждый из присутствующих должен был снести к себе на предприятие для широкого массового ознакомления. Всего было заготовлено четыре прокламации: две — отпечатанные в типографии и две — на mimeографе. Они все с разных сторон освещали значение 1 Мая и проповедовали идею организации «Рабочего союза» как составной части международного рабочего движения. Одну прокламацию, если память

мне не изменяет, написал студент Кирпичников, одну Карпузи и две я. Далее предполагалось, также в порядке, отправить всех небольшими кучками по разным дорогам, с разными вечерними поездами.

При раздаче прокламаций какой-то неописуемый энтузиазм охватил всех присутствующих; каждый старался захватить как можно больше прокламаций, некоторые, как дети, выклянчивали себе несколько лишних экземпляров, чтобы раздать их по тем или иным фабрикам, представителей которых не было на празднестве. О планомерном отъезде с места торжества никто не хотел и слышать. Кто-то предложил всем вместе идти к Рогожской заставе, идти демонстративно с песнями. Несмотря на все мои и других устроителей возражения, это предложение было всеми подхвачено. Поздно ночью мы правильными рядами двинулись по шоссе, с красным флагом впереди, по направлению к Москве. По дороге нам встретилось всего лишь несколько крестьянских возов. Крестьяне испуганно смотрели на нас, стройно идущих с пением революционных песен. Перед самой Москвой мне удалось убедить разойтись по разным улицам небольшими кучками. И я у каждой кучки брал слово, что ребята совершенно молча, не разговаривая друг с другом и тщательно избегая каких-нибудь столкновений с фараонами, разбредутся по домам.

Только отпустив последнюю кучку, я сам поплелся на Грузины, где снимал в то время угол у какого-то кондуктора с Брестской дороги. Один старик, рабочий из Курских мастерских, которого я до сих пор не знал, пошел проводить меня и все время шептал мне, что вот он неграмотный, а несет домой одну прокламацию и дома заставит прочесть ее свою грамотную внучку. Уже после мне рассказывали, что действительно старик собрал свою многочисленную семью, всех соседей, заставил свою внучку прочесть эту прокламацию и сказал целую речь о том, что вот-де он помнит, как царь освободил в 1861 году крестьян. Они все тогда радовались, читая царский манифест, который никто не понял. А вот теперь мы читаем уже не царский манифест, а манифест рабочего люда, который сам себя хочет освободить. Это будет посильнее и повернее царского. После чтения старик спрятал прокламацию за икону на память детям и внукам.

Празднование на этом еще не закончилось. На следующий день, 1 мая, без всякого предварительного уговора, на всех московских традиционных гуляньях: на Ходынке, у Ново-Девичьего монастыря, в Сокольниках, в Анненгофской роще, куда после обеда (в то время 1 мая шабашили на всех фабриках с обеда) направился массами рабочий народ, можно было наблюдать отдельные кружки, среди которых один из участников массовой рассказывал про нее и читал вслух прокламации. Фактически к празднованию было таким образом привлечено все рабочее население Москвы. Разговоры о праздновании распространились по Москве самым широким образом. На одном маленьком заводе в Сокольниках хозяин заво-

да, немец, собрал своих мастеровых и заявил им, что он слышал, что на днях было собрание всех металлистов Москвы, на котором решено требовать 8-часового рабочего дня. Он просил своих рабочих по этому поводу забастовку не устраивать, он обещает, что он введет у себя 8-часовой рабочий день, если его введут остальные, более крупные заводы.

Попав через несколько дней на квартиру Рязанова, я встретил там молодого адвоката, который с возмущением жаловался Аркадию Ивановичу, что вот под Москвою состоялось празднование 1 Мая, на котором участвовало несколько тысяч организованных рабочих, а мы, марксисты, об этом ничего не знали и узнаем об этом из совершенно посторонних источников. Мы, по его словам, за теоретическими спорами проморгали начало рабочего движения, проморгали его организацию. О маевке говорила вся Москва. Все фабриканты и заводчики — с одной стороны, все рабочие — с другой.

Понятно, что об этом не могла не узнать полиция. Она мобилизовала все свои силы, чтобы выследить нашу организацию. Слежка началась уже не только за мной, но и за отдельными кем-нибудь выделяющимися рабочими. Мы были уверены, что наши дни сочтены, и решили идти ва-банк. Усиливая конспирацию вокруг нашей техники, мы развили самую широкую агитацию в массах, уже пренебрегая конспирацией.

Мы поставили своей задачей закрепить как можно скорее нашу организацию, придав ей по возможности массовый характер, втягивая в нее как можно больше членов. Мы рассуждали так: всех не переловят, не арестуют. Чем большему числу рабочих мы успеем передать наш опыт, тем больше гарантии, что с нашим провалом дело не прекратится.

Весь май и начало июня прошли в непрерывных митингах, на которых принимало участие иногда по несколько сот человек. Мы собирались в лесу на берегу Яузы, за Петровско-Разумовским, иногда посреди гулянья на Ходынке, по трактирам. Несколько раз нас окружала полиция, предупрежденная тем или другим сыщиком, но наши патрули всегда вовремя предупреждали нас, и за это время ни разу полиции не удавалось кого бы то ни было арестовать. Нашей агитации в массах много способствовала знаменитая стачка на Большой Ярославской мануфактуре, окончившаяся расстрелом мирных рабочих и «царским спасибо молодцам-фанатикам за геройское усмирение бунта». Это царское спасибо стало исходным пунктом нашей агитации. Пользуясь им, мы уже смело могли говорить на политические темы и перед самыми серыми рабочими...

11 июня мы решили устроить грандиозный митинг, на котором должны были участвовать все распропагандированные рабочие. На этом митинге должен был быть официально принят новый устав нашего союза, который, в отличие от первого, уже не скрывал своего социал-демократического характера. Мы провели предва-

рительно широкую работу по подготовке рабочих к принятию этого устава. Он обсуждался во всех районах и кружках. Одновременно наш центр подготовил конспиративную часть предстоящего собрания. Типография отпечатала специальную агитационную листовку с объяснением целей и задач организации. В первый раз мы решили отпечатать несколько тысяч экземпляров (мы ждали, по предварительному подсчету, на митинг до 2 тысяч человек). Было намечено место у Николо-Угрешского монастыря, в котором был в этот день какой-то праздник, который всегда привлекал массу богомольцев.

Все было готово. На митинг должны были приехать представители ряда иногородних организаций: из Тулы, Иваново-Вознесенска, Раменского, Александрова, Коврова, Мурома и др. На всякий случай было решено свернуть нашу типографию и спрятать ее где-нибудь в укромном месте. Имелось в виду закопать ее на даче в Мытищах, где тогда жили братья Масленниковы. Все роли были распределены. Все было так же предусмотрено, как и во время маевки.

В ночь на 10 июня я возвращался поздно ночью с конспиративной квартиры, на которой были окончательно решены последние детали организации митинга. Мы шли вместе с Софьей Ивановой Мураловой. Уже светало, когда мы добрались до Патриарших прудов. Несмотря на страшную усталость, не хотелось идти домой. Я жил тогда на пятом этаже большого дома на углу Садовой и Тверской. Мы с часок проболтали, сидя на скамейке. В пять утра я улегся и тотчас же заснул мертвым сном. Через полчаса меня разбудил какой-то шум в комнате. Она была переполнена людьми в мундирах, которые окружили мою кровать. Я уже давно ждал ареста как чего-то неизбежного, но быть арестованным именно теперь, когда можно было закрепить результаты всей нашей предыдущей работы, было более чем неприятно. Но в то же время мелькнула мысль, что все же это лучше, что арестовали у себя дома, а не проследили на митинге, когда со мной провалилась бы вся организация.

Так как я в это время занимал временно комнату Чекеруль-Куша, уехавшего на дачу, то в моей комнате находился весь статистический материал переселенческой переписи (30 тысяч карточек), целый ряд ящиков вывезенного из Сибири архивного материала, касающегося переселенцев Тобольской губернии, и довольно большая библиотека. Так что полиции пришлось бы поработать основательно, пока она успела бы перебрать всю эту груду бумаг. Мне это надоело изрядно. И я предложил полицейским, если они поверят мне на слово, указать им то, что им нужно, и закончить скорее всю эту комедию. У меня было четыре экземпляра только что принесенной свежее отпечатанной прокламации, которые я засунул, придя домой, в грязное белье, там же лежала подробно составленная корреспонденция об ярославской стачке, которую только что прислал посланный нами туда студент Каверин. Полицейские поверили мне, что им нечего больше искать, и отправили меня

в арбатскую полицейскую часть. Спускаясь с лестницы своей квартиры в сопровождении почетной полицейской свиты, я увидел Ан. Смирнову. Она, как я после узнал, бежала предупредить меня о начавшихся в эту ночь арестах. Увидев меня арестованного, она шмыгнула в первую попавшуюся квартиру. Я был рад, что она видела меня. Авось успеет кое-кого предупредить...

Ровно через неделю после ареста меня повезли на допрос в жандармское управление. Допрос был чисто формальный. Мне была предъявлена статья о принадлежности к тайному обществу, имеющему целью ниспровержение государственного порядка. Я заявил, что на обвинение, сформулированное в такой общей форме, отвечать не буду. Прошу допрашивать меня, как они допрашивают любого жулика, не вообще украл ли он, а украл ли он то-то и то-то, там-то и там-то. На этот раз они на этом успокоились и отправили меня в Таганку. Около пяти месяцев меня не тревожили допросами, и я был в это время буквально отрезан от всего живого. Свиданий мне не давали ни с кем. Посадили так, что я не имел никакой возможности сноситься с кем-либо из сидящих. Только раз я услышал знакомый голос студента Кирпичникова. Его выводили на прогулку. Он вдруг крикнул: «Прощайте, товарищи!» После этого раздался шум, точно от падения тела (я сидел на четвертом или пятом этаже). Дальше послышалось какое-то движение внизу, какие-то крики и плач. Я начал бить дверь. Прибежал дежурный надзиратель и объяснил, что с одним уголовным случился припадок и его отвезли в больницу. После я узнал, что Кирпичников, попав в тюрьму, боялся проговориться во сне. Чтобы избежать этого, он заставлял себя не спать. Чтобы побороть сон, он обнажил на руке артерию и теребил ее всю ночь гребенкой. Через две недели, чтобы избежать мучений, он бросился с галереи пятого этажа в пролет, чудом остался жив, только вывихнул себе руку. Его увезли в больницу, там он два раза пытался повеситься, оба раза неудачно. После этого он позвал к себе попа, исповедался, причастился, велел отвести себя в жандармское и там рассказал все, что знал.

Случайно, по книге, которую мне принесли и в которой на полях были пометки, сделанные рукой моего брата Григория, я узнал, что и он сидит тут же, в Таганке. Лидия Павловна начала правильно снабжать меня книгами, и ей разрешили переписываться со мной по поводу этих книг. Письма приходили совершенно измаранными, так что по ним я ничего узнать не мог. Пришлось примириться с этим. Я был уверен, что сел очень основательно, что придется посидеть очень долго.

Надо было занять себя, чтобы забыть все и не думать о воле, о том, что там происходит. Я, действительно, в первую же неделю задал себе задачу, над разрешением которой провел все время тюремной сидки и ссылки. Решил приняться за изучение истории человеческого общества и до того увлекся этой задачей, что действительно забыл и про тюрьму, и про волю. Я просиживал за

книгой не меньше 16 часов в сутки, час маршировал по камере, проделывал гимнастику, обтирался холодной водой. И до того укрепил свои нервы, здорово расшатанные предыдущей работой, что чувствовал себя в тюрьме прекрасно, несмотря на отвратительную баланду и полусырой хлеб, которым питался. От присылки более 3—5 рублей в месяц я решительным образом отказался. Этого мне хватало на трубку и чай.

Лишь через пять месяцев меня повезли на допрос. Допрашивать меня собрался целый синклит из товарища прокурора Лопухина, жандармского генерала Шрамма, двух полковников и еще какого-то штатского. Сначала я категорически отказывался входить с ними в какие бы то ни было объяснения, признал себя только виновным в хранении найденных у меня нелегальных произведений. Но тут Лопухин начал мне рассказывать все, что знает. Прежде всего он показал мне наш типографский станок, а затем подробно, шаг за шагом, рассказал о работе нашей организации за последний год. Я долго в ожидании будущих допросов у себя в камере практиковался в том, чтобы лицо мое не выражало никаких чувств, чтобы я научился вполне владеть собой. Я изобрел свой собственный метод самовнушения и проверки его действия над собой. Но тут мне очень много пришлось употребить усилий над собой, чтобы скрыть от моих допрашивателей впечатление от рассказов Лопухина. В конце рассказа я рассмеялся, похвалил их фантазию, но тут же решил переменить тактику.

Я мог легко определить по рассказу, что организации нашей нанесли сильнейший удар, но что самого для меня страшного, чего я больше всего боялся, не случилось. Организуемый нами митинг не был провален, вся наша распропагандированная масса не была арестована, а арестована только головка. А далее из этого же рассказа я убедился, что вместе со мной была арестована не вся головка. Часть была арестована позже, и за этот перерыв оставшиеся на воле товарищи успели выпустить ряд новых листовок, которых при мне не было.

Затем я убедился, что наряду с товарищами, которые работали вместе со мной, был арестован ряд лиц, никакого касательства к нашей работе не имевших, как Рязанов, Чекеруль-Куш, Давыдов и ряд других интеллигентов-марксистов¹. Это все убедило меня, во-первых, в том, что, несмотря на сильную слежку за нами, при нашем аресте жандармы еще ничего точного не знали, во-вторых, то, что они сейчас знают, они далеко не все знают, наверное, только теперь нащупывают почву. Узнал я также, что одновременно с нашим провалом были арестованы в Екатеринославе мой брат Григорий, А. Н. и П. И. Винокуровы, но что у них нет сведений о других наших связях: в Нижнем Новгороде (откуда привезена

¹ Рязанов и Давыдов сделали много переводов марксистской литературы и вели значительную работу среди интеллигенции, а многие их ученики — среди рабочих. *Ред.*

типография), в Туле, откуда за несколько дней до моего ареста приезжали ко мне А. А. Малиновский (Богданов) и С. И. Степанов (после революции бывший одно время председателем Тульского губисполкома), и о связях в других городах.

Вот все эти обстоятельства заставили меня изменить тактику на допросе. Я поставил себе задачу своими показаниями отклонить подозрение от тех товарищей, против которых нет точных улик, запутать следствие в вопросе о происхождении типографии (я выдумал историю о приобретении мною типографии в Риге) и т. п. Все это мне удалось сделать.

Впервые мне удалось узнать подробности нашего провала уже только в 1896 году, когда нас всех во время коронации развезли из московской тюрьмы по провинциальным тюрьмам. Я попал в ярославскую тюрьму. В одном корпусе со мной сидели там Поляков, Бойе, Карпузи и один из Масленниковых. Мы сразу установили сношения друг с другом, несмотря на то что надзиратели следили за нами, пожалуй, строже, чем в Москве. Мы кричали друг другу в окна, завели веревочную почту между отдельными окнами и т. п.

Только тут я узнал, что в ночь на 10 июня вместе со мною были арестованы исключительно интеллигенты. Типографию откопали сразу в Мытищах. Никого из рабочих не арестовали. Поляков сразу узнал о моем аресте и сразу же принял меры к тому, чтобы оповестить все кружки о том, чтобы не ехали на митинг. Это было сделано точно, все были предупреждены. Заготовленную литературу распространить по заводам не удалось, но она не пропала даром. Поляков подобрал десяток ребят, и они рассовали ее по отдельным первым встречным рабочим, раздавали по чайным, харчевням, трактирам. Один из них отправился по Калужскому шоссе и раздал всю пачку ехавшим на базар крестьянам.

Поляков, Бойе, Хозецкий и другие вскоре после нашего ареста возобновили работу тем же темпом. Им удалось снова наладить технику, они привлекли кое-кого из интеллигентов, в том числе Колокольников. Устроили ряд довольно больших митингов. Им удалось продержаться до середины августа, когда их наконец арестовали. Но с их арестом дело не прекратилось. В ноябре 1895 года были вновь массовые аресты, преимущественно рабочих, продолжающих работать в нашей организации и успевших выпустить ряд листовок. В этот период работой руководил рабочий Немчинов. Последнюю прокламацию, составленную одним малограмотным рабочим, отпечатали в Синодальной типографии. Пока я сидел в Москве до июня 1897 года, новые аресты, связанные с делом союза, не прекращались.

Уже после окончания следствия по нашему делу, когда все дело уже было послано в Петербург на подпись царю, меня снова вызвали на допрос и хотели связать с новым делом, по которому привлекались Величкин, Колокольников и Рума (последний оказался агентом Зубатова). Я рассердился и в последнем подписанном

мною протоколе сделал следующую приписку: «Я беру на себя всю ответственность за все сделанное мною за время с 1891 по 10 июня 1895-года; не моя вина, что следственные власти оказались неспособными открыть и десятой доли того, что я делал. Больше я ни на какие вопросы отвечать не буду». Этот протокол они в дело мое не включили и больше меня не тревожили.

5 февраля 1897 года был подписан царем приговор, по которому меня присудили к исключению из запаса армии без зачисления в ратники ополчения и к ссылке на пять лет в Якутскую губернию; Мицкевич и Винокуров получили пять лет ссылки в Восточную Сибирь; Поляков — в Восточную Сибирь на три года; Бойе, Хозецкий, Спonti, Дурново, Петрова, Карпузи, Мокроусова, братья Масленниковы получили кто три, кто два года ссылки в Архангельск; еще несколько человек были отданы под гласный надзор полиции внутри России...

Из моих товарищей, о которых я упоминал в этих беглых воспоминаниях, брат мой Григорий сошел с ума в одиночке после настоящих нравственных пыток, которым его подвергали жандармы за его постоянную ругань и издевательство над ними. Несмотря на то что он уже давно был болен, они долго не разрешали перевести его в тюремную больницу. Только тогда, когда состояние его здоровья стало совершенно безнадежным, его после невероятных мытарств наконец сдали в Преображенскую больницу, где он скончался в 1901 году...

...Самому мне после ссылки (я вернулся в 1901 году) пришлось все время работать исключительно на партийной работе в качестве профессионала.

*На заре рабочего движения в Москве.
Воспоминания участников Московского
рабочего союза (1893—95 гг.) и доку-
менты. М., 1932, с. 65—96*

О ВОЗНИКНОВЕНИИ МОСКОВСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

...Осенью 1889 года в Москве организовалось екатеринославское землячество, в котором образовалась левая революционная (неоформленная) группа (пишущий эти строки, Ив. Муралов, С. Муралова, П. Калугина, П. Винокурова, А. Барабаш, Куш и др.). Землячество имело кружки самообразования, в которых читались Чернышевский, Миртов, Лассаль, Шефле и др. Марксизма в этих кружках не было еще ни грана. Кроме земляческих кружков в то время в Москве были и отдельные революционные группы. Так, в 1890—1891 годах существовала и скоро была ликвидирована народовольческая группа Аносова, Балакиревой и др. Мы имели связь с этой группой и получали через нее нелегальную литературу. Позже, в 1891—1892 годах, образовалась другая революционно-народническая группа, кружок писателя Астырева, которая стала на путь широкой крестьянской агитации (рассылала прокламации к крестьянам по поводу голода). В это время уже образовался наш марксистский кружок, и интересно отметить, что в рассылке прокламаций, надписании адресов, опускании в почтовые ящики мы приняли участие. Я отмечаю этот факт, так как он с несомненностью указывает, что наш марксистский кружок придавал значение революционной агитации и среди крестьян.

Впервые марксиста я встретил в конце 1890 года в лице И. Давыдова, который в это время обладал уже достаточной эрудицией в области марксизма (читал Маркса, Зибера и др.).

И. Давыдов принадлежал к рязанскому земляческому кружку, о котором упоминает донесение охранки по поводу ликвидации социал-демократического кружка С. Мицкевича, А. Винокурова и др. (сб.: На заре рабочего движения в Москве, 1919, с. 58). Этот рязанский кружок сыграл немалую роль в деле развития марксизма в Москве, дав марксистов Ар. Рязанова, И. Давыдова, В. Жданова и др. Кружок этот имел два течения: одно народовольческое, впоследствии давшее социалистов-революционеров, другое марксистское. ...Таким образом можно установить такую цепь первых марксистов в Москве: Ар. Рязанов, Гр. Мандельштам, Круковский, И. Давыдов, С. Мицкевич, А. Винокуров, М. Мандельштам и др.

Из указанных земляческих кружков и выделились почти одновременно в начале 1892 года две марксистские группы. Первая в составе Гр. Мандельштама, А. Н. Винокурова, П. И. Винокуровой, К. и А. Куш, Н. Шатерникова. Эта группа поселилась коммунальной в одной квартире и стала центром собрания марксистских сил. К ней позже присоединились С. Мицкевич и М. Мандельштам. Кружок переводил социал-демократическую литературу, вел пропаганду на студенческих вечеринках. Пишущему эти строки пришлось не раз бывать на этих вечеринках с Гр. Мандельштамом и пропагандировать марксистские идеи. Нужно сказать, что в это время (начало 1892 г.) марксизм только еще начал проникать в среду молодежи, и нам часто приходилось иметь против себя большинство собрания. Вторая марксистская группа образовалась в составе А. Рязанова, Давыдова, Жданова, Калафати и др. (Давыдов скоро уехал в Дерпт).

Эти группы поддерживали между собой тесную связь, но организационно не сливались и стали объединяющим центром для марксистов социал-демократов того времени. Вокруг названных групп сгруппировались кадры примыкающих (Кирпичников, Дурново, Смирнова и др.), которые оказывали всякое содействие в виде хранения литературы, переписки, печатания, распространения и т. д. Уже тогда намечался тот тип организации, который впоследствии дал Владимир Ильич, с профессиональными революционерами во главе, примыкающими к ним группами и пр.

Необходимо отметить, что характер указанных групп все время был несколько различный. Кружок в составе Рязанова, Давыдова, Калафати и др. по составу был интеллигентский, по своей деятельности носил более теоретический характер, имел задачей пропаганду марксистских идей в студенческой среде и борьбу с народническим мировоззрением. Отсюда частые выступления на студенческих вечеринках, отмеченные в ряде воспоминаний. Соответственно и работа этой группы была более теоретическая: подбирались марксистская литература, собирался статистический материал, подтверждающий развитие капитализма в России и опровергающий народнические теории, выписывалась из-за границы и переводилась социал-демократическая литература и т. д. Однако необходимо сказать, что самостоятельных теоретических работ по марксизму московские кружки не дали. Гегемония в этом отношении принадлежала Петербургу.

Что касается нашей группы, то она все более склонялась к практической работе — к пропаганде, а затем и агитации среди рабочих с целью политического и социалистического воспитания рабочих и их организации для революционной борьбы с капиталистами и абсолютизмом. Этим нужно объяснить то, что наша группа быстро перешла к переводам заграничной (и польской) социал-демократической популярной литературы, к переделке ее, приспособляя ее к тогдашнему состоянию рабочего движения, а также к составлению собственных популярных брошюр. Наконец в сен-

тябре 1893 года выделилась «шестерка» в составе пяти интеллигентов (А. Винокуров, С. Мицкевич, М. Мандельштам, П. Винокурова и Спonti) и одного рабочего (Прокофьев), которая и явилась первой ячейкой московской парторганизации. А через полгода, в апреле 1894 года, образовался первый руководящий Центральный рабочий кружок, в который входили рабочие нескольких заводов и фабрик. Произошла смычка пролетарского социализма (марксизма) со стихийным рабочим движением...

Первая московская организация, состоящая в значительной части из рабочих, за время своего существования в течение 1894 и половины 1895 года проделала огромную работу. Из группы в десяток горячо преданных и глубоко веровавших в торжество рабочего дела человек эта организация за один-полтора года превратилась в солидную организацию сотен сознательных рабочих, воспитанных в духе классового самосознания, дисциплинированных и готовых вести рабочие массы на борьбу с капиталистами и самодержавным правительством. Через год пропаганда и агитация из конспиративных квартир широко разлилась по фабрикам и заводам и наконец 1 мая 1895 года вышла на улицу в виде майской демонстрации. Нельзя не отметить той огромной работы, которую проделали в это время руководители и активные участники организации. Заваленные своей учебной, службой или работой на фабриках и заводах, они находили время и энергию вести пропаганду и агитацию, не ограничиваясь только руководством, но беря на себя самую черную революционную работу. Например, С. Мицкевич поселился в моей квартире для того, чтобы поставить только что приобретенный мимеограф и начать печатание в широких размерах, так как мы подошли к такому моменту, когда литература требовалась до зарезу, а переписывание, гектографирование и т. п. не могли уже удовлетворить спрос на брошюры, листовки и пр.

При этом мы проводили жестокую конспирацию, которую впоследствии так рекомендовал Владимир Ильич в вышеназванной его статье об организационных задачах¹. Движение в это время все более выходило на улицу, и нужно было его вводить в надлежащее русло. Этим объясняется то, что первая московская организация, несмотря на то что за членами ее уже была слежка, как это теперь известно из материалов охранного отделения, могла так широко развернуться. К сожалению, после ареста значительной части руководящего центра в декабре 1894 года оставшиеся члены забыли про эту осторожность, что ускорило провал всей организации летом 1895 года. В названном письме об организационных задачах Владимир Ильич писал: «Общие собрания и сходки возможны в России лишь изредка в виде исключения, и надо быть сугубо осторожным... ибо на общие собрания легче попасть provoca-

¹ Имеется в виду работа В. И. Ленина «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 1—32). *Ред.*

тору и проследить одного из участников шпиону... вот почему я против не только «дискуссий», но и против «представительной сходки»¹. Этого золотого правила организационных принципов ленинизма, к сожалению, наши оставшиеся товарищи не соблюдали...

На основании вышеизложенного можно установить следующие положения относительно первой московской организации:

1) Марксистская идеология проникла в Москву на рубеже 80—90-х годов прошлого столетия. Первыми вполне определившимися марксистами были Ар. Рязанов (конец 80-х годов), Гр. Мандельштам (90 г.), С. Мицкевич (90 г.), И. Давыдов (90 г.), Круковский (90—91 гг.). Затем идут А. Винокуров (91 г.), М. Мандельштам (92 г.), Калафати (92—93 гг.).

2) Первым кружком чисто марксистского направления в Москве нужно считать кружок Круковского, Гр. Мандельштама (1891 г.), скоро, правда, провалившийся, но быстро (в начале 1892 г.) возродившийся в новом кружке Гр. Мандельштама, А. Винокурова, П. Винокуровой, Куш и др., в который в течение 1892 года вошли С. Мицкевич, М. Мандельштам и с которым поддерживали связь высланные Круковский и Розанов.

3) Почти одновременно с последним кружком самостоятельно выделился из рязанского землячества новый марксистский кружок в составе А. Рязанова, И. Давыдова, В. Жданова, к которому впоследствии присоединился Калафати и др.

4) Последние два кружка работали совместно, не сливаясь организационно. Вокруг них образовались новые группы сочувствующих, содействующих и пр.

5) Кружок А. Рязанова, Давыдова и др. все время носил интеллигентский, теоретический характер.

6) Кружок А. Винокурова, С. Мицкевича, Мандельштама и др. с конца 1892 и начала 1893 года перешел к работе среди рабочих. В сентябре 1893 года из него выделилась «шестерка», положившая начало московской организации. Первое организационное собрание происходило у меня на квартире, и происходило, как теперь стало известно из архивного материала, под «наблюдением» шпики, правда не подозревавшего еще, в чем, собственно, дело². В начале (в апреле) 1894 года образовался Центральный рабочий кружок, в который из «шестерки» вошли я, Спonti, М. Мандельштам и Прокофьев, а из рабочих: Поляков, Бойе, Хозецкий, Немчинов и др. С. Мицкевич сидел на технике и по конспиративным соображениям не вошел в него. С «шестеркой» связан был женский рабочий кружок (П. Винокурова, С. Муралова, Смирнова и др.). Кружок А. Рязанова, Калафати и др., хотя в общем и продолжал сохранять теоретический характер

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 11, 12. *Ред.*

² См.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1932, с. 238. *Ред.*

и иметь связи с интеллигенцией, однако не был оторван от возникшей московской организации и обслуживал ее...

7) В связи со сказанным необходимо в таблицу московских кружков 90-х годов из собрания Музея Революции СССР внести некоторые поправки:

а) кружки Круковского — Гр. Мандельштама нужно отнести к 1891—1892 годам;

б) к периоду 1892—1893 годов отнести два кружка: 1) А. Винокурова, С. Мицкевича, М. Мандельштама, 2) А. Рязанова, Давыдова, Калафати;

в) к периоду конца 1893 и начала 1894 года отнести первую московскую партийную организацию, получившую в мае 1895 года название «Московский рабочий союз», в составе «шестерки» и Центрального рабочего кружка (комитет) и филиальных отделений (женский рабочий кружок, обслуживающие кружки).

8) О названии первой московской организации. Я категорически утверждаю, что вплоть до нашего ареста (декабрь 1894 г.) наша организация названия «Московский рабочий союз» не носила. Мы вообще не спешили с принятием той или другой клички, а больше думали о практической работе. Название «Московский рабочий союз» было принято на маевке 1895 года, как это документально установлено в «Истории РСДРП» тов. Лядова (ч. 1, изд. 1906 г., с. 116).

9) Последний вопрос, о роли отдельных участников, наиболее трудный, но на него необходимо ответить. Начнем по старшинству вступления на путь марксизма.

Ар. Рязанов вел теоретическую марксистскую работу, делал переводы, пропагандировал социал-демократические идеи среди студенческой молодежи, собирал интеллигентские, сочувствующие марксизму, силы (переводчиков, переписчиков, хранителей литературы и пр.).

Гр. Мандельштам — одна из первых марксистских ласточек в Москве — был выдержанный, теоретически образованный марксист, хорошо знакомый с историей, выступал в период 1891—1892 годов на студенческих вечеринках, скоро погиб в тюрьме от психического заболевания. Подавал очень большие надежды и, несомненно, стал бы крупной теоретической марксистской силой.

Г. М. Круковский, тоже рано погибший от тюремных мытарств, был прекрасным популяризатором Маркса и человеком, преданным рабочему делу.

И. А. Давыдов — больших следов в московской организации не оставил, так как скоро выбыл в Дерпт, где также образовал марксистский кружок, но на первом этапе марксистского движения в Москве был серьезным возбудителем марксистской мысли.

С. И. Мицкевич — один из первых марксистов в Москве, один из основателей и руководителей первой московской организации, участвовал в редактировании переделок иностранной социал-демократической литературы, составлял популярные брошюры, заво-

дил знакомства с рабочими, организовал доставку нелегальной литературы, в последнее время сел на технику.

А. Н. Винокуров — один из основателей первой московской организации и руководителей Центрального рабочего кружка, участвовал в редактировании переводов и переделок иностранной социал-демократической литературы, составлял популярные брошюры.

М. Н. Мандельштам (Лядов) — один из основателей первой московской организации и руководителей Центрального рабочего кружка, много переводил с немецкого, переделывал и составил несколько популярных брошюр, заводил знакомства с рабочими, после ареста руководящего центра, в первой половине 1895 года, проводил общие рабочие собрания и маевку.

Е. И. Спonti — один из основателей и руководителей первой московской организации, много сделал по проведению агитационного метода работы, был выдающимся агитатором. Теоретически не совсем выдержанный, с лассалевским оттенком.

С. И. Прокофьев — рабочий, один из основателей и руководителей московской организации, чрезвычайно способный и быстро осваивающийся с теоретическими вопросами марксизма, заводил связи в рабочей среде.

Столь же выдающимися были и рабочие Ф. И. Поляков, К. Ф. Бойе, А. И. Хозецкий — члены Центрального рабочего кружка.

*У истоков большевизма. Воспоминания,
документы, материалы. 1894—1903. М.,
1983, с. 29—35*

МОСКОВСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В 1893—1898 ГОДАХ

Народники говорили, что активные марксисты должны идти в деревню и открывать там кабаки и ссудные кассы, но марксисты не последовали этим «мудрым советам» истолкователей Маркса; они иначе понимали своего великого учителя и иначе проявили свою активность; они пошли в рабочие массы с пропагандой социал-демократических идей.

В сентябре 1893 года выделился кружок из шести человек: А. Н. и П. И. Винокуровы, Е. И. Спonti, М. Н. Мандельштам, С. И. Мицкевич и С. И. Прокофьев. Основанием этого кружка и было положено в Москве начало развитию массового рабочего движения, несшего в течение почти 25-летия имя социал-демократического и лишь в последний год этого 25-летия усвоившего себе, в отличие от соглашательского движения, то имя, которое ему было дано еще Марксом и Энгельсом, имя коммунистического. Несмотря на все гонения, на частые провалы, на грандиозную, организованную Зубатовым провокацию, рабочее движение в массах более уже не глохнет: после временных поражений оно поднимается всегда с новой силой.

В Москве и до образования этого кружка были кое-какие попытки со стороны марксистов заводить связи с рабочими, и у каждого из членов кружка были свои небольшие связи, но сколько-нибудь систематически, планомерно и широко это дело было поставлено впервые лишь этим кружком. Прежде всего было образовано несколько кружков для пропаганды преимущественно из рабочих механических заводов и железнодорожных мастерских. Мы были счастливы, что нам сразу удалось натолкнуться на несколько очень дельных и интеллигентных рабочих.

Надо сказать, что в это время среди рабочих было уже много элементов, рвущихся к знанию, стремящихся осознать стихийное брожение рабочей массы, которое появлялось в те годы в ряде стачек во многих местностях России. Заводить связи в рабочих кругах было легко.

С увеличением наших связей среди рабочих, с увеличением числа кружков скоро перед нами встал организационный вопрос. Решено было создать Центральный рабочий кружок, в который входили бы по одному представителю от каждого вполне сформирова-

ровавшегося заводского кружка. Заводской кружок состоял из рабочих одного завода, занимающихся в пропагандистских кружках; этот заводской кружок вел дело агитации и организации на своем заводе; около него группировались менее сознательные рабочие...

Центральный рабочий союз, составленный из представителей всех заводских кружков и пополненный несколькими интеллигентами, ведущими непосредственную работу среди рабочих, по мысли некоторых товарищей, и должен был играть роль коллектива, который заправлял бы всем рабочим делом в Москве. Этот союз должен был собирать материал для агитации, для листовок, для брошюр, он должен был давать «директивы» для всей организации; он же должен был заведовать техникой, транспортом, сношениями с другими городами и т. д. Некоторые же говорили, что рабочие еще недостаточно подготовлены для руководства движением, особенно же неудобно передавать в такой большой кружок конспиративную часть (технику, транспорты, сношения); и даже существование такого союза они считали неконспиративным, так как он может привести к провалу всех верхов организации.

Всем делом, по мысли этих товарищей, должен руководить интеллигентский кружок, который кооптирует наиболее подготовленных рабочих. Оба направления сошлись на компромиссе: Центральный рабочий союз был организован, но наряду с ним оставался прежний интеллигентский кружок, в который было принято трое рабочих; за этим кружком оставлено высшее идейное руководство движением и конспиративная часть; рабочий же союз играл роль, так сказать, совещательного учреждения, собирал материалы, передавал связи; на его собраниях читались проекты листовок и часто вносились изменения по указанию рабочих.

Первое собрание Центрального рабочего союза было в апреле 1894 года. На нем были представители от кружков с заводов Гужона, Вейхельта, Листа, Бромлея, Доброва и Набгольц, Гоппера, Грачева, с Брестской и Казанской железнодорожных мастерских, с фабрик Михайлова, Филиппова и еще нескольких. С образованием рабочего союза дело пошло еще живее: росло количество связей, кружков. Особенно же живо пошло дело летом: стали устраиваться часто за городом собрания, на которых выступали наши ораторы, начали заводиться связи с подмосковными фабриками и городами; так, были заведены связи с Орехово-Зуевом, Раменской мануфактурой, с городами Ковровом, Тулой и некоторыми другими. Были попытки уходящими в деревню на летние работы рабочими вести агитацию в деревне и в двух экономиях в Московской губернии; под влиянием этой агитации были вызваны стачки батраков.

В самой Москве в то лето тоже была стачка у Цинделя и на двух-трех заводах рабочие волновались и предъявили хозяевам требования, которые и были частью удовлетворены, и дело не дошло до стачки. Были выпущены листки по этому поводу.

Осенью 1894 года образовался женский кружок (С. И. Муралова, П. И. Винокурова, А. И. Смирнова). Этот кружок завел связи с женщинами-работницами, ткачихами, модистками и др. Члены кружка поступали учительницами в воскресные школы и там вместо преподавания грамматики читали слушательницам наши брошюры. Когда не утверждали их учительницами, они записывались в школу в качестве учениц и заводили знакомства с другими ученицами. Так удалось завести довольно много связей среди работниц. Среди них особенно выдавалась одна ткачиха как агитаторша; она была неграмотная, и ей читали листки и брошюры другие. Интересно, что многие неграмотные рабочие, затронутые агитацией, стали проявлять сильное стремление научиться грамоте и часто учились читать по нелегальным брошюрам.

В это время у нас зародилась уже мысль о рабочей газете — материала для такой газеты было у нас достаточно. Думали мы ее назвать «Рабочее дело», но пока не была достаточно хорошо поставлена техническая часть, пришлось ограничиться изданием серии листков. Были изданы листки: «Много ли мы зарабатываем», «Долго ли мы живем», «Разговор с фабричным инспектором», «Разговор фабриканта и рабочего» и несколько других. Последние два из упомянутых были диалоги в юмористической форме. В ноябре 1894 года мы получили из Петербурга сборник, изданный на гектографе группой народовольцев. Он был превосходно составлен. В нем были статьи и на общие темы, и корреспонденции с заводов.

Очевидно, мысль о рабочей газете возникла одновременно в Петербурге и Москве; в Петербурге только почему-то раньше у народовольцев, чем у социал-демократов. За границей в это время народовольцами издавался «Русский рабочий», который и мы не отказывались распространять за недостатком литературы.

Так шло дело без всяких помех со стороны полиции до декабря 1894 года, но еще летом, а особенно осенью полиция обратила внимание на начавшееся в рабочей массе брожение, и началась слежка за некоторыми интеллигентами и рабочими. В декабре 1894 года были в Москве произведены аресты и высылки под предлогом начинавшихся студенческих волнений. В числе высланных оказались почти все члены интеллигентского кружка; один товарищ уехал около этого времени за границу для заведения постоянных сношений и для постановки издательской части. Из интеллигентского кружка остался только один интеллигент, а из рабочих никто тогда не пострадал.

Когда интеллигенты-руководители почти все исчезли, то руководство делом, естественно, перешло к рабочему союзу; интеллигентский кружок пополнился несколькими молодыми студентами (А. Н. и В. Н. Масленниковы, Ганшин, Кирпичников и др.) и стал играть служебную роль: заведовал конспиративной частью, составлял листки, но темы и окончательная редакция перешла в рабочий союз. Тогда же была сделана попытка ввести специализацию функций: занимающиеся технической частью не должны были

иметь дела с рабочими и т. п., но это плохо удавалось: народа подходящего было мало, а работы — масса; таким образом, одному и тому же лицу приходилось и писать, и в типографии работать, и в кружках заниматься.

Конспирация вообще плохо соблюдалась: многие рабочие знали друг друга и интеллигентов по фамилиям, ходили друг к другу на квартиры и т. д. Дело шло в общем очень хорошо: был выпущен ряд листков, работали два mimeографа, один ручной типографский станок. На некоторых фабриках целые мастерские примкнули к движению вместе с мастерами: так, на заводе Гоппера мастер принимал в свою мастерскую только сознательных рабочих, другой (у Бромлея) — преимущественно рабочих, читающих «Русские ведомости», что считалось тогда признаком сознательности и умственной развитости.

Так обстояло дело к весне 1895 года.

Приближалось 1 Мая, которое было решено отпраздновать, сделать как бы смотр нашей рабочей организации, подвести итоги нашей двухлетней работы.

В апреле было издано по поводу празднования три листка, которые широко разбрасывались по заводам. Предложение ознаменовать этот день забастовкой отклоняется лишь потому, что полиции тогда было бы очень легко выловить всех сознательных рабочих; надежды на то, что к забастовке пристанет вся масса рабочих, у организации не было. Ввиду этого постановлено было день празднования перенести на воскресенье 30 апреля. Чтобы избежать риска общего провала, на маевку решено было идти не всем, а лишь по несколько человек с каждой фабрики по выбору организованных.

На маевку собралось около 250 человек, представлявших до 30 фабрик и заводов, около станции Перово. Там провели целый день: говорили речи товарищи Мандельштам, Карпузи, Поляков и другие на темы о необходимости организации рабочего класса, о борьбе за политическую свободу, о 8-часовом рабочем дне; указывалось на громадные успехи рабочего дела в Москве, несмотря на его молодость. Была принята резолюция немедленно приступить к самой широкой массовой организации и завести прочные связи с другими городами.

Настроение рабочих на собрании было очень приподнятое: чувствовалось большое воодушевление и вера в свое рабочее дело.

После окончания речей начались песни: пели «Марсельезу», «Дубинушку», куплеты одного рабочего поэта. Потом пошли всей толпой по направлению к станции с песнями.

На следующий день, 1 мая, на всех гуляньях — в Сокольниках, на Девичьем поле — рабочие кучками слушали рассказы тех, кто присутствовал на маевке, и читали листки, розданные на празднике.

Слух о маевке разошелся среди всего рабочего населения Москвы...

После маевки дело пошло у нас еще живее. В это время возникла мысль об устройстве съезда представителей организаций разных городов. Из Москвы для переговоров по этому поводу были посланы товарищи в Екатеринослав, Киев, Ярославль. Были связи с Нижним Новгородом, Саратовом, Петербургом и некоторыми другими городами.

Рабочие собрания устраивались в мае очень часто. В это время началась за несколькими лицами упорная слежка: они сопровождались целыми стаями шпионов; но они дела не оставляли и продолжали ходить по собраниям. Да и как было бросить, кому передать? Слишком еще мало было социал-демократической интеллигенции, способной и желавшей работать в рабочей среде.

В январе организуется¹ «Московский рабочий союз», который вскоре объединяет около тысячи рабочих; он проявляет большую энергию и широко ставит дело: заводит типографию, выпускает ряд прокламаций. В январе к празднованию 25-летия Парижской коммуны посылает адрес к французским социалистам с шестьюстами подписей рабочих. На Лондонский международный социалистический конгресс, бывший в том же году, «Московский союз» передает свое представительство Вере Засулич. Русская делегация на этом конгрессе докладывает о только что проведенной в Петербурге трехнедельной стачке 30 тысяч ткачей, о росте социал-демократического движения в царской России. В Москве весной и летом тоже проводится ряд стачек на механических заводах и в железнодорожных мастерских. Рабочие добиваются значительных уступок: 9-часового рабочего дня на многих заводах и повышения заработной платы...

В июле 1896 года было опять арестовано несколько сот рабочих. С этой публикой начальник московского охранного отделения Зубатов во время их сидения вел большие разговоры: он их убеждал отказаться пока от политической агитации, а вести только экономическую, обещал за это легализацию рабочего движения. И по-видимому, некоторые даже вполне честные люди попали на удочку хитрого шпиона и вступили с ним в какие-то переговоры. История эта темная и не вполне разъясненная до сих пор. Но как бы то ни было, через месяц большая часть арестованных была выпущена и многие оставлены в Москве. С тех пор была, очевидно, широко поставлена и организована провокация как в рабочей, так и в интеллигентской среде...

В начале июня было в Сокольниках собрание представителей от заводских кружков. Всего было человек восемьдесят от 29 фабрик и заводов. На этом собрании было решено через неделю собрать большое собрание из всех более или менее сознательных рабочих; ожидалось до 2 тысяч человек. Но этому собранию не суждено было состояться. Уже описанное собрание из 80 человек

¹ В январе 1896 г. «Рабочий союз» восстанавливается. *Ред.*

было прослежено, со многих были сделаны шпионами снимки, и 10 июня были арестованы все интеллигенты, принадлежавшие к организации. Были взяты мимеограф и типографский станок. Из рабочих опять-таки никто не был арестован, хотя полиция многих из них проследила. Очевидно, полиция решила выловить всех сразу и с этой целью продолжала слежку. Оставшиеся рабочие продолжали дело: писали листки, типографщик Наумов в большом числе печатал их в легальной типографии.

В августе был арестован почти весь Центральный рабочий кружок и много рабочих из организации. Всего было арестовано несколько сот человек. Часть из них была выпущена через несколько недель, часть просидела в тюрьме семь месяцев, 17 человек просидели до приговора год и восемь месяцев. Приговор получили 49 человек в административном порядке, «по высочайшему повелению». Самое меньшее наказание было гласный надзор два-три года с запрещением жить в столицах и некоторых городах; 30 человек были сосланы в Архангельскую губернию на три года, один на три года в Восточную Сибирь, четыре — на пять лет в Якутскую область.

...После провала нашей организации в августе 1895 года осталось на свободе еще много сознательных рабочих, их начали собирать другие интеллигентские кружки, а также и сами рабочие организовывались и искали связей с интеллигенцией...

С этого времени деятельность среди рабочих в Москве стала крайне затруднительной. Провалы следовали за провалами; ни одной группе не удавалось укрепиться хоть сколько-нибудь прочно; шесть месяцев считалось уже большим сроком для существования группы. Так, в ноябре 1896 года провалился только что образовавшийся «Рабочий союз»; в апреле 1897 года тоже были большие аресты среди рабочих. Прав был покойный Бауман, много работавший в Москве, когда говорил, что история рабочего движения в Москве есть история провалов. Рабочие в это время отказываются вступать в кружки, зная, что такие кружки тотчас проваливаются; организации боятся очень расширять свои связи из опасения наскочить на провокатора.

В рабочем движении Москва отстает в эти годы от других второстепенных центров, но нелегальная работа хотя и ведется не так широко и организованно, но все же никогда не глохнет...

От подпольного кружка к пролетарской диктатуре. 1893—1898. М., вып. 1, 1930, с. 44—54

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

1895—1896 годы

Провал социал-демократической организации в августе 1895 года не надолго остановил организационную работу в Москве. Осенью того же года образовалось несколько кружков, из которых выделялись по своим связям и численности членов два кружка: кружок П. Колокольникова и наш кружок, в состав которого входили А. Финн, переехавший из Киева, Батурин и несколько нижегородцев — М. Владимирский, А. Никитин, Франк и Фридман (последние двое скоро отошли от работы, а затем и от социал-демократии). По мере развития связей с рабочей массой и расширения содержания и характера работы эти два кружка, работавшие вначале отдельно друг от друга, все более и более сближались организационно и наконец, слившись в начале 1896 года, положили основание «Московскому рабочему союзу», стоявшему во главе московского рабочего движения в 1896—1897 годах...

Промышленный подъем середины 90-х годов, вызвавший усиленное стачечное движение, невольно толкал московских рабочих на путь организации. После августовского провала 1895 года оставшиеся на свободе сознательные рабочие пытались сорганизоваться в отдельные кружки. Вначале эти кружки работали еще изолированно друг от друга; некоторые из них поддерживали связь с интеллигентами-одиночками (например, кружок Гр. Орлова), другие работали самостоятельно и без помощи интеллигенции выпускали свои листки. Так, например, «25 ноября 1895 года в районе расположения значительного числа фабрик и заводов 2-го участка Лефортовской части расклеены были печатные воззвания, призывающие рабочих к сплочению с целью требования сокращения рабочего дня». Листок этот был отпечатан и расклеен типографом Р. Г. Наумовым из кружка ткача Ф. И. Полякова, арестованного в августе 1895 года.

Это единственно сохранившийся от того времени листок, написанный самим рабочим. Он настолько характерен для того периода, что я привожу его здесь целиком, исправив лишь орфографию и сделав его удобочитаемым:

«Товарищи, мы спим и не видим, как нас капиталисты грабят, нашу кровь пьют. Довольно, потрудились, пора и честь знать. Итак,

товарищи, последуем примеру наших товарищей, братьев по труду, заграничных рабочих, у них такие законы,— они добились своего... а мы, как рабочий скот, работаем пятнадцать-шестнадцать часов в сутки; набиваем карманы богачей нашей кровью, нашим трудом. Товарищи! Вся трудовая кровь наша у капиталистов. Неужели они сильнее нас — их горсть, а нас — миллионы. Товарищи, ведь мы — братья между собою, забудем ссоры, вздоры, будем соединяться, оснуем кассы и сообща — на врага или беремся за руки — просить короткого рабочего дня. Товарищи, просыпайтесь, пора начинать мстить. Кровь за кровь. Рабочие всех стран, соединяйтесь!»

Революционная мысль и могучая воля пролетариата сквозят в каждой строке, в каждом выражении этого воззвания. Особенно рельефно выступает богатство его содержания в сравнении с его внешним видом.

Набирала его рука еще малограмотного рабочего, распространяли его сами рабочие, не обладавшие никакими, даже примитивными, аппаратами распространения; на оборотной стороне его сохранились следы хлеба, которым он был приклеен к стене.

Впрочем, немного большими средствами обладали и интеллигентские группы того времени. Начиная работу в сентябре 1895 года, наш кружок не имел никакой литературы, если не считать небольшой пачки брошюр, привезенной Финном из Киева. С финансовыми средствами обстояло не лучше: денег совсем не было, весь наш первоначальный капитал сводился к 50 рублям, которые я получил из города Томска от своих земляков-студентов. С этими деньгами мы и начали нашу работу. В течение двух-трех месяцев удалось организовать несколько рабочих кружков и привлечь несколько интеллигентов для занятий в этих кружках. Рядом с этими кружками, где занятия вели по Эрфуртской программе, было образовано еще два-три кружка с переменным составом участников, где не велось систематических занятий, а обсуждались те или иные события дня или факты из повседневной рабочей жизни. Через такой кружок мы стремились провести возможно больше рабочих, выделить из их среды наиболее развитых и способных к организационной работе. Путем такого подбора образовалась небольшая группа сознательных рабочих, которая, слившись в январе 1896 года с кружком П. Колокольникова, образовала центральную группу «Московского рабочего союза».

Насколько сильны были в это время связи с рабочими, видно из того, что под адресом московских рабочих французским рабочим по поводу 25-летия Коммуны было собрано 605 подписей рабочих 28 фабрик и заводов, и лишь краткость срока, как указывалось в сопроводительном письме Полю Лафаргу, не позволила собрать большего числа подписей. Адрес был написан А. Финном, и собиранию подписей предшествовало ознакомление рабочих (в кружках) с историей Парижской коммуны.

Я никогда не забуду того момента, когда выяснился результат собрания подписей: среди повседневной кропотливой, казавшейся мелкой работы неожиданно выдвинулся перед нами мощный отряд строящейся армии российского пролетариата.

К весне 1896 года число членов значительно увеличилось: образовались новые стачечные кассы, делались попытки слияния мелких стачечных касс (у железнодорожных рабочих), стачечное движение нарастало (стачка на Прохоровской мануфактуре). Насколько поднялось боевое настроение у рабочих, можно судить по следующему факту: рабочие Газового завода постановили прекратить выпуск газа для иллюминации Кремля в день коронации Николая и, если не ошибаюсь, сорвали таким путем одну пробную иллюминацию.

С ростом местной организации увеличивались и оформлялись связи и с другими городами (с Петербургом, Киевом, Нижним). В апреле были сделаны первые шаги к созыву съезда: центральной группой «Союза» была выработана детальная программа съезда, которая была передана организациям других городов: по крайней мере, в Нижний она была передана мною лично. Но аресты и высылки в мае («чистка» перед коронацией) и крупный провал в июле помешали осуществлению этого задания. О дальнейшей работе «Московского рабочего союза» до меня в Таганку доходили лишь отрывочные сведения.

1898—1899 годы

Зимой 1898/99 года, когда я снова попал в Москву, рабочее движение казалось совсем раздавленным зубатовщиной: кружки один за другим проваливались, едва успев сорганизоваться. Центральной группе (Московскому комитету партии), в состав которой к тому же входили лица, уже отмеченные охранкой, пришлось законспирироваться до такой степени, что всякая мало-мальски широкая работа была почти невозможна.

Все сводилось к «руководству» движением, то есть к поддержанию связей, далеко не регулярных, с несколькими кружками (В. Розанова, А. М. Лукашевич, А. А. Власевой), и снабжению литературой. Московский комитет не только стоял в стороне от сильно развивавшегося в то время «экономического» движения, но и пытался, насколько это было возможно, вести борьбу против увлечения «экономизмом». Во время всеобщей студенческой забастовки весной 1899 года был поставлен вопрос о непосредственном участии группы в студенческом движении и намечался листок к студентам и рабочим, где, в противоположность господствовавшей раньше точке зрения на студенческое движение (так, например, листок к студентам «Московского рабочего союза» в 1896 году), выяснялось самостоятельное политическое значение происходившей забастовки. Был ли выпущен такой листок — не знаю,

так как в связи со студенческой забастовкой охранка выслала меня из Москвы. Впоследствии пришлось узнать, что, несмотря на всю нашу конспирацию, несмотря на очень узкий состав центрального кружка, всю нашу работу, и даже наиболее конспиративную, мы вели при постоянном надзоре, а иногда и участии провокаторши А. Серебряковой; сношения с кружками, многие конспиративные переговоры между членами центрального кружка происходили или при ее участии, или в ее квартире.

Зубатовщина давила и разбивала все попытки к организации.

*Первый съезд РСДРП. Документы
и материалы. М., 1958, с. 162—165*

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО РАБОЧЕГО

Весною 1893 года я возвратился из своей поездки на родину женатым человеком; приехал вместе с женой. В ноябре — декабре того же года ко мне в мастерской подошел знакомый мне Прокофьев Сергей Иванович и говорит мне: «Не пожелаешь ли вступить в наш кружок?» — «Что в нем делать?» — спросил я. «Займемся самообразованием, изучением рабочего вопроса, в этом нам помогут интеллигенты, приходи». Я обещал. Вечером того же дня я был у Прокофьева на квартире, нас собралось четверо: сам Прокофьев, Александр Баранцевич, Николай Антонович Миролубов и я. С одним только Миролубовым я не был знаком, он был с завода Грачева, находившегося на Пресне. Баранцевича я знал хорошо еще до совместной работы в железнодорожных мастерских, так как мы с ним жили в ученье у одного и того же хозяина и в одно время. Завязался между нами разговор, мы горячо стали обмениваться своими мнениями и взглядами на наше рабочее положение, на возможности его изменения к лучшему, на тяжелую и опасную работу, которая предстоит на этом пути. Но мы все были молоды, стоявшая же перед нами цель толкала всю нашу волю к действию. За этими разговорами время до прихода нашего руководителя прошло незаметно. Это был еще молодой человек лет двадцати четырех, среднего роста, с легко пробивающейся бородкой и серыми искрившимися глазами — это был Мицкевич Сергей Иванович. Он просил нас не прерывать нашу беседу, потому что хотел послушать, о чем мы говорим. Поговорив немного, мы приступили к делу. Мицкевич начал излагать нам экономические обоснования нашей заработной платы, прибавочной стоимости, прибыли работодателя и причины их падения и подъема. Лектор читал по рукописи, но многое передавал и своими словами; после лекции происходил обмен мнениями. Я думаю теперь, что мы были неплохими учениками; многие из высказанных лектором мыслей бродили в наших головах, но не могли оформиться в стройную последовательную систему.

Из членов кружка, продолжавшего и дальше собираться, только мне было 28 лет, остальным товарищам не свыше 25 лет. Продолжая занятия в нашем кружке, мы организовали кружки из других товарищей-рабочих своих железнодорожных мастерских. Сама по себе установилась такая форма наших действий. Про-

кофьев, будучи помощником машиниста, поддерживал связи, доставлял литературу, вел пропаганду по службе движения, а в свободное время раздавал литературу знакомым рабочим в мастерских. Миролюбов вел работу, где работал, — на заводе Грачева (Расторгуевский пер. по Малой Пресне) и по другим заведениям этого переулка. Я и Баранцевич работали в мастерских, вели пропаганду, раздавали литературу, подбирали товарищей в кружки. Эти товарищи собирались для занятий на квартиру ко мне или к слесарю Рогову Сергею Ивановичу...

Кроме Мицкевича я вместе с Миролюбовым поддерживал связь с нашей штаб-квартирой на Немецкой улице. Квартиру эту снимал Бойе Константин Федорович, токарь завода Вейхельта.

Здесь из интеллигентов мне пришлось встречаться с Винокуровым и еще одним, по имени Илья, остальные — рабочие: Константин и Федор Бойе, сестра их Мария, писатель стихов ткач Поляков, Лавров и многие другие, фамилий которых не помню...

1 мая 1895 года мы в первый раз собрались встречать свой Первый Май. Это было по Северной железной дороге, на берегу Яузы...

Праздновать собрались рабочие из разных заводов. Я нарочно сосчитал, сколько нас всех, и насчитал 13 человек: были два брата Бойе, Карпузи, Лавров от Бромлея, Миролюбов, Гриневич и др. Это были, конечно, только представители заводов.

После ареста Мицкевича, так месяцев через восемь, был арестован в августе 1895 года Прокофьев...

Вскоре же я узнал, что кроме Прокофьева арестован почти целиком наш штаб на Немецкой улице. Миролюбов уцелел и вскоре перешел с завода Грачева работать в мастерскую тюрьмы в Каменщиках. После ареста нашего штаба и интеллигентов наши кружки стали колебаться, стало мало литературы. Видя упадок дела и недостаток литературы, которую требовали товарищи из кружков, я решил переписывать литературу сам, гектографическим способом...

Рабочее движение стало принимать в это время новую форму, по моему мнению (мнению практика), самую устойчивую и опасную для правительства форму. Стало вырабатываться общее массовое рабочее настроение, иначе говоря, организовываться общественное мнение рабочих, что при сравнительно достаточном количестве литературы делало из каждого завода школу социализма. Особенно это было ярко заметно в 1895 и 1896 годах, так как собираться мы стали не кружками, а целыми сотнями на пустырях, где-либо поблизости мастерских. Но и сыщики не дремали: стала заметна усиленная слежка...

*У истоков большевизма. Воспоминания,
документы, материалы. 1894—1903. М.,
1983, с. 54—56*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

МАЕВКА В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ.

1895 год

В первое воскресенье мая 1895 года было решено отпраздновать маевку...

В назначенный день после обеда члены кружка, в одиночку и небольшими группками, потянулись из города к реке Талке и, перейдя мостик, направились по Афанасьевскому тракту. Оставив по дороге патрульных, товарищи пошли лесом на заранее указанную полянку и расселись вокруг небольшой березки, на вершине которой водрузили красный платок.

Патрульные указывали путь запоздавшим...

Первым говорил, вернее, читал по бумажке свою речь Кондратьев, вторым — Евдокимов, последним — Обухов. Это был первый опыт публичного выступления товарищей, поэтому их речи не отличались внешними достоинствами, но были просты и понятны собравшимся и вдохновляли их на дальнейшую борьбу...

Все оживились, и даже несмелые товарищи приняли участие в дальнейшем обсуждении организационных вопросов. Тут же решено было преобразовать кружок в революционную организацию — «Иваново-Вознесенский рабочий союз». Председателем «Союза» избран был единогласно Кондратьев, а секретарем и казначеем — Евдокимов, ему же было поручено составить для «Союза» программу. Членский взнос был установлен в прежнем размере — 2 процента с заработка, а прием новых членов «Союза» должен был производиться по рекомендации двух членов с последующей проверкой. Маевка затянулась до заката солнца. Надо было расходиться, чтобы на другой день приступить к работе — ткачам с четырех часов утра, а ситцепечатникам — с пяти часов утра.

Воодушевление было так сильно, что участникам маевки не хотелось идти в город. Часть их перешла на другое место в лесу и свое бодрое настроение выявила в песне. Запели сначала «Долю бедняка» и «В полном разгаре страда деревенская», затем «Дубинушку». Более соответствовала настроению песня «Есть на Волге утес». Поздно вечером и эта группа участников маевки возвратилась в город. Все были полны энергии, бодрости и желания борьбы со своими врагами. Дорогою мечтали о том, когда можно будет на Руси открыто праздновать маевку, не прячась от жандармов, полиции и шпиков.

Так хорошо тогда мечталось, а между тем на революционном небосклоне Иваново-Вознесенска показались тучки. Тотчас же после маевки жандарм Хорьков «порекомендовал» своему родственнику Василию Заксу, члену «Союза», не ходить в книжную лавочку и не водить знакомства с приказчиком Кудряшевым. Пришлось учесть это обстоятельство и вместо Кудряшева спешно пригласить приказчицей распропагандированную девушку из кружка О. А. Варенцовой М. А. Капацинскую...

«ИВАНОВСКИЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ»

...В соответствии с постановлением, вынесенным на маевке, прежний, наскоро набросанный Кондратьевым устав кружка был заменен более подробным уставом-программой, которым должен был руководствоваться вновь возникший «Рабочий союз»...

Новый устав-программа был обсужден в руководящем коллективе и на собраниях «Рабочего союза». Как видно из этого устава-программы, конечная цель «Союза» состояла в том, чтобы «1) отнять накопленный труд из рук частных лиц и сделать его собственностью общества и 2) выработать способ пользования этим сокровищем». «Союз» — по этому уставу — организуется постепенно. Сначала возникают отдельные кружки из наиболее развитых товарищей-рабочих, «к р и т и ч е с к и м ы с л я щ и х л и ч н о с т е й (разрядка моя.— С. Ш.), желающих осуществить прогресс в человечестве». В этих кружках ведется пропаганда по следующей программе:

«Изучение политической экономии, как «науки работников», общее научное образование, чтение литературных и публицистических произведений, проникнутых принципами рабочего движения; разные брошюры и статьи по рабочему вопросу; ознакомление с рабочим движением в России и за границей; журналы, изданные рабочими и для рабочих; устные беседы о положении рабочего класса и т. п.

Члены каждого кружка устраивают кассу, отчисляя 2 процента своего заработка. На средства этих касс покупаются книги, содержатся конспиративные квартиры; оказывается помощь пострадавшим от правительства членам и т. п. Когда число таких кружков достаточно увеличится, они образуют местный союз.

«Союз» борется с капиталистами путем строго рассчитанных стачек, достигая этим повышения заработной платы и укорачивания рабочего дня и в то же время способствуя развитию в рабочем классе солидарности и человеческого достоинства.

Местные союзы объединяются в рабочую партию, которая имеет свое правление и борется на политической почве. Рабочая партия поддерживает сношения с рабочими партиями всех стран.

Объединенные в достаточно сильную рабочую партию, рабочие при первой возможности должны предъявить правительству следующие требования:

1. Признание законом рабочих союзов, касс, библиотек без контроля правительственных чиновников.

2. Дозволение рабочим совещаться о своих делах и бороться с фабрикантами путем стачек.

3. Неприкосновенность (без суда) личности рабочего и всякого члена государства.

4. Установление законом 8-часового рабочего дня.

5. Полнейшая свобода слова и печати.

6. Контроль над фабричными работами.

Когда рабочие добьются исполнения этих требований, то дело объединения пойдет еще быстрее, и скоро они достигнут такой силы, для которой изменить существующий строй на началах братского труда будет возможно без пролития крови» (разрядка моя.— С. Ш.)...

Авторы настоящего устава-программы не преувеличивали значения вождей, как это делали народники. Они правильно понимали, что только массы, руководимые партией и вождями, могут завоевать социалистический строй. Выражение «критически мыслящие личности» составители устава употребляли как старый термин, но с совершенно другим содержанием, чем у народников. Под такими личностями они уже понимают передовых сознательных рабочих, связанных с массами.

Пункт об изменении существующего строя «без пролития крови» в корне ошибочен. Как можно «отнять накопленный труд из частных рук» и сделать это «без пролития крови», осталось не выясненным в программе.

Багаев, я и еще несколько товарищей, особенно Варенцова, горячо возражали тогда против этого пункта программы. Свои возражения Варенцова изложила письменно, подчеркивая, что эта программа совершенно обходит молчанием вопрос о низвержении самодержавия и революционные методы борьбы. Но Кондратьев и особенно Евдокимов, имевшие громадное влияние на остальных членов «Союза», остались непреклонны...

Варенцова, Багаев и я продолжали настаивать, что в программе должна быть особенно подчеркнута политическая задача: свержение самодержавия для дальнейшей борьбы рабочего класса за социализм. История прекрасно подтвердила, кто правильнее оценивал задачи и методы борьбы. Для свержения самодержавия «буржуазии», захвата рабочим классом средств производства потребовалась упорная вооруженная борьба в 1905 и 1917 годах...

После маевки в течение лета, по воскресеньям, было проведено еще несколько собраний в лесу недалеко от фабрики П. Витовой. Помимо обсуждения и принятия программы «Рабочего союза» решено было приступить к систематическим занятиям с членами «Союза». Кроме того, члены «Союза» должны были писать рефераты на заранее заданные темы (рефераты затем читались и обсуждались на собраниях). Члены «Союза» учились правильно

излагать и отстаивать свои мнения. Прежние робость и застенчивость, чем страдали даже руководители «Союза» при публичных выступлениях, изживались. Все свободное время, хотя его было очень мало, члены «Союза» проводили на собраниях или за чтением рекомендованных книг. Нередко читали во время работы, за что штрафовались фабричной администрацией. Никогда до этого члены организации так настойчиво не работали над своим развитием, как летом 1895 года. В результате большинство товарищей, образование которых не выходило за пределы трехлетней начальной школы, сравнительно скоро стали вполне сознательными, культурными революционерами.

Организация росла, вовлекая в свой состав все новые силы. Они распространили свое влияние на Шую и позднее на большое фабричное село Кохму с фабриками Ясюнинских и Щербакова, на которых в то время работало до 3000 человек. Еще зимою 1894/95 года наша организация завязала связи с шуйским рабочим кружком, организованным А. И. Степановым...

Вскоре в руководящий коллектив вошел также учитель Ф. И. Щеколдин... Он мало говорил о своей работе, а между тем его роль в развитии социал-демократического движения в Иваново-Вознесенске значительна. Худой, с жидкими светлыми волосами, с маленькой рыжеватой бородкой и усами, он производил впечатление человека не от мира сего. Он отличался какой-то особой любовью и преданностью к товарищам, которые в свою очередь любили и ценили его. С первой встречи у нас установились с ним дружеские, теплые отношения, которые не прекращались вплоть до его смерти в 1919 году. Он часто бывал у меня, и мы много говорили с ним.

После отъезда Кондратьева на военную службу Щеколдин вместе с Багаевым принимал видное участие в руководстве рабочим кружком. Но основная его работа сосредоточивалась в деревне. Там он все время отдавал своему любимому делу — школе и социал-демократической пропаганде среди крестьян Митрофанова и окрестных деревень. О своей работе в школе он всегда говорил с увлечением, и тогда необыкновенная радость и любовь светились в его голубых глазах. Дети также глубоко любили его, видели в нем своего преданного друга и раскрывали перед ним свои сердца. Его общение с детьми не кончалось школой: многие ученики продолжали у него заниматься и по окончании школы... Многие из них впоследствии становились социал-демократами и вели революционную работу...

Приближалась осень 1895 года. Работа «Союза» расширялась. В это время проездом из Нижнего Новгорода в Петербург заглянул к нам и остался в Иваново-Вознесенске один из основателей рабочего кружка — М. А. Багаев. Высокий, с шапкой густых, черных, кудрявых волос, он производил впечатление спокойного, энергичного и несколько угрюмого человека. Он казался значительно старше своих двадцати лет. С первого момента было вид-

но, что этот товарищ всегда крепко держит себя и не делает неверного шага. Багаев также стал навещать меня и получать нелегальную литературу. У нас скоро установились дружеские отношения, и мы вместе обсуждали все дела по организации...

ПОДПОЛЬНЫЕ ПАРТШКОЛЫ И ВСТРЕЧА НОВОГО (1896) года

...Стачка на фабрике товарищества Иваново-Вознесенской мануфактуры всколыхнула всех ивановцев, а в связи с этим значительно оживилась работа «Союза». После летних собраний в лесу все с жадностью принялись за чтение. В это время через книжную лавочку «Рабочий союз» значительно пополнил свою библиотеку...

...«Рабочий союз», идя навстречу запросам своих членов, тратил на приобретение книг значительные средства. Большая часть легальной библиотеки хранилась в комнате, которую снимал Евдокимов у Екатерины Васильевны Иовлевой. В течение ряда лет Екатерина Васильевна оказывала всяческую помощь организации: недаром члены организации любовно называли ее «Бабой Мокрой» по имени героини революционного романа «На рассвете» Ежа.

Иовлева — интересный тип простой и смелой женщины-революционерки. Багаев, хорошо знавший ее, рассказывал, что Екатерина Васильевна не состояла членом организации, но в течение семи лет оказывала ей всяческое содействие. Ее домик был как бы штаб-квартирой организации. Приезжий или скрывающийся от полиции товарищ всегда находил в нем пристанище; здесь же устраивались собрания, конспиративные совещания, устанавливались явки для приезжающих и т. п. Впоследствии ее привлекли по одному ивановскому делу, и она отбывала год надзора полиции в Вязниках Владимирской губернии, но это ее не сломило.

Число членов «Рабочего союза» значительно возросло. Надо было подумать о помещениях для собраний и занятий на зимнее время. Конспиративная квартира на Новой Задней улице в доме члена «Союза» И. М. Кукина уже не могла вместить всех членов «Союза». Слово «квартира», конечно, далеко не соответствовало действительности. Первая, например, квартира около вокзала представляла из себя маленькую комнатку, которая вмещала всего пять-шесть человек, поэтому в шутку ее называли «Хижинкой дяди Тома». Квартира на Новой Задней улице была несколько больше первой: маленький домик пять на пять метров, стоявший во дворе сзади дома Кукина. Грязная, неосвещаемая Новая Задняя улица, выходящая на пустырь, была очень удобна для конспиративных целей. Домик состоял из одной комнаты с закопченными стенами. Кроме стола, двух лавок и двух табуреток, кровати и сундука с книгами, никакой мебели не было.

Для занятий с менее подготовленными членами по поручению «Рабочего союза» Махов снял маленький домик четыре на четыре метра в другом конце города, на бывшей Владимирской улице (ныне Большая Комсомольская) у портного Борисова. Этот домик был во дворе, что представляло значительное удобство... Нередко после 13—14-часового рабочего дня на какой-нибудь ситцепечатной фабрике члены «Союза» спешили на конспиративную квартиру, чтобы послушать интересную беседу... Стол и две табуретки — вот и вся меблировка такой «квартиры». Рабочие усаживались прямо на полу. Маленькая семилинейная керосиновая лампа среди синего табачного дыма еле светилась. Иногда нечем было дышать, тогда открывали двери в сени. Невзирая на такие условия, на опасность быть арестованными, количество посетителей все увеличивалось. На собрания приходила не только молодежь, но и пожилые рабочие.

В кружках повышенного типа члены «Союза» писали рефераты на разные темы: «Возможно ли мирное разрешение рабочего вопроса», «Возможна ли агитация», «Выгоды 8-часового рабочего дня» и пр. Для рабочих это составляло большую трудность, так как многие из них не кончили даже трехлетней школы. Составление рефератов на заданную и, в очень редких случаях, на выбранную тему, обсуждение их на собраниях и чтение хороших книг содействовали развитию ивановских рабочих, а последующие тюрьмы и ссылки — эти своеобразные «рабочие университеты» — дали ивановцам настолько солидную подготовку, что некоторые из них по своему развитию были не ниже интеллигентов...

Занятия производились не только на пяти квартирах в Иванове, но также и в Шуе... Шуйский рабочий кружок был организован по типу «Иваново-Вознесенского рабочего союза» и являлся как бы его филиалом. В кружке были установлены двухпроцентные взносы, имелась библиотечка из легальных книг. Нелегальная литература получалась исключительно из Иваново-Вознесенска.

К концу 1895 года организация настолько разрослась и оживилась, что было решено устроить встречу Нового года. Всем участникам было предложено подготовиться к этому торжеству и выступить с речами, стихами. Из-за тесноты помещения пришлось разбиться на две группы... Все участники произнесли заранее приготовленные речи. Было чрезвычайно оживленно и весело: пели песни, плясали...

Как бы в ответ на прежние грустные песни Махов произнес свое стихотворение «На Новый год», в котором зазвучали новые нотки, соответствующие новому, более бодрому настроению рабочих...

Шестернин С. П. Пережитое. Иваново, 1940, с. 104—130

В РЯДАХ ХАРЬКОВСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Провал городской ремесленной организации... ускорил перенесение центра тяжести нашей работы в фабрично-заводские районы. В зиму 1898/99 года нам удалось связаться, помимо главной опоры — железнодорожных мастерских, почти со всеми сколько-нибудь крупными металлообрабатывающими заводами, а также и с крупными фабриками — конфетными, табачными, канатным заводом «Новая Бавария» (под Харьковом) и пр.

К 1 мая 1899 года организация распространила на всех крупных фабриках и заводах и во многих ремесленных мастерских первомайскую прокламацию, отпечатанную типографией «Рабочей газеты». Прокламация впервые была за подписью Харьковского комитета РСДРП¹, но из-за этого, помнится, в самом комитете возникли разногласия, и на части распространенных листов подпись, если не ошибаюсь, была даже срезана. Прокламация была встречена рабочими с большим сочувствием, поговаривали о том, чтобы бросить 1 мая работу, но эти попытки не удались из-за отсутствия единодушия. 1 мая 1899 года, как и в 1898 году, было ознаменовано только небольшими загородными собраниями, в которых участвовало по несколько десятков рабочих.

Прокламация сильно взбудоражила жандармов; произведено было несколько десятков обысков и арестов среди рабочих, многие из них были высланы, но раскрыть корни и нити жандармам на этот раз не удалось.

Осенью 1899 года рабочими, без всякого призыва со стороны, была объявлена забастовка на почве экономических требований на Бельгийском заводе. Экстренно собранная в роше около «Стрельны» центральная группа нашей организации решила издать к бастующим агитационный листок, текст которого был мной тут же написан и встретил полное одобрение группы. Это был один из первых написанных мной агитационных листов, на состав-

¹ Харьковский комитет РСДРП образован в 1898 г.; в 1902 г. заявил о признании «Искры» своим руководящим органом. *Ред.*

лении которых мне впоследствии пришлось некоторым образом специализироваться.

Кроме выпуска листка организация поддержала забастовку материально путем сбора, организованного среди сочувствующей публики. Сбор превысил 1000 рублей — по тому времени довольно значительная сумма. Успех этой забастовки еще более подбодрил нас и укрепил нашу решимость перейти от пропаганды к агитации.

Вскоре после забастовки на Бельгийском заводе под влиянием устной агитации сознательных рабочих на некоторых машиностроительных заводах возникло движение за сокращение рабочего дня с 11½ час. до 10½ час., каковой был установлен на более крупных заводах. Требования рабочих были скоро удовлетворены, причем до стачки дело не дошло.

К этому времени организация уже успела в значительной мере принять иную физиономию, более приспособленную к новым, ставшим перед ней практическим задачам. Все расширявшаяся работа в рабочих районах требовала новых сил. Наши старые интеллигентские силы значительно оскудели вследствие арестов в Харькове и Москве, переездов в другие города и полного отхода от революционной работы отдельных членов, а пополнять их путем долголетней обработки в кружках было уже немислимо. Зато организация начинала обрастать довольно многочисленной интеллигентской «периферией», привлекавшейся нами к исполнению целого ряда практических функций: сбору денег (Красный Крест), ведению пропагандистских кружков, расширению связей среди рабочих, распространению литературы и пр.¹

В 1899 году, воспользовавшись притоком свежих интеллигентских сил, мы организовали ряд пропагандистских кружков из рабочей молодежи. Такие кружки велись, между прочим, С. А. Алексеевым, Ц. Зеликсон, Ал. Горовицем и др. В качестве наиболее активных и выдающихся членов припоминаю рабочих Борисенко, Гайденко, братьев Никитиных, Робертса, Шейко, Желабина, Каменева. Эта рабочая молодежь вела почти открытую агитацию среди рабочих. Одновременно наши старые рабочие — Матросов, Воейков и др. — сгруппировали эту молодежь вокруг себя в самих мастерских и образовали здесь центральную группу, куда входили

¹ Из среды этой «периферии» была выделена группа наиболее активных и способных, человек в пятнадцать, из которых были организованы кружки для дальнейшей теоретической их подготовки и выработки из них будущих руководителей организации. В качестве наиболее выдающихся из них назову подававшего большие надежды и проявлявшего в то время большую энергию молодого студента Александра Боровича, Михаила Серебрякова, преданную работницу Цецилию Зеликсон и др. К ним примыкают студенты: В. Дудавский, Ф. Захаров, А. Далматовский, Е. Шкловский, А. Самойлов и др. Большое содействие в сборе денег, хранении литературы оказывала организация Е. Ф. Шестакова, дом которой превратился некоторым образом в клуб «периферии», но куда частенько заходили и члены комитета. *Прим. автора.*

ли Зоткин, Воейков, Матросов, Бибик, Засс, Буткин, Беланов и др. Еще раньше была организована стачечная касса с нелегальной библиотекой при ней, привлекавшая несколько десятков членов. Группе удалось скоро распространить свое влияние не только на молодежь, но и на широкую массу рабочих и сильно раскатать ее. Прежние апатия и индифферентизм рабочей массы стали все более исчезать и сменяться боевым настроением. Массы готовились к выступлению. К этому времени связи организации, несмотря на отсутствие организационного оформления, были уже широко раскинуты по всему городу и по окрестностям (кроме Харькова были связи с «Новой Баварией», Люботином и некоторыми более дальними узловыми железнодорожными станциями).

Агитация на почве экономических требований уже давно не удовлетворяла организацию, чувствовалась необходимость выдвижения общеполитических лозунгов и вместе с тем пропаганды социалистических идей.

Немалое оживление в рабочую среду внесла волна общестуденческих забастовок весны 1899 года. Студенческие сходки нередко превращались в открытые политические демонстрации, находившие живой отклик в рабочей массе.

В демонстративных проводах высылаемых студентов сотнями принимали участие и революционно настроенные рабочие, зачастую даже совершенно не связанные с нашей организацией. Это значительно облегчало нашу задачу.

Наступила весна 1900 года, близилось 1 Мая. Организация решила на этот раз выступить открыто и использовать первомайский праздник для широкой агитации за общеполитические лозунги: 8-часовой рабочий день, международное братство и политическое освобождение пролетариата. Очень кстати поэтому было предложение тов. Андрея (Абрама Гинзбурга), частенько наезжавшего в Харьков, доставить нам первомайскую литературу, подготовлявшуюся к печати группой «Южного рабочего»¹. Для переговоров по этому поводу с группой нами был командирован в Екатеринослав О. Ерманский, бывший в то время членом нашей организации. Нами получено было около тысячи экземпляров первомайской брошюры, а позднее несколько тысяч первомайских листков. Литература была распределена по районам и отдельным заводам через наши рабочие кружки, а там, где их не было, — через отдельных рабочих. Тут впервые обнаружилось, насколько широки стали наши связи — гораздо шире, чем предполагала организация. Литературы доставлено было больше, чем могло быть распространено в Харькове, и вновь поступающие транспорты направлялись уже в провинцию, главным образом на узловые

¹ «Южный рабочий» — социал-демократическая группа, издававшая нелегальную газету того же названия. Несмотря на ряд разногласий принципиального характера, группа в октябре 1902 г. признала «Искру» своим руководящим органом. *Ред.*

железнодорожные станции — Синельниково, Лозовую и отчасти в шахтерские районы. С этой целью некоторые из наших рабочих предприняли поездки туда с литературой в пасхальные праздники. Другая часть майской литературы была разослана мною багажом по адресам местных рабочих, доставленным главным образом нашей железнодорожной организацией. В самом Харькове литература была удачно распространена почти на всех фабриках, заводах и в мастерских и произвела колоссальное впечатление.

Накоплявшаяся и долго сдерживаемая революционная энергия рабочих масс прорвалась бурным потоком и вылилась в неожиданную для нас всеобщую первомайскую забастовку и открытую уличную политическую демонстрацию¹. 22 апреля за городом было устроено рабочее собрание, на котором выяснялось значение майского праздника и выработывался приблизительный план его осуществления. На собрании участвовало около 120 человек. Накануне 1 Мая в железнодорожных мастерских о праздновании говорили уже открыто. Здесь формировался главный штаб первомайской армии. Но силы были распределены неравномерно: большая часть их была сосредоточена именно в железнодорожных мастерских, на других же заводах сил было гораздо меньше, имелись только отдельные рабочие кружки, а на некоторых заводах — лишь единичные, связанные с организацией рабочие. Поэтому главным образом и не удалось осуществить принятый на рабочем собрании (22 апреля) план соединения всех рабочих на Конной площади, и все движение разбилось на отдельные ручьи.

Власти тоже не дремали. Были заранее заготовлены и распределены поблизости от всех крупных промышленных заведений отряды солдат, казаков и жандармов. Были приняты меры, чтобы помешать осуществлению плана соединения всех рабочих на Конной площади, ставшего, по-видимому, известным властям.

1 мая 1900 г. (ст. ст.) в Харькове забастовали почти все фабрики, заводы, железнодорожные мастерские и много ремесленных заведений, в общем — около 10 тысяч одних только рабочих механических мастерских. Рабочие железнодорожных мастерских, бросив работу, с утра всей массой собрались на Вощенковской леваде и здесь устроили открытый митинг, на котором ораторами выступали члены нашей центральной железнодорожной группы. Были выкинута импровизированные красные знамена. С криками «Да здравствует Первое мая!», «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!» рабочие двинулись навстречу забастовавшим рабо-

¹ Харьковский комитет РСДРП организовал первую в России крупную политическую демонстрацию рабочих с требованиями политической свободы и 8-часового рабочего дня. Участвовало около 5 тысяч человек. При столкновении с полицией 170 человек было арестовано. *Ред.*

чим паровозостроительного и других заводов, находившимся на другом конце города и также вышедшим на улицу с красными флагами, но окруженная подоспевшими войсками толпа принуждена была рассыпаться по садам и огородам. Сто тридцать семь человек из толпы были оцеплены казаками и отведены в пересыльную тюрьму.

Здесь собралась громадная толпа любопытных, сочувствие которых было целиком на стороне рабочих. Была сделана даже попытка освободить заключенных, полетели камни в окна тюрьмы. Казаки пустили в ход нагайки и действовали даже шашками наголо. Только наступившая ночь рассеяла толпу. 2 мая рабочие явились в мастерские, но не приступали к работе, требуя освобождения арестованных товарищей. По предложению губернатора рабочими была выбрана для переговоров депутация из шести человек, которая потребовала немедленного освобождения всех взятых 1 мая. Губернатору пришлось уступить. Тут же был отдан приказ об освобождении заключенных, встреченный бурным ликованием толпы.

Тем временем рабочими был выработан ряд других требований, предъявленных начальству. Среди 14 пунктов, главным образом мелких экономических требований, выставлены были также и общие требования — 8-часового рабочего дня, гарантии неприкосновенности личности рабочих после майских событий, учреждения комиссии из рабочих и администрации для разбора всяких недоразумений. После освобождения арестованных товарищей и немедленного удовлетворения некоторых экономических требований (остальные пункты начальство обещало послать на рассмотрение министра путей сообщения) рабочие стали на работу.

Рабочие паровозостроительного завода, где организация была гораздо слабее, проявили меньше солидарности, здесь против забастовки сильно агитировали мастера, но все же к десяти с половиной часам утра весь завод стал. Часть рабочих вышла на улицу, двинулась к Бельгийскому и другим соседним заводам, приостановив и здесь работу. Число манифестантов достигло 2000 человек. Под красным знаменем манифестанты направились к казенному виноочистительному складу и к заводу Гельферих-Саде с намерением остановить работу и двинуться на Конную площадь на соединение с железнодорожными рабочими. Но здесь толпа была рассеяна солдатами и казаками, занявшими все улицы и переулки по пути на Конную. Человек 30 рабочих было оцеплено казаками и отведено в пересыльную тюрьму.

2 мая брожение продолжалось. После обеда у ворот образовалась огромная толпа. Произошли ожесточенные стычки с казаками, во время которых рабочие действовали камнями, а казаки пустили в ход пики и нагайки. Несколько раненых рабочих были немедленно отправлены в больницу. Во все эти дни настроение повсюду было боевое, революционное. Так, в стычках с войсками

рабочим паровозостроительного завода удалось даже отбить у казаков несколько пик. Брожение на заводах продолжалось еще 3 и 4 мая, рабочими были выставлены экономические требования. Приблизительно такой же характер носило движение и на других заводах — Бельгийском, Гельферих-Саде, Бельке, Пильстрема и др.

«Результаты движения громадны,— писал по этому поводу один рабочий корреспондент,— рабочие не перестают говорить, положительно все, что это только начало, что будет буря и поборемся мы с ней».

Героем майских дней, не только в этих выступлениях, но и в переговорах с прибывшим на место губернатором и другими властями, явилась наша центральная железнодорожная группа во главе с Воейковым и Матросовым.

Впечатление от майских событий было колоссальное...

Харьковское рабочее движение, считавшееся многими отсталым и до тех пор не проявлявшееся широкими массовыми выступлениями, одним ударом стало в уровень с самыми передовыми центрами рабочего движения. Нечего и говорить, какое оживление неожиданный и для нас успех майской агитации внес в среду нашей организации. Жандармы сначала опешили, по-видимому, у них в руках не было нитей организации. Выждав некоторого успокоения рабочей массы, они недели через две, в ночь на 17-е и на 24 мая, арестовали 51 человека — руководителей майского движения, главным образом железнодорожников, выдвинувшихся в майские дни, в том числе, конечно, Воейкова, Матросова, и после 3¹/₂-месячной тюремной отсидки в административном порядке выслали 33 человека из них в Вятскую и другие губернии. За исключением этого, организация пока что оставалась нетронутой. Очевидно, жандармы решили хорошенько выследить комитет и затем ликвидировать организацию целиком, вырвав зло с корнем.

Во главе этого розыска стоял известный Герасимов, в то время лишь провинциальный жандармский ротмистр, впоследствии начальник петербургского охранного отделения.

Служка за организацией длилась до поздней осени, и лишь в ночь на 28 октября жандармам удалось ее разгромить, захватив почти целиком не только Харьковский комитет, но и значительную часть рабочей организации, то есть более молодую ее часть, уцелевшую после майских арестов, а также интеллигентскую «периферию». Организация была захвачена как раз в ночь распределения по районам отпечатанного уже агитационного листка Харьковского комитета по поводу ссылки 33 рабочих за организацию майской забастовки-демонстрации, а некоторые члены организации были захвачены вместе с листками (например, рабочий Борисенко, Саша Горвиц и др.). Эти и некоторые другие обстоятельства приводят к заключению, что октябрьский провал комитета явился результатом не только усиленной 6—9-месячной слежки за

нами, но и деятельности агентов-provokаторов. Первые достоверные сведения были доставлены жандармам некоторыми неустойчивыми молодыми рабочими...

Эти молодые малодушные рабочие были, однако, мало осведомлены о работе комитета, и потому первое время жандармы не могли предъявить многим из членов комитета никаких конкретных обвинений. Мне, например, на первом допросе подполковник Бутович предъявил лишь общее и чисто формальное обвинение в принадлежности к Харьковскому комитету РСДРП и к политическому Красному Кресту. После этого жандармы долгое время оставляли меня совершенно в покое.

Летопись революции. Журнал по истории КП(б)У и Октябрьской революции на Украине, 1925, № 3(12), с. 145—151

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОМ «СОЮЗЕ БОРЬБЫ»

...Конец 1897 и начало 1898 года были блаженными временами в Екатеринославе для лиц, распространявших листки. Нужна была только смелость выйти ночью на улицу и, никого не встретив — ни городского, ни дворника, ни провокатора, ни шпиона, которые мирно спали, заняться разбрасыванием листков. Мы хорошо воспользовались этим обстоятельством и благополучно возвращались домой, кое-где иногда встречая ночного сторожа, после хорошо сделанной работы.

Как-то вечером получились первые листки, предназначавшиеся для Екатеринослава, Заднепра и Каменского. Нужно было в ночь их распространить; нельзя сказать, чтобы их было много, скорее можно сказать обратное, и потому решили добрую половину расклеить. Я передал товарищу, чтобы он приготовился сегодня же вечером пойти со мной на работу не раньше одиннадцати часов.

Порядочный для Екатеринослава морозец скоро прогнал с улиц всякую лишнюю публику, и сторожа стучали изредка в колотушку, давая знать о месте своего присутствия, а постучавши, садились в уголок, чтобы погрузиться в приятную дремоту.

Луна довольно высоко взобралась, когда мы вышли с товарищем с листками в карманах и с большой кружкой приготовленного клея. Миновали площадь, перешли железную дорогу и очутились в поселке, называемом «Фабрика», населенном рабочими. Осмотревшись и не видя никого, помазали забор, и листок тотчас же плотно пристал к клею. Мы осторожно переходили дорогу, намазывая стены хат и наклеивая листки, потом в разных направлениях положили по листку на землю или воткнули в щели забора. Затем мы продвинулись в другой квартал, где повторилась та же история, только скоро нечем стало мазать, и потому пришлось втыкать листки в щели забора.

Товарищ во время распространения и клейки листков сильно волновался и вообще чувствовал себя не особенно смелым, но все же продолжал выполнять добросовестно свою работу. Через какой-нибудь час у нас не оказалось ни одного листка, и мы спокойно направились по домам, не обратив, таким образом, ничьего внимания на нашу своеобразную работу.

Утром идущие на работу мастеровые, увидев валявшиеся на улице листки, подымали или брали их с заборов; таким образом, листки были скоро подобраны, и публика начала останавливаться около заборов и читать наклеенные листки. Некоторым листки настолько понравились, что, желая взять их с собой в мастерскую, они старались отодрать листок со стены и порвали, таким образом, большую часть листков, не воспользовавшись сами и не дав возможности читать другим; благодаря этому в дальнейшем мы пришли к заключению, что клеить не стоит, так как довольно много риску, да и медленно идет работа, а толку мало, все равно большую часть срывают. Мы с товарищем взяли только один район, в котором нужно было распространить листки, но кроме нас были еще работники, которые выполняли эту работу в других местах, и все же нас было довольно мало, чтобы можно было хорошо и всюду распространить листки...

При самом предположении о необходимости распространения листков был поднят вопрос о возможности распространить листки по заводам, при этом оказалось, что мы сможем распространить их только на двух заводах, тогда как самые большие три завода и железнодорожные мастерские остались бы без листков. Принимая же во внимание, что почти все мы были лица поднадзорные и легко могли навести полицию на след виновников распространения, пришлось употребить тот способ распространения, о котором я упомянул выше.

Полиция узнала о появившихся на улицах листках только на другой день утром, но в ее руки их попало очень мало. Для первого раза обошлось очень удачно, никто из участников не был замечен.

Так обстояло дело в самом Екатеринославе и на окраинах его, но еще ничего не было известно о Каменском. Наконец пришло и оттуда очень приятное известие. Это значило, что начало было очень удачным, и понятно, что оно подмывало нас выпустить в ближайшее время и другие листки, но мы решили дать успокоиться полиции и аккуратнее посмотреть друг за другом, не видим ли мы за собой шпионов, так как я заметил что-то сомнительное за собою. При внимательном наблюдении я увидел одного простого человека, постоянно шатающегося недалеко от дома, в котором я жил; очевидно, он присматривал за мной, тогда я начал за ним следить и частенько неожиданно выходил из ворот дома и смотрел в его сторону.

Простой человек в мужицкой шапке, в короткой тужурке или пальтишке продолжал по дням сидеть или крутиться все на одном месте, по видимости не обращая никакого внимания на тот дом, в котором я жил. Чувствуя что-то недоброе, я сообщил, чтобы никто ко мне не ходил, и сам старался высиживаться по целым дням дома, а вечером выходил из комнаты, не гася лампы; на случай, если вздумает кто издали посмотреть в окно, — убедились бы, что я якобы дома. Сам же спускался в обрыв по забору, а потом прыгивал и, очутившись сразу на далеком расстоянии от своей улицы и зная,

что никто за мной проследить не мог, я отправлялся, куда мне нужно. Возвращался же домой я обыкновенным путем, так как взобраться вверх по обрыву было очень трудно, но это было не так уже опасно; я часто пользовался этим способом и после. Недели две присматривал за мной упомянутый субъект, но, видимо, дал, кому следует, наилучший отзыв обо мне, и я продолжал спокойно работать и дальше.

Спустя около месяца после первых листков были приготовлены листки для заводов, причем для каждого завода был специальный листок. Мы были уверены, что они наделают много шума и могут повлечь за собой обыски. Полученные листки были распределены так: одни предназначались для железной дороги, другие — для Брянского, третьи — для гвоздильного, четвертые — для Галлерштейна (завод земледельческих орудий), пятые — для Заднепровских мастерских, кажется франко-русских, и последние — для Каменского. В общем было что-то около восьми разных листков, и каждый отражал всевозможные злоупотребления и беспощадное обирание рабочих на том заводе, куда попадал.

Листки должны были быть разбросаны в ночь и рано утром, и чтобы днем знать о благополучном исходе — каждый распространитель в известном месте должен был сделать знак благоприятный или обратный, если же знака нет, то человек должен считаться арестованным. Знаки ставились мелом в условленном месте на заборе или стене, и притом у всякого был свой знак, чтобы не было однообразия. Этот способ был очень удобен и конспиративен.

Поздно вечером, взяв Матюху, я отправился к одному заводу; спрятав по дороге часть листков, мы подошли к заводу. Проникнуть внутрь было очень опасно и даже мимо ходить нужно было очень осторожно, дабы не услышала дворовая собака. Подойдя к двухэтажному зданию и перебравшись через решетку, мы очутились у окон здания. Я приподнял Матюху к окну, он растворил форточку и швырнул туда пачку листков. Таким же способом мы продолжали действовать и дальше, и листки были вброшены в три отделения, оставалось только два; мы были уверены, что утром они появятся при помощи самих же рабочих и в других мастерских. Действительно, как только утром открыли мастерскую и собравшись мастера вошли туда, они сейчас же принялись подбирать листки, валявшиеся на полу и на верстаках, и через четверть часа листки читались всеми, вплоть до мастера, и хотя до забастовки не дошло, но недовольство было доведено до последней степени.

На другом заводе приходилось разбрасывать листки с большим трудом потому, что завод работал целые сутки и рабочие всюду суетились, препятствуя распространителю, но он оказался настолько терпеливым и сообразительным, что пришлось только руками развести. Отправившись утром на работу и захватив листки, он спокойно проработал целый день. Когда в семь часов все собрались домой, он тоже собрался с другими, но не вышел за ворота, а пошел к тому месту, где рыли артезианский колодец, и, спустившись

в него, сел на лестницу и сидел там целых пять часов до двенадцати ночи, когда останавливалась машина на ночной обед для рабочих; затем наш добровольный узник осторожно поднялся кверху с приготовленными листками и ждал момента, когда погасят электричество. Этот момент был самый ценный, ради которого он сидел пять часов в яме.

Сейчас же после остановки машины, приводящей в ход мастерские, останавливалась электрическая машина для смазки. Лишь только электричество погасло, как товарищ выскочил из ямы и вбежал в мастерскую, быстро разбросал листки, рискуя наткнуться на какую-либо вещь в ночной тьме. Затем он вышел из мастерской и бежал в другую или же вбрасывал листки в разбитые стекла, а потом торопливо помчался к намеченному месту в заборе и уже при электрическом свете перепрыгнул через забор и оказался вне опасности, никем не замеченный.

Электричество гасится на время от трех до пяти минут, и в это время рабочие спокойно сидят на верстаках или на чем другом, не соображая ничего о торопливо идущем человеке, бросающем бумагу; когда же появляется свет, то всякий хватается лежащий на полу или верстаке листок и принимается за чтение его. В это время виновник, перескочив через забор, разбивал стекло в контору, совал туда листок и уже после этого спокойно приходил домой и ложился спать. Утром, придя на завод, он читал этот листок как новость с завода. Такой способ употреблялся часто.

Ночью все власти спят и листки отбирать приходят только утром, когда их на заводе остается очень мало, когда они попали частью в украинскую мазанку, в Кайдаки, или Диевку, или же на Чечелевку, так что полицейским иногда приходилось довольствоваться тремя отобранными листками, что, конечно, не могло парализовать производимых этими листками действий.

Точно так, приблизительно, подбрасывали листки и на других заводах, и везде обходилось очень удачно, не вызывая никакого подозрения на виновников. На этот раз листки произвели сильное действие, о них знали все рабочие, знала заводская администрация, знала жандармская и городская полиция, но никто из них не знал виновников распространения, и это ободряло нас на продолжение дальнейшей работы таким же путем. На всех заводах между рабочими пошли слухи о скором бунте; рабочие приободрились благодаря этим листкам, тогда как администрация, наоборот, поубавила заметно свою спесь.

Помню, что на Каменском заводе в разбросанных листках требовалось учреждение больничного покоя при заводе, и на другой же день был вытащен из циркульни фельдшер и помещен при заводе; там же требовалось устроить две выходных двери — и это было также удовлетворено; было еще какое-то требование — и тоже удовлетворено. Местный пристав (очевидно, становой пристав) вообразил, что должна произойти какая-то стачка, и, не зная, чего, собственно, хотят рабочие, он схватился за листок, в котором были

выставлены требования, каковые без всякой просьбы со стороны рабочих были тут же удовлетворены. На некоторых заводах точно так же было удовлетворено много требований.

Обычно всякая заводская администрация старается уверить всех о самых наилучших порядках у них на заводе, о довольстве рабочих условиями работы и т. п. И вдруг такое разоблачение без всяких замалчиваний о разного рода злоупотреблениях! Рабочие, прочтя в листке то, что было на самом деле, и видя наглядно справедливость указаний, проникались желанием положить конец хоть части безобразий. Словом, стоячее болото начало рябиться, так что можно было ожидать сильного волнения...

Листки заставили шевелиться заводскую публику, а у меня прибавилось работы. Во-первых, пришлось собирать больше материалов для новых листков, а во-вторых, нужно было заниматься с моими знакомыми в Кайдаках часто по вечерам. Молодая публика не особенно хорошо усваивала мои мысли и иногда истолковывала мои речи совершенно превратно, один только парень понимал меня так, как и должно быть. Они просили ходить почаще и даже пытались снять отдельную комнату для занятий. В этой группе мне пришлось столкнуться с двумя человеками, близкими к народничеству. Самым сильным и влиятельным аргументом в споре они могли выставить лишь какую-либо фразу Михайловского. Из литературы ценили «Русское богатство»¹ и вообще ту литературу, против которой я и сам никогда ничего не имел, но выводы из прочитанного они делали самые нелепые, и потому мне приходилось частенько пускаться в критику их неправильных воззрений и даже указывать на то, что они и самого Михайловского понимали недостаточно правильно.

Больше всего возмущала меня их заскорузлая система распространять свои взгляды чисто поповским способом, не терпящим ничего вмешательства. Они сердились черт знает как, если какой-либо молодой человек начинал выходить из-под влияния. Больше всего они злились на Г. [Г. И. Петровского], который якобы старается совратить молодых людей на путь ужасных социалистических и революционных воззрений, и если человек заражался все же этими воззрениями, то они отворачивались от него и при случае подставить ему ногу считали далеко не бесполезным делом. Работал один из народников на Брянском в механической мастерской, получал приличное вознаграждение, имел собственный домик и жил довольно недурно. Поэтому, видимо, неохотно проникался настоящим социализмом и старался толочь в ступе воду. Я не раз пытался узнать их точные взгляды и нечто вроде их программы, но никогда ничего добиться не мог, только разве что узнал, как они стараются развивать своих хлопцев.

¹ «Русское богатство» — ежемесячный журнал, выходивший с 1876 г. С начала 90-х годов журнал стал органом либеральных народников, проповедовал примирение с царским правительством, вел ожесточенную борьбу против марксизма. *Ред.*

— Раньше чем читать «Спартака», нужно изучить историю Греции, тогда ты в состоянии будешь понять и этот роман, — говорил один из народников молодому мастеровому по поводу чтения им «Спартака». Вообще они сильно напирала на естественные науки, и я, просматривая книги, полученные от этих господ, видел чаще всего или сборник арифметических задач, или курс грамматики, или что-либо в этом роде. Когда же молодежь спрашивала книгу посерьезнее, то ей отвечали, что это еще преждевременно, нужно, мол, раньше географию, арифметику, грамматику знать, а потом уже браться за серьезные книги. После этого понятно будет, почему молодые люди постоянно жаловались на своих руководителей и неохотно штудировали даваемые им книги.

Конечно, нельзя отрицать хорошей стороны и в учебнике, но это должно было быть пройдено в школе, а не тогда, когда человек желает понять суть его социального положения или интересуется рабочим движением. Все же немало было случаев, когда ученики народников забрасывали своих учителей, но не могли отдаться целиком рабочему движению, где требуются жертвы, так как они воспитывались своими учителями в эгоистическом духе копеечной выгоды, тогда как социалистическое мировоззрение требует отказаться от всякой копейки и даже стремиться к осуществлению уничтожения всякой копейки. Помню рассказы товарища, как один из упомянутых народников преследовал его, когда он входил при случае в мастерскую поговорить о ком-либо или воспользоваться случаем и попропагандировать какого-либо знакомого. Бедняге приходилось иногда пускаться на разные ложные приемы, лишь бы только обмануть своеобразное шпионство ретивого народника. При разговорах с народником этого сорта мне постоянно приходила на память фраза петербургского товарища Н. [В. А. Шелгунова], сказанная в отношении одного рабочего-либерала в Петербурге:

«Как либерал он ничего, очень хороший человек, но как рабочий-социалист — он порядочная свинья». Это же самое можно сказать и про этих господ, перефразировав только первую часть фразы. И таких-то господ иногда русские жандармы преследуют и даже карают! Это только показывает, что полиции и жандармерии всякий пень чертом кажется.

Я решил не входить ни в какие отношения с упомянутыми народниками и просил товарищей не говорить им обо мне, дабы они меня не знали. Я опасался возможности распространения про меня разных слухов, благодаря которым мне трудно было бы остаться неизвестным. Пользоваться же известностью при современных русских условиях очень опасно, что, конечно, я отлично понимал и, оставив в стороне народников, конечно, имея постоянно за ними особое наблюдение, начал похаживать на Кайдаки, где собирались тамошние хлопцы.

Пробыв там часов до двенадцати, до часу ночи, я отправлялся домой, провожаемый несколькими человеками до какого-то яра;

откуда я сам направлялся к Днепру, ежась от сильного пронзительного ветра и мороза и держа наготове небольшой кинжал, так как ходить в таких местах небезопасно, в чем я раз убедился, когда у меня отобрали деньги и еще какую-то вещь. Знакомство на Кайдаках позволило мне потом пустить листки там, где они раньше не появлялись и где они потом не прекращали появляться до самого моего прощания с Екатеринославом, и уверен, что и после этого.

Настала весна 1898 года, и мы остались сиротами. Уже вскоре после появления первых листков началась сильная слезка за нашими интеллигентами, и им следовало бы расстаться с этим местом, но, видимо, они были совершенно иного мнения и твердили нам, что за ними никто не следит, и продолжали посещать нас и готовить все новые и новые листки для распространения.

Как-то раз у нас была назначена встреча по поводу какого-то вопроса или получения листков. Мы пришли с товарищем в назначенное место, но никого не встретили из своих и только заметили стоящего на углу улицы незнакомого человека. Не обратив особого внимания на это, мы остановились и начали беседовать. Мы стояли на площади довольно долго, и стоявший на углу человек начал подозрительно присматриваться к нам. Обратив на него внимание, мы начали обсуждать вопрос, не шпион ли это стоит. Я пошел прямо на него, желая посмотреть ему в физиономию. Заметив это, он пошел вдоль улицы, но вскоре свернул в один двор, где и скрылся; дойдя вплотную до ворот этого дома и никого там не заметив, я вернулся и сообщил товарищу, что, очевидно, это случайность, и мы продолжали стоять на безлюдной площади, уже волнуясь и обижаясь на неаккуратность товарищей.

Наконец товарищ пришел, а вскоре за ним явился и интеллигент. Когда нас собралось четверо и мы приступили к обсуждению какого-то вопроса, темная личность выросла опять поблизости от нас и начала нагло и суетливо бегать вокруг нас. У нас появилось сильное желание спровадить на тот свет шпиона, но ни у кого не оказалось револьвера, тогда как он, видимо, был вооружен. Решили пустить в ход холодное оружие, и все двинулись к нему. Догадался ли он об угрожавшей ему опасности или просто думал, что мы будем пересекать площадь, но направился вдоль этой площади довольно скорым шагом. Когда он был довольно далеко от нас, мы круто повернули, быстро прошли часть улицы, а потом перепрыгнули через забор и, пройдя на другую улицу, опять перелезли забор и попали на железнодорожный двор, где среди массы вагонов трудно было проследить за нами.

Таким образом, наше собрание прервалось, и мы, перекинувшись наскоро о деле, получили листки и разошлись по своим квартирам. Это было последнее свидание с интеллигентом, так как, как потом оказалось, за ним следили по пятам, и указанная темная личность пришла специально за ним из города. Когда же интеллигент спрятался в пустой товарный вагон, шпион сообразил, что должно произойти свидание на указанном месте, и остался поджи-

дать в надежде выследить кого-нибудь из рабочих. Это ему не удалось, но зато интеллигента жандармы скоро изъяли из обращения.

Припоминая этого интеллигента, могу сказать, что человек он был преданный и слепо верил в скорое осуществление своих взглядов...

Итак, он был арестован, были арестованы и еще некоторые интеллигенты, но из рабочих никто арестован не был. Поэтому хотя поражение было чувствительно и для нас и для дела, но никоим образом эти аресты не могли отразиться более глубоко на работе в массах, так как вожаки-рабочие были целы. Дела шли довольно хорошо, и день ото дня круг участников распространения литературы расширялся и расширялся, но я несколько забегая вперед.

Как было упомянуто мною, при самом начале распространения листовок употреблен был способ расклеивания таковых по заборам около проходов и углов, однако полиция вскоре обратила внимание на это, и пришлось этот способ видоизменить. Помню, как-то раз ночью был порядочный мороз, под ногами хрустел снег, когда я и мой товарищ вышли из квартиры с карманами, набитыми сложенными в три угла листками. Мы направились по одной улице, в которой бросили три или четыре листка, потом, дойдя до последних улиц, пошли по двум параллельным улицам, раскидывая по дороге листки, при этом приходилось довольно часто переходить с одной стороны улицы на другую.

Наконец при окончании улицы мы сошлись и пошли по направлению к Брянскому заводу, стараясь по возможности бросать листки на все тропинки, ведущие к заводу. Пройдя довольно много, мы свернули и, перейдя железную дорогу, пошли в другую местность и, потом идя оттуда, опять бросали листки, так как путь шел к заводам. Пройдя около забора и побросав тут, поднялись опять на железную дорогу, прошли под вагонами стоявшего у семафора поезда и опять на дороге побросали листки. Когда мы увидели, что карманы наши опустели, то повернули обратно и, миновав завод, прошли к очень людной тропинке, ведущей на завод, на которой и посеяли остатки листовок.

Нас было двое, но мы постарались раскинуть листки на столько путей, что они поневоле должны были попасть на каждый завод. Раскидав таким образом листки и оставшись совершенно чистыми, мы спокойно возвращались по домам, сделав в известных местах на заборе по соответствующему знаку мелом, для того чтобы днем заметили эти знаки свои люди и поняли бы, что в таком-то месте все обошлось благополучно, а следовательно, можно пойти к такому-то на квартиру. Утром, являясь на завод, каждый из нас слушал рассказы и толки о листовках.

Интересно, как люди были склонны преувеличивать происшедшее за ночь. Многие толковали, что, мол, де, очень много «их» работает, если в одну ночь всюду появились листки, и при этом, конечно, слышались разные толки о могуществе и силе «этих людей», их смелости и т. п., что, мол, если и заметишь, что они распространя-

ют, то лучше уходи от них, а то они могут прямо убить. Все это выслушивалось с большим вниманием. Впоследствии распространители действительно брали с собою револьверы.

Находя на улице листок, рабочий не подвергался никакой опасности и приносил на завод, где и прочитывали его. Если первое время трудно было подметить, какое впечатление производит листок и что толкуют рабочие, так как было малое количество активных участников, то зато потом на это обращалось особое внимание, и всякому вменялось в обязанность по возможности прислушиваться к толкам и обо всем сообщать в комитет. Кроме того, каждый активный должен был по возможности знакомиться и ходить в гости к рабочим, ничего общего с революцией пока не имеющим, для того чтобы собирать как можно больше точных сведений о заводе.

После трех или четырех листков, распространенных на Каменском заводе (в 30 верстах от Екатеринослава), рабочие, распространявшие этого рода литературу, навлекли на себя подозрение. И вот как-то в воскресенье приезжает ко мне сначала один из распространителей, потом еще один и сообщают о своем намерении бежать в Австрию, где гораздо лучше и свободнее, нежели в России.

Я очень жалел, что люди уезжают в то время, когда как раз начинается работа и всякая сознательная единица очень важна и дорога, когда ничего твердого еще не поставлено, а тут люди как будто бы ради только своего «я» стараются улепетнуть, — это было очень досадно.

С другой стороны, я опасался, что их могут действительно арестовать, а это значит — дать лишний козырь в руки жандармов. В то же время приятно было избавиться от жандармов, отправив этих людей из Екатеринослава, и, таким образом, обойти чудовищного врага, открывшего пасть на свою жертву. Я убедительно просил моих каменских товарищей сообщить мне о благополучном миновании русской границы. Они обещали мне это, и я действительно вскоре узнал о благополучном прибытии их в один австрийский город, где они вскоре же получили работу. Эти товарищи, уезжая, оставили нам связи, и после их отъезда появление листков продолжалось так же правильно, как и раньше. Это были первые товарищи по революционной деятельности в Екатеринославе, с которыми мне пришлось расстаться. Вскоре после этого случая пришлось расстаться еще с одним другом, с которым мы распространяли по ночам листки и который сидел иногда в яме колодца. Так складывались обстоятельства, что лишь только где начинается движение, как вскоре же приходится терять товарищей, с которыми пришлось поработать и сойтись по душам.

После этого вскоре мы потеряли несколько интеллигентов, которые до сих пор являлись нашими вдохновителями. Но к чести интеллигенции, нужно сказать, что все время она ничего почти самостоятельно не предпринимала раньше, чем не посоветуется

с нами, и потому-то новое дело у нас так удачно шло и развивалось; за все время между нами не произошло почти ни одного разногласия, это очень важно везде и всюду при начинании такого дела и это необходимо заметить. И вот приходится терять такую интеллигенцию, которая до сих пор выполняла самую важную работу.

Нужно ли говорить, что это тяжело отразилось на нас, но это еще тяжелее отразилось на деле агитации; некому было выполнить даже технической стороны этого дела, особенно это почувствовалось в недостатке листов, так как составление и редакцию таковых мы, конечно, не смогли выполнить сами. Как несчастье после какого-либо обвала, засыпавшего людей, не позволяет долго обдумывать особых приспособлений для отыскания их, а заставляет скорее схватить лопату и рыть, рыть без усталости, без конца, до тех пор, пока не удастся отыскать живых или мертвых тел, так точно и нам некогда было обсуждать наше положение и нужно было по возможности скорее принимать наследство.

Товарищу Д [амскому] пришлось устраиваться со складом литературы, хотя таковой было не так много, но тем более она была ценной для нас, тем более мы должны были ее хранить настолько возможно тщательнее и осторожнее. Д [амский] нанимает квартиру за два рубля и привозит на эту квартиру литературу в корзине, ставит под кушетку (род деревянной кровати), а сам на другой день уходит, говоря, что ему нужно отправиться по своей службе в отъезд, на самом деле он уходит на ту квартиру, где постоянно живет и откуда не думает уезжать, а на квартиру с литературой он стал ходить один или два раза в неделю переночевать, дабы не заподозрили чего-нибудь, или же специально за литературой.

В то же время приходилось искать себе помощников... Насколько помнится, листки у нас выходили в то время, но уже активность со стороны интеллигенции была в это время очень незначительна.

Не говоря о том, что листки приходилось полностью редактировать, но очень часто приходилось писать оригиналы для гектографа и печатать листки. Мы же должны были руководить и распространением этих листов, но это было легче, так как у нас была очень сильная и серьезная поддержка среди рабочих; достаточно было передать листки, а там распространят и помимо нас.

Наша работа пошла энергично вперед и начала пускать свои корни все шире и глубже.

Нам удалось привлечь к нашей работе двух совершенно новых лиц и образовать, таким образом, довольно тесную группу людей, задавших целью руководить всем движением города Екатеринослава, издавать листки по самым различным поводам, отвечая на все вопросы, возникающие на заводах. И наше слово претворилось в дело. Мы готовили листки в большом количестве, и они массами оказывались у рабочих и на центральных улицах Екатеринослава.

Помню, что у нас происходило одно собрание по поводу какого-то вопроса. Как и всякое собрание того времени, оно происходило на воле, где-то за городом. Помню, мы все собрались и ждали за-

поздавшего товарища. Говорили о разного рода вопросах, сообщали кое-какие слухи и начали беседовать по поводу сегодняшнего собрания, а товарища все нет и нет. Нам надоело ждать, но все же, не зная причины отсутствия, мы теряли всякое терпение и почти решили разойтись. В это время товарищ появился, мы встретили его далеко не ласково и начали сурово допрашивать о причине его запоздания, он же отвечал как-то отрывисто и вообще чувствовал себя очень возбужденно. Наконец он пообещал сообщить нам кое-что особенное, что сильно нас порадует и порадует всю русскую землю и всех русских рабочих. Он, видимо, составил план, как бы подействовать сильнее на нас. Мы молча слушали его и ожидали, когда он скажет суть самого главного и что же это самое главное? Наконец он торжественно объявил, что все «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса» слились в единую партию и названа она «Российской социал-демократической рабочей партией». Он вынул выпущенный по этому поводу «Манифест» от партии, который мы сейчас же прочли стоя в честь партии.

Тут же на собрании мы объявили себя «Екатеринославским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии». Признаюсь, меня порядком удивило то место в «Манифесте», где говорилось о представителе на съезде от г. Екатеринослава¹, между тем как я знал, что у нас не было такого интеллигента, которого можно было послать на съезд. И на прежних собраниях не было ни разу упомянуто о человеке, который мог бы туда поехать. Все это довольно неприятно и тяжело подействовало на меня. Мне было ясно, что тут была допущена ошибка со стороны интеллигенции, которая, послав представителя от города, поступила неправильно и даже преступно против рабочих, так как она рабочим даже не заикнулась о представительстве на съезде. Это в глазах внимательного рабочего, принимающего участие в движении, не могло не вызвать некоторого пренебрежения к такого рода приемам. Нужно было быть действительно преданными делу, чтобы не подымать по этому поводу споров и не потребовать отчета; притом же мы, назвавшие себя Екатеринославским комитетом, даже и теперь не видели представителя, объяснившего бы нам суть съезда, но дисциплина была так сильна, что и после ни разу не подымался вопрос об этом.

Первый съезд РСДРП. Документы и материалы. М., 1958, с. 176—188

¹ Делегатом от екатеринославского «Союза борьбы» на I съезде РСДРП был К. А. Петрусевич. *Ред.*

ВОСПОМИНАНИЯ. С 1898 ПО 1905 ГОД

...Известие о стачке столичных рабочих и их требование, предъявленное к правительству, несколько волновало рабочих. Отзвуком этой забастовки была высылка в Екатеринослав многих питерских и московских рабочих. Они-то первые своей работой заложили в рабочей среде глубокие основы социалистической организации и солидарности между рабочими. Первыми по своему значению в этом движении, я помню, были Бабушкин и Морозов, дальше шли Филимонов, Апостолов. Вслед за ними — не помню точно, когда прибыл из Киева, — Бычков, а потом и Конон-Рыжий. Был выслан сюда и Карл Томигас, не помню откуда.

Высланный в Екатеринослав из Питера в январе 1897 года товарищ Бабушкин, поступив на Брянский завод, попал в нашу инструментальную мастерскую мостового цеха. Я с ним познакомился с первого же момента. Вскоре он пригласил меня к себе на квартиру, дал несколько книг, среди которых были знаменитые тогда «Углекопы» Золя, «Спартак» и «Кто чем живет».

1897 год всколыхнул рабочие массы и другие общественные слои, и, как результат этого движения, явился тогда знаменитый закон об одиннадцати с половиной часах в рабочем дне.

Со второго разговора с товарищем Бабушкиным я полностью оказался под его влиянием...

К этому времени относится самая интенсивная кружковая работа. Первый наш кружок, помню, состоял из Мазанова Павла, Числова, выбывшего теперь совсем из строя, Лавренова и меня. С этим кружком занимался Бабушкин и захватил нас полностью. Прочтение «Углекопов» Золя, «Спартак» и нескольких нелегальных книжек окончательно укрепило наше классовое самосознание.

В 1898 году я был уже организатором нескольких кружков: у себя на дому, в Кайдаках, на фабрике через Овчинникова и на Чечелевке через Лавренова. На Брянском заводе, кроме меня, Мазанова и Лавренова, как активных работников, не было никого. Точно не помню, в 1897 или 1898 году ко мне на Чечелевку вечером были принесены гектографированные прокламации. Я и мой ученик Юрков должны были их распространить вначале по Кайдакам, а потом — на Чечелевке.

В 1898 году я уже вхожу в группу, состоящую из Бабушкина, Бычкова, Морозова и интеллигента, державшего с нами связь.

С городской группой кружок устраивал правильные периодические собрания, на которых обсуждалось положение рабочих на всех заводах и меры пропаганды и агитации среди них. Здесь же, я помню, мы обсуждали проект прокламации, по существу которой на заводе у нас с Бабушкиным был горячий спор с представителем от городской группы.

После горячих дебатов и двух заседаний проект прокламации был принят, и началась подготовка к ее печатанию. Для организации и выполнения этой задачи работа была распределена между Бабушкиным, Бычковым и мною. Бабушкин обязан был достать зеркало, на котором должен был находиться набор шрифта. Бычков должен был сделать рамку, а все токарные работы для этого должен был выполнить я. Печатание этого листка было перенесено на Шляховку. Над выполнением этого работало нас человек пять-шесть, в том числе и моя жена. Только теперь, после обнаруженных материалов в охранке и других сведений, более ясно вырисовывается наша организация в Екатеринославе.

У меня тогда было назначено свидание товарища Лалаянца с Бабушкиным, во время которого Бабушкин негодовал на городскую интеллигентскую группу, а Лалаянец предлагал... чтобы городская группа работала в контакте с фабрично-заводской. В этих организационных отношениях я тогда мало разбирался. Наша группа, организовавшая рабочих в районе Брянского завода, в мастерских на Амуре и в Нижнеднепровске, была представлена в городе одним товарищем — Бабушкиным... Необходимая в то время конспирация... представляла собой достаточную завесу для многих из нас, которые не знали всех организационных взаимоотношений...

1898 и 1899 годы я прожил в Шляховке, по соседству с товарищем Шевченко. Товарищ Шевченко был в 1899 году выслан по месту жительства до конца 1900 года по делу железнодорожного кружка, проваленного в октябре 1897 года. В его доме оставалась только жена, служившая в винной монополии около тюрьмы. Она часто жаловалась на страшную эксплуатацию работниц; я об этом передал Бабушкину. Последний приготовил прокламацию, и мы передали сотни две их Шевченко, которая распространила их по заводу. Это вызвало переполох, потребовавший приезда полицеймейстера, прокурора, его товарища. Был произведен допрос всех работниц, и от них потребовали принять присягу о верности царю, престолу и отечеству.

Позже нам еще несколько раз пришлось распространять прокламации, причем в 1898 и 1899 годах единственными монопольными распространителями прокламаций на Брянском заводе были я, Лавренов, Мазанов и некоторые другие товарищи, которые находились уже в кружках Мазанова и Лавренова...

Несмотря на скудность знаний, которыми мы тогда обладали, мы все же сумели укрепиться, развиться и остаться верными революционному движению.

В 1899 году я явился на призыв, и меня, как неподходящего по здоровью, оставили на поправку. Короткое время я работал на паровозном заводе в Харькове, вел переписку с Мазановым, работавшим в Николаеве, и, сам туда уехав вскоре, вступил в тамошний комитет РСДРП. В то время там работали: довольно сознательный токарь Сонкин Михаил, затем теперешний посол наш в Германии Копп, Жмуркин, один или два переплетчика и я... В общем мы составили кружок в количестве семи-восьми человек...

К этому времени относится подъем рабочего движения в Николаеве. Возникают забастовки, и нам пришлось стать невольными руководителями их. Здесь же мы выпустили приблизительно две-три прокламации. После этого, в июне приблизительно, нас, нескольких рабочих, призвали к полицмейстеру, и он поставил перед нами альтернативу: или обязательно выехать куда угодно из Николаева, или нас арестуют и посадят в тюрьму, переслав потом этапным порядком в место, назначенное губернской властью. Пока нас высылали только трех. Мы решили ехать в Екатеринослав. Здесь я немного работал на заводе Эзау, но неудачно. В то же время я распространял прокламации и известную тогда картину «Марсельеза». К этому же времени относится мое знакомство с известным провокатором Заксом, который вскоре выдал нас. В июне 1900 года произошли аресты, было арестовано приблизительно около ста человек.

После кратковременного заключения в екатеринославской и павлоградской тюрьмах нас, несколько человек, перевели в полтавскую. Здесь я сидел до последних чисел мая. В тюрьме я простудился и заболел туберкулезом желез, принявшим острую форму. Благодаря хлопотам жены меня за 100 рублей выпустили из тюрьмы в больницу для операции. Вылечившись, я в 1901 году возвратился в Екатеринослав, поступил в Екатеринославские железнодорожные паровозные мастерские и при самых тяжелых для меня условиях держал связь с Екатеринославским комитетом...

История Екатеринославской социал-демократической организации. 1889—1903. Воспоминания и материалы. Екатеринослав, 1923, с. 51—55

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

...Екатеринослав (ныне Днепропетровск) поразил нас своей кипучей, необычайно быстро развертывающейся жизнью. Он не был крупным культурным, интеллигентным провинциальным центром в обычном в то время смысле, вроде, скажем, Киева; тут ключом была иная жизнь — жизнь крупной заводской индустрии: сотни миллионов золота стекались здесь в руки капиталистов; десятки тысяч создающих эти миллионы рабочих были «свободны, как птицы».

Вскоре же по ознакомлении с жизнью города вас уже не тянет ни в Киев, ни в Харьков, ни в прочие подобные центры.

Начинаем осматриваться, заводить знакомства вообще, зондируем почву, приглядываемся...

Так-то понемногу начала налаживаться работа, образовывались кружки и на заводах, и среди ремесленников. Одновременно, в свою очередь, собирались и сплачивались интеллигентные силы, более или менее, как я сказал, участвовавшие в подпольной работе, с различной степенью близости к движению. Первоначально, да и довольно долго после того, единого (пока еще хотя бы в местном масштабе, конечно) центра не было. С одной стороны, и, пожалуй, главным образом происходило это по чисто внешним, полицейским причинам: сильна была боязнь быстрых провалов молодых, еще не окрепших организаций; с другой — отсутствие единого опыта в работе, единой программы, тактики и организационных методов и форм. Уже не говоря о таком «законном» делении сфер или областей работы, как заводско-фабричная масса и ремесленники, бывало, в особенности вначале (конец 1895 и начало 1896 г.), независимо от нее другая, а то и третья самостоятельная так, что в каждой из этих двух областей возникала и некоторое время существовала рядом с действующей и группка, организация, кружок. И лишь постепенно изживалась эта дробность, сильно тормозившая рост и расширение движения: рано или поздно сравнительно более слабые кружки или группки поглощались сильными.

Положение ремесленников, как правило, было значительно тяжелее, чем заводских рабочих, в силу более жестокой эксплуатации. Они в массе были еще более забыты и задавлены. Тем не менее среди них удалось все же вскоре провести несколько отдельных забастовок на почве узких, повседневных нужд и интересов в отдель-

ных мастерских путем устной агитации. Поскольку такие стачки кончались успешно, они уже сами по себе действовали оживляющим и возбуждающим образом на других. Что касается заводских рабочих, то здесь хотя и сознавалась необходимость скорейшего перехода к широкой массовой работе, тем не менее приступить к ней сразу не представлялось возможным, пока не были созданы по заводам хоть некоторые кружки как опорные пункты для широкой письменной агитации, вначале хотя бы экономического характера.

Все это потребовало немало времени, и конец 1895 года и 1896 год ушли на организационно-пропагандистские и прочие подготовительные работы. Среди этих работ в декабре 1895 года пришло известие о серьезных провалах в Питере; среди арестованных на этот раз был и Владимир Ильич...

С начала 1897 года мы стали наконец пробовать выступать перед массами с агитационными листками. Листки обычно заканчивались призывом к дружной, объединенной борьбе рабочих против хозяев, за интересы рабочих, выставлялись определенные практические требования. Первые же такие опыты с очевидностью показали нам, что этот путь (путь листов) работы является вполне своевременным: массы чрезвычайно живо откликались на эти листки.

В дальнейшем немало было забастовок, или вызванных такими листками, или вначале возникших стихийно, но вскоре же поддержанных этими листками. Таинственная организация, выпускавшая эти листки, вскоре приобрела в глазах массы высокий, непререкаемый авторитет. Листки выпускались от случая к случаю, по мере накопления агитационного материала или по поводу какого-либо из ряда вон выходящего случая.

Тут кстати будет сказать несколько слов о наличии литературы пропагандистско-агитационной. Агитационной литературы в узком смысле слова у нас, в сущности, не было, ее отчасти заменяли наши листки; что же касается литературы пропагандистской, то она представлена была у нас в довольно разнообразном виде. Тут были, с одной стороны, вполне легальные научно-популярные книжки по истории культуры, по истории и современной жизни европейских народов, по рабочему вопросу в западноевропейских странах и т. д.; затем по социальным вопросам, как-то: «Овод», «Спартак», «Углекопы» (Э. Золя) и ряд других, названия которых не помню. С другой стороны, имелась кое-какая нелегальная литература: «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Сон под Первое мая», «Международный праздник рабочих», «Кто чем живет», «Как бельгийские рабочие боролись за свободу», Маркса и Энгельса — «Манифест», Лассалья — «О сущности конституции» и т. п. Всей этой литературы было лишь по одному, в крайнем случае по два экземпляра каждого названия, и большинство ее, при всем бережном отношении со стороны читателей, скоро приобрело весьма ветхий, изжеванный вид, что служило доказательством, что та или

иная вещь весьма популярна, читается с захватывающим интересом и быстро переходит из одних рук в другие.

Весть о петербургских стачках весной 1896 года произвела у нас, как, вероятно, и в других городах, огромное впечатление. Все поразились грандиозностью размеров этих стачек (тридцать тысяч! — цифра до того времени, действительно, совершенно неслыханная у нас в России), организованностью и сплоченностью участников и царившей среди них дисциплиной.

Эти стачки, так же как и последовавшие за ними в том же Питере зимние стачки, вырвавшие наконец у правительства — хоть и куцый, с бесчисленными оговорками и исключениями в пользу капиталистов — закон 2 июня 1897 года об 11^{1/2}-часовом рабочем дне, послужили нам в свое время прекрасным агитационным материалом при составлении листовок.

Тем временем организация наша продолжала крепнуть, связи ее на заводах расширялись и упрочивались; во второй половине 1897 года она, по примеру Петербурга и Киева, приняла наименование: «Екатеринославский союз борьбы за освобождение рабочего класса». Листки, выходившие отныне от имени и за подписью «Союза», определенно импонировали массам. Наряду и в связи с постепенным ростом влияния на массы увеличивался вообще удельный вес екатеринославской организации. Об Екатеринославе заговорили уже кое-где в других местах. Активные революционные работники, преследуемые и высылаемые из других городов, стремились попасть именно в Екатеринослав. С Киевом установилась тесная связь. Кое-какие связи наладились с некоторыми западными городами, как Вильна, Витебск, Минск.

Деятельность нашего «Союза» с течением времени (конец 1897 и начало 1898 г.) все более и более усиливалась. Наряду со многими мелкими мастерскими организацией были охвачены в той или иной степени все крупные предприятия, в том числе такие гиганты, как Брянский и Каменской заводы, а также депо и мастерские Екатеринбургской железной дороги. А между тем почти полная оторванность от других центров движения — от Питера, Москвы, Иваново-Вознесенска, не говоря уже о загранице, отсутствие литературы не только периодической, но и непериодической, отсутствие общих руководящих указаний и т. п. — все это, отнюдь еще не изжитое и теперь, в связи с быстро растущим движением, давало о себе знать в несравненно большей степени, чем год или полтора тому назад.

И если тогда чувствовалась потребность хотя бы в местном объединении отдельных самостоятельных групп и кружков, то теперь уже все настойчивее выдвигался самой жизнью вопрос об объединении во всероссийском масштабе, и притом в смысле не только организационном, но и в идейном и программно-тактическом.

Мысль о съезде и необходимости оформления впервые партии, как таковой, назревала одновременно в нескольких организациях.

На долю Киева выпала инициатива созыва этого съезда. На съезде участвовали кроме представителей киевского «Союза борьбы» (в том числе и от группы «Рабочей газеты», незадолго до того начавшей издаваться в Киеве) и Бунда еще представители трех организаций: петербургского, московского и екатеринославского «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса». Съезд состоялся в Минске в начале марта 1898 года.

Я не буду здесь входить в подробную оценку значения этого первого, учредительного съезда, провозгласившего возникновение Российской социал-демократической рабочей партии. Нечего и говорить, что ни сами участники съезда, ни организации, пославшие их, ни на минуту не создавали себе иллюзий, что съезд немедленно, уже самым фактом своего созыва, решит те громадные задачи, которые стояли перед ним. Таким волшебством он не обладал; он не был способен на это и по скромности представительства (не считая Бунда, были представлены всего четыре города!), и по составу и продолжительности своих работ (несколько дней), и, наконец, по месту созыва (в России!). Не надо, кроме того, забывать, что съезд созывался без особой длительной подготовки, без предварительного обсуждения первоочередных вопросов. Даже известный «Манифест» об образовании партии не только не был обсужден съездом, но даже составлен не на съезде и не участниками съезда, а на стороне и после съезда, правда при участии, по поручению съезда, одного из участников его¹.

И все же, невзирая на все это, есть полное основание утверждать, что значение этого первого съезда для того времени было огромно: им впервые была провозглашена партия. Вскоре же после съезда провалились центральные органы ее в лице Центрального Комитета и «Рабочей газеты», которую съезд решил превратить в центральный орган партии. Фактически самое название партии превратилось только в фирму, в вывеску, но все же под этой вывеской начали собираться и от ее единого имени начали выступать все местные организации — комитеты партии. Эта фирма была как бы точкой приложения местных активных сил. Но, с другой стороны, в силу фактической оторванности друг от друга, раздробленности под этой же единой оболочкой быстрее стали нарастать и зреть те шатания, разброд и извращения идей классовой борьбы и революционного марксизма, вскрыть и изжить которые стало первой и насущнейшей задачей нового этапа, нового периода в сложном и болезненном процессе создания действительно единой революционной партии. Таким образом, I съезд объективно способствовал быстрейшему прохождению очередного этапа в историческом развитии той самой партии, которая впервые была им провозглашена, и в одном этом уже его большая заслуга...

*Лалаянц И. У истоков большевизма.
Зарождение РСДРП. Изд. 2-е. М., 1934,
с. 33—40*

¹ С. И. Радченко. Ред.

ИЗ КНИГИ
«ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РСДРП»

Когда группа «Рабочей газеты» решила созвать съезд¹, то первым был решен вопрос о том, из кого должен состоять съезд. Решено было, что съезд будет состоять из представителей социал-демократических групп, а не отдельных социал-демократов, которые представляли бы только самих себя. Группы же, чтобы иметь право на участие, должны были вести действительную работу на местах. По своим связям группа «Рабочей газеты» надеялась не упустить ни одной из них. Если тем не менее некоторые социал-демократические организации не были приглашены на съезд, то этому были особые причины, о которых речь впереди.

Второй вопрос был о том, как быть с городами, где действуют две самостоятельные социал-демократические организации. Собственно, такого случая, где имеются две самостоятельные социал-демократические организации, группа не знала. Она хотела только считаться с тем положением дел, когда в данном месте в интеллигентской группе работала специальная организация рабочих социал-демократов, как, например, Киевский рабочий комитет. На такой случай предполагалось просить прислать от каждой приглашаемой на съезд группы двух делегатов, в том числе одного от рабочей организации, по возможности рабочего же.

После первого объезда мысль о двух делегатах от организации была оставлена. Ясно было уже тогда, что рабочих будет очень мало на съезде или вовсе не будет. Как ниже увидим, был всего один делегат-рабочий. А вопрос о том, как лучше организовать представительство на местах, после первого объезда был оставлен на решение той группы, которую решено было пригласить на съезд.

Это были первые решения группы, созывавшей съезд, до первого специального объезда всех известных группе организаций. Эта первая поездка для переговоров о съезде должна была ознакомить с личным составом групп и на местах собрать сведения о положении дел, особенно в более молодых организациях, которые

¹ Или, как мы из конспирации называли его, коллоквиум. *Прим. автора.*

не успели еще выяснить своей физиономии в местной работе или в своих изданиях, недостаточно выразили свои взгляды или не доказали своей конспиративности. На последнее качество группа «Рабочей газеты», вышедшая... из хорошей конспиративной школы, обращала особенное внимание. Требовалась строгая точность и пунктуальная аккуратность в исполнении правил конспирации, которая одна только давала более или менее продолжительное существование подпольной организации. Напомним, что после виленской организации только группа «Рабочей газеты» имела в своих рядах членов, работавших непрерывно пять лет и более, если прибавить сюда и годы предварительных знакомств с чисто интеллигентскими революционными организациями. Только Бунд насчитывал в своих рядах работников старшего возраста и опыта.

Хотя группа «Рабочей газеты» и стремилась объединить все *социал-демократические* организации, однако она программы на съезд не представила.

Хотя группа и обсуждала вопрос о программе¹ и отдельные части программы были распределены между несколькими членами, но на выработку программы не хватило ни сил, ни времени.

Задача групп, собравшихся на первый съезд, состояла не в выработке программы, а в сплочении с.-д. элементов вокруг одного центра и в создании дееспособного центра организаций, объединенных единством взглядов на ближайшие практические задачи партии и на методы их достижения. Что касается основ социал-демократии и согласования всех программных требований в стройной и полной системе, согласно основам, то это поневоле приходилось отложить. Первой на очереди задачей группы считали из накопленных социал-демократических элементов создать фактически живое целое, и тогда можно будет подумать о логически стройном согласовании частей в полную социал-демократическую программу. Пока мы вынуждены были ограничиться тем, как в 1897 году писал Владимир Ильич, что «теоретические воззрения социал-демократов представляются в *главных и основных своих чертах* достаточно выясненными»².

Теперь мы постараемся поближе рассмотреть те ближайшие мотивы, какие повелительно требовали от групп быстрого создания центра и объединения вокруг него...

Центральная организация при известной строгости конспирации почти неуловима. Местная же, несмотря ни на какую конспиративность, делается раньше или позже известной властям и обречена на гибель. Спасает только перемена места; но без центральной организации, знающей эти места, перемена места или невозможна, или бесполезна для дела.

¹ Здесь имею в виду собрание на кв. А. А. Иогансона, кажется на Музыкальном пер. *Прим. автора.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 446. *Ред.*

На наших глазах погибли все крупные местные организации. Погиб СПб. «Союз борьбы», основанный в 1895 году, провалился «Московский рабочий союз», основанный в 1896 году... киевская группа, в том числе многие члены группы «Рабочей газеты», была накануне провала. За многими из них явно следили. Этим обстоятельством объясняется, что аресты членов группы «Рабочей газеты» 10—11 марта 1898 года были произведены во многих городах (Петербург, Москва, Самара, Екатеринослав и др.). Члены группы хотели спастись, удалившись на время от дел к своим родным и знакомым, на нейтральную почву. И это, конечно, не помогло. Только существование дееспособной центральной организации могло сделать продуктивной и возможной частую и своевременную перемену местного личного состава. Только таким образом возможно было сохранить опыт старых работников и их самих. В противном случае пропадало и то и другое. Вот что в первую очередь толкало их к объединению и дало возможность практически поставившей себе эту задачу группе «Рабочей газеты» выполнить ее.

Вполне ясно понимали эту задачу старые опытом организации.

Молодые организации ценили возможность получить своевременно и в достаточном количестве с таким трудом создаваемую, издаваемую и доставляемую нелегальную литературу и возможность через центральную организацию осведомляться о рабочем движении в России. Все это обещала программа съезда в пункте, определявшем задачи ЦК партии. Возможность регулярного осведомления высоко ценилась всеми организациями. Что отличало молодые организации от старых — это боязнь за свою самостоятельность при существовании центра с широкими полномочиями. Этой детской болезнью, боязни за свою самостоятельность, не избежала, кажется, ни одна организация.

Таким образом, к доводу сохранения энергии (путем централизации и конспирации) присоединялся и второй весьма сильный довод — истребление партикуляризма. Раньше боязнь нарушения своих прав центром, потом идет охранение своих прав ради охранения, и забывает так маленькая провинциальная группка, ради чего и каким образом получила она, самостоятельная группа, свои права. Права ради прав — вот и партикуляризм! А там пошла «оппозиция» и все прелести захохотеться.

При существовании центральной организации на всех новых пунктах можно было создать сразу колонии-комитеты. При этом сохранялся опыт старых работников, уменьшалась потеря революционной энергии при выработке революционного опыта на местах, и вместо колокольного патриотизма партикуляристов воспитывалась партийность.

Вот главные ближайшие мотивы, заставившие с.-д. группы собраться в 1898 году на съезд и создать партию.

Перехожу к обзору имевшихся в России групп ко времени съезда.

К тому, что было сказано по поводу киевской конференции о Москве, остается мало прибавить. После первого провала «Московского рабочего союза» первого состава и краткого расцвета второго состава... Москва так и не создала большой и сильной организации. На съезд от Москвы был приглашен молодой и слабый московский «Союз борьбы».

Виленчане успели создать областную организацию (Бунд), которой не было еще во время киевской конференции.

Из четырех «Союзов борьбы» особенную физиономию имел екатеринославский. Одно время (1894—1895 гг.) тут работали и проваливались киевские студенты¹, которые стояли близко к русской социал-демократической группе. Провалившись, они дали членов заграничной колонии эмигрантов и сибирской колонии ссыльных. Свообразие екатеринославского «Союза» заключалось в том, что он был организован по определенному плану группой «Рабочей газеты»². Сразу здесь осела небольшая группка членов организаций других городов и с известным опытом. А среди рабочих были ссыльные из других двух центров рабочего движения. Были виленские ремесленники, высланные сюда, и большая группа петербургских участников стачки 1896 года. Екатеринославский «Союз» принялся за объединение всех этих элементов.

Еще группе «Рабочая газета» были известны организации в Одессе, Николаеве и Харькове.

В Одессе киевская группа имела связи и готовилась создать местную организацию, но призывать из Одессы представителей на съезд мы не считали нужным. Относительно Одессы надо сказать то же, что и о Москве. И тут и там ранний провал организации уничтожил всякую надежду на воссоздание ее. Что касается Одессы, то мы имеем в виду провал 1894 года при попытке без предварительной подготовки начать широкую агитацию³.

О Николаеве мы узнали, что там имеется маленькая живая группка, которая за очень короткое время успела проявить большую энергию в агитации масс. К нам доходила газета, издаваемая этой группой («Наше дело»)... Николаевскую группу мы считали мало конспиративной. Группа была накануне провала⁴. Поэтому группа не получила приглашения на съезд.

¹ Это группа Линдова — Лейтейзена... и доктор Фридель. *Прим. автора.*

² В екатеринославском «Союзе борьбы» принимали участие К. А. Петрусевиц, М. В. Орлов (работавший раньше в Кременчуге), Левина (тоже из Кременчуга) и др. Из Вильны в Екатеринославе работал Гальперин (Душкан). *Прим. автора.*

³ Кстати, сошлюсь на эти примеры в оправдание осторожности в тактике при переходе к новым формам борьбы, как эта осторожность проявилась киевской группой «Рабочее дело». Киевская с.-д. группа убеждала в своей прокламации сознательных рабочих не участвовать 18 марта 1897 г. в демонстрации, на которую призывала рабочих киевская группа эсеров. См. прокламацию «К сознательным рабочим». *Прим. автора.*

⁴ Во время съезда группа была уже в тюрьме. *Ред.*

В Харькове мы имели через А. Д. Поляка связи в рабочей среде¹ и, таким образом, разыскали молодую интеллигентскую группу. При первом объезде предстояло обратить особое внимание на две организации: на московскую и харьковскую. На московскую потому, что она по личному составу была нам очень мало известна, хотя и считалась преемницей «Московского рабочего союза». Харьковская же организация была совсем молода. Эта группа при первом объезде после долгих переговоров дала свое согласие, но, когда при втором посещении ей была передана программа съезда, она представила письменный отказ от участия в съезде, мотивируя его несвоевременностью создания партии при слабости групп петербургского и московского «Союзов борьбы».

* * *

...Из национальных социал-демократических организаций только за несколько дней до съезда была приглашена на съезд Литовская социал-демократическая партия, но она делегата не прислала. Приглашена была эта организация так поздно потому, что мы ее очень мало знали раньше. Что касается социал-демократии Царства польского и Литвы, то ее мы также очень мало знали, и она приглашена не была. Хорошо нам была известна Польская социалистическая партия, но ее мы не думали приглашать, так как ни группа «Рабочей газеты», ни какая другая из социал-демократических групп не считала ее социал-демократической...

Чтобы закончить с имевшимися к первому съезду группами, которые имели право на участие в съезде, нам остается рассказать, почему не были приглашены на съезд заграничная группа «Союза русских социал-демократов» и группа «Рабочего знамени»...

Все сказанное об этом «Союзе» сводится к тому, что как организация она была нам чужда. Мы знали хорошо только пару-другую имен и несколько книг. Но мы не видели в «Союзе» живой и деятельной организации. К тому же мы особенно не доверяли непрактикам (в узком смысле слова) вообще, как не знающим местных условий (на этом основан первый пункт устава съезда), и, кроме того, особенно мы не доверяли заграничным из предполагаемой неконспиративности их. Вот почему заграничный «Союз русских социал-демократов» не был приглашен на съезд. Но так как образовавшейся партии нужны были и литераторы, и заграничный комитет, то на съезде об этом и было вынесено известное постановление. Правда, мы мало или почти ничего не знали о разногла-

¹ Через наборщика Б. К. Линцера, который свел меня с д-ром Л. Б. Фейнбергом. См. его интересные записки в «Летописи революции» (№ 3, 1925) «В рядах Харьковской социал-демократической организации».

В своих записках Фейнберг, может быть, отчасти прав, думая, что я не вполне понял его план создания партии. Тогда часть вины падет и на него, что он не сумел мне уяснить свой план. А главное вот что. Мы тогда хорошо и ясно видели, чего не хватает нашей группе. Но при всем том мы были уверены, что попытка создать объединение и центр — шаг полезный, и никакие возражения нас не могли остановить. *Прим. автора.*

сиях между членами «Союза» и, принимая на съезде решение о заграничном комитете партии, имели в виду, конечно, всех работников, а не одну какую-нибудь группу этого «Союза».

Теперь нам остается рассказать, почему не было на съезде «Рабочего знамени»...

Как известно, группа эта на своих изданиях, до появления «Рабочего знамени», называла себя кружком рабочих-революционеров. Это был белостокский кружок... Мы знали об этой группе, что у нее имеется около 12—15 членов, кажется, по преимуществу рабочих, что у нее имеется хорошо поставленная типография. Об одном из ее изданий был дан отзыв во втором номере «Рабочей газеты». Также мы знали, что группа эта вербует членов в Киеве. До выхода ее издания «Задачи русской рабочей партии», которое представляет собою перепечатку женевского издания «Чего хотят социал-демократы?» с прибавлением одной-двух страниц о тактике, мы не имели данных считать эту группу вполне социал-демократической, да и она сама себя, кажется, таковой не считала... Киевляне считали эту группу отчасти неопределившейся и несколько близкой по своим воззрениям к киевским эсерам. После издания «Задач русской рабочей партии» один член киевского «Союза борьбы» (П. Л. Тучапский) и один петербургского (С. Радченко) получили предложения от белостокской группы присоединиться к этой партии. Это было незадолго до съезда. Мы считали эти предложения за желание построить партию вокруг белостокской группы «Рабочего знамени» как центра. Но для этого собиравшиеся на съезд группы не считали ее пригодной. Против приглашения группы «Рабочего знамени» на съезд говорило сравнительно недавнее присоединение ее к социал-демократической программе и недавняя близость ее во взглядах киевских членов к эсерам. Затем мы считались и с тем, что взгляды группы представляли некоторые такие особенности (будущая махаевщина), которые нуждались в дальнейшем выяснении. Вот почему группа будущего «Рабочего знамени», заявившая о своем существовании и работе,— что давало по неписаному уставу съезда ей право на участие в нем как социал-демократической, после выпуска вышеупомянутого издания,— не получила приглашения на съезд. Но выбранный на съезде Центральный Комитет партии одним из первых вопросов решил вопрос о вступлении в переговоры с ней для выяснения отношения и вступления ее в образовавшуюся на съезде партию...

Таким образом, на съезде оказались следующие организации: «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса» — петербургский, московский, киевский, екатеринославский, Бунд и группа «Рабочей газеты»¹.

Общее решение о представительстве приведено выше.

¹ К перечисленным организациям можно было бы еще прибавить Киевский рабочий комитет, который имел своего представителя. Это был Тучапский, который одновременно представлял и Киевский рабочий комитет, и киевский «Союз борьбы». *Ред.*

Как устраивались выборы делегатов на съезд в других организациях, в том числе и в Бунде, пославшем в своей делегации одного рабочего, не знаем. Заметим только, что посылка делегации для Бунда была облегчена тем, что съезд происходил в районе Бунда — в Минске, а средства, конечно, были весьма скромные.

В Киеве выборы на съезд происходили следующим образом.

Киевскому «Союзу борьбы» в полном собрании было доложено¹, что предстоит съезд для образования партии, сообщена программа съезда и предложено принять участие. «Союз» выбрал делегата. Затем были собраны все члены Киевского рабочего комитета и несколько не членов и сделаны тот же доклад и то же предложение. Кроме рабочих была и одна работница²; на этом заседании расширенного Рабочего комитета присутствовали и два интеллигента³. Один из них был членом Рабочего комитета и в это время, а другой — раньше, в комитете первого состава. Эти интеллигенты уже имели мандаты на съезд. На этом собрании интеллигенты сделали указание, что желательно послать делегатом на съезд рабочего. Но рабочие, из недоверия ли к своим силам, из других ли соображений, выбрали интеллигента. Не сомневаюсь, что, будь в это время в Киеве Мельников, он был бы выбран, но он, в это время больной, был под надзором полиции в Ромнах в ожидании приговора⁴.

По поводу выборов на съезд от рабочих в Одессе и Екатеринославе. Как бы в осуществление пункта устава съезда о выборах рабочих состоялись собрания и намечались кандидаты из рабочих. В Екатеринославе речь шла о Виленском, работавшем в типографии «Рабочей газеты» вместе с А. Д. Поляком, когда типография была перевезена туда из Киева. А в Одессе намечался Поляк. Об этом рассказывают в своих воспоминаниях Виленский, Доргольц и Липовецкая-Доргольц⁵.

Меньшевики потом говорили о преждевременности съезда в 1898 году. Но идея объединения навязывалась, выдвигалась, диктовалась всем ходом рабочего движения, потому она и появилась почти одновременно во многих городах. Царское правительство

¹ Собрание киевского «Союза борьбы» для выбора делегата на съезд происходило, кажется, в квартире зубного врача И. М. Штейна на Александровской улице. В нашей «периферии» в Киеве, оказывавшей нам услуги квартирами, адресами и пр., были кроме сейчас упомянутого И. М. Штейна еще следующие: фабрикант колесной мази А. С. Блувштейн (адрес для переписки), Бердяев, женщина-врач Гиберман и др. Одно из последних собраний группы «Рабочей газеты» перед самым съездом происходило на квартире В. В. Водовозова, на Десятинском пер. *Прим. автора.*

² Работница Маня Альтшулер. *Прим. автора.*

³ Присутствовали Тучапский и я. *Прим. автора.*

⁴ Расширенное собрание Киевского рабочего комитета для выбора делегата на съезд происходило на Жилианской ул., в квартире железнодорожного рабочего Плетата. В своих воспоминаниях в сборнике Истпарта «К 25-летию I съезда» рабочие — участники выборов пишут, что это и был 2-й Рабочий комитет, а не расширенное его собрание. Возможно, что так. *Прим. автора.*

⁵ См.: К 25-летию I съезда. Сб. Истпарта ЦК РКП(б), 1923. *Ред.*

главные свои силы бросило на наиболее опасные для него фронты, как Петербург, Москва и др. Поэтому такой город, как Киев, и несколько дольше мог сохранить свою организацию от арестов. Во всяком случае, к году съезда киевская организация оказалась достаточно сильной, чтобы собрать съезд, который, какие бы ни были его пробелы, недостатки и недочеты, был очередным шагом рабочего движения. Говорили о 1898 году как дате случайной. Назвать время съезда датой случайности — значит сделать большую ошибку. Это значит, что пишущий, который не умеет найти данному событию надлежащего места, признает случайностью данное событие. Партия росла медленно. Первый съезд — один из этапов роста. Преувеличивать значение I съезда нет надобности. «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года»¹, — писал Ленин. Но I съезд есть один из этапов прошлого нашей партии.

Из группы «Рабочей газеты» были выбраны я и Вигдорчик, хотя не без пользы и с полным правом группа могла бы послать и еще одного-двух. Имели значение и экономия, и желание собрать как можно меньше людей из конспирации, а количество голосов, предоставленное каждой организации, как и раньше предполагалось и на съезде было решено, был один голос для каждой. Но на съезде царило полное согласие, и члены его скоро перестали считать голоса при решении вопросов, так как все решения принимались подавляющим большинством.

Таким образом, 1 марта 1898 года вечером в Минске собрались девять представителей социал-демократических организаций: четыре от четырех «Союзов борьбы», три от Бунда и два от группы «Рабочей газеты». От «Рабочей газеты» — Эйдельман и Вигдорчик, от петербургского «Союза борьбы» — Степан Иванович Радченко, от екатеринославского «Союза борьбы» — К. А. Петрусевич, от киевского «Союза борьбы» и Киевского рабочего комитета — П. Л. Тучапский, от московского «Союза борьбы» — Александр Ванновский, от Бунда — Александр Кремер, Мутник (Глеб) и рабочий-часовщик Ш. Кац.

Первое заседание началось до приезда девятого делегата, который ожидался вечерним поездом и приехал ко второй половине заседания.

Порядком дня служила программа съезда — устав коллоквиума. Эта программа была представлена группой «Рабочей газеты» и была передана для обсуждения и дополнения во все социал-демократические организации. Из всех организаций только петербургский «Союз» прибавил определение задач Центрального Комитета — руководство движением; в программе имелся перечень функций, какие возлагались на ЦК. В программе было сделано

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6. *Ред.*

указание, что делегаты должны иметь полномочия обсуждать и принимать решения и по таким вопросам, о которых программа не упоминает.

Мне кажется, что ясное представление об этой программе можно составить себе по решениям съезда, которые приложены к «Манифесту», так как эти решения представляют ответы на вопросы, предложенные в программе. Программа по некоторым вопросам давала и предполагаемое решение; например, по вопросу о названии партии давались два ответа: русская и российская.

Первым вопросом на первом заседании обсуждался вопрос о названии партии...

Слово «*Российская*» было выбрано для партии, чтобы указать, что в работе, какую партия наша делает, принимают участие не только русские пролетарии, но и пролетарии всех других населяющих Россию народов.

Как организация борьбы партия пролетариата России должна была, по мысли съезда, в лице своей центральной организации быть единой, как един и ее ближайший противник.

После вопроса о названии партии одним из первых было формулировано отношение нашей партии к национальному вопросу. Вопрос возник по поводу пункта порядка дня: отношение к ППС. Будучи практиками, мы хотели решить вопрос об отношении нашей партии к революционной организации, с которой мы не могли не встречаться, как работавшей на том же поле, что и мы, а главное, против того же противника, который был и нашим противником. Ища решения частного конкретного вопроса и не находя его за недостатком данных в опыте партии, мы натолкнулись, однако, на общий вопрос, который должен был быть решен предварительно. Вопрос о Польской социалистической партии (ППС) отнял несколько часов дебатов, может быть, даже больше одного заседания. В результате получился § 8 решений съезда, который содержит принципиальное, программное решение национального вопроса, выраженное в самом общем виде.

Вот этот восьмой параграф решений съезда: § 8. «*Партия через свой Центральный Комитет вступает в сношения с другими революционными организациями, поскольку это не нарушает принципов ее программы и приемов ее тактики. Партия признает за каждой национальностью право самоопределения*» (курсив наш.— Б. Э.).

Это был единственный программный вопрос, обсуждавшийся и решенный на I съезде.

Вопрос о признании заграничного «Союза русских с.-д.» представителем партии за границей был решен довольно быстро. Но об этом потом была речь на заседании ЦК.

В связи с вопросом об автономии местных комитетов была предоставлена и автономия Бунду. Бунд от других организаций, участвовавших на съезде, отличался тем, что представлял объединенный комитет нескольких городов, и некоторая особенность его автоно-

мни зависела также от особого языка его членов. Так как Центральный Комитет партии не мог рассчитывать, по крайней мере на первых порах, сам издавать и литературу на еврейском языке, то эта задача выпадала автономному Бунду. Но в то время как все остальные местные комитеты могли ставить себе задачей только местные по преимуществу издания, так как общий орган должен был издавать ЦК, еврейские издания все оставались в руках Бунда. В помощь бундовской издательской деятельности со стороны центрального органа партии было обещано передавать Бунду для его еврейского органа газетный материал для одновременного его появления и на еврейском языке. Из всего этого видно, что автономия Бунда, по смыслу постановления съезда, отличалась от автономии других комитетов тем, что права, предоставленные всем местным комитетам, Бундом осуществлялись в большей степени, чем другими, и часть этих прав и функций (имеем в виду издательство на еврейском языке), по-видимому, могла и должна была расшириться с помощью ЦК. Во всяком случае, ни один комитет, ни Бунд не получили права сношений с другими организациями ни в России, ни за границей помимо ЦК партии.

Это видно из того, что сношение с другими организациями и с заграничной было возложено на Центральный Комитет, а заграничная организация «Союза русских социал-демократов» объявлялась представительницей партии за границей. В этом вопросе, как и во многих других, решения съезда намечают только довольно широкие рамки, предоставив последующему опыту жизни партии наполнить их соответствующим содержанием. Для точного определения задач заграничного комитета партии должен был отправиться за границу один из членов ЦК. Чтобы закончить с объяснениями автономии Бунда, приведу еще одно доказательство, последнее, но не наименее важное, что, по существу, эта автономия не отличалась от автономии других комитетов, как она понималась на I съезде. Доказательство это я вижу в том, что члены ЦК, избранного на съезде, разделяя между собой предстоящую работу, ничем не выделяли своего товарища из бундовцев от других членов этого комитета ни в отрицательном, ни в положительном смысле. Никаких особенных прав, привилегий или ограничений для бундовца сделано не было, и он призван был делать ту же работу, что и остальные члены ЦК.

Теперь два слова об автономии комитетов. Из того, что было рассказано до сих пор, видно, что основатели партии должны были быть сторонниками сильной центральной организации. И это действительно было так. Но как же в таком случае понимать автономию местных комитетов? Во-первых, как бы мы ни понимали ее, она никак не могла воспрепятствовать центру быть сильным. Центр должен был стать сильным, при условиях подпольного существования, своей конспирацией, своим составом из профессионалов, и последнее, самое важное, — это успешным выполнением своих обязанностей при своих широких полномочиях. Раньше чем закреп-

лять точно определенными границами права или обязанности ЦК, хотелось дать опыту партийной жизни наметить эти границы, а поскольку границы эти уже определились для некоторых членов партии, задачи ЦК могли быть осуществлены, и автономия, как признание принципа самоуправления каждого комитета в пределах своих местных дел, нисколько не мешала работе сильного центра. Это признание широкого местного самоуправления, не мешая росту сил ЦК партии, помогало наиболее молодым организациям, как участвовавшим на съезде, так и другим маленьким группам, которых на съезде не было, которым по малоопытности, молодости, боязни потерять самостоятельность это признание широкого самоуправления помогало воспитать в себе партийность. Партийность надо было воспитать. И декретами этого достигнуть нельзя. Только фактическая, продолжительная и успешная работа ЦК могла постепенно уничтожить партикуляризм и заменить его партийностью. Широкое же самоуправление есть наилучшее условие для развития жизнеспособных местных организаций. Пользоваться автономией для ослабления центра — это не могло принести пользы никакой местной сильной организации. А в руках слабой организации ни это и никакое другое орудие не могло быть опасным.

Смешно было бы смотреть сверху вниз на ошибки и промахи в организационном и тактическом отношениях, сидя на плечах великана — настоящего времени, откуда и близорукому издали видно то, что иному дальнорукому, стоявшему в долине прошлого, видно было плохо. Но как практики, хорошо знавшие условия нашего времени, мы дали в постановлениях съезда по организационным вопросам весьма широкие рамки для развития большой партии с жизнеспособными организациями. Широкое самоуправление комитетов — это и есть не что иное, как демократизм. Конечно, это не есть демократический централизм, к которому наша партия пришла гораздо позже. В наше досъездовское время отсутствие выборов не было недемократическим, так как мы знали, что отрицаем их из-за неконспиративности их. Выборы означали гибель организации, а с гибелью организации погибает и демократизм ее. Тогда вместо демократической организации остается пустое и мертвое слово — демократизм. Если до пустых и мертвых слов, иногда очень красивых, тьма охотников, то настоящие революционеры не из их числа.

После решения вопросов о названии партии, автономии местных комитетов и Бунда и о заграничном комитете занял место вопрос о времени созыва экстренного съезда и количестве голосов, имеющих право созвать его. Этим вопросом очень интересовался делегат московского «Союза борьбы»...

На одном из последних заседаний были сделаны доклады делегатов о положении дел на местах. Бундовский доклад был больше других. Доклад представителя киевского «Союза борьбы» и Рабочего комитета имел пессимистическую нотку. Это было в харак-

тере П. Тучапского. В общем положение дел для всех было ясно, и доклады ничего нового не дали...

По поводу выборов в ЦК партии было сделано предложение о предоставлении выполнения решений съезда представителям трех групп, которые фактически и до сих пор отчасти выполняли задачи общепартийной центральной организации. Имелись в виду группы петербургского «Союза», Бунда и «Рабочей газеты». Они-то и были избраны в ЦК¹. Выбрано было три члена.

ЦК имел два-три заседания, в которых был намечен целый ряд задач. Члены ЦК должны были жить, где по роду их деятельности кому было удобно, и съезжаться по мере надобности. Кроме решений ЦК о переговорах с группой «Рабочего знамени» и «Союзом русских социал-демократов» за границей были предположения о создании новых комитетов в некоторых волжских городах.

По вопросу о редакции Центрального органа партии, каковым была признана «Рабочая газета», Центральный Комитет, которому было поручено организовать его редакцию, решил передать ее, начиная с третьего номера «Рабочей газеты» (он почти весь был готов²), одному литератору-марксисту, оставив за собой контроль за всем, написанным в газете. Особенно на этом контроле настаивал один из членов ЦК. Имя литератора-марксиста не называлось...

Первый ЦК смотрел на себя как на учреждение, которое в близком будущем должно было сильно измениться и увеличиться. Его задача была — наладить текущие дела, вступить в переговоры с не вошедшими еще в партию социал-демократическими организациями и столкнуться с заграничной организацией. Покончив с текущими неотложными делами, что легко было официальному общепризнанному представительному учреждению партии, каким был выбранный на съезде ЦК, этот комитет полагал не позже чем через шесть месяцев собрать второй съезд. Закрывая съезд, председатель его предложил всем членам его считать себя членами ЦК (собственно, кандидатами), и если хотя бы один уцелел в случае провала, то ему вменялось в обязанность выполнить постановления съезда. Председатель съезда тогда же предупреждал товарищей не возбуждать среди членов своих организаций слишком преувеличенных надежд, но если ЦК, говорилось дальше, удастся просуществовать месяцев шесть, тогда, казалось, и большие надежды могут считаться осуществимыми. ЦК считал свои ближайшие задачи осуществимыми и посильными для себя, а если будет дано несколько месяцев жизни без провала, тогда следующий съезд очень скоро мог бы, казалось, дать полную социал-демократическую программу.

На съезде подробно финансы партии не обсуждались. Но в Центральном Комитете был подсчитан ежемесячный бюджет.

¹ С. И. Радченко, А. Кремер и Б. Эйдельман. *Ред.*

² Не было только передовой статьи. *Прим. автора.*

Съезд начался 1 марта вечером и окончился 3 марта вечером. Заседания начинались с раннего утра и продолжались до позднего вечера, с перерывом на обед.

3 марта вечером была устроена вечеринка, где присутствовали члены местной организации.

Пели песни. Были тосты. О двух из них следует вспомнить. Первый — это тост рабочего, участника съезда, за то, чтобы на следующем съезде было больше рабочих, чем на первом. Другой тост — представителя киевского «Союза» и Рабочего комитета. В небольшой речи он напомнил товарищам, что время основания партии совпадает с 15-летием выхода в свет первого издания первых основателей социал-демократии в России — группы «Освобождение труда»...

Хотя попытка создать прочное организационное единство партии и не удалась, но «для дальнейшего развития социал-демократии этот съезд имел большое значение»¹. «Сотни лиц во всех концах России... стали признавать себя, на основании манифеста первого съезда, членами единой партии, добивались чести называть свои организации комитетами этой партии»²...

Пару слов о «Манифесте»...

Мысль, высказанная на съезде, чтобы в «Манифесте» было сделано указание на наследование знамени борьбы с самодержавием от «Народной воли», была для нашей партии полезна. Кто думает иначе — плохой диалектик: он отражает предыдущую ступень развития, когда шла борьба между марксизмом и народничеством и народничество еще было живой силой, которую нужно было бить. Для съезда это была превзойденная ступень. Мы просто вступили во владение имуществом побежденного. Для нас противник уже не существовал. Оставалась священная реликвия — омытое кровью во многих боях славное знамя, которым мы завладели по праву победителя. А указание на преемственность от «Народной воли» могло содействовать как притягательная сила для тех, которые пришли к марксизму, предварительно пройдя через народничество. Если даже на т. Ольминского произвело большое впечатление именно это место «Манифеста», то тем более оно могло оказать влияние на других бывших народовольцев. Тов. Ольминский пишет: «Этот день настал (назвать себя социал-демократом.— Б. Э.) по прибытии в Сибирь, когда удалось прочесть манифест первого съезда об образовании Рос. соц.-дем. рабочей партии. В нем, между прочим, было сказано: «Ставя главнейшей из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной воли». Но средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные»³...

¹ Батурик Н. Очерк истории социал-демократии в России. Изд. 2-е, с. 62. *Ред.*

² Минувшие годы 1908, № 2. *Ред.*

³ Сборник «От группы Благоева к «Союзу борьбы». М., 1921, с. 78. *Ред.*

Два слова в заключение. Стремясь организовать партию, группа «Рабочей газеты» и другие группы — участники съезда — хотели построить ее путем разрешения назревших потребностей практической деятельности и считаясь с уровнем развития большинства организаций. Усилить центральную организацию партии считали поэтому возможным в процессе работы этого центра. Партийность надо было еще нажать и воспитать. Формально первому ЦК была дана задача больше всего обслуживать организации: издание и доставка литературы, издание Центрального органа, издание прокламаций по поводам, общим для всей России, например майской и т. п. Но это обслуживание должно было превратиться неизбежно в руководство организованным рабочим движением в России, так мы тогда думали. И съезд 1898 года сделал первый шаг в этом направлении. В этом все его значение. И несмотря на то что от минского съезда до брюссельско-лондонского прошло несколько лет, брюссельский съезд не мог не считать себя вторым, хотя только этот съезд дал партии социал-демократическую программу.

Первый съезд РСДРП. Документы и материалы. М., 1958, с. 189—213

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ.

ЗНАКОМСТВО С МАРКСИЗМОМ. КИЕВСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «РАБОЧЕЕ ДЕЛО». ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РСДРП

Перехожу к рассказу о социал-демократической группе «Рабочее дело».

Группа состояла из небольшого количества интеллигентов, среди которых особенно выделялся Б. Л. Эйдельман...

Из других членов группы упомяну о Н. А. Вигдорчике... авторе листов и газетных статей в газете «Вперед», первый номер которой вышел в самом начале 1897 года.

Было и еще несколько... работников в нашей группе, искренне преданных делу и отдававших все свои силы пропагандистской работе в кружках среди рабочих и работниц.

Связи с рабочими как мелких мастерских, так и более крупных заводов были у нас по тому времени довольно значительные и все расширялись. В этом сказывалась довольно продолжительная предшествовавшая работа (уже в 1889 году среди киевских рабочих работал в социал-демократическом направлении доктор Абрамович). В начале 90-х годов очень большую роль сыграл в деле социал-демократической пропаганды рабочий Ювеналий Дм. Мельников. С Мельниковым работал и Эйдельман, который и в то время, о каком я говорю, имел наибольшие связи среди рабочих и пользовался в рабочей среде большим авторитетом.

Как раз ко времени моего вступления в группу «Рабочее дело» группа решила соединить пропаганду с агитацией, то есть кружковую работу с выпуском листов к рабочим тех или других предприятий по всяким волновавшим их вопросам.

Для постоянного контакта с рабочими в связи с образованием новых кружков, выпуском и распространением прокламаций и т. д. был образован особый Рабочий комитет из наиболее передовых рабочих. Это был уже «2 Рабочий комитет»; первый, в котором главную роль играл Юв. Дм. Мельников, прекратил свое существование после ареста Мельникова весной 1896 года. В комитет вошел и представитель группы.

В то время в Киеве действовала группа польских социал-демократов и группа, примыкавшая к ППС (Польской социалистической партии), но склонявшаяся к социал-демократическим взгля-

дам. Между этими группами и группой «Рабочее дело» возникли переговоры о слиянии для объединения работы. Вопрос о языке не мог служить помехой: польских рабочих было не так много, а в специально польских рабочих кружках, конечно, мог быть употребляем при пропаганде польский язык. Русский (или, если хотите, великорусский) национализм у нас совершенно отсутствовал.

Однако на первых порах переговоры о слиянии не привели ни к чему. Как это ни покажется странным в настоящее время, товарищи польской социал-демократии и ППС не находили возможным издание листков, которое мы считали насущной необходимостью. По их мнению, следовало пока ограничиться только занятиями в кружках, массовая же агитация, хотя бы в виде распространения листков, могла привести только к провалу и гибели всего дела. Мы же, опираясь на пример петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», настаивали на необходимости непосредственно влиять на широкую рабочую массу, постоянно отзываясь на все волнующие ее вопросы. Слияние всех социал-демократических групп Киева произошло только весной 1897 года на почве именно нашей тактики, причем наша соединенная организация приняла название киевский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Конечно, и в этом случае повлиял пример Петербурга.

На решение польских групп присоединиться к группе «Рабочее дело», несомненно, оказала влияние деятельность нашей группы с конца 1896 года: мы выпустили очень много прокламаций (сначала они писались печатными буквами и воспроизводились на гектографе, но вскоре мы приобрели ремингтон и мимеограф), несколько не ослабляя своей пропагандистской работы. И это совершенно не повлекло за собой тех ужасных последствий, каких так опасались польские товарищи.

После образования киевского «Союза борьбы» наша работа пошла еще более усиленным темпом: «Союз» распространил в 1897 году 6¹/₂ тысяч прокламаций на 25 фабриках и заводах, устраивал лекции по истории революционного движения в России и за границей (лекции устраивались летом 1897 года в рощах в окрестностях Киева, причем на лекциях бывало по 60—80 человек), издавал газету «Вперед»; в то же время продолжались и занятия в кружках. Но «Союз» не ограничивался работой в Киеве. Напечатанная им (уже типографским способом) первомайская прокламация была распространена в ряде южных городов. Точно так же «Союз» способствовал распространению нелегальной литературы (ее «Союз» получал через Вильну) в Кременчуге, Николаеве, Екатеринославе и Одессе.

В своем тактическом подходе к рабочим массам мы руководились здравым педагогическим правилом — от известного к неизвестному, от более доступного к менее доступному. Вследствие этого в наших прокламациях, обращенных к не затронутым еще нашей пропагандой и агитацией рабочим слоям, мы касались

прежде всего экономической стороны положения рабочих, а затем переходили к освещению стороны политической. Если в столкновениях между хозяевами и рабочими вмешивалась полиция или более высокое начальство, что случалось нередко, это давало рабочим наглядный политический урок, который мы, конечно, не упускали подробно разъяснять и обобщать.

Таким образом, это не был «экономизм», это не было даже применение пресловутой теории «стадий», несколько позже проповедовавшейся на страницах заграничного «Рабочего дела» Кричевским, Акимовым-Махновцем и др.: если конкретные условия давали возможность немедленно связывать «политику» с «экономикой» в наших выступлениях, мы это и делали, не ожидая, пока рабочие пройдут экономическую «стадию» развития, мы только не хотели, чтобы фразы о необходимости политической свободы были пустыми фразами, лишёнными жизненного содержания.

Рядом с агитацией, как я сказал, шла и пропаганда. Здесь мы старались подготовить сознательных агитаторов и пропагандистов из самой рабочей среды. Тут, понятно, и речи не могло быть об игнорировании политического «момента». Существовали кружки низшего и высшего типа, и таким образом являлась возможность создавать не верхоглядов, а действительно серьёзно подготовленных работников.

Я лично принимал живое участие в кипучей деятельности «Союза»: я работал в кружках как низшего, так и высшего типа, читал лекции на более многолюдных рабочих собраниях... был представителем «Союза» в Рабочем комитете.

Влияли сначала группа «Рабочее дело» и польские группы, а затем «Союз» и на студенческую молодежь. Из этой молодежи следует отметить А. В. Луначарского, Н. А. Бердяева (одно время очень близкого с Луначарским), К. П. Василенко. Поворот Бердяева «от марксизма к идеализму» произошел несколькими годами позже.

Нам приходилось, однако, встречать и противодействие нашей деятельности.

К этому времени в Киеве организовалась уже группа социалистов-революционеров, в которой видную роль играли Дьяков (имя и отчество его я забыл) и Н. Н. Соколов. Социалисты-революционеры оспаривали у нас даже влияние на более передовых рабочих. Главными пунктами их возражений против нашей «теории и практики» были указания, что мы, мол, игнорируем крестьянство и общину, во-первых, и слишком мало уделяем внимания вопросу о политической борьбе, во-вторых. Рабочие, намеченные кандидатами в Рабочий комитет, пожелали устроить диспут между нами и социалистами-революционерами. В этом диспуте участвовал и я. Социалисты-революционеры обнаружили значительную путаницу в своих воззрениях. Так, я помню, Дьяков сказал, между прочим, такую фразу: «Мы следуем нашим учителям — Лаврову и Плеханову». Не трудно было указать, что «следовать» одновре-

менно по двум противоположным дорогам нельзя. Мы одержали верх, и Рабочий комитет остался с нами. Тем не менее социалисты-революционеры действовали на некоторую часть рабочих своей эмоциональностью, то есть воздействием на чувство рабочих, тогда как мы обращались к их рассудку.

Другую чувствительную струнку затрагивал у рабочих, но тоже во вред нашей деятельности, основатель группы «Рабочее знамя», рабочий из Белостока, Моисей Лурье¹. Это был, по-видимому (я его мало знал), чрезвычайно энергичный и с сильной волей человек. Он главным образом упирал на необходимость независимости рабочих в их революционной организации от интеллигенции. Разумеется, конкретно у нас, в Киеве, такое требование независимости направлялось против «Союза», имевшего почти исключительно интеллигентский состав.

Противодействие нашей работе со стороны Лурье и его сторонников не нанесло ей, однако же, особенно серьезного ущерба.

Наряду с местной работой лидеры группы «Рабочее дело», главным образом Б. Л. Эйдельман, уже в конце 1896 и начале 1897 года начали принимать участие в подготовке к объединению всех социал-демократических групп России. Эта мысль возникала и в других центрах социал-демократической работы и не могла не возникать, так как она подсказывалась самой жизнью: по мере того как развивались отдельные социал-демократические организации, чувствовалась настоятельная необходимость в руководящем и координирующем центре, в постановке общего печатного органа, в устройстве общей техники и, наконец, в надлежащей организации доставки нелегальной литературы из-за границы.

Были завязаны сношения с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и с очень деятельной виленской еврейской социал-демократической группой (зародышем Бунда). Налаживались связи и с другими известными Киеву социал-демократическими группами.

В марте 1897 года в Киеве должен был состояться съезд, или, как мы его называли из конспирации, «коллоквиум», представителей петербургского «Союза борьбы», московского «Союза», иваново-вознесенской группы и, наконец, виленской группы вместе с представителями киевлян. На коллоквиум приехал, однако, только представитель петербургского «Союза» (явился, правда, и московский представитель, но он не был допущен, так как не мог достаточно удостоверить свою личность). Состоялось только частное совещание, на котором присутствовали по одному делегату от трех киевских групп и петербургский делегат. Было решено, что организацию съезда возьмет на себя группа «Рабочей газеты» (о ней ниже), и был намечен порядок дня съезда: 1) Название партии, 2) Организация партии, 3) Газета, 4) Пропаган-

¹ В будущем «Рабочее знамя» организовало «Русскую социал-демократическую партию», просуществовавшую очень недолго. *Ред.*

да и агитация. Делегаты должны были явиться на съезд с выработанными ответами на все эти вопросы и с императивными мандатами, то есть без права отступить на съезде от решений своей организации — так велика была боязнь отдельных организаций за свою самостоятельность.

Что это за группа «Рабочей газеты», которая должна была организовать съезд? Это была все та же наша группа «Рабочее дело», если не вся, то значительная ее часть. Дело в том, что мы решили, главным образом Б. Л. Эйдельман и Н. А. Вигдорчик, поставить нашими силами общую для всех социал-демократических организаций, общепартийную можно было бы сказать, если бы уже существовала партия, газету. Дело было очень трудное (ведь нельзя было, прежде всего, такую газету издавать на гектографе или mimeографе, как издавался «Вперед»), но зато газета могла сделать очень много для создания партии, которого мы все так страстно желали. Так как дело требовало большой конспиративности, то в него и были посвящены только члены группы «Рабочее дело» (да и то не все), вполне спевшиеся друг с другом и доверявшие друг другу, как каждый самому себе.

С большими усилиями была поставлена типография на квартире одного из членов группы (разумеется, устранившегося после этого от всяких других нелегальных занятий), и там поселился без прописки и безвыходно наш печатник А. Д. Поляк. Первый номер «Рабочей газеты» вышел в августе 1897 года. Помню то чувство торжества, которое охватило нас, когда мы увидели этот первый номер не местной уже, а общей социал-демократической газеты, созданной нашими усилиями и клавишей первый камень в фундамент будущего здания нашей партии.

Первый номер «Рабочей газеты» вышел довольно бледным; мы имели в виду серую рабочую массу и потому говорили слишком популярным языком, оставаясь большей частью на почве повседневных нужд рабочего класса. Тем не менее и в этом номере были статьи политического характера...

Группа «Рабочей газеты» вошла в сношения со всеми известными ей тогда с.-д. организациями с целью осуществления возложенной на нее задачи. И здесь главную тяжесть работы взял на себя Б. Л. Эйдельман. Он объезжал главные центры с.-д. работы, вступал в переговоры с местными организациями и т. д. К этому времени образуется Бунд, и Б. Л. ведет сношения относительно съезда уже с центральным комитетом Бунда, что, впрочем, не было сношениями с новыми людьми, так как в ЦК Бунда вошли наиболее активные деятели виленской группы, давно уже хорошо знакомой Б. Л. В Екатеринославе происходит объединение местных с.-д. групп благодаря переехавшему туда члену киевского «Союза» К. А. Петрусевичу (раньше видному члену польской социал-демократической группы). Екатеринославская организация принимает имя екатеринославского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В Москве также после разгрома с.-д.

организация возрождается под именем московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Уже это одно тождество названий показывает приближающееся создание партии.

В декабре 1897 года выходит при тех же условиях, что и первый, второй номер «Рабочей газеты», гораздо более яркий и определенный. В нем уже прямо и недвусмысленно говорится о необходимости объединения всех разрозненных социал-демократических организаций в одну мощную социал-демократическую партию.

Еще раньше выхода второго номера мне было поручено, так как я по другому делу должен был побывать за границей (меня просил Н. В. Ковалевский съездить в Львов и передать кое-какие его поручения главарям радикальной партии Франку и Павлику), повидаться с группой «Освобождение труда», узнать ее мнение о первом номере «Рабочей газеты» и попросить сотрудничества членов группы в нашем органе. Надо сказать, что мы умышленно издали первый номер, не прибегая к литературной помощи идейных создателей русской социал-демократии, чтобы показать, что русская социал-демократия может держаться и собственными силами, что она не является эмигрантской затеей, как склонны были утверждать ее враги. Я виделся с Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич и Д. Кольцовым слишком короткое время, чтобы успеть подробно сговориться относительно всех волновавших нас вопросов. Во всяком случае, хотя я не встретил с их стороны особенного энтузиазма по отношению к нашим начинаниям, они в общем одобрили первый номер «Рабочей газеты» и обещали свое сотрудничество. Я убедился, однако, что наши стремления идут, по крайней мере в то время, не в одном направлении: тогда как мы хотели возможно больше сделать сейчас же для организации и развития самосознания русского рабочего класса, члены группы «Освобождение труда» (особенно Г. В. Плеханов) гораздо больше придавали значения выяснению теоретических основ марксизма (Плеханов был занят в то время своей полемикой с Струве по вопросу о свободе воли).

Обещание сотрудничества было исполнено: Плеханов прислал письмо, а Аксельрод и Кольцов — статьи, которые мы предназначили для третьего номера «Рабочей газеты» (ко второму они уже опоздали). Но, к несчастью, весь материал для третьего номера был захвачен жандармами при аресте Эйдельмана и Поляка в марте 1898 года в Екатеринославе, куда была перевезена наша типография. Тогда же погибла и отпечатанная уже очень удачная брошюра Вигдорчика «Новая победа рабочего класса» (по поводу закона 2 июня 1897 года).

Из тех с.-д. организаций, с которыми входила в сношения по поводу съезда группа «Рабочей газеты», отказалась послать делегата на съезд харьковская организация. Она мотивировала свой отказ тем, что, по ее мнению, создание партии преждевременно, что нужно, чтобы раньше окрепли местные организации и чтобы объединение совершилось естественно вокруг пока не существую-

щего, высоко стоящего в моральном отношении и авторитетного для других организаций центра.

Не была приглашена на съезд николаевская организация, так как группа «Рабочей газеты» считала ее мало конспиративной. Не получила приглашения на съезд и одесская организация, так как с ней наша группа не успела ознакомиться.

Кроме Бунда из нерусских организаций была приглашена на съезд Литовская с.-д. партия. Она согласилась делегировать своего представителя, но вследствие разгрома не могла этого сделать. Польская социалистическая партия (ППС) поставила нам два условия своего участия в съезде: 1) чтобы будущая наша партия включила в свою программу требование отделения Польши от России и 2) чтобы наша партия отказалась иметь связь с другими партиями, кроме ППС, действующими на территории Польши и Литвы (разумелись Бунд и литовская с.-д.). Конечно, эти условия не могли быть приняты.

Наконец съезд был назначен на 1 марта 1898 года в Минске. Подыскание помещения для работ съезда и некоторых делегатов взял на себя Бунд.

Группа «Рабочей газеты» выбрала своими делегатами Б. Л. Эйдельмана и Н. А. Вигдорчика, киевский «Союз борьбы» решил послать меня. Было предложено послать особого делегата и Рабочему комитету при киевском «Союзе». Рабочий комитет также остановил свой выбор на мне (как говорилось выше, я был представителем «Союза» в Рабочем комитете). Я указал «Союзу», что в таком случае необходимо от «Союза» делегировать кого-либо другого. Но «Союз» нашел возможным мое «совместительство».

Выехали мы из Киева в разное время и разными дорогами (между прочим, чтобы сбить с толку жандармов, я поехал с товарной станции, заехал в Ромны к сестре, постарался, чтобы там видело меня побольше людей, а потом только уехал в Минск, сделавши вид, что возвращаюсь в Киев).

В Минске я остановился сначала в одной гостинице под выдуманым именем (паспортов не требовали), потом переехал в другую, где записался под другой фамилией.

По данной явке я разыскал бундовцев Александра (Кремера) и Глеба (Мутника), Эйдельман и Вигдорчик уже оказались налицо. Из старых знакомых встретил я еще там Петрусевича, делегированного екатеринославским «Союзом».

Накануне официального открытия наших заседаний мы собрались для дружеской беседы в квартире Глеба. Настроение у нас было прекрасное: мы чувствовали, что собираемся сделать великое дело, и все были воодушевлены желанием сделать его возможно лучше. Таково, по крайней мере, было мое впечатление.

На другой день, 1 марта, в 10 часов утра открылся съезд. Впрочем, такое торжественное выражение («открылся») совсем неуместно: собрались мы в небольшой комнате, было всего девять человек (бундовцы Александр, Глеб и Исаак [Ш. Кац], от «Ра-

бочей газеты» — Эйдельман и Вигдорчик, от петербургского «Союза» — Степан (Радченко), от Москвы — Александр Ванновский, от Екатеринослава — Петрусеви́ч и от Киева — я) и решительно никаких формальностей, никакой официальности... Не только «президиума», но и председателя формально не было выбрано (неформальным председателем в нужных случаях был Эйдельман).

Секретарем я предложил выбрать Вигдорчика; на помощь к нему присоединили и меня. Впрочем, протоколов мы не вели (из конспиративных соображений); решили записывать только постановления.

Работа, несмотря на отсутствие формально выбранного председателя, велась дружно и деловито. Прежде всего решен был вопрос о необходимости создания партии. Разумеется, разногласий в ответе не было: иначе зачем бы мы приезжали на съезд?

Несколько больше времени ушло на определение названия партии. Были предложения назвать ее «русской» и «российской». Последнее предложение одержало верх на том основании, что партия должна объединить не только в тесном смысле слова русских рабочих, но и рабочих всех национальностей России.

Название «российской» отстаивали особенно бундовцы; в том же смысле высказывался и я, так как я всегда стоял за объединение всего пролетариата всей России, но на основе полного равноправия, без предоставления какой бы то ни было части рабочего класса преобладающего значения.

Название партии «социал-демократической» не встретило, конечно, возражений.

Было предложено включить также в название партии слово «рабочая», но это предложение собрало только 4 голоса из 9 (слово «рабочая» было включено только позже при составлении «Манифеста», с согласия двух членов Центрального Комитета, оставшихся не арестованными после съезда).

Противники предложения исходили из нежелания создавать фикцию, обман: в партию пока входило очень незначительное количество рабочих.

После докладов с мест, причем выяснилась полная солидарность членов съезда в вопросе о пропаганде и агитации (в том смысле, как мы решили этот вопрос в Киеве), началось обсуждение вопроса об организации партии. Был избран Центральный Комитет, в который вошли представители трех наиболее влиятельных организаций (Эйдельман от группы «Рабочей газеты», Степан от петербургского «Союза борьбы» и Александр от Бунда). Во избежание давления центра на местные организации (которые должны были принять название «комитетов партии») было постановлено, что комитеты в местных делах вполне автономны и даже имеют право не исполнять постановлений ЦК, однако выясняя каждый раз причину неисполнения, Бунд, в частности,

признавался автономной организацией в делах, касающихся еврейского пролетариата.

«Рабочую газету» было решено сделать общепартийным органом, поручив дело ее издания Центральному Комитету.

Поднят был затем вопрос об отношении партии к заграничному «Союзу русских социал-демократов» во главе с группой «Освобождение труда». Было решено предложить «Союзу» стать заграничным комитетом партии и войти с ним в тесное общение.

Я предложил просить Г. В. Плеханова составить программу партии вместе с торжественной декларацией о ее возникновении. Однако это предложение было отклонено, так как петербургский делегат заявил, что у них, в Петербурге, есть возможность это сделать без таких затруднений, какие неизбежны при сношениях с заграницей. Оказалось, что мы имели в виду разные вещи: я разумел именно программу, Степан и другие — «Манифест».

Этим и закончились, в сущности, занятия съезда, продолжавшиеся три дня (1, 2 и 3 марта). Избранный нами ЦК в перерывах заседаний съезда уже совещался между собой о дальнейшей постановке работы.

Вечером 3 марта мы все собрались на прощальную вечеринку перед отъездом. Настроение у всех было приподнятое: мы чувствовали и сознавали, что положили начало великому делу объединения рабочего класса всей России в борьбе за светлое будущее, за социализм!

Скромный ужин, с пивом, сопровождался искренними тостами, пожеланиями успеха в дальнейшей борьбе... «Пусть вновь созданная партия не будет мертворожденным детищем!» — вот один из тостов, который, в сущности, был содержанием и всех остальных.

Я напомнил товарищам, что как раз в 1898 году оканчивается 15-летие со дня выхода в свет брошюры Плеханова «Социализм и политическая борьба», положившей идейное начало русской социал-демократии, и предложил послать Г. В. наше приветствие. Предложение это было, конечно, принято.

С бодрой верой в наше дело уехали мы со съезда. Я по приезде в Киев сделал доклады в «Союзе» и Рабочем комитете. Решения съезда были вполне одобрены. Казалось, теперь пойдет работа еще лучше, еще успешнее, чем до сих пор.

Но всего через неделю после моего возвращения киевская организация была разгромлена.

В ночь с 11 на 12 марта были произведены массовые аресты. То же повторилось в Москве, Екатеринославе и других городах. В Москве был арестован Александр Ванновский, в Екатеринославе Петрусевич и, что всего хуже, Эйдельман. Была захвачена там же наша типография и весь материал третьего номера «Рабочей газеты» вместе с А. Д. Поляком, как я упоминал уже выше.

Несколько позже были разгромлены и бундовцы. Тем не менее Александр успел напечатать «Манифест», составленный Струве (тогда еще социал-демократом), и решения съезда.

Партия все-таки не могла начать жить, но она не была и мертворожденной. Хотя и не было партийного аппарата, но одно имя партии объединяло разрозненные до тех пор организации. Они уже не чувствовали себя чем-то отдельным, маленьким, жалким, — они сознавали, что они — часть великого целого, великого, если пока не в реальности, то в идее.

И потому I съезд партии по праву считается начальным моментом ее существования.

И я с радостью и гордостью вспоминаю о том, что был его участником.

Первый съезд РСДРП. Документы и материалы. М., 1958, с. 214—224

II В ГОДЫ ЛЕНИНСКОЙ «ИСКРЫ»

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

ОТ РЕДАКЦИИ

Предпринимая издание политической газеты — «Искра», мы считаем необходимым сказать несколько слов о том, к чему мы стремимся и как понимаем свои задачи.

Мы переживаем крайне важный момент в истории русского рабочего движения и русской социал-демократии. Последние годы характеризуются поразительно быстрым распространением социал-демократических идей среди нашей интеллигенции, а навстречу этому течению общественной мысли идет самостоятельно возникшее движение промышленного пролетариата, который начинает объединяться и бороться против своих угнетателей, начинает с жадностью стремиться к социализму. Кружки рабочих и социал-демократов интеллигентов появляются повсюду, распространяются местные агитационные листки, растет спрос на социал-демократическую литературу, далеко обгоняя предложение, а усиленные правительственные преследования не в силах удержать этого движения. Битком набиты тюрьмы, переполнены места ссылки, чуть не каждый месяц слышно о «провалах» во всех концах России, о поимке транспортов, о конфискации литературы и типографий, но движение все растет, захватывает все больший район, все глубже проникает в рабочий класс, все больше привлекает общественное внимание. И все экономическое развитие России, вся история русской общественной мысли и русского революционного движения ручаются за то, что социал-демократическое рабочее движение будет расти, несмотря на все препятствия, и в конце концов — преодолет их.

Но, с другой стороны, главная черта нашего движения, которая особенно бросается в глаза в последнее время, — его раздробленность, его, так сказать, кустарный характер: местные кружки возникают и действуют независимо друг от друга и даже (что особенно важно) независимо от кружков, действовавших и действующих в тех же центрах; не устанавливается традиции, нет преемственности, и местная литература всецело отражает раздробленность и отсутствие связи с тем, что уже создано русской социал-демократией.

Несоответствие этой раздробленности с запросами, вызываемыми силою и широтой движения, создает, по нашему мнению,

критический момент в его развитии. В самом движении с неудержимой силой сказывается потребность упрочиться, выработать определенную физиономию и организацию, а между тем в среде практически действующих социал-демократов необходимость такого перехода к высшей форме движения сознается далеко не везде. В довольно широких кругах наблюдается, наоборот, шатанье мысли, увлечение модной «критикой марксизма» и «бернштейниадой», распространение взглядов так называемого «экономического» направления и в неразрывной связи с этим — стремление задержать движение на его низшей стадии, стремление отодвинуть на второй план задачу образования революционной партии, ведущей борьбу во главе всего народа. Что подобного рода шатанье мысли наблюдается среди русских социал-демократов, что узкий практицизм, оторванный от теоретического осмысления движения в его целом, грозит совратить движение на ложную дорогу, *это факт*; в этом не могут усомниться люди, непосредственно знакомые с положением дел в большинстве наших организаций. Да есть и литературные произведения, подтверждающие это: стоит назвать хотя бы «Средо», вызвавшее уже вполне законный протест, «Отдельное приложение к «Рабочей Мысли»» (сентябрь 1899), столь рельефно выразившее тенденцию, проникающую *всю* газету «Рабочая Мысль», или наконец — воззвание петербургской «Группы самоосвобождения рабочего класса», составленное в духе того же «экономизма». И *совершенно неверно* утверждение «Рабочего Дела», что «Средо» представляет собою не больше, как мнение единичных лиц, что направление «Рабочей Мысли» выражает лишь сумбурность и бестактность ее редакции, а не особое направление в самом ходе русского рабочего движения.

А рядом с этим в произведениях писателей, которых читающая публика, с большим или меньшим основанием, считала до сих пор видными представителями «легального» марксизма, все более и более обнаруживается поворот к воззрениям, сближающимся с буржуазной апологетикой. Результатом всего этого и является тот разброд и та анархия, благодаря которым экс-марксист или вернее экс-социалист Бернштейн, перечисляя свои успехи, мог печатно заявить, не встречая возражений, будто большинство действующих в России социал-демократов состоит из его последователей.

Мы не хотим преувеличивать опасность положения, но закрывать на нее глаза было бы неизмеримо вреднее; вот почему мы от всей души приветствуем решение группы «Освобождение труда» возобновить ее литературную деятельность и начать систематическую борьбу против попыток извращения и опошления социал-демократизма.

Практический вывод из всего этого такой: мы, русские социал-демократы, должны сплотиться и направить все усилия на образование крепкой партии, борющейся под единым знаменем революционной социал-демократии. Именно эта задача была намечена

уже съездом 1898 года, образовавшим Российскую социал-демократическую рабочую партию и опубликовавшим ее «Манифест».

Мы признаем себя членами этой партии, вполне разделяем основные идеи «Манифеста» и придаем ему важное значение, как открытому заявлению ее целей. Поэтому для нас, как членов партии, вопрос о ближайшей и непосредственной нашей задаче ставится таким образом: какой план деятельности должны мы принять, чтобы достигнуть возможно более прочного возобновления партии?

Обычный ответ на этот вопрос состоит в том, что необходимо снова выбрать центральное учреждение и поручить ему возобновить орган партии. Но в переживаемый нами период разброда такой простой путь едва ли был бы целесообразен.

Создать и упрочить партию значит создать и упрочить объединение всех русских социал-демократов, а — по указанным выше причинам — такого объединения нельзя декретировать, его нельзя ввести по одному только решению какого-либо, скажем, собрания представителей, его необходимо выработать. Необходимо выработать, во-первых, прочное идейное объединение, исключаящее ту разноголосицу и путаницу, которая — будем откровенны! — царит среди русских социал-демократов в настоящее время; необходимо закрепить это идейное объединение партийной программой. Необходимо, во-вторых, выработать организацию, специально посвященную сношениям между всеми центрами движения, доставке полных и своевременных сведений о движении и правильному снабжению периодической прессой всех концов России. Только тогда, когда выработается такая организация, когда будет создана русская социалистическая почта, партия получит прочное существование и станет реальным фактом, а следовательно, и могущественной политической силой. Первой половине этой задачи, т. е. выработке общей, принципиально выдержанной литературы, способной идейно объединить революционную социал-демократию, мы и намерены посвятить свои силы, видя в этом насущную потребность современного движения и необходимый подготовительный шаг к восстановлению деятельности партии.

Как мы уже говорили, идейное объединение русских социал-демократов еще надо выработать, для чего необходимо, по нашему мнению, открытое и всестороннее обсуждение основных принципиальных и тактических вопросов, поднятых современными «экономистами», бернштейнианцами и «критиками». Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться. Иначе наше объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд и мешающей его радикальному устранению. Понятно поэтому, что мы не намерены сделать наш орган простым складом разнообразных воззрений. Мы будем вести его, наоборот, в духе строго определенного направления. Это направление может быть выражено словом: марксизм, и нам вряд ли есть надобность добав-

лять, что мы стоим за последовательное развитие идей Маркса и Энгельса и решительно отвергаем те половинчатые, расплывчатые и оппортунистические поправки, которые вошли теперь в такую моду с легкой руки Эд. Бернштейна, П. Струве и многих других. Но, обсуждая все вопросы с своей определенной точки зрения, мы вовсе не отвергаем полемику между товарищами на страницах нашего органа. Открытая полемика пред всеми русскими социал-демократами и сознательными рабочими необходима и желательна для выяснения глубины существующих разногласий, для всестороннего обсуждения спорных вопросов, для борьбы с крайностями, в которые неизбежно впадают не только представители различных взглядов, но даже представители различных местностей или различных «профессий» революционного движения. Мы считаем даже, как уже было замечено выше, одним из недочетов современного движения отсутствие открытой полемики между заведомо расходящимися взглядами, стремление держать под спудом разногласия, касающиеся очень серьезных вопросов.

Мы не станем подробно перечислять тех вопросов и тем, которые входят в программу нашего органа, ибо эта программа сама собою вытекает из общего понятия о том, чем должна быть издаваемая, при данных условиях, политическая газета.

По мере наших сил мы будем стремиться к тому, чтобы все русские товарищи смотрели на наше издание как на свой орган, в который каждая группа сообщала бы все сведения о движении, с которым бы она делилась своим опытом, своими взглядами, своими запросами на литературу, своей оценкой социал-демократических изданий, делилась бы, одним словом, всем, что она вносит в движение и что она выносит из него. Только при таком условии возможно будет создание действительно общерусского социал-демократического органа. Только такой орган способен вывести движение на широкий путь политической борьбы. «Раздвинуть рамки и расширить содержание нашей пропагандистско-агитационной и организаторской деятельности» — эти слова П. Б. Аксельрода должны стать лозунгом, определяющим в ближайшем будущем деятельность русских социал-демократов, и мы принимаем этот лозунг в программу своего органа.

Мы обращаем свой призыв не только к социалистам и сознательным рабочим. Мы призываем также всех, кого гнетет и давит современный политический строй, мы предлагаем им страницы наших изданий для разоблачения всех гнусностей русского самодержавия.

Кто понимает социал-демократию, как организацию, служащую исключительно стихийной борьбе пролетариата, тот может удовлетвориться только местной агитацией и «чисто рабочей» литературой. Мы не так понимаем социал-демократию: мы понимаем ее как направленную против абсолютизма революционную партию, неразрывно связанную с рабочим движением. Только организованный в такую партию пролетариат, этот наиболее револю-

ционный класс современной России, в состоянии будет исполнить лежащую на нем историческую задачу: объединить под своим знаменем все демократические элементы страны и завершить упорную борьбу целого ряда погибших поколений конечным торжеством над ненавистным режимом.

* * *

Газета будет выходить в объеме около 1—2 печатных листов номер.

Срок выхода, ввиду условий русской нелегальной печати, заранее не определяется.

Нам обещаны — сотрудничество нескольких выдающихся представителей международной социал-демократии, ближайшее участие группы «Освобождение труда» (Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода, В. И. Засулич) и поддержка со стороны нескольких организаций Российской социал-демократической рабочей партии, а также отдельных групп русских социал-демократов.

Полн. собр. соч., т. 4, с. 354—360

КАК ЧУТЬ НЕ ПОТУХЛА «ИСКРА»?

Приехал я сначала в Цюрих, приехал один и не видевшись раньше с Арсеньевым (Потресовым). В Цюрихе П. Б.¹ встретил меня с распростертыми объятиями, и я провел 2 дня в очень задушевной беседе. Беседа была как между давно не видавшимися друзьями: обо всем и о многом прочем, без порядка, совершенно не делового характера. По деловым вопросам П. Б. вообще мало что *mitsprechen kann*²; заметно было, что он тянет сторону Г. В.³, заметно по тому, как он настаивал на устройстве типографии для журнала в Женеве. Вообще же П. Б. очень «льстил» (извиняюсь за выражение), говорил, что для них *все* связано с нашим предприятием, что это для них возрождение, что «мы» теперь получим возможность и против крайностей Г. В. спорить — это последнее я особенно заметил, да и вся последующая «гистория» показала, что это особенно замечательные слова были.

Приезжаю в Женеву. Арсеньев предупреждает, что надо быть очень осторожным с Г. В., который страшно возбужден расколом и подозрителен. Беседы с этим последним действительно сразу показали, что он действительно подозрителен, мнителен и *rechthaberisch* до *pes plus ultra*⁴. Я старался соблюдать осторожность, обходя «больные» пункты, но это постоянное держание себя настороже не могло, конечно, не отражаться крайне тяжело на настроении. От времени до времени бывали и маленькие «трения» в виде пылких реплик Г. В. на всякое замечание, способное хоть немного охладить или утишить разожженные (расколом) страсти. Были «трения» и по вопросам тактики журнала: Г. В. проявлял всегда абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы и притом неискренность, именно неискренность. Наши заявления, что мы обязаны быть *елико возможно* снисходительны к Струве, ибо *мы сами* не без вины в его эволюции: мы сами, и Г. В. в том числе, не восстали тогда, когда надо было восстать (1895, 1897). Г. В. абсолютно не хотел при-

¹ Струве П. Б. *Ред.*

² — может сказать. *Ред.*

³ Плеханов Г. В. *Ред.*

⁴ — всегда считает себя донельзя правым. *Ред.*

знать своей, хотя бы малейшей, вины, отделяясь явно негодными аргументами, *отстраняющими*, а не разъясняющими вопрос. В товарищеской беседе между будущими соредакторами эта... дипломатичность поражала крайне неприятно: зачем обманывать себя, говоря, что в 1895 г. ему, Г. В., будто бы было «приказано» (??) «не стрелять» (в Струве), а он привык делать, что приказано (похоже на то!). Зачем обманывать себя, уверяя, что в 1897 г. (когда Струве писал в «Новом Слове» о своей цели опровергнуть одно из основных положений марксизма) он, Г. В., не выступал против, ибо абсолютно не понимает (и никогда не поймет) полемики в одном журнале между сотрудниками. Эта неискренность страшно раздражала тем более, что Г. В. старался в спорах представить дело так, будто мы не хотим беспощадной войны со Струве, будто мы хотим «все примирить» и проч. Горячие споры шли и о полемике на страницах журнала вообще: Г. В. был против этого и слушать не хотел наших аргументов. К «союзникам» он проявлял ненависть, доходившую до неприличия (заподозривание в шпионстве, обвинение в гешефтмахерстве, в прохвостничестве, заявления, что он бы «расстрелял», не колеблясь, подобных «изменников» и т. п.). Самые отдаленные намеки на то, что и он впал в крайности (напр., мой намек на опубликование частных писем и на неосторожность этого приема), приводили Г. В. прямо в отчаянное возбуждение и заметное раздражение. Очевидно, недовольство росло и в нем и в нас. В нем оно выразилось, между прочим, в следующем: у нас был проект редакционного заявления («От редакции») ¹, в коем говорилось о задачах и программе изданий: написано оно было в «оппортунистическом» (с точки зрения Г. В.) духе: допущалась полемика между сотрудниками, тон был скромный, делалась оговорка насчет возможности мирного окончания спора с «экономистами» и т. п. Подчеркивалась в заявлении и наша принадлежность к партии и желание работать над ее объединением. Г. В. прочел это заявление, когда меня еще не было, вместе с Арсеньевым и В. И. ², прочел и ничего не возразил по существу. Он выразил только желание исправить слог, приподнять его, оставив весь ход мысли. Для этой цели А. Н. и оставил у него заявление. Когда я приехал, Г. В. не сказал мне об этом ни слова, а через несколько дней, когда я был у него, передал мне заявление обратно — вот, мол, при свидетелях, в целости передаю, не потерял. Я спрашиваю, почему он не произвел в нем намеченных изменений. Он отговаривается: это-де можно и потом, это недолго, сейчас не стоит. Я взял заявление, исправил его сам (это был черновик, еще в России набросанный) и второй раз (при В. И.) прочитал его Г. В., причем уже *я прямо* попросил его взять эту вещь и исправить ее. Он опять отговорился, свалив эту работу на сидевшую рядом В. И. (что было совсем странно, ибо В. И. об

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 322—333. *Ред.*

² Засулич В. И. *Ред.*

этом мы не просили, да и не смогла бы она исправить, «приподнимая» тон и придавая заявлению характер манифеста).

Так шло дело до съезда (съезда всей группы «Освобождение труда», Г. В., П. Б. и В. И. и нас двоих за отсутствием нашего третьего ¹). Наконец, приехал П. Б., и устроился съезд. По вопросу об отношении нашем к Еврейскому союзу (Бунду) Г. В. проявляет феноменальную нетерпимость, объявляя его прямо не социал-демократической организацией, а просто эксплуататорской, эксплуатирующей русских, говоря, что наша цель — вышибить этот Бунд из партии, что евреи — сплошь шовинисты и националисты, что русская партия должна быть русской, а не давать себя «в пленение» «колену гадову» и пр. Никакие наши возражения против этих неприличных речей ни к чему не привели, и Г. В. остался всецело при своем, говоря, что у нас просто недостает знаний еврейства, жизненного опыта в ведении дел с евреями. Никакой резолюции по этому вопросу принято не было. Читали вместе на съезде «заявление»: Г. В. держал себя странно, молчал, никаких изменений не предложил, не восстал против того, что там допускается полемика, вообще точно отстранялся, именно отстранялся, не желал участвовать и только вскользь, мимоходом, бросил ядовитое и злое замечание, что он-то бы (они-то бы, т. е. группа «Освобождение труда», в коей он диктатор) уж, конечно, не такое заявление написал. Вскользь брошенное, кстати прибавленное к какой-то фразе иного содержания, это замечание Г. В. меня особенно неприятно поразило: идет совещание соредакторов, и вот один из соредакторов (которого *два* раза просили дать свой проект заявления или проект исправления нашего заявления) не предлагает никаких изменений, а только саркастически замечает, что он-то бы уж, конечно, не так писал (не так робко, скромно, оппортунистически — хотел он сказать). Это уже ясно показало, что нормальных отношений между ним и нами не существует. Далее — обхожу менее важные вопросы съезда — ставится вопрос об отношении к Бобо ² и Мих. Ив. Мы стоим за *условное* приглашение (нас неизбежно толкала на это резкость Г. В.: мы хотели этим показать, что желаем иного отношения. Невероятная резкость Г. В. просто как-то инстинктивно толкает на протест, на защиту его противников. Вера Ивановна очень тонко заметила, что Г. В. всегда полемизирует так, что вызывает в читателе сочувствие к своему противнику). Г. В. очень холодно и сухо заявляет о своем полном несогласии и демонстративно молчит в течение всех наших довольно долгих разговоров с П. Б. и В. И., которые не прочь и согласиться с нами. Все утро это проходит под какой-то крайне тяжелой атмосферой: дело безусловно принимало такой вид, что Г. В. ставит ультиматум — или он или приглашать этих «прохвостов». Видя это, мы оба с Арсеньевым решили уступить и с само-

¹ Мартов Л. *Ред.*

² Струве П. Б. *Ред.*

го начала вечернего заседания заявили, что «по настоянию Г. В.» отказываемся. Встречено это заявление было молчанием (точно это и само собою подразумевалось, что мы не можем не уступить!). Нас порядочно раздражила эта «атмосфера ультиматумов» (как формулировал позже Арсеньев) — желание Г. В. властвовать неограниченно проявлялось очевидно. Раньше, когда мы частным образом беседовали о Бобо (Г. В., Арсеньев, В. И. и я, в лесу, гуляя вечером), Г. В. заявил после горячего спора, кладя мне руку на плечо: «я ведь, господа, не ставлю условий, там обсудим все это на съезде сообща и решим вместе». Тогда это меня очень тронуло. Но оказалось, что на съезде вышло как раз обратное: на съезде Г. В. отстранился от товарищеского обсуждения, сердито молчал и своим молчанием явно «ставил условие». Для меня это было резким проявлением неискренности (хотя я сразу и не сформулировал еще так ясно своих впечатлений), а Арсеньев прямо заявил: «я ему не забуду этой уступки!». Наступает суббота. Я не помню уже точно, о чем говорили в этот день, но вечером, когда мы шли все вместе, разгорелся новый конфликт. Г. В. говорил, что надо заказать одному лицу (которое еще не выступало в литературе, но в коем Г. В. хочет видеть философский талант. Я этого лица не знаю; известно оно своим слепым преклонением пред Г. В.) статью на философскую тему, и вот Г. В. говорит: я ему посоветую начать статью замечанием против Каутского — хорош-де гусь, который уже «критиком» сделался, пропускает в «Neue Zeit»¹ философские статьи «критиков» и не дает полного простора «марксистам» (сиречь Плеханову). Услышав о проекте такой резкой выходки против Каутского (приглашенного уже в сотрудники журнала), Арсеньев возмутился и горячо восстал против этого, находя это неуместным. Г. В. надулся и озлобился, я присоединился к Арсеньеву. П. Б. и В. И. молчали. Через полчаса Г. В. уехал (мы шли его провожать на пароход), причем последнее время он сидел молча, чернее тучи. Когда он ушел, у нас всех сразу стало как-то легче на душе и пошла беседа «по-хорошему». На другой день, в воскресенье (сегодня 2 сентября, воскресенье. Значит, это было *только* неделю тому назад!!! А мне кажется, что это было с год тому назад! Настолько уже это отошло далеко!), собрание назначено не у нас, на даче, а у Г. В. Приезжаем мы туда, — Арсеньев приехал сначала, я после. Г. В. высылает П. Б. и В. И. сказать Арсеньеву, что он, Г. В., отказывается от соредакторства, а хочет быть простым сотрудником: П. Б. ушел, В. И. совсем растерянно, сама не своя, бормочет Арсеньеву: «Жорж недоволен, не хочет»... Вхожу я. Мне отпирает Г. В. и подает руку с несколько странной улыбкой, затем уходит. Я вхожу в комнату, где сидят В. И. и Арсеньев со странными лицами. Ну, что же, господа? — говорю я. Входит Г. В. и зовет нас в свою комнату. Там он заявляет, что лучше он будет сотрудником, простым сотрудником, ибо иначе

¹ — «Новое время». Ред.

будут только трения, что он смотрит на дело, видимо, иначе, чем мы, что он понимает и уважает нашу, партийную, точку зрения, но встать на нее не может. Пусть редакторами будем мы, а он сотрудником. Мы совершенно опешили, выслушав это, прямо-таки опешили и стали отказываться. Тогда Г. В. говорит: ну, если вместе, то как же мы голосовать будем; сколько голосов? — Шесть. — Шесть неудобно. — «Ну, пускай у Г. В. будет 2 голоса, — вступается В. И., — а то он всегда один будет, — два голоса по вопросам тактики». Мы соглашаемся. Тогда Г. В. берет в руки бразды правления и начинает в тоне редактора распределять отделы и статьи для журнала, раздавая эти отделы то тому, то другому из присутствующих — тоном, не допускающим возражений. Мы сидим все, как в воду опущенные, безучастно со всем соглашаясь и не будучи еще в состоянии переварить происшедшее. Мы чувствуем, что оказались в дураках, что наши замечания становятся все более робкими, что Г. В. «отодвигает» их (не опровергает, а отодвигает) все легче и все небрежнее, что «новая система» de facto¹ всецело равняется полнейшему господству Г. В. и что Г. В., отлично понимая это, не стесняется господствовать вовсю и не очень-то церемонится с нами. Мы сознавали, что одурачены окончательно и разбиты наголову, но еще не реализовали себе вполне своего положения. Зато, как только мы остались одни, как только мы сошли с парохода и пошли к себе на дачу, — нас обоих сразу прорвало, и мы разразились взбешенными и озлобленнейшими тирадами против Г. В.

Но, прежде чем излагать содержание этих тирад и то, к чему они привели, я сделаю сначала маленькое отступление и вернусь назад. Почему нас так возмутила идея полного господства Плеханова (независимо от *формы* его господства)? Раньше мы всегда думали так: редакторами будем мы, а они — ближайшими участниками. Я предлагал так формально и ставить с самого начала (еще с России), Арсеньев предлагал не ставить формально, а действовать лучше «по-хорошему» (что сойдет-де на то же), — я соглашался. Но оба мы были согласны, что редакторами должны быть мы как потому, что «старики» крайне нетерпимы, так и потому, что они не смогут аккуратно вести черную и тяжелую редакторскую работу: только эти соображения для нас и решали дело, идейное же их руководство мы вполне охотно признавали. Разговоры мои в Женеве с ближайшими товарищами и сторонниками Плеханова из молодых (члены группы «Социал-демократ», старинные сторонники Плеханова, работники, не рабочие, а работники, простые, деловые люди, всецело преданные Плеханову), разговоры эти вполне укрепили меня (и Арсеньева) в мысли, что именно так должны мы ставить дело: эти сторонники сами заявляли нам, без обиняков, что редакция желательна в Германии, *ибо это сделает нас независимее от Г. В.*, что если старики будут держать

¹ — фактически, на деле. *Ред.*

в руках фактическую редакторскую работу, это будет равносильно страшным проволочкам, а то и провалу дела. И Арсеньев по тем же соображениям стоял *безусловно* за Германию.

Я остановился, в своем описании того, как чуть было не потухла «Искра», на нашем возвращении домой вечером в воскресенье 26 августа нового стиля. Как только мы остались одни, сойдя с парохода, мы прямо-таки разразились потоком выражений негодования. Нас точно прорвало, тяжелая атмосфера разразилась грозой. Мы ходили до позднего вечера из конца в конец нашей деревеньки, ночь была довольно темная, кругом ходили грозы и блистали молнии. Мы ходили и возмущались. Помнится, начал Арсеньев заявлением, что личные отношения к Плеханову он считает теперь раз навсегда прерванными и никогда не возобновит их: деловые отношения останутся,— лично я с ним *fertig*¹. Его обращение оскорбительно — до такой степени, что заставляет нас подозревать его в очень «нечистых» мыслях по отношению к нам (т. е., что он мысленно приравнивает нас к *Streber'am*²). Он нас третирует и т. д. Я поддерживал всецело эти обвинения. Мою «влюбленность» в Плеханова тоже как рукой сняло, и мне было обидно и горько до невероятной степени. Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением, *vénération*, ни перед кем я не держал себя с таким «смирением» — и никогда не испытывал такого грубого «пинка». А на деле вышло именно так, что мы получили пинок: нас припугнули, как детей, припугнули тем, что взрослые нас покинут и оставят одних, и, когда мы струсили (какой позор!), нас с невероятной бесцеремонностью отодвинули. Мы сознали теперь совершенно ясно, что утреннее заявление Плеханова об отказе его от соредакторства было простой ловушкой, рассчитанным шахматным ходом, западней для наивных «пижонов»: это не могло подлежать никакому сомнению, ибо если бы Плеханов искренне боялся соредакторства, боялся затормозить дело, боялся породить лишние трения между нами,— он бы никоим образом не мог, минуто спустя, обнаружить (и грубо обнаружить), что его соредакторство совершенно равносильно его *единоредакторству*. Ну, а раз человек, с которым мы хотим вести близкое общее дело, становясь в интимнейшие с ним отношения, раз такой человек пускает в ход по отношению к товарищам шахматный ход,— тут уже нечего сомневаться в том, что это человек нехороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он — человек неискренний. Это открытие — это было для нас настоящим открытием! — поразило нас как громом потому, что мы оба были до этого момента влюблены в Плеханова и, как любимому человеку, прощали ему все, закрывали глаза на все недостатки, уверяли себя всеми силами, что этих недостатков нет,

¹ — покончил. *Ред.*

² — карьеристам. *Ред.*

что это — мелочи, что обращают внимание на эти мелочи только люди, недостаточно ценящие принципы. И вот, нам самим пришлось наглядно убедиться, что эти «мелочные» недостатки способны отталкивать самых преданных друзей, что никакое убеждение в теоретической правоте неспособно заставить забыть его *отталкивающие* качества. Возмущение наше было бесконечно велико: идеал был разбит, и мы с наслаждением попирали его ногами, как свергнутый кумир: самым резким обвинениям не было конца. Так нельзя! решили мы. Мы не хотим и не будем, *не можем* работать вместе при таких условиях. Прощай, журнал! Мы бросаем все и едем в Россию, а там наладим дело заново и ограничимся газетой. Быть пешками в руках этого человека мы не хотим; товарищеских отношений он не допускает, не понимает. Брать *на себя* редакторство мы не решаемся, да притом это было бы теперь просто противно, это выходило бы именно так, как будто бы мы гнались только за редакторскими местечками, как будто бы мы были Streber'ами, карьеристами, как будто бы и в нас говорило такое же тщеславие, только калибром пониже... Трудно описать с достаточной точностью наше состояние в этот вечер: такое это было сложное, тяжелое, мутное состояние духа! Это была настоящая драма, целый разрыв с тем, с чем носился, как с любимым детищем, долгие годы, с чем неразрывно связывал всю свою жизненную работу. И все оттого, что мы были раньше влюблены в Плеханова: не будь этой влюбленности, относись мы к нему хладнокровнее, ровнее, смотри мы на него немного более со стороны, — мы иначе бы повели себя с ним и не испытали бы такого, в буквальном смысле слова, краха, такой «нравственной бани», по совершенно верному выражению Арсеньева. Это был самый резкий жизненный урок, обидно-резкий, обидно-грубый. Младшие товарищи «ухаживали» за старшим из громадной любви к нему, — а он вдруг вносит в эту любовь атмосферу интриги и заставляет их почувствовать себя не младшими братьями, а дурачками, которых водят за нос, пешками, которые можно двигать по произволу, а то так даже и неумелыми Streber'ами, которых надо посильнее припугнуть и придавить. И влюбленная юность получает от предмета своей любви горькое наставление: надо ко всем людям относиться «без сентиментальности», надо держать камень за пазухой. Бесконечное количество таких горьких слов говорили мы в тот вечер. Внезапность краха вызывала, естественно, немало и преувеличений, но в основе своей эти горькие слова были верны. Ослепленные своей влюбленностью, мы держали себя в сущности как *рабы*, а быть рабом — недостойная вещь, и обида этого сознания во сто крат увеличивалась еще тем, что нам открыл глаза «он» самолично на нашей шкуре...

Мы пошли, наконец, по своим комнатам спать с твердым решением завтра же высказать Плеханову наше возмущение, отказаться от журнала и уехать, оставив одну газету, а журнальный материал издавать брошюрами: дело от этого не пострадает, мол,

а мы избавимся от ближайших отношений к «этому человеку».

На другой день просыпаюсь раньше обыкновенного: меня будят шаги по лестнице и голос П. Б., который стучится в комнату Арсеньева. Я слышу, как Арсеньев откликается, отворяет дверь — слышу это и думаю про себя: хватит ли духу у Арсеньева сказать все сразу? а лучше сразу сказать, необходимо сразу, не тянуть дела. Умывшись и одевшись, вхожу к Арсеньеву, который умывается. Аксельрод сидит на кресле с несколько натянутым лицом. «Вот, NN,— обращается ко мне Арсеньев,— я сказал П. Б. о нашем решении ехать в Россию, о нашем убеждении, что так вести дело нельзя». Я вполне присоединяюсь, конечно, и поддерживаю Арсеньева. Аксельроду мы, не стесняясь, рассказываем все, настолько не стесняясь, что Арсеньев даже говорит, что мы подозреваем, что Плеханов считает нас Streber'ами. Аксельрод вообще полусочувствует нам, горько качая головой и являя вид до последней степени расстроенный, растерянный, смущенный, но тут энергично протестует и кричит, что это-то уж неправда, что у Плеханова есть разные недостатки, но этого-то нет, что тут уже не он несправедлив к нам, а мы — к нему, что до сих пор он готов был сказать Плеханову: «видишь, что ты наделал — расхлебывай сам, я умываю руки», а теперь он не решается, ибо видит и у нас несправедливое отношение. Его уверения, конечно, произвели на нас мало впечатления, и бедный П. Б. имел совсем жалкий вид, убеждаясь, что наше решение — твердо.

Мы вышли вместе и пошли предупреждать В. И. Надо было ждать, что она примет известие о «разрыве» (ведь дело принимало именно вид разрыва) особенно тяжело. Я боюсь даже — говорил накануне Арсеньев — совершенно серьезно боюсь, что она покончит с собой...

Никогда не забуду я того настроения духа, с которым выходили мы втроем: «мы точно за покойником идем», сказал я про себя. И действительно, мы шли, как за покойником, молча, опуская глаза, подавленные до последней степени нелепостью, дикостью, бессмысленностью утраты. Точно проклятье какое-то! Все налаживалось к лучшему — налаживалось после таких долгих невзгод и неудач,— и вдруг налетел вихрь — и конец, и все опять рушится. Просто как-то не верилось самому себе [точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека] — неужели это я, ярый поклонник Плеханова, говорю о нем теперь с такой злобой и иду, с сжатыми губами и с чертовским холодом на душе, говорить ему холодные и резкие вещи, объявлять ему почти что о «разрыве отношений»? Неужели это не дурной сон, а действительность?

Это впечатление не проходило и во время разговора с В. И. Она не проявляла особенно резко возбуждения, но видно было, что угнетена была страшно, и упрашивала, молила почти что, нельзя ли нам все же отказаться от нашего решения, нельзя ли попробовать, может быть, на деле не так страшно, за работой наладятся

отношения, за работой не так видны будут отталкивающие черты его характера... Это было до последней степени тяжело — слушать эти искренние просьбы человека, слабого пред Плехановым, но человека безусловно искреннего и страстно преданного делу, человека, с «героизмом раба» (выражение Арсеньева) несущего ярмо плехановщины. До такой степени тяжело было, что ей-богу временами мне казалось, что я расплачусь... Когда идешь за покойником, — расплакаться всего легче именно в том случае, если начинают говорить слова сожаления, отчаяния...

Ушли мы от П. Б. и В. И. Ушли, пообедали, отправили в Германию письма, что мы туда едем, чтобы *машину приостановили*, даже телеграмму об этом отправили (еще до разговора с Плехановым!!), и ни у одного из нас не шевельнулось сомнение в нужности того, что мы делали.

После обеда идем опять в назначенный час к П. Б. и В. И., у коих уже должен был быть Плеханов. Подходим, они все трое выходят. Здороваемся молча — впрочем Плеханов старается вести сторонний разговор (мы просили П. Б. и В. И. предупредить его, так что он уже все знает) — возвращаемся в комнату и садимся. Арсеньев начинает говорить — сдержанно, сухо и кратко, что мы отчаялись в возможности вести дело при таких отношениях, *какие* определились вчера, что решили уехать в Россию посоветоваться с тамошними товарищами, ибо на себя уже не берем решения, что от журнала приходится пока отказаться. Плеханов очень спокоен, сдержан, очевидно, вполне и безусловно владеет собой, ни следа нервности Павла Борисовича или Веры Ивановны [бывал и не в таких передрыгах! думаем мы со злостью, глядя на него!]. Он допрашивает, в чем же собственно дело. «Мы находимся в атмосфере ультиматумов», — говорит Арсеньев и развивает несколько эту мысль. «Что же вы боялись, что ли, что я после первого номера стачку вам устрою перед вторым?» — спрашивает Плеханов, наседая на нас. Он думал, что мы этого не решимся сказать. Но я тоже холодно и спокойно отвечаю: «отличается ли это от того, что сказал А. Н.? Ведь он это самое и сказал». Плеханова, видимо, немного коробит. Он не ожидал такого тона, такой сухости и прямоты обвинений. — «Ну, решили ехать, так что ж тут толковать», — говорит он, — мне тут нечего сказать, мое положение очень странное: у вас все впечатления да впечатления, больше ничего: получились у вас такие впечатления, что я дурной человек. Ну, что же я могу с этим поделаться?» — Наша вина может быть в том, — говорю я, желая отвести беседу от этой «невозможной» темы, — что мы чересчур размахнулись, не разведав брода. — «Нет, уж если говорить откровенно», — отвечает Плеханов, — ваша вина в том, что вы (может быть в этом сказалась и нервность Арсеньева) придали чрезмерное значение таким впечатлениям, которым придавать значение вовсе не следовало». Мы молчим и затем говорим, что вот-де брошюрами можно пока ограничиться. Плеханов сердится: «я о брошюрах не думал и не думаю. *На меня не рассчитывайте.*

Если вы уезжаете, то я ведь сидеть сложа руки не стану и могу вступить до вашего возвращения в иное предприятие».

Ничто так не уронило Плеханова в моих глазах, как это его заявление, когда я вспоминал его потом и обдумывал его всесторонне. Это была такая грубая угроза, так плохо рассчитанное запугивание, что оно могло только «доконать» Плеханова, обнаружив его «политику» по отношению к нам: достаточно-де будет их хорошенько припугнуть...

Но на угрозу мы не обратили *ни малейшего внимания*. Я только сжал молча губы: хорошо, мол, ты так — ну à la guette comme à la guette¹, но дурак же ты, если не видишь, что мы теперь уже не те, что мы за одну ночь совсем переродились.

И вот, увидав, что угроза не действует, Плеханов пробует другой маневр. Как же не назвать в самом деле маневром, когда он стал через несколько минут, тут же, говорить о том, что разрыв с нами равносильен для него полному отказу от политической деятельности, что он отказывается от нее и уйдет в научную, чисто научную литературу, ибо если-де он уж с нами не может работать, то, значит, ни с кем не может... Не действует запугивание, так, может быть, поможет лесть!.. Но *после* запугивания это могло произвести только отталкивающее впечатление... Разговор был короткий, дело не клеилось; Плеханов перевел, видя это, беседу на жестокость русских в Китае, но говорил почти что он один, и мы вскоре разошлись.

Беседа с П. Б. и В. И., после ухода Плеханова, не представляла уже из себя ничего интересного и существенного: П. Б. извивался, стараясь доказать нам, что Плеханов тоже убит, что теперь на нашей душе грех будет, если мы так уедем, и пр. и пр. В. И. в интимной беседе с Арсеньевым признавалась, что «Жорж» всегда был такой, призналась в своем «героизме раба», призналась, что «это для него урок будет», если мы уедем.

Остаток вечера провели пусто, тяжело.

На другой день, вторник 28 августа н. ст., надо уезжать в Женеву и оттуда в Германию. Рано утром будит меня (обыкновенно поздно встающий) Арсеньев. Я удивляюсь: он говорит, что спал плохо и что придумал последнюю возможную комбинацию, чтобы хоть кое-как наладить дело, чтобы из-за порчи *личных* отношений не дать погибнуть серьезному *партийному* предприятию. Издадим *сборник*, — благо материал уже намечен, связи с типографией налажены. Издадим сборник пока при теперешних неопределенных редакторских отношениях, а там увидим: от сборника одинаково легко переход и к журналу и к брошюрам. Если же Плеханов заупрямится, — тогда черт с ним, мы будем знать, что сделали все, что могли... Решено.

Идем сообщать Павлу Борисовичу и Вере Ивановне и встречаем их: они шли к нам. Они, конечно, охотно соглашались, и П. Б.

¹ — коль война, так по-военному. *Ред.*

берет на себя поручение переговорить с Плехановым и побудить его согласиться.

Приезжаем в Женеву и ведем *последнюю беседу* с Плехановым. Он берет тон такой, будто вышло лишь печальное недоразумение на почве нервности: участливо спрашивает Арсеньева о его здоровье и почти обнимает его — тот чуть не отскакивает. Плеханов соглашается на сборник: мы говорим, что по вопросу об организации редакторского дела возможны три комбинации (1. мы редакторы, он — сотрудник; 2. мы все соредакторы; 3. он — редактор, мы — сотрудники), что мы обсудим в России все эти три комбинации, выработаем проект и привезем сюда. Плеханов заявляет, что он решительно отказывается от 3-ей комбинации, решительно настаивает на совершенном исключении *этой комбинации*, на первые же *обе комбинации соглашается*. Так и порешили: пока, *впредь до представления* нами проекта нового редакторского режима, оставляем старый порядок (соредакторы все шесть, причем 2 голоса у Плеханова).

Плеханов выражает затем желание разузнать хорошенько, в чем же собственно дело-то было, чем мы недовольны. Я замечаю, что может быть лучше будет, если мы больше внимания уделим тому, что будет, а не тому, что было. Но Плеханов настаивает, что надо же выяснить, разобраться. Завязывается беседа, в которой участвуем почти только Плеханов и я — Арсеньев и П. Б. молчат. Беседа ведется довольно спокойно, даже вполне спокойно. Плеханов говорит, что он заметил, будто Арсеньев был раздражен отказом его насчет Струве, — я замечаю, что он, напротив, ставил нам условия — вопреки своему прежнему заявлению в лесу, что он условий не ставит. Плеханов защищается: я-де молчал не потому, что ставил условия, а потому, что для меня вопрос был ясен. Я говорю о необходимости допускать полемику, о необходимости между нами голосований — Плеханов допускает последнее, но говорит: по частным вопросам, конечно, голосование, по основным — невозможно. Я возражаю, что именно разграничение основных и частных вопросов будет не всегда легко, что именно об этом разграничении необходимо будет голосовать между соредакторами. Плеханов упирается, говорит, что это уже дело совести, что различие между основными и частными вопросами дело ясное, что тут голосовать нечего. Так на этом споре — допустимо ли голосование между соредакторами по вопросу о разграничении основных и частных вопросов — мы и застряли, не двигаясь ни шагу дальше. Плеханов проявил всю свою ловкость, весь блеск своих примеров, сравнений, шуток и цитат, невольно заставлявших смеяться, но этот вопрос так-таки и замаял, не сказав прямо: нет. У меня получилось убеждение, что он именно не мог уступить здесь, по этому пункту, не мог отказаться от своего «индивидуализма» и от своих «ультиматумов», ибо он по подобным вопросам не стал бы голосовать, а стал бы именно ставить ультиматумы.

В тот же день вечером я уехал, не выдавшись больше ни с кем из группы «Освобождение труда». Мы решили не говорить о происшедшем никому, кроме самых близких лиц, — решили соблюсти аппарансы, — не дать торжествовать противникам. По внешности — как будто бы ничего не произошло, вся машина должна продолжать идти, как и шла, — только внутри порвалась какая-то струна, и вместо прекрасных личных отношений наступили деловые, сухие, с постоянным расчетом: по формуле *si vis pacem, para bellum*¹.

Небезынтересно только отметить вечером того же дня один разговор, который я вел с ближайшим товарищем и сторонником Плеханова, членом группы «Социал-демократ». Я не сказал ему ни слова о происшедшем, сказал, что журнал намечен, статьи назначены — пора за дело. Беседовал с ним о том, как практически наладить дело: он всецело высказывался за то, что старики решительно неспособны на редакторскую работу. Беседовал о «3-х комбинациях» и прямо спросил его: какая, по его мнению, всех лучше? Он прямо и не колеблясь ответил: 1-ая (мы — редакторы, они — сотрудники), но-де, вероятно, журнал будет Плеханова, газета — ваша.

По мере того, как мы отходили подальше от происшедшей истории, мы стали относиться к ней спокойнее и приходиться к убеждению, что дело бросать совсем не резон, что бояться нам взяться за редакторство (*сборника*) пока нечего, а взяться необходимо именно нам, ибо иначе нет абсолютно никакой возможности заставить правильно работать машину и не дать делу погибнуть от дезорганизаторских «качеств» Плеханова.

По приезде в N, 4 или 5 сентября, мы уже выработали проект *формальных* отношений между нами (я начал писать этот проект еще дорогой, в вагоне ж. д.), и проект этот делал нас — редакторами, их — сотрудниками с правом голоса по всем редакционным вопросам. Этот проект и решено было обсудить совместно с Егором (Мартовым), а затем преподнести им.

Искра начала *подавать надежду* опять разгореться.

Полн. собр. соч., т. 4, с. 334—352

¹ — если хочешь мира, готовься к войне. *Ред.*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНИНЕ

В ССЫЛКЕ.

1898—1901 годы

...В феврале 1900 года, когда кончился срок ссылки Владимира Ильича¹, мы двинулись в Россию...

Доехали до Минусы, где мы должны были захватить с собой Старкова и Ольгу Александровну Сильвину. Там уж собралась вся наша ссыльная братия, было то настроение, которое бывает, когда кто-нибудь из ссыльных уезжает в Россию: каждый думал, когда и куда он сам поедет, как будет работать. Владимир Ильич договорился уже раньше о совместной работе со всеми, кто вскоре ехал в Россию, договорился о переписке с остающимися. Думали о России, а говорили так, о всякой пустяковине...

Наконец, урядившись в валенки, дохи и пр., двинулись в путь. Ехали на лошадях 300 верст по Енисею, день и ночь, благо луна светила вовсю. Владимир Ильич заботливо засупонивал меня и маму на каждой станции, осматривал, не забыли ли чего, шутил с озябшей Ольгой Александровной. Мчались вовсю, и Владимир Ильич — он ехал без дохи, уверяя, что ему жарко в дохе, — засунув руки во взятую у мамы муфту, уносился мыслью в Россию, где можно будет поработать вволю.

В Уфе в день нашего приезда к нам пришла местная публика — А. Д. Цюрупа, Свидерский, Крохмаль. «Шесть гостиниц обошли... — заикаясь, сказал Крохмаль, — наконец-то нашли вас».

Пару дней пробыл Владимир Ильич в Уфе и, поговоривши с публикой и препоручив меня с мамой товарищам, двинулся дальше, поближе к Питеру. От этой пары дней у меня осталось в памяти лишь посещение старой народоволки Четверговой, которую Владимир Ильич знал по Казани. В Уфе у нее был книжный магазин. Владимир Ильич в первый же день пошел к ней, и какая-то особенная мягкость была у него в голосе и лице, когда он разговаривал с ней...

Очень жаль было расставаться, когда только что начиналась «настоящая» работа, но даже и в голову не приходило, что можно Владимиру Ильичу остаться в Уфе, когда была возможность перебраться поближе к Питеру.

¹ Срок ссылки В. И. Ленина кончился 29 января (10 февраля) 1900 г. *Ред.*

Владимир Ильич поселился в Пскове ¹, где жили потом и Потресов, и Л. Н. Радченко с детьми. Как-то Владимир Ильич, смеясь, рассказывал, как малышки-девочки Радченко, Женюрка и Люда, передразнивали его и Потресова. Заложив руки за спину, ходили по комнате рядом, одна говорила «Бернштейн», другая отвечала «Каутский»...

Там, сидя в Пскове, усердно вил Владимир Ильич нити организации, которые должны были тесно связывать будущую заграничную общерусскую газету с Россией, с русской работой. Виделся с Бабушкиным, целым рядом других лиц.

Я понемногу акклиматизировалась в Уфе, устроилась с переводами, достала уроки.

Незадолго до моего приезда в Уфу там была ссыльная история, и социал-демократическая публика раскололась на два лагеря. В одном лагере были: Крохмаль, Цюрупа, Свицерский, в другом — братья Плаксины, Салтыков, Квятковский. Чачина и Аптекман стояли вне группировок, поддерживали отношения с обеими группами. Мне была ближе первая группа, с которой я скоро сблизилась. Эта группа вела кое-какую работу, вообще это была наиболее активная часть публики. Были связи с железнодорожными мастерскими. Там был кружок рабочих социал-демократов в 12 человек. Самым активным был рабочий Якутов. Он не раз захаживал ко мне брать книжки и поговорить... Он рассказывал, что его жена Наташа тоже ему сочувствует, и им никакая ссылка не страшна, он нигде не пропадет, руки везде его прокормят. Он был большой конспиратор, пуще всего ненавидел крик, хвастовство, большие слова...

В 1905 году Якутов был председателем республики, образовавшейся в Уфе, а потом, в годы реакции, его повесили в уфимской тюрьме. Он умирал на тюремном дворе, а вся тюрьма пела — во всех камерах пели — и клялась, что никогда не забудет его смерти, не простит ее...

Бывал у меня чахоточный переплетчик Крылов, старательно устраивавший двойные переплеты, в которые можно было вкладывать нелегальные рукописи, склеивавший из рукописей картон для переплетов. Он рассказывал о работе местных печатников.

На основании этих рассказов позднее составлялись корреспонденции для «Искры».

Кроме самой Уфы, работа велась и по заводам. На Усть-Катавском заводе была фельдшерница социал-демократка, которая вела там работу среди рабочих, распространяла там нелегальную популярную литературу, которой нам чертовски не хватало.

Было несколько человек студентов социал-демократов по заводам. Наша уфимская организация содержала в Екатеринбургском одного нелегала — рабочего Мазанова, вернувшегося из Туруханска...

¹ В. И. Ленин приехал в Псков 26 февраля (10 марта) 1900 г. *Ред.*

Уфа была центром для губернии — ссыльные Стерлитамака, Бирска и других уездных городов добивались всегда разрешения съездить в Уфу.

Но, кроме того, Уфа лежала на пути из Сибири в Россию. Возвращавшиеся из ссылки товарищи заезжали уславливаться о работе. Заезжал Мартов (ему не сразу удалось выбраться из Туруханска), Гл. Ив. Окулова, Панин. Из Астрахани нелегально приезжала Л. М. Книпович — Дяденька, из Самары приезжали Румянцев, Португалов.

Мартов поселился в Полтаве. С ним была связь, через него надеялись получить литературу. Литература пришла, кажется, через неделю после моего отъезда из Уфы, и отправившийся получить ее Квятковский угодил за этот развалившийся в дороге ящик на 5 лет в Сибирь. А работы он, в сущности, не вел, взялся за получение посылки только потому, что посылка была адресована на пивоваренный завод, дочери владельца которого он давал уроки.

Были в Уфе и народовольцы — Леонович, а позднее — Боздич.

Перед отъездом за границу Владимир Ильич чуть не влетел. Приехал из Пскова в Питер одновременно с Мартовым. Их выследили и арестовали¹. В жилетке у него было 2 тысячи рублей, полученных от Тетки (А. М. Калмыковой), и записи связей с заграницей, писанные химией на листке почтовой бумаги, на которой для проформы было написано чернилами что-то безразличное — счет какой-то. Если бы жандармы догадались нагреть листок, не пришлось бы Владимиру Ильичу ставить за границей общерусскую газету. Но ему «пофартило», и через дней десять его выпустили.

Потом он ездил ко мне в Уфу попрощаться. Он рассказывал о том, что ему удалось сделать за это время, рассказывал про людей, с которыми приходилось встречаться. Конечно, по случаю приезда Владимира Ильича был ряд собраний. Помню, как, когда выяснилось, что Леонович, считавший себя народовольцем, не знает даже по названию группы «Освобождение труда», Владимир Ильич вскипел: «Да разве революционер может не знать этого, разве он может сознательно выбрать партию, с которой будет работать, если не знает, не изучит того, что писала группа «Освобождение труда».

Кажется, около недели прожил тогда в Уфе Владимир Ильич².

Из-за границы он писал мне преимущественно в книжках, отправляемых на адреса различных земцев. В общем дело шло с газетой не так быстро, как этого хотелось Владимиру Ильичу; трудно было столкнуться с Плехановым, и письма Владимира Ильича из-за границы были кратки, невеселы, кончались: «расска-

¹ См.: Воспоминания о В. И. Ленине. В 5-ти т. Изд. 3-е. М., 1984, т. 1, с. 62, примеч. *Ред.*

² См. там же, с. 65, примеч. *Ред.*

жу, когда приедешь», «о конфликте с Плехановым подробно записал для тебя»¹.

Еле дождалась я конца ссылки², а тут и писем что-то от Владимира Ильича долго не было.

Хотела ехать в Астрахань, к Дяденьке (Л. М. Книпович), да заторопилась...

Из Москвы отвезла я свою мать в Питер, устроила ее там, а сама покатила за границу...

МЮНХЕН

1901—1902 годы

Хотя и Владимир Ильич, и Мартов, и Потресов поехали за границу по легальным паспортам, но в Мюнхене было решено жить по чужим паспортам, вдали от русской колонии, чтобы не проваливать приезжающих из России работников и легче отправлять нелегальную литературу в Россию в чемоданах, письмах и пр.

Когда я приехала в Мюнхен³, Владимир Ильич жил без прописки у этого самого Ритмейера, назывался Мейером. Хотя Ритмейер и был держателем пивной, но был социал-демократом и укрывал Владимира Ильича в своей квартире. Комнатешка у Владимира Ильича была плохонькая, жил он на холостяцкую ногу, обедал у какой-то немки, которая угощала его *Mehlspeise*⁴. Утром и вечером пил чай из жестяной кружки, которую сам тщательно мыл и вешал на гвоздь около крана.

Вид у него был озабоченный, все налаживалось не так быстро, как хотелось. В то время в Мюнхене кроме Владимира Ильича жили: Мартов, Потресов и Засулич. Плеханову и Аксельроду хотелось, чтобы газета выходила где-нибудь в Швейцарии, под их непосредственным руководством. Они, в первое время и Засулич, не придавали особого значения «Искре», совершенно недооценивали той организующей роли, которую она могла сыграть и сыграла; их гораздо больше интересовала «Заря».

«Глупая ваша «Искра», — говорила вначале шутя Вера Ивановна. Это, конечно, была шутка, но в ней сквозила известная недооценка всего предприятия. Владимир Ильич думал, что надо, чтобы «Искра» была в стороне от эмигрантского центра, чтобы она была законспирирована, что имело громадное значение для сношений с Россией, для переписки, для приездов. Старики готовы были видеть в этом нежелании перенести газету в Швейцарию нежелание руководства, желание вести какую-то свою линию и не торопились особенно помогать. Владимир Ильич это чувствовал и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 334—352. *Ред.*

² Срок ссылки Н. К. Крупской закончился 11 (24) марта 1901 г. *Ред.*

³ Н. К. Крупская приехала в Мюнхен в середине апреля (н. ст.) 1901 г. *Ред.*

⁴ Мучными блюдами. *Ред.*

нервничал. К группе «Освобождение труда» у него было совсем особенное чувство. Я не говорю уже про Плеханова, он относился влюбленно и к Аксельроду и к Засулич. «Вот ты увидишь Веру Ивановну,— сказал мне Владимир Ильич в первый вечер моего приезда в Мюнхен,— это кристально чистый человек». Да, это была правда.

Вера Ивановна одна из группы «Освобождение труда» стала близко к «Искре». Она жила вместе с нами в Мюнхене и в Лондоне, жила жизнью редакции «Искры», ее радостями и горестями, жила вестями из России.

«А «Искра»-то важная становится»,— шутила она, по мере того как росло и ширилось влияние «Искры». Вера Ивановна рассказывала не раз про долгие холодные годы эмиграции.

Мы никогда такой эмиграции, как группа «Освобождение труда», не знавали — у нас все время были самые тесные связи с Россией, постоянно к нам приезжали оттуда люди. Мы жили в эмиграции в гораздо лучших условиях по части осведомленности, чем в каком-либо другом губернском городе, жили исключительно интересами русской работы, дело в России шло на подъем, рабочее движение росло. Группа «Освобождение труда» жила от России оторванно, жила за границей в годы глухой реакции — заезжий из России студент был уже целым событием, но заезжать опасались...

Из всех членов группы «Освобождение труда» Вера Ивановна чувствовала себя наиболее одиноко. У Плеханова и Аксельрода была все же семья. Вера Ивановна говорила не раз о своем одиночестве: «Близиких никого нет у меня»,— и тотчас старалась прикрыть горечь своих переживаний шуточкой: «Ну вот, вы меня любите, я знаю, а когда умру, разве что одной чашкой чаю меньше выпьете»...

По России Вера Ивановна тосковала страшно. Кажется, в 1899 году она ездила нелегально в Россию — не на работу, а так, «хоть мужика посмотреть, какой у него нос стал». И вот, когда стала выходить «Искра», она почувствовала, что это кусок русской работы, она судорожно за нее держалась. Для нее уйти из «Искры» значило опять оторваться от России, опять начать тонуть в мертвой, тянущей ко дну эмигрантщине...

В 1905 году она поехала в Россию и там осталась.

На II съезде Вера Ивановна в первый раз в жизни пошла против Плеханова. С Плехановым ее соединяли долгие годы совместной борьбы, она видела, какую громадную роль он играл в деле направления революционного движения в правильное русло, ценила его как основоположника русской социал-демократии, ценила его ум, блестящий талант. Самое незначительное несогласие с Плехановым страшно волновало ее, но в данном случае она не пошла с Плехановым.

Судьба Плеханова трагична. В области теории его заслуги перед рабочим движением чрезвычайно велики. Но годы эмиграции

не прошли для него даром: они оторвали его от русской действительности. Широкое массовое рабочее движение возникло в то время, когда он уже был за границей. Он видел представителей различных партий, писателей, студентов, даже отдельных рабочих, но русской рабочей массы он не видел, с ней не работал, ее не чувствовал. Бывало, придет какая-нибудь корреспонденция из России, которая поднимает завесу над новыми формами движения, заставляет почувствовать перспективы движения, Владимир Ильич, Мартов и даже Вера Ивановна читают и перечитывают ее; Владимир Ильич потом долго шагает по комнате, вечером не может заснуть. Когда мы переехали в Женеву, я пробовала показывать Плеханову корреспонденции и письма, и удивляло меня, как он на них реагировал: точно почву он под ногами терял, недоверие у него какое-то появлялось на лице, никогда не говорил он потом об этих письмах и корреспонденциях.

Особенно недоверчиво стал он относиться к письмам из России после II съезда.

Меня это вначале даже обижало как-то, а потом стала думать, что это вот отчего: давно он уже уехал из России, и не было у него того мерила, вырабатываемого опытом, которое дает возможность определить удельный вес каждой корреспонденции, читать многое между строк.

Приезжали часто в «Искру» рабочие, каждый, конечно, хотел повидать Плеханова. Попасть к Плеханову было гораздо труднее, чем к нам или Мартову, но даже если рабочий попадал к Плеханову, он уходил от него со смешанным чувством. Его поражали блестящий ум Плеханова, его знания, его остроумие, но как-то оказывалось, что, уходя от Плеханова, рабочий чувствовал лишь громадное расстояние между собой и этим блестящим теоретиком, но о своем заветном, о том, о чем он хотел рассказать, с ним посоветоваться, он так и не смог поговорить.

А если рабочий не соглашался с Плехановым, пробовал изложить свое мнение, — Плеханов начинал раздражаться: «Еще ваши папеньки и маменьки под столом ходили, когда я...»

Вероятно, в первые годы эмиграции это не так было, но к началу 900-х годов Плеханов потерял уже непосредственное ощущение России. В 1905 году он в Россию не ездил.

Павел Борисыч Аксельрод в гораздо большей степени, чем Плеханов и Засулич, был организатором. Он больше всех общался с приезжими, у него они больше всего проводили время, там их поили, кормили. Павел Борисыч подробно их обо всем расспрашивал.

Он вел переписку с Россией, знал конспиративные способы сношений. Ну как мог себя чувствовать в долгие годы эмиграции в Швейцарии русский организатор-революционер, можно себе представить! Павел Борисыч на три четверти потерял работоспособность, он не спал ночей напролет, писал с чрезвычайным напряжением, месяцами будучи не в состоянии окончить начатой

статьи, почерк его было почти невозможно разобрать: так нервно он писал.

Почерк Аксельрода производил на Владимира Ильича всегда сильное впечатление. «Вот дойдешь до такого состояния, как Аксельрод,— не раз говорил Владимир Ильич,— ведь это просто ужас один». О почерке Аксельрода он не раз говорил с доктором Крамером, который лечил его во время его последней болезни. Когда Владимир Ильич первый раз ездил за границу, в 1895 году, об организационных вопросах он больше всего толковал с Аксельродом. Об Аксельроде он много рассказывал мне, когда я приехала в Мюнхен. О том, что делает теперь Аксельрод, он спрашивал меня, указывая на фамилию Аксельрода в газете, тогда, когда сам уже не только не мог писать, но и сказать ни слова.

П. Б. Аксельрод особенно болезненно относился к тому, что «Искра» издается не в Швейцарии и что поток сношений с Россией идет не через него. Потому так бешено отнесся он к вопросу о тройке на II съезде. «Искра» будет организационным центром, а он отстраняется от редакции! И это тогда, когда на II съезде больше, чем когда-либо, почувствовалось дыхание России.

Когда я приехала в Мюнхен, из группы «Освобождение труда» там жила только Засулич под чужим именем — по какому-то болгарскому паспорту, звалась Великой Дмитриевной.

По болгарским паспортам должны были жить и все остальные. До моего приезда Владимир Ильич жил просто без паспорта. Когда я приехала, взяли паспорт какого-то болгарина, доктора Иорданова, вписали туда ему жену Марицу и поселились в комнате, нанятой по объявлению в рабочей семье. До меня секретарем «Искры» была Инна Гермогеновна Смидович-Леман, также жившая по болгарскому паспорту и звавшаяся Димкой. Владимир Ильич, когда я приехала, рассказал, что он провел, что секретарем «Искры» буду я, когда приеду. Это, конечно, означало, что связи с Россией будут вестись все под самым тесным контролем Владимира Ильича. Мартов и Потресов тогда ничего не имели против этого, а группа «Освобождение труда» не имела своего кандидата, да и не придавала в то время «Искре» особого значения. Владимир Ильич рассказывал, что ему это было не очень ловко делать, но он считал, что для дела это необходимо. Работы сейчас же навалилось масса. Дело было организовано так: письма из России посылались на различные города Германии по адресам немецких товарищей, а те все пересылали на адрес доктора Лемана, который все уже пересылал нам.

Незадолго перед тем вышла целая история. В России для брошюр удалось наконец наладить в Кишиневе типографию, и заведующий типографией Аким (брат Либера — Леон Гольдман) выслал на адрес Лемана подушку с зашитыми в середину экземплярами вышедшей в России брошюры. Удивленный Леман в недоумении отказался на почте от подушки, но, когда наши это узнали и забили тревогу, подушку он получил и сказал, что

теперь будет принимать все, что на его имя придет, хоть целый поезд.

Транспорта для перевозки «Искры» в Россию еще не было. «Искра» перевозилась главным образом в чемоданах с двойным дном с разными попутчиками, которые отвозили в Россию эти чемоданы в условленное место, на явки.

Была такая явка в Пскове у Лепешинских, была в Киеве, еще где-то. Русские товарищи, вынув литературу из чемодана, передавали ее организации. Транспорт только что налаживался через латышей Ролая и Скубика.

На все это тратилось немало времени. Его также уходило много на всякие переговоры, из которых потом ничего не выходило...

Была переписка с агентами «Искры» в Берлине, Париже, Швейцарии, Бельгии. Они помогали чем могли, отыскивая соглашающихся брать чемоданы, добывая деньги, связи, адреса и т. д.

В октябре 1901 года образовалась из сочувствующих групп так называемая Заграничная лига русской революционной социал-демократии¹.

Связи с Россией очень быстро росли. Одним из самых активных корреспондентов «Искры» был питерский рабочий Бабушкин, с которым Владимир Ильич виделся перед отъездом из России и сговорился о корреспондировании². Он присылал массу корреспонденций из Орехово-Зуева, Владимира, Гусь-Хрустального, Иваново-Вознесенска, Кохмы, Кинешмы.

Он постоянно объезжал эти места и укреплял связи с ними. Писали из Питера, Москвы, с Урала, с Юга. Вели переписку с «Северным союзом»³. Скоро приехал из Иваново-Вознесенска представитель «Союза» Носков. Более российский тип трудно было себе представить. Голубоглазое блондинистое лицо, немного сутулый, он говорил на «о». Приехал он за границу с узелком договориться обо всем. Его дядюшка, мелкий фабрикант в Ива-

¹ *Заграничная лига русской революционной социал-демократии* была основана по инициативе В. И. Ленина и являлась заграничным отделом организации «Искры». Она вербовала сторонников «Искры» из числа русских социал-демократов за границей, материально поддерживала ее, организовывала доставку газеты в Россию и издавала популярную марксистскую литературу.

II съезд РСДРП утвердил Лигу в качестве единственной заграничной партийной организации, имеющей уставные права комитета, и обязал ее работать под руководством и контролем ЦК РСДРП. После II съезда в Заграничной лиге укрепились меньшевики и повели борьбу против Ленина, против большевиков. С октября 1903 г. Лига стала оплотом меньшевизма; существовала до 1905 г. *Ред.*

² Встреча В. И. Ленина с И. В. Бабушкиным состоялась 13(26) июля 1900 г. в Смоленске. *Ред.*

³ «Северный союз РСДРП» или «Северный рабочий союз» — областное объединение социал-демократических организаций Владимирской, Ярославской и Костромской губерний. Возник в 1900—1901 гг. по инициативе высланных из Ярославля и Иваново-Вознесенска О. А. Варенцовой и В. А. Носкова.

С первых дней своего существования «Северный союз» был связан с «Искрой» и разделял ее политическую линию и организационный план. Весной 1902 г. «Союз» был разгромлен охранкой, но вскоре восстановлен. *Ред.*

ново-Вознесенске, дал ему денег на поездку за границу, чтобы только избавиться от беспокойного племянника, которого то забирали в каталажку, то обыскивали. Борис Николаевич (от природы он назывался Владимиром Александровичем, а это была его кличка) был хорошим практиком. Я его встречала еще в Уфе, когда он заезжал туда проездом в Екатеринбург. За границу он приехал за связями. Собираение связей было его профессией. Помню, как он, усевшись на плиту в нашей узенькой мюнхенской кухне, с блестящими глазами рассказывал нам о работе «Северного союза». Рассказывая, страшно увлекался. Владимир Ильич своими вопросами только подливал масла в огонь. Борис — пока жил за границей — завел тетрадь, куда тщательно записывал все связи: где кто живет, что делает, чем может быть полезен. Потом оставил нам эти связи. Это был своеобразный поэт-организатор. Впрочем, он слишком идеализировал людей и работу, и не было у него умения бесстрашно смотреть действительности в глаза. После II съезда он был примиренцем, а потом как-то сошел с политической сцены. В годы реакции он умер.

Приезжали в Мюнхен и другие, еще до моего приезда был в Мюнхене Струве. С ним дело в это время шло уже на разрыв. Он переходил в это время из стана социал-демократии в стан либералов. В последний приезд с ним было резкое столкновение. Вера Ивановна подшила ему прозвище «подкованный теленок». Владимир Ильич и Плеханов ставили над ним крест. Вера Ивановна считала, что он еще не безнадежен. Ее и Потресова звали в шутку «Struve-freundliche Partei»¹.

Приезжал Струве второй раз, когда я уже была в Мюнхене. Владимир Ильич отказался его видеть. Я ходила видиться со Струве на квартиру Веры Ивановны. Свидание было очень тяжелое. Струве был страшно обижен. Пахло какой-то тяжелой достоевщиной. Он говорил о том, что его считают ренегатом, и еще что-то в том же роде, издевался над собой. Сейчас я уже не помню того, что он говорил, помню только то тяжелое чувство, с каким я шла с этого свидания. Было ясно, это — чужой, враждебный партии человек. Владимир Ильич был прав. Потом с кем-то, не помню уже с кем, жена Струве Нина Александровна прислала привет и коробку мармелада. Она была бессильна, да и вряд ли понимала, куда повертывает Петр Бернгардович. Он-то понимал.

Поселились мы после моего приезда в рабочей немецкой семье. У них была большая семья — человек шесть. Все они жили в кухне и маленькой комнатешке. Но чистота была страшная, детишки ходили чистенькие, вежливые. Я решила, что надо перевести Владимира Ильича на домашнюю кормежку, завела стряпню. Готовила на хозяйской кухне, но приготавливать надо было все у себя в комнате. Старалась как можно меньше греметь, так как Влади-

¹ «Дружественная Струве партия». *Ред.*

мир Ильич в это время начал уже писать «Что делать?»¹. Когда он писал, он ходил обычно быстро из угла в угол и шепотком говорил то, что собирался писать. Я уже приспособилась к этому времени к его манере работать. Когда он писал, ни о чем уж с ним не говорила, ни о чем не спрашивала. Потом, на прогулке, он рассказывал, что он пишет, о чем думает. Это стало для него такой же потребностью, как шепотком проговорить себе статью, прежде чем ее написать. Бродили мы по окрестностям Мюнхена весьма усердно, выбирая места подичее, где меньше народа.

Через месяц перебрались на собственную квартиру в предместье Мюнхена Швабинг², в один из многочисленных, только что отстроенных больших домов, завели «обстановочку» (при отъезде продали ее всю за 12 марок) и зажили по-своему.

В начале первого — после обеда — приходил Мартов, подходили и другие, шло так называемое заседание редакции. Мартов говорил не переставая, причем постоянно перескакивал с одной темы на другую. Он массу читал, откуда-то узнавал всегда целую кучу новостей, знал всех и вся. «Мартов — типичный журналист, — говорил про него не раз Владимир Ильич, — он чрезвычайно талантлив, все как-то хватает на лету, страшно впечатлителен, но ко всему легко относится». Для «Искры» Мартов был прямо незаменим. Владимир Ильич страшно уставал от этих ежедневных 5—6-часовых разговоров, делался от них совершенно болен, неработоспособен. Раз он попросил меня сходить к Мартову и попросить его не ходить к нам. Условились, что я буду ходить к Мартову, рассказывать ему о получаемых письмах, договариваться с ним. Из этого, однако, ничего не вышло, через два дня дело пошло по-старому. Мартов не мог жить без этих разговоров. После нас он шел с Верой Ивановной, Димкой, Блюменфельдом³ в кафе, где они просиживали целыми часами.

Потом приехал Дан с женой и детьми. Мартов стал проводить у них целые дни.

В октябре мы ездили из Мюнхена в Цюрих объединяться с «Рабочим делом»⁴. Объединения никакого не вышло. Акимов, Кричевский и другие договорились до белых слонов. Мартов страшно горячился, выступая против рабочедельцев, даже галстук с себя сорвал, я первый раз видела его таким. Плеханов блистал остроумием. Составили резолюцию о невозможности объединения.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 1—192. *Ред.*

² Переезд в Швабинг состоялся 25 апреля (8 мая) 1901 г. *Ред.*

³ Блюменфельд набирал «Искру» сначала в Лейпциге, потом в Мюнхене, в немецких социал-демократических типографиях. Он был отличным наборщиком и хорошим товарищем. К делу относился горячо. Он очень любил Веру Ивановну, всегда очень заботился о ней. С Плехановым он не ладил. Это был товарищ, на которого можно было вполне положиться. За что возьмется — сделает. *Прим. автора.*

⁴ Речь идет о поездке на «объединительный» съезд заграничных организаций РСДРП, куда В. И. Ленин и Н. К. Крупская выехали между 16 и 19 сентября (29 сентября и 2 октября) и вернулись позднее 22 сентября (5 октября) 1901 г. *Ред.*

Деревянным голосом прочел ее на конференции Дан. «Папский нунций», — бросили ему противники.

Этот раскол пережит был совсем безболезненно. Мартов, Ленин не работали вместе с «Рабочим делом», в сущности, разрыва не было, потому что не было совместной работы. Плеханов же был в отличном настроении, ибо противник, с которым ему приходилось так много бороться, был положен на обе лопатки. Плеханов был весел и разговорчив.

Жили мы в одном отеле, кормились вместе, и время прошло как-то особенно хорошо...

Вернувшись из Цюриха, Владимир Ильич засел за окончание «Что делать?». После меньшевики яростно нападали на «Что делать?», но в то время оно всех захватило, особенно тех, кто ближе стоял к русской работе. Вся брошюра была страстным призывом к организации, она набрасывала широкий план организации, в которой каждый мог найти себе место, мог сделаться винтиком революционной машины, винтиком, без которого не может пойти работа, как бы мал он ни был. Брошюра звала к упорной, неустанной работе над созданием того фундамента, который надо было создать для того, чтобы при тогдашних русских условиях могла существовать партия не на словах, а на деле. Нельзя социал-демократу бояться долгой работы, надо работать, работать не покладая рук, быть всегда готовым «на все, начиная от спасенья чести, престижа и преемственности партии в момент наибольшего революционного «угнетения» и кончая подготовкой, назначением и проведением *всенародного вооруженного восстания*», — писал Владимир Ильич в «Что делать?»¹...

Если «Друзья народа» имели громадное значение для определения пути, по которому должно идти революционное движение, то «Что делать?» определяло план широкой революционной работы, указывало определенное дело.

Ясно было, что съезд партии еще преждевременен, что нет еще предпосылок для того, чтобы он не повис в воздухе, как повис I съезд, что нужна длительная подготовительная работа. Поэтому никто не отнесся серьезно к попытке созыва Бундом съезда в Белостоке. От «Искры» поехал туда Дан, захватив чемодан, между стенками которого было набито «Что делать?». Белостокский съезд превратился в конференцию.

Владимира Ильича особенно интересовало отношение к «Что делать?» рабочих. Так, 16 июля 1902 года он пишет Ивану Ивановичу Радченко: «Уж очень обрадовало Ваше сообщение о беседе с рабочими. Нам до последней степени редко приходится получать такие письма, которые действительно придают массу бодрости. Передайте это непременно Вашим рабочим и передайте им нашу просьбу, чтобы они и сами писали нам *не только для печати*, а и так, для обмена мыслей, чтобы не терять связи друг с дру-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 177. Ред.

гом и взаимного понимания. Меня лично особенно интересует при этом, как отнесутся рабочие к «Что делать?», ибо отзывов рабочих я еще не получал»¹.

«Искра» работала вовсю. Ее влияние росло. Готовилась к съезду Программа партии. Для обсуждения ее приехали в Мюнхен Плеханов и Аксельрод. Плеханов нападал на некоторые места наброска Программы, сделанного Лениным. Вера Ивановна не во всем была согласна с Лениным, но не была согласна до конца и с Плехановым. Аксельрод соглашался тоже кое в чем с Лениным. Заседание было тяжелое. Вера Ивановна хотела возражать Плеханову, но тот принял неприступный вид и, скрестив руки, так глядел на нее, что Вера Ивановна совсем запуталась. Дело дошло до голосования. Перед голосованием Аксельрод, соглашавшийся в данном вопросе с Лениным, заявил, что у него разболелась голова и он хочет прогуляться.

Владимир Ильич ужасно волновался. Так нельзя работать. Какое же это деловое обсуждение?

Необходимость построить работу на деловых основах, так, чтобы не привносился в нее личный элемент, чтобы капризы, исторически сложившиеся личные отношения не влияли на решение, встала во весь рост...

Прочитав статью Владимира Ильича к четвертому номеру «Зари», Плеханов вернул ее Вере Ивановне с примечаниями на полях, вылив в них всю свою досаду. Владимир Ильич, увидав их, совершенно выбился из колен, заметался.

К этому времени выяснилось, что печатать «Искру» в Мюнхене далее невозможно, владелец типографии не хотел рисковать. Надо было выбирать. Куда? Плеханов и Аксельрод стояли за Швейцарию, остальные — понюхав атмосферы, развернувшейся на заседании при обсуждении Программы, — голосовали за Лондон.

Мама поехала на лето в Россию, а мы стали собираться.

Этот мюнхенский период вспоминался нам после как какой-то светлый период. Последующие годы эмиграции переживались куда тяжелее. В мюнхенский период не было еще такой глубокой трещины в личных отношениях между Владимиром Ильичем, Мартовым, Потресовым и Засулич. Все силы сосредоточивались на одной цели — создании общерусской газеты, интенсивно шло собирание сил около «Искры». Ощущение роста организации, осознание того, что путь к созданию партии намечен правильно, было у всех.

Поэтому можно было не внешне, а от всей души веселиться на карнавале, возможно было то исключительное жизнерадостное настроение, которое было всеобщим при поездке в Цюрих, и т. д.

Местная жизнь не привлекала нашего особенного внимания. Мы наблюдали ее со стороны. Бывали иногда на собраниях, но в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 201. Ред.

общем они были малоинтересны. Помню празднование 1 Мая. В том году в первый раз немецкой социал-демократии разрешено было устроить шествие, но с тем, чтобы не скопиться в городе, а устроить празднество за городом.

И вот довольно большие колонны немецких социал-демократов, с женами и детьми и редьками в карманах, молча, очень быстрым шагом прошли по городу — пить пиво в загородном ресторане. Никаких флагов, плакатов не было. Этот *Maifeier*¹ не напоминал совершенно демонстрации во имя торжества рабочего класса во всем мире.

В загородный ресторан, куда направилась процессия, мы не пошли, отстали от демонстрации, а пошли по привычке бродить по улицам Мюнхена, чтобы заглушить чувство разочарования, которое невольно закралось в душу: хотелось принять участие в боевой демонстрации, а не в демонстрации с разрешения полиции.

Так как мы соблюдали сугубую конспирацию, то совершенно не виделись с немецкими товарищами. Встречались только с Парвусом, жившим неподалеку от нас, в Швабинге, с женой и сынишкой. Однажды приезжала к нему Роза Люксембург, и Владимир Ильич ходил тогда повидаться с ней². Тогда Парвус, занимая очень левую позицию, сотрудничал в «Искре», интересовался русскими делами.

В Лондон мы ехали через Льеж³. В то время там жил Николай Леонидович Мещеряков с женой — мои старые приятели по воскресной школе. В те времена, когда я его знала, он был еще народовольцем, но он первый ввел меня в нелегальную работу, первый обучал правилам конспирации и помог мне сделаться социал-демократкой, усердно снабжая меня заграничными изданиями группы «Освобождение труда».

Теперь он был социал-демократом, давно уже жил в Бельгии, прекрасно знал местное движение, и мы решили по дороге захватить к ним.

В это время в Льеже как раз было громадное возбуждение. За несколько дней перед тем войска стреляли в бастовавших рабочих. Заметно было, как волнуются рабочие кварталы, по лицам рабочих, по кучкам стоявших людей. Ходили мы смотреть Народный дом. Он стоит в очень неудобном месте, толпу легко запереть на площади перед домом, как в ловушке. Рабочие тянулись к Народному дому. И вот, чтобы предупредить скопление там народа, партийные верхи назначили собрания по всем рабочим кварталам. И мелькало недоверие к бельгийским вождям социал-демократии. Получилось какое-то разделение труда: одни стреляют в толпу, другие ищут предлога ее успокоить...

¹ Майский праздник. *Ред.*

² В. И. Ленин встречался с Р. Люксембург в мае 1901 г. *Ред.*

³ В. И. Ленин и Н. К. Крупская выехали из Мюнхена в Лондон 30 марта (12 апреля) 1902 г. *Ред.*

ЖИЗНЬ В ЛОНДОНЕ 1902—1903 годы

В Лондон мы приехали в апреле 1902 года.

Лондон поразил нас своей грандиозностью. И хоть была в день нашего приезда невероятная мразь, но у Владимира Ильича лицо сразу оживилось, и он с любопытством стал вглядываться в эту твердыню капитализма, забыв на время и Плеханова и конфликты в редакции.

На вокзале нас встретил Николай Александрович Алексеев — товарищ, живший в Лондоне в эмиграции и прекрасно изучивший английский язык. Он был вначале нашим поводырем, так как мы оказались в довольно-таки беспомощном состоянии. Думали, что знаем английский язык, так как в Сибири перевели даже с английского на русский целую толстенную книгу — Веббов. Я английский язык в тюрьме учила по самоучителю, никогда ни одного живого английского слова не слыхала. Стали мы в Шушенском Вебба переводить — Владимир Ильич пришел в ужас от моего произношения: «У сестры была учительница, так она не так произносила». Я спорить не стала, переучилась. Когда приехали в Лондон, оказалось — ни мы ни черта не понимаем, ни нас никто не понимает. Попадали мы вначале в прекомичные положения. Владимира Ильича это забавляло, но в то же время задевало за живое. Он принялся усердно изучать язык. Стали мы ходить по всяческим собраниям, забираясь в первые ряды и внимательно глядя в рот оратору. Ходили мы вначале довольно часто в Гайдпарк. Там выступают ораторы перед прохожими — кто о чем. Стоит атеист и доказывает кучке любопытных, что бога нет, — мы особенно охотно слушали одного такого оратора, он говорил с ирландским произношением, нам более понятным. Рядом офицер из «Армии спасения» выкрикивает истерично слова обращения к всемогущему богу, а немного поодаль приказчик рассказывает про каторжную жизнь приказчиков больших магазинов... Слушание английской речи давало многое. Потом Владимир Ильич раздобыл через объявления двух англичан, желавших брать обменные уроки, и усердно занимался с ними. Изучил он язык довольно хорошо.

Изучал Владимир Ильич и Лондон. Он не ходил смотреть лондонские музеи — я не говорю про Британский музей, где он проводил половину времени, но там его привлекал не музей, а богатейшая в мире библиотека, те удобства, с которыми можно было там научно работать. Я говорю про обычные музеи. В музее древностей через 10 минут Владимир Ильич начинал испытывать необычайную усталость, и мы обычно очень быстро выметались из зал, увешанных рыцарскими доспехами, бесконечных помещений, уставленных египетскими и другими древними вазами. Я помню один только музейчик, из которого Ильич никак не мог уйти, — это музей революции 1848 года в Париже, помещавшийся в одной

комнатушке,— кажется, на rue des Cordilières,— где он осмотрел каждую вещичку, каждый рисунок.

Ильич изучал живой Лондон. Он любил забираться на верх omnibуса и подолгу ездить по городу. Ему нравилось движение этого громадного торгового города. Тихие скверы с парадными особняками, с зеркальными окнами, все увитые зеленью, где ездят только выложенные кэбы, и ютящиеся рядом грязные переулки, населенные лондонским рабочим людом, где посередине развешано белье, а на крыльце играют бледные дети, оставались в стороне. Туда мы забирались пешком, и, наблюдая эти кричащие контрасты богатства и нищеты, Ильич сквозь зубы повторял: «Two nations!» («Две нации!»)...

Владимира Ильича всегда тянуло в рабочую среду. Он шел всюду, где была эта толпа,— на прогулку, где усталые рабочие, выбравшись за город, часами валялись на траве, в бар, в читалку. В Лондоне много читалок — одна комната, куда входят прямо с улицы, где нет даже никакого сиденья, а лишь стойки для чтения и прикрепленные к палкам газеты; входящий берет газету и по прочтении вешает ее на место. Такие читалки хотел потом Ильич завести повсюду и у нас. Шел в народный ресторанчик, в церковь. В Англии в церквях после богослужения бывает обычно какой-нибудь коротенький доклад и потом дискуссия. Эти-то дискуссии, где выступали рядовые рабочие, особенно любил слушать Ильич. В газетах он отыскивал объявления о рабочих собраниях в глухих кварталах, где не было парада, не было лидеров, а были рабочие от станка, как теперь говорят. Собрание посвящалось обычно обсуждению какого-нибудь вопроса, проекта, например городов-садов. Внимательно слушал Ильич и потом радостно говорил: «Из них социализм так и прет! Докладчик пошлости разводит, а выступит рабочий — сразу быка за рога берет, самую суть капиталистического строя вскрывает». На рядового английского рабочего, сохранившего, несмотря ни на что, свой классовый инстинкт, и надеялся всегда Ильич. Приезжие обычно видят лишь развращенную буржуазией обуржуазившуюся рабочую аристократию. Ильич изучал, конечно, и эту верхушку, конкретные формы, в которые выливается это влияние буржуазии, ни на минуту не забывал значение этого факта, но старался нащупать и движущие силы будущей революции в Англии...

В Лондоне мы встретились с членом нашей питерской группы — Аполлиinarieй Александровной Якубовой. В питерские времена она была очень активным работником, ее очень все ценили и любили, а я была еще связана с ней совместной работой в вечерне-воскресной школе за Невской заставой и общей дружбой с Лидией Михайловной Книпович. После ссылки, откуда она бежала, Аполлилария вышла замуж за Тахтарева, бывшего редактора «Рабочей мысли». Они жили теперь в эмиграции, в Лондоне, в стороне от работы. Аполлилария очень обрадовалась нашему приезду. Тахтаревы взяли нас под свою опеку, помогли нам устроиться дешево и

сравнительно удобно. С Тахтаревыми мы все время виделись, но так как мы избегали разговоров о рабочемысленстве, то в отношениях была известная натянутость. Раза два взрывало. Объяснялись. В январе 1903 года, кажется, Тахтаревы (Тары) официально заявили о своем сочувствии направлению «Искры».

Скоро должна была приехать моя мать, и мы решили устроиться по-семейному: нанять две комнаты и кормиться дома, так как ко всем этим «бычачьим хвостам», жареным в жиру скатам, кексам российские желудки весьма мало приспособлены, да и жили мы в это время на казенный счет, так приходилось беречь каждую копейку, а своим хозяйством жить было дешевле.

В смысле конспиративном устроились как нельзя лучше. Документов в Лондоне тогда никаких не спрашивали, можно было записаться под любой фамилией.

Мы записались Рихтерами. Большим удобством было и то, что для англичан все иностранцы на одно лицо, и хозяйка так все время и считала нас немцами.

Скоро приехали Мартов и Вера Ивановна¹ и поселились вместе с Алексеевым коммуной в одном из более напоминавших европейские дома поблизости от нас. Владимир Ильич сейчас же устроился работать в Британском музее...

В Лондон сразу же стал приезжать к нам народ. Приехала Инна Смилович — Димка, вскоре уехавшая в Россию. Приехал и ее брат Петр Гермогенович, который по инициативе Владимира Ильича был окрещен Матреной. Перед тем он долго сидел. Выйдя из тюрьмы, он стал горячим искровцем. Он считал себя большим специалистом по смыванию паспортов — якобы надо было смывать потом, и в коммуне одно время все столы стояли вверх дном, служа прессом для смываемых паспортов. Вся эта техника была весьма первобытна, как и вся наша тогдашняя конспирация. Перечитывая сейчас переписку с Россией, диву даешься наивности тогдашней конспирации. Все эти письма о носовых платках (паспорта), варящемся пиве, теплом мехе (нелегальной литературе), все эти клички городов, начинающихся с той буквы, с которой начиналось название города (Одесса — Осип, Тверь — Терентий, Полтава — Петя, Псков — Паша и т. д.), вся эта замена мужских имен женскими и наоборот, — все сие было до крайности прозрачно, шито белыми нитками. Тогда это не казалось таким наивным, да и все же до некоторой степени путало следы. Первое время не было такого обилия провокаторов, как позднее. Люди были все надежные, хорошо знавшие друг друга. В России работали агенты «Искры», им доставлялась литература из-за границы — «Искра» и «Заря», брошюры, — они заботились о том, чтобы искровская литература перепечатывалась в нелегальных типографиях, распространяли искровскую литературу по комитетам, заботились о доставке «Искре» корреспонденций и о том, чтобы держать «Иск-

¹ Засулич. Ред.

ру» в курсе всей ведущейся в России нелегальной работы, собирали на нее деньги. В Самаре (у Сони) жили Грызуны — Кржижановские, Глеб Максимилианович — Клэр и Зинаида Павловна — Улитка. Там же жила Мария Ильинична — Медвежонок. В Самаре сразу образовалось нечто вроде центра. У Кржижановских особая способность группировать около себя публику. Ленгник — Курц поселился на юге, жил одно время в Полтаве (у Пети), потом в Киеве. В Астрахани жила Лидия Михайловна Книпович — Дяденька. В Пскове жил Лепешинский — Лапоть и Любовь Николаевна Радченко — Паша. Степан Иванович Радченко к этому времени замутился окончательно и ушел от нелегальной работы, зато не прекладая рук работал на «Искру» брат Степана Ивановича — Иван Иванович (он же Аркадий, он же Касьян). Он был разъездным агентом. Таким же агентом, развозившим по России «Искру», был Сильвин (Бродяга). В Москве работал Бауман (он же Виктор, Дерево, Грач) и тесно связанный с ним Иван Васильевич Бабушкин (он же Богдан). К числу агентов относилась и тесно связанная с питерской организацией Елена Дмитриевна Стасова — Гуща, она же Абсолют, а также Глафира Ивановна Окулова, после провала Баумана поселившаяся под именем Зайчик в Москве (у Старухи). Со всеми ними «Искра» вела активную переписку. Владимир Ильич просматривал каждое письмо. Мы знали очень подробно, кто из агентов «Искры» что делает, и обсуждали с ними всю их работу; когда между ними рвались связи — связывали их между собою, сообщали о провалах и пр.

На «Искру» работала типография в Баку. Работа велась при условиях строжайшей конспирации; там работали братья Енукидзе, руководил делом Красин (Лошадь). Типография называлась Нина. Потом на севере, в Новгороде, пробовали завести другую типографию — Акулину. Она очень быстро провалилась.

Прежняя нелегальная типография в Кишиневе, которой заведовал Аким (Леон Гольдман), к лондонскому периоду уже провалилась.

Транспорт шел через Вильно (через Груню).

Питерцы пробовали наладить транспорт через Стокгольм. Об этом транспорте, функционировавшем под названием пиво, была бездна переписки, мы слали на Стокгольм литературу пудами, нас извещали, что пиво получено. Мы были уверены, что получено в Питере, и продолжали слать на Стокгольм литературу. Потом, в 1905 году, возвращаясь через Швецию в Россию, мы узнали, что пиво находится все еще в пивоварне, попросту говоря, в стокгольмском Народном доме, где нашей литературой был завален целый подвал.

«Малые бочки» посылались через Варде; раз, кажись, была получена посылка, потом что-то расстроилось. В Марселе поселили Матрену. Она должна была наладить транспорт через поваров, служивших на пароходах, ходивших в Батум. В Батуме прием литературы наладили Лошади — бакинцы. Впрочем, большинство

литературы выброшено было в море (литература заворачивалась в брезент и выбрасывалась на условленном месте в воду, наши ее выживали). Михаил Иванович Калинин, работавший тогда на заводе в Питере и входивший в организацию, через Гушу передал адрес в Тулон какому-то матросу. Возили литературу через Александрию (Египет), налаживали транспорт через Персию. Затем налажен был транспорт через Каменец-Подольск, через Львов. Ели все эти транспорты уймищу денег, энергии, работа в них сопряжена была с большим риском, доходило, вероятно, не больше одной десятой всего посылаемого. Посылали еще в чемоданах с двойным дном, в переплетах книг. Литература моментально расхватывалась.

Особенный успех имело «Что делать?». Оно отвечало на ряд самых насущных, назревших вопросов. Все очень остро чувствовали необходимость конспиративной, планомерно работающей организации...

В июне 1902 года в Белостоке состоялась организованная Бундом (Борисом) конференция, которая вся провалилась, кроме петербургского делегата. В связи с ней провалились Бауман и Сильвин. На этой конференции решено было образовать организационный комитет по созыву съезда. Дело, однако, затянулось. Нужно было представительство от местных организаций, но они носили еще крайне неоформленный, неоднородный характер. В Питере, например, организация делилась на рабочий комитет (Маня) и интеллигентский (Ваня). Рабочий комитет должен был по преимуществу вести экономическую борьбу, интеллигентский — вести высокую политику. Впрочем, эта высокая политика была довольно-таки мелкотравчатая и больше напоминала либеральную политику, чем революционную. Такая структура выросла на почве «экономизма»: принципиально разбитый наголову «экономизм» прочно держался еще на местах. «Искра» по достоинству оценила значение такой структуры. Особая роль в борьбе за правильную структуру организаций принадлежит Владимиру Ильичу. Его «Письмо к Ереме», или, как оно называется в литературе, «Письмо к товарищу»¹ (о нем скажу дальше), сыграло исключительную роль в деле организации партии. Оно помогло орабочению партии, втягиванию в разрешение всех жгучих вопросов политики рабочих, разбило ту стену, которая была воздвигнута рабочедельцами между рабочим и интеллигентом. Зиму 1902/03 года в организации была отчаянная борьба направлений, искровцы завоевывали постепенно положение, но бывало и так, что их вышибали.

Владимир Ильич направлял борьбу искровцев, предостерегая их от упрощенного понимания централизма, борясь со склонностью видеть в каждой живой самостоятельной работе кустарничество. Вся эта работа Владимира Ильича, так глубоко повлиявшая на качественный состав комитетов, мало известна молодежи,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 1—32. *Ред.*

а между тем именно она определила лицо нашей партии, заложила основы ее теперешней организации...

В начале сентября 1902 года приехал Бабушкин, бежавший из екатеринославской тюрьмы. Ему и Горовицу помогли бежать из тюрьмы и перейти границу какие-то гимназисты, выкрасили ему волосы, которые скоро превратились в малиновые, обращавшие на себя всеобщее внимание. И к нам он приехал малиновый. В Германии попал в лапы к комиссионерам, и еле-еле удалось ему избавиться от отправки в Америку. Поселили мы его в комму-ну, где он и прожил все время своего пребывания в Лондоне. Бабушкин за это время страшно вырос в политическом отношении. Это уже был закаленный революционер, с самостоятельным мнением, перевидавший массу рабочих организаций, которому нечего было учиться, как подходить к рабочему, — сам рабочий. Когда он пришел несколько лет перед тем в воскресную школу, это был совсем неопытный парень. Помню такой эпизод. Был он в группе сначала у Лидии Михайловны Книпович. Был урок родного языка, подбирали какие-то грамматические примеры. Бабушкин написал на доске: «У нас на заводе скоро будет стачка». После урока Лидия отозвала его в сторону и наворчала на него: «Если хотите быть революционером, нельзя рисоваться тем, что ты революционер, надо иметь выдержку» и т. п. Бабушкин покраснел, но потом смотрел на Лидию как на лучшего друга, часто советовался с ней о делах и как-то по-особенному говорил с ней.

В то время в Лондон приехал Плеханов. Было устроено заседание совместно с Бабушкиным. Речь шла о русских делах. У Бабушкина было свое мнение, которое он защищал очень твердо, и так держался, что стал импонировать Плеханову. Георгий Валентинович стал внимательнее в него вглядываться. О своей будущей работе в России Бабушкин говорил, впрочем, только с Владимиром Ильичем, с которым был особенно близок. Еще помню один маленький, но характерный эпизод. Дня через два после приезда Бабушкина, придя в комму-ну, мы были поражены царившей там чистотой — весь мусор был прибран, на столах постланы газеты, пол подметен. Оказалось, порядок водворил Бабушкин. «У русского интеллигента всегда грязь — ему прислуга нужна, а сам он за собой прибирать не умеет», — сказал Бабушкин.

Он скоро уехал в Россию. Потом мы его уже не видали. В 1906 году он был захвачен в Сибири с транспортом оружия и вместе с товарищами расстрелян у открытой могилы.

Еще до отъезда Бабушкина приехали в Лондон бежавшие из киевской тюрьмы искровцы — Бауман, Крохмаль, Блюменфельд, повезший в Россию чемодан с литературой, провалившийся на границе с чемоданом и адресами и потом отвезенный в киевскую тюрьму, Валлах (Литвинов, Папаша), Тарсис (он же Пятница).

Мы знали, что готовится в Киеве побег из тюрьмы. Дейч, только что появившийся на горизонте, спец по побегам, знавший

условия киевской тюрьмы, утверждал, что это невозможно. Однако побег удался. С воли переданы были веревки, якорь, паспорта. Во время прогулки связали часового и надзирателя и перелезли через стену. Не успел бежать только последний по очереди — Сильвин, державший надзирателя.

Несколько дней прошли как в чаду.

В половине августа пришло письмо из редакции «Южного рабочего», популярного нелегального рабочего органа, сообщившее о провалах на Юге и о том, что редакция желает вступить с организацией «Искры» и «Зари» в самые тесные сношения и заявляет о своей солидарности во взглядах. Это, конечно, было большим шагом вперед в деле объединения сил. Однако в следующем письме «Южный рабочий» выражал недовольство резкостью полемики «Искры» с либералами. Затем началась речь о том, что литературная группа «Южного рабочего» должна и впредь сохранить свою самостоятельность и т. д. Чувствовалось, что не все доваривается до конца.

Самарцы выяснили путем переговоров, что у «Южного рабочего» были: 1) недооценка крестьянского движения, 2) недовольство резкостью полемики с либералами и 3) желание остаться обособленной группой и издавать свой орган, популярный...

Название «Организационный» соответствовало сути дела. Без ОК никогда не удалось бы созвать съезда. Нужно было при труднейших полицейских условиях произвести сложную работу по увязке организационной и идейной только еще оформившихся и продолжавших оформляться коллективов, по увязке мест с заграницей. Вся работа по сношениям с ОК в подготовке съезда фактически легла на Владимира Ильича. Потресов был болен, его легкие не были приспособлены к лондонским туманам, и он где-то лечился. Мартов тяготился Лондоном, его замкнутой жизнью и, поехав в Париж, застрял там. Должен был жить в Лондоне Дейч, бежавший с каторги старый член группы «Освобождение труда». Группа «Освобождение труда» надеялась на него как на крупного организатора. «Вот приедет Женька (кличка Дейча), — говорила Вера Ивановна, — он наладит все сношения с Россией как нельзя лучше». На него надеялись и Плеханов, и Аксельрод, считая, что это будет их представитель в редакции «Искры», который за всем будет следить. Однако, когда приехал Дейч, оказалось, что долгие годы оторванности от русских условий наложили на него свой отпечаток. Для сношений с Россией он оказался совершенно непригодным, не знал новых условий, его тянуло на людей, он вошел в Заграничную лигу русских социал-демократов, повел широкие сношения с заграничными колониями и тоже вскоре уехал в Париж.

Постоянно жила в Лондоне Вера Ивановна, она охотно слушала рассказы о русской работе, но сама вести сношения с Россией не могла, не умела. Все легло на Владимира Ильича. Переписка с Россией ужасно трепала ему нервы. Ждать неделями,

месяцами ответов на письма, ждать постоянно провала всего дела, постоянно пребывать в неизвестности, как разворачивается дело,— все это как нельзя менее соответствовало характеру Владимира Ильича. Его письма в Россию переполнены просьбами писать аккуратно: «Еще раз: усердно и настоятельно просим и молим Женю¹ писать нам чаще и подробнее, в частности немедленно, непременно в тот же день, как получится письмо, известить нас хоть парой строк о получении...»². Переполнены письма просьбами действовать скорее. Ночи не спал Ильич после каждого письма из России, сообщавшего о том, что «Соля молчит, как убитая», или что «Зарин вовремя не вошел в комитет», или что «нет связи со Старухой». Остались у меня в памяти эти бессонные ночи. Владимир Ильич страстно мечтал о создании единой сплоченной партии, в которой растворились бы все обособленные кружки со своими основывавшимися на личных симпатиях и антипатиях отношениями к партии, в которой не было бы никаких искусственных перегородок, в том числе и национальных. Отсюда борьба с Бундом. Бунд в то время в своем большинстве стоял на рабочедельской точке зрения. И Владимир Ильич не сомневался, что, если Бунд войдет в партию и сохранит только автономию в своих чисто национальных делах, ему неминуемо придется идти в ногу с партией. А Бунд хотел сохранить за собой полную самостоятельность во всех вопросах, он говорил о своей, особой от РСДРП, политической партии, он соглашался примкнуть лишь на федеративных началах. Такая тактика была убийственна для еврейского пролетариата. В одиночку еврейский пролетариат не мог никогда победить. Только слившись с пролетариатом всей России, мог он стать силой. Бундовцы этого не понимали. И потому редакция «Искры» вела с Бундом яркую борьбу. Это была борьба за единство, за сплоченность рабочего движения. Борьбу вела вся редакция, но бундовцы знали, что самым страстным сторонником борьбы за единство является Владимир Ильич³.

¹ *Женя* — конспиративное название группы «Южный рабочий». *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 252. *Ред.*

³ Н. К. Крупская в своих воспоминаниях, напечатанных 16 апреля 1925 г. в газете «Правда», № 87, пишет: «Стремление группы «Освобождение труда» поставить для надзора за сношениями с Россией Дейча потерпело окончательный крах после того, как Лев Григорьевич от имени заграничного отдела ОК, ведавший лишь заграничными колониями, куда входили и представители «Рабочего дела», и Бунд, составил письмо ОК к организациям на местах с просьбой сносить не через редакцию «Искры», а непосредственно с ЗООК по вопросам съезда, широко раздать адрес ЗООК и т. д. Это было такое нарушение самой элементарной конспирации, что приходилось только руками разводиться. Я укоряла Веру Ивановну: «Что ж, Ваш практик-то хваленый, ахнул». Вера Ивановна говорила: «Да-а-а», и при этом мимика ее была очень выразительна. «Раньше он, знаете, очень умел все налаживать», — оправдывалась она. Кроме недостатка конспирации заявление говорило о недостатке доверия к части редакции, которая вела переписку с Россией, представляло собою наивную попытку организовать контроль. Такое отношение не могло не волновать». *Ред.*

Вскоре группа «Освобождение труда» вновь поставила вопрос о переезде в Женеву, и на этот раз уже один только Владимир Ильич голосовал против переезда туда. Начали собираться...

Из работ, которые не нервировали Владимира Ильича в Лондоне, а дали ему известное удовлетворение, было писание брошюры «К деревенской бедноте»¹. Крестьянские восстания 1902 года привели Владимира Ильича к мысли о необходимости написать брошюру для крестьян. В ней он растолковывал, чего хочет рабочая партия, объяснял, почему крестьянской бедноте надо идти с рабочими. Это была первая брошюра, в которой Владимир Ильич обращался к крестьянству.

*Воспоминания о В. И. Ленине. В 5-ти т.
Изд. 3-е. М., 1984, т. 1, с. 233—262*

¹ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 7, с. 129—203. *Ред.*

АГЕНТ «ИСКРЫ»

Обращаясь к прошлым годам и работе, проводившейся нами, подпольщиками, хочется назвать ряд товарищей времен «Союза борьбы»: Н. К. Крупскую, З. П. Кржижановскую, А. А. Якубову-Тахтареву, С. И. Радченко, В. Ф. Кожевникову, Н. Н. Штремера, Е. Н. Федорову, М. М. Леонтович, М. М. Эссен («Зверь»), Л. А. Маркову, М. И. Девель, В. П. Майкову, Е. Д. Устругову, В. В. Сибилеву, А. Э. Рериха, П. Г. Смиттена, В. П. Краснуху и многих, многих других. Это были учительницы, врачи, студенты и студентки и т. д.

Для тогдашней деятельности нужны были люди, о которых Ленин сказал в свое время: «...для „обслуживания“ массового движения нужны люди, специально посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности, и... такие люди должны с терпением и упорством *вырабатывать* из себя профессиональных революционеров»¹.

Какие черты должен был воспитывать в себе партийный работник в нелегальное время? Во-первых, точность. Не всегда можно было встретиться с товарищами на квартире, иногда приходилось встречаться на улице, где-нибудь на углу, и тут нужна была исключительная точность. Если вы придете с опозданием, товарищу придется в ожидании вас прохаживаться. Этим он обратит на себя внимание городского, шпика, дворника. Следовательно, вы ставите под наблюдение полиции и товарища, и себя. Надо было минута в минуту сойтись и идти дальше. Тогда встреча проходила незамеченной. Явки часто бывали на квартирах у врачей, у адвокатов. Приемные часы у них были определенные. Значит, нужно было вовремя прийти и вовремя уйти.

Затем требовалась наблюдательность, внимание к окружающему. Эти черты мы воспитывали в себе так: например, я захожу в комнату, и товарищ мне говорит: «Отвернись и скажи, что ты видела». Я должна была перечислить все, что заметила в комнате.

Кроме того, мы должны были вырабатывать умение владеть своим лицом. Когда нас брали на допрос, допрашивающие садились спиной к свету, а нас сажали против света и наблюдали за

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 126—127. Ред.

выражением лица. Значит, надо было так владеть им, чтобы ничем не выдать своих мыслей и чувств...

У нас не было принято спрашивать друг у друга о том, что тебя не касается. Когда я заведовала техникой, я, конечно, знала товарищей, занимавшихся агитацией и пропагандой, но их подшефных, то есть тех, кто посещал их кружки, я не знала. Они могли мне дать поручение: отнести на такую-то квартиру литературу для рабочих. Но какой это кружок, кто руководил им, этого я никогда не знала и не спрашивала об этом.

Идя на революционную работу в конце прошлого и начале нынешнего века, подпольщики отдавали делу служения партии всю свою жизнь без остатка. Однако это отнюдь не являлось жертвой. Нет, в этом была суть всей жизни. Товарищи вспоминают о том, что было тяжело, но не в этом дело. Было много тяжелого, но основное в том, что мы были уверены в своей правоте и что бороться было радостно и весело. Вспоминается, как боролись с жандармами, как закалялись в борьбе, как обманывали бдительность «стражей порядка», как жили, работали и закалялись для новых боев. Основное было в том, что мы любили жизнь. Нашим лозунгом было: «Жить работая, умереть в бою».

Для того чтобы показать, как работали мы, агенты «Искры», мне необходимо сослаться на указания, которые мы получали со стороны Владимира Ильича.

В 1897 году, обращаясь от имени «Союза борьбы» к петербургским рабочим и социалистам, Ленин говорил: «Работники нужны для всякого рода работы, и чем строже специализируются революционеры на отдельных функциях революционной деятельности, чем строже обдумывают они конспиративные приемы и прикрытия своего дела... тем надежнее будет все дело, тем труднее будет открыт революционеров жандармам и шпионам... Без усиления и развития революционной дисциплины, организации и конспирации невозможна борьба с правительством. А конспирация прежде всего требует специализации отдельных кружков и лиц на отдельных функциях работы... Отдельные функции революционной работы бесконечно разнообразны... Нужны распространители литературы, листовок... Нужны устроители конспиративных квартир... Нужны сборщики денег... Нужны люди для хранения литературы и других вещей и т. д. и т. д.»¹

В первом номере «Искры» Ленин писал: «Надо готовить людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь, надо готовить организацию, настолько крупную, чтобы в ней можно было провести строгое разделение труда между различными видами нашей работы»².

Я была главным образом техником и организатором. Что входило в мои обязанности? Хранение литературы и получение ее.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 468—469. *Ред.*

² Там же, т. 4, с. 376. *Ред.*

Доставка ее отдельным группам. Явки для приезжих и ночевки для них. Явкой называлась квартира или другое место, в котором члены подпольной организации в определенные часы и дни могли встретиться с кем-либо из руководителей организации. Из конспиративных соображений явки часто менялись. Одновременно я входила в финансовую комиссию, добывавшую средства для партии, что делалось путем устройства концертов, лекций, продаж фотографий, печатанием открыток и т. д.

Как было организовано получение нелегальной литературы, хранение ее и распространение, как Петербург снабжался литературой с 90-х годов прошлого столетия и до 1907 года? Ведь этому В. И. Ленин придавал огромное значение и в письмах того времени часто возвращался к этому вопросу. Писала же Крупская в Петербургский комитет: «Отовсюду раздается такой стон: литературы! — что на этом приходится сосредоточить все силы...» Одна литература была та, которая издавалась за границей и которая шла к нам главным образом через Швецию и Финляндию. Другая — это та, которую печатала наша типография... Методы получения той или другой литературы были разнообразны.

Как мы получали литературу из-за границы?

Из Швейцарии мелкий транспорт литературы поступал так: склеенные экземпляры газет, напечатанные на специальной тонкой бумаге (которую англичане употребляли для своих миссионерских изданий), заделывались в переплеты невинных детских книг или каких-либо альбомов. Оторвав переплет, нужно было размочить его в теплой воде и отделить склеенные листы друг от друга, затем следовало снять губкой остатки клея и просушить газетные листы. После такой «операции» газета не портилась и свободно читалась.

В начале 900-х годов мы стали получать литературу через Финляндию. Вначале ее в очень небольшом количестве привозили при посредстве сочувствующих нам кондукторов, кочегаров и машинистов Финляндской железной дороги. Эта литература шла через Швецию, где всем транспортом ведал литератор Конни Зиллиакус. Он совершенно не разбирался в русских политических партиях, считал их все «революционными», и мы частенько получали вместо ожидаемых искровских, позднее большевистских, изданий «творения» «экономистов», бундовцев, социалистов-революционеров, а затем меньшевиков, и у нас не было ни малейшего желания нагружаться этой литературой, подвергаться из-за нее риску быть арестованными на станции Белоостров. Но отказ взять у товарищей финнов в Куоккале, Териоках или в Выборге доставленную литературу мог привести к тому, что они впредь перестали бы перевозить ее из Гельсингфорса. Это грозило остановить доставку литературы из Стокгольма и погубило бы весь нелегальный транспорт ее. А ведь наши организации так в ней нуждались!

Необходимо было поставить дело транспорта так, чтобы мы

могли быть уверены во всем пути, начиная от Лондона и Женевы, где печаталась литература, и до Питера.

В самой Финляндии существовали в то время группировки «активистов» и «пассивистов». Одни боролись за независимость Финляндии активными путями (главным образом, путем индивидуального террора), другие — пассивно (через печать). Обе группы охотно помогали русским революционерам; при их посредстве мы находили достаточное количество нужных нам квартир, адресов и т. д., чтобы получать литературу, давать явки, прятать нелегальных товарищей, бежавших из тюрьмы и пробирающихся за границу.

В Выборг литературу привозили железнодорожники Финляндской железной дороги. Здесь был книжный магазин, в который она поступала и откуда мы должны были ее получать. Из Выборга я переправляла транспорт в дачные места, откуда его разбирали разносчики литературы и привозили в Петербург. При этом литературу приходилось прятать под одежду. Везти пакетами ее было нельзя, так как все дачные места (Мустамяки, Куоккала, Териоки, Оллила и другие) находились на территории Финляндии и в Белоострове происходил таможенный досмотр. Таможенники, несомненно, задерживали бы литературу.

Недалеко от почтовой и таможенной станции Коркиямякки находилось имение Кириасалы Софии Игнатьевны Бурениной, матери нашего подпольщика Николая Евгеньевича Буренина, носившего кличку Виктор Петрович, то есть имя и отчество черносотенца писателя В. П. Буренина, а его самого мы звали Небуренин, присоединив к его фамилии первые буквы его имени (Николай) и отчества (Евгеньевич). Это имение сослужило большую службу в деле транспорта литературы.

Н. Е. Буренин организовал для местных жителей, и в том числе таможенников, чтение с волшебным фонарем. Он получал его из «Подвижного музея учебных пособий» в Петербурге, в котором было много революционеров. Буренину приходилось через станцию Коркиямякки в санях или в телеге привозить и фонарь и картины. Он так часто ездил в Петербург и имение, сопровождая ящики с «оборудованием», что в конце концов таможенники привыкли к этому и перестали его досматривать. Заметив это, Николай Евгеньевич, направляясь в Петербург, стал перевозить в примелькавшихся ящиках нашу нелегальную литературу.

Однажды мне самой пришлось поехать за литературой, потому что в силу каких-то обстоятельств Буренин не смог ее привезти. Я приехала в Кириасалы под видом гостьи. На обратном пути Буренин посадил меня в телегу на ящик, и я спокойно привезла нелегальщину на дачу около станции Парголово, откуда предстояло переправить ее к себе на петербургскую квартиру. Так как везти литературу в ящике было нельзя, я переложила ее в портплед и в большую коробку из-под шляпы и благополучно довезла до своей квартиры. Но здесь-то и произошел казус. Едва я вошла в подъезд,

как ремни коробки, не выдержав тяжести, лопнули и содержимое веером высыпалось к ногам швейцара (служившего когда-то в Преображенском полку). Ну, думаю, пропала! Но швейцар и его жена сделали вид, что ничего предосудительного не заметили, и даже помогли мне все собрать в коробку. Я поднялась домой, вызвала товарищей, и уже через час у меня ничего не было.

Оказалось потом, что этот бывший преобразенец сочувствовал мне и моему брату Борису, и, когда наведывались шпики, он предупреждал брата. А после Октября 1917 года он пришел ко мне, чтобы я его защитила, потому что его как бывшего преобразенца «прижимали».

Одним из самых активных наших помощников того времени был журналист Артур Неовиус, высланный из Финляндии и поселившийся в Стокгольме. Позднее через него шла переписка Петербургского комитета партии с Ильичем и Надеждой Константиновной. В письме в Женеву от 4 февраля 1905 года я дала адрес Неовиуса Надежде Константиновне с просьбой высылать на него газету «Вперед» и указывала, что лучше всего вкладывать «Вперед» внутрь какой-нибудь легальной иностранной газеты, которая пересылалась бандеролью.

Массовая пересылка литературы багажом шла в адрес Народного дома в Стокгольме и оттуда на пароходах «Борэ I» и «Борэ II» направлялась в Гельсингфорс, а затем в Выборг. Это передаточное место служило для того, чтобы пересылать литературу ближе к границе. С Народным домом мы были связаны непосредственно через руководителя социал-демократической партии Швеции Карла Брантинга.

Мне как заведующей всей техникой Петербургского комитета лично приходилось в 900-е годы не раз пользоваться дачей Алексея Максимовича Горького в Мустамьяках для встреч с товарищами из-за рубежа. Мустамьяки были на территории Финляндии за пограничной станцией Белоостров, и товарищи могли спокойно приезжать на эту дачу для переговоров со мной по делам транспорта литературы из-за рубежа. Пользовалась я дачей и для получения литературы, и для встречи с финскими революционерами по делам партии.

Был у нас и специальный способ получения литературы с вокзалов в тех случаях, когда она прибывала багажом.

Литература часто печаталась в нелегальной типографии. Получив накладную, приходилось нанимать посыльного. В это время в Петербурге была артель посыльных, которые носили фуражки с красным верхом, как у наших современных начальников станций, и с медной бляхой спереди, где было вырезано «Посыльная артель, номер такой-то».

Обычно накладная на прибывший багаж вручалась одному из наших товарищей, который для получения и доставки по определенному адресу багажа официально и законным путем нанимал артельщика. Поскольку дело было серьезное, товарищ должен был

убедиться, что за артельщиком нет слежки, и лишь после этого он имел право появиться на указанной квартире. Как правило, в этой квартире багаж поджидала я с подоспевшим товарищем. Вместе мы его распечатывали, сортировали содержимое и через разносчиков пересылали в соответствующие места. За все время только один раз случилось следующее: с вокзала вышел артельщик, а за ним следовал какой-то субъект. Товарищ, который следил за артельщиком, поспешил на квартиру и предупредил об этом меня. Мы тотчас вышли и, поскольку дом был с проходным двором, стали следить, что же будет дальше. Видим, как появился посыльный в сопровождении субъекта, получатель багажа его не встретил, и тогда он прошел в дворницкую. Вскоре они удалились вместе с багажом несолоно хлебавши. Дело в том, что адрес был указан правильный, а фамилия получателя — фиктивная. Когда пришедшие стали спрашивать у дворника фамилию жильца, то, конечно, такого не оказалось, и, следовательно, сдать багаж было некому. Литературу мы потеряли, но квартиру сохранили.

Я могу сказать, что в числе других квартир, где хранилась литература, одна была в профессиональной школе Дервиза на Петербургской стороне, на Большой Ружейной улице, другая — в мастерской скульптора Ильи Яковлевича Гинцбурга в Академии художеств на Васильевском острове. Хранение литературы было организовано и у некоторых студентов в их общежитиях. На той квартире, куда доставлялась литература, через час после ее получения ничего не должно было оставаться; корзина или чемодан, в которых литература получалась, сжигались хозяином квартиры, чтобы при возможном появлении полиции не было никаких следов. Таковы были правила конспирации.

Литературу полагалось всегда нагружать на себя. Выносить пакеты в руках было запрещено, так как они привлекали внимание шпиков. Люди нагружались и уходили поодиночке. Я обычно покидала квартиру последней, чтобы унести остатки. У меня выработалась привычка никуда не ходить без портфеля. Даже в театр или в концерт я шла с портфелем, и вследствие этого у шпиков была отмечена как «девушка с портфелем». Когда я знала, что мне предстоит нести литературу, то дома набивала портфель мятой бумагой, чтобы сделать его пухлым, а на улице время от времени перекладывала его с руки на руку, как будто тяжелый. Ну, а набив его литературой, я уже естественно перекладывала его с руки на руку.

Товарищи, нагрузившись, конечно, «полнели». Владелец одной из конспиративных квартир, где мы получали литературу, врач К. А. Крестников, смеясь, говорил, что он великолепно лечит больных, так как его пациенты сразу полнеют. Я же при помощи портфеля и благодаря своему росту уносила до пуда литературы.

Был один случай на квартире у Буренина в Петербурге на Рузовской улице, дом номер 3. Последними должны были уходить член нашей организации доктор Штремер Николай Николаевич

и я. Штремер при своем большом росте тоже мог унести много литературы. Для того чтобы нагрузить себя, я должна была раздеться. Хозяин комнаты и Штремер стали лицом к окошку, а я пошла вглубь, чтобы снять платье и нагрузиться литературой. Только принялась за дело, как входит кухарка. По непростительной для подпольщиков оплошности мы забыли запереть дверь. В глубине комнаты стоял лишь маленький китайский столик, за который я, конечно, не могла спрятаться. Представьте себе картину: два молодых человека и раздетая молодая женщина! Увидев это, кухарка остолбенела. Хозяин квартиры, подхватив ее под руку вылетел с ней из комнаты. Мы так хохотали, что я долго не могла ничего сделать.

На мне лежала обязанность печатания листовок. Как мы должны были их печатать? На гектографе. Но гектограф и гектографическую массу могло приобрести только учреждение. Частным лицам также не запрещалась их покупка, но сразу же вслед за нею их квартира становилась объектом наблюдения охраны, и возможность что-нибудь печатать сводилась на нет. Поэтому гектографическую массу мы варили сами. Надо было иметь желатин и глицерин. Желатин было легко купить, но в аптеке глицерин продавался только в определенном и ограниченном количестве. Чтобы изготовить гектографическую массу, надо было мобилизовать ряд товарищей, которые бы собрали достаточное количество глицерина, принесли бы ко мне, а я увозила его на квартиру, где наши «специалисты» варили нужную нам массу.

Бумага тоже вызывала затруднения. В магазинах не продавали больше двух тетрадей бумаги. Следовательно, надо было обойти ряд магазинов, купить ее и потом отнести туда, где печатались листовки.

Я вспоминаю майскую листовку 1901 года. Тогда перед майскими днями полиция произвела очень много арестов, и среди арестованных были некоторые члены Петербургского комитета. Для того чтобы показать, что комитет действует (хотя он из-за «экономистской» позиции тогдашних своих руководителей влачил жалкое существование), мы решили распространить листовки и даже разослать их по почте таким «именитым» адресатам, как обер-прокурор Победоносцев, министр внутренних дел Дурново и другие.

Рассылка писем была поручена мне. И вот 17 апреля до позднего вечера на квартире Девель мы — хозяйка Мария Ивановна, Майкова и я — писали адреса на конвертах, часам к 12 ночи подготовили до 50 конвертов и вложили в них листовки. Затем вдвоем с Майковой шли по разным улицам и опускали конверты в почтовые ящики. Домой я пришла около часу или двух ночи. Встречает меня брат Борис и говорит: «Кто-то из твоих оставил записку и на словах еще сказал, чтобы завтра к 7 часам утра доставить на Путиловский завод фельдшернице Лидии Николаевне Бархатовой знамя для демонстрации». В 5 часов утра я встала и, чтобы не

обратить внимание швейцара, только в 2 часа ночи открывавшего мне дверь, вышла из дома по черной лестнице. Долго я не могла найти извозчика. Наконец обрела какого-то ночного извозчика и доехала до Обводного. Пришлось будить М. И. Девель. Знамя получено. Обмотала его вокруг себя и опять в поход. Опять поиски извозчика и поездка на Путиловский завод. Бархатова ждала меня, и знамя было вручено ей вовремя. День города уже начался, когда я вышла от Бархатовой, и домой могла вернуться уже на конке. Брат спросил: «Ну, как дела?» На что я ответила, что все в порядке. Он ахнул.

Среди рабочих листовки были распространены в большом количестве...

Кто был разносчиком литературы в Петербурге в то время? Главным образом молодежь... Во всех высших учебных заведениях Петербурга имелись члены партии, они объединялись в организацию того или другого учебного заведения. Во главе каждой организации стоял ответственный за нее товарищ, который и входил в состав общестуденческого комитета партии. В то время я несла ответственность за работу этого комитета и являлась представителем в нем от Петербургского комитета партии. Студенчество имело свои агитационные и пропагандистские кружки, свою финансовую комиссию, своего организатора. Через этот комитет я и получала нужных мне помощников для техники, т. е. разносчиков и хранителей литературы, дававших свои квартиры или общежития для явок. Явки были в столовой Технологического института, в Военно-медицинской академии, в столовой Петербургского университета. Устроить явку в университете помог студент Ш. З. Элиава.

Студенты в своих общежитиях устраивали на ночь товарищей, которые приезжали из-за границы или из провинции и, будучи нелегальными, не могли где-либо остановиться, не имея паспорта...

Кроме студенчества нам очень много помогали адресами для явок адвокаты, врачи, у которых в определенные часы дня были приемы клиентов. Это был тот контингент, который давал возможность принимать товарищей, это были квартиры, куда мы могли безбоязненно явиться...

У меня были очень дружеские отношения с И. Е. Репиным. Я не раз обращалась к нему за материальной помощью на нелегальные нужды, и никогда Илья Ефимович не отказывал мне. В бытность Репина академиком я пользовалась его мастерской в Академии художеств на Васильевском острове как явкой. Ключ от этой мастерской предоставлял мне скульптор И. Я. Гинцбург, который, как я уже говорила, также имел мастерскую в Академии [...]

Кроме мастерской И. Е. Репина была еще одна нелегальная явка на Постоянной выставке в Академии художеств, где работала секретарем член нашей организации Леонтович. Явка эта была безукоризненной...

Кроме квартир для явок, для складов, для собраний нужны были квартиры для ночевок. Одной из них была квартира ныне покойного президента Академии наук СССР В. Л. Комарова. Она была удобна тем, что входы в нее были с разных сторон. Адресом Комарова мы пользовались и для получения писем...

В число моих обязанностей входили и финансы. Для работы нужно было иметь деньги, а их-то у нас и не было. Каким же образом мы их доставали? Во-первых, в этом нам очень помогали студенты. Официально они устраивали концерты для неимущих студентов. Но за собранные деньги нужно было отчитываться по количеству проданных билетов. И тут на помощь нам шли рабочие типографий. Они печатали большее количество билетов, чем было указано. Организаторы концертов отчитывались в меньшем количестве проданных билетов, а оставшиеся деньги вручали нам. Кроме того, устраивался буфет и продавали не только чай, но также коньяк и водку, что было запрещено. Водку и коньяк наливали в чайники: под видом кипятка — водку, а под видом чая — коньяк. Доходы от этого также шли на революционную работу.

Имелся доход и от устройства лекций в частных квартирах. Такие лекции часто устраивались у нас в доме. Мои родители охотно содействовали их устройству. Из большой комнаты-зала выносили мебель, ставили стулья в ряды и приглашали гостей. Текст приглашения гласил: «Поликсена Степановна и Дмитрий Васильевич Стасовы просят Вас пожаловать в такой-то день и такой-то час на чашку чая». Приглашения оплачивались. Обычно тот, кому поручалось раздать их, получал деньги, но можно было внести их и придя на лекцию. Для этого в передней ставился поднос. Кто-нибудь должен был дежурить в передней и в случае появления полиции немедленно спрятать деньги. Я помню одну лекцию Туган-Барановского на нашей квартире. Как раз на эту лекцию нагрянула полиция с черного и парадного ходов, задержала всех и переписала. В числе посетителей у нас была тогда и графиня Панина — родственница князя Вяземского, начальника удельного ведомства. Тот поднял бучу: «Как! Мою двоюродную сестру — графиню Панину смели переписать?...» И вот Вяземский напустился на Клейгельса (петербургского градоначальника) и потребовал его извинения. Клейгельс звонил моему отцу и извинялся.

Про Вяземского и Клейгельса было сложено несколько строк по поводу студенческой демонстрации на Казанской площади:

Смирно! Стой! — кричит удельный.
Бей! Руби! — кричит бездельный —
Клейгельс генерал.

Помню другой случай.

Практиковались горьковские вечера, сборы с которых поступали в кассу партии. Я прекрасно помню один из них, устроенный в 1903 году на квартире известного петербургского адвоката

О. О. Грузенберга, где Горький читал только что написанный им очерк «Человек». Произведение, прозвучавшее как гимн человеку, произвело огромное впечатление на слушателей, а вторичное чтение очерка встретило еще больший восторг, и самый вечер принес в кассу партии крупную сумму денег, так как каждое приглашение было хорошо оплачено.

А. М. Горький всемерно помогал партии большевиков, и помощь эта оказывалась в самых разнообразных формах.

Алексея Максимовича я знала с конца прошлого столетия, но не могу вспомнить, при каких обстоятельствах познакомилась с ним. Думаю, что знакомство наше состоялось через посредство Александры Михайловны Калмыковой, которая дружила с моей матерью и часто бывала у нас. Работая как агент «Искры», я пользовалась магазином А. М. Калмыковой для хранения нелегальной литературы, в чем мне помогала сотрудница Калмыковой О. Н. Чагина. А. М. Калмыкова и А. М. Горький были членами Комитета грамотности, я же использовала для воскресной школы, в которой работала, брошюры, издававшиеся комитетом...

На мне также лежала обязанность получения паспортов. Это было непростое дело. Большую помощь нам оказывал знакомый М. И. Калинина — старший дворник Конон Демьянович Савченко, живший недалеко от меня, на Воскресенском проспекте (ныне проспект Чернышевского). Он был на хорошем счету у полиции. Все старшие дворники, как и швейцары, состояли, как правило, на службе у полиции, и, следовательно, за ними не следили. И когда случалось что-нибудь экстренное, например, нет у меня явки, нет возможности спрятать на ночь приезжего, я спокойно шла к Конону, и он в дворницкой прятал товарища. Когда кто-нибудь из жильцов дома умирал в больнице, на обязанности старшего дворника лежало получить обратно его паспорт. Многие паспорта покойников, которые получал Конон Савченко и его ближайшие друзья — старшие дворники, попадали через Конона к нам. Это были так называемые «железные паспорта». В случае запроса, выдан ли паспорт на имя такого-то, ответ был бы утвердительным, значит, человек может спокойно жить по этому паспорту. Когда Конон ходил в больницу получать паспорта покойников, некоторые соседние дворники просили его: «У меня такой-то жилец помер, возьми его паспорт». Бывало, возвращаясь из больницы, он говорил: «Знаешь, твоего паспорта нет, потеряли его». А сам, конечно, сохранял его для партии.

Вся «техника» требовала очень много времени, точности и сил, так что в бытность мою в Петербурге пропагандистскую и агитационную работу я совсем не вела, если не считать той, которую проводила с учениками в воскресной школе. Что касается политических вопросов, то я, как заведующая техникой, постоянно присутствовала на заседаниях Петербургского комитета. В состав комитета входили представители агитации, пропаганды, от молодежи и от «Рабочего комитета». Последних во время «Союза борь-

бы» и споров наших с «экономистами» мы называли по их печатному органу «Рабочая мысль» «мыслителями». На этих заседаниях происходили горячие споры между нами, искровцами, и «экономистами». С момента появления в Питере представителя «Искры» Радченко И. И., да и раньше, с начала моего знакомства с В. Ф. Кожевниковой, я стала на позицию Ленина, так как Кожевникова и Е. Н. Федорова, будучи его сторонницами, быстро привлекли меня в свой лагерь.

Говоря о своей организационной работе, необходимо указать, что в те времена она была тесно связана с политикой.

Как иллюстрацию этого могу привести факт, который касается подготовки ко II съезду партии.

Положение в Питере тогда было сложное. В городе действовали два Петербургских комитета: искровский и примиренческий¹. Кроме того, был Комитет Рабочей организации, называвший себя иногда петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Каждая из этих организаций претендовала на исключительное право представлять на съезде. Для того чтобы определить правомочность каждой из них, был создан так называемый третейский суд. Вопрос об искровском комитете и «Союзе борьбы» был решен сразу: каждая из этих организаций получала по одному мандату. Сомнения возникли лишь в отношении так называемых литераторов. Это была группа во главе с редактором листков М. Я. Лукомским, о которой я говорила выше, отколовшаяся от Петербургского комитета; она стала громко именовать себя ПК РСДРП и претендовала на самостоятельное представительство на II съезде партии. Мне пришлось идти на заседание «третейского суда», где решались вопросы и политические, и организационные. Отвечая на них, я показала, что претензии примиренчески настроенных «литераторов» на посылку делегата не имеют под собой никакой почвы, они совершенно не связаны с рабочими и представляют лишь самих себя.

Переписка с искровским центром за границей, т. е. с В. И. Лениным и Н. К. Крупской, лежала на мне как на секретаре. Вся связь «Искры» с Россией шла через Надежду Константиновну. Она принимала активное участие в организации II съезда партии, была его делегатом, а затем столь же активно участвовала в подготовке и проведении III съезда партии.

С Владимиром Ильичем я познакомилась по переписке в 900-х годах. Его письма производили на нас необычайное впечатление. У меня в памяти сохранилось то волнение, с которым проявлялись и расшифровывались письма Владимира Ильича и Надежды Константиновны в адрес Петербургского комитета. Каждое письмо приносило много нового, свежего, давало указания, раскрывало перспективы дальнейшей работы. И. И. Радченко в раз-

¹ Примиренцами Е. Д. Стасова вполне справедливо называет полуэкономистскую группу М. Я. Лукомского. *Ред.*

говоре со мной как-то сказал, что эти письма действовали на нас как разорвавшаяся бомба, они приводили нас во внутреннее напряжение и заставляли думать о том, как лучше проводить нашу работу. Я вспоминаю письма, которые производили действительно особое впечатление, как, например, письмо, которое Владимир Ильич написал во время борьбы с «экономистами», с такими товарищами, как Токарев и Аносов, которые входили в состав Петербургского комитета.

Многие теперь не имеют понятия, что представляла собой корреспонденция того времени. Между II и III съездами партии в адрес Н. К. Крупской поступало до 300 писем в месяц. А что значило тогда написать письмо, например, Ильичу? Прежде всего надо было подготовить текст письма и отметить для последующей шифровки наиболее конспиративные сведения. После этого на отдельном листе нужные места зашифровывались и тщательно проверялись, чтобы не было ошибок, которые чрезвычайно затрудняли дешифровку письма. Но и на этом подготовительная работа не кончалась. Требовалось еще написать на каком-либо иностранном языке так называемое внешнее письмо. Оно тоже должно было тщательно продумываться, чтобы не вызывать малейших подозрений. Помню, при переписке между организациями в России мне не раз приходилось ругать людей за то, что они писали такие письма: «Милый друг, я твое письмо получил, за что благодарю, сейчас писать не могу». В то время 7 копеек (стоимость почтовой марки) были большие деньги, и полиция, когда вскрывала письмо, конечно, обратила бы внимание на такой текст. И наконец, за внешним письмом следовала последняя процедура — между строк явного письма различными химическими составами (химией) вписывалось конспиративное зашифрованное послание. Как видите, времени на подготовку нелегального письма уходило предостаточно, и можно себе представить, какая огромная и необычайно кропотливая работа лежала на Н. К. Крупской.

Письма из России в редакцию «Искры» посылались не прямо, а через несколько инстанций, так как ни В. И. Ленин, ни Н. К. Крупская не могли их получать непосредственно на свой адрес, поскольку их квартира, конечно, была под наблюдением и все письма из России вскрывались и просматривались. Поэтому письма направлялись и в Бельгию, и в Германию, и в Англию, и во Францию, а уже оттуда пересылались или лично доставлялись Крупской.

Для того чтобы письмо еще меньше обращало на себя внимание почтового ведомства, и Надежда Константиновна, и я старались внешнее письмо писать на языке той страны, откуда или куда оно шло, т. е. по-французски, немецки или английски, что мы обе могли делать, владея этими тремя языками...

Одним из шифров переписки с Надеждой Константиновной у нас была басня И. А. Крылова «Дуб и трость», потому что в этой басне есть решительно все буквы алфавита. Так как мы

часто пользовались этим шифром, мы знали наизусть, в какой строчке какая буква стоит. Это важно было потому, что, как бы чисты у вас ни были руки, если вы каждый день проводите пальцем по строкам, то какие-то следы остаются на книжке и в конце концов страница пачкается. Мы с Надеждой Константиновной все же из предосторожности писали басню на отдельной бумажке, а потом по ней шифровали.

Химические чернила я держала обычно в медицинском пузырьке с надписью «наружное» в числе прочих лекарств, чтобы при обыске они не бросались в глаза. Как хранились у меня адреса для переписки? Пока их было мало, я записывала их на тонкой бумажке и вкладывала ее в корешок переплета какой-либо беллетристической или научной книги в своей библиотеке. Когда же их стало очень много, я стала зашифровывать адреса в адресной книге «Весь Петербург» за минувший год, так как для пользования семьей употреблялось новое издание, а старое поступало в мое распоряжение. Мой преемник знал, что «Весь Петербург» был хранилищем конспиративных связей во всех концах России, и в случае моего провала, имея под рукой этот справочник, мог легко продолжить партийную переписку.

Иногда обстановка требовала упрощения шифра, которым мы пользовались. Скажем, приходили на явку товарищи и приносили с собой различные адреса. Взять их в написанном виде я не могла, так как не была уверена, что по дороге меня не задержит полиция. Адрес надо было зашифровать. Для этого у меня, как и у других товарищей, был свой собственный ключ для шифровки. Он составлялся из семи слов, содержащих все буквы алфавита...

Каждая буква, как и в обычном шифре, обозначалась двумя цифрами: порядковыми номерами слова (числитель) и места буквы (знаменатель), которое она занимала в слове... В случае же моего провала условный шифр был, конечно, знаком и моему преемнику, который благодаря ему мог заполучить все нужные адреса.

Большую работу по усилению влияния «Искры» в Петербурге проделал Иван Иванович Радченко (Аркадий), который приехал по явке от Н. К. Крупской прямо ко мне и просил меня дать ему связи с «Союзом борьбы». И. И. Радченко был членом Организационного комитета по созыву II съезда партии и представителем организации «Искра» в Петербурге. Я связала его тогда с товарищем из Петербургского комитета и лично все время поддерживала с ним связь. Вся переписка с «Искрой» велась нами тогда совместно. Мне помогали при этом В. Ф. Кожевникова (Штремер) и Николай Николаевич Штремер — члены нашей искровской организации...

К концу 1903 года в связи с арестами деятельность Петербургского комитета РСДРП сильно ослабла. Начальник петербургского охранного отделения 24 сентября 1903 года отмечал в памятной записке: «Собрание членов комитета, до того регулярное,

не могло происходить, и первое собрание состоялось лишь 12 сентября сего года. Местом собрания была станция Парголово. На этом собрании кроме оставшихся членов Комитета Елены Дмитриевны Стасовой и Анатолия Георгиевича Циммермана присутствовали следующие лица: приехавший из города Екатеринослава бывший ученик Академии художеств Э. Э. Эссен, инженер путей сообщений Захар Николаевич Шишкин, неизвестная молодая барыня и неизвестный мужчина. На собрании Стасова заявила, что ввиду ареста («Андрея Черного»), Векслера и других, а также ввиду дошедших слухов, что и остальные члены Комитета известны охранному отделению, она предлагает им оставить на время работу и избрать новый Комитет. Предложение это сочувствия не встретило, так как вновь избранные члены Комитета не могли бы сразу ориентироваться, ввиду чего было решено пополнить Комитет новыми лицами; старые же члены, за исключением Циммермана, вошли в его состав. В состав ПК РСДРП входят: Е. Д. Стасова, Э. Э. Эссен, З. Н. Шишкин, неизвестный еврей, еще два невыясненных пока лица».

В конце декабря 1903 года я на несколько дней уехала передохнуть к своим друзьям В. Ф. Кожевниковой и Н. Н. Штремеру на станцию Молосковицы Балтийской железной дороги. Вернувшись в Петербург, я узнала, что С. К. Каверина, воспитанница В. В. Стасова, помогавшая нам в хранении нелегальной литературы и в связи с этим арестованная, передала из тюрьмы, что, очевидно, на днях меня тоже арестуют, так как одна молодая женщина, которую я недавно привлекла к обслуживанию складов (переноске литературы), была задержана и раскрыла мою кличку.

Я с М. М. Эссен обсуждала вопрос, какую бы кличку мне взять. Она мне сказала: «Охотней всего я дала бы тебе кличку Категорический императив, но это слишком длинно, давай возьмем Абсолют». Так эта кличка и осталась за мною на долгие годы.

Я всегда в своей жизни ставила категорические требования к делу, к работе, требовала всего, а не часть... Но эти абсолютные требования предъявляла прежде всего к своей работе, к порученному мне делу, к самой себе...

ТРАНСПОРТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Вначале я выполнял небольшие поручения, но постепенно круг моей деятельности расширялся. Е. Д. Стасова ввела меня в техническую группу при Петербургском комитете РСДРП.

Елена Дмитриевна была моим талантливым педагогом и руководителем в области конспирации. Она работала изумительно четко и от своих помощников также требовала самой строгой дисциплины, не допуская никакой мягкотелости. Владимир Ильич как-то дал Е. Д. Стасовой кличку Абсолют.

Первое время требования Е. Д. Стасовой казались мне чрезмерно суровыми. Но вскоре я убедился в том, что Елена Дмитриевна права, что в своей конспиративной работе мы идем единственно правильным путем. Техническая работа в условиях подполья была крайне сложной, трудной и ответственной. Нечего и говорить, что малейшая ошибка вела к провалу, наносила большой вред нашему делу. Для многих товарищей она могла повлечь за собой тюрьму, ссылку, каторгу.

Очень подкупала в Елене Дмитриевне ее постоянная бодрость и жизнерадостность даже в самые, казалось бы, критические минуты. Следуя ее примеру, я старался быть таким же, вырабатывать в себе внутреннюю дисциплину и самообладание.

В 1901 году Е. Д. Стасова, будучи агентом ленинской «Искры» в Петербурге, поручила мне организовать транспортировку в Россию через границу нелегальной социал-демократической литературы. Это было нелегкое, но очень важное дело. Владимир Ильич Ленин придавал большое значение организации транспортов марксистской литературы в Россию.

Существовали разнообразные способы пересылки литературы. Склеенные номера «Искры», а позже газеты «Вперед» и других большевистских газет, напечатанные на специальной тонкой бумаге, заделывались в переплеты детских книг или альбомов, которые высылались в Россию по определенным адресам. Получив такую книгу, оставалось снять переплет, размочить газеты в теплой воде, отделить лист от листа, просушить, а затем уже можно было и читать газету.

Как вспоминает Е. Д. Стасова, специальная мастерская в Петербурге на Бассейной улице (ныне улица Некрасова) полу-

чала аляповатые гипсовые фигурки, в которые закладывалась нелегальная литература. Литература изымалась, а фигурки продавались на улицах города.

Очень удобный способ пересылки писем и рукописей из-за границы нашел наш товарищ Владимир Мартынович Смирнов (партийная кличка Паульсон). Он использовал тайную почту финляндского «кагала». Такое прозвище петербургская черносотенная газета «Новое время» дала в насмешку финляндской партии «пассивного сопротивления», выступившей против беззаконий царизма, за соблюдение конституционных законов Финляндии и прав ее граждан. «Пассивисты» затем и сами стали называть себя «кагалом». В отличие от «активистов», считавших необходимым бороться за независимость Финляндии активным путем (под активным путем «активисты» подразумевали главным образом путь индивидуального террора), «пассивисты» ограничивались критикой в печати. И те и другие были, конечно, очень далеки по своим идейным взглядам от социал-демократов. Однако и «активисты» и «пассивисты» охотно помогали русским революционерам, считая своими союзниками всех, кто борется против царизма.

Почта «пассивистов» регулярно функционировала между Петербургом и Гельсингфорсом. Из Петербурга ее отправлял вместе со служебной железнодорожной перепиской в особой сумке служащий Финляндского вокзала Отто Мальм. Эту сумку имел право вскрывать сторонник «кагала». Таким же путем переправлялась почта и из Гельсингфорса в Петербург. Через В. М. Смирнова мы установили связь с Отто Мальмом и с его помощью посылали через Финляндию в «Искру», а позже и в газету «Вперед» значительную часть корреспонденций из России.

Связь В. М. Смирнова с финнами облегчалась тем, что он, как и его мать Виргиния Карловна, шведка по национальности, отлично владел финским и шведским языками. Еще будучи студентом Петербургского университета, Владимир Мартынович организовал доставку марксистской литературы в Петербург через финских железнодорожников.

Вспоминая о В. М. Смирнове, не могу не сказать о его матери. Это была чудесная старушка. Зная о нашей подпольной работе, она добродушно ворчала, что мы «не делом занимаемся», а сама рада была хоть чем-нибудь нам помочь. Очень опасаясь за своего сына, она часто предпочитала брать на себя выполнение весьма рискованных поручений.

Припоминаю такой случай. Виргиния Карловна пошла к рабочему железнодорожной мастерской на Финляндском вокзале Парикки, через которого Смирнов часто получал нелегальную литературу из Гельсингфорса. Проживал Парикки где-то на Выборгской стороне. Виргиния Карловна вышла из квартиры Парикки на улицу с тяжелыми корзинками, наполненными литературой, в обеих руках. В это время полиция по каким-то причинам оце-

пила квартал, где находилась Виргиния Карловна. Но женщина не растерялась:

— Скажите-ка, батюшка, как мне пройти на Симбирскую улицу? Видно, запуталась я, не туда попала,— обратилась она к одному из городских.

Среднего роста, очень полная, в черной кружевной косыночке на голове, с ласковой, располагающей улыбкой, она выглядела типичной петербургской нянюшкой, подобно тем, какие во многих семьях растили барчуков. Никаких подозрений у городского Виргиния Карловна не вызвала. Он указал ей дорогу, даже помог выйти из оцепления и проводил до конки.

Очень остроумно хранила Виргиния Карловна список наших зашифрованных адресов-связей. Сама она почти никогда не ставалась с вязаньем... Сидит благообразная старушка и вяжет, а клубок с вязаньем лежит в рабочей корзинке или мирно катится по полу. Кому в голову придет мысль, что в этом клубке хранятся адреса подпольных явок?

Владимир Мартынович Смирнов часто наезжал в Гельсингфорс и организовывал транспортировку литературы из Стокгольма в Финляндию. Вначале это делалось довольно примитивно. Кто-нибудь из финнов по поручению Смирнова отправлялся в Стокгольм, оттуда на себе перевозил небольшую партию прибывшей туда из Женевы литературы — около пуда. Два или три таких рейса прошли удачно, но затем человек, перевозивший литературу, был задержан. Нужно было искать надежные способы массовой транспортировки литературы.

Центральный и Петербургский комитеты РСДРП считали необходимым широко использовать Финляндию для транспортировки литературы из-за границы в Россию.

Вместе с В. М. Смирновым мы установили связь с Народным домом в Стокгольме. Из Швейцарии багажи с литературой шли в Стокгольм, в адрес Народного дома. В Стокгольме литературу грузили на пароходы, прятали среди угля и таким образом направляли в Гельсингфорс, а затем в Выборг.

Большую помощь оказывали нам начальники станций и другие железнодорожные служащие на линии Выборг — Петербург. Ящики с нелегальной литературой направлялись на эти станции под видом яблок, домашних вещей и т. д. Имея накладные, мы являлись за этими грузами, получали их и отправляли в Петербург. Иногда наши друзья — финские железнодорожники — сами выкупали эти грузы, брали их к себе домой. Затем к ним приезжали из Петербурга на «кофе» знакомые «дачники», а иными словами — студенты и курсистки, наши транспортеры. Кофе с финскими булочками благотворно влиял на молодых людей: приходили они в гости тоненькими, а выходили значительно располневшими...

У женщин были особые карманы в нижних юбках. Кроме того, они ловко пользовались корсетами, закладывали за них брошюры.

Мужчины устраивали себе панцири на спине и груди, обертывали литературой ноги.

Поскольку я руководил всем транспортом, мне самому, естественно, приходилось избегать какого бы то ни было личного участия в перевозках литературы. Но однажды на станцию Сейнино приехало меньше товарищей, чем требовалось. Пришлось нагрузиться и мне. Когда я надел панцирь из листовок, жилет нового моего костюма, узкий в талии, не сошелся чуть ли не на два вершка. Товарищи хохотали над моей раздавшейся фигурой. Одна курсистка, вооружившись ножницами, разрешила спинку жилета во всю длину и зашнуровала ее, как корсет, веревочками. Пиджак и пальто скрыли мою неестественную полноту, и я благополучно проехал через границу.

В 1902 и 1903 годах я регулярно посещал уже упоминавшегося мною ранее Отто Мальма, у которого брал уроки финского языка, так как предвидел, что моя подпольная работа будет в течение длительного времени связана с Финляндией. Но не только изучать финский язык ездил я к Отто Мальму. На уроках он сообщал мне о положении дел, передавал письма, накладные на посланную нелегальную литературу и т. д. Однажды Отто Мальм сообщил мне, что на станции Райвола (ныне Рошино) получено несколько ящиков с нелегальной литературой и желательно их взять немедленно. Требовалось спешно организовать это дело.

Была весна. Начинался дачный сезон. У меня явилась мысль инсценировать переезд на дачу и справить новоселье в виде пикника. Я немедленно поехал на поиски дачи и нашел такую на Черной речке, вдали от станций. Проехать к ней можно было с трех сторон: из Териок (ныне Зеленогорск), из Тюрисева (ныне Ушково) и из Райволы. У моей матери на чердаке я нашел старую мебель — как сейчас помню, большой диван, стол, стулья — и при помощи нашей горничной собрал посуду, которую у нас обыкновенно возили на дачу, накупил массу всякой провизии, собрал «теплую компанию» из курсисток Рождественских и Бестужевских курсов, студентов-технологов, лесников, медиков и других, работавших в нашей организации. Один из товарищей выехал в Райволу за ящиками, другой под видом рабочего повез возы с мебелью, а вся компания с весельем и шумом отправилась гуртом, беспечным видом своим внушая полное к себе доверие. Все шло гладко. Мебель была расставлена, шторы повешены. Ящики с нелегальной литературой благополучно прибыли, и хозяева дачи не могли нарадоваться на общее веселье.

Публика ловко и умело нагружалась, все растолстели, и казалось, что все сойдет хорошо. Но когда стали разгружать последний ящик, стало ясно, что все увезти немислимо, больше половины ящика остается, а людей не хватает. Положение получилось критическое. Оставить ящик на даче нельзя было, сдать на хранение на станцию — рискованно. Оставить у ящика кого-нибудь из товарищей тоже было невозможно, так как, не зная языка, он мог очу-

тяться в неловком положении, навлечь на себя подозрение. Дать же какой-нибудь из наших адресов я также не мог: слишком ценны были для нас связи. Оставалось одно: все перегрузить в один из привезенных чемоданов и поехать мне самому по направлению к Выборгу. Так я и сделал.

Проводив всю компанию, я с чемоданом вернулся в Райволу и отправил его багажом на станцию Голицино, в полукилометре от которой была почтовая станция. Здесь в маленькой избушке жил старичок начальник, лет восьмидесяти, на адрес которого приходили иногда наши грузы. Чемодан был черной кожи, внушительных размеров, обитый бронзовыми желтыми гвоздями.

Не успев я сесть в вагон, как напротив меня появился странный субъект, начавший меня рассматривать и что-то записывать в свою книжечку. Я перешел в другой вагон, но только сел и успел оглянуться, как увидел его на площадке, наблюдавшего за мной через двери. Сомнений быть не могло: за мной следили. Однако я вышел из вагона и сел в поезд только после третьего звонка. Субъект тоже вышел и сел на ходу, после меня. Тогда я выбрался на площадку, загородил спиной дверь и стал «чиститься», то есть уничтожить все лишнее, что было при мне: записную книжку, все записки и т. д.

Приехав, кажется, в Перки-Ярви (ныне Кирилловское), я вышел на платформу и пошел по направлению к багажному вагону. Сыщик меня предупредил и очутился впереди. В это время один из носильщиков получил прямо из багажного вагона чемодан, удивительно похожий на мой, но с белым набором. И тут произошло что-то необычайное. Сыщик посмотрел на меня и бросился за носильщиком. В это время раздался свисток, я на ходу вскочил в поезд и видел, как чемодан, похожий на мой, «попался». Сыщик уже успел вызвать жандарма. Чем все это у них кончилось, я не видел, но я был спасен, и мой чемодан остался в багажном вагоне.

На станции Голицино я получил чемодан и немедленно отправил его на другую станцию на имя знакомого начальника, а сам со спокойной душой пошел к старичку, о котором упоминал. Каково же было мое изумление, когда старичок сказал, что он уже несколько дней спит на ящиках, которые пришли по его адресу, и, боясь за них, сделал себе постель, покрыв их матрасом и одеялами.

Пришлось остаться на ночь, занять единственную маленькую комнату с одной постелью и перетащить ящики к себе. Окно в комнате было еще заколочено и замазано по-зимнему, выход был только в сени, из которых вела стеклянная дверь на крыльцо. Дул страшный ветер, лил дождь, из-за густого леса ничего вокруг не было видно, деревья шумели, как разбушевавшееся море, и казалось, что в мое маленькое окошечко кто-то хочет ворваться, но, обессилев, только царапает его своими ногтями. Нервы были напряжены до последней степени, ощущение было такое, будто я попал в западню и выхода из нее нет. Погасив свечу, я попытался заснуть, но не успел задремать, как смутно услышал отрывистые голоса, через окно донесся лязг металла. Раздался стук. Грубые

мужские голоса требовали открыть дверь. Не зажигая свечи, я вышел в сени и через стеклянную дверь на фоне покрытого тучами неба увидел силуэты мужчин с винтовками на плечах. Лязг оружия не оставлял сомнения — жандармы! Меня проследили и сейчас арестуют.

Я бросился обратно в комнату, с отчаянием посмотрел на маленькое окно и чуть не поддался желанию поджечь ящики. Только мысль о старике хозяине удержала меня от безумного шага. Пришлось покориться участи. Я решил отдаться в руки своим врагам.

Тем временем стук в дверь стал еще настойчивее: очевидно, жандармы теряли терпение. Проснулся старичок, спавший в другой половине избышки, и мы одновременно вышли в сени, чтобы впустить ночных гостей. Дверь открылась, ворвался ветер, и меня чуть не сшибли с ног собаки, гремевшие цепями. Вошли люди в охотничьих костюмах, и страшные винтовки за плечами оказались простыми ружьями. Невольно вспомнилась поговорка: «У страха глаза велики».

На следующий день я уехал в Петербург, а через неделю рабочие Обуховского, Путиловского и других заводов читали новые номера «Искры» и новые революционные брошюры.

Литература прибывала из-за границы в Финляндию все в большем количестве. Не так просто было доставить ее из Финляндии в Петербург, переправить транспорт через русско-финляндскую границу. Я предложил Елене Дмитриевне Стасовой воспользоваться для перевозки литературы именем Кириасалы, принадлежавшим моей матери. Елена Дмитриевна вскоре сообщила, что мое предложение принято и мне поручена организация этого дела.

Имение Кириасалы находилось у самой границы с Финляндией. От Петербурга до Кириасал, если ехать Кексгольмским трактом, было около семидесяти верст. Тот, кто отправлялся сюда из Петербурга поездом, должен был доехать до финской железнодорожной станции Райвола, а оттуда лошадьми до имения.

Таким образом, выезжая из Петербурга, можно было в Кириасалы попасть и со стороны России, и со стороны Финляндии. Это обстоятельство представляло большие удобства для транспортировки литературы.

Очень важно было и то, что на территории имения находился русский таможенный пункт, арендовавший у моей матери как землю, так и постройки, необходимые для чиновников и солдат.

Чиновник, возглавлявший таможенный пункт, его жена и дочь считали для себя весьма лестным знакомство с помещицей Бурениной и ее семьей. Они часто зазывали нас к себе, угощали чаем с вареньем, вкусными домашними наливками. Близкое соседство с имением было по душе и солдатам, которые наперебой ухаживали за хорошенькими горничными помещицы. В общем, между нашей семьей и таможенным пунктом установились вполне добрососедские отношения. Я не преминул этим воспользоваться.

Обычно груз с литературой прибывал на станцию Райвола. Получив сведения об этом, мы снаряжали из Петербурга «охотничью экспедицию»: надевали соответствующие костюмы, брали ружья, иногда прихватывали и собак, создавали видимость того, что группа беспечных молодых людей собирается весело провести время на лоне природы. Когда мы приезжали в Райволу, там уже поджидал нас с лошадей и санями приехавший из Кириасал рабочий имения Микко Олыкайнен. Он был моим усердным и надежным помощником в транспортировке нелегальной литературы.

Наша группа «охотников» делилась на получающих литературу и наблюдающих. Наблюдатели должны были в случае провала немедленно уехать и предупредить о происшедшем всех, кто имел отношение к транспортировке литературы. Получив багаж и погрузив его в сани, мы возвращались в имение. При переезде через границу приходилось подчиняться некоторым формальностям. Солдат, дежуривший у шлагбаума, звонил в колокол. Появлялся досмотрщик. Он подходил к экипажу и спрашивал:

— Кто едет? Что везете? Контрабанда есть?

Узнав меня, досмотрщик приказывал солдату: «Пропусти», и мы благополучно переезжали через границу. Так мы переправили большое количество литературы, минуя таможенный пункт в Белоострове, где грузы тщательно просматривались.

Помогал мне в транспортировке литературы Эдуард Эдуардович Эссен. Партийная его кличка была Барон. Высокого роста, стройный, с вьющимися белокурыми волосами, он и в самом деле мог сойти за какого-нибудь немецкого или шведского барона.

Однажды мы с Бароном отправились в очередной рейс. Барон, в костюме охотника, с ружьем, в высоких сапогах с отворотами, отправился из Петербурга на станцию Райвола. Там он должен был выкупить багаж и дожидаться меня. Я же выехал в Кириасалы из Питера на перекладных-почтовых по Кексгольмскому тракту.

Приехав в имение, я тоже принял подобающий охотнику вид, захватил несколько красивых ковров и поехал на станцию, где находился Барон.

В сани был запряжен удивительный конь Бурят. Когда выезжали из дому, он обычно все время оглядывался, как бы угадывая, далеко ли едут. Заставить его бежать рысью было почти невозможно. Он нехотя шевелил ногами и все время норовил перейти на шаг. Но стоило, доехав до какого-нибудь места, повернуть обратно — и коня было не узнать: он несся стрелой.

Когда я приехал на станцию Райвола, Барон уже ожидал меня. Мы выбрали время, когда у пакгауза никого не было, и стали грузиться. Уложить в сани три больших ящика было не так просто. Выломав сиденье и козлы, мы поместили два ящика, положили сверху сено. Пестрые кавказские ковры совершенно их скрыли. Но куда девать третий ящик? Решили поставить его в ногах Барона и, если будут спрашивать, объяснить, что в этом ящике находятся

рождественские подарки для учащихся земской школы, где моя мать была попечительницей.

Пока мы возились с ящиками, время шло. На станции стала собираться публика, ожидавшая поезда. Появились и жандармы. Но мы сели в сани, и наш Бурят, почуяв, что едем домой, взял с места резвой рысью.

Стояла чудная погода, снег искрился на солнце. Наши сани, убранные пестрыми, яркими коврами, выглядели празднично. Под дугой заливался валдайский колокольчик. Из-под копыт весело бегущего Бурята летели комья слежавшегося снега и ударяли о передок саней. Сани раскачивались то в одну, то в другую сторону, казалось, вот-вот перевернутся. Но, подхваченные быстрым бегом, они снова выпрямлялись и легко скользили по накатанной дороге.

От Райволы до Кириасал было верст сорок. Проехав полдороги, мы остановились, накормили и напоили лошадь, а потом тронулись дальше. Финскую таможенную мы проехали беспрепятственно. Вот и полосатый шлагбаум русского пограничного пункта.

Как обычно, дежурный солдат позвонил. Но на этот раз вышел по сигналу новый досмотрщик, которого я видел впервые. С ним был солдат, вооруженный винтовкой и длинным прощупывающим металлическим прутом. Конечно, я допустил оплошность, непростительную для конспиратора. Появление на пограничном пункте нового досмотрщика оказалось для меня новостью.

Назвав свою фамилию, я небрежным тоном сказал, что еду домой. В ответ мне было предложено предъявить груз для осмотра. Изобразив на лице удивление, смешанное с досадой, я заявил, что везу рождественские подарки для школьников, что раскрывать ящик нельзя, так как его содержимое может от этого пострадать. Я даже попробовал прикрикнуть на досмотрщика, но этим чуть не испортил дело. Он оказался ревностным служакой и настаивал на осмотре.

Тогда я попросил досмотрщика распорядиться поднять шлагбаум и пропустить меня во двор к начальнику таможенного пункта, а у саней поставить вооруженного солдата для охраны моего имущества. Это требование, выраженное в высокомерном тоне, не допускающем возражений, сбilo с толку досмотрщика. Он понял, что я с начальством в дружеских отношениях, и выполнил мое требование. Шлагбаум был открыт. Мы с Бароном въехали во двор, подождали, пока явится охрана, оставили сани на попечение солдата и направились к начальнику.

Чиновник и его семья встретили меня, как всегда, радушно. Когда же я представил Барона, прибавив к его громкому титулу какую-то немецкую фамилию, семейство чиновника совсем растаяло от удовольствия. Жена отправилась хозяйничать, дочка — переодеться. Сам же чиновник тем временем завел со мной и Бароном разговор на излюбленные им темы международной политики.

Затем тема нашей беседы изменилась. Я сказал, что мой друг Барон очень увлекается охотой, он будто бы слышал, что в нашем лесу водятся лоси, и надеется устроить на них облаву. Чиновник любезно предложил использовать в качестве загонщиков солдат таможенного пункта.

Наш радушный хозяин, человек небольшого роста, с нависшими украинскими седыми усами, с небольшим брюшком, с маленькими веселыми глазками, всем своим видом показывал стремление угодить гостям. Кажется, он готов был всю таможенную предоставит в наше распоряжение, чтобы заслужить благосклонность Барона.

— Ольга Петровна, да где же ты пропадаешь? — торопил он супругу. — Ведь соловья баснями не кормят, гости наши, наверное, проголодались. А Шурочка куда девалась? Вот уж эти кокетливые девицы — хлебом не корми, а дай принарядиться! Гости укатят, а мы и угостить-то как следует не успеем.

А гости действительно сидели как на иголках, думая о ящиках с нелегальной литературой. Не успели мы сесть за стол, обильно уставленный всякими закусками и разноцветными бутылочками с домашними водками и наливками, как раздался стук в дверь.

— Войдите! Кого это еще бог несет? — воскликнул хозяин.

Раскрылась дверь, и появился... вооруженный солдат, вытянувшийся в струнку:

— Ваше благородие, пожалуйте во двор!

Я посмотрел на Барона, он побледнел. У меня тоже сердце заколотилось. Чтобы скрыть свое волнение, я стал рассказывать что-то Шурочке, выпивать за ее и мамшино здоровье.

Но вскоре чиновник вернулся.

— Вот ведь, извольте видеть, — пожаловался он, — без меня ничего не обходится, по каждому пустяку беспокоят! Точно у самих нет головы на плечах. А лошадка ваша здравствует, дали ей сенца и овсеца. Добрый у вас конек!

У нас отлегло от сердца. Оказывается, привезли дрова, а чиновника пригласили распорядиться, куда их положить.

Наконец настало время прощаться. Хозяева приказали подать гостям лошадь. Сопровождаемые самыми лучшими пожеланиями чиновника и его семейства, мы тронулись в путь. Об осмотре нашего груза не могло быть и речи.

Шлагбаум остался позади.

Спустя три-четыре дня наш драгоценный груз был уже в Петербурге.

Таким образом, на сей раз все кончилось благополучно. Но этот случай заставил нас призадуматься. Кто может поручиться, что подобное не повторится и в один прекрасный день наш груз не будет осмотрен? Надо было принять заблаговременно какие-то меры.

В трех верстах от имения моей матери, в нейтральной зоне между двумя пограничными пунктами — русским (Кириасалы) и финским (Липпооля), была расположена земская школа. Нахо-

дилась она в ведении моей матери. Я решил устраивать по воскресеньям в помещении школы литературно-музыкальные вечера.

Приглашались на эти вечера чиновники с семьями, досмотрщики и свободные от дежурства солдаты. Все они были польщены оказанным им вниманием, довольны тем, что могут в глуши интересно проводить воскресные дни. А мы, организуя эти вечера, преследовали свои цели.

На литературно-музыкальных вечерах демонстрировались волшебные картины. Фонарь и картины мы получали в Петербурге, в Музее технических пособий, помещавшемся в Соляном городке. Я запасся официальной бумагой с печатью на право перевоза груза через русскую границу. В бумаге было указано, что ящик не подлежит вскрытию во избежание порчи фонаря и картин.

Фонарь мы доставили в имение, где он и хранился. По мере надобности его возили в школу на воскресные чтения. Но часто бумага на право беспрепятственного провоза груза через границу охраняла от осмотра не волшебный фонарь с картинами, а нелегальную литературу, которую мы переправляли из Финляндии регулярно, раза три-четыре в месяц.

Конечно, главное было — миновать границу. Но нужно было подумать и о том, как доставить литературу из Кириасал в Петербург.

Вначале мы перевозили багаж на перекладных. Лошадей меняли на почтовых станциях Коркиямякки, Лемболово, Вартемяги, Парголово. А это было сопряжено с риском. Перекладывая груз из одних саней в другие, ямщики удивлялись, почему чемоданы такие тяжелые. Нетрудно было догадаться, что в чемоданах книги. Не без моего участия был пущен слух, что Буренин перевозит из имения в Петербург свою библиотеку. Но это также вызвало удивление: что-то уж больно большая библиотека, никак не перевезти. Да и почему книги надо возить в чемоданах?

Пришлось литературу, уложенную в мешки, перевозить в подводе под видом картошки. Делал это опять-таки мой отличный и верный помощник Микко Олыккайнен.

Так литература доставлялась в Петербург, на Рузовскую улицу, в квартиру, где я жил. Но как унести в течение нескольких часов из квартиры целый воз литературы, чтобы никто не заподозрил? Как доставить ее на наши явки и склады?

Тут сослужила мне службу моя общественно-музыкальная деятельность, которую я не прекратил, приступив к работе в большевистском подполье.

По-прежнему я активно участвовал в устройстве воскресных чтений и концертов в Волковой деревне и в других рабочих районах. Репетиции к этим концертам проводились в нашей квартире. Дворник знал об этом, так как я не раз поручал ему перевозить пюпитры и инструменты для музыкантов. А то, что дворник не догадывался об истинной цели происходивших у меня собраний, было очень важно. Охранка часто поручала дворникам слежку за внушающими подозрение жильцами.

Постепенно программа воскресных чтений расширялась. Мы устраивали и спектакли. На репетициях читали пьесы с большим количеством действующих лиц. В гостиной раскладывали огромный стол, торжественно покрывали его зеленым сукном. Вокруг стола рассаживались с книгами в руках человек десять — пятнадцать студентов и курсисток. Моя мать радовалась всему этому, так как сама очень увлекалась культурно-просветительной и филантропической деятельностью. А о том, что скрывается за этими репетициями, она тогда еще не знала.

Из гостиной участники репетиций выходили в одиночку или небольшими группами в мою комнату покурить, побеседовать. Здесь и совершалось то, ради чего, главным образом, проводились репетиции. Мои гости быстро раздевались и обертывались литературой. Музыканты часто уносили литературу в футлярах из-под виолончелей и скрипок.

Однажды возникла необходимость срочно в течение одной ночи разнести по районам Петербурга большую партию нелегальной литературы, доставленную на нашу квартиру.

Жил я тогда вдвоем с матерью. Кроме нас в квартире находились горничная и кухарка. Мою комнату отделяли от комнаты матери большая гостиная и столовая. В конце коридора были расположены кухня и комната кухарки. Я закрыл все двери, спустил тяжелые портьеры. Горничная была до некоторой степени в курсе моих подпольных дел. Брат ее являлся рабочим одного из питерских заводов, и она хвалила меня за то, что я стоял за «рабочего человека», очень хорошо ко мне относилась и даже иногда припрятывала у себя под матрацем нелегальную литературу. Я ее предупредил, что ночью ко мне придут товарищи, я сам открою им двери и провожу их, но никто из домашних не должен об этом знать.

Когда в доме все затихло, я сложил в своей комнате и в гостиной пакеты с литературой, приготовил жбаны с керосином, чтобы в случае внезапного обыска можно было быстро сжечь литературу в камине и печке. Во входных дверях я пробуравил отверстие, через которое продел веревку с наружной петлей. Когда тянули за петлю, дверная ручка, к которой была привязана веревка, слегка шевелилась, и я знал, что пришли ко мне. Все товарищи были строго предупреждены, что звонить не надо.

Всю ночь товарищи приходили, обертывались литературой или привязывали ее под платьем. Все шло гладко, но часов в пять утра кто-то, очевидно забыв о предупреждении, нажал кнопку электрического звонка. Мать проснулась. Накинув капот, она вышла в столовую и очень испугалась, увидев, что портьеры во всей квартире спущены. Войдя в гостиную, заметила свет в передней. Не успел я проводить двух последних товарищей, как портьеры раздвинулись, и я увидел мать, стоящую в дверях:

— Что случилось? Кто эти люди? Почему ты не спишь?

— Не беспокойся, мама. У меня неожиданный спектакль, всю ночь репетировали... Ложись спать...

* * *

Нам, людям, руководившим технической работой Петербургского комитета РСДРП, сосредоточившим в своих руках нити явок, складов, типографий, не рекомендовалось что-либо переносить самим или хранить в своих квартирах. Делали мы это в крайних случаях. Распространяли литературу переносчики, «транспортеры» — главным образом молодые студенты и рабочие, беззаветно преданные делу. Они действовали осмотрительно и в то же время решительно и смело. Каждую минуту им угрожала тюрьма, ссылка, каторга, но ничто не могло помешать им выполнять свой долг. В трудных условиях товарищи проявляли исключительную находчивость и самообладание.

Одним из лучших наших транспортеров был рабочий Шлиссельбургской мануфактуры Дианов. Он никогда не падал духом, никогда не отступал от требований конспирации, какие бы трудности ни приходилось преодолевать.

Однажды, приехав в Петербург, Дианов нагрузился литературой, чтобы отнести ее по указанному адресу. Но произошло недоразумение. Когда Дианов пришел на место, его «не признали». Видимо, Дианову дали неправильный адрес.

Транспортер попытался отыскать нужный адрес, но сделать этого не смог. Уже поздно вечером он вынужден был явиться обратно на ту явочную квартиру, где получил литературу. Но опять неудача: к этому времени товарища, давшего ему литературу, здесь уже не было. Дианова встретили другие люди, совершенно ему незнакомые. Ни в какие переговоры они с ним не вступали и, как выяснилось позже, приняли его за шпика. Так Дианов и ушел с литературой обратно.

Что же ему было делать? Он знал адреса товарищей, знакомых по подпольной работе, но идти к ним не мог, так как это противоречило правилам конспирации. Дианов не был уверен и в том, что его не выслеживают. Не мог он с литературой возвращаться и домой.

Всю ночь Дианов, обмотанный листовками, блуждал по городу, стараясь не навлечь на себя внимания городских. Надо еще добавить, что дело было зимой.

Только утром Дианову удалось найти нужного товарища и сдать литературу. Характерно, что он не выразил ни малейшего неудовольствия случившимся. Наоборот, радовался тому, что все кончилось благополучно, что он, несмотря на все трудности, выполнил партийное задание — сдал литературу куда следует.

Я привел этот обычный случай из практики наших транспортеров, чтобы читатель, в особенности молодой, понял, сколько усилий, труда стоило распространение партийной литературы в условиях подполья, с каким риском было связано это дело.

Не так просто было найти подходящую квартиру для хранения литературы. Такая квартира должна была быть исключительно надежной. Кроме того, следовало подумать, как доставлять литературу в эту квартиру, как уносить ее отсюда по районам.

Случалось, что какой-либо из наших складов литературы оказывался под угрозой. Возникла необходимость срочно очистить его. Сделать это нужно было до наступления ночи, когда, по нашим сведениям, следовало ожидать обыска. Хорошо, если удавалось заблаговременно подготовить новое надежное хранилище. А если его у нас не было? Где разместить хотя бы временно все находившееся на складе?

В этих случаях приходилось действовать очень энергично, сочетая осторожность с безудержной смелостью и твердой решительностью.

Среди наших транспортеров были наряду с молодыми рабочими и отдельные выходцы из состоятельных слоев населения, честно служившие делу революции. Они, если это нужно было, умело использовали свое положение, свои связи.

Однажды товарищи, спасая склад от ожидавшегося налета полиции, принесли пакет с нелегальной литературой, обложенный ученическими тетрадями, в гимназию, где преподавала Маргарита Вячеславовна Януш. Дочь видного юриста, Маргарита Вячеславовна была членом подпольной социал-демократической организации.

Что же ей было делать с пакетом? Оставить его в гимназии? Нельзя. Маргарита Вячеславовна вышла с пакетом на улицу, обдумывая, где же его спрятать. И в этот момент она увидела шедшего навстречу... военного прокурора — товарища ее отца по Военной юридической академии. Прокурор часто бывал у них в доме, хорошо относился к Маргарите Вячеславовне и, конечно, понятия не имел о ее причастности к революционной работе. Увидев свою хорошую знакомую с тяжелой ношей, он предложил помочь. Жил прокурор неподалеку от гимназии, и у Маргариты Вячеславовны мелькнула мысль воспользоваться его квартирой.

— Вы, кажется, идете домой? — спросила она. — Это ученические работы, они мне скоро понадобятся в гимназии, может быть, вы разрешите временно оставить их у вас? Только я бы попросила хорошо спрятать пакет, чтобы никто его не развязывал, так как в нем много записочек и заметок, которые мне очень нужны, а они могут выпасть и затеряться.

Прокурор сказал, что возьмет пакет к себе в кабинет и трогать его не будет, потому что не интересуется детскими сочинениями. Так пакет с нелегальной литературой пролежал в домашнем кабинете военного прокурора, пока не был найден новый склад.

Настоящими героями были работники наших нелегальных типографий. Они делали свое дело в очень трудных условиях, под ежедневной угрозой ареста.

Обычно под типографию приспособляли какой-нибудь под-

вал, над которым был склад или торговое помещение, где находились под видом лавочников или торговцев «хозяева» типографии, то есть наши товарищи, ведавшие печатанием и распространением литературы. Наборщики и печатники жили и работали в типографии нелегально, поэтому из помещения выходили очень редко, подолгу были оторваны от внешнего мира.

Каждая типография обслуживалась целой сетью передаточных квартир и несколькими десятками переносчиков. Адрес типографии был известен очень узкому кругу лиц. «Хозяин» типографии получал тексты листовок в условленном месте. Для этого подыскивались самые надежные квартиры, никак не вызывавшие подозрений полиции, или такие места, где постоянно толпилось много людей и охранке трудно было установить слежку. Часто использовались помещения, где устраивались выставки картин. Уславливались встретиться у какой-нибудь картины, привлекавшей к себе особенно много зрителей, и незаметно, в толпе, передавали текст.

Выполнив заказ, заведующий подпольной типографией относил напечатанные листовки в одну или две квартиры-склады, где он тут же нагружался бумагой, краской, шрифтом. Все он, как правило, переносил на себе: наполнял карманы, обматывал бумагу вокруг тела. В руках у транспортеров ничего не было.

В этих трудных условиях работники типографий, переносчики и все другие товарищи, связанные с печатанием и распространением литературы, действовали очень четко и быстро.

Лидия Христофоровна Гоби, заведовавшая в 1902 году техникой Петербургского комитета РСДРП, рассказывает в своих воспоминаниях: «Мы выпустили к 1 Мая десятки тысяч первомайских листовок и распространили их к 30 апреля к концу работы, примерно около четырех часов дня, на всех крупных и менее крупных фабриках и заводах столицы. Это произвело большой эффект на петербургскую полицию, которая пришла в бешенство оттого, что какая-то неведомая ей тайная рука может так четко и ловко работать».

Больших трудов стоило добывание шрифта. Иногда нам удавалось доставать его в легальных типографиях. Одно время нашим «поставщиком» шрифта была частная типография «Слово», находившаяся на улице Жуковского. В этой типографии работали братья Войтенко, оказывавшие нам большую помощь.

Старший из братьев — Василий Андреевич Войтенко — приехал в Петербург из Черниговской губернии. У него обнаружился хороший голос, и я занимался с ним музыкой и пением.

Нуждаясь в средствах, Войтенко работал по вечерам в конторе типографии «Слово», а своего младшего братишку Колю устроил в этой же типографии мальчиком-учеником. Черноглазый шустрый мальчуган быстро завоевал общие симпатии. Ему разрешили свободно ходить в типографию по парадной лестнице, а не через специальный вход для рабочих, где каждого обыскивали.

Василий Войтенко часто выполнял обязанности переносчика

нелегальной литературы. С помощью своего братишки Коли он прятал литературу в типографском складе для бумаги. Кроме того, Коля таскал для нас из типографии шрифт. Во время обеденного перерыва мальчик входил в комнату корректоров, которые его очень любили, оттуда проникал в наборную, подходил к реалу и брал связанные полосы использованного шрифта...

Листовки с прокламациями печатались не только в типографиях, но и на гектографах, мимеографах, ротаторах, пишущих машинках — одним словом, всеми возможными способами. Здесь также было немало трудностей. Мы не могли, например, покупать гектографическую массу, чтобы не навлечь на себя подозрение. Этот состав мы варили сами. Но необходимый для ее изготовления глицерин продавался в аптеках маленькими дозами, которые нас никак не устраивали. Приходилось вовлекать в заготовку глицерина ряд товарищей, чтобы собрать его в необходимом количестве. Точно так же приходилось обходить целый ряд магазинов, чтобы собрать нужное количество бумаги.

Огромную, поистине неоценимую услугу оказывали нам люди, предоставлявшие свои квартиры для подпольных явок, собраний. Находили иногда здесь временный приют и товарищи, скрывавшиеся от царской полиции.

Владельцы этих квартир были людьми внешне вполне благонамеренными, подозрений у полиции не вызывали. Но они сочувствовали нашему делу и стремились помочь нам, рискуя собственным благополучием. Часто мы устраивали подпольные явки в квартирах врачей или адвокатов, где многочисленные посетители не обращали на себя внимания городских. Сюда наши товарищи приходили под видом больных или клиентов, нуждавшихся в совете адвоката.

Несколько явочных квартир было в здании Академии художеств. Так, например, много лет подряд, начиная с 1902 года, служила нам квартира Эрнеста Францевича Зиварта.

С Эрнестом Францевичем я познакомился, занимаясь в Академии художеств. Был он человеком прогрессивных взглядов, сочувствовал социал-демократии...

Эрнесту Францевичу можно было полностью доверять. В его квартире проводились заседания Петербургского комитета РСДРП, устраивались наиболее важные явки, хранилась нелегальная литература. Здесь мы печатали листовки на мимеографе и гектографе, а в 1905 году хранили оружие и приготавливали взрывчатую смесь для бомб. Эрнест Францевич снабжал нас печатями, которые он искусно вырезал из пальмового дерева. Эти печати были нам необходимы для паспортов, которыми нужно было снабжать товарищей, находившихся на нелегальном положении.

Охотно предоставляла нам для явки свою небольшую квартиру на Васильевском острове старая учительница Яковицкая. Она была честным и надежным человеком, в чем мы имели много возможностей убедиться. На подпольщиков, особенно женщин,

старушка смотрела вначале с недоумением и каким-то сожалением. Она говорила, что не понимает, зачем мы, молодые, губим себя, лишаем себя радостей жизни, советовала бросить такое опасное дело. Однако затем и хозяйка квартиры втянулась в нашу работу, стала выполнять некоторые поручения. Здесь была одна из лучших наших явок.

По заданию Елены Дмитриевны Стасовой я подыскивал надежные адреса для писем, прибывающих из-за границы, а также и из других городов России. Адреса всех этих квартир в моей записной книжке были зашифрованы. Когда в 1907 году меня арестовали и я попал в тюрьму, у следователя оказалась моя записная книжка. Но только через три месяца полиции удалось расшифровать написанное, да и то не совсем точно. За это время я успел предупредить товарищей, и обыски, проведенные у них, не дали полиции никаких результатов.

Нам, техникам, имевшим дело с типографиями, складами, подпольными явками, приходилось вырабатывать свою систему шифрования. Мы в этом настолько усовершенствовались, что писали шифры со скоростью обычного письма. При этом применяли двойной шифр: переименовывали слова по известной аналогии и шифровали уже переименованные слова.

Вспоминая те далекие дни, с глубокой признательностью и уважением думаешь о бескорыстных, самоотверженных людях, которые, не страшась опасности, помогали партии, вносили свой вклад в ее великое дело.

Буренин Н. Е. Памятные годы. Воспоминания. Л., 1967, с. 40—77

РАЗЪЕЗДНОЙ АГЕНТ «ИСКРЫ»

С тех пор как мы в начале 90-х годов начали свою работу кротов, могильщиков буржуазного строя, прошло десять лет. После тюремных мытарств и ссыльных скитаний большинство из нас вернулось теперь опять к революционному делу. В жизни страны произошли за это время крупные перемены...

Изменения, вызванные прогрессом техники в социальной структуре общества, отражались и в быте. По прибытии в 1902 году в Петербург после ссылки я, посещая квартиры старых знакомых, был удивлен в особенности двумя вещами: электрическим освещением, заменившим прежние керосиновые лампы в домах, и телефоном. Наряду с этим шло применение газа для кухонных плит и ванн, центральное отопление, лифты, развитие водопроводной и канализационной сети в больших городах, — все это, конечно, лишь в буржуазных кварталах; рабочие жилища по-прежнему скорее напоминали логовища троглодитов, чем обиталища людей эпохи «цивилизации». На улицах появились легковые автомобили, пока еще, впрочем, очень редкие. Вошли во всеобщее употребление пишущие машины в конторах и ротационные в типографиях. Фонограф развился в граммофон; делало первые, еще робкие завоевания кино (кинематограф как публичное зрелище впервые появился в Петербурге в зиму 1895/96 года)...

Огромная перемена произошла и в росте численности и классового самосознания рабочей массы. Рабочий старого типа, «тихоня», как характеризовал его Тургенев в своей «Нови», сохранился разве только в самых медвежьих углах...

Забастовки, проводимые со спокойной выдержкой и твердой настойчивостью в требованиях, ясно сформулированных, стали заурядным явлением в промышленных районах. К рабочим механических заводов и текстильных фабрик в борьбе за экономические требования присоединились теперь углекопы, железнодорожные рабочие, торговые служащие и всякого рода рабочие неквалифицированных специальностей, включая чернорабочих. Уже в 1897 году правительство вынуждено было издать закон, ограничивавший рабочий день, — правда, одиннадцатью с половиной часами, — в большинстве случаев не исполнявшийся фабрикантами. Волны рабочего движения все ширились, и, что самое важное,

выступления масс еще чаще сопровождалась теперь политическими требованиями, и это политическое движение выливалось в форму уличных демонстраций.

В их организации, в формулировке лозунгов, в появлявшихся в связи с ними листовках видна была направляющая рука социал-демократии, вернее, отдельных социал-демократических групп, видимо еще не объединенных общим центром, лишенных общего руководства, единого плана действий, единой программы. Отсутствие партии как всероссийской организации чувствовалось всеми...

Владимир Ильич, еще будучи в ссылке, предвидел это политическое пробуждение масс и обдумывал предстоящую роль социал-демократии в начинавшемся движении, ее ближайшие задачи и пути объединения разрозненно работавших групп, кружков и комитетов в единую мощную партию. Между тем как Струве носился с пропагандой идеи, что «социальная катастрофа исчезла из реалистической точки зрения», Владимир Ильич считал, что именно такая «катастрофа» должна быть руководящей целью движения. Еще в ссылке в статьях, предназначенных «Рабочей газете», которая должна была выходить по постановлению первого съезда, в статьях, своевременно не увидевших света, Владимир Ильич ясно формулировал наши задачи.

На первом месте стояла здесь разработка революционной теории, так как крепкой социалистической партии не может быть, если нет революционной теории, объединяющей всех социалистов; затем шла выработка партийной программы в целях организации классово-борьбы пролетариата и руководства этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и устройство социалистического общества. При этом, по мысли В. И. Ленина, пролетариат должен явиться гегемоном, вести за собой на ближайших этапах борьбы другие борющиеся со старым порядком вещей общественные классы. Возможность этого обуславливалась прежде всего тем, что стихийная, разрозненная борьба рабочих и социал-демократических группировок отдельных местностей должна была превратиться в организованную борьбу единой политической партии.

Средством создания такой централизованной партии должна явиться газета, связанная со всеми местными группами, которая одновременно должна быть и трибуной и аудиторией, куда должны стекаться все материалы и корреспонденции; она должна отражать все моменты движения и руководить им, она должна поэтому правильно и систематически доставляться во все местности. Вокруг такой газеты и на почве ее распространения и создается связь между комитетами, создается широкая, крупная и гибкая организация профессиональных революционеров, скелет партийной организации. Общерусская политическая газета, с ее обличениями экономического и политического развала отживающего строя, проникающая при посредстве пролетариата в крестьянство, в широкие низы народных масс, должна быть народной политической газе-

той и вместе с тем базисом всероссийской партийной организации, которая положит конец существующему кустарничеству социал-демократической работы. Эти же мысли Владимир Ильич развивал и позже на страницах «Искры» в статье «С чего начать?» и в особенности в своей книге «Что делать?», вышедшей в начале 1902 года и сыгравшей огромную роль в организации партии.

По возвращении из ссылки в начале 1900 года Владимир Ильич, сговорившись с Мартовым и Потресовым, кратко сформулировал на псковском совещании ближайшие задачи органа, выяснил отношение к возможным еще тогда союзникам, Струве и Туган-Барановскому. Заручившись денежной поддержкой предприятия со стороны А. М. Калмыковой и обеспечив кое-какие другие нерегулярные источники денежных средств, связавшись с некоторыми группами и отдельными лицами в разных городах, Ленин выехал за границу. Идейные традиции группы «Освобождение труда», на которых воспиталось целое поколение революционных социал-демократов, были близки и ему, и не было спора о том, что группа «Освобождение труда» целиком войдет в редакцию. Но Владимир Ильич учитывал сложившуюся десятилетиями эмиграции психологию группы, ее оторванность от движения, неизбежную тяжеловатость и медлительность работы ее членов и полагал, что главная тяжесть работы будет лежать на нем и его молодых товарищах, при деятельном сотрудничестве Плеханова, Засулич и Аксельрода. Однако он встретил здесь неожиданное и упорное противодействие, едва не потушившее «Искру» в самом ее начале.

В записке-памятке «Как чуть не потухла «Искра»?», опубликованной посмертно в 1924 году, набросанной Владимиром Ильичем под свежим впечатлением переговоров с группой «Освобождение труда» в августе (сентябре) 1900 года об организации «Искры», о составе редакции, о месте издания газеты и прочем, Владимир Ильич с чувством глубокой горечи говорит об абсолютной нетерпимости, неспособности и нежелании Плеханова вникать в чужие аргументы. «Мою «влюбленность» в Плеханова, — пишет он в этой заметке, — тоже как рукой сняло, и мне было обидно и горько до невероятной степени. Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением... ни перед кем я не держал себя с таким «смирением» — и никогда не испытывал такого грубого «пинка»¹.

Соредакторство было для Плеханова, по-видимому, равнозначным единоредакторству. «Быть пешками в руках этого человека мы не хотим»², — заключал Владимир Ильич.

Остальные же члены группы «Освобождение труда», по образному выражению Потресова, «несли ярмо плехановщины с героизмом рабов», и когда один из этих «рабов», Л. Г. Дейч, попробовал

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 343. *Ред.*

² Там же, с. 344. *Ред.*

примиришь стороны, советуя Ленину и его группе смириться перед ультиматумами Плеханова, открыто признать свое подчинение ему, а там, дескать, дело покажет, как сложатся отношения, Владимир Ильич не стал с ним и говорить и только, переглянувшись с Потресовым, произнес: «Мм... да».

Плеханов слишком остро чувствовал свою роль идейного вождя российской социал-демократии, свое значение ученого и писателя, свое обаяние блестящего публициста, быть может, несколько преувеличивая все это, и во всяком случае смотрел на себя, как на центральную фигуру всякого партийного начинания и как на безусловный авторитет в вопросах теории и тактики. Он вдруг почувствовал, что «ученик» его, Ленин, как будто хочет выйти из-под его влияния. Он уже готовился, как главный редактор, распределять отделы, назначать темы статей и прочее, как вдруг ему преподносят готовый план, определенные тактические задачи и обнаруживают в вопросах теоретических и организационных самостоятельность, какую он не привык видеть в своих товарищах. Эти товарищи, П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич, были людьми несравненно меньшего калибра и свыклись со своей ролью спутников большого светила.

Помимо психологических и вообще личных мотивов, осложнявших отношения между старыми и молодыми членами редакции «Искры», надо отметить еще одну черту старых, в особенности Плеханова: неверие в творческие, действенные силы русского пролетариата. На длинном пути своей революционной деятельности Плеханов и его друзья пережили уже много горьких разочарований: изолированность от народных масс «Земли и воли», бесплодность героической борьбы народолюбцев, превращение европейской социал-демократии из партии революции, в партию соглашателей. Им всегда казалось, что Ленин слишком укорачивает путь от полуфеодальной абсолютной монархии к коммунистической революции, что ограниченному в своем политическом сознании и в своих целях русскому пролетариату он подсовывает задачи преждевременные, непосильные и недостижимые для него в ближайшем будущем.

В этом отношении члены группы «Освобождение труда» разделяли, по-видимому, впечатление А. М. Калмыковой, беззаветно преданной «Искре» и Ленину, но под старость ставшей несколько наивной в своих суждениях. Она пишет, что в Пскове «Владимир Ильич прочел нам статью, написанную им для первого номера. Говорил он от имени рабочей массы, пролетариата, и когда я высказала ему свое удивление, что он говорит от имени той массы, которой еще не существует (Калмыкова, очевидно, хотела сказать «которая так не думает». — М. С.), он отвечал: «Она проникнется убеждением, что она уже есть, что это ее слова и требования».

Как бы то ни было, возникшие трения были пока преодолены. Владимиру Ильичу удалось даже перенести редакцию «Искры»

подальше от Женева, в Мюнхен, а затем в Лондон, чтобы не быть слишком связанным влиянием своих более тяжеловесных коллег. Из всех трех стариков Засулич оказалась самой живой и восприимчивой к новым темпам работы и открывавшимся перспективам. Она все время жила с молодыми в самом пекле редакции. «Посмотревши сквозь окошечко «Искры» — не газеты, а ее обстановки — на настоящее революционное движение, я уже не помирилась бы с работой впотьмах», — писала она А. Н. Потресову.

Началась работа по строительству партии.

В этом отношении положение вещей к началу 1902 года сложилось очень трудное. Некоторые опорные пункты у «Искры» были. Прежде всего были два надежных стационарных пункта. В Пскове сидел Лапоть (П. Н. Лепешинский); туда можно было направлять людей за явками, адресами, паролями, там можно было устраивать встречи, вести переговоры; пункт был удобен сравнительной близостью к границе и соседством с Петербургом. Но роль Лаптя, несмотря на всю ответственность ее, была все же пассивна. Менее пассивным был другой, также немаловажный стационарный пункт, — Самара, где жили Кржижановские и Ленгник, обслуживавшие Поволжье и связанные до некоторой степени с Саратовом через Барамзина (Эмбрион) и с Нижним, где были старые знакомцы Ильича, Пискуновы и Малченко. Более активным центром был Киев, где Крохмаль и Басовский, связанные со многими местами промышленного юга — Екатеринославом, Одессой, Полтавой, Харьковом (через Л. Н. Радченко) — организовали транспорт «Искры», координировали действия с «Южным рабочим», пытались не без успеха вести работу по объединению на платформе «Искры» на всем юге. В Петербурге был С. И. Радченко. В Смоленске жил член «Северного союза» Любимов (Марк). Были, кроме того, «Лошадки» (Л. Б. Красин, Л. Е. Гальперин и др.), через которых шли связи с Кавказом, где обрисовывались возможности приобретения солидной типографской техники.

Другой важный технический пункт был в Кишиневе — тайная, на ходу, типография Акима (Гольдмана), перепечатававшая между прочим «Искру». Кроме того, в Москве сидел, хотя и мало себя проявлял пока, доверенный человек «Искры» — Грач (Бауман). Он пытался связать Москву с Киевом, но попытки эти скоро кончились его арестом. С подмосковной областью, с Иваново-Вознесенским районом он не успел связаться, а между тем работа в этом направлении могла бы дать важные результаты ввиду образования «Северного рабочего союза», располагавшего значительными личными силами. Деятельным работником там был наш товарищ по ссылке Н. Н. Панин, обосновавшийся в Иванове. Кроме него из старых товарищей входили в «Союз» еще М. А. Багаев и В. А. Носков, познакомившийся в Уфе с Владимиром Ильичем и к 1902 году бывший уже за границей. Деятелями «Союза» были также Варенцова, Любимов, Карпов, Стопани, Костеркин, Кардашев, Щеколдин, Кедров, Горн и другие, — я называю только тех, с кем мне

лично приходилось иметь дело. Еще раньше, в 1901 году, в «Северном союзе» работал старый питерец Бабушкин, хорошо информировавший «Искру» о положении дел в районе своими корреспонденциями из Кохмы, Гуся, Иванова и других пунктов. Несмотря на эти рассеянные по разным местам деятельные силы, не было налицо той живой, подвижной организации, которая являлась бы постоянной связью между отдельными пунктами, создавала бы новые ячейки и звенья цепи и сплачивала бы все это вокруг «Искры»¹.

К концу 1901 года вышло уже тринадцать номеров «Искры», но распространение ее шло из рук вон плохо. Организовать правильно действующую сеть распространителей не удавалось. В 1901 году посчастливилось приобрести двух очень ценных сотрудников, как потом стали называть «агентов» «Искры», Ногина и Андропова, но к осени они вкуче с Цедербаумом провалились. На смену им последовательно приходили другие: Аркадий (И. И. Радченко), Бродяга (М. А. Сильвин), Гурвич (Дан), Зайчик (Окулова), Краснуха, Доливо-Добровольский, Игнат (Красиков) и др. Но весь аппарат был явно недостаточен и непрочен. Частые провалы нарушали преемственность работы и обрывали связи. Транспорты «Искры», кроме как «путем Дементия» (Басовского, через Теофиполь) и отчасти Таршиса (район Ковно), не достигали назначения. Путь на Батум не налаживался, не осуществился и путь на Варде.

Работа большей частью шла силами старых испытанных товарищей, уже побывавших в ссылке, но они оказались тяжеловесны и малодеятельны. Неподвижно сидел Лапоть, мало признаков жизни подавали самарцы. И. И. Радченко писал в «Искру» незадолго до своего ареста в августе 1902 года:

«Я в Соню (Кржижановского) влюблен, и мне обидно за нее — год она проворонила, продремлет и еще один... А как Лапоть (Лепешинский)? Довольно бы и ему отдыхать. Жизнь уходит вперед... усиленной работой и всякий мало просуществовавший сделает много...»²

Наиболее жизненными в начале 1902 года оказывались киевляне, но связей с ними ни у самарцев, ни у Лаптя не было. Л. Н. Радченко была в Харькове и держала связь с киевлянами, но дни ее были уже сочтены. С. И. Радченко в Петербурге был по-прежнему тяжкодум и неповоротлив. Л. Б. Красин еще только начинал сколачивать организацию на Кавказе.

Как мало еще было сделано для осуществления организационных идей «Искры», как велик был недостаток в людях и как трудно

¹ Автор воспоминаний слишком пессимистически оценивает деятельность искровских организаций в силу незнания состояния их работы в 1901 г. До января 1902 г. он находился на службе в армии в Сибири, не принимал участия в партийной работе, не знал, что делается в искровских организациях. *Ред.*

² Переписка «Искры» с представителями организационных комитетов. — Пролетарская революция, 1928, № 6 (77) — 7 (78), с. 101. *Ред.*

было найти подходящих агентов, видно из письма Владимира Ильича: «Слишком легко агенты набирались». Да, но мы ведь не творим себе «человеческого материала», а берем и не можем не брать, *что дают*. Без этого нам жить нельзя. Едет человек в Россию, — говорит, хочу для «Искры» работать — честный и преданный делу. Ну и едет, конечно, и идет за «агента», хотя никто из нас *никогда* сего звания не раздавал. И какие же у нас средства проверять «агентов», руководить ими, ставить на иные места? Да мы сплошь и рядом даже писем добиться не можем, — и в 9 случаях из 10 (я говорю по опыту) все наши здешние предположения о будущей деятельности «агента» летят к черту *на другой день по переезде границы*, и агент работает, как ему бог на душу положит. Поверьте, я буквально теряю всякую веру в здешние предположения, маршруты, планы и проч., потому что заранее знаю, что это ни к чему. Нам «приходится» биться как рыбе об лед, *делая (за неимением других людей)* не свое дело. Ведь чтобы назначать агентов, смотреть за ними, *отвечать* за них, объединять и руководить *на деле*, — для этого надо везде бывать, летать, всех видеть на самом деле, на работе. Для этого нужна артель *п р а к т и ч е с к и х организаторов и вожаков*, а ведь у нас нет их, т. е. есть, конечно, но мало, мало, мало... Ведь в этом все горе наше. Ведь когда согласишься на нашу практическую бесхозяйственность, — то согласишься часто до потери работоспособности, и только одно утешает: значит, жизненное дело, если *растет* и явно *растет*, *несмотря* на весь этот хаос. Значит, перебродит — и хорошее вино будет»¹.

Вот в эту атмосферу неперебродившего вина и попал я по возвращении из ссылки в самом начале января 1902 года.

Найдя в Самаре Ленгника и Кржижановских, я заявил им о своем желании немедленно ввязаться в работу по линии «Искры». Было решено написать об этом в редакцию, а в ожидании ответа посидеть мне в Самаре. Я остался, поселился у Ленгника и засел за свою книжку «В казарме», которую конспиративным путем переправил для напечатания в «Искру». Осматриваясь среди старых и новых знакомцев в Самаре, я увидел, что здесь было много сил, не находящих себе применения. Никаких связей с местными рабочими не было, да и вряд ли стоило заводить их: Самара была в то время совершенно непромышленный город. Между тем здесь кроме Кржижановских и Ленгника были еще В. П. Арцыбушев, Кранихфельд и его жена, Н. О. Цедербаум, Газенбуш и семья Ульяновых, в которой на Дмитрия Ильича и Марию Ильиничну можно было вполне рассчитывать, как на активных членов организации. Арцыбушев, старый земледелец, с львиной головой и бородой Карла Маркса, несмотря на свой уже почтенный возраст, относился к нашим планам и предположениям с пылким энтузиазмом юности. Кранихфельд, прозванный «подушкой» за свой тихий нрав и малоподвижный меланхолический темперамент, был также очень

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 213. Ред.

предан движению, и полученное им только что наследство, помнится, 10 000 рублей, полностью отдал на дело «Искры». Кроме них были еще и другие, сочувствующие и готовые оказать посильную поддержку делу объединения партии: Шлихтер, тогда еще почти посторонний, предоставлял свою квартиру для ночевки нелегальных и оказывал другие частные услуги; Груздь, статистик, обладавший прекрасным голосом, добывал нам адреса для переписки; писатель Скиталец (С. Г. Петров), плохо разбиравшийся в программах, был дружески ко всем нам расположен и др.

«Искра» получалась нерегулярно и с большими опозданиями. Даже в Красноярске, откуда я приехал, ее получали чаще и в больших количествах. Переписка с редакцией была малооживленной и плохо налаженной, да и не о чем было писать в редакцию самарцам, мало связанным с центрами работы: Киевом, Москвой, Петербургом, «Северным союзом». Даже Поволжье не было объединено ими, если не считать редких и случайных сношений с Барамзиным в Саратове и с Пискуновым в Нижнем. Кржижановский сообщил мне немногие доступные ему сведения о зачатках организации, о том, что Папаша (Литвинов) в Харькове, что в Пскове сидит Лапоть (Лепешинский), образуя собой такой же «центр», как он, Кржижановский, в Самаре, и — самое интересное — о том, что единственным деятельным и подвижным работником, стержнем всего ожидаемого объединения является разъездной агент «Искры» Аркадий.

О киевском кружке Басовского — Крохмалья, как и о «Северном союзе», самарцы не имели представления. При таком состоянии организации, при полной ее несвязанности и совершенной неоформленности нет ничего удивительного, что когда получилось, наконец, примерно в середине января письмо из редакции, приглашавшее меня, Ленгника и Кржижановского за границу на совещание, или, как мы поняли, на конференцию работников, — мы отнесли к этому предложению совершенно отрицательно. Нам казалось, что сначала было необходимо хотя что-нибудь сделать, заложить сколько-нибудь прочные основы «Искры» в России.

На случай, если бы я не поехал за границу, редакция предлагала мне выехать в Псков и увидаться там с Аркадием. Это была уже определенная директива, которой я и решил следовать. Но перед этим мы устроили пленарное совещание, на котором решительно взяли инициативу внутренней (в России) организации «Искры» в свои руки. Совещание состоялось где-то за городом в железнодорожном доме, в котором Кржижановский имел квартиру. На нем присутствовали: Г. М. и З. П. Кржижановские, Ф. В. Ленгник, Д. И. Ульянов, М. И. Ульянова, В. П. Арцыбушев, Газенбуш, М. А. Сильвин и Кранихфельд¹. Решено было избрать Централь-

¹ З. П. Кржижановская, упустившая мое имя в своем сообщении об этом совещании, ошибочно упомянула Г. Окулову, которая в это время была в Киеве. См. Ленинский сборник VIII, с. 221. *Прим. автора.*

ный Комитет с постоянным местопребыванием нескольких его членов в Самаре. Секретарем ЦК была избрана З. П. Кржижановская и помощником ее М. И. Ульянова. В Самаре должны были оставаться Кржижановские, Газенбуш и Кранихфельды. Д. И. Ульянов должен был ехать на юг (вскоре он уехал в Одессу, где и был арестован в сентябре 1902 года), Ленгник — в Киев (уехал туда осенью того же года), Арцыбушев — на Урал (уехал в Уфу); Сильвин (Бродяга) и Радченко (Аркадий) оставались на ролях разъездных агентов. Все названные товарищи были избраны в состав ЦК с присоединением к ним Л. Н. Радченко и шести членов редакции «Искры». Все это было довольно скороспело и даже наивно, но, нам казалось, необходимо было начать именно с этого, то есть с образования ядра, вокруг которого можно было легче и быстрее сгруппировать публику и объединить связи, чем вокруг отдаленной редакции. Вменено было в обязанность всем членам ЦК возможно чаще сноситься с секретариатом в Самаре, информируя его о своей работе. В отношении местных комитетов и организаций было постановлено следующее:

«Каждый член ЦК, являясь в данное место, должен стремиться к приобретению там наибольшего влияния и иметь конечной целью присоединение данного комитета к организации «Искры» и к признанию ее партийным органом. Для этого он: 1) входит автономно в местную группу, предлагая ей услуги по доставке литературы, газеты, по печатанию прокламаций, заявлений и пр., 2) если, несмотря на все усилия, Комитет остается враждебным — он образует свою собственную группу и свой местный комитет»¹.

Другим важным вопросом было отношение членов «Искры» к местным органам печати. Успехи «Южного рабочего»² и «Рабочей мысли» на севере, их большая роль в деле организации движения на пространстве обширных районов, их работа по пропаганде социал-демократических идей, выдвижению и проработке вопросов тактики были неоспоримы, и при далеко еще недостаточной замене всего этого руководства «Искрой» эти органы имели для местных работников огромное значение, и самая идея их была столь популярна, что каждая местная организация мечтала о своем органе. Уральцы пытались издавать «Пролетарскую борьбу»³, «Северный рабочий союз» собирался выпускать свою газету, даже

¹ Ленинский сборник VIII, с. 223. *Ред.*

² «Южный рабочий» — социал-демократическая неперIODическая газета, издавалась нелегально в Киеве группой того же названия с января 1900 по апрель 1903 г. Всего вышло 12 номеров. Группа «Южный рабочий» признала «Искру» руководящим органом на словах, а на деле преследовала свои особые планы и отличалась неустойчивостью. Большинство руководящего состава группы впоследствии стали меньшевиками. *Ред.*

³ «Пролетарская борьба» — сборник «Уральской социал-демократической группы». Авторы этого сборника стояли на позиции «экономизма», отрицали необходимость создания самостоятельной политической партии рабочего класса, считали, что политическую революцию можно совершить путем всеобщей стачки, без вооруженного восстания. *Ред.*

нижегородцы задумывались о том же. Для нас, конечно, всего важнее было обеспечить гегемонию «Искры» в руководстве движением, всеобщее признание ее программной и тактической линии, объединение вокруг нее. Мы постановили поэтому:

«...относиться отрицательно к существованию местных органов и стараться сосредоточить все силы для прочной постановки общепартийной группы, как единственного средства к практическому и теоретическому объединению действующих групп»¹.

Протоколы нашего совещания были составлены З. П. Кржижановской и отосланы ею в «Искру». Письмо дошло по назначению, но, очевидно, было перлюстрировано, так как копия его нашлась потом в архивах департамента полиции.

Для редакции «Искры» сообщение о нашем совещании было большим и радостным событием. Владимир Ильич услышал в нем действенный отклик на свое дело со стороны старых друзей, на преданность и революционное рвение которых он мог положиться.

«Ваш почин,— писал Ленин в Самару,— нас страшно обрадовал. Ура! Именно так! Шире забирайте! И орудуйте самостоятельнее, инициативнее — вы первые начали так широко, значит и продолжение будет успешно!»²

Вскоре после того я выехал в Псков, где должен был встретить Аркадия. По дороге я заехал в Москву, куда Кржижановский дал мне явку к Грачу (Бауману), также агенту «Искры». Разыскать его оказалось нелегким делом. Все явки и адреса были перепутаны, неточны: или лицо, указанное в адресе, вовсе там не проживало, или его фамилия была совсем иная. Один из старых товарищей, через которого шла конспиративная переписка, жаловался мне по этому поводу: «Уж на что у меня чисто русская и вполне понятная фамилия — Шестопалов,— так нет, пишут на конверте «Жистопалову». Паспорта у меня не было, кроме своего, выданного мне еще в Минусинске и неудобного для прописки в гостинице, так как проживать в Москве я не имел права. Пришлось искать приюта у личных знакомых, но люди обывательского круга были так сдержанны и мало любезны, что после первых же попыток я решил их больше не беспокоить. И. И. Скворцов, не стоявший тогда близко к делу, направил меня в какой-то книжный магазин на Никитской, откуда барышни позвонили по телефону своему приятелю, присяжному поверенному, нельзя ли сегодня вечером прийти к нему «повинтить»; это было условным паролем насчет ночевки приезжему, которая и была мне приготовлена в Денежном переулке, но Денежных переулков оказалось в Москве четыре, и я долго разъезжал по городу, пока не нашел пристанище. Наконец через Лосеву, фельдшерницу Екатерининской больницы, я добрался до Баумана. Впечатление от беседы с ним было угнетающее. По его словам, вся социал-

¹ Ленинский сборник VIII, с. 223. *Ред.*

² Доклады социал-демократических комитетов Второму съезду РСДРП. М.— Л., 1930, с. 41. *Ред.*

демократическая организация в Москве была почти что фикцией, местная работа замерла. Комитет не подавал признаков жизни и совершенно не в состоянии был парализовать влияние в рабочей среде зубатовщины с ее многочисленными, солидно поставленными разветвлениями Московского союза механических рабочих; «Искра» получалась редко, распространялась мало, да и то главным образом среди интеллигенции.

На днях он, Бауман, собирался поехать в Киев, чтобы наладить с помощью киевлян снабжение Москвы «Искрой».

Я сообщил Бауману о нашем самарском совещании. Он рассказал мне о положении дел в Киеве и усиленно рекомендовал туда съездить, дав мне явку к Деду (З. Г. Френкелю). Я уехал из Москвы с тяжелым чувством, с впечатлением полнейшего развала. Это впечатление безнадежности положения вещей в Москве в 1902 году надолго осталось и у Баумана...

Неудивительно, что, когда Бауман в октябре 1905 года воочию увидел политическое пробуждение московского пролетариата, с его массовыми выступлениями на улицах, с его непреклонной решимостью нанести наконец смертельный удар самодержавию, он, только что вышедший из тюрьмы, с присущим ему пылом революционного энтузиазма, бросился в самую гущу борьбы.

Заехав дня на два в Нижний повидаться с родными (въезд в этот город мне также был воспрещен), я отправился в Петербург, очень желая не миновать Иваново-Вознесенского района, но никаких явок или адресов в «Северный союз» ни в Москве, ни в Самаре я получить не мог, и единственным знакомым человеком во всем районе был для меня В. В. Старков, служивший инженером на какой-то ткацкой фабрике близ Шуи, адрес которого мне на всякий случай дал Кржижановский. Из разговора с ним я понял, — в чем я, по-видимому, был неправ, — что от дела он стоит в стороне и о положении вещей в районе и вообще в России совершенно не осведомлен. Это было не совсем так, и Старков, видимо, проявил в отношении меня излишнюю осторожность, потому что уже в конце февраля он был арестован и отвезен в Петербург.

В Петербурге я нашел С. И. Радченко совершенно изолированным от местной организации, находившейся всецело во власти рабочедельцев. По моим настояниям он, однако, нашел мне доступ в комитет и устроил свидание с одним из его членов, инженером Аносовым, заранее предупредив меня, что из этого свидания ничего не выйдет. Действительно, все мои старания убедить Аносова в исключительной необходимости поддерживать «Искру», объединить на ее платформе отдельные комитеты и на почве распространения этой общерусской газеты организовать партию разбились об его упорное и тупое недоброжелательство к «диктаторам». В отношении общеисповедских дел Степан Радченко был занят тем, как бы восстановить порвавшиеся с арестом Ногина и Цедербаума транспортные связи (вероятно, Таршис) на западной границе для получения «Искры». В Харьков заезжать он мне решительно не посове-

товал, говоря, что там тоже пустое место и что Л. Н. Радченко ожидается в Петербург. Таким образом, я здесь и не нашел никаких зачатков общерусской организации, а между тем, будучи у жены за Невской заставой в районе Обуховского завода, где она работала домашней учительницей в доме инженера Яковлева, я слышал в кругу знакомых ее патрона, — людей, по своей профессии близких к рабочей массе, — что политические интересы вместе с духом растущего возмущения и протеста приобретают в этой массе широкую и благодатную почву, что настроение масс боевое, что наблюдается среди них сочувствие социалистам-революционерам, но это последнее наблюдение зависело уже, конечно, от точки зрения наблюдателей. Во всяком случае, Петербург обманул все мои ожидания. Но праздным занятием было бы скулить и падать духом. Я направился в Псков.

В Пскове я поселился на иждивении старого товарища по ссылке, П. Н. Лепешинского, в его квартире, поджидая Аркадия. Здесь, в Пскове, жили в то время Красиков, Куделли, Стопани и еще много других. Делать им всем здесь по линии партийной работы было нечего, если не считать того, что у Лепешинского было бюро по сношениям с «Искрой», через которое шла переписка. В Пскове, удобном своей близостью к столице, жило много других поднадзорных, в том числе Пешехонов, у которого бывали журфиксы, где собравшаяся публика дебатировала злободневные вопросы партийных разногласий и где блистал своим едким остроумием Красиков, увлекая иные пылкие сердца. У Лепешинских собиралась своя более тесная группа; брат его и тот же Красиков играли на скрипке, в общем, жизнь там была по-провинциальному бездеятельной и сонной¹.

Явился Аркадий. Мы устроили с ним совершенно сепаратное совещание, на котором прежде всего установили тот факт, что оба мы разъездные агенты «Искры» и члены образованного в Самаре ЦК, о проблематичном характере которого у нас не было спора. Затем Аркадий рассказал о разгроме на юге и о провале пути Де-

¹ М. А. Сильвин в своей рукописи указывает, что П. Н. Лепешинский сделал в свое время к его публикации следующее примечание:

«Здесь автор вследствие, по-видимому, недостаточной осведомленности недооценивает роли и партийной работы псковских искровцев. В 1901—1902 гг. в Пскове довольно деятельно работала немалочисленная искровская организация, обслуживающая «Искру» рядом очень полезных по тому времени функций: и добыванием кое-каких денежных средств, и посылкой корреспонденций в «Искру», и нахождением среди обывателей адресов для конспиративной переписки, а также квартир для явок или временных приютов для нелегально работающих товарищей, и даже обслуживанием в известной мере транспорта искровской литературы; представители псковской искровской организации поддерживали живые связи и с питерскими организованными рабочими, ведя там борьбу с «вышибаловщиной» и остатками рабочемысленства. Наконец, в Пскове уже (на квартире у Лаптя) состоялся в начале ноября 1902 г. съезд искровцев, сконструировавших ОК (Организационный комитет). Этот ОК после ареста вошедших в него И. И. Радченко и П. Н. Лепешинского пополнился рядом других товарищей-искровцев и довел свою задачу по созыву Второго съезда до благополучного конца». *Ред.*

ментия (Басовского), который необходимо было во что бы то ни стало возобновить, потому что этот путь был до сих пор наиболее продуктивным: все, что было налажено в транспорте до него, быстро проваливалось, и, помимо него, «Искра» доставлялась только в чемоданах, так сказать, вручную, следовательно, в очень незначительных количествах. Аркадий обратил мое внимание на то, что организовать транспорт — значит не только найти пути переправы через границу, но и обеспечить прием «товара», иметь для этого достаточный штат людей и, главное, иметь надежные склады в ближайших к границе городах, откуда и развезить затем литературу небольшими сравнительно партиями в разные пункты.

Киевский склад провалился вместе с Басовским (Дементием), но открывалась возможность устройства склада в Конотопе, чем Аркадий и предлагал мне заняться. Другой надежный склад имелся в Смоленске, где жил Любимов (Марк), но, к сожалению, он обслуживался не исключительно искровской публикой. Аркадий, впрочем, не считал это большим злом и правильно полагал, что в вопросах транспорта всегда можно было идти на соглашения даже с рабочедельцами; он также не считал наши дела в Москве и Петербурге такими безнадежными, как они мне казались. «Пункты приема литературы мы там, во всяком случае, будем иметь,— говорил он мне,— а это самое важное, потому что «Искра» само собой завоюет себе признание, раз она будет доставлена». Для Москвы он дал мне две новые явки, предупредив, что Грач, по всей видимости, погиб. Эти новые явки были: одна в правлении Морозовской мануфактуры на Варварке, где надо было вызвать Ногина, выпущенного из тюрьмы до окончания дела¹, у которого я и был несколько дней спустя; другая — в статистическом отделе Городской управы, у жены третьего брата Радченко, Леонтия. Эти явки мы использовали, связав через них Москву с Самарой и заручившись обещанием приема литературы в Москве. В Смоленске, куда мы вместе с Аркадием поехали, мы взяли восемь пудов искровской литературы и развезли ее (частью лично, частью используя предоставленных нам в разных местах молодых товарищей) в Воронеж, Ярославль, Москву и Самару.

Оставив часть литературы в Смоленске товарищу, прикосновенному к складу в качестве технической силы и известному «Искре» под именем Дубровского, мы просили уплатить нам за нее деньги, но он сухо заявил, что причитающаяся по расчету сумма пойдет на издание № 8 «Южного рабочего», — ответ, очень нас огорчивший. Мы старались всюду, где было можно, получать деньги за оставляемую литературу, но нам это не всегда удавалось. В одном из своих писем в «Искру» я писал по этому поводу (пользуясь любезно предоставленными мне Институтом марксизма-ленинизма копиями моих писем в «Искру»):

¹ По-видимому, это был брат В. П. Ногина, но в памяти моей странным образом соединяется это свидание с фигурой самого В. П. *Прим. автора.*

«Доставлено литературы мной и Аркадием в марте и апреле Семену Семеновичу («Северному союзу». — *Ред.*) на 301 руб. 10 коп., Старухе (Москве. — *Ред.*) — 381 руб. 95 коп., Птицам (?) — 115 руб. 95 коп., Соне (Поволжью. — *Ред.*) — 791 руб. 15 коп., Николаю Петровичу (Петербургу. — *Ред.*) — на 332 руб. 40 коп., считая № «Зари» по 5 руб. и № «Искры» по 25 коп. брошюра («Что делать?» — *Ред.*) по стоимости (т. е. по цене на обложке. — *М. С.*). Деньги получены от Сони и Красавца, остальные берут в долг, не платят, да и все, имейте в виду эти долги»¹.

В другом письме, сообщая об отказе Дубровского уплатить деньги, я писал:

«Дайте ему нагоняй. Мы просили его устроить для нас собеседование с «Южным рабочим» и приедем туда на днях, но не знаю, где Виктор [Дан]. У Старухи местное дело хорошо, сделайте Федорова (?) представителем...»

Главным злом была неорганизованность и вследствие этого медленность сношений с границей. Мы не успевали вовремя получить нужное извещение или послать туда срочное уведомление. Мы продолжали отправлять туда и получать оттуда письма по адресам, уже скомпрометированным, и письма эти перлюстрировались департаментом полиции, который, отправляя оригиналы писем по адресу, снимал с них копии, без особого труда разбираясь в наших немудреных шифрах. Так департамент перехватил письмо Булки (З. П. Кржижановской) от 30 января 1902 года с приложением протокола нашего самарского совещания. Хуже того, им было перехвачено письмо Надежды Константиновны в Самару от 21 марта с сообщением паролей и явок в «Северный союз», по которым чиновник департамента полиции Меньшиков явился в Воронеж, а затем и в Ярославль, где Дан, только что прибывший с Белостокской конференции, подробно информировал его о происходившем там. Меньшиков, между прочим, осведомлялся у Дана о судьбе Бродяги, которым, естественно, он очень заинтересовался. Результатом был арест Дана и почти всех работников «Северного союза». Такой осведомленности департамента о наших сношениях мы тогда не предполагали и подозревали провокацию. 14 апреля я писал в «Искру»:

«Везде многочисленные аресты. Замечательно при этом, что более серьезные из них попадают в самую голову и производятся всего чаще по предписанию из Киева или от департамента полиции. Например, в Воронеже из сорока человек, арестованных на прошлой неделе, выпущены почти все, кроме наших. Почти все обвиняемые по делу «Искры» свозятся в Киев. Арестованные и уцелевшие все говорят о провокации, которая и для нас несомненна. Я долго думал, откуда она исходит, и начинаю бояться, не от вас ли. Не читаются ли предварительно получаемые вами письма, надежна ли

¹ Доклады социал-демократических комитетов Второму съезду РСДРП, с. 42. *Ред.*

ваша прислуга, если она у вас есть, ваши квартиры и пр. Живя в Европе, не забывайте, что вы окружены русскими шпионами. В особенности будьте осторожны с оказиями, едущими к вам обратно. Если не вы, так уж эти оказии, наверно, окружены провокацией. Простите, что я позволяю себе напоминать об осторожности вам, искушенным в опыте по меньшей мере не меньше моего. Но обстоятельства таковы, что я уже падал духом и приходил в отчаяние. Во-первых, становится грустно от сознания, что два-три месяца средняя продолжительность политического существования. Согласитесь, что срок обидно короткий. Во-вторых, у меня теперь множество связей, я везде являюсь, меня все знают и уже начинают посматривать на меня косо, мое положение становится невыносимым, и я думаю, что если не последует разделения функций, я должен буду просить об отставке. В сущности, ведь все — и объединение, и транспорт, и функции складов, и даже функции Дементия, поездки за границу, разговоры — все это лежит на нас двух: Аркадии и на мне. Боясь провокации, неуверенный, что вы получите письмо, я писать вам больше не буду, потому что опасаясь, как бы мои письма не давали ключа к аресту. Все сведения обо мне и моей работе будете получать от Грызунов¹ ²...

Ленин писал по этому поводу Кржижановскому 6 мая 1902 года:

«Бродяг[ин] подозревает провокацию. Здесь ее быть не может... Очень вероятно, что много нитей взято у нескольких наших арестованных людей — это все объясняет»³.

В том же письме Ленин писал о тактических задачах самарского центра:

«...ближайшая задача: чтобы Курц + Эмбрион оба тотчас вошли в комитеты... Затем чтобы Клэр и Бродяг[ин] последовали в той или иной форме их примеру... Немедленно перешлите это письмо целиком Брод[ягин]у и скажите, ч[то]бы непременно писал нам и чаще: все его письма дошли отлично. Если подтвердится, что дерево погребло, то нам с Клэром или Бродягиным надо поскорее повидаться или списаться сугубо подробно... Не обменяться ли Клэру с Бродяг[иным], раз того уже все знают?»⁴

Однако ни повидаться, ни списаться с Лениным я уже не успел. Как мы выяснили в Смоленске, полученный там нами транспорт был последним и на дальнейшее получение литературы нельзя было рассчитывать в связи с киевскими и другими арестами. Иван Иванович Радченко, не помню уж в каком городе, свел меня с архангельским купцом Плотниковым, через которого можно было будто бы наладить связь с заграницей, именно с Варде, где был склад

¹ «Грызуны» — самарцы. Эта кличка была присвоена им в конспиративной переписке «Искры» по шутливому прозвищу, данному в нашем кружке еще в 90-х годах Г. М. Кржижановскому — Суслик. *Прим. автора.*

² Ленинский сборник VIII, с. 232 и 235, см. примеч. 6. *Ред.*

³ Там же, с. 232. *Ред.*

⁴ Там же, с. 232—233. *Ред.*

«Искры». Плотников, щедро заплативший нам за несколько номеров «Зари» и «Искры» и угостивший нас отличным ужином, уклонился, однако, от категорически поставленного ему вопроса, и проект этот пришлось признать несостоятельным. Тогда Иван Иванович повез меня в Конотоп, где познакомил с гражданином весьма своеобразного для революционной среды типа, владельцем иконописной мастерской, фамилию которого я забыл. В отдельно стоявший особнячок, где он жил и где была также и его мастерская, постоянно привозились и оттуда увозились разные материалы и товары, и потому помещение было удобным, надежным, и владелец соглашался предоставить его нам для склада. Решено было, что именно сюда я должен доставить первый же транспорт литературы с границы по восстановлении пути Дементия. В Конотопе мы расстались с Иваном Ивановичем, условившись в половине марта встретиться в Пскове у Лаптя, и я направился в Киев.

Уже в это время мы были озабочены вопросом распространения майского листка, который должен был подоспеть из-за границы. Мы полагали, что это будет первым и очень важным символом партийного единства, если всюду майские демонстрации будут проходить под общими лозунгами, с общими программными заявлениями, с одинаковыми повсюду листками. В переговорах с местными работниками мы убеждали их не издавать своих особых листов, обещая доставить в достаточном количестве листки, отпечатанные в типографии «Искры». При этом мы рассчитывали не на один только заграничный транспорт, но также и на Акима, Кишиневскую типографию, в работе которой Иван Иванович принимал личное участие и где были уже отпечатаны один или два номера «Искры», которые мы также распространяли при содействии специального транспорта — Акима (А. А. Квятковского). Мы рассчитывали, что еще успеем, получив листок «Искры», дать его для размножения в Кишинев. Я поэтому после Киева должен был поехать также в Кишинев, куда Иван Иванович дал мне явку.

В Киеве З. Г. Френкель, старый народоволец, а теперь искровец, устроил мне свидание с преемником Крохмаля (Льдовым) Сапежко. Это был конспиратор типа нашего С. И. Радченко, также медлителен, скрытен, преувеличенно осторожен. Совершенно так же, как наш Степан, он в свое время высказался против «агитации», по тем же мотивам осторожности. Ему удалось ускользнуть от февральских арестов, и теперь он играл в Киеве руководящую роль. Свидание состоялось в мистической обстановке садов и катакомб Киевской лавры. Результатом его я был просто взбешен. Я писал об этом в «Искру»:

«По обстоятельствам... получать счета они теперь не могут, так что дело приходится вести нам, и это географически страшно неудобно, но делать нечего. Имел разговор с наследником Д.— Солнцевым и с наследником Красавца — Льдовым. Первый пока бесполезен, а второй конспиратор донельзя. Я поставил ему несколько вопросов: 1) Не возьмет ли на себя Киев объединение юга хотя бы

так, как это мы сделали на севере. Ответ — нет. 2) Не объявит ли Киевский комитет «Искру» своим органом, то есть руководящим, и т. д. (Это я думаю предложить и в других местах.) Ответ — нет. Опускаю мотивы. Обещали связи с Ростовом, Одессой. Я слышал в другом месте, что юг объединяется вокруг «Южного рабочего», организация охватывает будто бы до двадцати пунктов и опубликовала свое Кредо; что знаете об этом? Есть у вас к ней ходы и нельзя ли сговориться с ними и слиться? Вообще, повторяю, съезд необходим».

Свое отрицательное отношение к моим конкретным предложениям Сапежко, как и Петренко, мотивировал разгромом почти всех организаций в южных городах и невозможностью быстро мобилизовать персонал технических работников, — пока не восстановится дело на местах. До восстановления местных организаций нечего было, конечно, и начинать их объединение. В связи с тем что Киевский комитет не хотел объявлять «Искру» своим центральным органом до согласования этого вопроса с «Южным рабочим», было выдвинуто соображение о необходимости предварительно сговориться по этому поводу с «Южным рабочим», заслуги и роль которого для движения на юге были столь важны, что порывать с ним или даже игнорировать его в этом деле было бы нецелесообразно.

Другое свидание в Киеве было у меня с Солнцевым (Петренко), которому Басовский благоразумно сообщил связи с границей. На мой вопрос, можно ли продолжать пользоваться путем Дементия, он ответил, что самый путь сохранился, но организация разбита, и, пока она не восстановлена, киевляне не могут взять на себя снабжение кого бы то ни было «Искрой» и другой литературой, так что если нам надо будет срочно получить майские листки, мы, «агенты» «Искры», должны будем сделать это собственными силами. О других путях транспорта Петренко ничего не знал, думал, однако, что Лошади (Л. Е. Гальперин — Батум) провалились. Во всяком случае, он обещал прислать явки к ним по данному мной адресу в Самару и предупредил, что по всей вероятности к Лошадям придется пробираться через Астрахань, имея в виду, без сомнения, Дяденьку (Книпович).

«Лошадьми, — писал я в «Искру», — займемся уже после мая. Пришлите еще раз, что знаете о них, к Грызунам. Мы по окончании майской операции там съедемся. Кроме пути Д., у нас никакого другого пока нет».

Разузнав у Петренко подробности о «пути Д.», я уехал в Псков. По дороге я заехал в Орел, куда имел явку к присяжному поверенному Карпинскому. Оставив у него несколько брошюр и номера «Искры», всегда бывшие в моем багаже, я заручился его согласием на устройство приемного пункта, малого склада, куда можно было бы привозить литературу с границы. В Орле мне больше быть не пришлось, я и не знаю, использован ли был впоследствии этот склад.

В Пскове я нашел новую директиву «Искры» — ждать приезда Виктора (имярек, Гурвич — Дан, Бронер). Эту директиву «Искра» 21 марта сообщила и самарцам.

Гурвич «прежде всего повидается с Бродягой [М. А. Сильвиным] и сообщит ему все подробности теперешнего положения дел и все связи»¹.

Как оказалось позже, эти «все связи» происходили от Носкова и касались главным образом «Северного союза».

После нервной встряски, переездов, переговоров, неудач и огорчений я с удовольствием залег на отдых у Лепешинского. Не помню, приехал ли Дан в Псков, или мы встретились где-то на станции, но только, встретившись, мы направились прямо в Воронеж для свидания с членами «Северного союза», от которых Дан надеялся узнать адреса затеянного рабочедельцами съезда, полагая, что они не могли не получить на него приглашения. Я не видел Дана почти шесть лет и теперь с интересом присматривался к нему и к тому новому, что мне в нем открывалось. Он был несколько иным теперь, чем тот скромный, самоотверженный пропагандист и агитатор, каким я его знал в Петербурге. От него веяло самоуверенностью, самовлюбленностью. С первых же слов он дал мне понять, что он не просто разъездной агент «Искры», как, например, мы с Аркадием, а особо уполномоченный, получивший мандат представлять «Искру» на съезде. «Вам, впрочем, тоже предполагается поехать туда», — прибавил он как бы между прочим. Он сообщил мне о положении дел в редакции, о выработке программы, о возникавших временами трениях, о съезде социал-демократов за границей, на котором произошел окончательный разрыв с «Рабочим делом», и о том, что это именно он был «папский нунций», огласивший известную декларацию «Искры». Дан перешел границу с контрабандистами, имея при себе два чемодана, набитых только что вышедшей книгой Ленина «Что делать?». Нашей задачей было развезти эту книгу как можно скорее по комитетам, так как она исчерпывающим образом излагала принципиальные программные вопросы и те организационные задачи, которые стояли теперь перед партией. Она являла собой вадемекум² для всех работников по подготовке съезда и для всех его будущих участников. Я принялся за эту книгу, читая ее и на пути, и в вагоне, и на ночлегах в гостиницах, где мы останавливались. Меня да и Аркадия всегда очень смущало, что наши путешествия дорого обходятся «Искре».

В моем письме от 14 апреля в редакцию я читаю:

«Вот отчет за апрель, ведь это просто ужас: оставалось к 28 марта 423. Получено с Красавца 100, всего приходит 523. Дано почтальону для Сем. Сем. 35, Чертенку на то же для Ник. Пет. (Петербург. — М. С.) 50, Пивнинову [?] 150. Остаток к 14 апреля

¹ Переписка «Искры» с самарской организацией. — Пролетарская революция, 1928, № 6 (77) — 7 (78), с. 140—141. *Ред.*

² *Вадемекум* — справочная книга, путеводитель. *Ред.*

140 руб., израсходовано мной за 16 дней 148 руб... Отчет до 28 марта дал Грызунам с тем, чтобы они переслали вам. Мы беспокоимся, остается ли вам что-нибудь при наших непомерных, но неизбежных денежных расходах»¹.

«Пусть Бродягин и Аркадий не смущаются большими расходами»², — писала по этому поводу Надежда Константиновна в Самару 6 мая...

Я знал, что Владимир Ильич жил за границей очень бедно; в это самое время при переезде редакции из Мюнхена в Лондон Надежда Константиновна ликвидировала всю личную обстановку квартиры Ульяновых за 12 марок.

Из разговоров с Даном я узнал, что он около года жил в Берлине и познакомился там с настроениями и нравами германской социал-демократии в тот именно период, когда в ее рядах идея революции, по удачному выражению Струве, «исчезла из реалистической точки зрения» и прежний революционный идеализм уступил место погоне за теплыми местами редакторов газет и секретарей профсоюзов, накопивших к тому времени значительные фонды. Дан, смакуя, рассказывал об этих новых для меня явлениях, как о вполне естественных в условиях политической свободы. В особенности возмутило меня его сообщение, что немецкие социал-демократы забросили большое литературное наследство Маркса — Энгельса, не желая его разрабатывать, так как занятие это было малорентабельным, гонорар за него партия платила ничтожный. И, глядя на Дана, на его опрятный костюм, уверенные манеры, все его повадки, на скрытое в нем презрение вожака к слепо идущему за ним «людскому стаду», я думал, что и у нас скоро появится этот тип беспардонного в своем бесстыдстве парламентария, у которого только одна забота, чтобы именно он был выбран «голосующим стадом» в депутаты...

В Воронеже через С. А. Мартынову³ мы получили явку к «американцам»⁴, членам «Северного союза», и имели несколько совещаний с ними. Там были: Карпов, Костеркин, Горн, Кардашев, Щеколдин и еще несколько товарищей. Несмотря на все красноречие Дана, северяне к предложению объявить «Искру» своим органом отнеслись сдержанно, ссылаясь на какую-то свою программу, посланную на отзыв в «Искру». Чувствовалось, однако, что это своя публика и с ней можно будет сговориться. Они взяли у нас поря-

¹ См.: Доклады социал-демократических комитетов Второму съезду РСДРП, с. 42. *Ред.*

² Ленинский сборник VIII, с. 234. *Ред.*

³ У С. А. Мартыновой была явка к «американцам», и я был очень обрадован, явившись к ней в поисках своих и встретив у нее приветливый, дружеский и ласковый прием. Любимов (Марк) был немедленно ко мне вызван. *Прим. автора.*

⁴ «Американцами» называлась связанная между собой по ссылке в Воронеже (1899—1902 гг.) группа с.-д.; в нее входили М. И. Багаев, О. А. Варенцова, А. П. Доливо-Добровольский, Н. К. Кардашев, Л. Я. Карпов, Д. В. Костеркин, А. И. Любимов, В. А. Носков и др. В 1900 г. эта группа организовала «Северный рабочий союз». *Ред.*

дочное количество литературы (в том числе «Что делать?»), которую мы вообще оставляли всюду, где только побывали, в особенности хорошо снабдив ею север, Псков, Смоленск, Петербург, Москву, Орел, Иваново-Вознесенск; некоторое количество экземпляров «Что делать?» мы переслали в Самару для распространения в Поволжье, затем уж я один распространял книжку в Киеве, Харькове, Полтаве. Интерес к ней всюду был огромный, и мы не могли удовлетворить предъявлявшегося на нее спроса.

Стремясь объединить старых товарищей вокруг центрального ядра «Искры» в России, я искал встречи с ними всюду, где только мог их найти, и был обрадован, узнав, что в Воронеже живет А. М. Лежава, заведующий здесь кустарным складом губернского земства. Кустарный склад! Да ведь это просто находка, это будет великолепный склад «Искры», да еще в Воронеже, где столько молодых сил, томящихся в вынужденной праздности «американцев» и их окружении. Я действительно нашел А. М. в комфортабельном помещении Земского склада. Он принял меня очень дружелюбно, но выслушал мои соображения без всякого энтузиазма. Ушел я от него несколько разочарованным.

Дан был очень огорчен тем, что ни в Пскове, ни в Москве, ни в Смоленске и, наконец, ни в Воронеже он не узнал адреса созываемого Бундом съезда, который, по директиве «Искры», должен был быть объявлен конференцией. Съезд был назначен на 21 марта, но где? Дану, имевшему специальное задание быть на этом съезде, ничего не оставалось делать, как помчаться в Самару. Из Самары он наконец и отправился в Белосток, куда прибыл с опозданием на четыре дня, но все же успел выполнить возложенную на него миссию...

Не имея вкуса к интригам и всякого рода переговорным комбинациям, я считал белостокскую конференцию пустой затеей, и ехать туда для того только, чтобы аннулировать затем все ее постановления, я не имел охоты и предоставил Дану исключительную честь представлять там «Искру». Я был озабочен другим...

Писем непосредственно из редакции я не получал, и все сношения со мной велись главным образом через Самару. Следы такого сношения со мной я вижу в письме Н. К. Крупской Ленгнику от 23 мая 1902 года: «...пусть Бродягин... повидается с Бакуниным»¹.

К этому редакция Ленинского сборника делает примечание: «...племянник Михаила Бакунина, доктор; оказывал существенную помощь в распространении «Искры» в России; близко стоял к твердой с.-д. организации».

Я не помню имени Бакунина в числе лиц, которых я встречал или с которыми должен был вести переговоры, но помню, что самарцами (а может быть, Даном — по поручению редакции) было мне сообщено об образовании Аграрной лиги, состоявшей из круж-

¹ Ленинский сборник VIII, с. 239. *Ред.*

ка интеллигентов, связанных с деревней, — врачей, фельдшеров, учителей, агрономов, имевших свои центры в Твери и Новгороде, стоявших на социал-демократической точке зрения и с полным сочувствием относившихся к «Искре». Аграрная лига желала теснее связаться с «Искрой», регулярно получать газету и пользоваться содействием нашей организации для осуществления пропагандистских и вообще политических задач в своей работе в деревне. Явки и адреса в Аграрную лигу, которые я так и не успел использовать, были зашифрованы в моей записной книжке, счастливо уничтоженной мной в момент ареста.

Приближалась маевка, и надо было добывать заготовленные «Искрой» листки, которые уже лежали на границе и доставку которых на места мы так щедро наобещали, уговаривая товарищей в целях единства демонстраций и лозунгов не выпускать своих особых местных листков. На другой день после того, как Дан выехал в Самару, я отправился на юг, имея в виду два конечных пункта: Теофиполь (путь Дементия) и Кишинев. Зная уже, что в Киеве нечего ждать помощи, я решил проехать в Полтаву (в конспиративной переписке — Паша): разведать, нельзя ли там найти людей и другие средства для получения и развозки майских листков. Но, как и во многих других местах, впечатление от Паши (по другой терминологии — «пепелище Якова», то есть Ю. Цедербаума) было не из веселых. Помню, что ночевал я там в квартире Чериковер, которая свела меня к Штесселю. Никаких средств и никаких людей в мое распоряжение они предоставить не могли. Мне показалось, что Штессель, угрюмый и замкнутый, переживал в это время период душевной депрессии, отчасти под влиянием партийных неудач и провалов. «На Пашу надежда плоха, — писал я в своем донесении «Искре», — он скоро уезжает, заместителя указать не может, в складе отказывает».

Я пробыл в Полтаве два дня, чтобы собраться с мыслями, резюмировать сделанное, формулировать для «Искры» положение вещей, так как хорошо понимал, что еду на неверное и опасное дело: вырывать транспорт на границе и возобновить путь Дементия, по всей вероятности уже раскрытый. Если бы все сошло благополучно, я, доставив груз в Конотоп, отправился бы к Гольдману в Кишинев со спешным заказом того же майского листка, который затем с помощью самарцев и северян своевременно бы развез по России. Таковы были мои планы. Я не знал тогда, что кишиневская типография уже 22 марта была арестована, так что если бы дело в Теофиполе и сошло мне с рук, я был бы, вероятно, взят в Кишиневе.

Как раз в те дни, когда я был в Полтаве, город находился под впечатлением происходивших кругом крестьянских волнений. Прошлый год был неурожайным, и к весне деревня уже переживала голод. Беднота бросилась на господские усадьбы, разбирала и увозила хлеб, угоняла скот, жгла постройки. Раздраженные повышением арендных цен в последние годы и уменьшением доли польщика, к бедноте присоединились и более зажиточные, которым

не столько нужен был хлеб, сколько хотелось показать панам, что у них можно взять все: и землю, и продовольственные запасы. Десятки тысяч крестьян приняли участие в движении. В Константиноградском и Полтавском уездах было разгромлено пятьдесят четыре имения, в соседних Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии — двадцать пять имений. Волна крестьянского движения почти одновременно прокатилась по всему черноземному краю, в Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Екатеринославской, Черниговской и Херсонской губерниях. Я писал в «Искру» из Полтавы:

«Пишут ли вам о крестьянских бунтах в Воронежской и Полтавской губ.? В последней целые битвы, 4 апреля 9 человек убитых, войска посланы даже из Киева, сам Драгомиров ездил на театр военных действий. Причина: будто бы прекращение сдачи земли в аренду в целях ведения собственного хозяйства помещиками».

В другом письме в «Искру», к сожалению не найденном мной в архиве Института марксизма-ленинизма, я под впечатлением крестьянских волнений высказывался в пользу агитации за вооруженное восстание.

В Киеве Петренко рассказывал мне, как проехать в Теофиполь, местечко километрах в пятнадцати от Подволочиска, что у самой бывшей австрийской границы. Осторожности ради я проехал туда через Шепетовку и Заславль, откуда пробирался дальше уже на лошадях. Дорога часто шла прекрасным дубовым лесом. «Чьи это леса?» — спрашивал я по временам возницу и всегда слышал ответ: «Князя Сангушко» или: «Графа Потоцкого», — других владельцев на всем огромном пространстве, по-видимому, не было. В Теофиполе я остановился в корчме и без труда разыскал зубного врача Мальцмана. Он объяснил мне, что путь сохранился в том отношении, что груз лежит по ту сторону границы в надежном месте и контрабандист по-прежнему согласен его переправить, если с этой стороны груз будет принят. «Но, — говорил Мальцман, — я удивляюсь, что вы приехали; перед самыми арестами я был в Киеве и виделся с Крохмалем, за которым, очевидно, уже следили; проследили, по-видимому, и меня, потому что я вижу много признаков усиленного наблюдения за мной».

Я, со своей стороны, объяснил, что для меня получить груз — дело чести, и я приму его лично. Мальцман дал знать о моем приезде контрабандисту, и часов в одиннадцать вечера мы уже все трое сидели, попивая дешевое бессарабское вино, и обсуждали техническую сторону вопроса. Условились, что груз, до шести пудов, будет доставлен на подводе в следующую ночь и я вместе с подводой проеду до Шепетовки, где сдам «товар» на железную дорогу по назначению. Контрабандист, почтенного вида старый бородатый еврей, внушал к себе полное доверие и, кажется, действительно заслуживал его, потому что, как я после узнал, груз в конце концов был через него же получен. Почему этот путь затем оборвался, я не знаю.

По уходе старика было уже поздно идти в корчму, можно было навлечь подозрения, да и не хотелось — так больно кусались там блохи; багажа со мной никакого не было, и я остался у Мальцмана ночевать. Это была роковая ошибка. Сквозь сон я слышал бряцанье шпор и громкий говор и проснулся, когда кто-то, держа меня за руки, говорил: «Ваше благородие, тут еще один!» Ротмистр и прокурор принялись меня допрашивать. Я назвал свою настоящую фамилию, заявил себя корреспондентом газет и объяснил, что езжу в этих местах, собирая материал для газеты...

Меня обыскали, и все содержимое моих карманов, в том числе два паспорта и записную книжку, где были зашифрованы адреса и явки, положили на стул возле кровати, на которой я остался сидеть. Начальство ушло в другую комнату составлять протокол, оставив возле меня понятых, двух крестьянских парней с простодушными рожцами. Приглядевшись к ним, я протянул руку к стулу, как бы осматривая свои вещи. Парни отвернулись — мы вели нашу работу в атмосфере почти всеобщего сочувствия, я быстро сунул в карман пиджака записную книжку и фальшивый паспорт. Парни улыбнулись. Я попросился выйти и в сопровождении жандарма был выпущен на двор. Ночь была темная. Первой мыслью было бежать; но кругом каменные заборы соседних владений, сзади жандарм с револьвером... подождем. Записную книжку и неудобный паспорт мне удалось незаметно уничтожить, и я вернулся в дом. Под утро Мальцмана и его жену на деревенской подводе под конвоем отправили в Киев. Меня ротмистр и прокурор взяли с собой в квартиру станового пристава, где они остановились. Вежливый хозяин просил меня «как воронежский дворянин и бывший офицер» оказать ему честь отобедать у него. Я отказался. Невольные спутники усадили меня в свою коляску и повезли вдоль самой границы в виду цепи часовых в Волочиск. Сядься обедать в буфете станции, я увидел рядом с собой жандарма, не отходившего от меня затем и в поезде.

На другой день я уже сидел арестованным в камере Старокиевского участка. Это было 22 апреля 1902 года.

Было печально, что моя работа для «Искры», для партии и ее объединения оборвалась так скоро, и единственным утешением для меня было сознание, что, несмотря на свою кратковременность, работа эта была важной и что продолжатели ее, мои преемники, найдутся. Прошло, однако, немало времени, прежде чем у меня и Аркадия, арестованного через три с половиной месяца после меня, нашлись эти преемники. Еще 7 августа Владимир Ильич приписал на письме Надежды Константиновны в Самару:

«Пусть помнит Аркадий, ч[то] он у нас теперь почти один и что сберець себя он должен *во что бы то ни стало*»¹.

¹ Ленинский сборник VIII, с. 268. Ред.

Но «сберечь себя» деятельному революционеру в то время было невозможно, и уже в августе самарцы сообщали в «Искру»:

«Взят Аркадий [И. Радченко] — нельзя выразить, как это досадно, больно и грустно»¹.

Наши преемники, конечно, сделали свое дело: «Искра» стала идейным, тактическим и организационным центром партии; Второй съезд состоялся; принципы, сформулированные в «Что делать?», нашли всеобщее признание.

В тяжелые годы тюрьмы и ссылки всегда было утешением сознание того, что, будучи на боевом посту, мы исполнили свой долг.

В заключение этой главы мне хотелось бы сказать несколько слов о судьбе самарского центра, в котором началась моя работа для «Искры». Главное его значение в истории того периода состояло в том, что он был относительно прочным стационарным пунктом, куда можно было направлять сообщения, людей, адреса и явки из-за границы и где работники по подготовке съезда и по строительству партии всегда могли найти нужную информацию друг о друге и вообще о положении вещей. Здесь же всегда можно было найти и поддержку денежными средствами благодаря, главным образом, энергичным усилиям Г. М. Кржижановского, использовавшего для этого свои личные связи и собиравшего значительные суммы. Самарский центр с отъездом Д. И. Ульянова в Одессу и Ф. В. Ленгника в Киев, с арестом моим и Аркадия оставался небольшой, но пользовавшейся всеобщим доверием и авторитетом группой, состоявшей из Г. М. и З. П. Кржижановских, М. И. и А. И. Ульяновых, Б. П. Арцыбушева, Газенбуша и Кранихфельдов.

До формального образования ОК эта группа выполняла до известной степени его функции, поддерживая связи с отдельными местностями, выскивая и распределяя работников всероссийского значения, главным образом из бывших товарищей по ссылке.

Возвращаясь из Сибири, старые товарищи обычно не миновали самарцев. Через Самару в июле 1902 года проехал Лалаянц, направленный за границу. Через Самару же осенью того же года вновь связалась с организацией Г. И. Окулова (Зайчик). Здесь бывали в разное время Бауэр, Шаповалов, Красиков, Книпович и др. Позже там жил некоторое время И. Ф. Дубровинский, группируя поволжские связи, но с отъездом Ульяновых и Кржижановских Самара утратила свое значение центра.

Сильвий М. А. Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л., 1958, с. 231—265

¹ Переписка «Искры» с самарской организацией.— Пролетарская революция, 1928, № 6 (77) — 7 (78), с. 161. *Ред.*

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНСКОЙ «ИСКРЕ»

Когда мы говорим об «Искре», то имеем в виду широкое значение ее не только как идейно руководящего, но и организационно-практического центра, заложившего основы нашей славной Коммунистической партии и истинно коммунистического движения во всем мире. Поэтому я позволю себе поделиться с вами воспоминаниями о побеге одиннадцати политических заключенных из киевской тюрьмы, организованном «Искрой», о побеге, который имел в свое время большое политическое и агитационное значение.

Попробую осветить обстановку, при которой совершался этот побег.

Комитет РСДРП, членом которого я состоял, был арестован в полном составе чуть ли не со всей периферией в конце апреля 1901 года. У жандармов, в частности у начальника киевского жандармского управления генерала Новицкого, выработалась практика ежегодных единовременных, тотальных ликвидаций руководящих организаций. Состояла такая ликвидация в том, что, заподозрив какую-нибудь группу людей в крамоле, жандармерия выслеживала их личные связи, а затем производила повальные аресты не только среди революционных деятелей, но и среди их друзей и знакомых. Такие аресты обыкновенно приурочивались к предмайским дням — в надежде помешать организации первомайских демонстраций. При отсутствии солидных улик люди через несколько месяцев выпускались на волю, кое-кто — под денежный залог, а наиболее скомпрометированных держали в тюрьме до получения приговора «особого совещания», состоявшего из представителей министерства юстиции и министерства внутренних дел. Такие приговоры иногда заставляли себя ждать по два-три года.

Таким образом, к моменту нашего побега из тюрьмы, через 16 месяцев после ареста, из арестованных в одну ночь около 200 человек оставалось лишь двое — тов. Гурский и я. Нас выдал один из членов комитета, молодой студент, у которого угрозам жандармов и увещаниями отца-священника вынудили «чистосердечные показания». До ареста — апреля 1901 года — комитету ничего не было известно о деятельности «Искры»¹... Сведения о жизни за-

¹ Это утверждение является неточным, так как имеется целый ряд документов, указывающих на наличие связи редакции «Искры» с Киевским комитетом до апреля 1901 г. *Ред.*

границных организаций, их литература доходили до нас с большим опозданием. Радио в то время еще не было, а на почте установлен строгий контроль. До развития деятельности «Искры» контрабандная доставка нелегальной литературы была поставлена кустарнически. Она привозилась случайными людьми в чемоданах с двойным дном. Получали мы главным образом «рабочедельческую» литературу, но из попадавших к нам случайно материалов мы знали о борьбе группы «Освобождение труда» с «экономизмом» и легальным марксизмом.

В тюрьме мы получали разными способами газеты и даже заграничную нелегальную литературу. Трудно передать то радостное возбуждение, которое охватило нас, когда мы получили первые номера «Искры». Сформулированные там с максимальной ясностью, определенностью и последовательностью задачи, пути и средства революционной борьбы пролетариата, беспощадная война с «экономизмом» — все это отвечало нашим настроениям, мыслям и стремлениям, открывало перед нами новые горизонты и в то же время вызывало жажду работы, жажду борьбы, усиливало стремление вырваться из жандармского плена и приобщиться к новому движению под руководством «Искры».

О побеге из тюрьмы мы тогда и мечтать не смели. Нам хотелось добиться скорейшего окончания следствия, получения приговора, ссылки в Сибирь, чтобы оттуда бежать возможно скорей.

Но через год в нашу тюрьму начали «поступать» живые представители «Искры». Департамент полиции отдавал себе ясный отчет в той опасности, которую представляла для существующего строя эта организация, и поэтому сконцентрировал всю свою энергию на попытке ее ликвидации. Действительно, на протяжении короткого времени полиции удалось изловить в разных городах России около десяти агентов «Искры». Было решено создать единое дело искровцев, поручив следствие «заслуженному» жандармскому генералу Новицкому. Все арестованные искровцы были привезены в киевскую тюрьму; среди них был и Николай Эрнестович Бауман.

С величайшим интересом слушали мы рассказы искровцев об организации, взглядах и планах «Искры», о деятельности заграничной организации и работе ее агентов на местах, в России. Нам хотелось поскорей приобщиться к этой захватывающей работе по строительству партии. Мы, два члена Киевского комитета, оставшиеся к тому времени в тюрьме, официально заявили о своем желании вступить в организацию «Искры».

Арест столь значительного числа агентов нанес чувствительный урон организации «Искры», возникла идея организовать побег искровцев из тюрьмы. Когда запросили наше мнение, мы без каких-либо колебаний ухватились за эту идею, несмотря на казавшуюся невозможность ее осуществления, и стали обдумывать и обсуждать разные планы.

Побеги из царских тюрем уголовников были довольно обыденным явлением, но случаев побега политических заключенных история революционного движения знает очень мало. В частности, не было ни одного удачного побега политических из киевской тюрьмы в течение последних 24 лет — со времени побега в 1878 году Стефановича, Дейча и Бухановского.

Веда непрерывную повседневную борьбу с тюремным начальством, политические постепенно добились значительного ослабления тюремного режима. В некоторой мере им в этой борьбе помогали раздоры между разными ведомствами. В то время как все политические заключенные находились, естественно, в распоряжении жандармского управления, сама тюрьма была в ведении киевского губернатора. Вражду с генералом Новицким, тогдашний губернатор Трепов часто предоставлял льготы политическим, чтобы досаждать жандармерии. К этому надо добавить, что вследствие все более усиливавшихся параллельно росту рабочего движения массовых арестов в Лукьяновке стал ощущаться недостаток «жилой площади», в связи с чем жандармам не всегда удавалось осуществлять принцип одиночного заключения: они вынуждены были «уплотнять» камеры, сажая туда по два-три человека одновременно.

Все это создавало благоприятные условия для побега. Наиболее важным из них являлось добытое настойчивой борьбой заключенных право совместных прогулок в отступление от регламента, разрешавшего лишь одиночные прогулки в разгороженных для этой цели двориках.

К концу нашего заключения, в соответствии с разработанным планом побега, путем переговоров с администрацией, в частности со вновь назначенным помощником смотрителя тюрьмы, щеголявшим перед нами своим либерализмом, мы добились разрешения прогулок и после вечерней переключки (после захода солнца). Мотивировали мы это требование тем, что при отсутствии какой бы то ни было растительности и тени на двориках, да еще при накаленной солнцем мостовой дневные прогулки нас не интересуют, и мы должны от них отказаться. Словом, мы просили вечерней прохлады, и мы ее получили.

Во время прогулок мы устраивали спортивные игры, состязания, дискуссии, хоровые пения и т. п. Видя такие поблажки «большого» начальства, и «малое» начальство в лице надзирателей также давало нам различные льготы. Некоторые иногда даже «забывали» запирают камеры, разрешая нам ходить друг к другу в гости. Им кое-что перепало от наших щедрот, а некоторые из них были нами распропагандированы и оказывали услуги почти безвозмездно. В общем, мы пользовались сравнительной свободой в пределах коридоров, а во время прогулок — в пределах двора.

Другим важным моментом с точки зрения успешности побега была установившаяся традиция своего рода внутренней автономии, добытая, конечно, также многолетней борьбой заключенных. Мы содержали свою отдельную кухню, избирали старост — одного

на коридор и одного общего, а также заведующего хозяйством, в ведении которого находился цейхгауз, библиотека и т. д. Он вообще заботился о наших материальных и духовных нуждах, имел доступ ко всем политическим и пользовался свободой передвижения в пределах обоих корпусов — мужского и женского, конечно, всегда в сопровождении надзирателя. Ему разрешались личные свидания с женой и родными без решетки, он мог передавать через них на волю наши письма, записки, устные поручения.

Обычно общий староста избирался из «старожилов», успевших хорошо изучить тюремные порядки, нравы и слабости «больших» и «малых» чинов тюремной администрации и знавших, как и на кого из них можно воздействовать.

Нам особенно важно было установить «взаимоотношения» с так называемым «выводящим» надзирателем, который приводил арестантов на свидания, принимал для них передачи...

Нам удалось отучить его от осмотра и проверки корзин и мешочков, в которых приносились эти передачи. Были даже такие надзиратели, которые брались передавать на волю наши записки, но эти записки зачастую прочитывались жандармерией раньше адресатов. Но мы имели и более надежный путь для передачи на волю. Жене одного из арестованных студентов удалось устроиться в тюрьму в качестве надзирательницы, и она тоже стала передаточной инстанцией в наших сношениях с волей.

Однако мы все время находились под зорким наблюдением надзирателей и часовых: от воли нас отделяли стены корпусов да наружная высокая ограда, а по углам двориков стояли часовые. Поэтому побег казался совершенно невозможным, и мы о нем серьезно не думали до тех пор, пока не пришла директива организации «Искры»: бежать. Директива отвечала нашим настроениям и затаенным желанием, и мы с увлечением принялись за ее осуществление. Начали с того, что выбрали предводителя, которого называли атаманом. Выборы были вполне демократическими, и, когда первый атаман однажды проявил нераспорядительность, мы выбрали другого (эта честь или скорее большая ответственность досталась мне).

Выработка плана побега предоставлялась нам самим. В то время мы гуляли покоридорно и лишь до вечерней переключки, после которой нас запирали в камеры. Побег в дневное время был абсолютно неосуществим. Чтобы не откладывать дела в «долгий ящик», остановились, было, на следующем, правда, довольно наивном плане. В пасхальную ночь мы все попросимся в тюремную церковь ко всенощной. Начальство будет только радо такой вспышке религиозности с нашей стороны и не откажет. По выходе из церкви мы, пользуясь своим численным превосходством, нападаем на стражу, обезоруживаем ее, забираем ключи и выходим из ворот тюрьмы. К сожалению, а быть может к счастью, благодаря случайному обстоятельству, этому плану не суждено было подвергнуться испытанию. Во время наших спортивных игр один из бегле-

цов-искровцев накануне пасхи сломал себе ногу и должен был лечь в больницу на несколько недель. Без него мы бежать не хотели, решив ждать его выздоровления.

Наш молитвенный порыв мог показаться начальству оправданным только под большой церковный праздник, теперь его пришлось бы ждать долго.

Стало быть, старый план нужно было оставить, тем более что мы считали его несколько легкомысленным и авантюристичным. Теперь у нас было достаточно времени, чтобы обдумать и подготовить более солидный план побега. Поскольку уходить через хорошо охраняемые ворота нам не удастся, то, чтобы очутиться вне тюрьмы иным путем, необходимо преодолеть три препятствия: во-первых, бдительность коридорных надзирателей, находящихся при нас неотлучно и везде, даже во время прогулок; во-вторых, бдительность вооруженного винтовкой часового, занимающего выгодный наблюдательный пункт в углу двора; и, в-третьих, самое главное, высокую гладкую тюремную ограду, на которую подняться было совершенно невозможно. Одно время еще стоял часовой снаружи ограды, что было бы самым трудным препятствием к нашему побегу. К счастью, этим летом начальство, как бы идя навстречу нашему плану побега, решило устранить этот пост в ночное время — «раз заключенные находятся взаперти в камерах, зачем-де охранять их снаружи».

Мы тщательно обдумали и разработали пути и средства к преодолению каждого из этих препятствий, а также всевозможных более мелких, непредвиденных затруднений.

В ожидании подходящего момента мы занимались репетированием основных операций побега.

По конспиративным соображениям не только план, но и сама идея побега держались в строжайшей тайне от всех, не участвующих в побеге. Первоначальные приготовления делались небольшой группой будущих беглецов, а остальные были посвящены в эту тайну лишь на позднейших стадиях, когда подготовка настолько подвинулась вперед, что успех мог считаться более или менее обеспеченным.

Но вот закончены все приготовления. Удалось получить разрешение на вечерние прогулки. Из города получено снотворное, приличное количество спирта и, главное, «кошка»¹. Наш староста с законной гордостью обходит камеры и дает нам «понюхать» полученную по случаю чьих-то «именин» огромную корзину цветов, на дне которой спрятан вожделенный якорь. У каждого из нас за подкладкой костюма зашита паспорт и деньги на проезд (по 100 рублей).

Побег уже назначается несколько раз, но по разным причинам приходится бить отбой.

¹ Якорь для закрепления веревочной лестницы с одной стороны тюремной ограды и веревки — с другой. *Ред.*

Наконец настает желанный день, скорее вечер. Все разыгрывается как по нотам. Перед выходом на прогулку собираемся в камере одного из «именинников», угощаемся и не забываем пригласить наших надзирателей из всех трех коридоров. Они не могут с нами долго оставаться в камере, ибо может нагряться начальство. Поэтому они залпом выпивают поданные им стаканы изрядных размеров, в которые заранее было подсыпано снотворное. Проходит короткое время, и все трое, один за другим, замятво валятся на койки. Мы быстро исчезаем, захлопываем за собой двери камер, в которых спит непробудным сном наша стража, и в первый раз спускаемся во двор без всякой охраны.

Наскоро собираем всю гуляющую публику и ошеломляем их известием о предстоящем побеге по решению «Искры». Наиболее надежных просим о содействии: один должен будет отправиться в соответствующую камеру и обменяться условленными сигналами с женским корпусом, другому придется вернуться к себе в камеру и изобразить больного, третий должен перехватить помощника смотрителя у калитки, если тот вздумает явиться в этот час, и направить его к больному, остальных мы просим затянуть хоровую песню для того, чтобы заглушить возможные крики часового.

Как и предвидели, помощник начальника тут как тут, но, как условлено, его быстро направляют в камеру к больному. Мы двигаемся в другой конец дворика — поближе к часовому. Часовой, конечно, решительно отказывается от угощения. Мы даем сигнал на женский корпус и, получив ответный положительный сигнал, четверо из нас, в том числе отличавшийся большой физической силой Бауман, приближаемся к часовому и выполняем много раз прорепетированную операцию не без сопротивления со стороны часового, который вначале думает, что с ним шутят, но, когда мы вырываем винтовку, он начинает брыкаться и мычать сквозь втиснутый ему в рот носовой платок. Слышны довольно громкие звуки, а хор подвел, пения не слышно. Видимо, товарищи слишком огорошены внезапностью и необычайностью происходящего и растерялись. Голоса не повинуются им. Тем не менее строится живая «пирамида», закрепляется «кошка» и 11 человек быстро поднимаются по веревочной лестнице и по веревке спускаются по ту сторону ограды.

Через несколько минут помощник начальника, выслушав заявление больного, спускается во двор и видит буквально связанного по рукам и ногам мычащего часового.

«Неужели побег?» — догадывается он. Но где же надзиратели? Не отыскав их во дворе, он решает, что те тоже бежали. Поднимает тревогу выстрелом из револьвера. Таким образом, не проходит и пяти минут после побега, как начинается погоня. Из казарм высыпают свободные от дежурств надзиратели и кто пешком, кто верхом на лошадях пускаются с фонарями и факелами в руках на поиски беглецов. Но поиски напрасны! Как рассказывают, генерал Новицкий так верил в ловкость и организационные способности

искровцев, что, когда ему доложили о совершенном побеге, он сказал, что поиски напрасны и что беглецы, вероятно, уже за границей. Его расстроенному воображению, видимо, мерещились ковры-самолеты, которые нас поджидали и мгновенно перенесли за границу (современных самолетов тогда еще не было).

Это не помешало ему распорядиться о производстве повальных обысков в городе, а по приказу департамента полиции расклеить по городу объявления с фотографиями и особыми приметами беглецов и обещанием щедрого вознаграждения за их поимку. В предвидении таких обысков местная организация «Искры» воздержалась от предоставления нам ночевок в городе и предложила самим, в одиночку или группами, выработать дальнейшие маршруты за пределами тюрьмы. Я с тремя товарищами решил выбраться из города в ту же ночь на лодке по Днепру. Лодка была заготовлена и должна была ждать нас до определенного часа в условленном месте на берегу реки. Но воспользоваться ею не пришлось благодаря следующей непредвиденной случайности.

Спустившись по веревке, я бросился бежать, но в нескольких шагах попадаю в овраг и натыкаюсь на человеческое тело. Кругом тьма-тьмушая, ночь дождливая, и разглядеть это тело совершенно невозможно. Человек тяжело дышит и едва смог назвать свое имя. Оказалось, что это один из наших беглецов, Блюменфельд, который вследствие сердечной слабости и сильнейшего нервного напряжения не в состоянии двигаться. Что же тут делать? Не оставлять же товарища в таком беспомощном положении. Я пробовал было нести его на себе, но ноша оказалась непосильной. К тому же я сам до боли расцарапал руку при спуске по веревке. Оставалось лечь и выжидать, но тут раздался выстрел помощника начальника тюрьмы. Мы слышим шаги людей и топот лошадей проносщейся мимо погони. Проходит томительных два часа, мы слышим, как погоня возвращается. Из долетающих до нас ругательств и восклицаний узнаем, что изловить никого не удалось.

Тем временем Блюменфельд приходит в себя, и мы решаем тронуться в путь. Но куда направиться? На лодку опоздали — условный час прошел. С предосторожностями ползем по пустырю на четвереньках, пока не выбираемся на первую городскую улицу. Внешний вид у нас весьма не респектабельный: ибо ночь была дождливая, и мы, ползая, испачкали всю одежду. Прикидываемся пьяными: шатаемся, изображаем пьяное пение. Извозчик предлагает нам свои услуги. Мы садимся на дрожки и заявляем: «Вези в кабак, куда хочешь». Он привозит нас к какому-то подозрительному постоялому двору. Мы валимся на первую скамейку и делаем вид, что засыпаем «мертвым сном». Впрочем, в отличие от моего нервного спутника, я действительно крепко заснул. Опасаться нам нечего. Капиталы наши зашиты в костюмах, а жандармы вряд ли догадаются искать нас в подобном месте.

Проснувшись, начинаю обдумывать дальнейшие шаги. Со спутником моим советоваться бесполезно, так как он попал в тюрьму

прямо с границы, в Киеве никогда раньше не был и города не знает. У меня немало знакомых, но за ними наверняка установлена слежка; о явочной квартире организации и думать не приходится. Вспоминаю, что один из оставшихся в тюрьме товарищей, узнав перед самым побегом о предстоящем путешествии, дал мне адрес одной из своих знакомых, которая, по его мнению, могла оказать нам услугу, так как была дочерью одного из участников польского мятежа 1863 года. Чтобы попасть к ней, нужно было пройти через весь город, а это, конечно, небезопасно в дневное время, и поэтому пришлось отложить визит до вечера, а день как-нибудь скоротать подальше от людских взоров.

Поднимаемся со своих скамеек почти в полдень, чистимся, расплачиваемся и отправляемся в ближайшую баню. Помывшись там часа три, идем в другую, потом в третью. Так проводим весь день. По дороге закусьваем в извозчичьих трактирах, пока не наступает вечер, и мы наконец являемся к «дочери мятежника». Бывают же такие совпадения: утром она ходила в гимназию, где учится ее сын, и там, в приемной директора, разговорилась с одной женщиной, которая, плача, рассказала ей, что у ее мужа, начальника тюрьмы, большое горе: ночью бежали 11 политических.

Таким образом, дочь мятежника уже знала о побеге, но тем не менее была ошеломлена, когда перед ней предстали живые беглецы. Услышав нашу просьбу о временном приюте, она, не говоря ни слова, направляется в другую комнату, возвращается оттуда, ведя за собой группу детей, и с мольбой в голосе говорит: «Вот мои дети, я за них отвечаю перед богом и мужем. Ради бога не губите их». Напрасно мы просим укрыть нас хотя бы на одну ночь в сарае, конюшне, на чердаке, где угодно. Сквозь слезы она умоляет нас: «Муж может прийти в любую минуту, не губите меня». Увидев среди детей взрослого гимназиста, взиравшего на нас с явным умилением, мы просим у матери разрешения встретиться с ним на следующее утро, чтобы через него связаться с друзьями в городе. После некоторого раздумья и сочувственных возгласов гимназиста она дает разрешение. Назначаю гимназисту свидание в одном из киевских кафе на ранний час, когда там еще мало посетителей.

Промаявшись кое-как ночь, мы в назначенный час встречаемся с гимназистом, который относится к своей миссии с явным воодушевлением. Оказывается, он уже догадался снять для нас комнату у знакомых. Хотя паспорта у нас есть, но довольно «липовые», поэтому мы не решаемся сдавать их для прописки. Объясняем хозяйке, что приехали из провинции, забыв захватить паспорта, которые мы сейчас же выпишем по почте. Она высказывает опасение насчет дворника, но я успокаиваю ее, уверяя, что мы почти не будем выходить из дома, ибо мой спутник душевнобольной, хотя и не буйный, что я лишь изредка буду оставлять его одного, и дворник нас не заметит. Питаемся у этой же хозяйки. Время от времени приходит гимназист и приносит новости из внешнего мира. Он уже устроил мне раза два свидания с членом организации в одной из

бань. Узнаем, что продолжается неослабное наблюдение за вокзалами и всеми дорогами из Киева, а потому нам рекомендуется отсиживаться в Киеве возможно дольше. Некоторые из беглецов уже успели вырваться из города, но большинство еще отсиживается.

Меня соблазняет пример уехавших, но возникают довольно серьезные споры с моим «душевнобольным» спутником, которому хочется максимально оттянуть предстоящий нам прыжок в неизвестное. На помощь приходит хозяйка, которой начинает казаться подозрительным долгое неполучение нами паспортов, — это убеждает моего спутника в необходимости тронуться в путь. Мне хорошо знакомы окрестности города: здесь неоднократно приходилось проводить нелегальные рабочие массовки, и мы поздно вечером полями и лесами пробираемся на Житомирское шоссе, подальше от города.

В проезжающей крытой повозке оказываются свободные места, которые мы и занимаем, направляясь в то самое местечко, куда едут и остальные пассажиры. Последние узнают от нас, что я — землемер, а спутник — мой помощник, что живем мы на даче около шоссе, как раз недалеко от того места, где проходила повозка, и едем в местечко на землемерные работы.

В местечковых гостиницах паспортов не спрашивают, и мы спокойно останавливаемся на несколько дней, изучая местность, а главным образом ближайшую железнодорожную станцию. Убедившись в отсутствии слежки, садимся в поезд Ровно — Вильно и через день приезжаем в Вильно. Здесь имеется явка товарища, ведающего границей. От него узнаем, что пока из беглецов мы явились к нему первыми. Он отдает нас на попечение контрабандиста. У того клиентура довольно пестрая, преимущественно из дезертиров. Переправляет он людей через границу только большими группами, человек в 50. Он включает нас в одну из таких групп и в целях экономии везет по железной дороге «зайцами», конечно, вступив в сделку с кондуктором.

Узнав, что в поезде появился контролер, кондуктор сует нам в руки какие-то просроченные билеты Самаро-Златоустовской железной дороги. Но это не беда: ведь билеты просматривает все тот же кондуктор. Все же во время этой процедуры мы испытываем некоторое беспокойство.

На какой-то маленькой станции мы сходим с поезда и продолжаем путь на лошадях до пограничной деревушки, где проводим сутки, прячась в стогах сена от объездов пограничной стражи. С самой Вильны нам внушает подозрение один из спутников, молодой человек, который не сводил с нас глаз. Шевелится все время беспокойная мысль, не провокатор ли это, собирающийся «накрыть» нас на самой границе, у заветной цели. Наконец ночью нас выводят из стогов сена, контрабандист предлагает пройти некоторое расстояние пешком, потом бегом, наконец слышим его радостное сообщение, что мы перешагнули границу, уже находимся на территории Пруссии и можем, если желаем, подкрепиться в

находящемся неподалеку кабачке «хлебным вином». На радостях пьют все, а мой спутник, принципиальный трезвенник, залпом выпивает стакан водки и сразу хмелеет.

Нас предупреждают, однако, что еще не все опасности миновали, и если мы попадем на глаза прусскому жандарму, то он нас обратно переправит бесплатно, чтобы сделать подарочек своим русским собратьям. Поэтому мы едем еще несколько десятков километров на лошадях и садимся в поезд на Берлин. Лишь на третьей станции от границы заподозренный нами молодой человек решается сообщить нам, что он бежавший из ссылки бундовец и все время подозревал меня и моего спутника в недобрых намерениях.

Мы мечтали отдохнуть несколько дней в Берлине и ознакомиться с его достопримечательностями, но не тут-то было. Берлинский представитель «Искры», доктор Вечеслов, явно страдающий шпиономанией, убежден, что по случаю нашего приезда вся берлинская полиция поставлена на ноги. Вечеслову мерещатся шпионы на углах всех улиц, и поэтому он спешит посадить нас в поезд, идущий в Швейцарию. Вопреки его советам, мы все-таки оставляем поезд в Мюнхене. Из газет узнаем, что там проходит партейтаг (съезд) социал-демократической рабочей партии. Как пропустить такой счастливый случай! Прямо из русской тюрьмы попасть на социал-демократический съезд. Некоторые делегаты узнают о нашем прибытии и устраивают нам овацию, но все же советуют не засиживаться в Германии. Мы продолжаем наш путь в Швейцарию.

Официальный адрес «Искры» был в Цюрихе, где мы условились встретиться с товарищами по побегу. Прибываем туда первыми, но не проходит и десяти дней, как приезжают остальные. Они рассказывают друг другу о своих «одиссеях». Все вместе мы празднуем удачный исход нашего побега в ресторанчике у Рейнского водопада, о чем посылаем телеграфное извещение за всеми нашими подписями генералу Новицкому.

Такова история нашего побега.

Хочу уточнить, что к побегу были намечены 11 искровцев, но перелезли через ограду лишь 10. Причины, побудившие или заставившие одиннадцатого остаться в тюрьме, не совсем выяснены. Из чувства товарищеской солидарности мы предложили бежать с нами одному засидевшемуся в тюрьме эсеру, о чем мы дали знать киевской эсеровской организации. Та дала свое согласие при условии, что она сама позаботится о своем товарище за пределами тюрьмы. В результате это был единственный беглец, попавший в руки жандармерии через две недели после побега.

Побег и благополучное прибытие за границу десяти искровцев произвели огромное впечатление на русское общество как в России, так и за границей. Престиж «Искры» значительно вырос в революционных кругах, что сыграло немалую роль в дальнейшем сплочении вокруг нее революционных сил.

Я хотел бы еще рассказать об организации транспорта «Искры».

Еще в тюрьме все беглецы решили вернуться из-за границы на нелегальную работу в Россию в качестве профессиональных революционеров, как только департамент полиции прекратит усиленную погоню за нами.

На время моего «отсиживания» за границей мне предложили взять на себя заведование цюрихской «явкой» «Искры» и экспедицией. Как известно, «Искра» сначала издавалась и печаталась в Мюнхене, а затем в Лондоне, но по конспиративным соображениям это держалось в секрете, и официальным местопребыванием редакции «Искры» считался Цюрих.

«Искра», «Заря» и другая литература по выходе из печати немедленно доставлялась из Лондона в Цюрих, откуда рассылалась по почте заграничным подписчикам и организациям и тайными путями переправлялась в Россию. Цюрихский адрес служил также «явкой» для желавших лично связаться с редакцией и организацией.

Вскоре после приезда в Цюрих я был избран членом администрации «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии», выполнявшей, как известно, роль заграничного практического центра организации «Искры». В функции администрации, наиболее деятельным членом которой была Надежда Константиновна Крупская, входило: поддержание связей с русскими организациями, отправка людей за границу, снабжение их паспортами, добывание финансовых средств, устройство лекций и докладов и руководство «группами содействия» «Искре» в разных заграничных городах.

Недостаточность высших учебных заведений в царской России, частое исключение из них студентов за участие в «беспорядках» или за «политическую неблагонадежность», ограничение доступа евреев в учебные заведения процентными нормами гнали тысячи русских молодых людей в университеты и втузы Швейцарии, Франции, Германии, Австрии, Италии.

Таким образом, почти во всех университетских городах этих стран образовались русские студенческие колонии, где борьбу за «души» членов колоний вели между собой все русские партии и группы — искровцы, рабочедельцы, эсеры, анархисты и другие, вербовавшие среди них приверженцев и будущих своих работников в России. Воздействие на колонии оказывалось путем распространения литературы, устройства лекций, докладов и дискуссий, на которых выступали представители всех партий. Часто эти колонии объезжали с докладами члены редакции «Искры», в особенности Ленин. Обыкновенно в таких случаях за ним по пятам следовал Чернов, лидер эсеров, который выступал на рефератах Ленина оппонентом. Эти публичные дискуссии были особенно поучительны, каждый раз сопровождаясь пополнением рядов искровцев.

Наряду с редактированием «Искры» и «Зари» и другими значительными литературными занятиями, а также перепиской с революционными деятелями России Ленин уделял много внимания практической деятельности администрации Лиги, давая нам всем полезные, исчерпывающие указания и советы. Уже тогда он поражал нас методичностью, систематичностью и точностью работы, внушая необходимость контроля и проверки выполнения решений и поручений.

В. И. Ленин проявлял исключительный интерес к организации транспорта «Искры». Да это и неудивительно, если учесть ту роль, которая отводилась в его организационных схемах руководящему печатному органу как центру, стягивающему и сплачивающему революционные социал-демократические силы в единую боевую партию. Отсюда важность своевременного дохождения этого органа и родственной литературы до организаций на местах. Вот почему Ленин никогда не удовлетворялся отчетами о количестве отправленной из-за границы литературы, а требовал регулярных извещений о получении ее на местах.

Литература доставлялась в Россию различнейшими путями. Наряду с использованием старых способов, практиковавшихся прежними заграничными революционными организациями, «Искра» стала применять немало новых. Как уже упомянуто, вся отпечатанная в Лондоне литература доставлялась немедленно тюками в Цюрихскую экспедицию. Оттуда газета, печатавшаяся для этой цели на тончайшей бумаге, в первую очередь отправлялась в Россию по почте в конвертах по адресам, которые присылались организациями и агентами «Искры». То были адреса политически «благонадежных» лиц, свободных от полицейского негласного надзора, радикально настроенных представителей либеральных профессий, научных учреждений, торговых фирм и т. п. Среди адресатов даже были лица, занимавшие высокое положение в бюрократическом мире. Адресаты не подвергались почти никакому риску, ибо они всегда могли оправдаться тем, что пакеты посылаются им без их ведома.

Для облегчения положения адресатов в конверты вкладывались печатные записочки, в которых редакция просила у адресатов извинения за то, что без надлежащего разрешения пользуется случайно доставшимся ей адресом. От адресатов газета поступала непосредственно, а большей частью через посредство промежуточных агентов, к членам организаций. Конечно, после того, как она обыкновенно втайне прочитывалась самим адресатом и его близкими друзьями.

Одновременное периодическое поступление в какой-нибудь почтамт значительного количества пакетов с почтовым штемпелем одного города или с почтовой маркой одной страны, особенно такой подозрительной, как Швейцария, да еще в одинаковых конвертах, неизбежно обращало на себя внимание «черных кабинетов», а поэтому пакеты отправлялись из различных городов

разных стран в конвертах различных цветов и форматов. Нам помогали в этом наши искровские «группы содействия». По выходе очередного номера газеты каждая из них получала определенное количество экземпляров со списком русских адресов. Я помню, когда после II съезда редакция экспедиции «Искры» окончательно переехала в Женеву, находящуюся всего в нескольких километрах от французской границы, я сам на велосипеде объезжал близлежащие города и деревни, опуская в каждый попадавшийся почтовый ящик по одному пакету. Как нами было установлено, благодаря этим предосторожностям огромное большинство пакетов достигало своего назначения, в руки жандармерии попадал лишь ничтожный процент.

Делались удачные опыты с посылкой «Искры» обыкновенной почтовой бандеролью, завернутой в какую-нибудь большую иностранную буржуазную газету. Практиковалась также посылка «Искры», заделанной в переплеты книг, но это обходилось дорого, да и адресат подвергался риску, ибо вряд ли могло показаться убедительным его утверждение о неприкосновенности к тайне подобного рода пересылки.

Преимущество всех этих способов пересылки по почте состояло в скорости получения газет. Такими путями газеты попадали в организацию иногда через неделю после выхода номера из печати. Но так можно было переправлять лишь весьма ограниченное количество экземпляров, максимум 500, да и то лишь одной газеты «Искра», а отнюдь не объемистой «Зари» или брошюр.

Небольшие количества газет удавалось переправлять со случайными пассажирами, возвращающимися в Россию с легальными паспортами. Чемоданы с двойным дном давно были скомпрометированы и в мое время почти не употреблялись. Мы вклеивали литературу в подошвы и каблуки ботинок, но чаще всего прибегали к помощи специально для этой цели скроенных жилетов, под подкладкой которых можно было зашивать значительные количества литературы. Этот способ, на который «Искра» могла бы заявить патент, не был известен жандармерии, и ей не удавалось обнаружить литературу даже при личном обыске пассажиров на границе.

Но все эти способы относились, так сказать, к транспорту «большой скорости» и не могли удовлетворять все возрастающий спрос на искровскую литературу в России. Для массового распространения в России искровских изданий, хотя бы с замедленной доставкой, в нашем распоряжении были другие средства. Так, например, литература доставлялась в Россию французскими пароходами, совершавшими регулярные рейсы между Марселем и нашими черноморскими портами. Литература заделывалась в резиновые непромокаемые мешки, которые передавали нам французские моряки из профсоюзов. Эти мешки привязывались к наружным частям парохода.

По прибытии парохода в Одессу, Новороссийск или Батум

извещенные нами товарищи из местной организации подъезжали ночью на лодке и при помощи тех же моряков срезали висевшие в воде мешки и увозили их с собой. В этой работе мне помогал нынешний член президиума ЦИК Петр Гермогенович Смилович, носивший тогда кличку Матрена. Он учился в Монпелье, откуда наезжал в близлежащий Марсель, получал на почте посылки и передавал их морякам. Этот способ тоже могла бы запатентовать «Искра».

Однако основная масса литературы направлялась через сухопутные границы, где мы пользовались услугами обыкновенных контрабандистов. Эти услуги, конечно, оплачивались, но некоторые контрабандисты помогали нам не исключительно ради мзды, и если не из сочувствия к нам, то из озлобления против царского правительства. Такое озлобление мне приходилось наблюдать, например, среди литовских крестьян-контрабандистов, недовольных гонениями на литовский язык и запрещением пользоваться литовскими молитвенниками. Отсюда — исключительная добросовестность и отсутствие случаев предательства с их стороны. Все же это было довольно сложным делом. Надо иметь в виду, что против русских революционеров граница охранялась не только русской, но и прусской и австрийской жандармерией. Прибытие в какой-нибудь прусский или австрийский пограничный городок печатных произведений из такого скомпрометированного центра русской эмиграции, как Швейцария, неизбежно привлекло бы к себе внимание местной полиции, которая установила бы наблюдение за их дальнейшей судьбой и в нужных случаях уведомляла бы жандармерию по ту сторону русской границы. Таких случаев проявления жандармской «интернациональной» солидарности было немало.

Поэтому приходилось принимать меры предосторожности. Литература отправлялась из Швейцарии сперва в какой-нибудь центральный город Германии или Австрии, например в Берлин, Лейпциг или Вену, оттуда она переотправлялась в пограничные города — Тильзит, Мемель, Гусятин и другие на имя какого-нибудь немецкого социал-демократа, который передавал ее в чемоданах контрабандисту. Задача последнего состояла лишь в перетаскивании чемоданов через границу путем подкупа пограничной стражи и в доставке их в ближайший хутор или местечко, куда за ними являлись товарищи, заведовавшие транспортом с русской стороны.

Тут-то и начинались настоящие трудности, связанные с большим риском. Большинство провалов имело место именно на этой стадии транспорта. На каждом шагу, на каждом перекрестке дорог в пограничной полосе можно было натолкнуться на пограничную стражу, которая подозрительно относилась ко всякому виду поклажи. Она дежурила на всех железнодорожных станциях обширной пограничной полосы, вскрывая сдававшийся или вносившийся в их вагоны багаж любого казавшегося ей подозритель-

ным пассажира. Необходимо было вытащить литературу в более или менее отдаленный от границы центр, вроде Вильно, Риги или Киева, откуда можно было сравнительно безопасно сдавать в багаж с назначением в указанные организациями районные центры.

Был еще один способ распространения заграничных изданий в России, который впервые стал практиковаться «Искрой», а именно, пересылка матриц, с которых газета перепечатывалась в подпольных типографиях, в частности — Бакинской и Кишиневской. В общем, транспорт осуществлялся с размахом, смелостью и предусмотрительностью, свойственными всем начинаниям ленинской «Искры».

После II съезда партии функции мои, состоявшие до этого времени главным образом в налаживании транспорта, несколько расширились: пришлось взять на себя на некоторое время заведование типографией «Искры», в связи с чем я вспоминаю следующий забавный эпизод. До II съезда типографией заведовал Блюменфельд, с которым я очень сблизился в киевской тюрьме и с которым мы вдвоем и безразлично совершили несколько приключенческое двухнедельное путешествие от ограды тюрьмы до Цюриха. После II съезда он, примкнув к меньшевикам, принял участие в бойкоте большевистского ЦК и отказался от выпуска «Искры». Когда я явился к нему и предъявил распоряжение ЦК о передаче мне типографии, он, не говоря ни слова, оделся, вышел из типографии и запер помещение ключом снаружи. Сперва я принял это за дружескую шутку, полагая, что он скоро вернется и выпустит меня из-под ареста, но, прождав напрасно несколько часов, вынужден был просить по телефону товарищей приставить к окну лестницу, по которой я спустился со второго этажа. Это была блестящая иллюстрация методов «идейной борьбы», к которым тогда прибегали меньшевики.

В то же время необходимо было уделить особое внимание другому участку работы администрации Лиги, а именно заграничным «колониям», где разгорелась борьба между местными приверженцами большевиков и меньшевиков. В эти «колонии» стали наезжать на гастроли меньшевистские агитаторы, призывая к бойкоту избранных съездом центральных органов партии. Приходилось следовать за ними и выступать против них с докладами и в дискуссиях.

Но более серьезная борьба разгорелась «на местах», в России, куда меньшевики перенесли свою раскольничью, дезорганизаторскую работу. После съезда Заграничной лиги, на котором меньшевики получили большинство, ухода из редакции «Искры» Ленина и передачи Плехановым газеты лидерам меньшевиков старая ленинская «Искра» перестала существовать. Согласно предложению большевистского ЦК, я вернулся нелегально в Россию, но уже не агентом «Искры», а «уполномоченным ЦК для Северо-Западного края».

Мне предстояла работа по руководству работой большевистских организаций в этом крае, а также налаживанию транспорта с русской стороны границы, но не для новой «Искры», конечно, а для большевистских изданий, впоследствии большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий».

Идеи старой «Искры» продолжали вдохновлять меня в дальнейшей упорной борьбе с меньшевистскими дезорганизаторами и ликвидаторами за созыв III съезда партии, а методы работы и навыки, приобретенные под руководством такого гениального организатора, как В. И. Ленин, помогали справляться в дальнейшем при транспорте оружия в Россию, налаживании первой легальной социал-демократической газеты «Новая жизнь» и в борьбе за создание могучей, боевой большевистской партии, которой удалось раздуть «Искру» в революционное пламя Великого Октября.

*Исторический архив, 1961, № 2,
с. 139—149*

ВОСПОМИНАНИЯ

Моя искровская деятельность началась в 1900 году с того, что, проезжая из Сибири в Россию, я заехала к Надежде Константиновне Крупской в Уфу, где она кончала срок своей ссылки. Она направила меня в Полтаву к Мартову и Л. Н. Радченко (в то время искровцам). Было принято решение, что я должна ехать работать в Иваново-Вознесенск. Для этого мне пришлось заехать в Москву к Николаю Эрнестовичу Бауману и там же получить от Ольги Афанасьевны Варенцовой все необходимые явки в Иваново-Вознесенске.

Когда я приехала в Иваново-Вознесенск, оказалось, что почти все ивановские товарищи были арестованы, и мне стоило больших трудов дойти до рабочих, чтобы начать там работу. Но эта первоначальная трудность сыграла положительную роль. Если бы я попала в иваново-вознесенскую организацию в том составе, который был до меня, то мне предстояла бы большая работа с антиискровцами. Работать непосредственно среди рабочих было легче.

Группа рабочих, с которой мне удалось связаться, стала называться Иваново-Вознесенским комитетом РСДРП. Мы приступили к массовой агитации. Прокламации печатались у меня в избушке и распространялись по всем фабрикам. Каждая листовка вызывала тревогу у жандармов. «Искру» и другую литературу мне привозили И. В. Бабушкин, Ф. В. Ленгник и другие товарищи.

Мое пребывание в Иваново-Вознесенске вскоре сделалось очень заметным. Всех удивляло появление какой-то девицы (мне тогда было 22 года), имеющей грошовой заработок и ни с кем родственно не связанной.

Когда появились листовки, в ивановских полицейских кругах стали обсуждать, кто является их источником. Учащиеся, с которыми я была связана, сообщили мне, что моя «кандидатура» начинает выдвигаться на первый план. Да и сама я стала наблюдать все признаки начинающейся слежки. Пришлось уезжать. В Иваново-Вознесенске я работала осень, зиму и весну 1900—1901 годов.

Следующую зиму 1901—1902 года я провела в Киеве. Официальным агентом «Искры» там был Крохмаль (позднее меньшевик).

9 февраля 1902 года я была арестована и одновременно с М. М. Литвиновым сидела в киевской тюрьме (Лукьяновке).

В апреле меня выпустили за отсутствием улик в Чернигов. Я пробыла там очень немного. Получив разрешение вернуться на родину, в Сибирь, я перешла на нелегальное положение. Приехала в Самару. Отсюда меня как агента «Искры» отправили в Москву, но предварительно я совершила по заданию Бюро русской организации «Искры» целый ряд поездок по России. Первая поездка была совершена с целью добывания средств для «Искры»: я отправилась за деньгами к графу Нессельроде.

В то время либеральные буржуазия и помещики, недовольные царским правительством, желали загрести жар нашими руками и безопасным для себя способом содействовать ограничению самодержавия. Таким либералом был и граф Нессельроде. Связь у нас была установлена с его гувернанткой. Я приехала в имение Нессельроде и провела там целые сутки. Но обещание послать деньги «Искре» я все же получила.

Потом меня делегировали в Саратов для воздействия на Саратовский комитет в том отношении, чтобы он признал «Искру» официально.

Я не считаю это только своим достижением, но Саратовский комитет такое признание сделал.

После этого меня отправили в Москву. Московский комитет назывался в то время Старухой. Старуха к нашему приезду послала письмо в «Искру» с одобрением ее позиции. Но важной задачей для агентов «Искры» было заставить Московский комитет официально объявить на всю Россию о том, что он признает «Искру» своим руководящим органом. После некоторых колебаний Старуха это сделала.

В Москве было 3 агента «Искры»: Н. Л. Мещеряков, имевший кличку Леди, В. В. Гурвич — Наташа (впоследствии меньшевичка) и я — Зайчик.

Кроме постоянных сношений с Московским комитетом мне приходилось совершать поездки и в другие города России. Я ездила в Псков по организационным вопросам, в Питер — за литературой. Там я должна была встретить Елену Дмитриевну Стасову, которая имела кличку Жулик. По конспиративным причинам мы не могли пойти ни я к ней, ни она ко мне. Свидание было назначено в страховом обществе «Надежда». Ни она, ни я не имели к этому обществу никакого отношения, а просто пришли в приемную этого общества и там увиделись. Не помню, непосредственно или через кого-нибудь Елена Дмитриевна снабдила меня большой пачкой «Искры». Когда я пришла с этой литературой на квартиру к курсисткам, у которых остановилась, они сообщили мне, что, по их

наблюдениям, кругом установлена слежка. Я попала в затруднительное положение. Тем более что одета я была не по сезону и этим обращала на себя внимание.

Когда я ехала из Самары, меня замечательно нарядили, превратив в нарядную даму: на мне была красивая шляпа и ротонда. Наступила осень, и мой костюм уже не соответствовал сезону. С литературой мне в таком виде нельзя было выйти из квартиры. Тогда курсистки разыскали моего отца, который в то время был в Питере. Он занял денег, и мне купили новое зимнее обмундирование, не менее прекрасное, и приобрели огромную коробку для торта. Я оделась, плотно уложила литературу в эту коробку («Искра» была напечатана на папиросной бумаге), перевязала ее лентой и благополучно проследовала мимо шпиков.

Мне еще хочется рассказать вам об одном интересном вечере — вечере нашей встречи с А. М. Горьким.

А. М. Горького, имевшего в то время широкую литературную известность, различные революционные организации осаждали буквально со всех сторон.

Нам (Старухе и агентам «Искры») удалось также устроить свидание с Горьким. Он рассказал нам, что его затеребили. Но что из всех организаций он выделяет «Искру» и считает ее самой серьезной организацией. Он обещал нам денег и впоследствии дал их. Потом я виделась с ним еще раз. Я не помню конкретно, по какому делу, но Алексей Максимович назначил мне свидание в Художественном театре в артистической ложе. Я пришла. Мы переговорили о всех делах, но мне захотелось посмотреть на сцену. Я осталась. Когда закончилось действие и занавес опустился, публика вдруг заметила Горького, ему начали аплодировать, и я в качестве нелегального Зайчика должна была немедленно скрыться.

Наша работа в Москве кончилась тем, что в конце ноября арестовали Старуху и двух моих коллег. Я осталась одна в очень тяжелом настроении, так как не понимала, почему меня не арестовали вместе с другими. Думала, что меня оставили «на разводку». Однако 9 декабря и я была арестована. По-видимому, задержка была результатом моей конспирации. Агенты знали меня, но ни одного раза я не довела их до своей квартиры. Они всегда сторожили меня на соседней улице, где я от них отделялась. Однажды утром, когда я, написав письмо Надежде Константиновне и еще одно, пошла на Мещанскую улицу и хотела опустить письма в ящик, меня кто-то схватил за руку и сказал: «Позвольте, я опущу». «Я сама опущу», — возмущенно ответила я. Тогда он тихо шепнул: «Вы арестованы».

Опустить эти письма я не успела, и они остались в рукаве моей шубы. Агент посадил меня на извозчика, сел сам, махнул рукой другому и велел ехать позади. Мне он приказал: «Держите руки на виду». Пришлось выполнить это приказание. Потом вижу,

что агент не смотрит на мои руки. Когда мы проезжали через толкучку на Сухаревке, я потихоньку вынула письма из рукава и опустила их в снег. В охранке меня обыскали и были очень удивлены, что у меня ничего подозрительного не оказалось. На допросах я не отвечала. Но однажды, вызвав меня на допрос, жандарм с раздражением сказал: «А все-таки в вашей сумочке были не духи, а химические чернила». Меня посадили. Я просидела в Таганке около года, а затем была отправлена в ссылку, в Якутскую губернию, на пять лет.

*Исторический архив, 1961, № 2,
с. 150—151*

МОЯ РАБОТА ЗА ГРАНИЦЕЙ

По приезде в Берлин я узнал, что редакция «Искры» назначила местом моего пребывания совместно с т. Гальпериным Берлин, возложив на нас организацию транспорта литературы и людей в Россию. Не успел я осмотреться, как пришлось уже ехать на германо-русскую границу, чтобы восстановить старые связи и заодно захватить т. Бабушкина для отправки его в Россию. Поездка оказалась удачной, и я скоро вернулся обратно...

В Берлине кроме Вечеслова работал в то время ныне покойный П. Г. Смидович, который много потрудился в одной немецкой мастерской над опытом перевода оттиска с типографского набора, посредством особой краски, на отшлифованные цинковые пластинки. Он хотел найти способ печатания «Искры» в России прямо с пластинок, без набора и без стереотипа. Опыты удовлетворительных результатов не дали. Я часто бывал с т. Смидовичем в мастерской, где он производил эти опыты.

Берлинские искровцы, члены берлинской группы содействия русской революционной социал-демократии, — их было немало — часто собирались у Н. Р. и Н. Н. Бах (мать и дочь). У них бывали и беспартийные берлинские студенты, и приезжая публика из других заграничных городов и из России. В первое время после приезда и я у них часто бывал, ибо не знал ни города, ни языка, а они (Бахи) обо мне заботились — показывали город и водили на собрания немецких рабочих. Чтобы на меня не обращали внимания их посетители, Бахи окрестили меня Михаилом Давидовичем Фрейтагом, а т. Смидович перевел слово «Фрейтаг» на русский язык, после чего я превратился в Пятницу (кличка, которая привилась и осталась за мной на всю жизнь, отсюда и Пятницкий).

В конце февраля 1903 г. в Берлин приехал В. А. Носков. Клички его были Борис Николаевич и Глебов. Из всех избранных в ЦК на II съезде партии он один присутствовал на нем. Остальные члены ЦК были избраны заочно. С ним вместе по паспорту Петра Гермогеновича Смидовича (кличка его была Матрена) я отправился в Лондон, где встретился с создателями газеты «Искра», которая уже тогда была собирательницей разрозненных революцион-

ных элементов рабочего класса России. Там я застал Блюменфельда, набиравшего «Искру», там же я познакомился с Мартовым, Засулич и Дейчем. Все они жили на одной квартире. Потом я познакомился с Лениным и Надеждой Константиновной Крупской, которые жили отдельно... Несколько раз Мартов, Засулич, Носков, Ленин, Надежда Константиновна и я обедали вместе.

Разговоры между редакцией «Искры» и Носковым велись, главным образом, о состоянии организации «Северного союза» (может быть, я путаю, но в памяти остался именно «Северный союз», от которого, кажется, Носков и приехал) и о созыве II съезда партии. Со мной же речь шла о том, что необходимо расширить связи на границах и в России, для того чтобы «Искра», журнал «Заря» и брошюры могли быть переброшены в Россию и там распространены. Кроме того, нужно было иметь границы для перехода людей.

Много времени я проводил в типографии, где набиралась «Искра». Типография принадлежала английской социал-демократической партии. Меня тогда сильно поразило то обстоятельство, что английская социал-демократическая партия имеет такую маленькую типографию и что она издает небольшой еженедельник, тираж которого был не больше, чем у «Искры». Русские социал-демократы в чужой стране, за тридевять земель от родной земли издают газету не хуже той, что имеет английская легальная партия. Для меня тогда это было непостижимо, особенно после тех типографий, тиражей газет, домов, книжных магазинов, которые я видел у германской социал-демократии...

Дней через десять мы отправились в Берлин, и мне пришлось опять поехать на границу для расширения связей, так как предстояла отправка большого количества литературы в Россию... На границу я поехал с Носковым и Поваром, он же Дядя (Федор Иванович Щеколдин). По приезде в Ширвинд или Нейштадт, на самой прусско-русской границе, я отправил Повара одного. Из окна дома, где мы остановились, было видно, как Повар шагал по направлению к кладбищу, которое лежало уже на русской стороне. Мы были уверены, что он благополучно переберется, так как солдаты пограничной стражи были подкуплены. Тем больше мы были поражены, когда услышали выстрел в тот момент, когда Повар уже добрался до кладбища.

Как выяснилось после, Повар был задержан потому, что офицеру пограничной стражи вздумалось прогуляться по кладбищу. Когда солдат увидел офицера, ему ничего не оставалось делать, как поднять тревогу. Через несколько дней Повар получил на руки все документы о своем задержании, и в то время, когда отправлялся в уездный город этап, с которым должны были отправить и его, он сел в карету, добрался в ней до ближайшей железнодорожной станции, отстоящей довольно далеко от границы, откуда и поехал в Вильно, где должен был дожидаться Носкова. Его удалось выкупить за 15 рублей.

Пока мы ожидали отъезда Повара из пограничного русского городка, из России в конце марта 1903 года приехала искровка Костя — Розалия Самсоновна Гальберштадт, член Организационного комитета по созыву II съезда партии (после раскола она сделалась меньшевичкой, а в 1907 году примкнула к ликвидаторам). После свидания с Носковым она отправилась в редакцию «Искры», а Носков благополучно перешел границу и добрался до Вильно. Таким образом, граница для людей, которую я организовал после приезда в Берлин, в конце 1902 года, была испробована при переходах в Россию и из России.

Осталось наладить хорошие границы для переправы литературы, для чего я отправился в Тильзит и его окрестности и оттуда вернулся опять в Берлин...

В России в это время выростали во всех городах организации социал-демократов, внутри которых шла идейная борьба между искровцами и «Союзом русских социал-демократов». Во многих крупных городах существовали два социал-демократических комитета, которые яростно боролись между собою за влияние на пролетариат. Главная литература двух вышеназванных течений в РСДРП выходила за границей (у искровцев — газета «Искра», журнал «Заря» и брошюры, у «Союза русских социал-демократов» — «Рабочее дело»). Спрос на литературу «Искры» был в России настолько велик, что удовлетворить его из-за границы было немислимо, и это заставляло искровцев напрягать все свои силы на транспортирование в Россию своей литературы разными способами. (Русские организации «Союза русских социал-демократов», чтобы удержать свое влияние на рабочих, вынуждены были доставлять искровскую литературу. За границу являлись за литературой их представители. Среди них были и представители Питерского комитета этой организации.)

Влияние разрозненных социал-демократических кружков, групп и комитетов на рабочих в промышленных районах и городах сильно выросло за 1902 год. Социал-демократические организации устраивали массовые экономические забастовки и массовые политические уличные демонстрации (забастовка ростовских и тихорецких железнодорожников, грандиозные уличные митинги железнодорожников и рабочих других производств в Ростове-на-Дону, уличные демонстрации в Саратове, в Нижнем Новгороде в 1902 году, 20-тысячная уличная демонстрация в Ростове-на-Дону в начале 1903 года). Социал-демократические организации руководили этим движением и расширяли связи среди рабочих. Чтобы закрепить эти связи, втянуть лучшие элементы в партию, необходимо было иметь не только агитационную, но и пропагандистскую литературу, которую могла тогда дать только за граница, и главным образом «Искра», — поэтому на нас, «транспортеров», давили со всех сторон.

Когда я был во второй или третий раз в Тильзите, я напал на след крупной литовской организации, перевозившей через границу

религиозные книги на литовском языке¹. С этой организацией мы связались и с ее помощью стали перебрасывать через границу десятки и сотни пудов «Искры», «Зари» и брошюр. Для приемки и распространения литературы в России работал целый ряд видных работников, поставленных на эту работу т. Носковым: Повар — Шеколдин, Сонин (кличку забыл), Гусаров — военный врач (он работал в Виленской военной организации) и др. В Тильзите нам энергично помогал сапожник Мартенс, социал-демократ, которого рекомендовал мне руководитель Кенигсбергской социал-демократической организации адвокат Гаазе.

Этот массовый транспорт имел хорошую и плохую стороны: он доставлял сразу много литературы, но доставка из Берлина в Ригу, Вильно и Питер продолжалась несколько месяцев; для религиозной литературы литовцев этот срок был невелик, для «Искры» же это было страшно долго. Нас — меня и Гальперина, в чьих руках был транспорт, — дергали с двух сторон: из России и из редакции «Искры». От нас требовали сокращения срока прохождения литературы от Берлина до России. Для этого Гальперин переехал в Тильзит, а я остался в Берлине. Это было летом 1903 года, когда редакция «Искры» уже переехала в Женеву.

Оттуда мы получали литературу по адресу немецкой социал-демократической газеты «Форвертс», в подвале которой был склад нашей литературы. В этом складе я проводил ежедневно немало времени, раскладывая полученную литературу и упаковывая ее для отправки на границу для переправы в Россию. Упаковывать было совсем нелегко. Во всех пакетах должна была быть одинаковая литература: в случае, если один или несколько пакетов попадут в руки полиции, необходимо было, чтобы в других пакетах остались те же номера газет или книги. Кроме того, внутрь больших пакетов необходимо было вкладывать по 5—6 маленьких пакетиков с одинаковыми книгами и газетами, чтобы, как только большие пакеты попадут в Россию, они могли быть распакованы, а внутренние маленькие пакетики разосланы по России без сортировки и распаковки. К тому же необходимо было формат, вес и упаковку подогнать под литовские религиозные книги, а материал для упаковки должен был быть такой, чтобы литература не промокала во время дождя и пр.

Для ускорения отправки литературы в Россию хотя бы небольшими количествами практиковались также чемоданы с двойным дном, куда вкладывалась литература. Еще до моего приезда в Берлин одна небольшая фабрика изготовляла для нас в большом количестве такие стандартные чемоданы. Но на границах таможен-

¹ В России при царизме преследовались даже религиозные книги на литовском языке. Для печатания этой «запретной» литературы существовали в Тильзитском округе громадные типографии. *Ред.*

ные чиновники быстро пронюхали это, и произошло несколько провалов. Очевидно, они уже узнавали чемоданы, которые были все одного фасона. Тогда мы стали сами вделывать второе дно из крепкого картона в обыкновенные чемоданы, поверх 100—150 тоненьких свежих номеров «Искры». После оклейки внутри абсолютно нельзя было узнать, что в чемодане имеется литература. Вес чемодана тоже не намного увеличивался. Такие манипуляции мы проделывали над чемоданами всех отъезжавших студентов, студенток, которые сочувствовали искровцам, и над чемоданами всех товарищей, которые ехали легально и нелегально в Россию. Но и этого было мало — очень уж была велика потребность в свежей искровской литературе.

Тогда мы изобрели «панцири»: для мужчин сшивали нечто вроде жилета и туда вкладывали 200—300 экземпляров «Искры» и нетолстые брошюрки, а для женщин — соответственные лифы и, кроме того, зашивали литературу в юбки. Женщины могли брать с собой экземпляров 300—400 «Искры». Это называлось на нашем языке: «транспорт-экспресс». Одевали мы в такие «панцири» всех — от ответственных товарищей до простых смертных, которые только попадали к нам в руки. Нескольких товарищей я еще до сих пор помню: Филиппа — Голощекина (он ужасно меня ругал за панцирь), Леву — Владимирову, Батурина и др. Это действительно было варварством: пробыть в таком «панцире» пять дней летом, в жару, было ужасно, но зато какая была радость, когда организации получали литературу!

Кстати, не все меня ругали. Находились и такие, которым бывало жалко расставаться с «панцирями», женщины привыкали к «панцирям», которые делали их солидными и с хорошими фигурами. Когда мне удавалось «экспрессом» послать всю свежую литературу «Искры», на моей улице бывал праздник. Чтобы не возвращаться к этой теме, должен еще прибавить, что, несмотря на все наши старания и несмотря на то что в Россию попадала почти вся литература, которая печаталась за границей, это ни в какой мере не удовлетворяло российские организации. В России были организованы большие нелегальные типографии — в Баку, Одессе и в Москве, печатавшие «Искру» с матриц, которые мы им присылали из-за границы, а позже она набиралась в России по получении каждого нового заграничного номера «Искры».

Моя работа в Берлине за это время не ограничивалась только посылкой литературы в Россию. Ко мне попадали все товарищи, которые приезжали за границу из России по делу «Искры», и все, которые из-за границы ехали в Россию. На эти приезды и отъезды мною было истрачено немало сил и времени, ибо товарищи приезжали оборванные, усталые и не знали языка.

Переписка с Россией тоже велась отчасти через Берлин, и мне приходилось эти письма собирать, расшифровывать и отправлять по месту назначения...

Должен еще прибавить, что в Берлине, как и в других городах Германии, Франции и Швейцарии, существовала группа содействия «Искре», членом которой был и я. В то время... в берлинскую группу входили: П. Г. Смидович, Вечеслов, Никитин (при Керенском — московский градоначальник, а потом министр почт и телеграфов), Санин, Окулова, Рубинштейн, Шергов, Конягин (Гальперин), Лядов, Лядова, Н. Бах, Житомирский (оказавшийся провокатором) и др. Берлинская группа собирала деньги для партийных нужд, устраивала спектакли, лекции, дискуссии и т. д...

*Пятницкий О. Записки большевика.
1896—1917 гг. Изд. 5-е. М., 1956,
с. 45—53*

ИСКРОВЕЦ ИВАН ЗАГУБАНСКИЙ

Все болгарские «тесняки» были искровцами в смысле их приверженности к идейному направлению старой «Искры». Но если из всех болгарских «тесняков» здесь нами выделен тов. Иван Загубанский, то мы это делаем ввиду того, что т. Загубанский был не только идейным сторонником «Искры». Он связал всю свою жизнь с «Искрой» и сделался жертвой преданности революционному делу ее.

В Ленинском сборнике (книга VIII) в примечании к письму Н. К. Крупской К. И. Захаровой от 5 ноября 1901 года (с. 207) о т. Загубанском сказано: «Болгарин И. Закубанский ¹, болгарский с.-д., рабочий, с осени 1901 г. перевозил литературу «Искры» паромом из Варны (Болгария) на Одессу; 14 (1) декабря 1901 г. был вместе с К. И. Захаровой арестован; погиб в тюрьме. (Подробных биографических сведений о З. в нашем распоряжении не имеется.)».

Как мы увидим дальше, т. Загубанский умер не в тюрьме. Но погиб он все-таки благодаря тюремной жизни, где он заболел туберкулезом.

Тов. Иван Григорьевич Загубанский был скромным рабочим, который так же бесшумно умер, как и жил. Когда он кончил свою жизнь борца в родном болгарском городке Сопот в 1904 году, никого не нашлось, кто бы сообщил через печать болгарским рабочим о его смерти, и только месяцем позже, узнав о его смерти, мы посвятили ему статью в журнале «Работнишко дело» ².

Редко в то время я встречал такого скромного и беззаветно преданного делу революционного социализма рабочего, как т. Загубанский. Молодой болгарский пролетарий, он сделался жертвой русского деспотизма, и хотя ему было вполне ясно, что приобретенная в тюрьмах царизма болезнь ведет его к верной смерти, он никогда никому не жаловался на свою участь.

¹ Его настоящая фамилия Загубанский, а не Закубанский, как его именуют в русской печати. *Прим. автора.*

² «Работнишко дело» — ежемесячный популярный орган БСДРП. Издавался сначала в Варне, затем — в Софии под редакцией Г. И. Бакалова. Просуществовал с 1903 по 1905 г. *Ред.*

Говорил он очень мало. Застенчивый и тихий перед людьми, он скрывал в себе бурный дух революционера, толкнувший его к жертве. И он эту жертву принес, не дрогнув.

По профессии т. Загубанский был слесарем. Безработица заставила его поступить на место частного учителя в одной деревне, отошедшей потом к Румынии Болгарской волости. Убеждения его сделали солдатом международной революции.

Однажды в самом начале декабря 1901 года, когда он не успел еще отдохнуть от морского путешествия из Варны в Одессу, царская полиция врывается к нему в гостиницу. Два огромных чемодана, набитые литературой «Искры», были вещественным доказательством его «преступления». И он искупил это преступление тем, что его два года гноили в казематах царизма, отчего он в конце концов и погиб.

Каким образом попался т. Загубанский с «Искрой» в Одессе?

Регулярное издание «Искры» предполагало более или менее налаженный аппарат ее перевозки. На этой ударной задаче Ленин сосредоточивает свое внимание. 24 мая 1901 года он пишет Н. Э. Бауману, что перевозка по-прежнему совершенно не налажена и случайная, что, по его мнению, следовало бы т. Бауману поселиться в непосредственной близости от границы ради перевозки хоть 2—4 чемоданов в месяц, так как «наш насущный хлеб, которым мы только едва и живы, по-прежнему одни чемоданы»¹.

«Вообще весь гвоздь нашего дела теперь — перевозка и перевозка»², — пишет Ленин т. П. Н. Лепешинскому. В организации этой перевозки Ленин принимает живейшее участие. Оказывается, что болгарские товарищи, совершенно не зная в то время Ленина, попали в его организационный план, принимая участие в перевозке через русскую границу литературы «Искры». Признаться, я только теперь, просматривая восьмой Ленинский сборник, узнал, что великий вождь рабочего класса чуть ли не лично заведовал организацией переправы литературы со всех пограничных пунктов и настолько хорошо знал эту работу, что от него не осталось скрытым и то небольшое дело, которым болгарские товарищи обслуживали русскую революцию. Даже о т. Загубанском знал Ленин и следил за его работой.

В вышеприведенном письме Н. Э. Бауману Ленин упоминает Разноцветова. Под псевдонимом Разноцветова скрывался И. С. Блюменфельд, который организовал в то время транспорт изданий «Искры» в Россию. Блюменфельд обратился к пишущему эти строки, жившему в то время в болгарском городе Варне, на берегу Черного моря, с предложением устроить переправу издания «Искры» парохомом на Одессу. Я с радостью согласился,

¹ Ленинский сборник VIII, с. 142—143. *Ред.*

² Там же, с. 144. *Ред.*

и мы условились с Блюменфельдом, что он пошлет ко мне в Варну товарища, который должен поселиться в Одессе в качестве приемщика литературы, с которым я мог бы договориться о подробностях.

В скором времени ко мне приехала тов. Аполлинария. Кто под этим именем скрывался, я не знал и не спрашивал. Лишь после того как произошел провал в Одессе, я узнал ее имя из сообщения в № 14 «Искры» (от 1 января 1902 г.). Это была К. Захарова.

Надо было найти человека, конечно, хорошего, смелого и преданного товарища, который взял бы на себя риск ездить в направлении Одессы с чемоданами, наполненными в пространстве между двойным дном литературой, а на обратном пути — с пустыми чемоданами. Насчет выбора подходящего товарища я предварительно посоветовался с Стефаном Георгиевым, который был единственным человеком, которому я принужден был довериться. Дело в том, что я в то время был занят изданием марксистской литературы на болгарском языке, усиленно выпуская книжку за книжкой, и работал очень энергично в рабочем движении; в результате я был на виду у властей, а также у русского консула, который устроил довольно нахальную слежку своих шпиков за мной.

Получать часто и в довольно больших количествах революционную русскую литературу — значило выдать все дело. Этот факт не мог пройти незамеченным ни для болгарской полиции, ни для русских шпииков. Оставалось довериться кому-нибудь из товарищей, на имя которого я мог бы получать литературу. Самым подходящим лицом оказался Стефан Георгиев, который содержал книжный магазин и мог выписывать по своей профессии книги из-за границы, не обращая этим на себя внимания¹. Он был человеком, которому можно было довериться и которого нечего было опасаться.

Выбор наш пал на т. Загубанского. Лучшего выбора нельзя было сделать. Работа т. Загубанского при его поездках из Варны в Одессу и обратно показала, что т. Загубанский оказался великолепным конспиратором. Если он в конце концов провалился, то это не его вина.

Следивший за мной русский шпик был настолько нахален, что пробовал подкупить почтальонов, чтобы те ему передавали мою корреспонденцию из-за границы. Но не успев доискаться соответствующих следов работы в Варне, русская полиция сумела наложить руку на К. И. Захарову, а за ней и на Загубанского в Одессе. О налаживании канала отправления литературы через Варну К. И. Захарова вспоминает, что перед отъездом в Болгарию она имела в этом направлении много бесед с членами редакции «Искры», в особенности с Лениным и Мартовым, говоря с ними о пред-

¹ Стефан Георгиев был членом социал-демократической партии («широких» социалистов). *Ред.*

стоящей работе в Одессе (последнюю предполагалось сделать центром для всего южного района) ¹. «Выяснив,— рассказывает она,— детально все, что касается предстоящей работы, я собралась в путь, который лежал через Варну, где я должна была обратиться к болгарскому социал-демократу Бакалову, который мог помочь мне в деле налаживания транспорта» ².

«Бакалов,— продолжает Захарова,— как обещал, свел меня с т. Загубанским, который с величайшей охотой взялся заняться перевозкой нашей литературы через границу. Первоначально он предполагал, что литературу можно будет доставлять исключительно паромом, курсирующим между Варной и Одессой (каждые 15 дней.— Г. Б.), на котором служат свои люди, но после обстоятельного обследования нам пришлось от этого пути отказаться. Дело в том, что мой приезд в Варну, этот небольшой городок, где вся интеллигенция на виду, не мог остаться незамеченным и обратил внимание кого следует. Хотя я не показывалась на улицу вместе с местными товарищами, но все же была уже замечена» ³.

Тов. Загубанский справедливо указал, что при таких условиях его частое посещение парохода легко может вызвать подозрение, а сопоставление начала этих посещений с моим приездом укрепит его. Поэтому было решено комбинировать пути, морской и сухопутный, причем каждый раз транспорт до Одессы будет сопровождать кто-нибудь, по возможности другое лицо. Загубанский был уверен, что найдет нужных для этого людей» ⁴.

Первая партия литературы должна была прибыть в Одессу через неделю после приезда туда К. И. Захаровой, чтобы она имела время устроить склад и подготовить быструю рассылку. Каждый транспорт должен был состоять из 3—4 пудов литературы. Захватив с собой наполненные «Искрой» чемоданы, К. И. Захарова отправилась на Силистрию, составлявшую в то время часть Болгарии, и оттуда на лодке переправилась через Дунай на русскую сторону, в Бессарабию.

В «Докладе организации «Искры» Второму съезду РСДРП в 1903 г.», написанном т. Н. К. Крупской, рассказывается: «В Одессе удалось было наладить дело, провезено было 3—4 чемодана, но все дело провалилось вследствие того, что искровский представитель, не встречая поддержки со стороны местных товарищей,

¹ См.: *Захарова-Цедербаум К. И., Цедербаум С. И.* Из эпохи «Искры». М., 1926, с. 21. *Ред.*

² Там же, с. 21—22. *Ред.*

³ В то время при русофильском правительстве в Болгарии царские агенты держали себя очень нагло. О происках тайной русской полиции в Болгарии, руководимой неким Вейсманом, писал «Рабочнически вестник» от 11/IX 1902 г. В статье, помещенной в № 45 «Искры» (от 1/VIII 1903), Д. Н. Благоев писал: «Ныне Болгария походит на русскую провинцию... Болгария полна русскими шпионами, которые распоряжаются в полиции как у себя дома, шпионят за всем и за всеми и перехватывают письма, особенно из России». *Прим. автора.*

⁴ *Захарова-Цедербаум К. И., Цедербаум С. И.* Из эпохи «Искры», с. 25. *Ред.*

оказался в невозможных конспиративных условиях — без денег, без квартиры и прочего — немудрено, что все дело очень быстро провалилось»¹.

Насколько помнится, т. Загубанский не менее 4—5 раз съездил в Одессу с двумя большими чемоданами, хорошо начиненными литературой.

Когда произошел провал, я долго не мог успокоиться, доискиваясь, кто был причиной этого провала, не с нашей ли стороны вина? Не мы ли, не привыкшие к конспирации болгары, выдали какой-нибудь неосторожностью своих товарищей.

Доклад Н. К. Крупской и воспоминания К. И. Захаровой бросают свет на причины провала.

«Все казалось хорошо, — пишет К. И. Захарова, — но скоро я начала замечать после приезда Загубанского, что за мной следят...² Заметили это и местные товарищи. Я сейчас же решила передать все ведение дела другому лицу, о чем и сообщила за границу, настаивая на посылке заместителя, а т. Загубанского предупредила, чтобы он ни в коем случае не приезжал сам со следующим транспортом. «Я согласна, — писала я ему, — на некоторую задержку, если это потребуется для подыскания нужного человека». Как оказалось впоследствии, мое письмо до него не дошло, и в назначенное время он вновь приехал на снятую для него квартиру. Ему дали время распаковать литературу и известить меня о своем приезде, а затем нагрянули и арестовали»³.

К. И. Захарова боялась, что при допросе Загубанский скажет лишнее. Но первые же записки, полученные от него, устранили всякий повод к подобного рода опасениям. Воспользовавшись своим положением иностранца, он заявил, что книги он возил, что взялся за это исключительно как за коммерческое дело и что никого он не знает, кроме человека, дававшего ему эту работу и живущего в Болгарии. Знакомство с Захаровой он отрицал.

Не добившись от т. Загубанского никаких указаний (даже косвенных), начальник жандармского управления полковник Бессонов грозил ему сгноить его в тюрьме, так что никто даже об этом и не узнает.

Месяца через полтора тюрьма ожила, наполнившись массой арестованных, наладились сношения между корпусами, и т. Загубанский сумел вступить в общение с другими заключенными и постепенно выучился русскому языку.

«Не было ни одного заявления протеста, требования со стороны сидящих, которое бы он не поддержал. С виду такой тщедушный,

¹ Пролетарская революция, 1928, кн. 1 (72), с. 151—153. *Ред.*

² «Как я узнала от товарища, ознакомившегося с архивом одесского жандармского управления, слежка была установлена за мной вскоре после моего приезда по указанию департамента полиции, перехватившего мое письмо за границу: химический текст был проявлен и расшифрован, что дало указания на мою работу». *Прим. автора.*

³ Захарова-Цедербаум К. И., Цедербаум С. И. Из эпохи «Искры», с. 29. *Ред.*

скромный, робкий, он обнаружил редкую стойкость, сильный характер и беззаветную верность товарищам. В тюрьме он познакомился с русским рабочим движением, с различными течениями революционной мысли. Он говорил в своих письмах, что если его вышлют на родину, о чем хлопотали его болгарские товарищи, он снова станет работать в России в наших рядах. Ни звука о том, как тяжело ему тут в России, оторванному от своих... А между тем чахотка уже делала свое дело — он начал кашлять и жаловался на усталость»¹.

Вначале т. Загубанский провел 14-дневную непрерывную голодовку, чтобы принудить палачей освободить его из тюрьмы в качестве болгарского подданного. Этого он не добился. Тогда он подает заявление прокурору. Молчание. Телеграфирует русскому министру юстиции о разрешении войти в сношение с болгарским дипломатическим агентом, с тем чтобы добиться своего освобождения. Молчание.

В тех нескольких голодовках, к которым т. Загубанский прибегал в тюрьме, он оказался отличным стачечником. После одной из подобных «стачек» его «захватили и бросили в карцер, где его страшно истязали до потери сознания»².

При одном из «бунтов» в Одесской тюрьме, подавленном свирепыми побоями начальства, тюремщики разбили голову т. Загубанскому ключами. Виктор, как звали Загубанского его товарищи в тюрьме, выдержал, не простонав...

Три раза пробовал Виктор бежать, но как назло ему каждый раз мешали те или иные случайности.

К. И. Захарова вспоминает свою последнюю встречу с Загубанским на вокзале при их переводе из Одессы в другие тюрьмы. «Было жутко смотреть на него. Глубоко запавшие глаза, землистый цвет лица. Было ясно, что это человек, кончающий счеты с жизнью. А между тем сколько в нем было жажды жизни, желания работать... «Меня обещают выслать в Болгарию,— говорил он мне,— а вас ведь пошлют в Сибирь. Я сделаю все, чтобы помочь вам бежать. Мне нетрудно будет это устроить, раз я буду на воле». Бедняга не чувствовал, что это последняя его зима...»³

С октября до конца 1902 года в «Рабочем вестнике»⁴ шел сбор пожертвований в пользу арестованного в Одесской тюрьме

¹ Захарова-Цедербаум К. И., Цедербаум С. И. Из эпохи «Искры», с. 33. *Ред.*

² Рабочие вестник, 1902, 4 сентября. *Ред.*

³ Захарова-Цедербаум К. И., Цедербаум С. И. Из эпохи «Искры», с. 37—38. *Ред.*

⁴ «Рабочие вестник» («Рабочая газета») — центральный орган Болгарской рабочей социал-демократической партии. Сначала издавался еженедельно и выходил в провинции. Вскоре издание его перешло в Софию, и он превратился в ежедневный орган БРСДП (затем — БКП). Редакторами его состояли Евтим Дабев, Георгий Кирков, Гавриил Георгиев... и Христо Кабакчиев.

«Рабочие вестник» просуществовал до восстания в сентябре 1923 г., после чего несколько номеров его вышло за границу. *Ред.*

ме т. Загубанского ¹. В подписке рядом с сочувствием к т. Загубанскому выражено «презрение к бесчеловечному русскому царизму, к зверской официальной России».

Из Одессы т. Загубанского перевели в Самарскую тюрьму. Там ему неожиданно сообщают радостную весть, что его освобождают.

Тяжело больным царское правительство выслало его за пределы России и распорядилось о том, чтобы его не пустили обратно.

Как только Загубанскому сообщили о том, что его освобождают, он спешит поделиться со мной этой радостной вестью в письме от 2 августа.

«Любимый друг! Вчера ко мне заходят и передают мне бумагу — просят расписаться. Прочитал, расписался. Но что Вы думаете там было написано! Вот слушайте. Оказывается, что меня выгоняют на родину без права въезда в Россию. Но, друг мой, как я удивился! Я ожидал приговора более строгого. Ждал я Восток, куда-то между якутами, чукчами, а вдруг мне заявляют, что должен ехать на юг, на родину, которую два года тому назад покинул, чтобы попасть в русские тюрьмы, несколько из которых я уже успел пройти. Ах, как мне радостно, что скоро я покину эти крепости, где не только воля, но и мысли скованы, где гибнут силы и молодость, где сокращается жизнь. Да, друг мой, скоро я буду у вас, хотя мне еще кажется, что это сон, что мне приснилось чтение бумаги о вольности. Да, буду я дышать свежим и вольным воздухом. Итак, кончаю. Не хочу писать больше, оставляю все на то время, когда мы увидимся. Передайте привет всем знакомым. Крепко жму Вашу руку. Желаю Вам всего хорошего. Ваш Иван».

В конце сентября т. Загубанский уже в Варне. Оттуда он мне 2 октября пишет в Софию, куда я в то время переселился.

«Милый друг! Прибыл благополучно в Варну 23 пр. м. Но и тут судьба меня поджидала. Продержав 24 часа в участке, меня выпустили под надзор с тем, чтобы три раза в день туда показываться. Едва после четырех дней меня освободили вполне. Причины: во-первых, у меня не было паспорта, во-вторых, потому что разговариваю по-русски, и это дало повод считать меня русским нигилистом и не верить, что я болгарский подданный. Благодаря полковнику Андрееву, моему двоюродному брату, я был спасен, а то черт знает что бы со мной сделали, так как удостоверение о моей личности Стоянова, Георгиева и других, как социалистов, не признавалось. Думаю, что и Вы будете немало удивлены, узнав, что я забыл говорить по-болгарски. Как бы то ни было, но факт, что я снова учусь болгарскому языку. Кто мне сочувствует, только он может понять мое положение. Работу я еще не успел найти и не знаю, смогу ли ее получить здесь. Если случайно окажется какая-

¹ В это время т. Загубанского перевели из Одессы: это видно из «Хроники революционной борьбы» в «Искре» (№ 27 от 1 ноября 1902 г.): «Сосланы Конкордия Захарова и болгарин Загубанский (по одесскому делу) — до приговора». *Ред.*

нибудь работа, сообщите мне, и я приеду. Мое положение Вы знаете. Если возможно, пошлите мне те письма, которые получались из Парижа, или только адрес. Привет Вам от моего коллеги по тюрьме¹. На сколько лет ее отправили², не мог узнать. Жду писем от нее или от ее сестры. Привет всем товарищам. Целую тебя. Иван Загубанский».

Что хорошего могло ожидать этого революционера, спасшегося от царских казематов на его «милрой родине», где его как опасного и вдобавок больного человека не принимали на работу? Когда же ему удалось наконец найти какую-то слесарную работу в Княжеве (под Софией), оказалось, что руки не в силах уже подымать молот. Приобретенная в Одесской тюрьме чохотка давала о себе знать все более и более настойчиво... Загубанскому даже года не удалось «порадоваться» на своей «прекрасной родине»...

Бакалов Г. Старая «Искра» среди болгар. Влияние старой «Искры» на оформление партии «тесняков». — Пролетарская революция, 1929, № 8—9 (91—92), с. 73—81

¹ К. И. Захарова-Цедербаум. *Прим. автора.*

² В Сибирь. *Прим. автора.*

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСКРОВСКИЙ КОМИТЕТ В 1902—1903 ГОДАХ

Я поехала из Женевы в Петербург с паспортом одной знакомой студентки, которая дала мне его для переезда через границу с условием, чтобы я его немедленно выслала обратно и ни в коем случае не прописывалась и не жила по нему. Она собиралась вскоре вернуться в Россию, и паспорт был нужен ей самой.

Переехав благополучно через границу, я немедленно отправила паспорт обратно и в Петербург приехала без всякого документа.

Я была довольно хорошо снабжена партийными директивами, планом работы, конкретными заданиями. Мне были сообщены явки, адреса, пароли, у меня было все, кроме паспорта. Правда, я особенно не беспокоилась, будучи уверена, что партийный комитет сумеет достать мне надежный документ. Но это оказалось сложнее, чем я предполагала. Между тем паспорт нужен был немедленно, так как ни в гостиницу, ни в меблированные комнаты, ни на частную квартиру без паспорта нельзя было и носа сунуть.

Наступал вечер, а я все еще была на улице. Я стала перебирать в памяти имена друзей и знакомых и вспомнила свою старую приятельницу по Саратову Евгению Семеновну Стрекалову. Забежав в адресный стол, я взяла ее адрес и направилась к ней. Она встретила меня самым радушным образом и сразу выручила. Жена ее сына Зинаида Васильевна Дешина отдала мне свой девичий паспорт, который сохранился у нее после замужества. Лучшего и желать было нельзя. Это была не фальшивка, а настоящий паспорт, к тому же дворянский. Приметы и возраст подходили: рост средний, лицо круглое, волосы русые, нос и рот умеренные, особых примет нет.

С этим паспортом в кармане я на другое же утро сняла хорошую комнату на Фонтанке близ Невского и вызвала симпатию и доверие хозяйки как своим внешним видом (парижская шляпа, светлые лайковые перчатки), так и дворянским происхождением. В комнате стояло пианино, и мне сейчас же, как только я заявила, что приехала учиться пению, хозяйка любезно предложила пользоваться им, не стесняясь. Я спела под аккомпанемент хозяйки пару романсов и этим окончательно расположила ее к себе. Она мне любезно предложила и обедать у нее. Таким образом, мой быт сразу наладился...

Петербургский комитет РСДРП представлял в ноябре — декабре 1902 года довольно прочную организацию с большим количеством связей в рабочих районах, прекрасно оборудованной техникой, налаженным транспортом. Правда, связи не были оформлены, не было организационной четкости.

Здесь надо сказать, что Петербургский комитет пережил довольно тяжелый период раскола. Группа социал-демократов, руководимая студентом Токаревым (кличка Вышибало), — сторонники «экономизма» — начала выступать против искровцев. С ними пришлось вести очень напряженную борьбу. В результате победы искровского направления над «экономистами» комитет летом 1902 года выпустил «Заявление», обращенное «Ко всем российским социал-демократическим организациям», в котором отметил, что «надо закончить, — выражаясь словами автора брошюры «Что делать?», — ликвидацию периода кустарничества, периода местной раздробленности, организационного хаоса и программной разноголосицы»¹. В заключение комитет заявил «о своей солидарности с теоретическими воззрениями, тактическими взглядами и организационными идеями «Зари» и «Искры», которые признает руководящими органами русской социал-демократии». Осенью 1902 года «экономисты» откололись от комитета и образовали «Рабочую организацию петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

К январю — февралю 1903 года нам удалось надлежащим образом сконструировать комитет согласно указаниям Ленина. В искровский комитет входили представители районных комитетов, районные организаторы, преимущественно рабочие: Белянчиков, Стернин, Корчевский, Шотман. Литературным отделом заведовал Дивильковский, пропагандистским — я, всей техникой — типографией, транспортом — Лавров. Секретарем комитета была Е. Д. Стасова.

Секретарь комитета не играл в то время такой роли, как сейчас, он не руководил политической деятельностью комитета, но диапазон его работы был все же чрезвычайно обширен, и Е. Д. Стасова с этой работой блестяще справлялась. В ее руках сосредоточивались все связи, все нити повседневной организационной работы, связь с заграничным центром, учет новых работников, обеспечение комитета денежными средствами, помещениями для собраний, ночевки и ряд других самых разнообразных дел. Комитет обычно собирался не чаще одного раза в неделю, и созыв комитета лежал на секретаре. Повестка дня принималась на собрании комитета с учетом имевшихся у секретаря заявок различных отделов, заслушивалась краткая информация секретаря о текущих делах и сообщение о полученных письмах от Ленина и Надежды Константиновны Крупской. Каждый заведующий отделом имел свою группу работников, свои квартиры для собраний, явок и мог без пред-

¹ Искра, № 26, 1902, 15 октября, с. 2. *Ред.*

варительной санкции комитета обсуждать и решать вопросы, связанные с его работой. Чаще всего происходили собрания пропагандистов и районных организаторов, иногда устраивались общие собрания пропагандистов с организаторами того или иного района для решения практических вопросов, связанных с их повседневной деятельностью. Петербургский комитет уделял огромное внимание пропагандистской работе, привлекая к ней наиболее подготовленных товарищей.

К весне 1903 года было организовано не менее 50 пропагандистских кружков. Привлечение новых пропагандистских сил, обсуждение с ними программы, метода и характера занятий — все это стояло в центре внимания комитета, и возможности для развертывания работы были безграничны. На Урале трудно было найти подготовленных людей для ведения занятий в кружках, и их приходилось обучать на ходу, в Петербурге же в короткий срок удалось организовать группу отлично подготовленных товарищей, у которых не хватало разве практического опыта, а порой лишь смелости. В эту пропагандистскую группу вошли братья Эссены (Бур и Барон), П. И. Куделли, Соколов, Никитин, Кузнецов, Плюнин, Бенуа, Шишкин и еще ряд товарищей, ставших потом профессиональными революционерами.

Работали все с огромным увлечением и энтузиазмом. Много времени уделялось обсуждению программы, подбору литературы, проработке отдельных тем. Много мы бились над программой, стремясь включить в нее основные положения марксизма. Вероятно, теперь было бы трудно отыскать эту программу, но, сравнивая современные программы по вопросам партийного просвещения с программами того времени, с огромным удовлетворением отмечаешь, что и тогда пути намечались правильные.

Программа составлялась так, чтобы не душить слушателя формальными заданиями, обилием фактов, а способствовать выработке марксистского мировоззрения, развивать в нем активность, приучать к самостоятельному мышлению. Наша задача заключалась в том, чтобы слушатель научился обобщать факты, делать выводы, то есть овладевал диалектическим методом, умел критически анализировать действительность. Там, где удавалось до конца провести такую работу, в кружке вырастали прекрасно подготовленные товарищи, ставшие потом активными политическими работниками.

Наряду с организацией пропагандистских кружков комитет через своих членов и районных организаторов создавал на предприятиях искровские ячейки, через которые осуществлялось руководство рабочим движением завода. Заводские ячейки привлекали новых рабочих в кружки, распространяли литературу — газеты, брошюры, листки, руководили забастовками, вели учет членов партии, привлекая к организации новых проверенных рабочих, собирали членские взносы, устраивали в цехах летучие митинги и собрания и руководили всей политической жизнью завода.

Трудно сказать, как велико было число этих ячеек на предприятиях, учет всегда был приблизительным, но на каждом крупном заводе такая ячейка имелась, а на таких больших заводах, как Путиловский, Семяниковский, Обуховский, партийные ячейки были почти в каждом цехе.

Вопросы, рассмотренные комитетом, и принятые по ним решения, если они имели общеполитическое значение, переносились на обсуждение районных комитетов, если же касались отдельных предприятий, то обсуждались на партийном собрании данного завода или фабрики. Ни один конфликт между рабочими и администрацией завода, ни одна забастовка не проходили мимо партийной организации завода, районных комитетов и Петербургского комитета. Рабочие привыкали прислушиваться к мнению, советам и решениям партийных организаций и руководствоваться их указаниями.

В период 1902—1903 годов и последующих лет выдвинутый Лениным вопрос об открытых выступлениях стал одним из центральных пунктов всей нашей партийной работы. Наряду с конспиративной работой в кружках, где шла подготовка руководящих работников из числа наиболее передовых, надежных и проверенных рабочих, была развернута широкая массовая агитационная работа. Рабочие призывались к открытой политической борьбе, к открытым выступлениям. Рабочее движение становилось массовым, выходило на улицу.

Наши ораторы стали выступать уже не в тесных комнатах рабочих квартир или в рабочей казарме, а на открытых трибунах, в больших цехах завода или в огромных его дворах. Рабочие, знакомясь с партийными ораторами, слушая изложение нашей программы, наших требований, не оставались безмолвными слушателями, они научились и сами выступать, довольно быстро преодолев застенчивость и овладев искусством устной речи.

Когда сейчас слушаешь ораторов, не умеющих обходиться без шпаргалки, а то и целиком написанной речи, от которой веет невообразимой скукой, невольно вспоминаешь выступления рабочих, горячо и страстно произносящих свои первые речи дрожащими от волнения голосами, заражая своим волнением всех участников собрания. Порой это были короткие речи с призывом к действию, но зачастую содержательные выступления на определенные темы: о необходимости открытых действий, о роли и значении партии, о Ленине как вожде и друге рабочих.

Партийные пропагандисты читали рабочим статьи из «Искры». Газета печатала большое количество статей Ленина, который владел даром облекать самые сложные вопросы в простые, ясные и предельно четкие формы, и рабочие больше всего ценили эту простоту, ясность и глубину ленинских высказываний.

«Искра» помогала оформлять политическое мировоззрение не только передовым рабочим и революционной молодежи, но и всем партийным работникам, и в первую очередь пропагандистам и ор-

ганизаторам. «Искра» была боевым пособием, отвечающим на все теоретические, политические и злободневные вопросы дня. Рядовые рабочие, мало искушенные в теоретических вопросах, отлично усваивали революционный дух «Искры» и шли в наши ряды, улавливая классовым чутьем широту и размах искровских идей, искровской тактики и всю линию старой «Искры».

Отлично работала наша техника. Две типографии, одна в Вильне, другая в Петербурге, действовали с полной нагрузкой, выполняя все наши задания, печатая без перебоя наши листки, воззвания, брошюры.

Не менее четко работал наш транспорт на финляндской границе. «Искру», «Зарю» и всю выходящую за границей литературу мы получали самым аккуратным образом и широко распространяли среди рабочих и революционной интеллигенции.

В конце февраля 1903 года от Петербургского комитета РСДРП откололась группа социал-демократов, которая еще с конца 1902 года вела борьбу с искровцами, выступала против плана «Искры». Эта группа также называла себя Петербургским комитетом РСДРП и претендовала на представительство на II съезде партии, но ей в этом было отказано.

В апреле 1903 года из-за границы в Петербург приехал член Организационного комитета по созыву II съезда, чтобы определить, которая из существующих здесь социал-демократических организаций имеет право на посылку делегатов на съезд. После обследования их работы он признал, что искровский комитет вполне отвечает всем нужным требованиям и имеет право на посылку делегата. К моменту съезда у нас был оформленный комитет, крепко связанный с рабочими районами, существовала сеть заводских и фабричных ячеек, на крупных предприятиях Петербурга работали пропагандистские кружки. Не было ни одного сколько-нибудь значительного выступления рабочих (забастовки, демонстрации), где бы искровский комитет не принимал самого активного участия.

Рабочая организация петербургского «Союза борьбы» также получила право послать своего делегата на II съезд партии.

Накануне Первого мая мы, готовясь к демонстрации, решили устроить собрание всех социал-демократических организаций, чтобы выяснить, какими силами мы располагаем для этого открытого выступления рабочих.

На собрании находились провокаторы Янкельсон и Богданов — члены «Союза борьбы», которые сообщили полиции о собрании, и мы все были арестованы.

Для меня этот неожиданный арест был настоящим ударом. Провалились все мои планы. Если для большинства арест мог закончиться несколькими месяцами тюрьмы и высылкой из столицы, то мне, бежавшей из Якутии, имевшей за спиной пять лет ссылки, подпольщице, проживавшей по чужому паспорту, было не так легко отделаться. Предстояло, в лучшем случае, новое путе-

шествие в Сибирь, уже подальше Якутии, удлинение срока ссылки или годы заключения в Петропавловской или Шлиссельбургской крепости. Значит, опять годы отрыва от жизни, годы вынужденного безделья. А работа с каждым днем становилась все живей, интересней. У меня было такое чувство, точно я с разбегу ударила о железную стену.

Подготовка и устройство демонстрации было делом первостепенной важности, и комитет еще не принял решения, проводить ли общую демонстрацию в центре города, на Невском, или ограничиться демонстрациями в районах и организацией митингов на заводах. Все зависело от учета наших сил. Надо было основательно проверить, на что мы можем рассчитывать, много ли выйдет рабочих на демонстрацию, какое у них настроение. Ведь первомайская демонстрация — это прежде всего смотр сил, а без предварительной подготовки, без тщательного учета этих сил мы не могли принимать решений. Каждый организатор района должен был дать точные сведения о том, какое количество рабочих он рассчитывает вывести на улицу. Каждая заводская ячейка должна была твердо знать настроение рабочих. Таким образом, этот предварительный учет был делом огромного политического значения, и им были заняты не только все члены комитета, но и весь актив.

Товарищи, оставшиеся на воле, понимали, как горько и обидно было сидеть в тюрьме и ничего не делать в то время, когда они надрывались на работе. Время было горячее, а нас, выбывших из строя, была солидная группа.

Но изменить уже ничего было нельзя, и следовало набраться терпения и ждать случая, чтобы убежать. Из петербургской «предварилки», как я ни раскидывала умом, убежать было невозможно. Надо, следовательно, ждать окончания дела и тогда действовать; как ни было горько на душе, но пришлось взять себя в руки и временно примириться со своей неволей, строя лишь всяческие планы о побеге.

Несмотря на мои мрачные предположения, все произошло иначе. На жандармов произвели, очевидно, впечатление мой дворянский паспорт, внешний вид и мое занятие музыкой, и они решили, что я попала на собрание по чистой случайности. Жандармский офицер, ведший следствие, изумленно спрашивал меня:

— Как вы попали в это общество? Какие-то рабочие, какие-то еврейки?

Я делаю большие глаза и наивно спрашиваю:

— Неужели вы юдофоб?

— Нет, конечно, что за вздор, но согласитесь, Зинаида Васильевна, что это не ваше общество и что вы попали на это собрание случайно. Какое дело вам, светской девушке, будущей артистке, до какой-то демонстрации, бунтов рабочих?

Несмотря на то что провокатор Янкельсон донес, что я выступала с речью от искровского комитета и проявляла большую активность на собрании, жандармский офицер почему-то не дал веры

словам провокатора, а положился, как он говорил, «на свое чутье, на свое знание и понимание людей».

Через несколько месяцев меня освободили вместе со всеми другими участниками собрания. Жандармский офицер решил козырнуть передо мною на прощание своим либерализмом и, вызвав меня, чтобы объявить об окончании дела и освобождении из тюрьмы, сказал:

— Вот видите, Зинаида Васильевна, мы не такие уж людоеды и зря людей не обижаем. Вот выяснили, что вы случайно попали в чуждое вам общество, и освобождаем вас.

В заключение он выразил надежду, что это послужит мне уроком быть впредь осторожнее в выборе знакомств.

Мне зачли время, проведенное в тюрьме, и ограничились высылкой под гласный надзор полиции в Одессу. Министр юстиции предлагал выслать меня в Олонецкую губернию на три года, но, очевидно, утверждение жандармов, что я случайно попала в общество «каких-то рабочих и евреек», возымело свое действие. Приговор был смягчен, и мне даже разрешили остаться в Петербурге на несколько дней для устройства «личных дел». Я чуть не расхохоталась в лицо этому олуху с его «тонким знанием и пониманием людей», щеголявшему передо мной своим либерализмом и гуманностью и «отечески» наставлявшему меня быть осторожнее в выборе знакомств. У него не возникло ни малейшего сомнения в том, что я не Дешина, а между тем, если бы он проверил мой паспорт, он сразу бы насторожился. Дело в том, что я знала имя «своего отца», а отчество, его служебное положение мне были неизвестны, и я дала неверные справки, о чем узнала уже значительно позже.

У меня была с этим жандармом еще одна короткая встреча, когда я пришла за получением проходного свидетельства перед отъездом в Одессу, после недельного пребывания в Петербурге «по личным делам». Мои друзья советовали мне не рисковать, обойтись без проходного свидетельства и просто скрыться из города. Ведь за эту неделю могли быть получены новые сведения обо мне, и вообще для чего лезть «щучке в хайло», зачем без особой нужды рисковать свободой?

Все это было верно, но верно было и то, что за мной шла усиленная слежка, и с каждым днем мне становилось все труднее отделаться от преследующих меня шпиков. Я твердо знала, что, если я не явлюсь в назначенный день в жандармерию за проходным свидетельством, я буду немедленно арестована. Это подтвердил и жандармский офицер. Вручая мне проходное свидетельство, он сказал:

— Если бы вы сегодня не явились, вы были бы немедленно арестованы и отправлены по этапу, мы вас из виду не теряли, хотя иногда вы все же куда-то исчезали.

Вот эта слежка за мной и заставила меня решиться прийти в жандармское управление. У меня был такой расчет: если я приду

за проходным свидетельством и уеду из Петербурга на глазах у жандармов — а что они проследят мой отъезд, у меня сомнений не было, — это усыпит их бдительность на многие месяцы. Когда они еще получают запрос из Одессы, ответят на него, хватятся искать меня, наводят справки, примут меры к розыску и т. д. За это время я успею исчезнуть с их горизонта. Выиграть время — мне казалось в данном случае — было делом немаловажным. Когда я говорила товарищам, что за мной ведется неусыпная слежка, они отвечали, что я страдаю манией преследования, и советовали не поддаваться этой «навязчивой идее». Но, к сожалению, это было не навязчивой идеей, а реальным фактом, и я решила рискнуть и пойти для получения проходного свидетельства в жандармерию. Ведь меня освободили как «случайную жертву», и мне было выгодно поддерживать эту версию. Если бы я сделала попытку скрыться, я вызвала бы подозрение, стали бы внимательнее проверять меня, и дело не кончилось бы простым арестом и отправкой в Одессу.

Так я рассуждала, но, когда перешагнула порог жандармского управления и услышала за собой стук захлопнувшейся двери и лязг замка — меня моментально заперли, — я пережила тяжелый час.

Ну, думаю, все пропало, товарищи никогда не простят мне моей ненужной бравады. Я пребывала в томительном ожидании и то ходила по комнате, ощупывая замки дверей, то заглядывала в окна и определяла высоту помещения, соображая, нельзя ли выпрыгнуть из окна, то строила фантастические планы об убийстве жандармского офицера: вцеплюсь ему в горло, задушу, захлопну дверь и убегу.

Но вот дверь открывается, мой враг входит, любезно улыбаясь, извиняется, что задержал меня, и протягивает на подпись бумагу об обязательстве немедленно выехать из Петербурга.

С какой радостью я подписалась под обязательством о выезде и, получив на руки проходное свидетельство, стремительно ринулась к двери. Свободна, вновь свободна!

Хотя мой расчет оказался верен, мои друзья не могли мне простить перенесенной ими тревоги и корили меня, утверждая, что ни один здравомыслящий революционер не позволил бы себе так рисковать.

Вероятно, я бы сама не повторила этого опыта, помня свои переживания...

*Эссен М. М. Первый штурм. М., 1957,
с. 100—111*

В. И. ЛЕНИН В ЛОНДОНЕ (1902—1903 гг.)

В конце февраля или начале марта 1902 года я получил письмо от Ю. О. Цедербаума (Мартова) из Мюнхена, где тогда издавалась «Искра», в котором он сообщал, что по некоторым соображениям дальнейшее печатание «Искры» в Германии неудобно и редакция подумывает о переселении в Лондон, если только можно будет печатать газету в типографии английской социал-демократической федерации. Насчет этой возможности он просил меня переговорить с тов. Гарри Квелчем, редактором английского с.-д. еженедельника «Джастис». К письму Ю. О. Цедербаума было приложено письмо от В. И. Засулич к тов. Квелчу — нечто вроде мандата на мое имя для ведения переговоров.

При первом же свидании с тов. Квелчем выяснилось, что печатать «Искру» в типографии «Джастис» будет возможно, несмотря на тесноту помещения, если у нас будут свои наборщики. О результате переговоров я немедленно сообщил Ю. О. Цедербауму и получил извещение, что искровцы в скором времени переселяются в Лондон. О том же мне написал и В. И. Ульянов, которого я до того времени лично не знал. Владимир Ильич писал, что на мое имя будет приходить письма для некоего Якоба Рихтера и что эти письма будут для него.

Вскоре Владимир Ильич приехал в Лондон вместе с Надеждой Константиновной. Ю. О. Цедербаум приехал недели на две позже...

Около недели с небольшим Владимир Ильич и Надежда Константиновна прожили в одной из многочисленных в Лондоне «спальных комнат», сдаваемых от себя небогатыми квартирохозяевами, затем нашли себе две комнаты без мебели недалеко от станции городской железной дороги — Кингс-Кросс-Род. В этих двух комнатах, для которых пришлось приобрести самую скромную меблировку (кровати, столы, стулья и несколько простых полок для книг), Владимир Ильич и Надежда Константиновна прожили все время до переселения «Искры» в Швейцарию (весной 1903 г.). Помнится, чересчур незатейливая обстановка комнат вызвала недоумение у хозяйки квартиры. Особенно смущало ее отсутствие занавесок на окнах, и она настояла, чтобы какие-нибудь занавески непременно были куплены, иначе у нее выйдут неприятности с домовладельцем, который от всех жильцов своего дома требует известной респектабельности.

Еще более смутило мистрис Йо (такова была фамилия хозяйки квартиры) отсутствие у Надежды Константиновны обручального кольца. Но с этим последним обстоятельством ей пришлось примириться, когда ей объяснили, что ее жильцы — вполне законные супруги, и если она толкует отсутствие кольца в предосудительном смысле, то подвергается риску привлечения к суду за диффамацию. После такого объяснения, сделанного мистрис Йо не Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной, а К. М. Тахтаревым, жена которого (покойная А. А. Якубова) была очень дружна с Надеждой Константиновной, мистрис Йо успокоилась и в респектабельности своих жильцов больше не сомневалась...

Из редакции «Искры», в состав которой тогда входили Владимир Ильич, Ю. О. Цедербаум, В. И. Засулич, Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод и А. Н. Потресов, поселились в Лондоне только первые трое. Плеханов и Потресов приезжали только на время. Аксельрод за лондонский период «Искры» не приезжал ни разу. На Сидмаузс-стрит, недалеко от квартиры Ульяновых, было снято пять небольших комнат в двух этажах; одна служила столовой, другая была предназначена для приезжающих, в остальных трех поселились В. И. Засулич, Ю. О. Цедербаум и я. Газовая плита позволяла нам без особых хлопот готовить поочередно обеда. Порою, впрочем, мы утоляли голод в одном из простеньких ресторанов на Грейс-Инн-Род. Обстановка нашей коммуны была самая неприхотливая.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна вели в Лондоне жизнь довольно уединенную. Владимир Ильич еще до приезда в Лондон подробно изучил его план и удивлял меня, который мог считать себя до известной степени старожилом, умением выбирать кратчайший путь, когда нам приходилось куда-нибудь ходить вместе (пользоваться конкой или городской железной дорогой мы по возможности избегали по финансовым соображениям). Хорошо зная еще до приезда в Лондон английский язык, Владимир Ильич решил в нем усовершенствоваться и с этой целью напечатал объявление (кажется, в еженедельнике «Атенеум»), что «русский доктор прав и его жена желают брать уроки английского языка в обмен на уроки русского».

После этого объявления у Владимира Ильича и Надежды Константиновны явилось три учителя-ученика из англичан. Одним был некий мистер Реймент, почтенный старик, внешним обликом напоминавший Дарвина, служащий известной издательской фирмы «Джордж Белл и сыновья»; другим — конторский служащий Вильямс; третьим — рабочий Йонг. Кажется, этими лицами и ограничивался круг английских знакомств Владимира Ильича. Время от времени он бывал у немецкого социал-демократа В. Беера, корреспондента социал-демократических газет, впоследствии автора «Истории социализма в Англии» и других книг...

Владимир Ильич ежедневно заходил на полчаса-час «в комму-ну» по редакционным и другим делам. Время от времени к нам

наезжали россияне. Вскоре по переезде искровцев в Лондон приезжали П. Г. Смидович (принявший деятельное участие в мебелировке «коммуны»), месяца полтора пробыла его сестра И. Г. Леман (Димка). Ее муж М. Н. Леман носился с мыслью печатать «Искру» в России с целлулоидных клише и сделал в одной из лондонских типографий несколько опытов с изготовлением таких клише. Приезжали киевляне А. А. Тарасевич и В. М. Сапежко, очень настаивавшие на издании помимо «Искры» еще более доступной по характеру изложения для рабочих масс газеты. С их доводами в пользу издания такой газеты соглашался Плеханов, но прочие члены редакции были против, особенно Ю. О. Цедербаум, который позицию Плеханова в этом вопросе объяснял тем, что он все равно сам писать ничего не будет. Особое оживление внес в жизнь искровцев приезд группы товарищей, совершивших знаменитый побег из киевской тюрьмы (Н. Э. Бауман, В. Н. Крохмаль и др.). Довольно долго жил Л. Г. Дейч, неоднократно выступавший публично со своими сибирскими воспоминаниями. Из других россиян вспоминаю покойного д-ра Краснуху и Добровольского...

Дорожа своим временем, Владимир Ильич не особенно долбил тех из приезжавших россиян, которые с этим не считались. Помню его негодование на ежедневные визиты покойного Лейтейзена (Линдова), приезжавшего из Парижа и зачистившего к нему. «Что у нас, праздники, что ли?» — выражался Владимир Ильич, жалуясь на это в «коммуне».

Но при всем своем стремлении экономить время Владимир Ильич охотно принял предложение вести занятия с кружком русских рабочих-эмигрантов, организованном при моем ближайшем участии еще до приезда искровцев в Лондон. Он много раз ездил со мною в Уайтчепель объяснять кружку программу РСДРП, выработанную редакцией «Искры». Он читал эту программу кружку фразу за фразой, останавливаясь на каждом слове и разъясняя все недомыслия слушателей. Этот рабочий кружок представлял по своему составу маленький интернационал; среди участников его были: русский англичанин Робертс, молодой слесарь, родившийся и выросший в России и приехавший в Лондон из Харькова, где он работал на машиностроительном заводе Гельфериха-Саде; русский немец Шиллер, переплетчик из Москвы, работавший в «Искре» в качестве наборщика; резчик по дереву Сегал из Одессы, слесарь точной механики Михайлов из Петербурга и другие. Почти все они позже уехали в Россию и работали в партийных организациях...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

...Постоянная действительная организационная связь заграничного центра с российской работой на местах установилась лишь с 1900 года — с появления заграничной группы «Искры». Уже в четвертом номере газеты «Искра» была помещена блестящая статья Ленина «С чего начать?». Статья, посвященная вопросам организационного строительства партии, явилась как бы вступлением к вышедшей в конце 1902 года знаменитой книге Ленина «Что делать?». Книга эта сделала эпоху в области партийного строительства¹.

Группа «Искры» к описываемому мною времени (1902 г.) кроме правильно выходящей и широко распространяемой в России газеты того же названия имела свой очень прочный организационный аппарат. По плану Ленина имелись прежде всего хорошо подготовленные, ответственные товарищи, так называемые агенты «Искры». Они направлялись редакцией в Россию для непосредственной работы на местах и передвигались по мере надобности с места на место. Путем систематической шифрованной переписки и поездок они держали заграничный центр в курсе всей своей работы и общего положения дел на местах. Кроме этих высококвалифицированных товарищей-агентов, успешно проводивших на местах принципиальную и тактическую линию «Искры», имелись работники-профессионалы, менее теоретически подготовленные. Они были заняты исключительно техническими функциями: налаживанием транспорта людей и литературы через границу, постановкой паспортного дела и т. д...

Вести об «Искре» (столь необходимом тогда для всей партии центре) дошли до самых отдаленных углов Сибири. К концу лета 1902 года начинается повальное бегство из ссылки наиболее активных товарищей и паломничество в Швейцарию, а оттуда в Лондон, где тогда была редакция «Искры» и где жил Ленин...

Со всеми этими товарищами установились какие-то особенно дружеские, приятельские отношения. Вместе читали, беседовали, делились впечатлениями и опытом прошлой нашей работы. Толко-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 1—192. *Ред.*

вали о пережитом в тюрьмах, о жандармских допросах. Но больше всего гадали о ближайших и отдаленных перспективах русской революции...

В августе 1902 года наш тесный кружок в Цюрихе неожиданно расширился и еще больше оживился с появлением целого десятка товарищей, бежавших из киевской тюрьмы. Этот побег был организован «Искрой»; для устройства его в свое время были посланы товарищи...

Появление в Цюрихе киевских беглецов не только вызвало естественную радость среди нас, но и целую сенсацию произвело среди швейцарцев. Газеты описывали этот «отчаянно-смелый побег русских революционеров из царской тюрьмы». Репортеры гнались не только за самими киевлянами, но и за нами, общавшимися с ними, назойливо требуя от нас «интимных подробностей побега»...

К концу лета наша цюрихская компания начала понемногу разъезжаться. Первого проводили Бориса Николаевича (Носкова): он, как член Организационного комитета по созыву Второго съезда партии, был вызван в редакцию «Искры». Не без зависти поглядывали мы на товарища, отъезжающего в Лондон, которому предстояло иметь дело с самим Лениным, о личном знакомстве с которым некоторые из нас, и я в том числе, тогда только еще мечтали. Радовались мы за Бориса Николаевича, что едет он «делать историю партии», как выражались мы тогда. Едет принимать участие в подготовительной работе того съезда, который должен окончательно ликвидировать всякие оппортунистические, рабочедельческие шатания и создать ортодоксально-марксистскую партию революционной социал-демократии по плану «Искры».

В том, что на Брюссельском съезде восторжествует искровское течение, никто из нас ни минуты не сомневался, так как «Искра» в описываемое время фактически завоевала все организации сколько-нибудь крупных пролетарских центров России. Только отдельные небольшие пункты еще тянулись за «экономизмом» и «Рабочим делом». Таким оплотом «экономистов» был Воронежский комитет. Про него злые языки говорили, что состоит он из одной девицы, высоко державшей знамя «Рабочего дела», и что девица эта — сестра Акимова-Махновца, лидера рабочедельцев. О том, что на Втором съезде нашей партии, в Брюсселе, сама «Искра» даст трещину, которая искровцев разделит на большевиков и меньшевиков (беков и меков, как называли мы тогда), что в дальнейшем обозначится примиренческое течение (ни бе ни ме), к которому примкнет Борис Николаевич, обо всем этом мы в Цюрихе летом 1902 года не думали.

После Бориса Николаевича собрались мы с Верой Васильевной Кожевниковой ехать: она — в Москву, а я... восстанавливать связь с Ярославлем, Костромой и Иваново-Вознесенском. Поездке нашей предшествовали дни своеобразной подготовки. Как у Веры Васильевны, так и у меня имелись довольно объемистые записные

книжки с десятками адресов и паролей, которые надо было зазубрить. С собою нельзя было брать ни одной бумажки, чтобы, на случай провала на границе, никаких путей не давать жандармам.

Никогда не забуду, как мы с видом гимназисток, шагая из угла в угол, самым серьезным образом зазубривали: Кострома, Нижняя Дебря, дом Филатова, Марье Ивановне Степановой. Пароль: «Мы ласточки грядущей весны». Или: «Москва, Живодерка, Владимир-Долгоруковская аптека, провизор Лейтман. Пароль: «Меня послали к вам птицы певчие». Ответ: «Добро пожаловать». Или что-нибудь в этом роде. Все это надо было знать назубок, чтобы искать Нижнюю Дебрю именно в Костроме, а не в Ярославле...

Через границу мне предстояло ехать по паспорту некой австрийской артистки Гедвиг Навотни. Поэтому пришлось израсходоваться на покупку модного осеннего пальто, шляпки с вуалью и шелкового зонтика, чтобы иметь вид настоящей дамы. В борт своего модного нового пальто тщательно зашила длинный и узкий кусок полотна, на который переписала присланный мне из редакции «Искры» написанный Лениным, как говорили мне тогда, листок, который я должна была передать в Питер для напечатания и распространения по всей России. Содержание этого листка, к величайшему своему сожалению, вспомнить теперь не могу, хотя сама, перед отъездом из Цюриха, переписывала его с оригинала на полотно.

Переход через границу обошелся не без волнения. Австрийскую артистку Гедвиг Навотни почему-то решили обыскать на границе. Мне предложено было «пожаловать» в жандармскую комнату, где дождалась женщина, которая должна была всю меня обшарить. Вся эта история с обыском мне не особенно пришлась по душе. Ведь мое модное пальто было не без греха. Ведь там сидела целая прокламация. Но, к счастью, оказалось, сидела фундаментально. Заставив меня раздеться донага и даже косы расплести, жандармка никакого внимания не обратила на повешенное мною на спинку стула пальто и расписалась, что при мне ничего предосудительного не найдено.

Так обрадовалась столь неожиданному исходу дела, что забыла в жандармской комнате свой великолепный заграничный зонтик, который, как мне казалось, являлся как бы завершением всего моего модного туалета «настоящей дамы». Потеря зонтика была для меня чувствительна. Один момент я даже думала вернуться в жандармскую комнату. Но, разумно чувствуя всю крамольность своей выходки, не осмелилась повторно предстать пред ясные очи жандарма. С грустью оставила им на память гордость своего модного туалета.

* * *

Окончательно осознала себя вновь в России лишь в Питере, после того как закончила артистическую карьеру. Так мысленно я называла свое кратковременное невольное бытие в образе авст-

рийской артистки Гедвиг Навотни. Когда получила от питерских товарищей паспорт для прописки в России, я почувствовала хоть сколько-нибудь устойчивую почву под ногами. Новое имя — Пелагея Давыдовна (фамилию забыла) так быстро внедрилось в сознание, что было бы странно, если бы кто-нибудь стал иначе меня называть...

Время в Питере тогда было очень тревожное. Аресты среди нашей публики не прекращались. При встречах с товарищами приходилось соблюдать величайшую осторожность. Каждую ночь ночевала на новом месте.

Из Питера направилась в Тверь... Приехала поздно вечером. Хозяин, не то чертежник, не то землемер, встретил меня более чем нелюбезно... Мое ночное появление, очевидно, окончательно переполнило чашу терпения гостеприимного хозяина. Он предложил мне, в самой откровенной форме, забрать злополучную корзинку и отправляться, куда мне будет угодно...

Рано утром пришли в земскую больницу. Врач, член Тверского комитета, очень перед нами извинялся за чертежника (быть может, землемера), который, мол, действительно несколько трусоват, но все же нам сочувствует.

Во время трехдневного пребывания в Твери пыталась выяснить, в каком положении находится организация. Но узнать что-нибудь от этого доктора было более чем затруднительно. Доктор относился к разряду *резервных* членов комитета. Так мы тогда называли товарищей, которые по своей подготовке в теории являлись хоть и выдержанными марксистами, но по духу были совсем мало похожи на революционеров. Их революционная деятельность в лучшем случае сводилась к написанию проекта, листовки, или составлению программы для ведения занятий в кружке высшего типа. Такие резервные члены комитета бывали чрезвычайно осторожны, дорожили своим покоем и своей легальностью. Всем этим дорожили в меру, то есть, попадая все же иногда в тюрьму, на допросах держали себя прилично, не выдавали и вообще были люди надежные, даже необходимые...

Оставив несколько литературы, причитавшейся Тверскому комитету по разверстке, я направилась через Москву в Ярославль. Оттуда должна была поехать в Кострому. Последняя еще в Цюрихе... была намечена как база, откуда буду восстанавливать связи с другими городами ткацкого района. В Москве пришлось иметь дело с близкой приятельницей, Верой Васильевной Кожевниковой. Выехав из Цюриха незадолго до меня, она уже успела осесть в Москве, прописавшись по чужому паспорту. По ее словам, положение московской организации было тогда крайне тяжелое. С первых же дней ей и Глафире Окуловой (по мужу Теодорович), тоже жившей нелегально, пришлось кое-как сколачивать Московский комитет, не существовавший ко времени их приезда. До районов они еще не добрались. Все «прошпиковано». Зубатовщина продолжает царить вовсю.

Существование каждого вновь созданного Московского комитета измеряется даже не месяцами, а неделями. Тем не менее они не теряют бодрости и работают вовсю. Максим Горький очень много помогает московской организации. На днях предполагают устроить нелегальную вечеринку в пользу комитета, где выступит Горький и где я буду иметь возможность побеседовать с ним.

Очень хотелось познакомиться с Горьким. Но нравы тогда были строгие, и я сама бы первая осудила такого товарища, который едет по партийному делу и задерживается лишние дни в пути по личным мотивам, а потому не стала дожидаться вечеринки. В виде компенсации Вера Васильевна достала мне билет в театр. Шло только что появившееся «На дне» Горького. Публика в каком-то бешеном восторге без конца требовала автора. Автор, совсем еще молодой человек, неуклюже выходил, по-медвежьи кланялся и все вынимал из кармана носовой платок, пытаясь не то высморкаться, не то вытирать пот с лица. Ночевать в Москве приходилось мне в Замоскворечье, в уютно обставленной комнате совсем молоденькой, прехорошенькой курсистки-математички, почти девочки. Девочка эта была Варвара Николаевна Яковлева... По дороге из Москвы в Ярославль пошли треволнения. Ночью на каком-то полустанке вдруг длительная остановка. Выясняется порча и именно в нашем вагоне. Его надо отцепить. Вещи были выброшены на платформу. Моим глазам представилось эффектное зрелище: в горке вещей, на самом верху, красуется моя корзина, а возле стоит жандарм и охраняет все это добро. Без смеха нельзя было глядеть на фигуру жандарма, охраняющего мою нелегальщину.

Провозились на этом полустанке довольно долго. Продуло меня здорово. Так как недомогание началось еще в Твери, то в Ярославль приехала совсем больная. Еле добрела до извозчика, который повез меня к Путиловой. Последняя, приняв от меня литературу, обещала выделить часть для Костромы и Иваново-Вознесенска, а меня повезла на такую квартиру, где можно и поболеть в крайнем случае. Квартиру, где мне предстояло болеть, занимали сестры Дидрикиль — Мария, Ольга и Нина Августовны. Мария и Ольга Дидрикиль (последняя по мужу Кедрова) только недавно вернулись из московской Таганки. Сидели они по делу «Северного союза», который потерпел крупный провал в конце апреля того же 1902 года...

В квартире сестер Дидрикиль мне пришлось пролежать около месяца. Уходом все время пользовалась прямо идеальным. Как-то было естественно, что Ольга варит для меня бульоны и каши, а Нина бегаёт то за доктором, то в аптеку, то в лавочку. Меня даже мало смущало, когда из-за меня и ночью кто-нибудь из них не спит. Вообще в этой квартире толкалось много публики, и все себя чувствовали как дома. Младшая, Нина Дидрикиль (по мужу теперь Подвойская), во время провала весною, просто должно быть по малолетству, не была арестована. При мне и Мария и Ольга, как недавно выпущенные из тюрьмы и поднадзорные, больше сидели

дома, а юная Нина много суетилась, завязывала связи с отдельными рабочими, раздавая им привезенную мною литературу, устраивала какие-то кружковые занятия среди молодежи...

По приезде в Кострому направилась к курсистке питерских Бестужевских курсов Клавдии Овчинниковой. Жила она в то время у своих родителей, купцов Овчинниковых. Клавдия очень тепло меня встретила и сразу принялась за мое устройство. Старикам своим заявила, что я знакома ей по Питеру, что в Кострому приехала по семейным обстоятельствам и буду искать уроки. Удачно было, что паспорт мой был из Питера, что моя Пелагея Давыдовна была замужем, а значит, при самом слабом воображении можно было сфабриковать семейную драму — изобразить из себя обманутую жену. План наш удался как нельзя лучше: добродушные старики Овчинниковы приняли самое горячее участие в моей судьбе. Отвели мне отличную комнату, кормили до отвала и за все это назначили плату всего 12 р. в месяц. По тем временам это было очень дешево. В доме Овчинниковых, начиная с хозяина и кончая прислугой, все были круглые, здоровые, упитанные. Мой истощенный вид особенно не гармонировал со всей этой сытой обстановкой. Надо мною вздыхали, подсовывали лучшие куски и от души сочувствовали моему семейному горю... В Костроме в ту зиму тоже пришлось застать лишь обломки разрушенного весной «Северного союза». Из этих обломков, согласно поручению из-за границы, я должна была что-то склеить, а уже это склеенное связать с «Искрой». Первый товарищ, при помощи которого я приступила к работе, был Иван Никонович Савин, молодой врач, живший пока легально в Костроме. Он еще до меня пытался собрать воедино остатки организации, но руки у него опускались.

В Костроме, так же как в Ярославле, новых людей, на которых можно бы ему опереться, не было. Приходилось иметь дело все с теми же товарищами: братьями Завариными, Софьей Загайной, Марией Сергеевной Александровой и другими, которые осенью вернулись из московского заточения в Кострому. Все они были поднадзорные, все на виду у жандармов.

С моим приездом Иван Никонович воспрянул духом, почувствовал, что там, в центре, не забыли Костромы. Для создания основного ядра восстанавливаемой костромской организации нам необходимо было привлечь хотя бы одного влиятельного рабочего. В это время в Костроме находился вернувшийся из Таганки по делу «Северного союза» бывший путиловский рабочий-модельщик Иван Платонович Александров, по кличке Макар. Я решила с этим товарищем познакомиться. Жил Макар на краю города, в крохотном флигелечке на задворках у какой-то мещанки. Когда я первый раз попала туда, застала в нищенски обставленной, небранной хибарке растерянного, суеющегося Ивана Никонovichа. В углу, на солдатской койке, лежал человек огромного роста лет 30—35, с выразительными энергичными чертами лица, глубоко сидящими, пронизательными и очень насмешливыми черными глазами.

При моем появлении богатырь этот зашевелился, приветливо протянул мне огромную мозолистую лапу и насмешливо сказал: «Вот Китик (так он назвал Савина) пугал меня, что придет какая-то Пелагея да еще Давыдовна, а пришла просто маленькая Поля, и она совсем не страшная»...

Положение больного было очень опасное. Савин решил отправиться в город за опытным врачом и лекарствами. Привезенный из города старый опытный врач нашел, что положение хотя и тяжелое, но уже не столь безнадежное. При хорошем питании и разумном уходе больного можно будет скоро поднять... С неделю мы отхаживали Макара, а потом он стал быстро поправляться...

Человек недюжинного ума, очень начитанный, много на своем веку повидавший, работая на заводах в Питере, Макар не только великолепно разбирался в вопросах партийной жизни, но и очень тонко знал людей. При встречах с ними как-то охватывал своим острым умом всего человека, со всеми его достоинствами, недостатками и просто слабыми, уязвимыми местами...

Когда Макар стал на ноги, то отправился на фабрики для возобновления связи с многочисленными своими знакомыми рабочими... Первейшей и главнейшей задачей мы себе поставили укрепить на всех сколько-нибудь крупных фабриках хотя бы по одному небольшому рабочему кружку. Для этого надо было очень конспиративно видаться с отдельными, уцелевшими от весеннего провала, представителями разрозненных кружков. Как только наступал вечер, каждый из нас трех уходил на «свидания при лунном свете». Так называл Макар свидания с рабочими где-нибудь на бульваре в зимнюю стужу.

Выпустили мы также листок с призывом организовать, написанный Китиком, раскритикованный Макаром, переделанный мною и напечатанный на гектографе Соней Загайной. Распространили мы этот листок при помощи макаровских приятелей-рабочих, которые потом передавали, что прокламация возымела свое действие; ребята зашевелились, почувствовали, что организация опять живет...

Гениальный план Ленина — организация революционеров — не был праздным измышлением оторвавшегося от российской действительности теоретика, как уверяли наши противники из лагеря рабочедельцев, а потом меньшевиков. Необходимость создания централизованной революционной партии мы самым острым образом чувствовали в своей повседневной работе на местах. Вот почему мы решили разорвать наш прочный «тройственный союз», то есть решено было, что Макар при первой возможности (впоследствии, уже будучи в Твери после «предварилки», устроила ему эту поездку) поедет за границу, где немного подлечится, немного почитает, поведается с нашими вождями и после этого поедет в качестве профессионала на общепартийную работу. Китик останется в качестве единственного из трех китов поддерживать костромскую землю, а я предварительно поеду в Ярославль, где

попытаюсь создать опорный пункт организации на Корзинкинской мануфактуре. Затем, когда доберусь до сердца ткацкого района, установлю связь с Иваново-Вознесенском. Потом мы созовем совещание из представителей этих трех городов (Кострома, Ярославль, Иваново-Вознесенск), на нем изберем областной комитет, который немедленно же свяжем с «Искрой». Таким образом, в конце той же зимы (начало 1903 г.) я вторично очутилась в Ярославле, где мне сразу не повезло, неудачи следовали за неудачами.

Началось с того, что поселили у хозяйки, которая как-то сразу подозрительно стала относиться ко мне. Сначала приняла меня, очевидно, за искательницу «счастья». Поэтому все предлагала знакомиться с бывавшими у нее чиновниками. Когда же поняла, что ошиблась, стала ко мне еще пристальнее присматриваться и следить за моим образом жизни. Дальше пошли неудачные свидания с отдельными рабочими Корзинкинской фабрики. Свидания эти были прослежены жандармами. Неудачен был и проезд на мою ненадежную квартиру рабочего представителя из Иваново-Вознесенска Кулдина Леонида. Его с большими трудностями удалось вызвать для переговоров о предполагавшемся областном совещании. Леонид рассказал мне, что хотя и для них был очень чувствителен весенний провал, но кружковая жизнь в Иванове не прекращалась. Они там очень обрадовались, когда узнали о намерении устроить областное совещание. Условилась с Леонидом поддерживать в дальнейшем связь. Он сам будет наезжать в Ярославль. Но не ко мне на квартиру, а к знакомым рабочим.

После отъезда ивановского Леонида, посещение которого, очевидно, было прослежено, шпики начали ходить за мною по пятам. Дело приняло такой оборот, что даже в лавочку за хлебом стала ходить с провожатыми, так что о свиданиях с рабочими нечего было и думать. Промучившись так несколько дней, я с большими предосторожностями рано утром (когда шпики еще спят) отправилась на квартиру Дидрикиль. Там мы решили, что мне надо немедленно скрыться — поехать в Питер, где были члены ЦК партии¹. Им я расскажу о положении дел в Северной области, предложу послать кого-нибудь на мое место для доведения начатого мною дела с совещанием до конца, а меня отправить на работу в другой город, где меня никто не знает.

План для поездки в Питер составили такой: из Питера я пришлю письмо о благополучном приезде, к письму приложу записку хозяйке, в которой сообщу, что по экстренным семейным обстоятельствам я выехала в Ярославль. Больше не вернусь, прошу все мои вещи выдать подательнице записки Дидрикиль. Чтобы хозяйка не беспокоилась сразу моим исчезновением и не сообщила об этом в участок, кто-нибудь, совсем нейтральный человек, должен зайти к ней сегодня же и сказать, что Пелагея Давыдовна неожиданно почувствовала себя плохо, осталась у знакомых и домой не

¹ В 1902 г. ЦК не было. *Ред.*

придет пару дней. Из вещей решительно ничего не догадалась захватить с собой. Забрала только кроме своего паспорта еще три паспортных книжки, которые в Ярославле лежали без всякого употребления, а центру могли бы оказать неоценимую услугу. Ведь по ним три нелегальных работника могли прописаться и наделать массу дел.

Все паспорта держала наготове в муфте, чтобы в случае чего их можно было выкинуть. До вокзала из квартиры Дидрикиль шла разными обходными путями и как будто дошла благополучно. На всякий случай, села поближе к двери, чтобы в случае надобности выскочить, если замечу кого-нибудь подозрительного из соседей. Стала присматриваться. В моем купе вагона второго класса положительно все физиономии были доброкачественные, и я как-то сразу успокоилась. По пути непринужденно принимала участие в разных дорожных разговорах. Между прочим, разговаривала с одним пассажиром, на вид лет 50, похожим на купца. Он то и дело извлекал из тяжеловесного чемодана котлетки, пирожки, всякую домашнюю снедь, которую уплетал за обе щеки. В промежутках между едой и разговором почитывал газету «Русские ведомости».

Каково же было мое удивление, когда, по приезде в Питер, села в вагон конки и передо мною вдруг мелькнула в соседнем вагоне физиономия этого господина! Это обстоятельство сразу взволновало меня. Когда у Садовой улицы сошла, чтобы проверить свои опасения, то услышала, что кто-то меня догоняет и над самым ухом шепчет: «Барышня, барышня, пожалуйста в охранное отделение». Оглядываясь и с ужасом вижу своего спутника, а с ним еще две физии, при взгляде на которые ни в ком не осталось бы сомнения, что это шпики. Хотела было заартачиться, чтобы привлечь внимание проходящей публики. Но подумала, что демонстрации, пожалуй, никакой не выйдет — все равно потащут меня, рабу божию, туда, где мне предписанием начальства быть должно. Между тем в муфте у меня такие улики, как четыре паспорта. Ведь кроме тех трех книжек и мою Пелагею Давыдовну надо было сплавить! Ведь муж этой Пелагеи Давыдовны жил тут же в Питере, и при нем проживала его законная жена. Если бы я еще появилась на горизонте, несчастный аптекарь оказался бы женатым сразу на двух Пелагеях. Мой паспорт был дубликат.

Если по отношению к русскому человеку при царском режиме вообще говорилось, что он состоит из тела, души и паспорта, то это особенно относилось к нам, нелегальным работникам подполья. Паспорта делились по своему качеству на категории. Самыми доброкачественными считались так называемые настоящие паспорта, то есть чужие паспорта людей, живших в таких местностях, где прописываться не требовалось. Второго сорта были дубликаты с чужой паспортной книжки. Частенько, грешным делом, без ведома владельца списывались имя, фамилия и все прочее в чистую книжку. Подделывалась такая же печать, подпись приписки, и дубликат готов. Далее шли паспорта людей умерших. Пользоваться

ими можно было, конечно, не в том городе, где проживал их владеец до того, как стал покойником. Самыми последними по качеству считались фальшивки, когда брался чистый паспортный бланк или книжка и в меру воображения «паспортиста» заполнялся именем, фамилией и подписью, какие придут в данную минуту в голову.

Приняв твердое решение, покорно уселась с почтенным папашей — соседом по купе в поданную извозчицью пролетку. Сзади, в другую пролетку, уселись другие два шпика. Наш кортеж двинулся на Фонтанку в охранное отделение. На мое счастье, там сразу не оказалось женщины, которая подвергла бы меня личному обыску. Пока ее вызывали, я успела сходить в уборную, изорвать все четыре паспортных книжки в клочки и спустить все это в канализацию.

Допрашивал меня известный тогда помощник начальника питерского охранного отделения Квитинский — умная бестия зубатовского толка. На заданный мне вопрос, не зовут ли меня Пелагеей Давыдовной, не проживала ли я в Ярославле по Романовской улице и не приехала ли сегодня утром в Питер по конспиративным делам, я ответила: «Фамилия моя Зеликсон. Весною прошлого года ушла из-под надзора полиции из Витебска, где мне жить надоело без заработка; больше ничего не имею сказать». Квитинского мой ответ удивил и, очевидно, мало удовлетворил, поэтому он спросил: «А где же вы были все это время, целых 10 месяцев?» Я ответила: «Шла по Садовой улице, где меня и арестовали». Последний ответ заставил Квитинского с большим возмущением, повышенным тоном спросить: «Вы, значит, 10 месяцев шли по Садовой улице?»

Затем Квитинский велел отвести меня в комнату. Она совсем не была похожа на тюремную камеру, а имела вид кабинета. В ней были: письменный стол, кожаные стулья и хорошенький клеенчатый диван.

В этой комнате пришлось мне провести три недели, пока питерская охранка вела переписку с Харьковом, Витебском и Ярославлем. Три недели пришлось спать на клеенчатом, холодном, скользком диванчике, скрючив ноги, не разуваясь и не меняя белья.

Измучилась до чрезвычайности — главным образом от грязи. Не было у меня с собою никаких вещей, а писать из тюрьмы кому-нибудь хотя бы из более нейтральных знакомых не хотелось. Ведь каждое письмо от политического заключенного набрасывало известную тень на того, кто его получал. А потому сидела и выжидала, пока начальство меня устроит более комфортабельно...

Всего в «предварилке» мне пришлось просидеть пять месяцев. В конце концов дела жандармы создать не сумели и опять выпустили меня впрямь до приговора, причем предупредили, что приговор будет по совокупности, то есть получу я должное и за харьковское дело, и за то, что 10 месяцев шла по Садовой улице. Но мне, по существу, было решительно все равно, каков будет приговор. Дождаться его не намеревалась. Важно было только выйти

на волю, заштопать здоровье, особенно пошатнувшееся после последней голодовки, хоть настолько, чтобы до заграницы добрать-ся. А там можно будет основательно отдохнуть и потом вновь появиться на российском горизонте. Когда охранка предложила мне избрать себе место временного жительства за исключением столиц и университетских городов, я избрала Тверь как город, находящийся на пути между Питером и Москвой.

В охране, в день освобождения, встретила таких же двух освобождавшихся счастливиц: старого работника нашей партии Прасковью Францевну Куделли и питерскую пропагандистку Марью Федоровну Никелеву; с ними я подружилась в тюрьме, перестукиваясь. Они решили избрать местом жительства тоже Тверь. С устройством в Твери мне повезло. Нашла очень быстро недорогую комнату, а главное — заработок сразу нашла. Дело в том, что хоть к описываемому периоду в 1903 году мы уже додумались (не так, как это было в Харькове), что людей, занятых исключительно партийной работой, на средства партии и содержать надо. Но все это как будто относилось к работникам нелегальным.

Как только работник легализовался, хоть на время, он считал неудобным брать себе на прожиток деньги из партийной кассы. Особенно когда бывало находишься под надзором полиции и нет возможности использовать себя так на работе, как хотелось бы. Вот почему так обрадовалась, когда сразу нашла заработок. Работу я получила в земской управе по страховой статистике. Работа эта, ввиду ее временного характера, не требовала губернаторского утверждения, а потому на ней могли сидеть и люди отпетые, только что из-за тюремной решетки.

Через члена комитета — доктора связалась с организацией. Активными участниками ее тогда были следующие запомнившиеся товарищи: высланный из Питера незадолго до меня очень видный старый рабочий Иван Иванович Егоров, он же Нил, он же и Сократ (последнюю кличку дали за пристрастие его к отвлеченным философским разговорам, а также за совсем лысый череп); затем Александр Петрович Смирнов — местный тверской рабочий из молодых, но подающий надежды, которые он и оправдал. Кличка его была — Фома. Теперь он видный продовольственник; Александр Иванович Гусев — местный интеллигент, скоро погиб от воспаления мозга после сильной простуды, схваченной во время нелегальной переправы через границу; Василий Панов, Иванушка Кулгушев (Князенко), Борис Александровский, Семен Серговский — студенты, девицы-интеллигентки: Буш, Александра Валериановна Мечникова, приехавшая со мной из Питера Мария Федоровна Никелева, Настасья Ивановна Потоцкая, работница карточной фабрики Лиза Казьмина, морозовский рабочий по кличке Дедушка, рабочий Башлычок и три совсем молодых рабочих — все Александры, поэтому их звали Александр Первый, Александр Второй, Александр Третий. Далее, одновременно со мной приехавшая из «предварилки» старый, очень теоретически образованный работ-

ник Прасковья Францевна Куделли. Она вела занятия с кружком семинаристов и с рабочим кружком высшего типа с Морозовской фабрики.

По части печатания, квартир и всего прочего очень большие технические услуги оказывала губернская земская больница в лице всей семьи старшего врача Обрамовича, провизора Петрова и фельдшерицы — моей землячки — Фанни Клионской. Кроме перечисленных товарищей тогда впервые познакомилась с теперь уже погибшими двумя товарищами. Революционный облик их оставил такой глубокий след в душе, что хотелось бы говорить о них долго. Первый из них Сергей Модестов, впоследствии известный в партии под кличкой Данило, — активнейший участник вооруженного восстания 1905 года...

Все вышеперечисленные мною тверские товарищи, активные работники, так тесно общались между собою (полная противоположность Харькову), что трудно точно установить границу между комитетом и периферией. Помню, в комитете были: Гусев, Нил, Панов, я, Наташа и, кажется, Александр Петрович Смирнов. Сергей Модестов, Кулгушев, Семен Серговский бывали на наших комитетских собраниях. Вообще внутри круга перечисленных мною товарищей царил самый бесшабашный демократизм, а не централизм, хотя тверская организация была организация искровская. Наши помыслы устремлялись в сторону слободки, где находилась Морозовская мануфактура, насчитывавшая до 25 000 рабочих, когда фабрика работала полным ходом. Эту слободку особенно обожал Сергей Модестов: он, как местный тверской житель, лично близко знал многих рабочих и их семьи и в слободке, что называется, дневал и ночевал.

Что касается вообще организационных форм, то нельзя сказать, чтобы в Твери мы могли тогда похвастать особой их определенностью. Наверху сидел комитет. Вместе с ним бок о бок сидели все активные работники, а внизу были кружки без конца, какой-то круговорот кружков. Их было не меньше 20. Литературу распространяли искровскую и местную, по вопросам повседневной жизни на фабриках...

Сделали мы тогда первую попытку поставить работу в деревне. Для этой цели откомандировали приехавшего к нам старого партийного товарища Тихона Ивановича Попова... Он должен был закрепить связи, имевшиеся с крестьянами, через рабочих в ближайших к Твери волостях. Пытались мы организовать крестьянские социал-демократические комитеты. Все это при мне было лишь в проекте. Только впоследствии были созданы в Тверской губернии социал-демократические организации и в деревнях. Забастовок и демонстраций за мое кратковременное пребывание в Твери не было. Теории марксизма углублялись лишь с кружками высшего типа, которые проводила на Волге, на лодках, опытный пропагандист Прасковья Францевна Куделли. С остальными велась больше агитационная работа: били в одну точку, точку борьбы с само-

державием. Кроме кружковой работы мы еще устраивали в лесах небольшие массовки, на которые приходили рабочие уже не единицами, а десятками.

На этих массовках произносили зажигательные речи наши молодые агитаторы Семен Серговский и Сергей Модестов...

Как ни патриархальны были жандармские нравы тогда в Твери, нельзя было не обратить внимания, что в рабочих кругах началось оживление. По фабрикам расходуется довольно большое количество номеров «Искры». Часто стали появляться листки от Тверского комитета и т. д. Поэтому в одну далеко не прекрасную ночь был на нас произведен жандармский набег. В результате почти все активные неподнадзорные работники были арестованы. У поднадзорных, в том числе и у меня, был произведен тщательный обыск. Затем вызвали в жандармское управление, где было довольно внушительно сказано, что это первое предупреждение, «что ежели который, то...».

Мое положение было еще несколько больше осложнено. В момент обыска у меня был оригинал листка, написанный моей рукою. Комитет поручил мне накануне из общего листка центра, по поводу открытия мощей Серафима Саровского, скомбинировать небольшой, более популярно изложенный листок применительно к местным условиям. Этот листок я как раз поздно вечером закончила, а ночью пришли жандармы. Кабы не находчивость моей сестры (приехавшей ко мне погостить в Тверь), которая в один миг облила листок керосином и спалила, наделал бы мне этот листок много беды; но когда жандармы раскрыли нашу дверь, в комнате только пахло дымом. В печке были обгорелые кусочки бумаги — тленные останки от нетленных мощей Серафима Саровского...

Жандармы кинулись к печке, стали спрашивать, что за дым. Мы ответили: «Хотели затопить печку, но потом раздумали и легли спать». Тем и обошлось дело. Меня не арестовали, но стали сильно следить. Сделав в первые дни после разгрома кой-какие шаги в области восстановления организации (между прочим, к этому периоду относятся и вышеупомянутые мною переговоры с резервным членом комитета — доктором по поводу его выхода из резервного состояния), заметила, что за мною ходят по пятам. Поговорила с оставшимися в живых товарищами: мне посоветовали скрыться из Твери. В общем проработала там не больше двух месяцев после приезда из Питера, из «предварилки». Устремилась, конечно, опять за границу...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
О МОСКОВСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП
В 1901—1903 ГГ.

В соприкосновение с московской политической борьбой мне пришлось прийти уже в 1901 году, после того как я работал и был арестован в Петербурге и, пробывши некоторое время под надзором полиции, скрылся от этого надзора, прожил некоторое время за границей и вернулся в Россию в качестве агента «Искры». Я привез с собой в чемодане с двойным дном литературу первых номеров «Искры», «Зари» и некоторые другие издания и сдал их Николаю Эрнестовичу Бауману, убитому черносотенцами в 1905 году. Вместе с Бауманом я начал работать по созданию московского отдела «Искры». Кроме тов. Баумана в этой группе принимал участие в работе по области тов. Бабушкин, также ныне умерший. Помощниками нашими были несколько товарищей, которые только что входили в движение; из них я должен отметить Е. Н. Уварову и моего брата Т. П. Ногина. В то время тов. Бауман жил в селе Владыкине на даче, куда приезжали некоторые из товарищей, имевших с ним непосредственное сношение как с представителем «Северного союза». К нам приезжал и Николай Николаевич Карташев, также ныне покойный. Через него и через тов. Бабушкина мы могли распространять литературу и утверждать нашу связь в Московской области, районы границ которой, само собой разумеется, твердо установить нельзя. Что касается непосредственных, близких связей с рабочими, то необходимо отметить, что они были первое время только случайными, и мы не ставили сперва своей непосредственной задачей эту цель, так как предполагали заняться прежде всего снабжением литературой существующей организации, не раскрывая своего центрального пункта. Так как эта работа не требовала многих сил, то я уехал в Петербург для организации петербургского отдела «Искры». Что касается работ тов. Баумана в Москве за это время, то необходимо отметить, что как раз ему пришлось начать с зимы 1901 года более близкую работу среди московских рабочих и начать кампанию против тех методов Зубатова и тех собраний в Историческом музее, на которых выступали профессора Ден, Вормс и Озеров.

1902 год принес уже более широкие выступления московских рабочих, и на Тверском бульваре произошла известная демонстра-

ция типографщиков ¹, которая для 900-х годов является первой ласточкой широкого политического движения в Москве. Но к этому времени тов. Бауман и другие работники, которые работали вместе с ним, были уже арестованы и отвезены в киевскую тюрьму, откуда Бауман весной 1903 года бежал.

Вновь работать в Москве мне пришлось в конце 1903 года, когда я приехал после долгого ареста, ссылки и бегства из нее и работы в некоторых других городах. Я застал в Москве уже иную картину, чем в 1901 году. Во главе нашей организации стоял комитет, у которого имелась связь в различных районах Москвы и, кроме того, имелся достаточно большой штат работников-пропагандистов, состоящих, главным образом, из студентов. Среди этих студентов был Леонид (Жбанков)... тов. Гусарова и другие.

Комитет был еще не вполне определившийся во фракционном отношении, и мне с первых же дней пришлось встретиться на работе Любовь Николаевну Радченко, которая приехала в качестве представительницы меньшевиков. Но очень скоро симпатии Московского комитета и его наиболее ответственных работников стали полностью на сторону большевиков, и удалось укрепить это положение...

Необходимо отметить, что в составе тогдашнего Московского комитета в том месяце оставались не лучшие из его работников, так как тов. Обух отсутствовал в Москве, а тов. Жбанков не мог достаточно ослабить влияние остальных членов комитета, мало связанных с рабочим классом и не проявлявших достаточно энергии... Достаточно нам было зашевелиться, как очень скоро мы стали получать со всех концов Москвы извещения о необходимости принять в лоно Московского комитета ту или иную группу организованных рабочих. Эти извещения приходили со всех сторон, и мы могли их быстро использовать, благодаря тому что у нас были большие кадры пропагандистов, изнывавших в тоске по работе...

*У истоков большевизма. Воспоминания,
документы, материалы. 1894—1903. М.,
1983, с. 82—84*

¹ Сходки, собрания и демонстрации печатников Москвы были в конце 1903 г. Ред.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Когда осенью 1902 года я, освободившись от «общедемократических» иллюзий студенческого движения, вернулся после высылки в Москву убежденным социал-демократом, я стал искать связи с Московской социал-демократической организацией. Встретился я с Л. С. Цейтлиным, который также в 1901 году принимал участие в студенческих волнениях и так же, как и я, был выслан из Москвы. Поселившись с ним вместе в одной комнате и не подозревая, что он имеет какое-либо отношение к Московской социал-демократической организации (он был большой конспиратор), тем более что он усердно готовился к государственным экзаменам, я, посещая лекции и работая в лабораториях, продолжал, однако, искать связи с московской организацией. А что такая организация была, я был уверен по появляющимся в «Искре» корреспонденциям из Москвы. Среди студентов того времени мне приходилось встречать немало социал-демократически и социал-революционерски рассуждающих, но были ли они связаны с организацией или это были только рассуждающие, мне не удавалось узнать вследствие строгой конспирации и широко развитой провокации того времени. Знал я, конечно, что и мой сожитель Л. С. Цейтлин марксист и социал-демократ, но опять-таки в силу конспирации я считал невозможным сразу ставить прямо вопрос об его отношении к московской организации, хотя я и был с ним в хороших товарищеских отношениях...

Через некоторое время я стал замечать, что Л. С. Цейтлин стал ко мне присматриваться и заговаривать на партийные темы...

Однажды я ему говорю:

— Я хотел бы отдать себя в распоряжение московского социал-демократического комитета. Не можете ли меня с ним связать?

Он, видимо, обрадовался моему предложению, но, однако, не показал вида, что он близко стоит к МК. Ответил, что постарается меня связать, но при этом поставил условие, чтобы я предварительно ликвидировал свое участие в студенческих организациях во избежание провала социал-демократической организации, в которую я намерен вступить...

Вскоре после этого разговора Л. С. Цейтлин однажды ночью попросил меня отправиться в одну квартиру... в Ваганьковском переулке и предупредить какую-то «девицу», что произошли аресты и чтобы она уничтожила все компрометирующие бумаги. Как я

впоследствии узнал, это был провал оставшейся после так называемого 2-го МК периферии, а «девица», которую я предупреждал, была, должно быть, технический секретарь МК. Звали ее, если память мне не изменяет, Мария Владимировна.

После этого провала Л. С. Цейтлин (он был член МК) остался один. Тогда-то он стал ко мне чаще обращаться за всякого рода услугами, не вводя меня, однако, в организацию. Впрочем, в описываемое время, как я потом понял, и не было организации, были лишь попытки ее воссоздать после провала 2-го МК, во главе которого стоял И. А. Теодорович.

Так я работал от случая к случаю. Но это, однако, меня мало удовлетворяло. Я потребовал от Цейтлина какой-либо определенной работы.

На первых порах, так как весь технический аппарат московской организации был, видимо, разгромлен охранкой, мне было поручено организовать хранение литературы, которой получалось в то время довольно много из-за границы от группы «Искра». Началась подготовка ко II съезду, и Москва получала много литературы по вопросам программы партии и организационным, а также много директивных циркуляров по вопросам подготовки съезда от организационной комиссии. Для всей этой массы литературы нужно было организовать «склад». На эту работу у меня ушел весь конец 1902 и начало 1903 года.

В начале 1903 года московская организация несколько технически окрепла. Удалось создать из студентов и курсисток довольно крепкий технический аппарат. Организация была более или менее удовлетворительно обеспечена хранением литературы, квартирами для явок, адресами для переписки. Предстояло решить основную задачу организации — наладить связи с рабочими, поставить пропаганду, а затем по возможности агитацию. Надо сказать, что если от технического аппарата осталось кое-что после провалов 1902 года, то с рабочими связи почти что оборвались, так как в провалившемся летом 1902 года Московском комитете был провокатор. В этой области пришлось работы начинать заново.

В начале 1903 года (весной) силы московской организации увеличились с приездом из-за границы от группы «Искра» Александра Георгиевича Орлова и бежавшего из-под надзора полиции Валентина Ивановича Батырева... Несколько позднее приехал с юга нелегальный рабочий Михаил Лещинский. Организовался комитет в составе Л. С. Цейтлина, А. Г. Орлова и В. И. Батырева. Пишущий эти строки был назначен ответственным пропагандистом, а М. Лещинский — ответственным агитатором.

Машина завертелась. Л. С. Цейтлин был ответственным секретарем МК — в его руках находились связи с границей, переписка, связи с Организационным комитетом по подготовке II съезда и техническим и финансовым аппаратом МК. А. Г. Орлов взял на себя связи с интеллигенцией, а также организацию кружков среди интеллигенции, а В. И. Батырев был ответственным организатором.

ром — в его функции входило завязывать связи с рабочими и организовывать среди них кружки. Мне приходилось иметь дело с А. Г. Орловым и В. И. Батыревым. Организованные ими кружки они передавали мне для занятий с ними. Что касается М. Лещинского, ответственного агитатора МК, то ему так и не пришлось до конца... то есть до нашего провала 7 июня 1903 года, приступить к агитационной деятельности.

По роду моей партийной деятельности в то время мне приходилось иметь дело как с рабочей средой, так и с интеллигентской. К лету 1903 года я занимался в трех рабочих кружках и двух интеллигентских.

Время было тогда тяжелое... Среди массы московских рабочих не были еще изжиты иллюзии «полицейского социализма», зубатовщины. В кружках почти каждый раз после занятий наши разговоры упирались в зубатовщину, приходилось слышать рассказы о зубатовских собраниях, в которых принимали участие сотни рабочих. Припоминается, что крупная зубатовская организация была среди пуговичников фабрики Ронталлера, некоторые рабочие которой входили в мой кружок. Но чувствовалось все же, что зубатовщина была на исходе.

Рассказывали, как массовики-рабочие, не искушенные в политике и не подозревавшие связи зубатовских организаций с охранкой, наивно выступали с вопросами и речами, которые путали все расчеты вожаков-зубатовцев (Красивского, Афанасьева, Слепова), и как эти же наивные рабочие тут же арестовывались и отправлялись в охранку. Разумеется, такие приемы разлагали зубатовские организации гораздо успешнее и быстрее, чем наша агитация, которая, к слову сказать, была в зачаточном состоянии.

Но быстрому процессу разложения зубатовских организаций далеко не соответствовал рост нашей социал-демократической организации. Тому было много причин. Наряду с причинами внутреннего порядка (как борьба «экономистов», которые своей идеологией играли на руку зубатовщине, с «политиками») в Москве главным образом играли роль чисто внешние причины. Создавая одной рукой свои рабочие организации, охранка другой рукой окружила революционные организации сетью провокации и шпионажа. В этом отношении Москва занимала, пожалуй, первое место, московская охранка в этом деле дошла до виртуозности. Поэтому долгое время Москва не могла выйти за пределы рабочих кружков, которые также находились под постоянным дамкловым мечом провала.

Думаю, что настала пора объяснить, почему именно в Москве так свирепствовала охранка и как эта грубая, а иногда хитрая полицейская сила именно в Москве задержала рост широкого социал-демократического движения. Нельзя же объяснить этого тем, что в Москве оказался полицейский гений Зубатова. Это требует исторического исследования. Но кратко можно дать объяснение и без глубокого исследования. Зубатовщина есть отражение москов-

ского пролетариата на известной стадии его развития. Чтобы ее понять, ее нужно рассматривать не как причину, а как следствие. Как следствие экономической и политической отсталости московского пролетариата, его связи с деревней (полупролетариат). Зубатовщина — это сорная трава, которая может расти там, где пролетариат не осознал себя как класс. А московский пролетариат осознал себя как класс, в отличие от пролетариата, скажем, юга, Западного края, Польши, только в 1905 году. Только так можно объяснить, почему долгое время между социал-демократической организацией и московской рабочей массой стояла такая непреступная стена, как зубатовская охранка.

*У истоков большевизма. Воспоминания,
документы, материалы, 1894—1903. М.,
1983, с. 84—87*

КАК ВОЗНИК «СЕВЕРНЫЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ»

«Северный рабочий союз» — социал-демократическая организация, ставившая себе целью руководить рабочим движением в соседних губерниях — Владимирской, Костромской, Ярославской. В «Союз» входили Ярославский, Костромской, Иваново-Вознесенский социал-демократические комитеты и владимирская группа.

Инициатива создания «Союза» принадлежала очень небольшой группе товарищей, тесно связанных по партийной работе с Иваново-Вознесенском и Ярославлем, волею судеб заброшенных в Воронеж и встретившихся здесь летом 1900 года. Инициаторами образования «Союза» были: В. А. Носков, пишущая эти строки, студент Демидовского лицея Доливо-Добровольский и бывший иваново-вознесенский рабочий Михаил Александрович Багаев¹. Они проявляли живейший интерес к промышленному северу, считая его серьезнейшим центром пролетарского движения, и верили в возможность широко развернуть там партийную работу.

В. А. Носков, будучи еще учеником Иваново-Вознесенского реального училища, имел связи с местной организацией, оказывая ей различные услуги. Поступив в питерский Технологический институт, он поддерживал сношения с иваново-вознесенскими товарищами, снабжая их нелегальной литературой. Арестованный в 1898 году по питерскому и иваново-вознесенскому делу, В. А. Носков после непродолжительного тюремного заключения был освобожден и до приговора выслан на родину в Ярославль. Здесь он делает попытку создать социал-демократическую организацию. При содействии двух рабочих: Семенухина и Короткова, вызванных из Питера, ему удается организовать кружок на самой крупной фабрике — Ярославской Большой мануфактуре.

К работе были привлечены студенты Демидовского лицея Доливо-Добровольский и Василий Леопольдович Горн. К сожалению, кружок скоро провалился. Носков, Горн и группа рабочих были арестованы, но скоро освобождены и из Ярославля высланы. Носков и Горн направились в Воронеж, где в то время (1899 г.)

¹ М. А. Багаев принадлежал к первому иваново-вознесенскому кружку 1893—1894 гг. *Ред.*

состоял под гласным надзором Ф. И. Шеколдин, привлекавшийся в 1898 году по иваново-вознесенскому делу, старый знакомый Носкова.

У меня в половине января 1900 года кончался срок ссылки в городе Бирске Уфимской губернии, куда я была выслана по иваново-вознесенскому делу 1897 года. Я предполагала немедленно по освобождении направиться в Иваново-Вознесенск, куда меня звали иваново-вознесенские товарищи, жалуясь на недостаток партийных работников. Но мечты оказались тщетными. Освободили меня с ограничением 22 губерний для жительства, в том числе значилась не только Владимирская, но и Уфимская губерния, где я отбывала ссылку. Я перебралась в Уфу, рассчитывая прожить здесь месяц-другой, чтобы списаться с товарищами и выбрать город. Уфа была тогда оживленным городом: она лежала на большой дороге из Европейской России в Сибирь. Через нее проходили партии политических ссыльных в далекую Сибирь. Здесь останавливались товарищи, возвращавшиеся из ссылки.

На крупных заводах Уфимской губернии стала понемногу налаживаться партийная работа (Златоустинский уезд). Но уфимская администрация не оставила меня в покое. Недели через три после переселения из Бирска меня вызывают в полицейское управление и предъявляют предписание в трехдневный срок оставить пределы губернии под угрозой высылки этапом в случае невыполнения. Пришлось снова подниматься с места. Я как раз в это время получила письмо от своего старого знакомого Сергея Павловича Шестернина из Боброва Воронежской губернии (где он состоял городским судьей), переведенного за политическую неблагонадежность из Иваново-Вознесенска сначала в Ефремов Тульской губернии, а потом в Бобров. Он предлагал мне перебраться в Воронеж, сообщая, что там находятся несколько иваново-вознесенцев. Полиция в значительной мере уже надоела мне своими напоминаниями и требованиями о выезде. Я последовала совету С. П. Шестернина, направилась в Воронеж, предварительно заехав в Бобров, где мне дали адрес Юлии Петровны Махновец, сестры Акимова (Махновца), одного из редакторов «Рабочего дела»...

В Воронеж я приехала в самый разгар борьбы между группой «Освобождение труда» и рабочедельцами. Отголоски этой борьбы докатились и до Воронежа. Ю. П. Махновец только что вернулась из Женевы, где в апреле был созван съезд «Союза русских социал-демократов», закончившийся расколом. Она оказалась яркой борющейся «Рабочего дела» и сейчас же по возвращении повела агитацию в этом направлении. В ближайшее по приезде воскресенье (в мае) созвала собрание, на котором присутствовали не только социал-демократы, но и народовольцы. Из Боброва был вызван Шестернин, из Курска — Чернышев. Собралось человек тридцать. На трех лодках отправились по заросшему, тенистому, вонючему Воронежу и, отъехав верст пять, высадились на берегу в кустах.

Ю. П. Махновец сделала доклад о заграничном съезде, отрицая наличность принципиальных разногласий между группой «Освобождение труда» и редакцией «Рабочего дела», объясняя все трения и конфликты в «Союзе русских социал-демократов» неуживчивостью и диктаторскими замашками Плеханова. Доклад не вызвал оживленных прений. Собрание внимательно выслушало докладчицу, задавало несколько незначительных вопросов, но никакой резолюции не вынесло, ссылаясь на недостаточность информации и необходимость выслушать и другую сторону. Из числа всех присутствующих только я одна выступила на защиту плехановской позиции. Несмотря на свое недавнее возвращение из ссылки, я была лучше осведомлена о партийных делах. Но и «Рабочее дело» ни в ком не нашло поддержки на собрании. Это уже определяло настроение и было для меня единственным утешением...

Вопросы, поднятые на собрании, оживленно обсуждались (особенно социал-демократами), сделались злободневными. Прения тянулись в течение всего лета: спорили во время продолжительных прогулок в Ботанический сад, Архиерейскую рощу, катаясь на лодке. Взгляды воронежских социал-демократов стали определяться и выясняться.

В июне (1900 г.) В. А. Носков отправился на кумыс в Уфимскую губернию. Я снабдила его адресами к уфимским товарищам. В Уфе он познакомился с тов. Лениным и возвратился оттуда решительным сторонником организации «Искры». Осенью по дороге в Тифлис в Воронеж заезжал тов. Курнатовский, подробно ознакомивший нас с планами новой организации. В результате летних прений и более основательной информации осенью 1900 года оформилась воронежская группа, в которую вошли В. А. Носков, А. И. Любимов, О. А. Варенцова, Л. Я. Карпов, А. А. Кардашева, Д. В. Костеркин. Эта группа имела непосредственное отношение к образованию «Северного рабочего союза». В. А. Носков и я, живя в Воронеже, поддерживали тесные сношения с Иваново-Вознесенском, Ярославлем и Костромой. Обсуждая положение партийных организаций в этих городах, мы пришли к мысли о необходимости их объединения, чтобы внести большую планомерность в партийную работу. Фактические связи между этими организациями существовали, но — только благодаря личному знакомству партийных работников, а потому имели случайный характер.

На севере царяла полная организационная раздробленность и распыленность. По промышленным пунктам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний были рассеяны небольшие социал-демократические кружки, жившие замкнутой, изолированной жизнью. Не связанные друг с другом и с руководящими центрами, они в большинстве случаев влачили жалкое существование. Само происхождение их носило случайный характер. Закинет судьба в такой угол студента-марксиста или сознательного рабочего из Питера или Москвы — и они на новом месте продолжают

прерванную работу, заводя с рабочими знакомства, распространяя нелегальную литературу. Ни одной из таких организаций, взятой в отдельности, не под силу было поставить удовлетворительно технику, без которой немыслима была систематическая агитация, наладить систематические сношения, регулярное получение нелегальной литературы.

О целесообразном распределении партийных сил и средств при такой постановке работы не могло быть и речи. Социал-демократические кружки во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях возникают в начале 90-х годов. Но и в 1900 году еще многие крупные промышленные пункты, как, например, Кинешемский уезд Костромской губернии, Александровский, Ковровский, Вязниковский (Владимирской губернии) с крупнейшими текстильными фабриками, были совершенно не затронуты социал-демократическим движением: туда еще не проникали ни социал-демократические прокламации, ни нелегальные брошюры.

Если оценивать партийную организацию по прочности ее связей с рабочими массами и по широте ее влияния на последние, то самой сильной организацией была иваново-вознесенская, имевшая на всех крупных фабриках и заводах оформленные социал-демократические группы, связанные и с руководящим коллективом, и с массами. Иваново-вознесенская организация поддерживала постоянные сношения через Софью Павловну Невзорову-Шестернину и Анатолия Николаевича Рябинина с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», получая от него нелегальную литературу и направляя туда свои корреспонденции.

Позднее установились связи с заграничным «Союзом русских социал-демократов». В 1900 году иваново-вознесенские товарищи передали мандат на международный конгресс в Париже редакции «Рабочего дела». Здесь уже установилась известная преемственность в работе. Несмотря на крупные и частые провалы, работа не прерывалась. Организация после непродолжительной заминки снова восстанавливалась. За десятилетие 1894—1904 годов выработался немногочисленный, но стойкий и опытный рабочий авангард. Иваново-вознесенская организация стремилась расширить сферу своего влияния и воздействия на соседние фабричные пункты — Кохму, Шую, Тейково и пр. Но и здесь партийная работа не имела того размаха и той планомерности, которые соответствовали бы столь крупному промышленному центру. Здесь в то время чувствовался острый недостаток в революционной социал-демократической интеллигенции, что крайне неблагоприятно отзывалось на постановке пропаганды и агитации.

Иваново-Вознесенск был типичным фабрично-пролетарским городом, в котором доминировали два класса: капиталисты и рабочие. Так называемый третий элемент — земские служащие, статистики, врачи и прочие представители свободных профессий, из которых главным образом вербовались революционные деятели и сочувствующие, здесь отсутствовал. Правда, и в Иваново-

Вознесенске была интеллигенция в лице многочисленного технического персонала, обслуживающего фабрики, — директоров фабрик, химиков, механиков и пр. Но это была уже чисто буржуазная интеллигенция, которая не за страх, а за совесть служила капитализму и капиталистам и за 20 лет не выделила из своей среды ни одного социал-демократа, который имел бы какое-либо отношение к местной работе. За десятилетие 1893—1903 годов можно по пальцам перечесть социал-демократов интеллигентов, принимавших активное участие в партийной работе...

Иваново-вознесенская организация всецело держалась рабочими. Но при всей своей преданности делу они не могли партийной работе уделять много времени, которое поглощалось тяжелым трудом на фабрике. Не было тогда у нас профессионалов-революционеров, которые отдавали бы все свои силы и все свое время революционной деятельности и смотрели бы на нее как на свою основную работу. Финансовые средства организации были ничтожны и составлялись исключительно из взносов рабочих, средний месячный заработок которых колебался между 9—15 рублями.

Совершенно иная картина наблюдалась в Ярославле. Если в Иваново-Вознесенске в минувшие годы на каждом шагу всегда и везде сталкиваешься с рабочими, то Ярославль имел физиономию интеллигентского города, улицы и бульвары которого заполнялись чиновниками, земскими служащими, студентами, гимназистами. Самая большая фабрика — Ярославская Большая мануфактура находилась за пределами города. Подавляющее большинство рабочих жило в казармах, доступ в которые посторонним был затруднен.

Рабочие в значительной мере были оторваны от города. Социал-демократическая работа здесь велась с конца 90-х годов В. А. Стопани, Носковым, Доливо-Добровольским (1898—1900 гг.). Но в Ярославле почти до 1905 года не удалось создать прочного партийного рабочего ядра, которое способно было бы самостоятельно вести работу, как это имело место в Иваново-Вознесенске. Но зато Ярославль был богат интеллигенцией, оппозиционно и революционно настроенной. Подавляющее большинство ее активного участия в революционном движении не принимало, но всяческое содействие и поддержку оказывало. Активных работников она выделяла немного, но сочувствующих, которых можно было использовать для разного рода услуг, — изрядное число. Эта публика не отказывалась собирать деньги, давать квартиры для явок и собраний, адреса для конспиративной переписки, что во времена подполья в высшей степени облегчало работу. Иваново-вознесенская и ярославская организации могли бы дополнять друг друга, обмениваясь партийными силами и средствами.

Образование «Северного рабочего союза» следует рассматривать как попытку ликвидировать процветавшее на промышленном севере организационное кустарничество, мешавшее организациям развернуть свои силы и распространить партийную работу

на не затронутые еще движением промышленные пункты, направив туда товарищей для постановки организации. Но особенно увлекала инициаторов задача создать на севере опору для левого революционного крыла социал-демократии, для искровского течения, для борьбы с антиреволюционными тенденциями в нашей партии — с «экономизмом», рабочедельчеством. Этой последней задаче они придавали громадное значение.

Объективные условия для объединения им казались благоприятными. Во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях преобладала текстильная промышленность. Прядильщики, ткачи и ситцепечатники этого района вербовались из местных крестьян, были еще связаны с землей и отличались низким уровнем культурного развития, но глубоко развитым чувством пролетарской солидарности, которое они особенно ярко проявляли во время стачечной борьбы, поражая своей стойкостью и упорством. Непомерный гнет социально-экономических условий давил рабочих, толкая их на борьбу.

Крайне низкая заработная плата, сверхурочные работы, штрафы, произвол фабричной администрации были в одинаковой мере распространены по всему району при полном отсутствии каких-либо культурных удобств для рабочих. Все эти условия, вместе взятые, а также удобство сношений (от Ярославля до Иваново-Вознесенска 5 часов, а до Костромы 3 часа езды по железной дороге) облегчали и задачу партийного объединения.

Воронежская группа в целом отнеслась сочувственно к плану образования «Северного рабочего союза» и решила работать над проведением его в жизнь. Но, прикрепленные полицейским надзором к Воронежу, члены группы не могли непосредственно двинуться на север и поставили своей ближайшей задачей привлечь и направлять туда партийных работников в качестве профессионалов, гарантируя им содержание, собирая деньги, доставая паспорта и вступая в сношения с другими организациями.

Перед своим отъездом в Воронеж я встретила в Уфе с Николаем Николаевичем Паниным (один из подписавшихся под Протестом 17-ти), бывшим рабочим Путиловского завода. В 1896 году он привлекался в Питере, был выслан в Восточную Сибирь и только что возвратился из ссылки. Я ему предложила отправиться на работу в Иваново-Вознесенск. Он согласился, но почему-то застрял в Самаре. Теперь, когда наметился определенный план, я снова возобновила с ним переговоры, убеждая его двинуться на север. На этот раз он откликнулся и весной 1901 года появился в Иваново-Вознесенске. Это был первый профессионал-революционер в районе.

Летом 1900 года нами вызван был из Керчи бывший иваново-вознесенский рабочий Михаил Александрович Багаев, привлекавшийся в 1896 году по питерскому и нижегородскому делу и высланный на три года в Оренбургскую губернию, откуда он после освобождения перебрался в Керчь. Он увлекся нашим планом, выражая готовность работать над его осуществлением.

14 января 1901 года срок моих ограничений кончался. Я уже чувствовала себя вольной птицей. Мне хотелось поехать в Иваново-Вознесенск, но по конспиративным соображениям от этого пришлось отказаться: там меня хорошо знала не только организация, но и местные власти. Воронежские товарищи также решительно запротестовали против моего намерения и желания поселиться там. Воронежцы указывали на Ярославль как на место более подходящее для моей работы. Они считали, что условия для будущего руководящего центра более благоприятны в Ярославле, где без труда можно будет устраивать приезжих товарищей, доставать адреса для переписки, находить квартиры для явок, для склада нелегальной литературы, для печатания листов.

Кроме того, в Ярославле надо было восстанавливать комитет, ликвидированный с провалом кружка Доливо-Добровольского. Я согласилась с доводами товарищей. Но прежде чем направиться на север, совершила поездку в Уфу к Надежде Константиновне Крупской-Ульяновой, которая там заканчивала свою ссылку. Необходимо было установить прочные связи с границей, с редакцией «Искры», обменяться адресами, паролями, притом же я надеялась получить так долго жданный номер «Искры», вышедший в декабре 1900 года. Я приехала в Уфу в феврале 1901 года, но к величайшему моему сожалению, номер не был получен.

Наша нелегальная почта работала еще с большим запозданием. Но меня утешали тем, что газета не сегодня так завтра должна получиться. Я решила ждать. Дни летели быстро. Здесь я встретила со старыми товарищами по ссылке, обменялась воспоминаниями о минувших днях и надеждами на лучшее будущее. Мои ожидания не оказались напрасными. Через несколько дней газета была получена, и я отправилась в путь, сопровождаемая пожеланиями товарищей «подольше продержаться, не так скоро попадаться в лапы жандармов».

Я прежде всего должна была объехать существующие в районе наиболее крупные организации, познакомить их с планом создания «Союза» и выяснить их принципиальную позицию, так как необходимым условием объединения выдвигалось признание организационного плана «Искры» и ее политической линии вполне правильными. Решающее значение для дела объединения имели две организации: иваново-вознесенская и костромская. Сначала я поехала в Иваново-Вознесенск, где нашла правильно функционирующую организацию. Партийный комитет был связан с рабочими группами на фабриках и заводах. Партийной работой руководила Глафира Ивановна Окулова, представительница «Искры». Небольшие трения в организации наблюдались. Очень маленькая группа рабочих, уцелевших от старых кружков, выражала недовольство переходом к широкой массовой политической агитации, повторяя утратившие всякий смысл доводы о необходимости беречь организацию, не заявлять громко о своем существовании. Но она была не влиятельна, не активна и только ворчала.

Иванововознесенцы живо отозвались на объединительный план, тем более что они уже были подготовлены к нему. Доливо-Добровольский, работая в Ярославле в 1900 году, не раз посещал Иваново-Вознесенск и поднимал этот вопрос.

Г. И. Окулова скоро покинула Иваново-Вознесенск. Вслед за ней сюда явился Николай Николаевич Панин (партийная кличка Гавриил Петрович), ярый искровец, хорошо ознакомившийся с нашими планами и считавший их вполне целесообразными.

В Костроме я вела переговоры с руководителями костромской организации Николаем Павловичем Богдановым и Иваном Платоновичем Александровым (рабочий). Они тоже отнеслись с живым интересом к плану создания «Северного рабочего союза», но здесь дело осложнялось. Костромские товарищи занимали примиренческую позицию. Признавая политическую линию «Искры» правильной, они считали возможным и желательным объединение заграничных организаций, причем подчеркивали заслуги «Союза русских социал-демократов» по издательской деятельности, налаживанию транспорта. Вопрос о взаимоотношениях группы «Освобождение труда» и организации «Искры», с одной стороны, и «Рабочего дела», с другой, находился еще в стадии обсуждения и не был решен окончательно, и мы оставили его открытым, условившись по вопросу об объединении созвать в ближайшее время совещание из представителей социал-демократических организаций Владимирской, Костромской и Ярославской губерний.

Наконец в начале апреля 1901 года я приехала в Ярославль. Мне дан был в Воронеже адрес Екатерины Николаевны Новицкой, встретившей меня очень приветливо. Ярославль в общем и целом произвел на меня удручающее впечатление. Здесь не оказалось никакой организации, партийная работа совсем замерла. Даже не сохранилось связей с отдельными рабочими. Сыск был организован превосходно. Запуганные и подавленные ярославские социал-демократы довели свою осторожность и конспиративность до полного бездействия. Из кружка Доливо-Добровольского остались Анастасия Дмитриевна Бабенко, освобожденная до решения дела, и Николай Николаевич Кардашев, за которым зорко следила полиция. Они активно себя не проявляли и не могли указать ни одного рабочего, при содействии которого можно было бы восстановить связи с фабриками. Одни из рабочих, привлекавшихся с Доливо-Добровольским, по освобождении были уволены с фабрики и покинули город, другие оставались под сомнением.

Организацию в Ярославле надо было не идейно завоевать, а строить заново. Я скоро убедилась, что без содействия извне восстановить ее не удастся, и обратилась за помощью в Иваново-Вознесенск. Написала Николаю Николаевичу Панину, указав на безвыходность положения, и просила прислать рабочего социал-демократа, и обязательно текстильщика. Иванововознесенцы откликнулись и направили в Ярославль ткача Герасима Колесникова.

Ему не без труда, но все же удалось устроиться на фабрике Ярославской Большой мануфактуры. Колесников сразу и живо почувствовал разницу между иваново-вознесенской и ярославской фабриками. Жаловался на отсталость ярославских текстильщиков. Особенно его удручало и раздражало царившее на фабрике низкопоклонство рабочих перед фабричной администрацией. «Старой деревней веет от ярославской фабрики», — заявил он мне, проработавши три-четыре дня; эта характеристика в общем была верна. Ярославские текстильщики, крепко связанные с землей, с деревней и заключающие в своих рядах ничтожное число городского пролетариата, отличались большей патриархальностью, чем иваново-вознесенские.

Работа налаживалась медленно. Но все-таки Колесников организовал кружок на фабрике, распространял нелегальную литературу. В июле приехал по собственной инициативе другой иваново-вознесенский рабочий — Анатолий Масленников, устроившийся на механическом заводе, а несколько позднее — Василий Новиков, поступивший на табачную фабрику Вахромеева. Они были также привлечены к партийной работе.

В конце лета я познакомилась с Ольгой Августовной Дидрикуль (земской служащей). Она заинтересовалась делом «Северного союза» и изъявила готовность принять активное участие в работе. Живя давно в Ярославле и имея обширный круг знакомых, она вела техническую работу и выполняла ее очень успешно: доставала адреса, квартиры для явок, конспиративных свиданий, печатания листовок и необходимые материалы для печатания, что в те времена нелегко было приобретать.

Е. Н. Новицкая и О. А. Дидрикуль собирали деньги для организации главным образом среди статистиков, распространяли среди них нелегальную литературу. «Искра» получалась тогда в значительном количестве и зачитывалась до дыр. Для пропагандистской и литературной деятельности был привлечен Е. Ф. Дюбюк. Восстановление комитета отняло немало времени и задержало объединительную работу в районе.

Летом 1901 года из Керчи приехал Михаил Александрович Багаев и решил поселиться во Владимире. В самом городе фабрик не было, но вокруг него в соседних уездах — Покровском, Ковровском, Меленковском и др. — находились настоящие фабричные гнезда (Орехово-Зуево, Гусь-Хрустальный, Ковров и пр.) с десятками тысяч рабочих, почти не затронутых социал-демократическим движением. Были такие промышленные пункты, куда не проникала еще ни одна прокламация, ни одна нелегальная брошюра. Это обстоятельство учитывали основатели «Северного союза» и ставили одной из ближайших и важнейших задач распространение социал-демократической работы на эти забытые места, создание в них партийных организаций. У нас тогда не хватало сил и средств, чтобы направить работников в каждый уезд. Мы считали более целесообразным, чтобы М. А. Багаев, создав опорный пункт во

Владимире, вел разъездную работу, сосредоточив свою деятельность в уездах. Но ни у меня, ни у Багаева не было во Владимире никаких связей, без которых трудно было устроиться в незнакомом городе.

Из затруднительного положения выручила Е. Н. Новицкая, у которой нашелся там хороший знакомый Александр Саввич Панкратов, занимавший место секретаря губернской земской управы. Она дала к нему рекомендательное письмо. При содействии Панкратова Багаев устроился во Владимире, познакомился со статистиками и другими земскими служащими, отозвавшимися на его призыв, и среди них организовал социал-демократическую группу. Затем познакомился с сельскими учителями, вел среди них пропаганду. Последние помогли Багаеву установить связи с Гусь-Хрустальным, Ковровом и Муромом. Следует отметить, что под влиянием студенческого движения и рабочих демонстраций среди интеллигенции пробуждался интерес к политической жизни, росло и оппозиционное настроение, и она если не проявляла инициативы и активности, то сочувствовала и охотно поддерживала революционных деятелей.

* * *

Летом 1901 года фактические связи установились между социал-демократическими организациями района, наладилась информация, распределялась нелегальная литература. Но не было устава, точно определяющего эти взаимоотношения, и выборного руководящего центра, объединяющего деятельность местных комитетов. Для решения этих вопросов было созвано совещание представителей Ярославской, Костромской, Иваново-Вознесенской и Владимирской организаций в августе 1901 года в Кинешме. Кинешмирский уезд с его многочисленными и крупными текстильными фабриками принадлежал к тем забытым местам, куда еще не проникла революционная бацилла со своим разрушительным действием. В Кинешме не было ни революционных организаций, ни партийной работы. Об обысках и арестах «политиков» здесь не было слышно. Жандармы и полиция особой зоркости и бдительности не проявляли. В силу этих соображений наш выбор пал на Кинешму. Мы считали ее более безопасным и удобным местом для совещания, хотя ни у кого из нас совсем не было здесь знакомых.

Решили собраться под открытым небом в лесу за Волгой. Явку назначили на бульваре. Никаких недоразумений не произошло, может быть, потому, что все участники совещания хорошо знали друг друга. К счастью, день был прекрасный, солнечный, жаркий. В назначенный час прибывшие являлись к указанному месту, где дежуривший товарищ направлял их на паром. Переехав на другую сторону Волги (это было в праздник), отошли версты четыре от берега и расположились в величественном сосновом лесу. На совещании присутствовали от Иваново-Вознесенска — Н. Н. Панин (Гавриил Петрович), Елизавета Аркадиевна Володина (портниха)

и Владимир Сергеевич Бубнов; от Ярославля — я и Н. Н. Кардашев; от Владимира — Михаил Александрович Багаев и от Костромы — статистик Александр Заварин и Василий Миндовский.

В порядке дня совещания стояли следующие вопросы: 1) Доклады с мест. 2) Отношение к «Искре». 3) Организационный вопрос. 4) Текущие дела. По второму вопросу я в своем докладе указывала на необходимость выяснить принципиальную позицию «Союза», подчеркивая, что идейное объединение является предварительным условием организационного объединения. Заканчивая свой доклад, я предложила признать политическую линию и организационный план «Искры» правильным. Было внесено предложение, кажется, Н. Н. Паниным, считать «Искру» руководящим органом партии.

Вопрос, поднятый в докладе, больших прений не вызвал. Никаких разногласий между представителями иваново-вознесенской, ярославской и владимирской организаций он не возбуждал и был давно решен ими в положительном смысле. Но костромские товарищи все еще продолжали сомневаться и колебаться, надеясь на объединение заграничных организаций, и, чтобы ускорить процесс освобождения их от примиренческих иллюзий, вопрос о признании «Искры» был поставлен ребром. В результате прений было принято первое предложение. По вопросу, поднятому Н. Н. Паниным, собрание решило ожидать исхода переговоров между заграничными организациями. Совещание в Кинешме происходило перед объединительным съездом в Цюрихе. По организационному вопросу даны были общие указания для выработки устава, которая была поручена ярославским товарищам, причем предлагалось устав построить на началах централизма.

Особенно много внимания совещание уделило технике. Как выяснилось из докладов с мест, это был самый острый и больной вопрос. Все представители с мест подчеркивали, что широкая массовая политическая агитация есть очередная задача момента. Прокламации возбуждают среди рабочих живой интерес и с жадностью читаются. Но запросы в этом отношении ни в коей мере не удовлетворяются. Листки, печатаемые на гектографе, мимеографе, выпускаются в сотнях экземпляров, тогда как потребность в них выражается в десятках тысяч.

Все приходило к заключению, что без типографии невозможна систематическая агитация, без которой крайне суживалось влияние социал-демократических организаций на рабочие массы. Устная же агитация путем устройства рабочих собраний в те времена по полицейским условиям была крайне ограничена. Принято было решение напомнить воронежской группе об ее обещании достать шрифт и другие типографские принадлежности. Кроме того, совещание вменило в обязанность каждой организации оказывать содействие в постановке типографии приисканием хозяев для квартиры, наборщиков и пр.

Затем вести сношения с заграницей и с другими организациями как в пределах района, так и вне его и распределять нелегальную литературу было поручено мне, а издавать листки до выбора руководящего органа — Ярославскому комитету. Совещание затянулось с 10 часов утра до 9 вечера. В лесу стало свежо. Все проголодались. Отправили одного товарища в ближайшую деревню за хлебом и яйцами. Ночь провели в лесу. Идти в город казалось рискованным. Рано утром одни направились на вокзал, а другие на пристань и благополучно добрались до своих мест.

Кинешемское совещание значительно оживило работу и вызвало подъем настроения у активных работников. За осенние месяцы усилилась пропагандистская и агитационная деятельность. По численности членов и прочности связей с фабриками первое место занимала иваново-вознесенская организация, которая распространила свое влияние и на Кохму, организовала там кружок, направляя туда нелегальную литературу, и на Шую.

В Кострому приехала новая работница Марья Сергеевна Александрова и сейчас же приступила к работе. В конце ноября 1901 года и ярославская организация пополнилась двумя новыми работниками, направленными воронежской группой: Вайсманом и Зароховичем. Они работали в Одессе. Скомпрометированные по делу Одесского социал-демократического комитета, переселились в Кишинев, где снова навлекли на себя подозрение, им грозил арест. Они перешли на нелегальное положение и перебрались в Ярославль — Вайсман с паспортом на имя Александра Волоха, а Зарохович — на имя Николая Лужанского. Приезжие товарищи стали работать в качестве профессионалов-революционеров. Панин и Багаев тоже работали как профессионалы, материальное положение коих при скромных финансовых средствах «Союза» было нелегкое, но они стойко переносили все житейские невзгоды. Вайсман приехал с маленькой корзинкой, но и та была совершенно пустая. С таким багажом легко было подниматься в путь и перебрасываться с одного конца России на другой.

С приездом одесских товарищей окончательно сконструировался Ярославский комитет, в который вошли Вайсман, автор этого очерка, Е. Ф. Дюбюк, Зарохович, Герасим Колесников (рабочий-организатор с фабрики Ярославская Большая мануфактура). Руководство местной организационной работой я передала Вайсману. Систематические занятия с кружком рабочих, организованные Колесниковым, стал вести Зарохович. Дюбюк и Новицкая просвещали интеллигенцию, главным образом земских служащих и студентов. Комитетом был выпущен листок «Ко всем ярославским рабочим» и др.

Студенческое движение принимало широкие размеры. Борьба обострялась. Студенты Демидовского лицея бастовали и митинговали. Несколько арестованных студентов были избиты в полицейском участке. Эта расправа вызвала неопишемое возмущение и негодование не только в студенческой среде, но и всего оппози-

ционно настроенного общества. В течение нескольких дней только и говорили об этом акте насилия и произвола. Номер «Искры» с описанием этого происшествия (была послана корреспонденция в «Искру») переходил из рук в руки, читался нарасхват. В этой напряженной обстановке организовался студенческий революционный комитет, состоявший в большинстве своих членов из социал-демократов и издававший листки. Через М. С. Кедрова и А. А. Локтина он поддерживал сношения с Ярославским комитетом РСДРП и оказывал услуги последнему. Ярославские жандармы при дознании смешивали эти комитеты, полагая, что существовал один объединенный студенческий и рабочий комитет. На самом деле никакого слияния комитетов не было.

* * *

В первых числах января (1—5 января) 1902 года состоялся съезд «Союза» в Воронеже. Последний выбран был по конспиративным соображениям и еще потому, что воронежская группа хотела принять участие в работах съезда. Наконец, отсюда надо было перевезти шрифт, приобретенный воронежцами для «Союза». Делегаты на съезд избирались комитетами. На съезде присутствовали: от Иваново-Вознесенска — Панин, от Владимира — Багаев, от Ярославля — Вайсман (Волох), пишущая эти строки и вся воронежская группа: А. И. Любимов, В. А. Носков, Л. Я. Карпов, Н. Н. Кардашев и Д. В. Костеркин. Не было делегата от Костромы (отсутствие его объясняется простой случайностью: товарищ, избранный на съезд, заболел).

В порядке дня обсуждались три основных вопроса: 1) Программа «Союза». 2) Организационный вопрос. 3) Выборы Центрального Комитета. Съезд много уделил внимания проекту программы, выработанному при ближайшем участии воронежцев. Программа, принятая на съезде, отражает борьбу течений в партии за период 1899—1901 годов и в значительной мере подводит ей итоги, отмежевываясь от «экономизма», рабочедельчества и других видов оппортунизма, но не осуждая их решительно и прямо.

В первом же пункте подчеркивается конечная цель рабочего движения — уничтожение современного капиталистического строя, и этим проводится резкое отграничение от бернштейнианства, провозгласившего: «Конечная цель — ничто, движение — все». Далее указывается, в противовес оппортунистам, полагавшим, что экономическое развитие автоматически приведет к социализму, что только путем систематической организованной борьбы пролетариат достигнет своей цели. Но в этом пункте (2-й пункт), имеющем слишком общий характер, ничего не говорится о завоевании политической власти пролетариатом, о его диктатуре, на что было указано в прениях на съезде.

Программа выдвигает как ближайшую и важнейшую задачу пролетариата низвержение самодержавия, считая, что в завоева-

нии политической свободы он заинтересован более всех других классов общества и должен выступать в борьбе за нее со своей классовой программой и как самостоятельная политическая сила. Пункт 5 отрицательно относится к совместным действиям с другими, даже революционными партиями. Пункт 6, направленный против «экономистов» и рабочедельцев, ограничивающих задачи социал-демократии выяснением и суммированием уже понятых и осознанных рабочими требований и заявлявших, что копейка на рубль дороже рабочему всякого социализма, подчеркивает, что «Союз» в своей непосредственной практической деятельности будет выяснять конечную цель движения, выдвигать крайние требования, стремясь развивать сознание рабочих, отнюдь не подчиняя своей деятельности данной степени их развития.

На севере преобладала кружковая организационно-пропагандистская деятельность. Широкие рабочие массы оставались без идейного воздействия социал-демократии. Листки выпускались редко и в ничтожном количестве сравнительно с запросами. Давно уже назрела потребность в других методах работы, и в пункте 7 указывается, что лучшим средством развития классового самосознания является агитация и что «Союз» будет выпускать листки как общего содержания, так и по поводу различных фактов политической и общественной жизни (в частности, фабричной) и распространять нелегальную литературу.

Наиболее целесообразной формой политической борьбы в переживаемый момент программа признает манифестации и демонстрации по поводу различных фактов общественной жизни и особенно в день 1 Мая.

Подчеркивая конечную цель рабочего движения, программа не игнорирует и повседневной борьбы рабочих за лучшие условия труда в рамках капиталистического строя, не противопоставляя ее борьбе за полное экономическое освобождение рабочих от ига капитала, а углубляя и расширяя ее, и считает стачку лучшим средством борьбы за жизненные интересы рабочих. Этот вопрос был самым злободневным в крайне отсталом в культурном отношении текстильном районе. Кажется, нигде в мире не было такой низкой заработной платы, какую получали владимирские, костромские и ярославские текстильщики, и такого безграничного произвола фабричной администрации, как здесь, при полном отсутствии каких-либо культурных благ для рабочих. Жилищные условия последних были ужасны. Чувство классового самосохранения толкало рабочих на борьбу со своими эксплуататорами. Стаечная борьба, на которую рабочие дружно поднимались, стойко и упорно вели ее, ярко проявляя глубоко заложенное в них чувство пролетарской солидарности, имела уже свою историю в районе. Но стачки вспыхивали и протекали большею частью стихийно, без всякого не только организационного, но и идейного воздействия социал-демократии.

Между тем объективные условия для стачечной борьбы в широком масштабе — как забастовка по производствам, районные забастовки — были в высшей степени благоприятны вследствие преобладания во всем районе текстильной промышленности и одинаковой социально-экономической обстановки жизни рабочих. Повышение жизненного уровня рабочих являлось безусловно необходимым для дальнейших успехов классовой борьбы. «Союз» не мог игнорировать эту задачу. Программа считает целесообразной не только оборонительную, но и наступательную борьбу (пункты 13 и 14) за лучшие условия труда, призывая рабочих к забастовкам при благоприятной экономической конъюнктуре и стремясь им придать наиболее широкие размеры.

Руководство забастовочной борьбой для партийной организации являлось неизбежным, ибо других организаций, которые могли бы руководить ею как профессиональные союзы, тогда не существовало. Но это подчеркивание важности экономической борьбы не означало ни в какой мере уклона в сторону «экономизма». Наоборот, обстановка напряженной забастовочной борьбы, повышая пролетарскую зоркость, впечатлительность, обостряя его классовое чувство и сталкивая непосредственно с представителями государственной власти, наиболее благоприятна для выяснения конечной цели рабочего движения и политических задач переживаемого момента. В 15 и 16 пунктах выясняется, как надо углублять и использовать экономические забастовки.

Эта программа, отправленная за границу, подверглась основательной критике со стороны заграничных товарищей-искровцев, которые своими критическими замечаниями заполнили 80 страниц¹. К величайшему сожалению, эта критика не дошла по назначению: провалилась по дороге.

После принятия программы обсуждался организационный вопрос.

Союз сконструировался как социал-демократическая организация, задающаяся целью руководить рабочим движением в соседних губерниях (Владимирской, Костромской и Ярославской) и входящая как комитет в состав РСДРП. Высшее политическое и организационное руководство деятельностью «Союза» принадлежит его Центральному Комитету, избираемому на съезде местных организаций (комитетов в расширенном составе), делегирующих своих представителей.

Система выборов не была точно установлена, однородна и не строилась на началах демократизма. Центральный Комитет должен был раз в год созывать съезд, вести сношения с другими организациями как в пределах района, так и вне его, распределять партийные силы и партийную литературу, выпускать листки. Местные комитеты по уставу должны уделять 50 процентов своих

¹ См. письмо В. И. Ленина «Северному Союзу РСДРП» (Полн. собр. соч., т. 6, с. 360—370). *Ред.*

доходов в кассу Центрального Комитета. Организационный централизм выражался в том, что районные представители, назначаемые Центральным Комитетом, входили в состав местных комитетов и проводили в них линию центра.

В сущности, «Северный союз» был областной организацией, Центральный Комитет которого по своим функциям соответствовал областному бюро (в теперешнем понимании этого органа). Взаимоотношения между Центральным Комитетом и местными комитетами были аналогичны отношениям областного бюро к организациям, входящим в его состав, как они определяются теперь.

Попытка же выработать особую программу для «Союза» объясняется тем, что партия тогда не имела ни общепартийной программы, ни Центрального Комитета, а между тем потребность в планомерной работе живо сознавалась, и местным деятелям волею-неволею приходилось самим заниматься составлением программ и удовлетворяться произведениями собственного творчества.

В Центральный Комитет «Союза» были избраны М. Багаев, Н. Панин, пишущая эти строки, Вайсман и Е. Дюбюк, причем были распределены и районные представители: Панин — в Иваново-Вознесенск, Багаев — во Владимир, Вайсман — в Кострому, Дюбюк и я, как секретарь комитета, должны были оставаться в Ярославле.

Воронежская группа снабдила нас шрифтом и другими типографскими принадлежностями. Панин, Багаев и Вайсман захватили их с собой на север, направив сначала в Иваново-Вознесенск, где рассчитывали устроить типографию, а потом перед своим арестом Панин успел все перевезти в Кострому.

После съезда работа оживилась. Установилось очень тесное общение между организациями в районе. Идейное и организационное единение укрепилось. Комитеты усилили свою агитационную деятельность, выпуская листки, распространяя нелегальную литературу, последний транспорт которой был получен в феврале 1902 года. «Искра» доставлялась в значительном количестве, но спрос на нее во много раз превышал предложение.

Студенческие волнения в Ярославле продолжались. Студенческий комитет выпускал листки к обществу, к рабочим и оказывал услуги социал-демократическому комитету. Велась переписка об устройстве совместной демонстрации, рабочей и студенческой.

Деятельность «Союза» распространялась на новые промышленные пункты. Багаеву удалось познакомиться с сельским учителем села Вешки Меленковского уезда Иваном Деевым и крестьянином того же села Александром Хлыновым и через них завязать сношения с рабочими завода «Гусь-Хрустальный», организовав там социал-демократический кружок и направляя туда нелегальную литературу. Затем он завел сношения с Орехово-Зуевом, Ковровом и Муромом. Н. Н. Панин (Гавриил Петрович) с большим успехом работал в Иваново-Вознесенске. Будучи руководителем организации, состоявшей исключительно из рабочих, он

очень тесно был связан с ними, «работал на низах» в полном смысле этого слова, руководил всеми собраниями, вел пропаганду и в то же время писал листки и сам их печатал. Костромской комитет, в состав которого входили Н. П. Богданов, М. С. Александрова, И. П. Александров (питерский рабочий) и Александр и Василий Заварины, заявлял о своем существовании выпуском листков.

Но тучи уже собирались над «Союзом». Жандармские набеги начались с Ярославля. В ночь на 20 января 1902 года, во время выхода рабочих ночной смены, во дворе Ярославской Большой мануфактуры были разбросаны в большом количестве гектографованные и печатные листки: «Ко всем ярославским рабочим от Ярославского комитета Российской социал-демократической рабочей партии», «Ко всем русским рабочим», «Обещания капиталистов и фабричные законы» и др. Это поставило на ноги полицию.

Заподозренные в разбрасывании воззваний, рабочие Василий Варакин, Николай Новожилов и Василий Малков, а также 12 рабочих, составлявших, по агентурным сведениям, кружок организаторов подготавливавшихся беспорядков на фабрике... подвергнуты личному задержанию и содержались в ярославской губернской тюрьме. Эта группа рабочих была арестована 21 января. Затем последовал еще целый ряд обысков и арестов. 23 января арестованы рабочие Рыжков и Герасим Колесников, член Ярославского социал-демократического комитета, а 25 января — Николай Антонович Лужанский (Зарохович) и студент Константин Рабинович. Потом подверглись аресту типографский корректор «Северного края» Александр Лаптев и студенты Демидовского лицея Леонов, Першин, Завадский, Киприков, М. Кедров и др.

Следует отметить, что независимо от Ярославского социал-демократического комитета вели пропаганду среди рабочих Ярославской Большой мануфактуры корректор А. Лаптев и студент Леонов, тяготевшие к «Рабочему делу». За месяц до арестов Колесников и Вайсман подняли вопрос об объединении с кружком Лаптева, предлагая объединиться снизу, привлекая отдельных рабочих; Федор Калинин, ткач, входя в лаптевский кружок, стал посещать собрания и у Зароховича, где встречался и с Вайсманом. После ареста Калинин выдал Колесникова и Зароховича (Лужанского), заявив на допросе, что прокламации получил от последнего. Кроме того, указал, что Колесников прятал нелегальную литературу в дровах, где полиция ее и разыскала. Вайсман уцелел потому, что Федор Калинин не знал ни его фамилии, ни его квартиры.

В течение февраля и марта обыски и аресты не прекращались, причем внимание жандармов особенно привлек студенческий комитет, который они объединили с Ярославским комитетом РСДРП на основании неточных или прямо неверных сведений своего осведомителя Леонида Волкова, гимназиста восемнадцати

лет, сына учителя Ярославской Большой мануфактуры. Последний показал, что «в январе 1902 года он, Волков, познакомился со студентом Константином Феликсовым Копачелли, который тогда же стал рассказывать ему, свидетелю, о готовящихся беспорядках, которые хочет устроить как на фабрике, так и на улице некоторый кружок студентов, к числу которых Копачелли причислял и себя. Причем Копачелли высказывал, что кружок этот присвоил себе наименование Ярославского студенческого комитета и комитета РСДРП, и называл членов этого комитета... Копачелли высказывал Волкову свое пренебрежительное отношение к тем студентам, которые желали устроить беспорядки в лицее, но были против уличной демонстрации; сам же Копачелли стоял за такую демонстрацию, в которой предполагалось толпой, с красными флагами пройти к фабрике Корзинкина (Большая мануфактура) и, соединившись там с рабочими, идти затем по городу вместе с ними. Копачелли показывал даже как-то Волкову и красный флаг без древка, на котором была печатная надпись: «Социал-демократическая партия», и при этом говорил, что таких флагов запасено много и все они хранятся у студента Першина». Прокурор Ярославского окружного суда в своем представлении прокурору Московской судебной палаты пишет: «По делу о Ярославском студенческом комитете (он же Ярославский комитет Российской социал-демократической рабочей партии)»...

Между тем показания Леонида Волкова совсем не соответствовали действительности. Ярославский комитет РСДРП был самостоятельным и никогда не сливался со студенческим комитетом; членами его в то время были Дюбюк, Вайсман, я, Зарохович (Лужанский) и Герасим Колесников, и ни один из указанных Волковым студентов в его состав не входил, но всякую помощь квартирами, печатанием листов они оказывали. Связь со студенческим комитетом поддерживалась через М. С. Кедрова и А. А. Локтина. Переговоры о демонстрации между комитетами велись, предполагали устроить совместно и рабочую и студенческую демонстрацию 19 февраля, развернув предварительно широкую агитацию, но вследствие массовых арестов оба комитета вынуждены были отказаться от этого плана.

Ярославское жандармское управление создало общее дело «о преступных кружках, образовавшихся среди рабочих Ярославской Большой мануфактуры, и о Ярославском студенческом комитете и Ярославском комитете Российской социал-демократической рабочей партии», «задавшемся целью путем уличных демонстраций и распространения революционных воззваний возбудить среди рабочих недовольство существующим положением, добиться единения рабочих на почве недовольства со студентами и хотя бы в отдаленном будущем достигнуть изменения существующего в России монархического образа правления и ниспровержения верховной самодержавной власти». Все арестованные в течение четырех месяцев (января — февраля — марта — апреля) в коли-

честве 63 человек были привлечены к этому делу по ст. 250 Уложения о наказаниях. В числе обвиняемых оказались: 40 рабочих, 19 студентов и 4 земских служащих.

Все арестованные, за исключением Герасима Колесникова и Зароховича (Лужанского), переданных в распоряжение московского губернского жандармского управления, после кратковременного предварительного заключения были освобождены до приговора. Вайсман, уже скомпрометированный и выясненный жандармами... своевременно уехал сначала в Иваново-Вознесенск, а потом перебрался в Кострому. М. С. Кедров в конце августа был арестован уже в Москве по делу студенческого комитета. Федор Калинин указал и на меня, но моего адреса и фамилии не знал и видел только один раз.

Повторявшиеся жандармские набеги больше всего отозвались на не окрепшей еще, не успевшей пустить глубоких корней рабочей организации, снова разрушенной почти до основания. После 20 января Ярославская Большая мануфактура была переполнена шпиками. Провокаторы и предатели еще не были выяснены. Взаимная подозрительность усилилась. Создалась крайне тяжелая обстановка на фабрике для продолжения работы и восстановления организации. Комитет решил сосредоточить работу среди железнодорожных рабочих, стремясь здесь создать рабочее ядро. Рассчитывали на помощь иваново-вознесенской организации, которая могла бы направить опытных рабочих. К сожалению, в Иваново-Вознесенске было уже беспокойно. Слышались первые раскаты надвигавшейся грозы.

В конце января провалилась организация в Кохме, выданная лавочником Черкасовым. Были арестованы руководители кружка: Иван Китаев, Флегонт Шибаев, Алексей Кувенев, Алексей Тюрин и др. В связи с этим провалом начались обыски и аресты в Иваново-Вознесенске. У Александра и Клавдии Кирыкиных при обыске обнаружена нелегальная библиотека томов в триста. Поддерживавшие сношения с Кохмой Григорий Афонин, Иван Ноговицын, Игнатий Найденов и другие рабочие были арестованы, причем у всех захвачена нелегальная литература. Григорий Афонин, будучи привлечен к дознанию, дал подробные показания вообще и в частности относительно Гавриила Петровича (Панина), выяснив его роль как руководителя организации.

Гавриил Петрович снимал квартиру за пределами города, в каком-то непроходимом овраге, куда ни шпики, ни жандармы не решались проникать, у семидесятилетнего глухого старика Аввакума Малкова и жил без прописки. Никто не знал его квартиры, за исключением Володиной, члена комитета, и Екатерины Васильевны Иовлевой, преданнейшей пособницы социал-демократической организации и с самого начала существования последней охотно выполнявшей всякие конспиративные поручения. Когда начались обыски и аресты, она и подыскала Панину такую безопасную квартиру. Жандармы, осведомленные Афониним, начали усилен-

ные розыски, устроили облаву, обыскав в один вечер все квартиры, к которым Панин имел какое-либо отношение. 28 февраля он был арестован и засел крепко: у него нашли гектограф, только что отпечатанные прокламации, программу «Северного союза», устав местной организации, нелегальную литературу (последние номера «Искры») и подложный паспорт. По одному иваново-вознесенскому делу он получил пять лет ссылки в Иркутской губернии.

Провалился не только комитет, состоявший из Панина, Е. Володиной, Александра Кирякина, И. Найденова и В. Маева, но и фабрично-заводские организации, представители фабрично-заводских групп или уполномоченные. Вместе с Паниным были арестованы и привлечены к дознанию рабочие, всего 44 человека; по приговору большинство было выслано в Вологодскую, Вятскую и Архангельскую губернии. Итак, разгромлена была наиболее сильная и тесно связанная с массами организация, отличавшаяся своеобразным строением. Сознательные рабочие каждой фабрики составляли фабрично-заводское собрание, которое избирало коллектив из казначея, заведующего партийными сборами, библиотекаря, распределявшего нелегальную литературу, и уполномоченного или представителя, связанного с комитетом.

Фабрично-заводской коллектив руководил работой на фабрике, а собрание уполномоченных объединяло эту работу под руководством комитета. Пропагандистские кружки, в которые входили рабочие разных фабрик, не сливались с фабрично-заводскими группами, хотя создавались при содействии последних. Таким образом, комитет через собрания уполномоченных и фабрично-заводские коллективы был связан с массами. Следует отметить, что правила конспирации соблюдались плохо. Руководителей движения знали не только члены фабричных групп, но и беспартийные рабочие. Это в значительной мере объясняется тем, что руководителями являлись рабочие, связанные с фабрикой, а в повседневной жизни — с рабочей средой, которым невозможно было конспирироваться.

Жандармские набеги в Ярославле и Иваново-Вознесенске внесли замешательство в работу, дезорганизовали ее, заставили отказаться от устройства первомайской демонстрации, затормозили постановку типографии. Оставались невредимыми владимирская и костромская организации, но дни и их существования также были сочтены. Начало 1902 года ознаменовалось разгромом искровских организаций в Москве, Киеве и других местах. 16 февраля 1902 года на границе был арестован студент тов. Таланов, у которого захвачена печать «Северного союза» и Костромского комитета. Затем провалилась большая переписка — критика программы «Союза» и письма. Наконец, в департамент полиции попали адреса, явки и пароли «Северного союза», открыв доступ провокаторам в его организации. Они не заставили себя долго ждать и скоро явились.

Инициатива ликвидации «Северного союза» исходила не от местных жандармских управлений, которым был не известен ни состав Центрального Комитета «Союза», ни местных комитетов, а от департамента полиции, куда попали адреса, явки и пароли «Союза», отобранные у тов. Блюменфельда при переезде его из-за границы в Россию. Департамент полиции решил взорвать «Союз» изнутри, направив с добытыми адресами и паролями провокатора. Выбор пал на Меньщикова, помощника начальника московского охранного отделения Зубатова. Сначала Меньщиков явился к воронежским товарищам, которые направили его в Ярославль ко мне, как они обычно делали с партийными работниками, желающими работать на севере. 2 апреля М. А. Дидрикуль сообщила мне о приезде товарища. Я назначила ему свидание в квартире Е. Н. Новицкой. Приезжий «товарищ» неприятно поразил меня своим тучным, упитанным видом и маловыразительным лицом. Задав ему несколько вопросов, я убедилась, что он был в Воронеже, виделся там с Любимовым, Кардашевым и др., и первое невыгодное впечатление у меня сгладилось. Приезжий назвал себя Иваном Алексеевичем. Говорил он немного, но его замечания указывали на знакомство с партийными программами и революционными деятелями.

В начале марта провалилась иваново-вознесенская организация. Панин и много рабочих были арестованы. Иванововознесенцы требовали присылки работника. Я предложила Ивану Алексеевичу поехать в Иваново-Вознесенск. Он не отказался, но пожелал предварительно познакомиться с костромской и владимирской организациями, пароли к которым он имел. Но «на ловца и зверь бежит», как говорит пословица. Как раз во время нашей беседы, к несчастью, явился другой товарищ, назвавшийся Владимиром Михайловичем Бронером (Ф. Гурвич-Дан), приехавший в тот же день и с таким же паролем, что и первый. Я познакомила его с Иваном Алексеевичем как с товарищем, только что прибывшим из Воронежа от «американцев». Бронер очень заинтересовался этим обстоятельством и спросил: не встретил ли он в Воронеже Бродяги, к которому Иван Алексеевич проявил не меньший интерес; словом, судьба Бродяги сблизила их.

Началась общая беседа. Оказалось, что Бронер участвовал на конференции в Белостоке как делегат от редакции «Искры». Он очень подробно, живо и остроумно описывал ту борьбу с рабочедельцами, которую ему пришлось там выдержать. Глубоко возмущался действиями Петербургского комитета, взявшего на себя задачу созвать съезд и разославшего искровским группам приглашения так, что они их или совсем не получили, или получили с запозданием. Приехал только нижегородец, да и тот покинул совещание, не дождавшись его конца. Бронер оказался единственным искровцем, но ему удалось добиться своей цели. Попытка конституирования съезда большинства не получила. Совещание признано

было только конференцией, на которой участвовали делегаты от ЦК Бунда, заграничного «Союза русских социал-демократов», «Заграничного комитета Бунда», от редакции «Искры», Петербургского комитета и «Южного рабочего».

Конференция приняла проект первомайского воззвания «Искры» с незначительными поправками и выбрала организационную комиссию по созыву действительно общепартийного съезда за границей. Бронер передал мне постановления конференции и корректурный экземпляр первомайского воззвания для снятия копии, сообщив, что оно будет напечатано в типографии «Искры» в количестве 100 тысяч экземпляров. Я просила его уделить для «Союза» 10 тысяч, затем сообщила о разгромах иваново-вознесенской организации, об арестах в Ярославле, что заставляет «Союз» отказаться от устройства первомайской демонстрации и ограничиться распространением листовок и собраниями за пределами города.

Я условилась с Бронером увидеться на следующий день, но от этого свидания пришлось отказаться. Утром у квартиры Петрова, где он остановился, уже дежурили шпики, появление которых большой тревоги не возбудило, потому что убийство Сипягина вообще поставило всю полицию на ноги. Но Ивана Алексеевича шпики совсем не смущали, ему удалось еще раз увидеться и поговорить с Бронером. Последний в этот же день вечером уехал в Москву и 4 апреля тотчас по приезде был арестован на Ярославском вокзале. А Иван Алексеевич, ободренный первой удачей, направился в Кострому, где его ожидали не меньшие успехи. Повидавшись с Богдановым, он попал к Марье Сергеевне Александровой, члену комитета, у которой на квартире происходили конспиративные собрания, собирался комитет и печатались листки. В костромских товарищах Иван Алексеевич не возбудил никаких сомнений, они были с ним вполне откровенны, информируя его подробно о своей работе.

Второй раз я встретилась с Иваном Алексеевичем во Владимире у Панкратова и Багаева 10 апреля. Я приехала, чтобы вместе с Багаевым обсудить план празднования 1 Мая, способ распределения и распространения первомайских листовок и, кстати, выяснить вопрос о вновь прибывшем товарище, куда его направить и какую работу ему дать. Иван Алексеевич совсем не нравился Багаеву, казался странным, и только одно обстоятельство смягчало его недоверие: он приехал с паролем, установленным только с В. А. Носковым. Мы решили наблюдать за вновь прибывшим, но не успели еще как следует проверить своих впечатлений, как очутились за решеткой, и тогда уже у нас сомнений больше не было, сразу прозрели и поняли, что Иван Алексеевич — провокатор.

Я провела во Владимире только один день. При возвращении на Владимирском вокзале меня осаждали шпики, причем я невольно вспомнила Ивана Алексеевича и приготовилась к аресту. Но

час моей неволи, по-видимому, еще не пробил. Я благополучно добралась до Ярославля, не заметив здесь за собой уличного наблюдения.

Уезжая, Бронер обещал скоро написать и выяснить окончательно вопрос о первомайских листовках, причем предупредил, что он может провалиться, предлагая самим быть готовым к их печатанию. Прошло дней десять, а от него не было никаких вестей. Пришлось примитивным способом готовить листки и в ограниченном количестве. Распространить их до провала «Союза» все-таки удалось. Иван Алексеевич тоже предлагал свои услуги по доставке первомайских листовок, дал мне адрес (Киев, Подвальная, дом Витгенштейна), по которому я могла сделать запрос, если не получатся листки от Бронера. Я адрес зашифровала, но не написала, полагая, что из этой переписки никакого толку не получится.

При обыске этот адрес у меня отобрали. Московское жандармское управление после ареста направляет его в департамент полиции для расшифровки, а затем обращается к киевскому жандармскому управлению с просьбой выяснить обитателей дома Витгенштейна и в ответ получает: «Такого дома на Подвальной улице не значится». Адрес был придуман и мой запрос был нужен, чтобы иметь лишнее вещественное доказательство.

Пребывание Ивана Алексеевича на севере было кратковременным, мимолетным: он два дня провел в Ярославле, столько же в Костроме и несколько дней во Владимире. Но последствия этого провокаторского налета оказались самыми трагическими для «Союза». Победа наглому провокатору досталась легко. Он мог гордиться своими успехами перед департаментом полиции, так как попал в самый центр организации. К нему сначала отнеслись с доверием, как к товарищу, приехавшему работать. Это доверие подкреплялось тем, что он был направлен воронежскими товарищами, которые отличались осмотрительностью и производили строгий экзамен работникам, посылаемым на север. Наконец, он явился, как казалось, с «очень надежными паролями». Помогли ему и такие случайности, как встреча с Бронером. Притом же воронежская группа, как потом выяснилось в тюрьме, была арестована в тот же день, когда Иван Алексеевич ей нанес визит, — 30 марта. Но письмо с известием об этих арестах до нас не дошло, застряло по дороге; и с этой стороны предостережения не последовало.

Итак, «Союз» только что начал планомерную работу, укрепляя идейное и организационное единство, расширяя свое влияние, захватывая новые промышленные пункты, — и в этот момент деятельность его была прервана... провокаторским налетом и опустошительным жандармским набегом, действие которого оказалось тем разрушительнее, что распространялось на весь район, и в то время, когда местные организации были уже ослаблены предшествовавшими массовыми арестами. «Союзу» был нанесен удар,

от которого он долго не мог оправиться и восстановить организацию в прежних размерах. Снова оживла организационная обособленность, но идейное влияние «Союза» оставило глубокие следы. Борьба, начатая в районе с «экономизмом», рабочедельчеством, вообще со всеми видами оппортунизма, дала весьма ценные результаты. Комитеты и группы, входившие в «Союз», и в последующие годы крепко держались позиции революционной социал-демократии, оставаясь верными ее принципам. Эту работу «Союза» не удалось разрушить даже очень опытным и искусным провокаторам.

Наметившийся после II съезда партии среди части искровцев уклон в сторону оппортунизма в форме меньшевизма не нашел никакого отклика в районе «Союза». Меньшевизм здесь никогда никаким влиянием не пользовался. Разумеется, это объясняется не одной деятельностью «Союза», но и влияние последнего вне сомнений. Одну из своих задач «Союз» выполнил удачно, создав в районе опору революционной социал-демократии. Комитеты района всегда оставались большевистскими.

*Пролетарская революция, 1922, № 9,
с. 10—34*

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ В 1900—1903 ГОДАХ

В 1900 году, когда мы с женой начали вести социал-демократическую пропаганду среди рабочих в Нижнем, там не было какой-либо правильной организации, по крайней мере в самом городе: сохранялись связи с отдельными рабочими у отдельных лиц из интеллигенции, но какого-либо объединения и общей работы не было.

В Нижнем был большой погром в 1896 году, когда многочисленными арестами и высылками ведшаяся до того времени социал-демократическая работа была в корень подорвана, и правильная организация долго не могла наладиться.

Нам пришлось положить немало труда, чтобы завязать связи с рабочими, пока мы не разыскали нитей, по которым установили связь с Курбатовским заводом, и к весне 1900 года у нас был кружок молодежи с этого завода. Впоследствии он явился основным ядром организации социал-демократов в городе. Мы с женой в это время были пропагандистами-кустарями, без связей с другими работниками, работавшими в то же время в Сормове, и без связей с центром. Наши взгляды по вопросам тактики не отличались особой оформленностью.

Установлению связей с центром помог случай.

Весной 1900 года в Нижнем был проездом В. И. Ульянов, который по дороге не упускал случая завязывать связи на местах. В Уфе, где в то время жила в ссылке Н. К. Крупская и сестра моей жены О. И. Чачина, Владимиру Ильичу указали на меня как на человека, ведущего социал-демократическую работу в Нижнем. Поэтому Владимир Ильич зашел ко мне. Так как я его раньше не знал, никаких паролей у него не было, то я отнесся к нему сначала довольно недоверчиво, но потом, втянутый в беседу, стал излагать свои взгляды. Владимир же Ильич с большой силой обрушился на меня за их неправильность и непоследовательность.

В результате полуторачасовой беседы я был сильно сбит со своих позиций. Окончательное обращение мое и моей жены было завершено этим же летом в Уфе, куда мы с женой уехали на лето и где мы через О. И. Чачину познакомились с Н. К. Ульяновой (Крупская); туда же приехал Владимир Ильич. Встреча с ними закончила наше идейное обращение и сделала нас их верными последователями на все последующее время. При этом была установлена и организационная связь с ними, которая сохранялась

все время до высылки моей из Нижнего в 1904 году. Сношения были налажены так правильно и регулярно, что Нижний был постоянно в сфере влияния возникшей в дальнейшем «Искры»; правильно снабжался литературой и своевременно информировался из центра (из-за границы) через Н. К. Ульянову. Благодаря этому нижегородская организация, по крайней мере ее большинство, все время в своей тактике сохраняла большевистский характер. Надо сказать, что эта уфимская встреча не только была решающей в смысле идейном, но и дала сильный толчок к дальнейшей работе; весьма возможно, что наши кустарнические усилия в дальнейшем ослабели бы, если бы не установилась эта связь с тов. Лениным.

Зимой 1900/01 года нами продолжается пропагандистская работа с уже возникшими кружками и завязываются новые связи — с заводом Доброва и Набоголец, котельным заводом на Моховых горах, с городскими ремесленниками.

Большим умением в деле связей отличался Григорий Яковлевич Козин, котельщик с Курбатовского завода. Он был прикосновенен к социал-демократической работе еще с 1896 года. В Нижнем и окрестностях у него было много знакомств на заводах и старых связей. Медлительный в речи и движениях, он обладал большим умением разбираться в людях и с большой ловкостью привлекал новичков. Первыми и наиболее усердными учениками нашими были Григорий Иванович Рыбаков и Михаил Алексеевич Комин, в то время еще почти мальчики, оба курбатовские рабочие. В то время как другие ограничивались посещением кружковых занятий и чтением популярных брошюр, эти двое просили вести с ними серьезные занятия отдельно. Эти занятия вела с ними жена и основательно проходила с ними политическую экономию, давала им читать более серьезные книги, а не только брошюры, вела беседы о прочитанном...

Только весной 1901 года наконец устанавливается у нас связь с товарищами, работавшими в Сормове, — Десницким и Ладыжниковым (из интеллигенции) и рабочими братьями Заломовыми, Самылиным, Гариновым, братьями Барановыми и др. Хорошо памятно мне первое, как бы организационное собрание в сормовском лесу. Оно было обставлено очень конспиративно. По плану И. П. Ладыжникова, который был великим конспиратором, мы должны были выйти из дому в 5 часов утра, затем путь наш должен был лежать не по мосту, а на лодке через Оку на Сибирскую пристань; дальше берегом Волги; это огромный крюк. Идти мы должны были, конечно, порознь. Придя на место, мы нашли там спящего прямо в траве Самылина. Со смехом его подняли и поставили на ноги...

На собрании была установлена организационная связь на дальнейшее время и распределена работа, причем нам по-прежнему была поручена работа в городе, а Ладыжников и А. Ф. Войткович, привлеченные также на это собрание, должны были сноситься

с Сормовом. Был образован комитет¹, в который вошли я, Ладыжников, Войткович и Заломов-старший (Петр Андреевич). Далее обсуждался вопрос об участии в выборе фабричных старост и об организации кооперативной лавки в Сормове, и решено в том и другом деле принять самое энергичное участие и провести своих людей, что в дальнейшем вполне удалось, и во главе правления лавки в качестве председателя проведен был Г. И. Гаринов, оставшийся в этой должности до конца своей службы на заводе...

В правление лавки прошли и некоторые другие товарищи. Затем обсуждались некоторые технические вопросы, как-то: об организации распространения прокламаций и литературы, об устройстве самодельного мимеографа и т. д. Выборов фабричных старост как будто не состоялось совсем.

Между прочим, дальнейшие последствия этого решения показали, что проводить в легальную организацию наиболее деятельных товарищей не следовало, потому что они ушли с головой в эту работу и, таким образом, были потеряны для нелегальной работы.

Большую работу для нашей организации составляло в то время устройство печатания прокламаций. Пока приходилось довольствоваться гектографом, потом удалось товарищам-рабочим сделать мимеограф, но поставить мимеографию долго не удавалось. Это сильно тормозило агитационную деятельность и приходилось главным образом работать в кружках, расширяя сферу влияния путем переброски связей в новые пункты и путем привлечения новых работников интеллигентов-пропагандистов. Так были образованы в зиму 1901/02 года ячейки на некоторых заводах в Канавине; особенно ценной была связь с Большой мануфактурой в Молитовке. Но опять-таки отсутствие типографии не давало возможности использовать эти связи для широкой агитации среди массы рабочих.

Таким образом, получалась широкая сеть связей с фабриками и заводами, которая перебрасывалась даже за пределы Нижнего, например в Городце, Кулебаках и других местах губернии, но влиять можно было только теми скудными запасами литературы, которая получалась в Нижнем, да редкими свиданиями с приезжавшими из этих пунктов товарищами. 1 Мая 1902 года было решено устроить демонстрацию в Сормове и этим всколыхнуть рабочие массы. Для Сормова это было вполне осуществимое дело, так как там была самая крепкая и многочисленная организация и, кроме того, в ее рядах были такие крупные работники, как Заломов, Барановы, Павлов и др.

Что касается города, то по этому поводу голоса разделялись: старые члены организации, как мы, Ладыжников (Войткович в это время был уже в ссылке), были против демонстрации в горо-

¹ Нижегородский комитет РСДРП. Образован в 1901 г. на базе социал-демократической искровской группы. В 1902 г. признал «Искру» своим руководящим органом. *Ред.*

де, так как не рассчитывали на большое число участников ввиду разбросанности рабочего населения, молодежь же, как А. И. Доброхотова, С. И. Моисеев (Илья), Лубоцкий (Загорский) и др., горячо стояла за устройство демонстрации и ни за что не хотела отказаться от этой мысли, несмотря на возражение большинства комитета. Хотя мысль о демонстрации возникла давно, но практически подготовка началась лишь весной. Зиму же велась пропагандистская работа в значительно расширившемся масштабе...

По мере приближения 1 Мая все более обострялась рознь в Нижнем между старыми и новыми членами организации из-за вопроса о майской демонстрации в городе. Происходили бурные собрания на лесу (Марьиной роще) вместе с членами организации — городскими рабочими, из которых большинство было против демонстрации, но горячие головы стояли на своем.

Наступило 1 Мая. И в Сормове, и в городе состоялись демонстрации. В Сормове это вышло очень внушительно; демонстранты успели несколько раз пройти по улице с развернутым знаменем и пением при огромном стечении зрителей. Самое ядро демонстрации было тоже довольно внушительное. Явившиеся казаки рассеяли демонстрантов, причем арестованы были Заломов, Самылин. Впечатление от демонстрации было очень сильное во всех слоях населения как в самом Сормове, так и в городе.

Городская демонстрация, как мы и предвидели, была совершенно неудачна. Небольшие кучки молодых людей, главным образом интеллигентов, собрались на бульваре около крепостной стены, где они и были немедленно рассеяны полицией. Доброхотова и Моисеев были арестованы. Все было так незаметно, так скоро окончилось, что даже не привлекло внимания гуляющей на откосе обывательской публики. Таким образом, несколько молодых энергичных товарищей было вырвано из рядов без пользы для партии.

Нужно было организовать защиту, подготовить печатание речей товарищей на суде. Речи должны были быть агитационного характера, чтобы через головы судей обращались к широким рабочим массам. Поэтому было совершенно необходимо их издать. Лучшие адвокаты города взяли на себя защиту, из Москвы приехали Маклаков, Муравьев. Сами арестованные энергично готовили свои речи. Дело было ясное, судебное следствие скоро было закончено, и состоялся суд, на котором товарищи произнесли свои речи. Приговор был довольно милостив — поселение. Издание речей удалось, хотя не в Нижнем; были изданы речи Заломова, Самылина, Доброхотовой в большом числе экземпляров, и впервые нижегородская организация имела богатый агитационный материал, который был распространен во всех местах, где были связи, к этому времени уже очень многочисленные.

Эффект был очень большой; это был блестящий результат организационной работы 1900—1902 годов. Но в то же время это был жестокий удар по организации. До тех пор вырывались из организации отдельные товарищи, хотя и очень ценные: были аре-

стованы и высланы Войткович, М. В. Тихомирова в 1901 году. Здесь же сразу вышло много очень крупных работников: особенно тяжела была потеря П. А. Заломова, который был душой сормовской организации. Это очень обессилило организацию, но тем не менее организация уцелела, связи сохранились везде, вместо арестованных стали выдвигаться новые вожаки: место Заломова в Сормове занял Митя Павлов, менее глубокий, но более энергичный и подвижный. Его на эту роль благословил сам Заломов, и заранее было решено на одном из организационных собраний, что во время демонстрации Павлова нужно сохранить.

Отсутствие типографии по-прежнему тормозило работу. Осенью 1902 года в Нижний приехал из Одессы партийный товарищ — сапожник с женой-наборщицей, и решено было воспользоваться ими, чтобы поставить типографию. К этому времени товарищи-типографы натаскали шрифта, немного, правда, но для прокламации достаточно, и был устроен очень примитивный типографский станок. По своей технической ценности он далеко уступал даже хорошему мимеографу, но для нас важно было выпускать именно печатные прокламации, так как это очень импонировало широким рабочим массам. Но эта типография все же не могла удовлетворить: работа шла очень медленно, нечисто.

Наконец уже поздней осенью при помощи А. М. Горького удалось достать настоящую типографию, богато оборудованную шрифтом и необходимыми принадлежностями. Но тут разразилась беда: был сделан обыск у И. П. Ладыжникова, и у него нашли кассовый отчет комитета, составленный и написанный моей женой Е. И. Пискуновой. Иван Павлович был арестован, отчет приписали ему, и он засел очень прочно. Только после его ареста мы узнали, что типография, запакованная в ящиках, хранится у него на чердаке дома. При обыске ее не нашли, но могли каждую минуту прийти вторично и натолкнуться на нее. У ворот дома, где жил Иван Павлович, дежурил шпион.

В то же время хозяева квартиры, где жил Иван Павлович, мирная семья учителя кадетского корпуса, также могли что-нибудь испортить по своей наивности, рассказав неосторожно о каких-то ящиках на чердаке. Нужно было немедленно их убрать. Сделать это можно было только самим, при этом так, чтобы шпион у ворот не успел помешать; нужна была хорошая лошадь, место, куда типографию отвезти. Лошадь нам дал доктор Н. И. Долгополов (впоследствии член II Государственной думы), место для того, чтобы спрятать типографию, нашли в психиатрической колонии в Ляхове. В назначенное время вечером пришел на бывшую квартиру Ивана Павловича Захаров, бухгалтер сормовской кооперативной лавки, партийный товарищ, приглашенный на эту должность правлением, которое состояло из своих людей. Захаров был знаком с хозяевами и должен был подготовить их. Затем пришли я и А. В. Яровицкий. Последним должен был подъехать И. В. Цветков на лошади.

Захаров беседовал с хозяевами, а мы с Яровицким снесли все ящики к парадной двери и стали ждать. Положение было очень интересное: в гостиной Захаров со старушкой, матерью хозяина, ведут мирную беседу, в комнате так уютно, красиво; мы с Яровицким сидим в прихожей над ящиками с типографией, в нескольких шагах от парадной двери к калитке жметесь шпион и не сводит глаз с двери. Раздается звонок, мы отворяем, у дверей И. В. Цветков с лошадей. В два приема мы подхватываем ящики, ставим в сани, я и Цветков садимся, рысак трогается, и мы мчимся по улице. Шпион выскакивает на середину тротуара и недоумевающе смотрит вслед. Ему в жертву остаются Захаров и Яровицкий, за которыми он долго бежит по улице, пока им не попадается извозчик, и они в свою очередь ускользают от шпиона. Рысак бодро несет нас с Цветковым по улицам. На Полевой навстречу попадает полицейский разъезд, но пропускает нас, не обратив на нас никакого внимания. В поле на Арзамасском шоссе крутит сильная метель, но дорога большая, наезженная, обсаженная березами, и мы едем без приключений. Метель все разыгрывается и, когда мы подъезжаем к свертку на Ляхово, метет с такой силой, что трудно ехать даже и по большой дороге.

Мы ищем дорогу в Ляхово, но везде вязнем в сугробах; берем влево, берем вправо, вылезает из саней и щупаем ногами, дорога исчезла. Мы не знаем, что нам делать: ехать в город нельзя, оставаться в поле — замерзнешь. Решили выбрать приметное место и зарыть ящики в снег, чтобы взять их потом. Нашли небольшой овражек, окруженный кустарником, снесли в него ящики, засыпали снегом. Теперь мы были без опасного груза, но возвращаться в город было слишком поздно, да и вьюга все не утихала. В этом месте поблизости в то время был какой-то постоялый двор, куда мы и завернули. Там оказалась артель рабочих. Мы назвали приказчиками и вступили с ними в беседу.

У них был хлеб, водка, а мы были страшно голодны и устали от всех приключений; предложили им продать нам хлеба, но оказалось, что хлеба продавать нельзя; тогда мы предложили продать водку, что оказалось вполне допустимым по их кодексу. После этого мы взаимно угостили друг друга, к общему удовольствию, — мы их водкой, они нас хлебом, после чего легли немного отдохнуть. Утром мы вернулись благополучно в город. Типография была спасена. У Ладыжникова был вторичный обыск, но было уже поздно.

Все же было мало утешительного, что типография лежала в снегу. Надо было ее пустить в дело. К этому времени в Нижний приехал давнишний партийный работник — рабочий из Иваново-Вознесенска Н. Н. Кудряшев. Он взялся поставить нашу типографию. Решено было открыть мелочную лавочку, где и поместить типографию. Лавочка давала возможность легко сноситься с типографией, не возбуждая подозрения. Через того же А. М. Горького достали денег на это предприятие. Было снято Н. Н. Кудряшевым

помещение под лавочку на Телячьей улице, где уже прогорел не один предприниматель, но это было неважно. В лавочке поселилась под видом жены торговца приехавшая из Казани партийный товарищ по имени Зоя... Лавочка наполнилась всяким хламом: сеledками, кислой капустой, папиросами и т. д. и приобрела вид обычной мелочной лавчонки. Хозяева были люди обходительные, мелкие покупатели охотно забегали покупать что-нибудь по мелочи, а постовой городской сплошь и рядом заседал в лавочке и угощался дешевой папиросой.

Для типографии отведен был подвал. Типография к этому времени была уже отвезена в Ляхово. Мы с Кудряшевым перевезли ее в лавочку. Пустая и глупая случайность по дороге чуть не погубила все дело: мы едва не наехали на какого-то почтенного обывателя, который возвращался от всеношной, чем навлекли его сильный гнев на нас. Он грозил отправить в полицию, замахивался на нас палкой и бранил нас, как только ему хотелось, а мы покорно готовы были все перенести, только бы не иметь дело с полицией. Наше смирение его смягчило, и мы благополучно проследовали дальше.

Наша типография получила, между прочим, большой заказ на печатание первомайских прокламаций (перепечаток из «Искры»), чтобы обслужить Поволжье; заказано было изготовить 15 пудов. Типография интенсивно работала. Кроме хозяев, то есть Кудряшева с женой, которые заняты были лавочкой, в типографии жило постоянно трое работников, они, собственно, и были заняты печатанием. Условия работы были ужасны: типография помещалась в подполье, которое в одном месте было углублено настолько, чтобы можно было свободно стоять. В середине углубления было оставлено земляное возвышение, служившее столом; на нем уставлен был типографский станок. Яма эта была огорожена занавесками из кошмы, чтобы заглушить шум от станка. Маленькая керосиновая лампочка освещала эту своеобразную мастерскую.

Постоянно работать в таких условиях было невозможно, и поэтому работники время от времени отдыхали. Их было трое: Михаил Овощников (типограф по профессии), Д. И. Панкратов (позолотчик) и П. В. Гордеев (слесарь). По очереди они выпускались из типографии на вольный свет на неделю-полторы, во время же работы жили как бы в заточении, скрытые от всех посторонних глаз; для соседей — в лавочке жили только лавочник с женой и больше никто. Для устранения каких-либо подозрений лавочнику приходилось иногда допускать во внутренние комнаты посторонних, и тогда типографы проваливались поспешно в свой подвал.

В эту зиму 1902/03 года широко велась пропагандистская работа и в городе, и в Сормове. Организация получила более сложную структуру. Руководящим органом по-прежнему являлся комитет, пополняемый путем кооптации. При комитете была организация пропагандистов, причем пропагандой заняты были и некоторые члены комитета. Организация техники, то есть типография,

стояла особняком, будучи связана только с некоторыми из членов комитета. Остальные члены комитета не должны были знать даже о самом ее существовании в Нижнем. На заводах были организационные группы из большего или меньшего числа более сознательных и старых работников и кружки новичков, с которыми занимались пропагандисты.

Особенно прочное и деятельное ядро было в Сормове, в которое входили Павлов Митя, Григ, Рыбников, Фадеев, Алексей и Семен Барановы и др., в общем человек пятнадцать. В городе такое ядро составляли Гр. Ив. Рыбаков, Гр. Козин, А. Павлов, Мих. Колин, Комолов и др., работавшие на разных заводах и в мастерских. В числе пропагандистов были Пушкарев, Ив. Цветков, братья Грейберы, И. Д. Чернышев и др., имена которых сейчас исчезли из памяти. В комитет входили в это время, кроме меня и жены, О. И. Чачина, П. М. Грацианов, Яровицкий, Кекишева и кто-то еще. На мне лежала работа с сормовским организационным ядром, которое собиралось более или менее регулярно, почти каждую субботу, как для обсуждения организационных вопросов, выдвигаемых текущей работой, так и для чисто теоретической работы. На этих собраниях прочитывались нами новые номера «Искры», обсуждались и разбирались сообща ее передовые статьи.

Таким же способом была разобрана брошюра В. И. Ленина «Что делать?», полученная нами в переплетах заграничного преискуранта. Для переписки и такого рода посылок нам служил адрес Нижегородской городской управы, где я в это время служил; там служили также и некоторые из товарищей — Пушкарев и Чернышев. Секретарь управы А. А. Олигер был в числе сочувствующих, и благодаря ему мы могли дать адрес управы. Вся переписка поступала к нему, и он передавал ее нам.

Посещения Сормова остались самыми яркими и приятными воспоминаниями от этого периода работы. Обычно мы путешествовали туда пешком, чтобы не привести за собой «хвоста»; большей частью поодиночке, но иногда сходились два, три человека где-нибудь уже за Гордеевкой и до Сормова шли вместе. В поле, да еще зимой, это было совершенно безопасно. Около Сормова нас встречали и разводили по назначению. Наши собрания происходили большей частью на окраине Сормова, в новом поселке на Песках, в одном из домиков новой стройки; сосновые некрашенные полы и неоклеенные стены домика производили впечатление особой свежести и чистоты. Обстановка так гармонировала с тем молодым увлечением, с которым товарищи-рабочие принимали участие в этих собраниях и обсуждениях. Собрания иногда очень затягивались, и я оставался ночевать в Сормове или у Мити Павлова, или у Н. М. Фадеева, домик которого стоял на самом краю Сормова и выходил окнами в поле.

Члены этой организационной ячейки отличались большой интеллигентностью и многие несомненной даровитостью. Даже в сво-

ей специальности это были высококвалифицированные модельщи- ки, монтеры, слесари, несмотря на свою молодость; большинство было в возрасте между двадцатью — тридцатью годами.

Мы думали о новом выступлении в мае 1903 года, но над орга- низацией нависала гроза. Жандармы стали вырывать из рядов ее товарищей одного за другим. Первым был выхвачен Сеня Баранов, один из самых старых членов организации и самый молодой по годам. Ему в это время было всего 16 лет. Это был необыкновенно живой и веселый мальчик, страшно преданный, исполнявший са- мые опасные поручения. Он попал благодаря случайности. В самом начале зимы мы получили довольно большой транспорт литерату- ры, который нужно было немедленно взять из места хранения. Для города переправить литературу взялся я сам, а для Сормова должен был отвезти Сеня Баранов. Оказался ли он случайно в го- роде или был послан специально за литературой — я не помню. На квартире, где хранилась литература, оказался П. М. Граци- анов. У Павла Михайловича была слабость каждое дело обсудить со всех сторон, взвесить все обстоятельно, разобрать все доводы «за» и «против» и тогда только остановиться на каком-нибудь решении. Так и тут, пока я рассказывал свою долю по карманам, за пазуху, во все места, куда только можно, Павел Михайлович придумывал самый конспиративный способ; наконец решили, что Сеня положит все в чемоданчик и поедет с ним на извозчике.

Я благополучно вышел, взял извозчика... и поехал. В это вре- мя Сеня тоже без приключений доехал до Сормова и был уже око- ло дома, сошел с извозчика, чтобы тот не видал, куда он вошел, но тут-то его и ждала беда: попался навстречу ночной сторож, увидал чемоданчик и потребовал показать, что находится в чемо- данчике. Увидав книги, он сразу переполошился, в то время вид книг в Сормове производил такое же ошеломляющее впечатление, как бомба. Сеню повлекли к приставу, а оттуда в первый корпус тюрьмы, где он и засел на долгие месяцы. Его и уговаривали и за- пугивали на допросах, он и сам по молодости и наивности считал себя погибшим окончательно, однако ни одним словом не обмол- вился, откуда у него взялась литература.

При обыске у Сени в одном из карманов нашли адрес одного товарища из Лыскова; эта записочка как-то завалилась, и сам Сеня забыл о ней. По этому следу арестовали лысковского това- рища. Арест Сени Баранова был началом — это было в феврале, — потом стали вырывать одного за другим товарищей из числа наи- более деятельных и старых членов организации: взяли Митю Пав- лова, Рыбникова, Урыкова и целый ряд других товарищей из Сормова. Вскоре, в марте, арестовали меня, П. В. Гордеева (из города). Нижегородская тюрьма вновь густо заселилась. Эти аресты сильно подорвали работу организации. Особенно тяжело они отозвались на Сормове, где организация понесла наиболее тяжелые потери. Меня очень скоро выпустили, предъявив обвине- ние в хранении литературы, так как у меня при обыске нашли

номер «Искры» и «Освобождения». Каких-либо улик против меня, по-видимому, не было, и обыск у меня был сделан пробный, на всякий случай, по подозрению...

В то время в Сормове уже не было ни Заломова, ни его преемников — Павлова, Рыбникова, Баранова и других более старых и деятельных членов организации, они были арестованы, и их заменили новые товарищи, более молодые и менее опытные. Поэтому комитет нашел нужным командировать для организации демонстрации двух своих членов. Взялись за это дело я и Пушкарев, причем Пушкарев должен был участвовать и в самой демонстрации. Это решение состоялось днем 30 апреля, а к 9 часам вечера мы с Пушкаревым должны были встретиться на Сормовской дороге с товарищем из Сормова, который должен был провести нас на собрание в лесу.

Собрание состоялось в лесу, верстах в четырех от Сормова, ночью, при крайне конспиративных условиях. Были точно разработаны все детали демонстрации. Уже под утро собрание закончилось, сормовцы разошлись, а мы с Пушкаревым ночевали в лесу. На рассвете мы пробрались ближе к Сормову, нам принесли молока, хлеба; там мы пролежали в лесу до вечера, когда была назначена демонстрация. Тут мы вышли из лесу и разошлись, Пушкарев пошел на место демонстрации, а я отправился в город. Демонстрация состоялась, хотя и при малом числе участников и зрителей. Решение устроить демонстрацию было принято слишком поздно, комитет даже не хотел ее, и решение 30 апреля было принято, собственно, под давлением сормовской организации. Даже идя на собрание в лесу, мы не вполне рассчитывали, что демонстрация состоится, поэтому мы так тщательно предусматривали все ее детали и старались принять все меры предосторожности, чтобы избежать лишних жертв.

Неожиданность демонстрации застигла полицию совершенно врасплох, и потому демонстранты спокойно прошли по улице и беспрепятственно разошлись после того по домам. Жертвы последовали только спустя несколько месяцев, осенью; один из новых товарищей, членов сормовской организации, Беляев, участвовавший на сходке в лесу, сделался провокатором и предал в руки жандармов целый ряд товарищей как из Сормова, так и из комитета, в том числе и меня, Позерна, Чернышева. Он сумел выдать почти всех интеллигентов, которые работали этим летом в Сормове. Всех дольше продержался я: это лето я почти не работал в Сормове, так как был на подозрении после весеннего ареста; таким образом, провокатор после собрания перед 1 Мая меня видел, кажется, всего один раз, и опять ночью. Кроме того, он знал только мою кличку.

Меня выдало совершенно пустое и случайное обстоятельство. В сентябре я был арестован по весеннему делу, по которому я был приговорен за хранение литературы. Сперва меня поместили в корпусе, в камере, выходящей окном на двор тюрьмы. Под вечер

я стоял у окна и смотрел на двор; вдруг, вижу, входит в ворота Позерн с вещами в руках, у меня сердце так и упало. Затем через несколько минут вводят Аркадьева, за ним Коломийца. Я понял, что стряслась какая-то беда. Тут же, через час или полтора, меня перевели из корпуса в барак. Там уже сидела целая куча знакомых: Павлов, Баранов, Ладыжников, Углев, Рыбников и др. Меня увидели, закричали: «Как ваша фамилия?», а один молодой рабочий из города, не искушенный в конспирации, ляпнул прямо: «Петр Николаевич, здравствуйте»; это слышал надзиратель. Так моя кличка была выдана. Другие товарищи стащили этого парня с окна, но было уже поздно.

Меня все же через месяц выпустили, но началась такая неотступная слежка за мной, что мне буквально шагу нельзя было ступить; сыщики провожали меня даже на службу и со службы, у дома дежурили всегда два-три шпиона и провожали каждого пришедшего к нам. Работать и даже видеться с кем-либо из работников было совершенно невозможно. Однажды, когда я шел со службы, в садике Черного пруда я увидел двух шпионов, следивших за мной, и с ними Беляева, того провокатора, который всех выдал; он был, видимо, с целью опознания и вглядывался из-за шпионов в меня и в шедшего со мною сослуживца Кондратьева.

Вскоре после этого случая арестовали меня, Кондратьева и Чернышева. Нам с Кондратьевым предъявили обвинение в организации сормовской демонстрации. Провокатор ошибся и принял Кондратьева за Пушкарева, между тем Кондратьев даже и в Сороме никогда не был. Эта ошибка лишила прочного основания все дело против нас, так как обвинение против всех нас базировалось главным образом на показаниях Беляева да на данных наружной слежки. Уже весной нас с Позерном пытались предъявить какому-то молодому рабочему, который нас не признал, да и мы его первый раз видели.

Так это дело сорвалось, и летом 1904 года нас выпустили, разослав до суда по разным городам; суда же в конце концов так и не было, и дело наше было прекращено. С нашим арестом была изъята большая часть организации, уцелели и продолжали работать моя жена Е. И. Пискунова, свояченица О. И. Чачина, П. М. Грацианов (Пушкарев уехал из Нижнего); затем явились новые работники нам на смену. Летом 1903 года состоялся партийный съезд, который должен был завершить и организационно закрепить двухлетнюю подготовительную работу «Искры». Наш Нижегородский комитет, как правоверный последователь искровского течения, дал мандат на съезд «Искре».

ДЕМОНСТРАЦИЯ В СОРМОВЕ

Еще осенью 1901 года Иван Павлович Ладыжников поставил передо мной вопрос о массовой политической рабочей демонстрации. В одну из моих ночевок у него под воскресенье он говорил, что все мы — и передовые рабочие, и интеллигенты — выслежены и в недалеком будущем будем арестованы. Мы должны завершить свою работу крупным делом — открытой политической демонстрацией против самодержавия, приурочив свое выступление в Сормове к 1 Мая 1902 года. На красном знамени, под которое мы обязаны привлечь как можно больше рабочих, должен быть лозунг «Долой самодержавие!». По мнению тов. Ладыжникова, демонстрация будет содействовать закалке партийной организации, встряхнет и революционизирует рабочую массу, придаст более широкий размах рабочему движению.

Ведущая группа сормовской организации со всей страстью начала работу по подготовке политической демонстрации. Нижегородский комитет РСДРП снабжал нас прокламациями и нелегальной литературой. Мы готовили к массовому выступлению рабочих... Надо было решать вопрос о знаменосце. Я знал, что есть статья закона, которая за публичный призыв к ниспровержению существующего порядка карает смертной казнью через повешение, а лозунг «Долой самодержавие!», написанный на знамени, поднятом над большой толпой, конечно, является таким призывом. Значит, знаменосец будет повешен...

Кто понесет знамя?

Надо было провести демонстрацию так, чтобы произвести впечатление на рабочие массы. Малейшая трусость, малейшая нерешительность знаменосца могли все испортить. Кроме того, надо было во что бы то ни стало сохранить организацию и товарищей, которые будут захвачены, а для этого, по моему мнению, знаменосец должен будет на суде отмежеваться от организации и взять всю ответственность только на себя.

На одном из собраний Сормовского центрального кружка мы постановили созвать собрание наиболее надежных и сознательных членов кружка. Мы собрались в конце февраля в деревне Починки, в доме братьев Урыковых, вечером; было нас 61 человек, не считая патрулей. Из интеллигентов присутствовали член Нижегородского комитета Алексей Васильевич Яровицкий, Софья Сер-

геевна Карасева и пропагандистка учительница Жозефина Эдуардовна Гашер. С предложением о демонстрации все согласились. Лозунги «Да здравствует 8-часовой рабочий день!», «Долой самодержавие!» были приняты без прений.

Мы постановили, чтобы товарищи, неизвестные полиции и сыщикам, в демонстрации не участвовали и остались на смену тем, которые будут арестованы. Саму демонстрацию назначили на 1 Мая, а если будет дождливая погода, то на первое воскресенье после 1 Мая. Демонстрация должна быть мирной, и члены партии должны явиться на нее без оружия. Каждый член партии обязывался привлечь на Главную улицу, где должна была происходить демонстрация, возможно больше рабочих. Под конец собрания я заявил, что знамя с лозунгом «Долой самодержавие!» понесу я, что это мое право как самого старого старого социал-демократа из сормовской организации. Возражений не последовало.

После общего собрания работа по подготовке демонстрации развернулась с новой силой. Все усиливающийся выпуск прокламаций так встревожил жандармерию и полицию, что в Сормове появился отряд конных стражников, которые день и ночь разъезжали по Сормову и между Сормовом и Канавином, обыскивая идущих и едущих на извозчиках, в надежде захватить прокламации.

По заказу Нижегородского комитета РСДРП в Сормове были сделаны два мимеографа с валиками. Эти мимеографы надо было доставить в Нижний Новгород. Доставку я взял на себя. Запасшись большой салфеткой и овчинным полушубком, я связал мимеографы веревкой, небрежно завернул их в полушубок и так же небрежно завязал в салфетку. Узел получился большой, громоздкий и неуклюжий, мех торчал во все стороны. Моих товарищей пугал вид узла, они находили, что узел надо сделать возможно меньше, стянуть его как можно сильнее и скрыть от глаз мех. Мне советовали не входить на станцию, предлагали взять билет для меня и обязательно проводить меня.

— Билет возьму сам,— ответил я,— никаких провожатых мне не нужно, это может только навлечь подозрения и сорвать дело.

Все же за мной увязались на станцию Стефан Погнирибко, Михаил Самылин, Митя Павлов и Леня Баранов. У кассы, по обе стороны барьерчика, стояли два жандарма. Я прошел мимо одного, ткнул его узлом, извинился и взял билет. Потом ткнул узлом другого, опять извинился, вышел на перрон и сел в вагон. Оказалось, что товарищи тоже сели в поезд, и, когда я вышел из вагона на Канавинское шоссе, они нагнали меня. Вместе дошли мы до квартиры моей сестры Александры Андреевны Павловой. Я взмок от тяжелого узла, и сестра дала мне сухую рубашку. Мы попили чаю и пошли в Нижегородский театр на галерку. После товарищи пошли в Сормово, а я переночевал у сестры. Рано утром, завернув мимеографы в газетную бумагу, я отнес их к Ивану Павловичу Ладыжникову и успел вовремя вернуться на работу в Сормовский завод.

После этого случая я ни разу не напоминал товарищам о мимеографах, но ясно видел, что мой урок не пропал даром. Вскоре мне рассказали, как товарищи шли ночью в двадцати саженях за конным отрядом стражников и разбрасывали прокламации. Среди сормовской партийной организации было немало товарищей, превосходящих меня умом, способностями, энергией, быть может, и врожденной храбростью, но мое преимущество заключалось в том, что я перешел последнюю черту в пятнадцать с половиной лет и имел за своими плечами уже десять лет революционной работы.

Нижегородский комитет специально обсуждал вопрос о сормовской первомайской демонстрации. Заседание было созвано в апреле 1902 года в Канавине, в Бабушкинской больнице, в квартире фельдшерицы Александры Мартемьяновны Кекишевой (тов. Кекишева была только что кооптирована в члены Нижегородского комитета РСДРП). И. П. Ладыжников, кажется, был в отъезде. Кроме меня прибыло только два члена Нижегородского комитета — А. В. Яровицкий и А. И. Пискунов, участвовала в заседании и Жозефина Эдуардовна Гашер. Не было, к сожалению, Ольги Ивановны Чачиной, которая была пламенной революционеркой.

Предложение о первомайской демонстрации комитет одобрил. Споры начались с вопроса о том, кто понесет знамя. Кто-то сказал, что знамя должны нести интеллигенты, А. И. Пискунов настаивал, чтобы знаменосцами были рабочие. Я поддержал Александра Ивановича, и его предложение прошло. Перешли к лозунгам на знаменах. Предлагали: «Да здравствует 1 Мая!», «Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!» и «Да здравствует 8-часовой рабочий день!» Я вместо «Да здравствует 1 Мая!» предложил лозунг «Долой самодержавие!». С большой горячностью выступил против моего предложения Пискунов. Он всячески доказывал, что такого лозунга на знамени писать не следует, так как он слишком опасен.

Мы долго спорили, я не сдавался. Тогда он предложил вместо «Долой самодержавие!» лозунг «Да здравствует политическая свобода!». Я упорно стоял на своем, ибо второй лозунг не содержит призыва к ниспровержению самодержавия. Александр Иванович убеждал меня и доказывал, что второй лозунг вполне заменяет первый, но он менее опасен. В конце концов решили объединить оба лозунга и написать на знамени: «Долой самодержавие, да здравствует политическая свобода!»

Перешли к вопросу об участии в демонстрации интеллигенции. Раздались голоса за участие интеллигенции, причем особенно настаивала на этом Жозефина Эдуардовна Гашер. Она говорила: «Мы учили рабочих, мы призывали их к борьбе против капиталистов, против самодержавия и должны на деле доказать свою готовность идти с ними рука об руку». Мнение Жозефины Эдуардовны было горячо поддержано А. М. Кекишевой и вслед за ней А. В. Яровицким.

До демонстрации было еще два собрания в Канавине, на которых обсуждался ход подготовки к демонстрации; мы обменивались мнениями о настроениях рабочих, о характере необходимых прокламаций. Третье собрание по поводу демонстрации мы провели на двух лодках во время ледохода.

Служка все усиливалась, трудно стало провозить прокламации. Пришлось прибегнуть к помощи моей матери. У нее уже имелся некоторый опыт. Во время иваново-вознесенской стачки она возила запакованный в рогожку тюк прокламаций в Иваново-Вознесенск. Перед этой поездкой она расспрашивала, что с ней сделают, если обнаружат прокламации,— боялась пыток. Я объяснил ей, что пытать не будут, так как она старуха, а только подержат в тюрьме и сошлют в Сибирь; самое большое, что с ней могут сделать,— это повесить.

— Смерти я не боюсь, только бы не пытали,— ответила мать и согласилась ехать. На вокзале она заметила, как в один из вагонов входил жандарм, вошла в этот вагон, сунула тюк под лавку и села рядом с жандармом. Дорогой она занимала его разговорами. Когда она вернулась, я крепко пожал ей руку, поблагодарил и сказал, что люблю и уважаю ее. Она была поражена моей необычайной лаской, засияла от счастья, прижав руку к сердцу.

Перед демонстрацией она привезла в Сормово прокламации в ведрах, прикрыв их сверху кислой капустой. Она опять нашла жандарма и села рядом с ним. На этот раз уже жандарм ее расспрашивал, и она рассказывала, что живет в Печерах, выдала дочку за рабочего и везет ей кислую капусту в подарок, что ее капуста особенная и что в Сормове она весной дорога.

Мать же привезла от тов. Ладыжника и знамена. Митя Павлов и Сеня Баранов спрятали их в ельнике за Сормовом в песок.

Было еще одно собрание в лесу, в пасхальную заутреню, утвердившее добавление к лозунгу «Долой самодержавие!», а последнее собрание — ночью 29 апреля, тоже в лесу, с целью поднять настроение, и это было достигнуто. Когда расходились, лес гремел от революционных песен.

1 мая мы, партийцы, на работу не пошли, хотя с самого утра шел дождь и демонстрация, согласно постановлению общего собрания, должна была быть перенесена на воскресенье.

У Александра Сорокина нас собралось человек десять с гуслями, гитарами, мандолинами; то играли, то беседовали. Время тянулось, дождь то перемежался, то снова лил. С обеда погода стала улучшаться. Командировали на Главную улицу двух человек на разведку. Часам к шести вечера нам сообщили, что на Главной улице громадная толпа. Мы решили провести демонстрацию немедленно. Моя квартира была близко, я отнес гитару домой и сказал своей сестре Елизавете, чтобы она все прибрала, что я иду на демонстрацию и наверняка буду арестован.

Еще с утра носились слухи, что привезли два орудия, а в запасных мастерских спрятаны две роты солдат. На Главной улице

народу было тысяч до пяти. Быстро стали собираться партийцы. Вначале пришло несколько человек пьяных. Я был страшно возмущен, ругался, говорил, что такое отношение к демонстрации позорит организацию, что нам нужна не пьяная храбрость, а сознательное мужество революционеров.

Собралась группа человек в двести. С пением революционных песен, с криками «Долой царя, долой самодержавие!» мы три раза прошли запруженную рабочими часть улицы. Некоторые из рабочих, которые пришли выпивши, потребовали, чтобы демонстрация шла громить завод. Я и Миша Самылин удерживали их от этого.

— Наша задача вовсе не в том, чтобы разрушать машины, — убеждали мы, — а в том, чтобы путем политической демонстрации революционизировать рабочие массы.

Группа человек в пятьдесят все же направилась к заводской конторе. Оставшиеся пошли в обратном направлении.

Пришла весть, что к заводу идут солдаты. Леня и Сеня Барановы, Митя Павлов и я чуть не бегом отправились за знаменами и, спрятав их под пиджаками, быстро возвратились. Дорогой я условился с товарищами, что для сохранения сил организации в момент сближения с солдатами знамена надо будет свернуть и слиться с рабочей массой.

Прибытие солдат делало нашу демонстрацию значительнее, так как привлекло к ней больше внимания и давало возможность сильнее воздействовать на сознание рабочих. Я решил со знаменем в руках один пойти на солдат, чтобы они подняли меня на штыки на глазах всей рабочей массы, считая, что это произведет гораздо большее впечатление, чем мое поведение где-то в застенке.

Когда мы пришли к ожидавшим товарищам, я первым долгом познакомил их с планом демонстрации: мы обязаны сохранить для революционной работы возможно большее количество товарищей, а поэтому организовано отступим и сольемся с толпой, когда солдаты будут близко. Сигналом к отступлению послужит склонение знамен. Все приняли этот план.

Знамена были прикреплены к древкам, и мы двинулись вперед. Чтобы рабочие могли читать надписи, знамена все время поддерживали в развернутом виде. Мое знамя с лозунгом «Долой самодержавие!» поддерживал сначала Петр Дружкин, потом еще какой-то товарищ, а потом, до самого конца, Митя Павлов. Рядом со мной шел Михаил Самылин. Мы шли по направлению к Дарьинской проходной. Пели «Варшавянку», а перед самым столкновением с солдатами — «Вы жертвою пали». Сплошная толпа заполнила обе стороны широкой улицы, образуя живой коридор. Наше пение по-прежнему сопровождалось криками «Долой царя!», «Долой самодержавие!».

Когда мы подходили к ручью, который, разлившись от дождя, пересекал улицу, раздался барабанный бой, и из переулка вышла рота солдат в полном боевом снаряжении. Расстояние между демонстрантами и солдатами быстро уменьшалось. Мы были без-

оружны против вооруженных до зубов солдат, но ни один не дрогнул, не выступил из рядов. Мы шли и пели. Было отчетливо слышно, как офицер скомандовал: «Ружья на руку! Бегом марш!» Мы были у ручья, когда солдаты со штыками наперевес ринулись на нас. Мгновение — и два малых знамени сорваны с древков и спрятаны под пиджаками. Демонстранты, как было условлено, слились с толпой и скрылись в ней. Осталась небольшая кучка. Митя Павлов потянул мое знамя к земле. Но я с силой вырвал знамя, высоко поднял его кверху. Затем, прыгнув через разлившийся ручей, я пошел на штыки.

Это был высший момент счастья в моей жизни, и только Октябрьская революция затмила его. Мне казалось, что солдаты движутся слишком медленно, — я прибавил шагу. И вот уже бледные, испуганные лица... «Боятся бомбы», — мелькнула в мозгу торжествующая мысль... Сейчас... Мне казалось, что солдаты не смогут остановиться и будут бежать с моим трупом на штыках. Рота стала без команды. Щетина штыков поднялась кверху. Я сам наткнулся на передних солдат.

Знамя вырвал офицер. Мои руки были схвачены, в грудь, в спину, в плечи посыпались удары прикладов, чьи-то руки шарили по карманам. Я не чувствовал боли, но крикнул солдатам:

-- За что вы меня бьете?! Разве я разбойник или вор?!

И разом прекратились удары, опустились приклады. Разжалась рука. Но своих рук я уже не мог поднять, они повисли как плети. Меня окружили и повели. Рота шла сзади. Я шагал, считая солдат. Их было двенадцать. И опять в мозгу гордая, торжествующая мысль: «Боятся! Одного! Безоружного... Что же будет, когда мы все будем сознательными?..»

Толпа быстро редела. Среди солдат я был один, и меня охватила радость. Значит, никто не арестован...

ВОСПОМИНАНИЯ О СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ В САРАТОВЕ И САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Осень и зима 1901/02 года в Саратове и в Саратовской губернии были очень тяжелыми. Хотя в самом Саратове заканчивалось строительство гиганта волжской промышленности — сталелитейного завода и начиналась его эксплуатация, а небольшие старинные заводы Саратова работали с полной нагрузкой, все же в городе оказалось довольно много безработных. В связи с недородом начался голод в деревнях.

По улицам Саратова бродили массы голодающих. Около заводов, мельниц, паровозно-ремонтных мастерских и на волжских пристанях толпились рабочие, готовые трудиться за любую плату. В умах безработных шло глухое брожение. Политические ссыльные не преминули этим воспользоваться, чтобы оказать на безработных свое влияние. Благодаря появлению в Саратове газеты «Искра» и выпускаемым Саратовским комитетом искровцев прокламациям революционное настроение рабочих углублялось и ширилось...

В течение зимы 1901/02 года значительно усилилась и наша кружковая работа. Поскольку нам, ссыльным, приходилось каждую неделю являться в жандармское управление, то по пути мы устраивали свидания с нашими товарищами-кружковцами и комитетчиками, получали от них необходимую информацию и руководящие установки, сообщая в свою очередь сведения о жизни в бараках.

Среди нелегальных кружков в Саратове особую роль играла так называемая «столярная коммуна», в которой группировались наиболее активные участники саратовской организации искровцев. В квартире питерского столяра Семена Шепелева, который имел «свою» мастерскую, собирались товарищи, связанные почти со всеми заводами, мельницами и железнодорожными мастерскими. Кроме самого Семена Петровича Шепелева здесь можно было встретить Семена Канатчикова (из Москвы), Пантелеймона Денисова (из Тулы), саратовцев Поликарпа Лалова и Лукьянычева, Николая Огнева (из Екатеринослава), Ивана Мокруева (из Иваново-Вознесенска), Василия Ефимова (из Колпино), Морозова (из Питера) и др. Сам Семен Петрович Шепелев был выслан из Петербурга как участник одного из кружков, руководимых Владимиром Ильичем Лениным. В «столярной коммуне», таким обра-

зом, я имел возможность познакомиться непосредственно с участниками революционных организаций разных городов.

Весной 1902 года пропагандистская и организационная работа искровцев, комитета была направлена в основном на подготовку первомайской уличной демонстрации под лозунгами борьбы с царским самодержавием и эксплуататорами-капиталистами. 15 апреля на Зеленом острове по инициативе комитета состоялась массовка, в которой участвовало около 60 представителей различных существовавших тогда в Саратове революционных организаций: Саратовского комитета РСДРП (искровцы), Саратовского комитета партии социалистов-революционеров (эсеры), Саратовской группы объединенных социал-демократов и социалистов-революционеров («объединенка»), Саратовской группы социал-демократического ремесленного союза. На этой массовке был разработан план проведения политической демонстрации. Демонстрацию решили провести в первое же воскресенье месяца, то есть 5 мая 1902 года.

Массовка прошла оживленно, на высоком политическом и организационном уровне, что в дальнейшем предопределило широкий размах демонстрации. Нужно отметить, что на массовке рабочие поднимали вопрос о том, чтобы на демонстрацию выйти с оружием в руках. При этом они учитывали возможность расправы с демонстрантами полиции и жандармов, как это случилось год тому назад в Петербурге и в Тифлисе. Но руководство партийных организаций на это не дало согласия. Тогда мы, молодежь, решили для самозащиты запастись палками, которые впоследствии и помогли нам отражать напавших на демонстрантов из засады переодетых городских и жандармов.

4-го и в ночь на 5 мая в разных местах города были разбросаны в значительном количестве печатные воззвания, в которых рабочие приглашались 5 мая выйти на улицы с красными знаменами и лозунгами: «Долой капиталистов, долой полицию, долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода для всех!». Цель демонстрации — выразить протест против самодержавия, требование 8-часового рабочего дня, свободы совести, слова и печати, уничтожение постоянных армий и безработицы.

Помимо листовок накануне 5 мая были изданы специальные афиши, на которых изображался рабочий с красным знаменем, призывающий население Саратова в 12 часов дня прийти на Соборную площадь (к Липкам) и принять участие в демонстрации.

Как свидетельствуют многочисленные описания в заграничной печати той поры, демонстрация 5 мая 1902 года в Саратове прошла очень удачно и в грандиозных масштабах. Газета «Искра» также отмечала успехи саратовских искровцев.

Начинать демонстрацию решили с центрального Верхнего базара. Сделано было это по тем соображениям, что в воскресные дни на базар приезжало много крестьян из пригородных сел, а также приходило на рынок и немало рабочих.

К назначенному времени мы, активисты, смешавшись с базарными толпами, сгруппировались вокруг знаменосцев. В тот момент, когда Василий Ефимов, Иван Бочкарев и другие товарищи подняли три красных знамени и один черный флаг (в это утро была получена телеграмма, что убивший министра Сипягина саратовец Степан Балмашев казнен), мы запели «Марсельезу» и «Варшавянку». На красных знаменах золотыми буквами заискрились призывы: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Да здравствует народное правление!», «Долой самодержавие!», «Работы для безработных!». А на черном флаге была сделана надпись: «Вечная память герою». Тесно сплоченной группой демонстранты двинулись к центральной улице города, чтобы там соединиться с народом, собравшимся на Соборной площади.

Мне было поручено по пути следования раздавать горожанам листовки и прокламации, что я и делал вместе с Анисьей Чубаровской, Пелагеей Будариной и Еленой Ошаниной, никого не пропуская. Но мне не хотелось отставать и от товарищей, певших революционные песни. Иногда я забегал вперед и поддерживал концы знамени.

В момент, когда наша группа подходила к Немецкой улице, из засады выскочили переодетые полицейские и шпики. Дубинками и вырванными из забора досками они начали избивать демонстрантов, невзирая на возраст и пол. Завязалась ожесточенная схватка. Мы отбивались припасенными на этот случай палками, защищая знамена, затем стали сами нападать. Один из демонстрантов — Василий Платонович Ефимов — выхватил у конного полицейского шашку и ею стал яростно наносить удары по головам городских и шпииков. Появилось немало раненых как среди демонстрантов, так и среди напавшей на нас банды городских.

Прибывшие по вызову начальства войска помогли навести «порядок». Преградив нам путь, они стали арестовывать демонстрантов и тащить их на какой-то большой двор. Сюда вскоре прибыли губернатор, полицмейстер, начальник гарнизона, начальник губернского жандармского управления и представители прокуратуры.

Когда на Немецкой улице, буквально запруженной народом, вдоль тротуаров были расставлены солдаты, по распоряжению властей всех арестованных направили в сторону Соборной площади — в главное полицейское управление. Но тут случилось совсем непредвиденное. Толпы людей, собравшиеся на Соборной площади, увидев в окружении войск демонстрантов, громко певших революционные песни, стали приветствовать их платками, шляпами и фуражками. Из окон большого здания Саратовского музыкального училища студенты забросали демонстрантов букетами цветов.

Начальство отдало приказ вести арестованных к тюрьме и распорядилось бить в барабаны, чтобы заглушить наши революционные песни. Но под мерную дробь барабанов мы шли еще стройнее и пели еще громче. Нас слушали тысячи людей, стоявших плотной

массой на тротуарах и выглядывавших из окон. Наша демонстрация продолжалась, правда, только без знамен.

Это шествие оставило в моей памяти неизгладимый след. Народ, запрудивший все улицы, выражал свои симпатии к нам. Некоторые любопытные горожане забрались на крыши домов, чтобы оттуда посмотреть невиданное зрелище. По сведениям заграничной прессы, в тот день на улицах Саратова находилось десять тысяч человек.

Начальство, видимо, побоялось сразу вести в тюрьму арестованных и распорядилось временно разместить их в ближайшей полицейской части, находившейся около Митрофаньевской площади. Лишь ночью под усиленной охраной войск нас повели в губернскую тюрьму. Заключение уже знали о происходивших событиях, и, как только показались арестованные демонстранты, во всех окнах трехэтажного здания выставили лампы. Из камер неслись приветствия, радостные крики. Затем всю ночь по тюремному двору раздавались революционные песни. Это была, по существу, третья демонстрация в течение одного дня. Это был мощный голос протеста против царского самодержавия, против всякого насилия и гнета, в защиту права народа на землю, труд и свободу.

*Воеводин П. И. Под ленинским стягом.
Воспоминания старого большевика. Са-
ратов, 1963, с. 22—29*

ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И РАБОТЫ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ТИПОГРАФИЙ РСДРП НА КAVKAZE В 1900—1906 ГОДАХ

В деле организации нелегальных партийных типографий, о которых вам расскажу, наша партия, несомненно, занимает первое место среди всех революционных партий России и Западной Европы. Ни одна из революционных партий, в том числе и народовольческих, ни по размерам нелегальных партийных типографий, ни по их производительности и по своей внешней и внутренней организации, не имела подобных предприятий, как старая РСДРП.

Я сегодня ограничусь только историей, относящейся к организации работы этих типографий, но побочно мне придется, конечно, касаться тех или других явлений общепартийной жизни. Тут же считаю долгом сообщить, что так как мне придется часто говорить в первом лице и придется рассказывать, я бы сказал, много хорошего о товарищах, работавших в этих типографиях, то я хотел бы с самого начала оговорить, что во всей этой истории мне лично принадлежит если не второстепенное, то во всяком случае не первое место. Главная заслуга организации этих типографий и работы их принадлежит другим товарищам, о которых я скажу дальше.

Самым главным работником в этой области, первым организатором и основателем типографского нелегального дела нашей партии на Кавказе является покойный товарищ Владимир Кецховели. Он не только основал и организовал первую нелегальную типографию, но благодаря его необыкновенной энергии, необыкновенным организаторским способностям, под его влиянием и вокруг него выросло целое поколение товарищей, которые отличились впоследствии работой в этой области.

Владимир Кецховели, бывший воспитанник Тифлисской духовной семинарии, являлся в 1895—1897 годах старшим нашим товарищем по нелегальным кружкам в Тифлисе и, в частности, старшим по кружку в семинарии, в котором, между прочим, участвовал и Джугашвили-Сталин... На мою долю выпала честь работать с тов. Кецховели в течение двух с лишним лет в тесной связи в подполье и после нашего ареста в 1902 году сидеть в Метехском замке, где он погиб от пули часового 17 августа 1903 года.

Еще до того времени, пока мы с Кецховели сошлись на поприще партийной работы в Баку, я в конце 1898 года из Тифлиссских главных мастерских, где я работал в качестве практиканта в сборном

цехе, был переведен в Бакинское железнодорожное депо помощником паровозного машиниста.

В то время в Баку не было ни одной рабочей партийной организации и даже ни одного кружка (это относится к осени 1898 г.)¹, а лишь были отдельные товарищи, высланные частью из России... частью вернувшиеся из заграничной эмиграции. У тифлисских товарищей имелась связь с некоторыми из них, и мне были даны адреса в Баку. Я вскоре воспользовался этими связями, но убедился, что с помощью этих товарищей организовать рабочие кружки по типу тифлисских нелегальных кружков в то время не удалось бы по многим причинам, и лишь можно было извлечь помощь от этих товарищей частью деньгами для организации, частью литературной помощью и другими советами. В начале 1899 года мне и еще двум товарищам-железнодорожникам, с которыми я был знаком еще в Тифлисе, удалось создать первые кружки не только в железнодорожном районе, но и на ближайших к железнодорожному району заводах и фабриках. В том же году нам удалось организовать два кружка в нефтепромышленном районе в Сабунчах. Эти кружки явились основными ячейками бакинской организации, сыгравшей в общероссийском масштабе огромную роль.

В конце 1899 года Владимир Кецовели вынужден был из Тифлиса переехать в Баку. Он работал в тифлисской организации и руководил первой тифлисской забастовкой трамвайных рабочих, и, как выдающемуся партийному работнику, ему нельзя было больше оставаться в Тифлисе. Кроме того, известно было, что он ухитрялся, благодаря работе среди печатников в легальных типографиях, печатать листы, воззвания и листовки от тифлисской организации. Конечно, его деятельность не ускользнула от надзора жандармов, и он вынужден был выехать под чужим именем в Баку. И вот осенью 1899 года он является ко мне, со свойственной ему энергией и неутомимостью берется за работу. Главная тяжесть работы в кружках, оживление этой работы и расширение ее как в нефтепромышленном районе, так и в Черном и Белом городках легла на товарища Кецовели, так как он, несомненно, и по своим организационным навыкам, и по своим знаниям стоял гораздо выше, чем я и другие товарищи, начавшие и наладившие там до его приезда партийную работу.

Тов. Кецовели с расширением работы среди рабочих масс постоянно, при всяком разговоре, возвращался к мысли, что необходимо организовать маленькую нелегальную типографию или печатный станок. Он все время твердил, что легальная марксистская литература, особенно газета, которая, кстати сказать, хорошо была поставлена тогда на грузинском языке в Тифлисе, не может даже в тот период рабочего движения в Баку и других местностях

¹ В 1898—1899 гг. в Баку существовало несколько марксистских кружков, которые объединяли передовых рабочих механических, нефтеперерабатывающих заводов, нефтяных промыслов. *Ред.*

России удовлетворить потребностям и задачам партии, и поэтому он настаивал, чтоб все силы употребить на организацию хотя бы самого примитивного нелегального издательства. Но главная помеха заключалась в том, что у нас не было никаких средств. Членские взносы, которые были нами установлены с первых же дней организации рабочих кружков, разумеется, не были бы достаточными для организации типографии.

Членские взносы едва покрывали самые элементарные расходы по обслуживанию самих кружков. И вот тов. Кецховели начал изыскивать эти средства. Часть средств он добыл у своего брата, который, если не ошибаюсь, имел тогда небольшие лесные концессии на границе Персии. Тов. Кецховели написал брату, прибегнув тут к некоторой хитрости. Он сообщил, что желает продолжать свое образование, намерен бросить всякую революционную работу и прибегает к помощи брата. Вскоре он получил 200 рублей вместе с письмом, в котором брат высказывал удовольствие по поводу «благоразумия» Владимира. Сумма эта по тогдашним временам составляла целое состояние для нашей маленькой организации. Мы думали, что на 200 рублей нам удастся организовать заветное нам дело. Получив эти деньги, Ладо Кецховели живо взялся за устройство небольшого ручного станка. У нас была связь с тифлисской организацией, с которой мы снеслись по этому поводу, но выяснилось, что, кроме небольшой материальной помощи и поддержки в виде шрифта и другого типографского материала, она нам оказать помощи не может. Поэтому пришлось прибегнуть главным образом к собственным силам.

Ладо Кецховели был несомненно знаком с типографским делом, так как некоторое время заведовал легальной типографией в Тифлисе, я же до этого времени никакого понятия о технике этого дела не имел. Когда он задавал мне вопросы — как устроить станок, какого размера и т. д., он поражался моим невежеством. В результате мы решили пойти куда-нибудь в типографию и посмотреть саму технику печатания, чтобы сообразить, что нам потом делать. Мы отправились в небольшую типографию некоего Шапошникова в Баку, явившись туда как бы затем, чтобы заказать визитные карточки, а сами стали смотреть, как печатают. Была такая пора, что мы не могли обратить на себя особенного внимания.

Тов. Кецховели обратился к заведующему типографией со следующей просьбой, указывая на меня: «Вот этот молодой человек очень интересуется печатным делом, и не будете ли вы любезны показать нам, как это происходит». Главная наша цель заключалась в том, чтобы, улучив время, взять из наборной кассы несколько штук шрифта, так как мы никак из книг и каталогов не могли узнать, какая высота шрифта и какое должно быть расстояние между плитой и барабаном станка. Заведующий типографией оказался очень любезным человеком и подробно показал нам всю типографию. Благодаря этой любезности я многое узнал о технике печатания и, кроме того, получил возможность стянуть горсточку

шрифта. Мы раскланялись и ушли. Разумеется, за визитными карточками мы не возвращались, к тому же они были заказаны на вымышленные имена. Тов. Кецховели предложил мне вычертить в деталях печатный станок, плиту, барабан и т. д. После долгих переделок (он забраковал несколько моих чертежей) я вычертил такой станок с отдельными его частями. По отдельным чертежам мы заказали эти части для изготовления на разных заводах. Я хорошо помню, что плиту и некоторые другие части мы заказали на заводе Рысева... а самый барабан — на заводе Эйзеншмидта в Черном городе.

У Рысева мы не обратили на себя никакого внимания. Они получили задаток и обещали через месяц сдать заказ. Что касается Эйзеншмидта, то там во время разговора с заведующим мастерской к нам подошел какой-то пронырливый господин, который сказал: «Ах, это, наверно, для корректурного станка?», на что тов. Кецховели спокойно ответил: «Да, это для печатного станка. Вы очень сметливы, далеко пойдете, молодой человек, но мой совет вам, когда не спрашивают — не бросайте свои мысли на ветер». Заведующий же резко заметил «молодому человеку» не впутываться не в свое дело. Через месяц или полтора, как было условлено, мы должны были выкупить заказ. Нам надо было торопиться, заботясь, во-первых, о помещении для «типографии», во-вторых, о шрифте и других принадлежностях: красках, валике и т. д. Наверно, многие из вас знакомы с печатным станком и знают, что для этого требуется. Когда мы подсчитали, во что все это обойдется, то оказалось, что 200 рублей не хватало даже на то, чтобы выкупить станок. Поэтому я был командирован в Тифлис для переговоров с тамошними товарищами относительно средств.

Я хорошо помню, как я встретился с двумя товарищами. Один из них был известный по всей Грузии Сильвестр Джибладзе, лидер тогдашней организации, а другой — молодой тогда член партии тов. Сталин, Коба или Сосо, как он тогда назывался. Я встретился с ними в трактире в Тифлисе около вокзала. После переговоров сначала они отказали мне в средствах на том основании, что тифлисская организация желала, чтобы все дело печатания находилось под ее контролем и руководством. Иначе, сказали они, нельзя рискнуть из скудных средств Тифлисского комитета теми 100 или 150 рублями, которые я просил. Не имея прямых директив от тов. Кецховели относительно условий, я ничего не мог на это ответить, и мы расстались. Но до отъезда обратно в Баку я попытался кое-что получить от типографских рабочих, бывших членов кружка Ладо Кецховели. Они обещали мне к вечеру — ибо вечером я должен был снова вернуться в Баку — достать до трех пудов шрифта и других материалов для станка. Что касается денег, то они сказали, что постараются их собрать среди своих товарищей и через неделю известят об этом.

Один из наборщиков вызвался даже поехать со мною, чтобы лично помочь нам устроить типографию. Я это предложение откло-

нил, так как у нас в Баку еще не было надежного помещения для постоянной работы. Вечером я уехал в Баку со шрифтом, причем этот шрифт мне просто всыпали в кавказскую переметную сумку. Я был тогда молод и здоров, и трехпудовый груз небольшого объема легко внес в вагон и положил на верхнюю полку, куда и залег сам. Разумеется, никто не обратил на меня внимания, но мне по неопытности все же казалось, что все в чем-то меня подозревают. В Баку на вокзале меня встретил Кецховели и издала дал знак глазами следовать за ним. Мы отправились на Балаханскую улицу недалеко от вокзала, где у нас была комната, предназначенная для первоначального сбора маленькой типографии. Когда я показал тов. Кецховели, в каком виде я привез шрифт, он стал ругаться, говоря, что рассыпанный шрифт нам будет стоить многих ночей разобрать. Кассы еще у нас не было, и мы весь шрифт разобрали по буквам и завернули в бумажки. Мы целые ночи просиживали над этой работой. Мы оба с трудом узнавали обратное изображение букв.

Когда я сообщил Кецховели условия тифлисских товарищей, на которых они обещали дать деньги, он категорически от них отказался, говоря, что никакого контроля тифлисской организации быть не должно: если они доверяют, пусть дадут средства, если же нет — мы обойдемся без них. Когда пришел срок выкупа станка и мы не достали денег в Баку, то пришлось снова выехать в Тифлис, и на этот раз те же товарищи сразу дали 100 рублей и рукопись прокламации для напечатания. С этими деньгами и с одним из товарищей наборщиком Васо Цуладзе я вернулся в Баку. Наконец станок был выкуплен и установлен, и, к величайшей нашей радости, первый листок, который был отпечатан на грузинском и русском языках, оказался очень удачным в смысле выполнения.

Конечно, стоило неимоверных трудов наладить это дело. Работали обыкновенно ночью, после занятий в кружках, при закрытых ставнях, в душной комнате без печи. Макулатуру специально уносили к одному товарищу, где была печь, и сжигали. Было решено, что все напечатанное нами произведение, листок или листовка, будет отправляться в Тифлис с целью законспирировать местонахождение станка в Баку. Тов. Кецховели по своей натуре был такой человек, который никогда не удовлетворялся уже достигнутыми результатами, и через короткое время наш станок его уже не удовлетворял вследствие своей малой производительности. Он говорил: «Я не могу успокоиться, я вижу во сне, как эти листки и брошюры сотнями и тысячами сыплются, откуда-то появляются и распространяются».

Вскоре появились такие признаки, что необходимо было станок убрать. Наша ночная работа и исчезновение днем обращали на себя внимание наших соседей. У товарищей Кецховели созрел план добыть во что бы то ни стало средства и купить настоящую типографскую машину или американского, или обыкновенного барабанного типа. Задумав все это, мы тов. Кецховели освободили

от всякой другой работы в организации. Он стал часто бывать в типографиях Баку и старался заводить знакомства, причем он жил, разумеется, по чужим документам и выправил даже документы владельца типографии в Тифлисе. Все эти формальности он знал хорошо. Для того чтобы купить типографскую машину, требовалось по тем временам разрешение губернатора. Он съездил в Тифлис и у своих знакомых типографщиков узнал формы этого разрешения и снял копии.

Была заказана печать бакинского губернатора, а также раздобыты снятую на кальке подпись губернатора. Все это было устроено в Тифлисе, и вот на имя Давида Иосифовича Деметрашвили, под именем которого он жил, он выправил разрешение на подписью тогдашнего бакинского губернатора Свечина, что он имеет право открытия типографии в любом городе на Кавказе. Имея такие документы на руках, он вскоре сторговался в Баку с владельцем типографии Промышлянским за 900 рублей купить старую машину формата писчего листа. Дело было сделано, но только, как обычно, тогда у всех наших организаций не хватило денег. Тов. Кецховели обратился в Баку к некоторым товарищам, которые занимали тогда то или иное официальное положение, и при помощи Леонида Борисовича Красина, Николая Петровича Казеренко и Екатерины Александровны Киц удалось собрать до 800 рублей. Но все-таки этих денег не хватило для уплаты за машину. Тогда мне было предложено от имени организации уйти с железной дороги и перейти на другую работу, которая дала бы мне большую возможность заняться партийной работой и больше времени уделять, в частности, работе в типографии; и вот я по расчету с железной дорогой получил какую-то премию за пробег и ремонт паровозов, сумму, которая на первых порах покрывала все наши расходы по покупке и установке машины.

И вот в один для нас торжественный и радостный день мы купили эту машину и перевезли ее на новую квартиру. Помню, эта квартира находилась на Воронцовской улице, в доме татарина, причем с этим татаринном у тов. Кецховели установились такие доверчивые отношения, что старик татарин постоянно просиживал в типографии около этой машины, и так ему все это нравилось, что он хотел отдать своего маленького сына Нури к нам в ученики. Он говорил, что это самое хорошее занятие — делать книжки: «Обучай Нури, пожалуйста, бери его, пусть он пять лет работает бесплатно». Нури был маленький, и пока что его «работа» ограничивалась у нас получением от нас разных подарков, мы его баловали. Сам татарин по вечерам заходил и коротал время в нашем обществе. Он был вообще домосед, никуда не ходил и постоянно вертелся около нас. Что касается болтовни, то нужно сказать, что бакинские азербайджанцы вообще отличаются молчаливостью, никогда никому ничего не разбалтывают. Главное — то, что наш старик Али-Баба ни в малейшей степени не подозревал, что такой почтенный, добрый, щедрый, удивительно простой и приветливый

человек, как Давид Деметрашвили (Кецховели), занимался нелегальным делом...

Известный риск содержания больших типографий в открытых надземных помещениях, конечно, был, но в первый период организации этих типографий у нас не было достаточно средств, чтобы создать для работы в буквальном смысле подпольные условия, которые были достигнуты во второй период организации работы этих типографий.

Когда наконец нам удалось в первой большой типографии дать первые оттиски некоторых вещей и продемонстрировать их перед тифлисской организацией, которая, надо сказать, очень скептически относилась к нашим начинаниям в большом масштабе, то впечатление получилось громадное. И тогда же было решено всячески поддерживать нас людьми и материалами. Тифлисская организация прикомандировала в наше распоряжение двух наборщиков, дала достаточное количество шрифта и денег для приобретения бумаги, краски и других материалов.

Все это относится, как я говорил уже, к периоду конца 1901 года. В то время уже был организован Бакинский комитет¹. Бакинский комитет назывался комитетом Российской социал-демократической рабочей партии, так же как и Тифлисский комитет после I съезда РСДРП. Связь у нас была не только с кавказскими организациями (тогда комитеты существовали в Тифлисе, Батуме, Кутаисе и в Чиатурах), но была связь и с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Была у нас также связь с группой «Южного рабочего» в Екатеринославе, но главная связь и самая решающая была, конечно, связь с «Искрой».

Бакинский комитет, в который входили мы и наша группа по организации типографии, которая организационно была обособлена от Бакинского комитета, принадлежала к искровским группам, нарождавшимся тогда по России. Вся наша работа как в Бакинском комитете, так и в других нелегальных организациях проходила под знаком и в тесной связи с представителями «Искры». Так продолжалось до II съезда партии, хотя в организации у нас тогда намечались и другие течения, склонявшиеся одни к Бунду, другие — в сторону «экономистов», а третьи — к группе «Южного рабочего», но главный кадр работников Бакинского комитета и отдельная группа во главе с тов. Кецховели все время и неизменно примыкали к «Искре».

Вскоре после организации этой типографии у нас завязалась переписка с «Искрой». Мы тогда еще знали, что, имея связь и переписку с «Искрой», мы тем самым находились в переписке с тов. Лениным. Ему мы сообщили тогда, что у нас имеется типография, которая в состоянии хорошо, чисто и в большом количестве экземпляров производить работу. И тогда было предложено

¹ Бакинский комитет образован в 1901 г. на базе социал-демократических кружков; стоял на искровских позициях. *Ред.*

нам держать связь с «Искрой». Из-за границы мы постоянно получали письма и получали также ответы на некоторые наши вопросы в почте «Искры», причем наш адрес был или твердый знак, или «Нина». «Ниной» называлась наша бакинская типография¹. Нам было предложено ограничиться работой исключительно для искровских групп в России и было предложено порвать связь с «Южным рабочим» (кажется, 5, 7 и 8-й номера его были отпечатаны у нас в типографии). Но параллельно мы печатали также в уменьшенном формате «Искру». Нам пересылали из-за границы матрицы в уменьшенном виде. По этим матрицам отливались стереотипы, и таким образом было отпечатано четыре номера «Искры», от 7-го до 11-го². Когда за границей был получен экземпляр, напечатанный в нашей типографии, он был так превосходно выполнен, что было нам прислано определенное предложение целиком взять эту типографию для обслуживания «Искры».

Я помню, что в одном письме нам прямо рекомендовалось: «Мы советуем «Нине» (это наша типография) порвать всякие сношения с «Женей» (это «Южный рабочий») и прочно связаться с «Катей» («Искрой»). Мы так и поступили, так как все наши симпатии были на стороне «Кати».

И вот, к большому неудовольствию екатеринославских и других товарищей, мы прямо отказали им в печатании «Южного рабочего» и стали выполнять задания искровской организации за границей, а также обслуживали Тифлисский комитет, преимущественно на грузинском языке. Кроме «Искры» мы печатали и распространяли «Листок работника». В то время «Работник» выходил за границей, и вы, вероятно, помните, что при нем были «Листики». Для Грузии они переводились на грузинский язык и печатались. Кроме того, Кецховели переработал известную сказку о лесных братьях и напечатал на грузинском языке.

К этому периоду уже велась кампания за II съезд партии. И вот из-за границы были присланы товарищи, которые назывались тогда, если не ошибаюсь, агентами «Искры». Такой товарищ приехал и к нам и принял деятельное участие не только в работах бакинской организации, но и вошел в небольшую редакционную группу, в которую входили тов. Кецховели, врач Файнберг, Гальперин и я. Гальперин был хороший организатор, очень знающий и всецело стоял на платформе «Искры».

В то время под влиянием «Искры» (мы стали ее получать) мы задумали издавать нелегальный орган на грузинском языке и повели переговоры с тифлисской организацией, в которой тогда и позднее господствовали такие известные деятели, как Жордания, Джибладзе и др. Жордания работал тогда в Тифлисе и издавал легальную газету «Квали», которая пользовалась в Грузии громадным влиянием.

¹ Бакинская нелегальная типография «Искры» («Нина») — организована в 1901 г. бакинской искровской группой (1901—1903 гг.). *Ред.*

² В бакинской типографии напечатан только 11-й номер «Искры». *Ред.*

Когда нам удалось сравнить «Квали» с «Искрой», то стало ясно, что наступило уже время, когда в легальной прессе нельзя было отстаивать и защищать наши лозунги. Было решено в согласии с «Искрой» и тов. Гальпериным, как представителем «Искры», издавать нелегальную газету. Эту газету называли «Брдзола» («Борьба»). Тифлисская организация в лице тов. Жордания и некоторых литераторов из «Квали» отнеслась очень отрицательно к изданию нелегальной газеты. Они говорили, что мы только потеряем средства, а может быть, даже и людей на этом деле. Что касается обслуживания грузинских масс, то и посредством легальной газеты «Квали» это обслуживание достигается полностью. В этом направлении происходила целая борьба между Баку и Тифлисом. Дело дошло даже до небольшой конференции с целью повлиять на тов. Кецховели, который настаивал на создании нелегального органа, говоря, что «легальный марксизм» развращает массы, не закаляет их к борьбе, так как «им дается разжиженный марксизм». По этим соображениям он и настаивал на издании нелегального органа. С целью повлиять на Кецховели была собрана группа рабочих главных предприятий Тифлиса, которых прислали в Баку. Я хорошо помню встречу нашу с этими рабочими, с которыми мы были знакомы еще по кружкам 1896—1897 годов в Тифлисе. Эти рабочие усиленно убеждали нас не тратить ни средств, ни сил на издание нелегальной газеты на грузинском языке, а советовали употребить лучше все свое внимание на то, чтобы издавать брошюры и листовки и этим ограничиться.

«Политический орган,— говорили они,— нам не нужен, раз у нас имеется такой орган, как «Квали». Путем многих примеров, указаний и выписок из некоторых статей в «Искре» Кецховели удалось убедить этих рабочих, что такой орган действительно необходим. После целого дня споров они наконец убедились, что нелегальный орган необходим, и дали обещание, что приедут в Тифлис и будут всецело настаивать, чтобы тифлисская организация, в этот момент довольно богатая силами и средствами, поддержала бы нас. И действительно, они, вернувшись в Тифлис, оказали большое влияние на тогдашний партийный комитет...

Когда тифлисская организация согласилась поддержать средствами издание нелегального органа в Баку, возник другой спорный вопрос между нами и тифлисской организацией. Тифлисская организация настаивала на том, чтобы редакция органа целиком находилась в Тифлисе, а бакинской группе предлагалось технически выполнять все, что решил Тифлис. Такое предложение было решительно отклонено тов. Кецховели и всей нашей редакционной группой.

Чтобы уговорить Кецховели, тифлисцы командировали в Баку одного из своих влиятельных членов, личного друга тов. Кецховели и будущего члена Государственной думы Севериана Джугели; долгие переговоры между Джугели и нашей группой ни к чему не привели, и дело дошло до того, что Кецховели в очень резкой

форме отклонил все легальные предложения тифлисцев и предложил Дждугели немедленно выехать обратно и передать тифлиским товарищам, что он отказывается от какой бы то ни было поддержки с их стороны и, если они будут настаивать и так ультимативно ставить вопросы о месте нахождения редакции, отказывается иметь с ними какие бы то ни было отношения. Наша редакционная группа, имевшая связь через Гальперина с «Искрой», тоже отстаивала свое независимое от тифлисской организации существование и подчиняла себя директивам старой, досъездовской «Искры».

Орган на грузинском языке был нами издан, и нет в Грузии ни одного рабочего — участника революционного движения... который бы не читал газету «Брдзола». Эта газета сыграла колоссальную роль в революционизировании грузинских рабочих, и впервые грузинские читатели увидели разницу между легальным и нелегальным марксистским органом. Тифлисская организация хорошо учла этот опыт и, несмотря на сравнительно широкие легальные возможности, прилагала все усилия к тому, чтобы издавать наряду с легальными газетами нелегальный партийный орган.

Такой опыт не совсем по вкусу пришелся грузинским марксистским легальным литераторам, которые впоследствии сделались оплотом самого кристаллизованного меньшевизма.

Тут я, кстати, должен сказать, что грузинские рабочие массы по своей революционности всегда были гораздо более впереди своих вождей из грузинской интеллигенции.

В нашей работе в самом конце 1901 года произошла некоторая заминка. Дело в том, что матрицы с «Искры» и некоторую переписку из-за границы мы получали по разным надежным адресам. По одному из них, по адресу зубного врача Софьи Гинзбург, мы получили матрицы, запакованные в фанерные ящички. Один из ящичков случайно был раздавлен на бакинской таможне, и таможенные чиновники никак не могли понять его содержимого. Пришлось им обратиться в жандармское управление, которое, как мы узнали потом, созвало специальную комиссию для определения таинственного груза в виде матриц.

Зубной врач Гинзбург была арестована в ночь на 1 января 1902 года, и это обстоятельство поставило нашу типографию и нашу группу в опасное положение. Софью Гинзбург очень долго допрашивали о характере полученной на ее имя посылки, но она самым искренним образом не могла объяснить, что эти матрицы означают. Она знала лишь одно — что один из членов нашей группы получает из-за границы нелегальные пакеты; что к чему относилось, она не имела ни малейшего представления. Она стойко выдержала долгое заключение в тюрьме и решительно отказывалась от каких бы то ни было показаний на всякие вопросы жандармского дознания.

Когда мы сообщили в «Искру» о совершившемся провале матриц, оттуда нам было предложено беречь как зеницу ока типогра-

фию, по возможности сокращать общую работу и усилить работу по транспорту. Такой транспорт заграничной литературы был нами организован в Батуме через французское пароходное общество «Пакэ». В Баку мы получали извещения о выходе парохода из Марселя с названием судна, на котором нам везли нелегальный груз и присылали пароль к определенному лицу на пароходе.

Для получения первого транспорта литературы был командирован в Батум я в начале марта 1902 года...

Разыскав названного мне конторщика, я вызвал его на берег моря и прямо заявил ему о цели моего приезда из Баку. Пароход, на котором должен был находиться наш груз, стоял тут же на рейде. Служащий из конторы «Пакэ» имел возможность беспрепятственного доступа на пароход. За услуги разузнать на пароходе, есть ли груз на имя такого-то (груз посылался через главного повара парохода, к которому был обращен сообщенный нам пароль), он получил от меня 10 рублей, и в случае получения мною всего груза я должен был ему доплатить еще 15 рублей.

Таким образом, было условлено, что, когда пароход на ночь отойдет от берега на условленное расстояние, я с двумя контрабандистами-лодочниками должен буду тайком подплыть к пароходу с противоположной от берега стороны, и по известному сигналу с лодки «шеф кизинье» должен был бросить в море пакеты с литературой. Литература была специально упакована в непромокаемую вошеную бумагу.

В тот же вечер два пуда литературы мною были получены благополучно. С двумя лодочниками и с конторщиком из общества «Пакэ» мы после удачной контрабанды собрались в кабаке, где дали друг другу клятву и в дальнейшем поддерживать нашу «дружбу».

Таким способом не раз нами получалась литература из-за границы, и ни разу в Батуме провала не было. Впрочем, я лишь недавно, случайно рассказывая об этом эпизоде, узнал, что отправителем литературы из Марселя по указанным адресам был Петр Смидович, с которым мы очень посмеялись, вспомнив наше случайное сотрудничество, не зная тогда еще друг друга. Присылаемая литература состояла из номеров «Искры», «Зари» и отдельных изданий группы «Искры» и «Зари»...

Такое получение литературы из-за границы несколько сократило работу нашей типографии, но все-таки работа все время продолжалась в виде печатания брошюр на русском и грузинском языках.

В начале 1902 года рабочее движение в Баку приняло более широкие и вполне определенные по своему направлению и программе размеры. Таким образом, бакинская организация росла и крепла, и некоторые из нашей группы, в том числе и я, были членами Бакинского комитета с самого его основания и, работая в организации и кружках, делая некоторые агитационные выступления, могли быть легко прослежены, идя на ночную работу в типогра-

фию. Но не было никакой возможности целиком отдаться работе в типографии или перейти работать в организацию, не касаясь типографии, ибо у нас не хватало людей, чтобы отделить эти две работы.

Ввиду таких затруднений в работе нами был поставлен вопрос об окончательном распределении сил для работы в типографии и в партийном комитете. К этому же моменту было сделано предложение из-за границы обсудить вопрос о перенесении типографии из Баку в центр России. В предложении прямо указывалось, что после съезда партии, который тогда подготавливался, было бы целесообразнее перевести типографию в один из городов промышленного района России, чтобы лучше обслуживать нелегальной литературой и центр и окраины. Мы с таким предложением, разумеется, согласились, и было решено, после некоторой предварительной работы, типографию в Баку ликвидировать и перевести ее в Россию. Намечались города: на Волге — Самара и Саратов, в центре — Иваново-Вознесенск. Москвы никто не предлагал, считая совершенно невозможным устроить типографию в этом городе. Предполагались также некоторые из южных городов, например Елисаветград и Полтава.

В 1902 году Бакинский комитет решил отпраздновать маевку на улицах города, выйдя с внушительной демонстрацией. Мы усиленно готовились к этому выступлению, изготовили красное знамя с соответствующими лозунгами, отпечатали заранее в нашей типографии майские листки от имени Бакинского комитета и т. п.

Еще до маевки, 14 марта, большинство членов Бакинского комитета было арестовано. Из членов комитета уцелело у нас двое: ныне покойный Богдан Кнуныянц и я. Меня спасла ночная работа в типографии. Вся работа по подготовке маевки легла на нас. После провала части Бакинского комитета перед нами еще острее встал вопрос о перенесении типографии из Баку в центр России. В начале апреля я с тов. Кецховели и с двумя товарищами наборщиками типографии — с Болквадзе и Цуладзе приступили к ликвидации типографии. Ликвидация заключалась в том, что весь шрифт (его было до 15 пудов) мы упаковали в маленькие отдельные пакеты, и я доставлял эти пакеты в железнодорожный район одному помощнику машиниста, с которым имел связь по своей старой работе на железной дороге, и эти пакеты он увозил на паровозе в ближайшее депо от Баку — Аджакабул и там прятал их у нашего надежного товарища — кладовщика.

Что касается машины, то мы ее упаковали и сдали на хранение на пристань. По тогдашним правилам товары могли лежать на хранении месяцами. Пароходное общество «Надежда» приняло этот огромный ящик с машиной. Мы, конечно, не указали никакого адреса, а просто сдали на хранение для отправки по нашему указанию на предьявителя. Любопытным из конторы общества мы говорили, что это токарный станок, который мы отправляем в Петровск или другой каспийский порт.

После того как мы шрифты сдали в надежное место, а машину отправили на пристань, двое товарищей-наборщиков выехали в Тифлис, я же остался в Баку и работал исключительно в организации.

Тов. Кецовели, согласно предложению из-за границы, выехал в Россию, чтобы посетить намеченные нами города для перевозки туда типографии. Он выехал на Волгу в середине апреля 1902 года.

Маевку бакинская организация праздновала в первое воскресенье после 1 Мая... Демонстрация вышла очень внушительная. Это было первое открытое выступление рабочих в Баку, которое произвело огромное впечатление, судя по тогдашним правительственным сообщениям.

Другие города России также очень горячо отозвались на эту демонстрацию, но в результате такого удачного выступления был почти полный провал всей бакинской организации: 86 человек из нас было арестовано. Одним словом, вся верхушка и вся активная часть бакинской организации была арестована. Я и ныне покойный тов. Кнуньянц (Радин) были арестованы еще на улице около его квартиры, куда мы после демонстрации направлялись, чтобы написать радостную корреспонденцию в «Искру». Корреспонденцию мы все же послали в «Искру», только из тюрьмы. Через три недели мы все были освобождены, но вообще эта демонстрация и еще больше арест многих влиятельных и популярных товарищей повысили влияние социал-демократии на бакинские массы. Влияние наше все росло, и мы развили энергичнейшую работу. В летнее время целыми группами или митингами мы собирались за промыслами в поле, и работа в буквальном смысле слова кипела.

Когда тов. Кецовели из газет узнал, что в Баку был провал, то он очень обеспокоился и в августе вернулся обратно в Баку. Он сообщил, что ни в одном из городов России не нашел подходящего места для типографии. Николай Иванович Соловьев мне рассказывал историю, что когда Кецовели приехал в Самару, то ему назначили явку на другой день в 4 часа, чтобы переговорить с товарищами, но в ту же ночь эта явка провалилась. Надо было предупредить каким бы то ни было способом приезжего Кецовели, что квартира провалилась. Никто не знал, где он остановился. И вот что же сделали? Некоторых товарищей разослали в разные части города и сказали им, что должен пройти человек с черной бородой, смуглый, в соломенной шляпе и что это и будет приезжий из Баку товарищ. И вот действительно, на улице к нему подходит один из товарищей, который узнал его по описанным признакам, и говорит ему: «Не ходите туда, куда вам было назначено». Кецовели также рассказывал об этой истории как об анекдоте и говорил, что все российские города для нас, южан, такие, что сразу тебя все приметят.

После этого он написал в «Искру», что единственным подходящим местом для типографии остается только Баку, что мы должны здесь остаться. Мы тогда же решили оставить типографию в

Баку, но снять более законспирированную квартиру, не на таких началах, как была устроена типография в доме Али-Баба.

После принятия решения относительно Баку тов. Кецховели приступил к поискам квартиры. Наконец квартира из трех комнат была найдена на Чадровой улице. Кецховели уговорился с мусульманином Джибраилом, владельцем этой квартиры, о том, что он намерен открыть картонажную мастерскую, обещая, если дела пойдут хорошо, взять его в товарищи по предприятию. Джибраил охотно принял предложение, и, по восточному обычаю, начались угощения друг друга, и они скоро побратались. Если кто-нибудь на Востоке вообще, и в особенности мусульманин, подружится или побратается с кем-нибудь, то это уже верная порука тому, что он не выдаст и не изменит. Такого типа человек был и Джибраил, что и доказал он на деле.

Кецховели познакомил с Джибраилом тов. Болквадзе и меня и представил нас ему как своих работников. На дружбу с ним и быть приглашенными на плов (восточное кушанье) мы не могли рассчитывать.

Машину, которую летом отправили на предъязителя в Петровск, вернули обратно в Баку, и мы ее в два вечера установили в новом помещении у Джибраила.

После установки машины, касс и другого оборудования мы приступили к перевозке шрифта из Аджикабула. Доставка была поручена тому же тов. Виктору Бакрадзе, через которого мы из Баку переправили шрифт туда на хранение. Бакрадзе был помощником машиниста товарного паровоза и совершал маршруты Баку — Аджикабул в течение трех дней; таким образом, вся доставка 15 пудов шрифта заняла бы больше месяца, если бы Бакрадзе каждый раз возил не более одного пакета в один пуд, как ему было нами задано.

Шрифт он доставлял на свою квартиру, а оттуда я переправлял его в типографию ночью обходными улицами. Таким медленным и осторожным путем уже было доставлено около 10 пудов шрифта. Тов. Бакрадзе, поощренный таким успехом и особенно надеясь на свою исключительную физическую силу, позволявшую ему без напряжения поднимать 5—6 пудов груза, решил сразу покончить с доставкой остального количества шрифта и взял с места хранилища на паровоз сразу несколько пакетов, перевязанных веревкой. Тов. Бакрадзе, легко таща 6 пудов груза небольшого объема, совершенно не обращал на себя внимания. Но тут случилась беда. Когда он проходил мимо вокзала в депо, где стоял его паровоз, готовый выйти под поезд, оборвалась веревка, которой были перевязаны пакеты со шрифтом, и он рассыпался.

Когда, растерявшись при этом обстоятельстве, тов. Бакрадзе стал наскоро подбирать рассыпавшийся шрифт, он обратил на себя внимание проходивших рабочих депо и службы движения. По словам Бакрадзе, все бы уладилось благополучно, если бы не помощник начальника депо, бывший машинист Регенкашиф, который

сразу узнал, что за груз везет тов. Бакрадзе, и сообщил об этом станционному жандарму. Бакрадзе и его машинист Циклаури были задержаны до выяснения дела, а с их поездом послали другой паровоз.

В тех случаях, когда я знал, с каким товарным поездом по расписанию должен был вернуться Бакрадзе, я его встречал на паровозной станции Баку и непосредственно принимал от него груз. Так было и в описываемом случае, но вместо Бакрадзе и Циклаури с их поездом приехала другая бригада, тоже хорошо знакомая мне, так как я работал сам по службе тяги. Приехавшие машинист и его помощник мне сообщили все, что знали об аресте Бакрадзе.

Я тотчас же отправился к Кецховели и сообщил ему о провале Бакрадзе. Необходимо было с ним решить вопросы, связанные с последствиями ареста шрифта. В первую голову надо было очистить квартиру Бакрадзе, потом необходимо было Кецховели удалить из нашей штаб-квартиры тоже в железнодорожном районе. Там мы встречались с некоторыми товарищами, и так как я кроме типографии, как член комитета, работал еще в организации и недавно вышел из тюрьмы, за мной следили. Квартира эта принадлежала двум железнодорожным машинистам — Евсею Георгобиани и Дмитрию Бакрадзе. В это время Кецховели находился в квартире Георгобиани.

Когда я явился к нему, рассказал все и предложил ему немедленно удалиться в нашу конспиративную квартиру, где находилась типография, о местонахождении которой знали только мы и еще наш товарищ — наборщик Иван Болквадзе, он категорически отказался идти, заявив, что, если придут сюда с обыском, он все расскажет жандармам, откроется, что он Кецховели, и во что бы то ни стало выгородит Виктора Бакрадзе.

— Я не могу пережить, если его арестуют из-за меня, а я останусь на свободе, — заявил он.

Никакие мои доводы на тов. Кецховели не подействовали. Оценивая его поступок с точки зрения прошлого и с точки зрения всего нами пережитого впоследствии, конечно, нельзя найти для этого оправдания, но психологически, кто знал характер и общее состояние тов. Кецховели в тот момент, поймет, почему он не нашел в себе достаточно сил, чтобы скрыться и не быть арестованным. Во всех своих действиях и поступках Кецховели, разумеется, выше всего ставил интересы дела. Но в ту минуту, когда перед его глазами развернулась картина провала нашего дела, он так был этим обстоятельством охвачен весь, что отдался всецело своим чувствам. В этом отношении он был исключительный человек. Закаленный в суровых условиях воспитания и революционной борьбы, он в то же время являл образец самого любящего и мягкосердечного товарища.

При известии о том, что Виктор Бакрадзе арестован и что в связи с этим могут арестовать целый ряд хороших наших товарищей, которые нам в наших нелегальных начинаниях оказывали

неоценимые услуги, он горько заплакал и ни за что не хотел уйти из квартиры, на которую скоро могли явиться жандармы, во-первых, потому, что эта квартира, несомненно, находилась под подозрением, и, во-вторых, потому, что в этой квартире проживал Дмитрий Бакрадзе, однофамилец арестованного со шрифтом Виктора Бакрадзе.

Когда мои доводы остались тщетными, мы просто стали обсуждать, что нам делать дальше. Кецховели мне предложил, чтобы я немедленно занялся очисткой квартиры Виктора Бакрадзе, так как мы знали, что там имелось некоторое количество шрифта, еще не полученного нами. Кроме того, он поручил мне в ту же ночь разыскать Ивана Болквадзе и с ним принять все возможные меры к спасению типографской машины и всего находящегося там типографского материала, причем дал указание в случае сопротивления домохозяина к увозу из дома машины и других предметов, как с ним объясниться. Все эти указания и поручения меня еще больше удивили в тот момент еще потому, что Ладо Кецховели заявил, что ни за что из той квартиры, в которой он остался, не уйдет и что его решение дать себя арестовать и этим спасти целый ряд товарищей было твердо.

Что он своим поступком совершил огромную ошибку, в этом он сам сознавался на третий день после этого вечера, когда мы вместе очутились в Баилловской тюрьме в Баку, но, повторяю, в тот момент его состояние было такое, что он иначе поступить не мог. В первый период истории нашей партии, когда еще очень много у каждого из нас было романтизма и мало было организационного и другого опыта, такие случаи, наверное, имели место и в других местах...

После двухнедельного содержания в бакинской тюрьме, по предписанию прокурора тифлисской судебной палаты, нас перевели в Тифлис и заключили в одиночных камерах Метехского замка. Еще до отправки нас в Тифлис мы все перебивали на допросе в бакинском жандармском отделении.

Во время моего допроса ротмистром Карповым в его кабинет принесли два чемодана с заграничной литературой. В одном чемодане были номера «Искры», а в другом — номера «Зари» и брошюра Ленина «Что делать?». Карпов обратил мое внимание на эти чемоданы и сказал:

— Полюбуйтесь, господин Енукидзе. Это ваши вещи?

Через несколько минут Карпова вызвал начальник жандармского управления не то к телефону, не то в следующую комнату. Уходя, он приказал стоявшему тут жандарму:

— Смотри за ним.

Оставшись вдвоем с жандармом, я попросил его разрешить мне посмотреть на книги, лежавшие в открытых чемоданах. Он мне разрешил, но только сказал, чтобы я проделал все скоренько. Я взял в руки 22-й номер «Искры» и брошюру «Что делать?». Мы с величайшим нетерпением в организации ждали этого номера, так

как в нем был помещен проект программы РСДРП¹. Еще с большим нетерпением ждали мы получения столь нашумевшей брошюры «Что делать?». Я спросил жандарма, лицо которого мне показалось симпатичным: «Нельзя, земляк, эти две вещи взять с собой?» — на что он сначала резко отказал, а потом пояснил, что если найдут их у меня, то будет хуже. Я ему сказал, что я уже арестован, обыскан, нового обыска, по-видимому, не будет, так что мало вероятно, что их у меня найдут, а если найдут — даю честное слово, что скажу, что незаметно для него я их стащил. Очевидно, что мое положение и моя искреннейшая просьба произвели на него впечатление, и он буркнул:

— Ну ладно, берите, только того... поосторожнее.

На другой или на третий день после моего допроса нас отправили в Тифлис, и по дороге мне так удалось запрятать по частям и «Искру» и «Что делать?», что я пронес их в камеру Метехского замка.

Так кончился первый период работы наших нелегальных типографий при непосредственном участии и руководстве Владимира Кецховели.

После нашего ареста и неудачного обыска жандармов в доме Джибраила вся бакинская полиция была поставлена на ноги, чтобы найти типографию и лиц, причастных к нашей нелегальной работе по транспорту заграничной литературы. Все эти поиски не дали никаких результатов.

После четырехмесячного заключения в Метехском замке арестованные с нами оба Бакрадзе и Григорий Сагоров были освобождены. Таким образом, в тюрьме остались тов. Кецховели и я. На допросах выяснилось, что тифлисское жандармское управление хорошо было осведомлено о нашей работе в Баку, но прямых документов против нас у них не было, за исключением двух зашифрованных моей рукой писем в «Искру», перехваченных и проявленных ими. Кецховели и мне было предъявлено обвинение по 151-й и 152-й статьям. Жандармский ротмистр Рунич часто показывал нам анонимные письма к нам, якобы перехваченные им, в которых сообщалось, что наша типография найдена полицией и арестован целый ряд товарищей, имена которых тут же приводились. Мы с первого же раза раскусили все эти махинации и с самого начала решили и твердо проводили — не давать на допросе никаких показаний.

Режим в Метехском замке был очень строгий. Это было в годы 1902-й и 1903-й, когда главначальствующим на Кавказе был князь Голицын, который проявлял особую свирепость по отношению к политическим заключенным. Несмотря на эти строгости, заключен-

¹ Проект Программы РСДРП опубликован в 21-м номере «Искры» в июне 1902 г. *Ред.*

ные все-таки ухитрялись всяческими способами сноситься друг с другом и даже передавать маленькие записки, а иногда целые страницы из брошюр.

В то время в Метехском замке содержалось много товарищей, которые впоследствии занимали в партии очень видное положение. Большинство видных грузинских работников было тогда арестовано. Брошюра Ленина «Что делать?» и 22-й номер «Искры», привезенные нами из Баку, создали в Метехском замке целую эру жизни в тюрьме. Над моей камерой была очень большая камера, где было собрано 16 товарищей, по делам которых следствие уже было закончено и которые ждали ссылки в Восточную Сибирь. Их высылка в Сибирь задержалась на несколько месяцев, и за это время они, получив такую литературную пищу, как упомянутые мною брошюра «Что делать?» и 22-й номер «Искры», содержащий в себе проект партийной программы, открыли у себя в камере целую школу по изучению этих вопросов. Их мнения по этим вопросам и разногласия, которые у них намечались, сообщались всем другим товарищам, сидящим в одиночных камерах. Завязалась полемика между группой упомянутых товарищей и тов. Кецховели, который сидел через несколько камер от меня.

Мы, бакинцы, решительно стояли на точке зрения брошюры «Что делать?», и к нам примкнуло огромное большинство товарищей, даже из тех, которые впоследствии были лидерами грузинского меньшевизма.

Тов. Кецховели своей энергией и неутомимостью оживлял всю тюрьму и был величайшим мастером по изысканию способов передачи записок заключенным товарищам даже в карцеры. Установленные в тюрьме правила и порядок он неизменно нарушал и во многих отношениях приучил тюремную администрацию относиться к его выходкам совершенно иначе. Среди уголовных каторжан у Кецховели также установились хорошие отношения, так что, когда он проходил через главный двор на прогулку в церковный дворик, куда его водили специально, уголовные арестанты, находящиеся во дворе, или из окон все громко приветствовали его. Высшее начальство постоянно предписывало обуздать заключенного Кецховели, но обыкновенно тюремная администрация была бессильна что-нибудь сделать.

Окна камеры Кецховели выходили на Куру, на противоположном берегу которой была расположена небольшая табачная фабрика. И вот тов. Кецховели различными знаками ухитрялся завязать сношения с рабочими этой фабрики, и во время обеденного перерыва или после вечерних работ большие группы рабочих подолгу выстаивали против тюрьмы, отвечая Кецховели на его знаки своими. Дело часто доходило до того, что из тюрьмы по телефону сообщали в ближайший полицейский участок, и рабочих разгоняли.

Прокурор судебной палаты, хорошо осведомленный обо всем этом, вздумал отвлечь внимание Кецховели иными занятиями и

принес ему несколько карандашей и пронумерованных тетрадей, прося его заняться воспоминаниями о своей прошлой жизни и изложением его взглядов на различные теоретические вопросы.

Тов. Кецховели первую тетрадь заполнил злейшими карикатурами на всех начальствующих лиц, в том числе и на самого прокурора судебной палаты, а остальную бумагу и карандаши очень искусно пораздавал по камерам. В следующее посещение прокурора Кецховели преподнес ему свою работу, и прокурор при всей своей сдержанности был взбешен, так как Кецховели его просто одурчил.

Администрация решила применить к Кецховели исключительный режим, но всякая такая попытка вызвала со стороны всех заключенных сильнейший протест. Все внешние окна замка несколько раз заколачивались досками, но мы их неизменно ломали, подвергаясь за это всяким лишениям.

В начале лета 1903 года до нас дошли сообщения из Баку, что типография наша благополучно выкуплена у Джибраила и нашими же товарищами установлена и оборудована очень хорошо. Все сообщения жандармов об аресте типографии и товарищей оказались ложными. Эти известия придавали нам новую энергию для работы и занятий в тюрьме, на товарища же Кецховели все такого рода известия извне действовали таким образом, что он совершенно выходил из подчинения каким бы то ни было правилам и инструкциям и удваивал свои сношения с товарищами, ободряя всех.

Когда высшее начальство убедилось, что тюремная администрация бессильна обуздать Кецховели, а на его перевод из тюрьмы она не решалась, оно задумало более простое и жестокое дело. Было решено напоить и подкупить одного часового, который во время переговоров тов. Кецховели из-за решетки своего окна с другим товарищем, после одного предупреждения, выстрелил и убил его наповал 17 августа 1903 года.

Так закончилась жизнь одного из самых выдающихся молодых работников в области марксизма на Кавказе и самого лучшего организатора всех нелегальных предприятий партии и основоположника нелегальных типографий в Баку, ставших затем самыми главными и центральными типографиями нашей партии...

В РЯДАХ СИБИРСКОГО СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА

Весною 1902 года я вместе с Доброхотовым, Самойловичем, Дробышевым и Калмыковым участвовал в попытке образования Томского комитета партии. Все мы были Николаи и шутя называли себя «пять против одного». Однако, по крайне недостаточной политической подготовленности состава, наша попытка показалась мне слишком легкомысленной, и я от них ушел. Политическая неподготовленность заключалась и в недостаточном политическом образовании, и в недостатке практического опыта в организационной работе...

Нашей главной практической задачей было возможно более широкое распространение искровской литературы, в чем мы видели главное средство к тому, чтобы предотвратить намечавшийся в то время, после выстрелов Карповича и Балмашева, отрыв революционеров от масс. В этом духе и было составлено первое воззвание нашей группы, вслед за которым был переиздан нами искровский проект партийной программы со вступительной статьей, заявлявшей о полной нашей солидарности с «Искрой».

Главной работой группы было переиздание номеров «Искры» и отдельных статей из «Зари». Техника у нас была мимеографская. Мимеографов было штук шесть, к ним приспособлены были особые «сушилки». Пишущие машинки работали без перебоя, так что удалось через 24 часа по получении экземпляра «Искры» приготовить несколько сот мимеографических оттисков...

Одновременно с такого рода чисто издательской работой наша группа непосредственно обслуживала и массовое движение.

Так, например, когда экспромтом устроенная студенчеством демонстрация по случаю годовщины освобождения крестьян закончилась избиением демонстрантов, нашей группой был в несколько часов выпущен и распространен в громадном числе экземпляров листок, написанный моим зятем А. А. Кийковым, — «К лишенным прав» с призывом на общенародную демонстрацию. Эта демонстрация протеста, имевшая место 20 февраля 1903 года, собрала больше 5 тысяч народа и оказалась настолько внушительной, что власти совершенно растерялись.

Кроме студенческой компании, обслуживавшей технику и распространение, в нашу группу входило несколько интеллигентов-искровцев, которые составляли литературную коллегию и собирали

деньги. Тут была моя сестра Надежда, ее муж А. А. Кийков, супруги Броннеры, В. М. и Е. Б., и Л. К. Николаева. Денег же при широте нашей издательской деятельности и слабом поступлении доходов нам надо было очень много.

Кроме нашей группы была тогда в Томске и еще одна группа революционной социал-демократии, тоже преимущественно студенческого состава. В нее входили Н. Н. Суслов, Попов Михаил, Попов Павел, Писарев, Рябов. Все мы были довольно тесно между собою знакомы по участию в революционной подпольной работе, в кружках, собраниях и т. д...

Таким образом, вместе с комитетом экономического направления в Томске было три самостоятельных социал-демократических организации. Но тут подоспело ленинское «Что делать?» и быстро произвело необходимую для ликвидации кустарничества подготовительную работу в головах социал-демократической публики.

Переворот в головах не замедлил сказаться и на организационных формах. Сибирский социал-демократический союз, впервые заявивший о своем существовании рабочедельческими листками еще в 1901 году¹, подвергся реорганизации: лидер нашего сибирского «экономизма» Валяна Воложанинов принужден был выйти оттуда, и новый состав «Союза» в своей программной декларации от января 1903 года совершенно категорически высказался за искровское направление. В этой декларации все «ударные места» из «Что делать?» были даже выписаны крупным шрифтом.

Вслед за этой декларацией появился целый ряд печатных листов и брошюр с перепечатками из «Искры» и «Зари». Типографская техника была у нас в Сибири тогда еще редкостью, поэтому все эти издания весьма импонировали нашей публике, и престиж «Союза» сразу поднялся на значительную высоту.

К тому же создание крепкой партийной организации властно диктовалось и интересами массового движения. Под напором жизни стали поддаваться и сидевшие в комитете «хвостисты», начавшие наконец понимать, что политика в рабочем движении может и должна играть более важную роль, чем та, какую до сих пор отводили ей они в своих листках на темы экономической агитации. С весны 1903 года я счел возможным войти в состав комитета, не распуская, впрочем, еще группы, выступал на массовках, писал «листки», участвовал в организации первомайской демонстрации. Группа эта продолжала свое существование и летом 1903 года, и новый «Союз» признал ее своей...

Эта первомайская демонстрация 1903 года имела совершенно исключительное значение в истории рабочего движения в Томске.

¹ Сибирский союз РСДРП (до середины 1903 г. — Сибирский социал-демократический союз) создан в 1901 г. в Томске; объединял деятельность социал-демократических организаций Томска, Красноярска, Читы, Омска, ст. Тайга, Илонская. В январе 1903 г. Союз объявил о своем присоединении к РСДРП на правах комитета и признал «Искру» своим руководящим органом. *Ред.*

Все предшествовавшие демонстрации были студенческими как по инициативе и поводам, так даже и по преобладающему составу. Рабочим, как мне это было известно через свои пропагандистские кружки, определенно захотелось устроить «свою» демонстрацию.

И хотя первая, предпринятая в начале дня, организованная попытка открыть шествие кончилась арестом всей почти инициативной группы, зато к вечеру, сразу по окончании работ, состоялась почти стихийно весьма внушительная и чисто рабочая по составу демонстрация, сразу вылившаяся в форму крайне острого столкновения не только с полицией, но и с войсками.

После этой демонстрации некоторое время все чернорабочие и строительные рабочие стали работать не более 8 часов. «Как отрезало», «точно взбесились» — так отзывались подрядчики. Не менее показательным для значения этой демонстрации было также и то, что эсеровская компания, состоявшая в Томске главным образом из ссыльных народовольцев во главе с С. П. Швецовым, признала наконец силу «мальчишек» и сделала нам довольно оригинальное предложение: они давали бы нам деньги на расширение типографии, с тем чтобы мы издавали их листки и прекратили «травлю» против них.

Учитывая опыт этой демонстрации, наглядно показывавший необходимость более широкой и дисциплинированной организации, я создал при комитете «боевую организацию» на таких началах: комитет назначал центральную группу, а каждый из членов этой группы формировал свой «десяток». Душой этой «боевой организации» был фельдшер Александр Михайлович Смирнов, человек уже тогда довольно пожилой и отличавшийся настолько же симпатичной, настолько и редкой чертой: он так же мало говорил, как много делал.

*Баранский Н. Н. Воспоминания о подпольной работе в 1897—1907 годах.
Изд. 2-е. Томск, 1961, с. 26—33*

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ТЕХНИКА

...С появлением центра, созданного заграничным съездом¹, и с оптацией этим центром ряда партийных работников, действовавших в самой России, создалась впервые постоянная связь между Женевой и теми главнейшими промышленными центрами России, в которых велась практически социал-демократическая работа. При существовании партии в подполье нельзя было пользоваться легальными методами сношений. Приходилось устанавливать сложную систему адресов, явок, паролей, организовывать в российских центрах явочные пункты, опираясь на сочувствующие буржуазные слои, использовать докторов, зубных врачей, технические и коммерческие предприятия и пр. для приема людей, посылки и получения заграничных писем и т. д.

Кажется, Наполеону принадлежит изречение: «Деньги — нерв войны».

Но и революционную работу нельзя было вести без денег, и поэтому организация финансов партии стала перед нами одной из настоятельнейших задач...

Конечно, все участники партийных кружков и организаций облагались определенным сбором, но, к сожалению, эти сборы почти никогда не доходили до центральной коллегии и расходовались либо на местные нужды организации, либо направлялись непосредственно за границу в «Искру», как поддержка газеты, или на брошюрную литературу. Приходилось изыскивать другие средства. Одним из главных источников было обложение всех других оппозиционных элементов русского общества, и в этом деле мы достигли значительной виртуозности, соперничая с меньшевиками и с партией эсеров. В те времена, при минимальном дифференцировании классов и при всеобщей ненависти к царизму, удавалось собирать деньги на социал-демократические цели даже в кругах сторонников «Освобождения» Струве.

Считалось признаком хорошего тона в более или менее радикальных или либеральных кругах давать деньги на революционные партии, и в числе лиц, довольно исправно выплачивавших ежемесячные сборы от 5 до 25 рублей, бывали не только крупные адвокаты, инженеры, врачи, но и директора банков и чиновники государственных учреждений. С течением времени удалось привлечь к делу финансовой поддержки партии некоторых меценатов

¹ Имеется в виду ЦК РСДРП, созданный на II съезде партии. *Ред.*

из слоев и сфер, казалось бы, совершенно не сочувствовавших рабочему движению. Достаточно сказать, что С. Т. Морозов — крупный московский фабрикант — регулярно вносил в распоряжение нашего Центрального Комитета по тогдашним временам довольно крупные суммы, и последний взнос был мною лично получен от С. Т. за два дня до его трагической смерти¹.

С. Т. Морозов оставил после своей смерти страховой полис, большая часть суммы которого душеприказчиками С. Т., по его указаниям, сделанным задолго до смерти, была передана также в распоряжение нашего ЦК. Значительные суммы были получены нашей партией через А. М. Горького, который давал и свои деньги и привлекал разных состоятельных людей к делу помощи партии. Между прочим, через посредство А. М. Горького была установлена впервые связь между нашей бакинской техникой, нуждавшейся в средствах, и А. Д. Цюрупой, управлявшим тогда в Уфимской губернии имениями Кугушева и поддерживавшим нас с этого момента систематической присылкой денег.

Довольно много денег собиралось также всякого рода предприятями, вплоть до спектаклей, вечеров и концертов. Наша закавказская техническая организация довольно успешно использовала приезды на Кавказ В. Ф. Комиссаржевской, дававшей часть сборов на нужды партии. Один из вечеров с участием В. Ф. Комиссаржевской, прошедший с громадным успехом, был устроен в Баку по случайности как раз в том самом доме, в котором жил начальник местного губернского жандармского управления.

В последующий период существования партии удавалось организовывать ряд коммерческих предприятий, дававших значительные поступления. Следует упомянуть о довольно крупном наследстве, полученном нашей партией от замученного царским правительством в московских тюрьмах студента Шмита, завещавшего партии свою долю участия в товариществе Викулы Морозова. Получение этих денег сопровождалось спором с некоторыми сонаследниками, и в качестве курьеза можно отметить, что большинство третейского суда, присудившего в нашу пользу эти деньги, состояло из эсеров Минора, Бунакова и др.

Бывали и весьма трогательные случаи. Так, однажды к нам в Питер явилась молодая девица и заявила о сочувствии партии и желании передать в собственность партии доставшееся ей по наследству небольшое имение где-то на юге России. Ввиду несовершеннолетия жертвовательницы пришлось прибегнуть к несколько сложной комбинации, а именно предварительной выдаче ее замуж и продаже имущества уже с разрешения мужа. Для разочарования тех из наших врагов, которые при чтении этих строк готовы будут поставить в упрек нашей партии ограбление несовершеннолетних

¹ Он застрелился в Каннах. Я заехал к С. Т. в Виши, возвращаясь с лондонского III съезда в 1905 г., застал его в очень подавленном состоянии в момент отъезда на Ривьеру, а через два дня, возвращаясь нелегально из Берна в Россию, в поезде прочел известие о его самоубийстве. *Прим. автора.*

девиц, могу добавить, что жертвовальница эта — Федосья Петровна Кассесинова — и посейчас состоит в рядах нашей партии, занимая скромную должность шифровальщицы в одном из наших торговых представительств. Муж ее, к сожалению, погиб, сражаясь за республику на Сибирском фронте.

Деньги нам нужны были главным образом для поддержания типографской техники и транспорта. Жили партийные работники обыкновенно на свои собственные средства, перебиваясь случайными занятиями, уроками или поддержкой родственников и знакомых. Лишь значительно позднее, уже после 1905 года, было поставлено некоторую небольшую часть партийных работников систематически поддерживать из партийной кассы. Но даже и в это позднейшее время речь шла о буквально грошовых выдачах в 25—30 рублей в месяц. Приходилось давать деньги лишь на более или менее серьезные поездки, в особенности связанные с нелегальным переходом границы, уплатой контрабандистам и т. д.

Перевозка литературы и ее хранение стоили изрядных денег, приходилось не только оплачивать фрахт, но и снимать склады, помещения, заводить подставные предприятия.

Но наибольшие расходы шли на типографский технический аппарат, на закупку и оборудование типографий, приобретение бумаги, шрифта и содержание наборщиков и печатников.

Наиболее сильной типографской техникой обладали наши бакинские типографии. Бакинская типография была задумана в 1901 году безвременно погибшим грузинским нашим товарищем Ладом Кецховели. Некоторые средства мы уже тогда могли предоставить в его распоряжение, но не было никакой возможности купить типографскую машину и систематически покупать бумагу, краску, шрифт и т. д., не имея губернаторского свидетельства на право открытия типографии. Тов. Лад очень просто вышел из этого затруднения. Он составил на свое имя удостоверение от имени елисаветпольского губернатора на право открытия типографии, переписал это удостоверение на полученном заранее бланке с губернаторским титулом и затем сам подписал этот документ за губернатора. Когда мы начали сомневаться в возможности что-либо сделать по этому бесспорно подложному документу, он и тут вышел из затруднения и через несколько дней, торжествуя, показывал нам бумагу с печатями и заверениями нотариуса.

Он попросту снял копию с подложного удостоверения и, засвидетельствовав ее у бакинского нотариуса, получил, таким образом, документ, на котором не было уже ни одной подложной подписи. С этим документом Лад благополучно приобрел необходимые машину и материалы, и подпольная техника РСДРП начала работу в Баку и не прекращала ее вплоть до 1905 года, когда наша бакинская типография по случаю революции перешла на легальное положение и довольно торжественно вместе со значительной частью самих работников была водворена в Питере, в большой коммерческой типографии товарищества «Дело», которое было

основано для печатания «Новой жизни» и других большевистских изданий.

Следующим руководителем бакинской техники был Трифон Теймуразович Енукидзе (кличка Семен), ныне руководитель нашей государственной фабрики денежных знаков. Семен Енукидзе значительно расширил наследство, оставленное ему тов. Ладо. Вся работа была построена по принципу строжайшей конспирации с применением своеобразных технических методов, едва ли более где-либо и кем-либо применявшихся. Для привоза бумаги и выноса готовых изделий тов. Семен весьма искусно использовал некоторую замкнутость, в которой жило татарское население Баку, не особенно дружелюбно относившееся к полиции, поместив типографию в татарском квартале.

Типография хотя и расширенная, но оборудованная все еще подержанными машинами, не удовлетворяла тов. Семена, он выдвинул план приобретения новой быстроходной печатной машины Аугсбургского завода и со свойственным ему упорством не отставал от меня и Н. П. Козеренко, старого социал-демократа, входившего тогда в нашу бакинскую организацию, до тех пор, пока мы не сколотили нужную сумму, что-то около двух или трех тысяч рублей, и не выписали из-за границы эту машину. Для установки ее было решено найти новое помещение и обставить все дело так, чтобы уже ни при каких условиях не опасаться провала.

Помещение, где была установлена и работала эта машина, было отделено от дома, в котором жили наборщики и печатники, особым подземным ходом, закрывавшимся массивной бетонной, опускавшейся в подполье, дверью-западней, которую никоим образом нельзя было найти, не зная секрета. Само печатное помещение освещалось спиртокалильной лампой и со всех сторон было закрыто, помещаясь внутри довольно обширной постройки, заключавшей в себе на соседнем владении экипажные сараи, конюшни и амбары для овса, ячменя и фуража. Только произведя самый точный наружный обмер стоявшего на чужом владении соседнего здания и измерив все внутренние камеры и помещения, можно было бы, нанеся все это на план, увидеть, что в середине остается какое-то пустое место, к которому нет доступа из других частей помещения. В этом-то месте и помещалось печатное отделение нашей типографии, связанное потайным ходом с другим домом на соседнем участке, в котором жили А. С. Енукидзе и другие товарищи.

Интеллигентность бакинской полиции и жандармов была, разумеется, недостаточна, чтобы открыть такую типографию, и даже в случае провала всего персонала во главе с А. С. Енукидзе типография сама по себе не погибла бы, и для ее восстановления нужно было бы только вновь арендовать тот дом, в котором жил А. С. Енукидзе и из которого потайной ход вел внутрь здания конюшен и амбаров. Это же последнее здание принадлежало татарину-извозчику, приятелю Семена, который ни в коем случае не выдал бы типографии.

Проживающие в доме печатники и наборщики подвергались строжайшей дисциплине и не имели права вообще выходить из дому. Через определенный срок каждый из них получал отпуск, но его не разрешалось проводить в Баку. Получивший отпуск товарищ обязан был к вечернему поезду идти на вокзал и уехать в Тифлис, Кутаис или Батум, где и проводил отпуск. Внутрь типографии, кроме Семена и меня, изредка посещавшего ее больше для целей технической консультации или экспертизы, никто абсолютно не допускался, и провал был совершенно исключен. Входная дверь дома была всегда на запоре и открывалась не прежде, нежели все рабочие были на местах, и дверь потайного хода приведена в такое положение, при котором, не зная секрета, ее нельзя было найти.

В 1904 году, после моего переезда в Орехово-Зуево, тов. Семен, сдав ведение дела в Баку на руки А. С. Енукидзе, переехал в Москву, и мы занялись устройством аналогичной типографии где-то на Лесной улице, причем легальным прикрытием должна была служить торговля кавказским сыром, орехами, вином и т. п., а в качестве рабочих предполагалось пригласить тех же испытанных наших товарищей из Баку. Надо сказать, что работа в душной и тесной печатной, особенно летом, представляла собой настоящий ад, и наши наборщики и печатники несли поистине героическую работу.

Организация московской типографии была несколько задержана провалом Центрального Комитета, арестованного на квартире писателя Леонида Андреева. Мне случайно удалось избежать ареста, но я должен был временно перейти на нелегальное положение и уехать в Смоленск, затем в Одессу, затем в Петербург, а тем временем подоспел III съезд, и я в апреле 1905 года уехал в Женеву. Семен остался в Москве и, несмотря на все трудности, довел до конца это довольно сложное и требовавшее значительных средств предприятие. Затем разразились события 1905 года, и временные свободы позволили нам — увы, преждевременно — перейти на легальное положение и даже сделать ошибку вывоза в Петербург нашей небольшой, но великолепной бакинской машины.

Тов. Семен переехал в Питер и был техническим руководителем довольно большой легальной типографии товарищества «Дело», в которой печаталась «Новая жизнь» и другие издания. Кавказские товарищи, привезшие в Питер бакинскую машину, передали мне также прекрасно переплетенный альбом всех изданий бакинской типографии, начиная с первых прокламаций, печатавшихся тов. Ладо, и кончая номерами «Искры», изданными в Баку. К сожалению, при одном из обысков этот альбом был у меня отобран и, очевидно, где-то погиб в архивах охранки.

Упомяну еще вкратце о печатании в Баку «Искры».

Связью между нами и «Искрой» являлся тов. Гальперин, партийная кличка Коняга. Вся же наша бакинская организация в Женеве у Надежды Константиновны Ульяновой-Крупской была за-

регистрирована под именем «Лошадей». Когда от «Лошадей» получилось в Женеве известие, что они довели свою технику до высоты, позволяющей полностью печатать номера «Искры», решено было организовать посылку в Баку матриц, то есть картонных оттисков с набора, которые по заливании их типографским металлом могли дать клише целой страницы, годной для печатания.

Мы условились с Конягой, что эти клише будут приходить в Баку на мое имя внутри обложки каких-либо технических или научных атласов с чертежами или рисунками соответствующего содержания, дабы не вызвать подозрения на таможене. В одно прекрасное утро я, бывший тогда строителем электрической станции в Баку на Баиловом мысу, получил повестку от таможни о прибытии на мое имя заграничной посылки. Отправляюсь в таможню, и, о ужас, мне передают грубейшим образом переплетенный атлас с обложками толщиной в добрый палец, заполненный внутри какими-то лубочными изображениями тигров, змей и всякого рода зверей, не имеющих ни малейшего отношения к какой-либо технике или науке.

Без сомнения, господь бог протезировал нам в этом техническом предприятии, а сонные бакинские таможенные чиновники были его союзниками в этом деле. В женевских архивах, вероятно, можно будет найти наши ругательные письма заграничному центру по поводу такой халатности, которая могла окончиться большим провалом. К счастью, этого не случилось, и принятыми затем мерами удалось поставить пересылку матриц и даже тонкой бумаги для «Искры», которую нельзя было достать в России.

О постановке транспорта литературы и перевозке за границу и обратно людей... я могу только отметить, что и эта техника стояла достаточно высоко и наша партия вырабатывала действительных специалистов своего ремесла, сводя тем до минимума провалы, то есть потерю людей и литературы...

Наша партия славилась всегда строгой идейной выдержанностью своей политической линии, и это было, конечно, главным основанием ее успехов, молвою о которых сейчас полон мир.

Но, подводя итоги партийной работы к ее 25-летнему юбилею, мы должны добром помянуть и большевистскую партийную технику, которая, особенно в годы подпольного существования, помогала нашему великому и любимому Ильичу выковывать крепкое как сталь боевое оружие рабочего класса — Российскую коммунистическую партию (большевиков).

От подпольного кружка к пролетарской диктатуре. В борьбе за большевизм (1898—1904 гг.). М.—Л., 1931, вып. 2.

ПРЕБЫВАНИЕ В РЕВЕЛЕ

В Ревель я был выслан из Тифлиса в 1901 году в апреле. По приезде город произвел на меня впечатление совершенно иностранного города, и я никак не мог найти квартиру рабочего Кяба, к которому имел письмо из Тифлиса. Пришлось нелегально пройти в железнодорожные мастерские, прямо к нему на работу.

Кяба по-русски говорил плохо, но принял меня, по пролетарскому обычаю, очень радушно. У него же на первых порах я и поселился за 2 рубля в месяц, а всех нас в комнате было четыре или пять человек; вся квартира его состояла из одной комнаты с кухней. Помочь мне в приискании места он не мог, хотя вполне сочувствовал революционному движению. Но это сочувствие выразил только передо мной и шепотом, предупреждая, что здесь кругом шпионы и надо быть очень осторожным.

Зарегистрировавшись в полиции, я добился от пристава адреса одного из ссыльных, Карла Сака, рабочего из Петербурга, из Невского района, уже второй год отбывающего в Ревеле ссылку. Пристав дал адрес под большим секретом, предварительно взявши с меня слово, что я его не выдам жандармам в минуту трудную.

К Саку я пришел на страстной в среду или четверг. Парень оказался великолепный. Встретить для него своего человека было тоже большой радостью. Первым его вопросом было: имею ли я квартиру и деньги? Узнавши, что у меня есть квартира и 15 рублей денег, сказал:

— Теперь мы совершенные богачи. У меня осталось только полтора рубля да твои пятнадцать, — хватит на всю пасху. А со среды или четверга на следующей неделе устроишься, наверное, у Вольта, где я работаю.

Так и вышло. В четверг на пасхе я уже поступил на завод Вольта токарем. Работа на заводе мне показалась труднее в Ревеле, чем в Петербурге и в других городах. Она производилась 10 часов, с часовым перерывом на обед, буквально не отрываясь. Общения между рабочими во время работы не было; на обед же мастерские закрывались, и потому знакомиться с рабочими было довольно затруднительно.

Эстонские рабочие были сами по себе малообщительны... На заводе из русских я был один. Рабочие, конечно, не знали, что я выс-

лан из Петербурга; те же, которые знали, были очень конспиративны и об этом не разглашали.

Девятисотые годы были периодом развивающейся промышленности. Заводы и фабрики росли как грибы. Ревель ранее представлял собою совершенно непромышленный город, имевший четыре-пять сравнительно больших фабрик и один или два небольших механических завода. С 1898 года в Ревеле стали открываться новые заводы, вроде Вольта, и большие фабрики, как, например, Балтийская мануфактура.

Местных рабочих, разумеется, не хватало. Вполне естественно, что туда стали прибывать рабочие из России, в большинстве своем также эстонцы, но работавшие в разных городах России. В особенности появилось много рижан — народ более живой, протестующий, общительный, часто целые вечера проводящий в трактирах и на квартирах вместе, толпами. Здесь уже повеяло пролетарским духом. Но в числе приехавших я не встретил определенных подпольных работников, хотя с ними можно было уже вести открытую пропаганду.

У Вольта работал около года. За это время около меня стали группироваться небольшие группки рабочих, раскиданных по разным фабрикам, заводам и учреждениям. После я перешел в железнодорожные мастерские, где сразу же столкнулся с молодыми железнодорожными техниками, из которых часть уже стала принимать небольшое участие в подпольной работе. Затем огромные высылки из Петербурга обуховцев и балтийцев дали часть рабочих-революционеров. Ревельская тюрьма наполнилась студентами, присланными из Москвы. Связались с ранее высланными в Ревель рабочими, в том числе с тов. Владимиром Привольным. Появился несколько интеллигентов: Абрам Павлович Лурье, Дюбуа...

Тут уже началась определенная, организованная работа. Наша группа стала настолько заметна, что я уже был приглашен в новую редакцию эстонской газеты на конспиративные совещания. Из эстонских фамилий у меня остались в памяти только две: техник Тирвельт, арестованный потом со мной, и гимназист Гринберг. Но, помимо их, у нас уже почти на всех заводах были связи, а в вагоностроительном заводе даже целый кружок. Заведены были связи и с типографией, откуда нашим приходилось тащить шрифт и типографскую краску. Раз даже произошел интересный, хотя и обыкновенный в подпольной работе случай.

Мы готовились выпустить прокламацию на эстонском языке. Наши сочувствующие из редакции в шрифте, конечно, нам отказали, боялись. Да и мы с ними были осторожны. Пришлось его воровать. Особенно трудно было украсть типографскую массу. Как бы то ни было, ее стащили. На заводах приготовили принадлежности печати. У меня на квартире стали изготавливать типографский валик; массу расплавили, две мои подвальные комнаты, за которые я платил 5 рублей в месяц, наполнились дымом. В самый критический момент, когда массу выливали в форму, появляется жандарм

Дверь, разумеется, была заперта; в момент все прибрали; на всякий случай топилась печь; все сунули под кровать. Жандарм, оказалось, принес мне какое-то объявление или распоряжение. Пришлось с ним потолковать, пожаловаться на плохие квартиры в подвалах, на постоянную вонь, дым неизвестно отчего. А в это время, за перегородкой, не достающей потолка, мастера ждали своей участи.

После ухода жандарма молодежь, довольная своей храбростью, была рада, что удалось не возбудить подозрения цербера. Валик удался, и через несколько дней появились прокламации на эстонском языке. Они раздавались сначала осторожно на тех заводах, на которых мы не работали, — как бы принесенные с других заводов.

В железнодорожных мастерских было несколько социал-демократов немецкого типа. Они читали Маркса, получали каким-то путем «Форвертс». В особенности один имел дома большую библиотеку. Но дальше своего собственного любопытства эти социал-демократы не шли. Рабочему движению сочувствовали, но сами для развития движения ничего не делали, революционной работе были чужды. К сожалению, я забыл их фамилии. Да и эстонским рабочим не за что их помнить.

Во время убийства Сипягина мне врезалось в память, как целый ряд рабочих приходили ко мне: поздравляли с радостью, что убили министра.

В январе 1903 года я был арестован и со мной село шесть местных работников. Меня увезли в Петербург, а их месяца через два или три выпустили за неимением материала. Пока я сидел в Петербурге, Ревель меня не забывал и все время снабжал деньгами, присылая их по почте. Эту работу выполняла Татьяна Александровна Славутинская.

После тюрьмы меня снова послали в Ревель. Революционная работа все время там укреплялась. Мы уже стали иметь постоянную связь с границей, почти регулярно получали оттуда «Искру», «Революционную Россию» и другие издания. Завели связь с полками, куда представляли литературу. Появилось довольно много энергичных работников: Эйссен — немец из Германии, Борисов, Гешкин, несколько солдат. Публика действовала все смелее и энергичнее. К сожалению, сейчас не могу вспомнить фамилии наборщиков и целого ряда других эстонских рабочих. В начале 1904 года я был снова арестован и должен был быть отправлен в Восточную Сибирь. После меня был еще большой арест с большими материалами. Но семя революционной работы запало глубоко и, видимо, свою работу не прекращает до сих пор. Арест нашей группы был первым революционным арестом в Ревеле.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Первые основы партийной организации в Риге были заложены осенью 1901 года образованием Русской соц.-дем. группы¹, но только в зиму 1902/03 года после ряда неудачных попыток удалось создать первые прочные кружки среди русских рабочих огромной фарфоро-фаянсовой фабрики Кузнецова и главных мастерских Риги-Орловской ж. д., а затем на табачных фабриках Мюнделя и Майкапара. Наряду с этим группой, по местным условиям, приходилось принимать непосредственное участие и в общепартийных предприятиях по транспорту нелегальной литературы.

Рига по своей близости к границе являлась очень удобным пунктом в этом отношении, и естественно, что агентура «Искры», ведавшая транспортом, обратила на нее внимание; естественно, что местная группа должна была оказать ей в этом содействие. При непосредственном ее участии было получено и переотправлено два транспорта литературы.

Это было устроено очень просто. Одним из товарищей была нанята на окраине города в небольшом доме какой-то старухи мещанского типа отдельная квартира, имевшая непосредственное сообщение со двором. Так как жить там вообще он не собирался и прописывать его по конспиративным соображениям было совсем нежелательно, то дело было представлено хозяйке так, что он ожидает приезда из России молодой жены и до того жить на квартире не будет, а лишь начнет постепенно перевозиться. Хозяйка, получивши плату вперед за месяц, вполне удовлетворилась этим объяснением, и для большей правдоподобности товарищ привез на новую квартиру кухонный стол, пару стульев и несколько пустых корзин, необходимых для упаковки ожидаемой литературы.

Через несколько дней прибыла нежно любимая молодая жена, а нелегальщина на двух литовских фурах.

Вряд ли хоть один молодожен ожидал прибытия своей возлюбленной с таким нетерпением, с каким ждали... литовских мужиков члены группы.

Разгрузить фуры и перетаскать на квартиру этот драгоценный груз было делом нескольких минут. Литвины уехали, а в квартире

¹ Русская социал-демократическая группа в Риге (1901—1903) вела работу главным образом среди русских рабочих, стояла на искровских позициях. В ноябре 1903 г. она выступила с приветствием решений II съезда РСДРП и осуждением дезорганизаторской практики меньшевиков, на основе группы был создан Рижский комитет РСДРП, который стоял на большевистских позициях. *Ред.*

закипела горячая работа. Через день все было кончено, литература упакована в корзины и сдана к отправлению на железную дорогу под наименованием домашних вещей, белья и пр.

Все прошло благополучно как при отправлении в Риге, так и при получении на местах.

На другой день снявший квартиру товарищ с грустной миной заявил хозяйке, что получил телеграмму о тяжелом заболевании жены и должен немедленно ехать к ней, почему вынужден отказаться от квартиры; вручил ей ключ, подарил привезенные стол и стулья и, напутствуемый соболезнованием и благодарностью простодушной старухи, возвратился восвояси.

Конечно, такое непосредственное участие группы в общепартийных предприятиях не могло носить постоянного характера, это отвлекало ее слабые силы от местной работы, да и по конспиративным соображениям было неудобно, но обмен товарищескими услугами и самые близкие отношения с транспортной агентурой сохранились и на дальнейшее время; посредничество последней оказалось особенно ценным, когда перед группой стал вопрос о постановке типографии.

В условиях подполья это было делом нелегким, и группе немало пришлось положить трудов и преодолеть препятствий, прежде чем удалось наладить регулярную типографскую работу.

Благодаря указаниям и содействию транспортной агентуры печатный станок и шрифт удалось достать без особых затруднений. По данной явке летом 1903 года был отправлен в Вильну один из членов группы, который и доставил благополучно типографию в Ригу; никому и в голову не пришло бы заподозрить в чем-либо подобном прилично одетого молодого человека с солидным портпледом в одной руке и изящной корзинкой в другой, а между тем в портпледe скрывался станок, а корзина вместо фруктов была наполнена шрифтом.

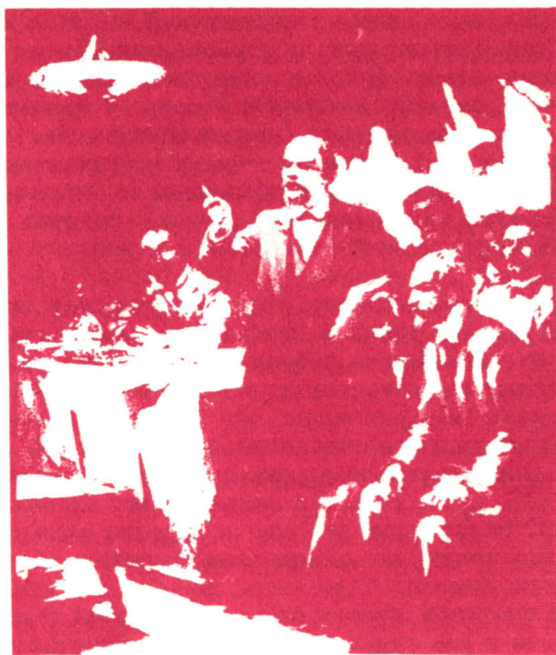
Как видно из этого, типографское устройство было незамысловато. Это был небольшой станок размером на пол-листа писчей бумаги — то самое изобретение провокатора Каплинского, о котором рассказывает Мартов в своих «Записках социал-демократа», — состоявший из гладко выструганной металлической доски с прикрепленными к ней со всех сторон металлическими же обочинами, на которой устанавливался и закреплялся набор; для смазывания краской служил валик из какой-то особой массы, а для печатания — тяжелый железный вал, обтянутый резиной. Работать на этом станке можно было вдвоем, а при нужде даже и одному, но для более продуктивной и скорой работы требовалось три-четыре человека, так как для изготовления каждого экземпляра нужно было проделать ряд последовательных манипуляций. При всем том впоследствии, когда наши импровизированные печатники, как говорится, набили руку, на этом станке помимо выпуска листов в тираже 8000—10 000 экземпляров удалось отпечатать несколько номеров комитетской газетки размером до 1¹/₂ листа.

Приобретение станка и шрифта далеко еще не разрешало вопроса постановки типографии. Это был только первый шаг. Типографию надо было обеспечить личным составом, соответствующей квартирой, организовать поднос бумаги и выносу отпечатанного материала, снабжение краской и пополнение запаса шрифта и т. д., и все это надо было обставить так, чтобы не только не возбуждать подозрения полиции, но и вообще не обратить ничего внимания. Надо сказать, что эта трудная задача была разрешена недурно, — типография продержалась почти четыре года и погибла в 1907 году, уже перейдя после Стокгольмского съезда и слияния местных организаций в непосредственное заведование латышских товарищей.

Конечно, группа не могла нанять профессионала наборщика, нужно было создать своих печатников и посадить одного из них хозяином квартиры. Эту тяжелую долю без колебания принял на себя один из примыкавших к группе интеллигентов, бывший студент местного Политехнического института Эмиль Адальбертович Лигарт. С первого же листка, отпечатанного в занимаемой им мебелированной комнате, он связал свою судьбу с типографией, поселившись там с женой в качестве хозяина квартиры и постоянного работника. Вместе с типографией он перешел в 1906 году к Латышскому комитету и вместе с ней был взят полицией в 1907 году. Жена его, служившая в железнодорожном управлении, в момент налета полиции была на службе и возвратилась к самому концу обыска; заметив около дома полицейскую суету, она сообразила, в чем дело, и остановилась на улице, на ее глазах вывели трех арестованных, в том числе и мужа, усадили на извозчиков и увезли...

Квартира для типографии была снята в большом доме на одной из центральных улиц, где входило и выходило много народу и не могли броситься в глаза частые посещения типографии обслуживающим персоналом, вместе с тем количество этих посетителей было сведено до совершенно необходимого минимума, — о местонахождении типографии знали и ходили туда только те, кто непосредственно был связан с ее работой. Для подноски бумаги и выноса готовых листков была приставлена особая девица, приходившая под видом прачки в соответствующем костюме и с корзиной. К осени 1903 года непосредственным влиянием группы было охвачено в кружках до 100 человек рабочих разных предприятий; вместе с этим она впитала в себя два стоявших особняком интеллигентских кружка, состоявших главным образом из служащих дорожного управления, и завела связи в среде местного студенчества. Окружив себя этой периферийной сетью, поставив типографию и пополнив свой состав до шести человек, группа приступила к печатной агитации, приняв название Рижского комитета РСДРП. Первый листок за подписью комитета был выпущен осенью 1903 года.

III ВТОРОЙ СЪЕЗД РСДРП

РАССКАЗ О II СЪЕЗДЕ РСДРП

Этот рассказ назначен только для личных знакомых, и потому чтение его без согласия автора (Ленина) равно чтению чужого письма.

Для понимания дальнейшего скажу прежде всего о составе съезда, хотя это и будет отчасти забеганием вперед. Решающих голосов на съезде было 51 (33 делегата с 1 голосом и 9 с двумя, 9 «двуруких»). Совещательных голосов, если я не ошибаюсь, 10, всего, значит, 52 человека. Политическая группировка этих голосов, как она выяснилась в течение *всего* съезда, такова: решающие голоса — 5 бундовских, 3 рабочедельских (2 от Союза русских социал-демократов за границей и 1 от питерского «Союза борьбы»), 4 южнорабоченца (2 от группы «Южный рабочий» и 2 от Харьковского комитета, вполне солидарного с «Южным рабочим»), 6 нерешительных, колеблющихся («болото», как звали их — в шутку, конечно, — все искряки), затем около 33 искровцев, более или менее твердых и последовательных в своем искрянстве. Эти 33 искровца, которые, будучи едины, всегда решали судьбу всякого вопроса на съезде, раскололись в свою очередь, на 2 подгруппы, раскололись окончательно лишь в конце съезда: одна подгруппа, приблизительно в 9 голосов искровцев «мягкой, вернее, зигзаговой линии» (или женской линии, как острили, и не без основания, некоторые шутники), искровцев, стоявших (как ниже будет видно) за справедливость, за равнодействующую etc., и около 24 голосов искровцев твердой линии, отстаивавших последовательный искризм и в тактике и в личном составе центральных учреждений партии.

Повторяю, такая группировка окончательно сложилась и вполне выяснилась лишь *post factum*, в конце съезда (имевшего до 40 заседаний!), и я забегаю вперед, очерчивая эту группировку вначале. Оговорюсь также, что группировка эта дает лишь *приблизительное* число голосов, ибо по отдельным мелким вопросам (а однажды, в вопросе о «равноправии языков», о чем ниже, и по крупному поводу) голоса нередко разбивались, часть воздерживалась, группировки смешивались и т. д.

Состав съезда определен был предварительно Организационным комитетом, который имел право, по уставу съезда, приглашать на съезд кого найдет нужным, с совещательным голосом. На съезде была выбрана, с самого начала, комиссия для проверки мандатов, в которую (комиссию) перешло все и вся, относящее-

ся к составу съезда. (В скобках сказать, и в эту комиссию вошел бундист, который измором брал всех членов комиссии, задержав их до 3-х часов ночи и оставшись все же «при особом мнении» по каждому вопросу.)

Начался съезд при мирной и дружной работе всех искряков, между которыми оттенки в мнениях были, конечно, всегда, но наружу эти оттенки, в качестве политических разногласий, не выступали. Кстати заметим наперед, что раскол искряков был одним из главных политических результатов съезда, и желающему ознакомиться с делом надо обратить поэтому особое внимание на все эпизоды, связанные, хотя бы отдаленно, с этим расколом.

Довольно важным актом в самом начале съезда был выбор бюро или *президиума*. Мартов стоял за выбор 9 лиц, которые бы на каждое заседание выбирали по 3 в бюро, причем в состав этих 9-ти он вводил даже бундиста. Я стоял за выбор только трех на весь съезд, и притом трех для «держания в строгости». Выбраны были: Плеханов, я и товарищ Т (о нем часто будет идти речь ниже — искровец твердой линии, член ОК). Этот последний прошел, впрочем, небольшим большинством голосов против одного южнорабоченца (тоже члена ОК). Разногласие между мною и Мартовым по вопросу о бюро (разногласие, характерное с точки зрения всего дальнейшего) не повело, однако, ни к какому расколу или конфликту: дело уладилось как-то мирно, само собою, «по-семейному», как улаживались большей частью вообще дела в организации «Искры» и в редакции «Искры».

К началу же съезда относится (тайное и неформальное, конечно) заседание организации «Искры» по вопросу о ее мандатах на съезде. Заседание пришло равным образом к мирному, «полюбовному» решению вопроса. Я отмечаю это заседание лишь потому, что считаю характерным, во-1-х, дружную работу искряков в начале съезда, а во-2-х, их решение прибегать, в случаях сомнительных и спорных, к авторитету организации «Искры» (вернее, членов организации «Искры», присутствовавших на съезде), причем, конечно, обязательного значения голосования этих собраний не имели, ибо правило: «императивные мандаты отменены», каждый может и обязан вотировать на съезде по своему личному, свободному убеждению, без всякого подчинения какой бы то ни было организации,— это правило, говорю я, всеми искряками признавалось, и в начале чуть ли не каждого заседания «Искры» громко провозглашалось председателем.

Далее. Первым инцидентом на съезде, который вскрыл, что не все обстоит ладно среди искряков, и который послужил «завязкой» финальной драмы (или трагикомедии?), явился пресловутый «инцидент с ОК». На этом инциденте надо остановиться подробно. Он имел место еще тогда, когда съезд занят был своим собственным конституированьем, когда обсуждался еще регламент съезда (поглотивший, кстати сказать, тому времени в силу обструкции бундистов, не упускавших случая намеренно и ненамеренно затор-

мозить где можно и чем можно). Суть инцидента с ОК состояла в том, что ОК, с одной стороны, отклонил еще до съезда протест «Борьбы» (группы «Борьбы»), требовавшей допущения на съезд и поддержал это отклонение в комиссии по проверке мандатов, а, с другой стороны, тот же ОК внезапно заявил *на съезде*, что он приглашает с совещательным голосом Рязанова. Разыгрался этот инцидент следующим образом.

Еще до начала заседаний съезда Мартов сообщил мне конфиденциально, что член организации «Искры» и член ОК (назовем это лицо буквой N) решил настаивать в ОК на приглашении с совещательным голосом на съезд одного лица, которое сам Мартов не мог характеризовать иначе, как термином «перебежчик». (Лицо это, действительно, склонялось одно время к «Искре», с тем, чтобы впоследствии и притом через несколько недель, перейти на сторону «Рабочего Дела», хотя и находившегося уже тогда в стадии полнейшего упадка.) Мы поговорили об этом с Мартовым, оба возмущенные тем, что член организации «Искры» делает такой шаг, сознавая, конечно (ибо Мартов предупреждал товарища N), что этот шаг есть прямой удар в лицо «Искре», и не считая тем не менее нужным посоветоваться с организацией. N действительно внес свое предложение в ОК, но это предложение было отклонено благодаря горячему протесту товарища Т, обрисовавшего всю переменчивую политическую фигуру «перебежчика». Характерно, что Мартов не мог уже тогда, по его словам, даже говорить с N, несмотря на прежние хорошие личные отношения: настолько поражен он был этим шагом. Стремление N бросать палки под колеса «Искре» выразилось еще и в принятом при его поддержке выговоре редакции «Искры» со стороны ОК, — выговоре, который касался, правда, очень мелкого случая, но тем не менее возбудил сугубое негодование Мартова. Сообщения из России, переданные мне тоже Мартовым, указывали к тому же на тенденцию N пускать слухи о розни между искровцами заграничными и русскими. Все это настраивало искровцев самым недоверчивым образом по отношению к N, а тут еще подоспел такой факт. ОК отклонил протест «Борьбы», члены ОК (Т и N), приглашенные в комиссию проверки мандатов, равным образом высказались оба (*и N в том числе!!!*) против «Борьбы» самым решительным образом. Тем не менее ОК устроил внезапно, во время перерыва одного утреннего заседания съезда, свое заседание у «кокошка» и решил на этом заседании пригласить с совещательным голосом Рязанова! *N был за приглашение*. Т, конечно, безусловно против, заявляя притом о незаконности такого решения ОК после того, как вопрос о составе съезда передан уже в особую, съездом выбранную, комиссию по проверке мандатов. Конечно, южнорабоченские члены ОК+бундист+N провалили товарища Т, и решение ОК состоялось.

Т известил об этом решении редакцию «Искры», которая (не в полном составе, но с участием Мартова и Засулич), конечно, поста-

новила единогласно выступить на борьбу с ОК на съезде, ибо многие искряки уже высказались публично на съезде против «Борьбы», и отступать в этом вопросе было невозможно.

Когда ОК (в послеобеденном заседании) заявил съезду о своем решении, Т заявил, в свою очередь, о своем протесте. Южнорабоченский член ОК обрушился тогда на Т, обвиняя его в нарушении дисциплины (!), ибо ОК постановил на съезде этого не раскрывать (sic! ¹). Понятно, что мы (Плеханов, Мартов и я) обрушились тогда со всей энергией против ОК, обвиняя его в восстановлении императивных мандатов, в нарушении суверенности съезда и т. д. Съезд встал на нашу сторону, ОК был разбит, была принята резолюция, отнимающая у ОК в качестве коллегии право влиять на состав съезда.

Таков был «инцидент с ОК». Во-1-х, он окончательно подорвал у многих искряков политическое доверие к N (и укрепил доверие к Т), во-2-х, он не только доказал, но и *показал* воочию, как шатко еще искровское направление даже в таком центральном, архи-будто бы-искровском, учреждении, как ОК. Стало ясно, что кроме бундиста в ОК есть еще 1) южнорабоченцы с их особой политикой; 2) «искровцы, стыдящиеся быть искровцами», и только *частью* (3) искровцы, сего не стыдящиеся. Когда южнорабоченцы пожелали объясниться с редакцией «Искры» (приватно, конечно) по поводу этого печального инцидента — *товарищ N, очень важно заметить это, не выразил тогда никакого желания объясниться*, — то редакция объяснялась с ними, причем я прямо сказал южнорабоченцам, что съезд вскрыл окончательно этот крупный политический факт: наличность в партии многих искровцев, стыдящихся быть искровцами, и способных, просто в пику «Искре», выкинуть такое коленце, как приглашение Рязанова. Со стороны N меня так возмутило это коленце, после речи N в комиссии *против «Борьбы»*, что я публично на съезде сказал: «товарищи, бывавшие на заграничных конгрессах, знают, какую бурю возмущения вызывают всегда там люди, говорящие в комиссиях одно, а на съезде другое» ². Такие «искровцы», которые боялись бундовских «упреков», что они «ставленники «Искры»», и *из-за этого только* выкидывали *политические коленца* против «Искры», не могли, разумеется, вызывать доверия в себе.

Общее недоверие искровцев к N возросло в громадной степени, когда попытка Мартова объясниться с N привела к *заявлению N о выходе его, N, из организации «Искры»!!* С этого момента «дело» об N переходит в организацию «Искры», члены которой были возмущены *таким* выходом, и организация имела *4 заседания* по этому вопросу. Заседания эти, особенно последнее, чрезвычайно важны, ибо в них окончательно сформировался раскол внутри искряков по вопросу, *главным образом*, о составе ЦК.

¹ — так! *Ред.*

² См.: Полн. собр. соч., т. 7, с. 264. *Ред.*

Но прежде чем перейти к рассказу об этих (приватных и неформальных, повторяю еще раз) заседаниях организации «Искры», скажу о работах съезда. Работы эти велись дружно тем временем, в смысле единого выступления всех искряков, и по 1-му пункту порядка дня (место Бунда в партии) и по 2-му (программа) и по 3-му (утверждение ЦО партии). Согласие искровцев обеспечивало крупное сплоченное большинство на съезде (компактное большинство, как выражались бундовцы с огорчением!), причем «нерешительные» (или «болото») и южнорабоченцы и тут не раз проявляли себя в мелочах своей полной неустойчивостью. Политическая группировка не вполне искровских элементов съезда выяснялась все более и более.

Возвращаясь к заседаниям организации «Искры». На первом заседании было решено попросить у N объяснений, предоставив этому N указать, в каком составе организации «Искры» он, N, хочет с ней объясняться. Я решительно протестовал против такой постановки вопроса, требуя отделения политического вопроса (о недоверии искряков к N на данном съезде в политическом отношении) и личного вопроса (назначить комиссию для расследования причин странного поведения N). На 2-ом заседании было доложено, что N хочет объясняться *без T*, хотя N намерен-де не говорить ничего лично о T. Я протестовал вторично, отказываясь от участия в таком объяснении, когда не член организации устраняет, хотя бы на секунду, члена, говоря, однако, не о нем; я видел в этом недостойную игру и пощечину, наносимую N-ом организации: N не доверяет организации даже настолько, чтобы ей предоставить определить условия объяснения! В 3-ем заседании имело место «объяснение» N, объяснение, которое *не удовлетворило* большинство участников объяснения. 4-ое заседание произошло при полном составе всех искряков, но этому заседанию *предшествовал* ряд важных эпизодов съезда.

Во-первых, стоит отметить эпизод с «равноправием языков». Дело шло о принятии программы, о формулировке требования равенства и равноправности в отношении языков. (Каждый пункт программы обсуждался и принимался отдельно, бундисты чинили тут *отчаянную* обструкцию и чуть ли не $\frac{2}{3}$ съезда, по времени, ушло на программу!) Бундистам удалось здесь поколебать ряды искряков, внушив части их мысль, что «Искра» не хочет «равноправия языков», — тогда как на деле редакция «Искры» не хотела лишь этой, неграмотной, по ее мнению, несуразной и лишней формулировки. Борьба вышла отчаянная, съезд разделился *пополам*, на *две равные половины* (кое-кто воздерживался): на стороне «Искры» (и редакции «Искры») было около 23-х голосов (может быть 23—25, не помню точно), и столько же против. Вопрос пришлось отложить, сдать в комиссию, которая нашла формулу, принятую всем съездом *единогласно*. Инцидент с равноправием языков важен тем, что он вскрыл еще и еще раз шаткость искризма, вскрыл окончательно шаткость и нерешительных (которых

именно тогда, если не ошибаюсь, и именно искровцы мартовского толка *сами* прозвали *болотом!*) и южнорабоченцев, которые все были против «Искры». Страсти разгорелись отчаянно и *резкие* слова бросались *без числа* против южнорабоченцев искряками, *особенно мартовцами*. Один «лидер» мартовцев чуть до скандала не дошел с южнорабоченцами во время перерыва, и я поспешил тогда возобновить заседание (по настоянию Плеханова, боявшегося драки). Важно отметить, что и из этих, наиболее стойких, 23 искряков, мартовцы (т. е. позднее пошедшие за Мартовым искряки) были в *меньшинстве*.

Другой эпизод — борьба из-за § 1 «устава партии». Это был уже п. 5-ый Tagesordnung'a¹, близко к концу съезда. (Принята была, по п. 1, резолюция против федерализма; по п. 2 — программа; по п. 3-му признание «Искры» Центральным Органом партии²; по п. 4-му заслушаны «делегатские доклады», часть их, а остальная сдана в комиссию, ибо выяснилось, что у съезда не остается уже времени (денежные средства и личная сила были исчерпаны).)

Пункт 1-й устава определяет понятие члена партии. В моем проекте это определение было таково: «Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным *участием в одной из партийных организаций*». Мартов же вместо подчеркнутых слов предлагал сказать: *работой под контролем и руководством одной из партийных организаций*. За мою формулировку стал Плеханов, за мартовскую — остальные члены редакции (за них говорил на съезде Аксельрод). Мы доказывали, что необходимо *сузить* понятие члена партии для отделения работающих от болтающих, для устранения организационного хаоса, для устранения такого безобразия и такой нелепости, чтобы могли быть организации, состоящие из членов партии, но не являющиеся партийными организациями, и т. д. Мартов стоял за *расширение* партии и говорил о широком классовом движении, требующем широкой — расплывчатой организации и т. д. Курьезно, что почти все сторонники Мартова ссылались,

¹ — порядка дня. *Ред.*

² Очень важно иметь в виду, что в Tagesordnung съезда, принятом, по моему докладу, в О К и утвержденном съездом, стояли 2 отдельных пункта: п. 3. «Создание ЦО партии или утверждение такового» и п. 24. «Выборы центральных учреждений партии». Когда один рабочеделец спросил (по п. 3), кого мы утверждаем, заголовок, что ли? редакции мы не знаем даже!, то *Мартов* взял слово и объяснил, что утверждается *направление* «Искры», независимо от состава лиц, что состав редакции этим отнюдь не предreshается, ибо выборы центральных учреждений предстоят по п. 24, и всякие императивные мандаты отменены.

Эти слова Мартова (по п. 3, *до раскола искряков*) очень и очень важны. Разъяснение Мартова вполне соответствовало *общему* нашему пониманию значения п. 3 и п. 24 Tagesordnung'a.

После 3-го пункта Мартов в речах не раз даже употреблял на съезде выражение: *бывшие* члены редакции «Искры».

в защиту своих взглядов, на «Что делать?»¹! Плеханов горячо восстал против Мартова, указывая, что его жоресистская формулировка открывает двери оппортунистам, только и жаждущим этого положения в партии и вне организации. «Под контролем и руководством» — говорил я — означают на деле не больше и не меньше, как: *без всякого контроля и без всякого руководства*². Мартов одержал тут *победу*: принята была (большинством около 28 голосов против 23 или в этом роде, не помню точно) его формулировка, *благодаря* Бунду, который, конечно, сразу смекнул, где есть щелочка, и всеми своими *пятью* голосами провел «что похуже» (делегат от «Рабочего Дела» именно так и мотивировал свой вотум за Мартова!). Горячие споры о § 1 устава и баллотировка еще раз выяснили политическую группировку на съезде и показали наглядно, что Бунд+«Рабочее Дело» могут *решить судьбу* любого решения, поддерживая меньшинство искровцев против большинства.

После споров и баллотировки § 1 устава имело место *последнее* (4-ое) заседание организации «Искры». Разногласие между искряками по вопросу о личном составе ЦК выяснилось уже вполне и вызвало раскол в их рядах: одни стояли за искровский ЦК (ввиду распушения организации «Искры» и группы «Освобождение труда» и необходимости доделать искровское дело), другие — за допущение и южнорабоченцев и за преобладание искровцев «зигзаговой линии». Одни были безусловно против кандидатуры N, другие за. Чтобы последний раз попытаться столкнуться, и собрали это *собрание 16-ти* (членов организации «Искры», причем считались, повторяю, и совещательные голоса). Голосование дало такие результаты: против N — 9 голосов, за — 4, остальные воздержались. Затем большинство, не желая все же войны с меньшинством, предложило список примирения, из 5 лиц, в том числе 1 южнорабоченец (угодный меньшинству) и один боевой член меньшинства, остальные же искровцы последовательные (из коих — это важно — один участвовал в съездовой драке лишь в конце ее и был собственно беспристрастен, двое же не участвовали в драках вовсе и были в личном вопросе абсолютно беспристрастны). За этот список поднялось 10 рук (потом прибавился еще один и стало 11), против — 1 (только один Мартов!), остальные воздержались! Примирительный список, следовательно, был сорван *Мартовым*. После этого вотировались еще 2 «боевых» списка той и другой стороны, но оба собрали лишь меньшинство голосов.

Итак, в последнем собрании организации «Искры» мартовцы *по обоим вопросам остались в меньшинстве*, и тем не менее они объявили войну, когда один член большинства (беспристрастный или председатель) пошел к ним после собрания, чтобы сделать последнюю попытку соглашения.

¹ См.: Полн. собр. соч., т. 6, с. 1—192. *Ред.*

² См. там же, т. 7, с. 290. *Ред.*

Расчет мартовцев был ясен и *верен*: бундовцы и рабочедельцы, несомненно, поддержали бы список *зигзаговой линии*, ибо за месяц заседаний съезда все вопросы так выяснились, все личности так обрисовались, что *ни единый* член съезда не затруднился бы выбрать: что лучше или какое из зол меньше. А для Бунда + «Рабочее Дело», разумеется, зигзаговые искровцы были меньшим злом и всегда им будут.

После собрания 16-ти, когда искровцы окончательно разошлись и война между ними была объявлена, начинаются собрания двух партий, на которые раскололся съезд, т. е. частные, неофициальные свидания всех единомыслящих. Искровцы последовательной линии собирались сначала в числе 9 (9 из 16), потом 15, наконец 24, считая *решающие голоса, а не лиц*. Такой быстрый рост объяснялся тем, что списки (ЦК) стали уже ходить и списки мартовцев отталкивали громадное большинство искряков сразу и бесповоротно, как списки дряблые: кандидаты, проводимые Мартовым, зарекомендовали себя на съезде с безусловно отрицательной стороны (вилянье, невыдержанность, бестактность etc.). Это, во-1-х; во-2-х, разъяснение искрякам того, что происходило в организации «Искры», привлекало их в массе случаев на сторону большинства, и неуменье Мартова выдержать определенную политическую линию выяснилось для всех и каждого. Поэтому 24 голоса сплотились легко и быстро на последовательной искровской тактике, на списке в ЦК, на выборе тройки в редакцию (вместо утверждения старой, неработоспособной и расплывчатой шестерки).

Съезд в это время кончил обсуждение устава, причем Мартов и К⁰ еще раз (и даже не раз, а несколько раз) *победили* большинство искряков *при благородном содействии Бунда + «Рабочего Дела»* — напр., во вопросу о кооптации в центры (вопрос этот решен был съездом *в духе Мартова*).

Несмотря на эту порчу устава, весь устав в целом был принят всеми искряками и всем съездом. Но после общего устава перешли к уставу Бунда, и съезд отверг *подавляющим* большинством голосов предложения Бунда (признать Бунд *единственным* представителем еврейского пролетариата в партии). Кажется, один Бунд стал здесь почти против всего съезда. Тогда *бундисты ушли со съезда, заявив о выходе из партии*. У мартовцев убыло пять их верных союзников! Затем и рабочедельцы ушли, когда «Заграничная лига русской революционной социал-демократии» была признана *единственной* партийной организацией за границей. У мартовцев убыло еще 2 их верных союзника! Получилось всего на съезде 44 (51—7) решающих голоса, и из них *большинство* последовательных искряков (24); коалиция же мартовцев с южнорабоченцами и с «болотом» вместе давала лишь 20 голосов.

Зигзаговой линии искровцев предстояло подчиниться, — как подчинялись, без единого слова, искровцы твердой линии, когда их бил и разбил Мартов коалицией с Бундом. Но мартовцы зарва-

лись уже до того, что вместо подчинения пошли на скандал и на раскол.

Скандалом было возбуждение вопроса об утверждении старой редакции, ибо достаточно заявления хоть одного редактора, чтобы съезд обязан был *рассмотреть* весь целиком вопрос о составе ЦО, не ограничиваясь простым утверждением. Шагом к расколу был отказ от выбора ЦО и ЦК.

Сначала о выборе редакции. В Tagesordnung'e стояло, как уже было указано выше, по п. 24: *выбор центральных учреждений партии*. А в *моем* комментарии к Tagesordnung (комментарий этот был известен *в с е м* *искрякам задолго до съезда и всем членам съезда*) стояло на полях: *выбор 3-х лиц в ЦО и 3-х в ЦК*. Следовательно не подлежит никакому сомнению, что из недр редакции вышло требование выбирать тройку и никем из редакции опротестовано оно не было. Даже Мартов и другой лидер мартовцев защищали эти «две тройки» перед *целым рядом делегатов* еще до съезда.

Я лично, за несколько недель до съезда, заявил Староверу и Мартову, что потребую на съезде *выбора* редакции; я согласился на выбор 2-х троек, причем имелось в виду, что редакционная тройка *либо* кооптирует 7 (а то и больше) лиц, *либо* останется одна (последняя возможность была специально оговорена мною). Старовер прямо даже сказал, что тройка значит: Плеханов+Мартов+Ленин, и я *согласился* с ним,— до такой степени для всех и всегда было ясно, что только такие лица в руководители и могут быть выбраны. Надо было озлиться, обидеться и потерять голову после борьбы на съезде, чтобы приняться задним числом нападать на целесообразность и дееспособность тройки. Старая шестерка до того была недееспособна, что она *ни разу за три года* не собралась в полном составе — это невероятно, но это факт. *Ни один* из 45 номеров «Искры» не был составлен (в редакционно-техническом смысле слова) кем-либо кроме Мартова или Ленина. И *ни разу* не возбуждался *крупный* теоретический вопрос никем кроме Плеханова. Аксельрод не работал вовсе (ноль статей в «Заре» и 3—4 во всех 45-ти №№ «Искры»). Засулич и Старовер ограничивались сотрудничеством и советом, *никогда* не делая чисто редакторской работы. Кого следует выбрать в *политические руководители, в центр*,— это было ясно как день для всякого члена съезда, после месячных его работ.

Перенесение на съезд вопроса об утверждении старой редакции было *нелепым провоцированием на скандал*.

Нелепым,— ибо оно было бесцельно. Если бы даже утвердили шестерку,— один член редакции (я, например) потребовал бы переборки коллегии, разбора внутренних ее отношений, и съезд обязан был бы начать дело сначала.

Провоцированием на скандал,— ибо *неутверждение* должно было быть понято *как обид а*,— тогда как выбор заново ровнехонько ничего обидного в себе не включал. Выбирают ЦК,—

пусть выберут и ЦО. Нет речи об утверждении ОК,— пусть не будет речи и об утверждении старой редакции.

Но понятно, что, *потребовав* утверждения, мартовцы *вызвали* этим протест на съезде, протест был воспринят как *обида*, оскорбление, *вышибание*, отстранение... и началось сочинение всех ужастей, которыми питается теперь фантазия досужих сплетников!

Редакция ушла со съезда на время обсуждения вопроса о выборе или утверждении. После отчаянно-страстных дебатов *съезд решил: старая редакция не утверждается*¹.

Только после этого решения *бывшие* члены редакции вошли в залу. Мартов встает тогда и отказывается от выбора *за себя* и за своих коллег, говоря всякие страшные и жалкие слова об «осадном положении в партии» (для невыбранных министров?), об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» (вроде лиц, от имени «Искры» подносящих ей Рязанова и говорящих в комиссии одно, на съезде другое?).

Я отвечал ему, указывая *невероятное смешение политических понятий*, приводящее к протесту против выбора, против переборки съездом коллегий должностных лиц партии².

Выборы дали: Плеханов, Мартов, Ленин. *Мартов опять отказался*. Кольцов (имевший 3 голоса) тоже отказался. Съезд принял тогда резолюцию, поручающую двум членам редакции ЦО кооптировать себе 3-го, *когда они найдут подходящее лицо*.

После этого выбраны три члена ЦК *и только один из них назван съезду* счетчиком записок,— а также выбран (тайно, записками) пятый член Совета партии.

Мартовцы и все «болото» за ними *не подавали записок* и подали об этом письменное заявление в бюро.

Это был явный шаг к расколу, к *сорванию съезда*, к непризнанию партии. Но когда один южноробоченец прямо и заявил, что *сомневается* (sic!) в законности решений съезда, то Мартов устыдился и опроверг его, *заявив публично, что в законности решений не сомневается*.

К сожалению, этим хорошим и лояльным словам Мартова не соответствовали его (и мартовцев) дела и поступки...

Съезд сдал затем в «протокольную комиссию» вопрос об опубликовании протоколов и принял 11 резолюций тактических:

- 1) О демонстрациях.
- 2) » профессиональном движении.
- 3) » работе среди сектантства.
- 4) » » » учащейся молодежи.
- 5) » поведении на допросах.
- 6) » фабричных старостах.

¹ Один мартовец держал *такую* речь при этом, что один делегат закричал после нее секретарю: вместо точки поставь в протоколе слезу! Защищали старую редакцию особенно горячо наиболее «болотные» люди.

² См.: Полн. собр. соч., т. 7, с. 305. *Ред.*

- 7) » международном конгрессе 1904 г. в Амстердаме.
- 8) » либералах (Старовера).
- 9) » либералах (Плеханова).
- 10) » социалистах-революционерах.
- 11) » партийной литературе.

Затем съезд был закрыт председателем после краткой речи, напоминающей всем об обязательности решений съезда.

Рассматривая поведение мартовцев после съезда, их отказ от сотрудничества (*о коем редакция ЦО их официально просила*¹), их отказ от работы на ЦК, их пропаганду бойкота,— я могу только сказать, что это безумная, недостойная членов партии попытка разорвать партию... из-за чего? *Только из-за недовольства составом центров, ибо объективно только на этом мы разошлись, а субъективные оценки (вроде обиды, оскорбления, вышибания, отстранения, пятнания etc. etc.) есть плод обиженного самолюбия и больной фантазии.*

Эта больная фантазия и обиженное самолюбие приводят прямо к позорнейшим сплетням, когда, не зная и не видя еще деятельности новых центров, распространяют слухи об их «недееспособности», об «ежовых рукавицах» Ивана Ивановича, о «кулаке» Ивана Никифоровича и т. д.

Доказывание «недееспособности» центров *посредством бойкота* их есть невиданное и неслыханное нарушение партийного долга, и никакие софизмы не могут скрыть этого: *бойкот есть шаг к разрыву партии.*

Русской социал-демократии приходится пережить последний трудный переход к партийности от кружковщины, к сознанию революционного долга от обывательщины, к дисциплине от действия путем сплетен и кружковых давлений.

Кто ценит партийную работу и дело на пользу социал-демократического рабочего движения, тот не допустит таких жалких софизмов, как «правомерный» и «лояльный» бойкот центров, тот не допустит, чтобы дело страдало и работа останавливалась из-за недовольства десятка лиц на то, что они и их приятели не попали в центры,— тот не допустит, чтобы на должностных лиц партии воздействовали приватно и тайно путем угрозы не сотрудничать, путем бойкота, путем пресечения денежных средств, путем сплетен и лживых рассказней.

Полн. собр. соч., т. 8, с. 1—20

¹ См.: Полн. собр. соч., т. 46, с. 305—306. Ред.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ИЛЬИЧЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЛЬИЧА ИЗ ССЫЛКИ И ИДЕЯ «ИСКРЫ»

Это было в феврале 1900 года. Мы все, а особенно покойная мать, ожидали этого месяца, как праздника: ведь оканчивался срок ссылки брата, Владимира Ильича, и он должен был вернуться из Сибири. Мы не видали его три года и, конечно, с нетерпением ожидали его возвращения. Срок оканчивался, собственно, в одно из последних чисел января, в день подписания распоряжения о высылке, но предстояла еще не близкая дорога, сперва на лошадях из села Шушенского через Минусинск в Красноярск¹ — верст 350, потом по железной дороге. А кроме того, не вполне было спокойно на сердце, подлинно ли окончилась ссылка, не вышло бы какой-нибудь зацепки. Ведь мы жили тогда под самодержавием, и это была административная ссылка, т. е. полный произвол власти. Какое-нибудь столкновение с начальством, какая-нибудь мелкая месть местного сатрапа, и срок ссылки мог быть продлен.

И хотя, главным образом, такая судьба постигала за какие-нибудь провинности в месте ссылки, но бывали случаи, что она диктовалась и соображениями из центра, например усилением революционного движения, при котором нежелательным считалось возвращать из глухих углов влиятельных революционеров.

Поэтому Владимир Ильич, хотя жил он скромно и явным образом, по крайней мере, запретов не преступал, был непокоен относительно своей участи и, чем ближе подходил срок, тем более нервничал.

«Выеду такого-то, если не надбавят срока», — писал он нам².

Это опасение не сбылось, Владимир Ильич мог выехать, как предполагал, и мы по письмам или телеграмме (теперь не помню) знали день и час его приезда и ждали его³.

¹ В. И. Ленин с семьей выехали из Шушенского 29 января (10 февраля) 1900 г. Ехали на лошадях через Минусинск до железнодорожной станции Ачинск. *Ред.*

² Возможность увеличения срока ссылки серьезно тревожила Владимира Ильича. Свои опасения на этот счет он высказывал также в письме А. Н. Потресову от 27 июня (9 июля) 1899 г.: «Мой срок кончается 29. I. 1900. Только бы не прибавили срока — величайшее несчастье, постигающее нередко ссыльных в Восточной Сибири. Мечтаю о Пскове» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 46, с. 32). *Ред.*

³ О своем выезде В. И. Ленин послал телеграмму на имя матери М. А. Ульяновой. Телеграмма до настоящего времени не разыскана. *Ред.*

Меньший брат, Дмитрий Ильич, проживал тогда по первому своему делу поднадзорным в Подольске, Московской губернии. Он сел в сибирский поезд при остановке его в Подольске и приехал вместе с Владимиром Ильичем в Москву.

Мы жили в то время на окраине Москвы у Камер-Коллежского вала, по Бахметьевской улице. Увидав подъехавшего извозчика, мы выбежали все на лестницу встречать Владимира Ильича. Первым раздалось горестное восклицание матери:

— Как же ты писал, что поправился? Какой ты худой!

— Я действительно поправился. Я только за последнее время, перед отъездом, сдал.

Надежда Константиновна рассказывала потом, что нервность перед окончанием срока, неуверенность в том, что он подлинно настанет, съела почти всю поправку брата в Сибири¹.

— А Юлий приехал? Было письмо? Телеграмма? — забросал нас Володя вопросами тотчас после первых приветствий, едва вошел, разоблачившись, в нашу столовую.

Юлий Цедербаум, известный по более позднему псевдониму Мартова, был сослан по одному с Владимиром Ильичем делу в Туруханск и оканчивал свой срок одновременно с ним. Как еврею, ему был назначен самый отдаленный и скверный угол Енисейской губернии.

Наш ответ, что мы никаких вестей от Юлия не имели и ничего о нем не знаем, взволновал Владимира Ильича.

— Как же? Ведь мы с ним условились. Что бы это могло значить? — говорил он, бегая по комнате. — Надо послать ему телеграмму. Митя, я попрошу тебя отнести.

И он тотчас занялся составлением телеграммы и командированием брата, к некоторому разочарованию как этого последнего, так и нас всех, желавших, естественно, в эти первые минуты приезда иметь Владимира Ильича всецело для себя.

Меня это удивило, кроме того, потому, что я знала по периоду до ссылки, что с Мартовым, вступившим позже в кружок, Володя был гораздо менее близок, чем с другими его членами — с Кржижановским, Старковым; знала, что с этими последними он жил в ссылке по соседству (верстах в 50) и встречался довольно часто. При этих условиях близость обычно лишь увеличивается. Между тем о них Владимир Ильич рассказывал мало, в общих, спокойных тонах; вести же о Мартове ждал с самым горячим нетерпением.

Последующие беседы разъяснили мне это. Он считал Цедербаума своим ближайшим товарищем для дальнейшей работы,

¹ Н. К. Крупская писала об этом из Уфы М. И. Ульяновой 30 марта (12 апреля) 1900 г.: «...похудел Володя очень, это за последнее время его так подтянуло, а то он выглядел очень хорошо... Последнее время он хронически недосыпал, волновался перед отъездом, да и морозы стояли сильные очень, так что не гулял совсем. Как поехали, так Володя повеселел сразу и есть и спать стал по-человечески» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 55, с. 416). *Ред.*

главным образом для общерусской газеты. Он восхищался революционным темпераментом Юлия и очень волновался, пока не получил известия, что тот благополучно выехал из Туруханска. Он напевал нам сложенную Цедербаумом в ссылке песенку:

То не зверь голодный завывает,
Дико разыгралася пурга.
В стоне ветра ухо различает
Хохот торжествующий врага.
Смело, братья, смело, и над долей злой
Песней насмеемся удалой.

Там, в России, люди очень пылки,
Там под стать геройский им наряд,
Но со многих годы дальней ссылки
Быстро позолоту соскоблят.
И порывы эти все сведет на ноль
Сдобренный махоркой алкоголь.
И т. д.

Пел Ильич, и сестра подбирала за ним на фортепьяно также польские революционные песни, которым он научился от ссыльных рабочих поляков, отчасти по-польски, отчасти в русском переводе их, сделанном Кржижановским.

Таковы были: «Беснуйтесь, тираны», «Вихри враждебные», «Червоны штандар». Ясно помню Володю, как он расхаживал из угла в угол по нашей маленькой столовой и пел с увлечением:

А колёр штандара червоны,
Бо на ним работников крев.

Он восхищался революционными песнями польских рабочих и указывал на необходимость создать таковые для России.

В те годы людям, возвращающимся из ссылки, было исключено для жительства около 60 пунктов России: кроме столиц и университетских городов — те промышленные пункты, которые были захвачены рабочим движением, а таковыми к 1900 году были более или менее все. Оставалось выбирать среди очень немногих городов. Владимир Ильич выбрал еще в Сибири Псков, как более близкий к Петербургу, и согласился относительно этого местожительства с Цедербаумом и Потресовым (сосланным в Вятскую губернию). С ними обоими предполагал он издавать общерусскую газету. Цедербаум проехал в Псков из Петербурга, где виделся с родными, а Потресов заезжал к нам в Москву, но уже после отъезда Владимира Ильича.

Я не помню, сколько дней пробыл у нас брат. За это время приезжал повидаться с ним из Екатеринослава его старый самарский знакомый, И. Х. Лалаянц, который был в то время членом комитета социал-демократической партии и редакции газеты «Южный рабочий». Он пробыл у нас дня три. У него были с братом деловые разговоры.

Позднее Владимир Ильич рассказывал мне, что они касались главным образом созыва II съезда партии, который предполагался тогда еще в России. Повальные аресты на юге в апреле 1900 года — и Лалаянца в том числе — убедили окончательно Владимира Ильича в невозможности созывать съезд в России. Он говорил мне об этом в июне, перед отъездом за границу, когда развивал подробный план общерусской газеты, организация которой протягивала бы щупальца во все концы России, объединяя вокруг основных принципов все разбросанные по нашей необъятной стране комитеты и кружки.

«Если только подготовки к съезду вызывают такие провалы,— говорил он,— разрушают чуть не до корня организацию, ведут к аресту наиболее ценных работников, следовательно, в самодержавной России съезды являются непозволительной роскошью. Нужны другие способы объединения партии. И вот, таким способом может явиться общерусская газета, издаваемая за границей, вокруг которой, как вокруг лесов, поставленных на воздвигающемся здании, будет строиться партия».

Из этой идеи возникала «Искра» с ее эпитафией: «Из искры возгорится пламя», и она выполнила, действительно, задачу объединения партии и разожгла пожар революции.

ТРЕТИЙ АРЕСТ ИЛЬИЧА. ПОЕЗДКА В УФУ И ОТЪЕЗД ЗА ГРАНИЦУ

Не успели мы порадоваться возвращению Ильича из Сибири, быстро умчался он, проведя несколько дней у нас, в Москве, в Псков,— как в мае вновь тревожная весть: арестован в Петербурге. Помню, как сильно поразила она нас, особенно, конечно, мать, которая была прямо-таки в отчаянии, несмотря на неоднократно проявленную твердость характера. Но мать была уже измучена арестами: за время ссылки Владимира Ильича был арестован меньшой брат, Дмитрий, студент V курса, и просидел 9 месяцев по нудному, никак не выходившему у его творцов, делу. Фактов не было, из простого кружка самообразования ничего криминального не получалось, а его занятия с рабочими на заводе Гужона не были раскрыты. Брат плохо выносил московские условия сидения, и мать под конец совсем расхворалась. А незадолго до возвращения Владимира Ильича из ссылки была арестована сестра, Мария Ильинична, уже вне всякого наимневиннейшего «сообщества», были прерваны ее занятия в Брюссельском университете, и она была выслана в Нижний. И мать ездила то в Тулу к Дмитрию, то в Нижний к Мане. Только удалось добиться возвращения последней домой и водворения Мити в Подольск, Московской губернии, куда мы собирались на летние месяцы, как новая беда, грозившая быть много худшей: Володя, уже показавший себя серьезным рево-

люционером, за родство с которым брали и меньших, оказался вновь арестованным в Петербурге, куда он не имел права являться, арестован уже с заграничным паспортом.

Значит, не попасть ему за границу! Ну, конечно, если даже у Мани отобрали заграничный паспорт и не позволили ехать учение продолжать, то его-то уж, конечно, не пустят.

А мы так желали для него заграницы, мы видели, что в России с его революционным темпераментом ему несдобровать. Да и это ли только?.. Опять какое-нибудь большое дело... Мы были в полном неведении, за что, при каких обстоятельствах он арестован, и не могли, конечно, принимать всерьез успокоительных строк его письма через жандармов. Помнится, что он сам таким письмом известил нас. Знали мы по горькому опыту, во что разрастаются эти две недели, месяц, которыми успокаивают обычно родных первое время после ареста. Но на этот раз дело вышло неожиданно совсем наоборот. Володя был через 2—3 недели освобожден и приехал к нам в Подольск, и даже с заграничным паспортом в кармане¹. Оказалось, улик не было найдено: Владимир Ильич и Цедербаум, арестованные вместе, были признаны виновными лишь в неразрешенной поездке в Петербург.

Брат рассказывал нам, как все вышло. Они поехали вдвоем с корзиной литературы в Питер и доехали бы, может быть, благополучно, если бы не переконспирировали. А именно: они решили, для того чтобы замести следы, пересесть по пути на другую железнодорожную линию, но упустили из виду, что пересели на дорогу, идущую через Царское Село, где жил царь, и слезка была поэтому много строже. В охране над ними подтрунили за эту конспирацию. Но все же сразу их не арестовали. Корзину удалось сбрызнуть по приезде, и навестить кое-кого они успели, не приведя хвостов. На ночлег они устроились где-то в Казачьем переулке у Екатерины Васильевны Малченко, матери их товарища², инженера, сосланного по общему делу в Архангельск. Но только что вышли они утром, как были схвачены на улице шпиками. Владимир Ильич рассказывал: прямо за оба локтя ухватили, так что не было никакой возможности выбросить что-либо из кармана. И на извозчике двое весь путь за оба локтя держали. Так же был схвачен и повезен на другом извозчике Цедербаум.

Владимир Ильич беспокоился главным образом за химическое письмо Плеханову, написанное на почтовом листке с каким-то счетом. В этом письме сообщалось о плане общерусской газеты, и оно выдало бы его с головой. И все три недели он не знал, проявлено ли письмо. Всего больше беспокоило его, что химические чернила иногда со временем выступают самостоятельно. Но оказалось с этой стороны благополучно: на листок не обратили внимания, и он был в этом же виде возвращен брату. Владимир Ильич при-

¹ В. И. Ленин был в заключении с 21 по 31 мая (с 3 по 13 июня) 1900 г. *Ред.*

² Имеется в виду А. Л. Малченко. *Ред.*

ехал к нам в Подольск сияющий. Заграница для них обоих, а следовательно, и план общерусской газеты, не отпала.

Мы переехали тогда с ранней весны в Подольск, где сняли вместо дачи квартиру в доме Кедровой, в конце города, на берегу реки Пахры. Володя пробыл у нас с неделю, если не больше¹, принимая участие в наших прогулках пешком и на лодке по живописным окрестностям Подольска, играл с увлечением в крокет на дворе. Приезжал к нему туда Лепешинский, приезжали Шестернин с женою Софьей Павловной. Последние ночевали у нас, и я помню, как горячо обрушился Володя на позицию защищаемой ими заграничной группы «Рабочее дело». Приезжал и еще кто-то. Со всеми Владимир Ильич договаривался насчет шифра, убеждал в необходимости правильного корреспондирования в намечавшуюся общерусскую газету, о которой он говорил лишь с наиболее близкими.

До отъезда за границу у Володи было еще желание — съездить в Уфу, повидаться с женой, Надеждой Константиновной, которая должна была отбывать еще до марта 1901 года срок гласного надзора².

Похлопотать об этой льготе поехала в Петербург мать. К удивлению нашему, и это удалось. Мать сказала в департаменте полиции, что поедет вместе с сыном. И вот, мы втроем выехали по железной дороге в Нижний, с тем чтобы продолжать путь на пароходе.

Путешествие это я хорошо запомнила. Был июнь месяц, река была в разливе, и ехать на пароходе по Волге, потом по Каме и, наконец, по Белой было дивно хорошо. Мы проводили все дни на палубе. Володя был в самом жизнерадостном настроении, с наслаждением вдыхая чудный воздух с реки и окрестных лесов. Помню наши с ним подолгу в ночь затягивавшиеся беседы на пустынной верхней палубе маленького парохода, двигавшегося по Каме и по Белой. Мать спускалась, утомленная, в каюту. Редкие пассажиры исчезали еще раньше. Палуба оставалась лишь для нас двоих, и вести конспиративные разговоры среди затихшей реки и сонных берегов было очень удобно. Владимир Ильич подробно, с увлечением развивал мне свой план общерусской газеты, долженствовавшей сыграть роль лесов для построения партии. Он указывал, как постоянные провалы делают совершенно невозможными съезды в России. Как раз в апреле того года огромные провалы на всем Юге вырвали чуть ли не с корнем несколько организа-

¹ В. И. Ленин жил у своих родных в Подольске с 1 по 7 (с 14 по 20) июня 1900 г. *Ред.*

² 20 апреля (3 мая) 1900 г. В. И. Ленин написал прошение директору департамента полиции, в котором просил, в связи с болезнью жены, разрешить ему поездку к ней в Уфу сроком на полтора месяца. В этой просьбе Владимиру Ильичу было отказано. Позднее разрешение было получено по ходатайству М. А. Ульяновой.

13 (26) мая 1900 г. департамент полиции в отношении на имя псковского губернатора уведомлял, что Владимиру Ильичу Ульянову, проживающему в Пскове, Архангельская ул., д. Чернова, разрешено приехать в Уфу на полтора месяца (Красный архив, 1934, № 1 (62), с. 134). *Ред.*

ций, между прочим редакцию «Южного рабочего» в Екатеринославе. Там был арестован и самарский приятель Владимира Ильича И. Х. Лалаянц, приехавший к нему как раз для переговоров о подготовляющемся II съезде партии еще в феврале, когда брат по пути в Псков остановился на несколько дней у нас в Москве.

«Если одни приготовления к съезду влекут за собой такие крахи, такие жертвы, то безумно организовать его в России; только орган, выходящий за границы, сможет длительно бороться против таких направлений, как «экономизм», сможет сплотить партию вокруг правильно понятых идей социал-демократии. Иначе, если бы даже съезд и собрался, все распалось бы опять после него, как после I съезда».

Я не могу, конечно, восстановить через столько лет наши беседы, но общее содержание глубоко залегло в моей памяти. Много говорили о позиции группы «Освобождение труда» и «Рабочего дела» и коллизии между ними. Владимир Ильич был горячим рыцарем первой и Г. В. Плеханова, защищая последнего от всех нападков в нетоварищеском, высокомерном отношении, а всю группу — в инертности. Я указывала ему, как и Шестернин и другие практические работники, что нам нельзя порывать связи с «Рабочим делом», потому что лишь оно одно дает нам популярную литературу, печатает наши корреспонденции, исполняет заказы. Так, Московский комитет послал ему первомайский листок 1900 года для отпечатания, от группы же «Освобождение труда» нет ни шерсти, ни молока, даже на письма ответа не дожидаться. Владимир Ильич говорил, что, конечно, они люди старые, больные, чтобы выполнять практическую работу, в этом молодые должны помогать им, но не обособляясь в особую группу, а признавая целиком их вполне правильное и выдержанное теоретическое руководство. Владимир Ильич именно так и мыслил свою с товарищами работу за границей.

Говорили мы с ним о «Кредо» и «Антикредо», о Бернштейне и Каутском, обо всех жгучих в то время вопросах. Володя был в подъемном настроении, особенно увлекателен, и это совместное с ним путешествие осталось одним из лучших моих воспоминаний.

В Уфе Владимир Ильич виделся с местными товарищами. Помню из них Крохмалю, с которым он уславливался о шифре; знаю, что из некоторых уездов приезжали ссыльные повидаться с ним. Мы с матерью уехали через 3 дня; он же оставался дольше¹ и назад поехал по железной дороге, причем делал остановку в Самаре. Везде он договаривался о корреспонденциях, о шифре. По возвращении в Подольск собрался скоро за границу. Недели через две после него выехала туда же и я.

*Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине. В 5-ти т. Изд. 3-е. М., 1984, т. 1,
с. 58—65*

¹ В. И. Ленин приехал в Уфу 15 (28) июня 1900 г. и пробыл там около трех недель. *Ред.*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНИНЕ

ЖЕНЕВА

1903 год

В апреле 1903 года мы переехали в Женеву.

В Женеве мы поселились в пригороде, в рабочем поселке Séchéron, — целый домишко заняли: внизу большая кухня с каменным полом, наверху три маленьких комнатки. Кухня была у нас и приемной. Недостаток мебели пополнялся ящиками из-под книг и посуды. Игнат (Красиков) в шутку называл как-то нашу кухню «притоном контрабандистов». Толчея у нас сразу образовалась непротолченная. Когда надо было с кем потолковать в особицу, уходили в рядом расположенный парк или на берег озера.

Понемногу стали съезжаться делегаты. Приехали Дементьевы. Костя (жена Дементьева) прямо поразила Владимира Ильича своими познаниями транспортного дела. «Вот это настоящий транспортер! — повторял он, — вот это дело, а не болтовня». Приехала Любовь Николаевна Радченко, с которой мы лично были очень близко связаны, разговорам не было конца. Потом приехали ростовские делегаты — Гусев и Локерман, затем Землячка, Шотман (Берг), Дяденька, Юноша (Дмитрий Ильич). Каждый день кто-нибудь приезжал. С делегатами толковали по вопросам программы, Бунда, слушали их рассказы. У нас постоянно сидел Мартов, не устававший говорить с делегатами.

Надо было осветить делегатам позицию «Южного рабочего», который, прикрываясь фирмой популярной газеты, хотел сохранить для себя право на обособленное существование. Надо было выяснить, что при условии нелегального существования популярная газета не может стать массовой, не может рассчитывать на массовое распространение.

В редакции «Искры» пошли всякие недоразумения. Положение стало невыносимым. Делилась редакция обычно на две тройки: Плеханов, Аксельрод, Засулич — с одной стороны, Ленин, Мартов, Потресов — с другой. Владимир Ильич внес опять предложение, которое он вносил уже в марте, о кооптации в редакцию седьмого члена. Временно, до съезда, кооптировали Красикова: надо было иметь в редакции седьмого. В связи с этим Владимир Ильич стал обдумывать вопрос о тройке. Это был очень большой вопрос, и с делегатами об этом не говорилось. О том, что редакция «Искры» в ее прежнем составе стала неработоспособной, об этом слишком тяжело было говорить.

Приехавшие жаловались на членов ОК: одного обвиняли в резкости, халатности, другого — в пассивности, мелькало недовольство тем, что «Искра»-де стремится слишком командовать, но казалось, что разногласий нет и что после съезда дела пойдут прекрасно.

Делегаты съезжались, не приехали только Клэр и Курц.

ВТОРОЙ СЪЕЗД ИЮЛЬ — АВГУСТ 1903 года

Первоначально съезд предполагалось устроить в Брюсселе, там и происходили первые заседания. В Брюсселе жил в то время Кольцов — старый плехановец. Он взял на себя устройство всего дела. Однако устроить съезд в Брюсселе оказалось не так-то легко. Явка была назначена у Кольцова. Но после того как к нему пришло штуки четыре россиян, квартирная хозяйка заявила Кольцовым, что больше она этих хождений не потерпит и, если придет еще хоть один человек, пусть они немедленно же съезжают с квартиры. И жена Кольцова стояла целый день на углу, перехватывала делегатов и направляла их в социалистическую гостиницу «Золотой петух» (так она, кажись, называлась).

Делегаты шумным лагерем расположились в этом «Золотом петухе», а Гусев, хватив рюмочку коньяку, таким могучим голосом пел по вечерам оперные арии, что под окнами отеля собиралась толпа (Владимир Ильич очень любил пение Гусева, особенно «Нас венчали не в церкви»).

Со съездом переконспирировали. Бельгийская партия придумала для ради конспирации устроить съезд в громадном мучном складе. Своим вторжением мы поразили не только крыс, но и поллисменов. Заговорили о русских революционерах, собирающихся на какие-то тайные совещания.

На съезде было 43 делегата с решающим голосом и 14 — с совещательным. Если сравнить этот съезд с теперешними, где представлены в лице многочисленных делегатов сотни тысяч членов партии, он кажется маленьким, но тогда он казался большим: на I съезде в 1898 году было всего ведь 9 человек... Чувствовалось, что за пять лет порядочно ушли вперед. Главное, организации, от которых приехали делегаты, не были уже полумифическими, они были уже оформлены, они были связаны с начинавшим широко развертываться рабочим движением.

Как мечтал об этом съезде Владимир Ильич! Всю жизнь — до самого конца — он придавал партийным съездам исключительно большое значение; он считал, что партийный съезд — это высшая инстанция, на съезде должно быть отброшено все личное, ничто не должно быть затушевано, все сказано открыто. К партийным съездам Ильич всегда особенно тщательно готовился, особенно заботливо обдумывал к ним свои речи. Теперешняя молодежь,

которая не знает, что значит годами ждать возможности обсудить сообща, со всей партией в целом, самые основные вопросы партийной программы и тактики, которая не представляет себе, с какими трудностями связан был созыв нелегального съезда в те времена, вряд ли поймет до конца это отношение Ильича к партийным съездам.

Так же страстно, как Ильич, ждал съезда и Плеханов. Он открывал съезд. Большое окно мучного склада около импровизированной трибуны было завешено красной материей. Все были взволнованы. Торжественно звучала речь Плеханова, в ней слышался неподдельный пафос. И как могло быть иначе! Казалось, долгие годы эмиграции уходили в прошлое, он присутствовал, он открывал съезд Российской социал-демократической рабочей партии.

По существу дела, II съезд был учредительным. На нем ставились коренные вопросы теории, закладывался фундамент партийной идеологии. На I съезде было принято только название партии и манифест о ее образовании. Вплоть до II съезда программы у партии не было. Редакция «Искры» эту программу подготовила. Долго обсуждалась она в редакции. Обосновывалось, взвешивалось каждое слово, каждая фраза, шли горячие споры. Между мюнхенской и швейцарской частью редакции месяцами велась переписка о программе. Многим практикам казалось, что эти споры носят чисто кабинетный характер и что совсем не важно, будет стоять в программе какое-нибудь «более или менее» или его стоять не будет.

Мы вспоминали однажды с Владимиром Ильичем одно сравнение, приведенное где-то Л. Толстым: идет он и видит издали — сидит человек на корточках и машет как-то нелепо руками; он подумал — сумасшедший, подошел ближе, видит — человек нож о тротуар точит. Так бывает и с теоретическими спорами. Слушать со стороны: зря люди препираются, вникнуть в суть — дело кажется самого существенного. Так и с программой было.

Когда в Женеву стали съезжаться делегаты, больше всего, детальнее всего с ними обсуждался вопрос о программе. На съезде этот вопрос прошел наиболее гладко.

Другой вопрос громадной важности, обсуждавшийся на II съезде, был вопрос о Бунде. На I съезде было постановлено, что Бунд составляет часть партии, хотя и автономную. В течение пяти лет, которые прошли со времени I съезда, партии как единого целого, в сущности, не было, и Бунд вел обособленное существование. Теперь Бунд хотел закрепить эту обособленность, установив с РСДРП лишь федеративные отношения. Подкладка этого заключалась в том, что Бунд, отражая настроение ремесленников еврейских местечек, гораздо больше интересовался борьбой экономической, чем политической, и потому гораздо больше симпатизировал «экономистам», чем «Искре». Вопрос шел о том, быть ли в стране единой сильной рабочей партии, тесно сплаци-

вающей вокруг себя рабочих всех национальностей, проживающих на территории России, или же быть в стране несколькими обособленными по национальности рабочими партиями. Вопрос шел об интернациональном сплочении внутри страны. Редакция «Искры» стояла за интернациональное сплочение рабочего класса, Бунд — за национальную обособленность и лишь дружественные договорные отношения между национальными рабочими партиями России.

Вопрос о Бунде также детально обсуждался с приехавшими делегатами и также решен был в духе «Искры» громадным большинством.

Позднее факт раскола заслонил перед многими те громадной важности принципиальные вопросы, которые были поставлены и разрешены на II съезде. Владимир Ильич во время обсуждения этих вопросов чувствовал особую близость к Плеханову. Речь Плеханова о том, что основным демократическим принципом должно являться положение «высший закон — благо революции» и что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения этого основного принципа, произвела на Владимира Ильича глубокое впечатление. Он вспоминал о ней, когда 14 лет спустя перед большевиками встал во весь рост вопрос о роспуске Учредительного собрания.

И другая речь Плеханова — о значении народного образования, о том, что оно есть «гарантия прав пролетариата», была созвучна с мыслями Владимира Ильича.

Плеханов на съезде тоже чувствовал близость к Ленину.

Отвечая Акимову, ярому рабочедельцу, жаждавшему посеять рознь между Плехановым и Лениным, Плеханов шутя говорил: «У Наполеона была страстишка — разводит своих маршалов с их женами; иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен. Тов. Акимов в этом отношении похож на Наполеона: он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявлю больше характера, чем наполеоновские маршалы; я не стану разводиться с Лениным и надеюсь, и он не намерен разводиться со мной». Владимир Ильич смеялся и отрицательно качал головой.

При обсуждении первого пункта порядка дня (о конституировании съезда), по вопросу приглашения представителя группы «Борьба» (Рязанов, Невзоров, Гуревич), неожиданно разыгрался инцидент. ОК пожелал выступить на съезде с особым мнением. Дело было вовсе не в группе «Борьба», а в том, что ОК попытался связать своих членов особой дисциплиной — перед лицом съезда. ОК захотел выступить как группа, предварительно решающая в своей среде, как надо голосовать, и выступающая на съезде как группа. Таким образом, высшей инстанцией для члена съезда являлась бы группа, а не сам съезд. Владимир Ильич вскипел прямо от возмущения. Но не только он поддержал Павловича (Красикова), восставшего против такой попытки, поддержали его и Мартов и др. Хотя ОК был съездом распущен, однако инцидент был знаменателен и предвещал всяческие осложнения. Впрочем,

временно инцидент отодвинулся на задний план, поскольку на первый план выдвинулись вопросы колоссальной принципиальной важности — вопрос о месте Бунда в партии и вопрос о программе. По вопросу о Бунде и редакция «Искры», и ОК, и делегаты с мест выступили очень дружно. Представитель «Южного рабочего», член ОК Егоров (Левин), также со всей решительностью выступал против Бунда. Плеханов во время перерыва говорил ему всяческие комплименты, говорил, что его речь надо-де «распубликовать по всем коммунам». Бунд клали на обе лопатки. Прочно устанавливалось положение, что национальные особенности не должны мешать единству партийной работы, монолитности социал-демократического движения.

Тем временем пришлось перебираться в Лондон. Брюссельская полиция стала придирается к делегатам и выслала даже Землячку и еще кого-то. Тогда снялись все. В Лондоне устройству съезда всячески помогли Тахтаревы. Полиция лондонская не чинила препятствий.

Продолжал обсуждаться вопрос о Бунде. Затем, пока подрабатывался в комиссии вопрос о программе, перешли к четвертому пункту порядка дня, к вопросу об утверждении Центрального органа. Таковым — при возражениях со стороны рабочедельцев — единодушно признана была «Искра». «Искру» горячо приветствовали. Даже представитель ОК Попов (Розанов) говорил о том, что «вот здесь, на съезде, мы видим единую партию, созданную в значительной степени деятельностью «Искры». Это было десятое заседание, а их было 37. Над съездом начинали понемногу скопляться тучи. Предстоял выбор тройки в ЦК. Основного ядра ЦК не было еще налицо. Несомненной была кандидатура Глебова (Носкова), зарекомендовавшего себя как неутомимого организатора. Другой несомненной кандидатурой была бы кандидатура Клэра (Кржижановского), если бы он был на съезде. Но на съезде его не было. За него и за Курца (Ленгника) приходилось голосовать заглазно, «по доверию», что было весьма даже неудобно. Между тем на съезде было слишком много «генералов», кандидатов в ЦК. Таковыми были Жак (Штейн — Александрова), Фомин (Крохмаль), Штерн (Костя — Роза Гальберштадт), Попов (Розанов), Егоров (Левин). Все это — кандидаты на два места в цекистскую тройку. Кроме того, все знали друг друга не только как партийных работников, но знали и личную жизнь друг друга. Тут была целая сеть личных симпатий и антипатий. Чем ближе подходили выборы, тем напряженнее становилась атмосфера. Обвинения, бросавшиеся Бундом и «Рабочим делом», в желании командовать, диктовать свою волю из заграничного центра и пр., хотя и встречали дружный отпор вначале, делали свое дело, влияя на центр, на колеблющихся, может быть, даже помимо их сознания. Боялись командования, чьего? Конечно, не Мартова, Засулич, Старовера и Аксельрода. Боялись командования Ленина и Плеханова. Но знали, что в вопросе о составе, о русской работе будет

определять Ленин, а не Плеханов, стоявший в стороне от практической работы.

Съезд утвердил направление «Искры», но предстояло еще утверждать редакцию «Искры».

Владимир Ильич выдвинул проект о том, чтобы редакцию «Искры» составить из трех лиц. Об этом проекте Владимир Ильич ранее сообщил Мартову и Потресову. Мартов отстаивал перед съезжавшимися делегатами редакционную тройку как наиболее деловую. Тогда он понимал, что тройка направлена была главным образом против Плеханова. Когда Владимир Ильич передал Плеханову записку с проектом редакционной тройки, Плеханов не сказал ни слова и, прочитав записку, молча положил ее в карман. Он понял, в чем дело, но шел на это. Раз партия — нужна деловая работа.

Мартов больше всех членов редакции вращался среди членов ОК. Очень скоро его уверили, что тройка направлена против него и что, если он войдет в тройку, он предаст Засулич, Потресова, Аксельрода. Аксельрод и Засулич волновались до крайности.

В такой атмосфере споры о § 1 устава приняли особо острый характер. Ленин и Мартов политически и организационно разошлись по вопросу о § 1 партийного устава. Они нередко расходились и раньше, но раньше эти расхождения происходили в рамках тесного кружка и быстро изживались, теперь разногласия выступили на съезде, и все те, кто имел зуб против «Искры», против Плеханова и Ленина, постарались раздуть расхождения в крупный принципиальный вопрос. На Ленина стали нападать за статью «С чего начать?», за книжку «Что делать?», изображать честолюбцем и пр. Владимир Ильич выступал на съезде резко. В своей брошюре «Шаг вперед, два шага назад» он писал: «Не могу не вспомнить по этому поводу одного разговора моего на съезде с кем-то из делегатов «центра». «Какая тяжелая атмосфера царит у нас на съезде!» — жаловался он мне. — «Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!..» «Какая прекрасная вещь — наш съезд!» — отвечал я ему. — «Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! — вот это я понимаю. Это — жизнь. Это — не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить...»

Товарищ из «центра» смотрел на меня недоумевающими глазами и пожимал плечами. Мы говорили на разных языках»¹.

В этой цитате весь Ильич.

С самого начала съезда нервы его были напряжены до крайности. Бельгийская работница, у которой мы поселились в Брюсселе, очень огорчилась, что Владимир Ильич не ест той чудесной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 333, примеч. Ред.

редиски и голландского сыру, которые она подавала ему по утрам, а ему было и тогда уже не до еды. В Лондоне же он дошел до точки, совершенно перестал спать, волновался ужасно.

Как ни бешено выступал Владимир Ильич в прениях — как председатель он был в высшей степени беспристрастен, не позволял себе ни малейшей несправедливости по отношению к противнику. Другое дело Плеханов. Он, председательствуя, особенно любил блистать остроумием и дразнить противника.

Хотя громадное большинство делегатов не разошлось по вопросу о месте Бунда в партии, по вопросу о программе, о признании направления «Искры» своим знаменем, но уже к середине съезда почувствовалась определенная трещина, углубившаяся к концу его. Собственно говоря, серьезных разногласий, мешавших совместной работе, делавших ее невозможной, на II съезде еще не выявилось, они были еще в скрытом состоянии, в потенции, так сказать. А между тем съезд распадался явным образом на две части. Многим казалось, что во всем виноваты нетактичность Плеханова, «бешенство» и честолюбие Ленина, шпильки Павловича, несправедливое отношение к Засулич и Аксельроду, — и они примыкали к обиженным, из-за лиц не замечали сути. В их числе был и Троцкий, превратившийся в яркого противника Ленина. А суть была в том, что товарищи, группировавшиеся около Ленина, гораздо серьезнее относились к принципам, хотели во что бы то ни стало осуществить их, пропитать ими всю практическую работу; другая же группа была более обывательски настроена, склонна была к компромиссам, к принципиальным уступкам, более взирала на лица.

Борьба во время выборов носила крайне острый характер. Осталась в памяти пара предвыборных сенок. Аксельрод корит Баумана (Сорокина) за недостаток якобы нравственного чутья, поминает какую-то ссыльную историю, сплетню. Бауман молчит, и слезы стоят у него на глазах.

И другая сценка. Дейч что-то сердито выговаривает Глебову (Носкову), тот поднимает голову и, блеснув загоревшимися глазами, с досадой говорит: «Помолчали бы вы уж в тряпочку, папаша!»

Съезд кончился. В ЦК выбрали Глебова, Клэра и Курца, причем из 44 решающих голосов 20 воздержалось от голосования, в ЦО выбрали Плеханова, Ленина и Мартова. Мартов от участия в редакции отказался. Раскол был налицо.

ПОСЛЕ ВТОРОГО СЪЕЗДА

1903—1904 годы

В Женеве, куда мы вернулись со съезда, началась тяжелая канитель. Прежде всего хлынула в Женеву эмигрантская публика из других заграничных колоний. Приезжали члены Лиги и спрашивали: «Что случилось на съезде? Из-за чего был спор? Из-за чего раскололись?»

Плеханов, которому страшно надоели эти расспросы, рассказывал однажды: «Приехал NN. Расспрашивает и все повторяет: «Я — как буриданов осел». А я его спрашиваю: «Почему же, собственно, буриданов?..»

Стали приезжать и из России. Приехал, между прочим, из Питера Ерема, на имя которого Владимир Ильич адресовал год тому назад письмо к питерской организации. Он сразу встал на сторону меньшевиков, зашел к нам. Приняв архитрагический вид, при встрече он воскликнул, обращаясь к Владимиру Ильичу: «Я — Ерема» — и стал говорить о том, что меньшевики правы... Помню также члена Киевского комитета, который все добивался: какие изменения в технике обусловили раскол на съезде? Я тарасила глаза — столь примитивного понимания соотношения между «базой» и «надстройкой» я никогда не видывала, не предполагала никогда даже, что оно может существовать.

Те, кто помогал деньгами, явками и пр., под влиянием агитации меньшевиков отказывали в помощи. Помню, приехала в Женеву к сестре со своей старушкой-матерью одна моя старая знакомая. В детстве мы с ней так чудесно играли в путешественников, в диких, живущих на деревьях, что я ужасно обрадовалась, когда узнала об ее приезде. Теперь это была уже немолодая девушка, совсем чужая. Зашел разговор о помощи, которую их семья всегда оказывала социал-демократам. «Мы не можем вам дать теперь свою квартиру под явки, — заявила она, — мы очень отрицательно относимся к расколу между большевиками и меньшевиками. Эти личные дразги очень вредно отзываются на деле». Ну уж и посылали же мы с Ильичем ко всем чертям этих «сочувствующих», не входящих ни в какие организации и воображающих, что они своими явками и грошами могут повлиять на ход дела в нашей пролетарской партии!

Владимир Ильич тотчас же написал в Россию о случившемся Клэру и Курцу. В России ахали, но присоветовать ничего путного не могли, всерьез предлагали, например, вызвать Мартова в Россию, спрятать его где-нибудь в глуши и засадить за писание популярной брошюры. Курца решено было выписать за границу.

После съезда Владимир Ильич не возражал, когда Глебов предложил кооптировать старую редакцию, — лучше уж маяться по-старому, чем раскол. Меньшевики отказались. В Женеве Владимир Ильич пробовал сговориться с Мартовым, писал Потресову, убеждал его, что расходиться не из-за чего. Писал по поводу раскола Владимир Ильич и Калмыковой (Тетке) — рассказывал ей, как было дело. Ему все не верилось, что нельзя было найти выхода. Срывать решения съезда, ставить на карту русскую работу, дееспособность только что сложившейся партии казалось Владимиру Ильичу просто безумием, чем-то совершенно невероятным. Бывали минуты, когда он ясно видел, что разрыв неизбежен. Раз он начал писать Клэру о том, что тот не представляет себе совершенно настоящего положения, надо отдать себе отчет в том,

что отношения старые в корне изменились, что старой дружбе с Мартовым теперь конец, о старой дружбе надо забыть, начинается борьба. Этого письма не докончил и не послал Владимир Ильич. Ему чрезвычайно трудно было рвать с Мартовым. Период питерской работы, период работы в старой «Искре» тесно связывал их. Впечатлительный до крайности, Мартов в те времена умел чутко подхватывать мысли Ильича и талантливо развивать их. Потом Владимир Ильич яростно боролся с меньшевиками, но каждый раз, когда линия Мартова хоть чуточку выпрямлялась, у него просыпалось старое отношение к Мартову. Так было, например, в 1910 году в Париже, когда Мартов и Владимир Ильич работали вместе в редакции «Социал-демократа». Приходя из редакции, Владимир Ильич не раз рассказывал довольным тоном, что Мартов берет правильную линию, выступает даже против Дана. И потом уже в России, как доволен был Владимир Ильич позицией Мартова в июльские дни, не потому, что от этого была польза большевикам, а потому, что Мартов держится с достоинством — так, как подобает революционеру.

Когда Владимир Ильич был уже тяжело болен, он мне как-то грустно сказал: «Вот и Мартов тоже, говорят, умирает».

Большинство делегатов съезда (большевиков) уехало в Россию на работу. Меньшевики уехали не все, напротив, приехал к ним еще Дан. За границей число их сторонников росло.

Большевики, оставшиеся в Женеве, периодически собирались. Самую непримиримую позицию на этих собраниях занимал Плеханов...

Приехал наконец член ЦК Курц, он же Васильев (Ленгник), и почувствовал себя совершенно придавленным той склокой, которая царила в Женеве. На него навалилась целая куча дел по разбору конфликтов, посылке в Россию людей и т. д.

Меньшевики имели успех у заграничной публики и решили дать бой большевикам, созвав съезд Лиги русских социал-демократов за границей для заслушания доклада делегата Лиги на II съезде, Ленина. В то время в правление Лиги входили Дейч, Литвинов и я. Дейч настаивал на созыве съезда Лиги. Литвинов и я были против, не сомневаясь, что при наличных условиях съезд превратится в сплошной скандал. Тогда Дейч вспомнил, что в правление входят еще Вечеслов, живший в Берлине, и Лейтейзен, живший в Париже. Они фактически последнее время непосредственно в работе правления Лиги не принимали участия, но официально из него не вышли. Привлекли их к голосованию, они голоснули за съезд.

Владимир Ильич перед съездом Лиги, задумавшись, наехал на велосипеде на трамвай и чуть не выбил себе глаз. Повязанный, бледный, ходил он на съезд Лиги. С бешеной ненавистью нападали на него меньшевики. Помню одну дикую сцену: запомнились яростные лица Дана, Крохмаля и др., которые, вскочив, бешено стучали пюпитрами.

На съезде Лиги меньшевики были численно сильнее большевиков; кроме того, среди меньшевиков было больше «генералов». Меньшевики приняли такой устав Лиги, который делал из Лиги оплот меньшевизма, обеспечивал меньшевикам свое издательство, делал Лигу независимой от ЦК. Тогда Курц (Васильев) от имени ЦК потребовал изменения устава, а так как Лига этому не подчинилась, то объявил Лигу распушенной.

Плехановские нервы не выдержали скандала, устроенного меньшевиками, он заявил: «Не могу стрелять по своим».

На собрании большевиков Плеханов заявил, что надо идти на уступки. «Бывают моменты,— заявил он,— когда и самодержавие вынуждено делать уступки». — «Тогда и говорят, что оно колеблется», — подала реплику Лиза Кнунянц. Плеханов метнул на нее сердитый взгляд.

Плеханов решил для спасения мира в партии, как он говорил, кооптировать старую редакцию «Искры». Владимир Ильич ушел из редакции, заявив, что он не отказывается от сотрудничества и даже не настаивает на опубликовании об его уходе из редакции. Пусть делает Плеханов попытку помириться, он не станет становиться поперек дороги миру в партии. Незадолго перед тем Владимир Ильич писал в письме к Калмыковой: «Нет хуже тупика, как отход от работы». Уходя из редакции, он становился на этот путь, он понимал это. Оппозиция потребовала еще кооптации представителей в ЦК, двух мест в Совете ¹ и признания законными постановлений съезда Лиги. ЦК соглашался двух представителей оппозиции кооптировать в ЦК, передать им одно место в Совете, постепенно реорганизовать Лигу. Мира никакого не получалось. Уступка Плеханова открыла оппозицию. Плеханов настаивал на уходе из Совета второго представителя ЦК — Ру (Коняга, настоящая фамилия Гальперин), чтобы очистить место меньшевикам. Владимир Ильич долго колебался перед этой новой уступкой. Помню, как мы втроем — Владимир Ильич, Коняга и я — стояли вечером на берегу разбушевавшегося Женевского озера. Коняга уговаривал Владимира Ильича согласиться на его отставку. Наконец Владимир Ильич решился — пошел к Плеханову говорить о том, что Ру выйдет из Совета ².

¹ *Совет партии* (1903—1905), согласно Уставу партии, принятому на II съезде РСДРП, был создан как высшее партийное учреждение, призванное согласовывать и объединять деятельность ЦК и редакции ЦО, восстанавливать ЦК и редакцию ЦО в случае, если выбывает весь состав одного из этих учреждений, а также представлять партию в сношениях с другими партиями. Совет партии состоял из пяти членов. *Ред.*

² Н. К. Крупская в своих воспоминаниях, напечатанных 27 ноября 1925 г. в газете «Правда» (№ 271), пишет: «Вспоминается один разговор с Конягой. Владимира Ильича не было дома, а Коняга развивал план: ему и Владимиру Ильичу — отойти окончательно от партийной деятельности и поселиться где-то в предместье Берлина. Уйти от партийной работы... Коняга, как показало дальнейшее, мог это сделать, Ильич — не мог». *Ред.*

Мартов выпустил брошюру «Осадное положение», наполненную самыми дикими обвинениями. Троцкий также выпустил брошюру «Отчет сибирской делегации», где события освещались совершенно в мартовском духе, Плеханов изображался пешкой в руках Ленина и т. д.

Владимир Ильич засел за ответ Мартову, за писание брошюры «Шаг вперед, два шага назад», где подробно анализировал события на съезде.

Тем временем в России также шла борьба. Большевистские делегаты делали доклады о съезде. Принятая на съезде программа и большинство резолюций съезда были встречены местными организациями с большим удовлетворением. Тем непонятнее казалась им позиция меньшевиков. Принимались резолюции с требованием подчинения постановлению съезда. Из наших делегатов в этот период особенно энергично работала Дяденька, которая, как старая революционерка, не могла прямо понять, как допустимо такое неподчинение съезду. Она и другие товарищи из России писали ободряющие письма. Комитеты один за другим становились на сторону большинства.

Приехал Клэр. Он не представлял себе той стены, которая уже выросла между большевиками и меньшевиками, и думал, что можно помирить большевиков и меньшевиков, пошел говорить с Плехановым, увидел полную невозможность примирения и уехал в подавленном настроении. Владимир Ильич еще больше помрачнел.

В начале 1904 года приехали в Женеву Циля Зеликсон, представитель питерской организации Барон (Эссен), рабочий Макар. Все они были сторонниками большевиков. С ними часто виделся Владимир Ильич. Разговоры шли не только о склоке с меньшевиками, но и о российской работе. Барон, тогда совсем молодой парень, был увлечен питерской работой. «У нас,— говорил он,— теперь организация строится на коллективных началах, работают отдельные коллективы: коллектив пропагандистов, коллектив агитаторов, коллектив организаторов». Владимир Ильич слушал. «Сколько человек у вас в коллективе пропагандистов?» — спросил он. Барон несколько смущенно отвечал: «Пока я один». — «Маловато,— заметил Ильич.— А в коллективе агитаторов?» Покраснев до ушей, Барон отвечал: «Пока я один». Ильич неистово хохотал, смеялся и Барон. Ильич всегда какой-нибудь парой вопросов, попадавших в самое больное место, умел из гущи красивых схем, эффектных отчетов вышелушить реальную действительность.

Потом приехал Ольминский (Мих. Ст. Александров), ставший на сторону большевиков, приехала бежавшая из далекой ссылки Зверь .

Зверь, вырвавшаяся из ссылки на волю, была полна веселой энергией, которой она заражала всех окружающих. Никаких сом-

¹ М. М. Эссен. *Ред.*

нений, никакой нерешительности в ней не было и следа. Она дразнила всякого, кто вешал нос на квинту, кто вздыхал по поводу раскола. Заграничные дразги как-то не задевали ее. В это время мы придумали устраивать у себя в Сешероне раз в неделю «журфиксы» для сближения большевиков. На этих «журфиксах», однако, настоящих разговоров не выходило, зато очень разгоняли они навеянную всей этой склокой с меньшевиками тоску, и весело было слушать, как залихватски затягивала Зверка какого-нибудь «Ваньку» и подхватывал песню высокий лысый рабочий Егор. Он ходил было поговорить по душам с Плехановым — даже воротнички по этому случаю надел, — но ушел он от Плеханова разочарованный, с тяжелым чувством. «Не унывай, Егор, валяй «Ваньку» — наша возьмет», — утешала его Зверка. Ильич веселел: эта залихватость, эта бодрость рассеивала его тяжелые настроения.

Появился на горизонте Богданов. Тогда Владимир Ильич еще мало был знаком с его философскими работами, не знал его совершенно как человека. Было видно, однако, что это работник цекистского масштаба. Он приехал за границу временно, в России у него были большие связи. Кончался период безысходной склоки.

Больше всего было Ильичу тяжело рвать окончательно с Плехановым.

Весной Ильич познакомился со старым революционером народоправцем Натансоном и его женой. Натансон был великолепным организатором старого типа. Он знал массу людей, знал прекрасно цену каждому человеку, понимал, кто на что способен, к какому делу кого можно приставить. Что особенно поразило Владимира Ильича — он знал прекрасно состав не только своих, но и наших с.-д. организаций лучше, чем многие наши тогдашние цекисты. Натансон жил в Баку, знал Красина, Постолювского и др. Владимиру Ильичу показалось, что Натансона можно бы убедить стать социал-демократом. Натансон очень был близок к социал-демократической точке зрения. Потом кто-то рассказывал, как этот старый революционер рыдал, когда в Баку впервые в жизни увидел грандиозную демонстрацию. Об одном не мог Владимир Ильич сговориться с Натансоном. Не согласен Натансон был с подходом социал-демократии к крестьянству. Недели две продолжался роман с Натансоном. Натансон хорошо знал Плеханова, был с ним на «ты». Владимир Ильич разговорился с ним как-то о наших партийных делах, о расколе с меньшевиками. Натансон предложил поговорить с Плехановым. От Плеханова вернулся каким-то растерянным: надо идти на уступки...

Порвался роман с Натансоном. Владимиру Ильичу досадно стало на себя, что он с человеком чужой партии стал говорить о делах социал-демократии, что тот посредником каким-то явился. Досадовал на себя, досадовал на Натансона.

Тем временем ЦК в России вел двойственную примиренческую политику, комитеты стояли за большевиков. Надо было, опираясь на Россию, созвать новый съезд.

В ответ на июльскую декларацию ЦК¹, которая лишала Владимира Ильича возможности защищать свою точку зрения и сноситься с Россией, Владимир Ильич вышел из ЦК, группа большевиков — 22 человека — приняла резолюцию о необходимости созыва III съезда...

Теперь мысли были в России. Чувствовалась громадная ответственность перед развивающимся там, в Питере, в Москве, в Одессе и пр., рабочим движением.

Все партии — либералы, эсеры — особенно ярко стали выявлять свою настоящую сущность. Выявили свое лицо и меньшевики. Теперь уже ясно стало, что разделяет большевиков и меньшевиков.

У Владимира Ильича была глубочайшая вера в классовый инстинкт пролетариата, в его творческие силы, в его историческую миссию. Эта вера родилась у Владимира Ильича не вдруг, она выковалась в нем в те годы, когда он изучал и продумывал теорию Маркса о классовой борьбе, когда он изучал русскую действительность, когда он в борьбе с мировоззрением старых революционеров научился героизму борцов-одиночек противопоставлять силу и героизм классовой борьбы. Это была не слепая вера в неведомую силу, это была глубокая уверенность в силе пролетариата, в его громадной роли в деле освобождения трудящихся, уверенность, покоившаяся на глубоком знании дела, на добросовестнейшем изучении действительности. Работа среди питерского пролетариата облекла в живые образы эту веру в мощь рабочего класса...

*Воспоминания о В. И. Ленине. В 5-ти т.
Изд. 3-е. М., 1984, т. 1, с. 262—276*

¹ Так называли резолюцию, принятую примиренческой частью ЦК, проводившей к этому времени меньшевистскую политику, и меньшевиками в отсутствие Ленина. Резолюция содержала 26 пунктов, но из них опубликованы были лишь 9 в № 72 «Искры» от 25 августа 1904 г. В ответе редакции «Искры» Ленину, возмущенному сокрытием от партии решений ее руководящего органа, Плеханов отстаивал мысль, что местные комитеты не должны знать всех подробностей о разногласиях вождей: «Стараться сделать пролетариат судьей в бесчисленных распрах, возникающих между кружками, значит склоняться к самому худшему из всех видов псевдodemократизма» (Искра (№ 53), 1903, 25 ноября).

Один из пунктов этой декларации гласил: «ЦК решительно высказывается против созыва в настоящее время экстренного съезда, против агитации за этот съезд». *Прим. автора.*

ВОСПОМИНАНИЯ О ВТОРОМ СЪЕЗДЕ РСДРП

Летом 1903 года я перешел нелегально границу около Кишинева для участия на II съезде партии. Я ехал рано, недели за две до срока, чтобы проехать в Женеву, где жил Владимир Ильич, и повидаться с ним до съезда на свободе...

Владимира Ильича и Надежды Константиновны не оказалось дома, и меня встретила Елизавета Васильевна Крупская¹ — мать Надежды Константиновны. Оказалось, что они по случаю воскресенья с утра ушли на прогулку в горы. Елизавета Васильевна сообщила мне, что они каждое воскресенье уходят или уезжают за город на целый день.

Они занимали втроем целый домик, который был построен по английскому типу — внизу комнаты две побольше, наверху три маленькие комнатки, или клетушки. Владимир Ильич занимал одну из них, Надежда Константиновна — другую, а третья была предоставлена мне.

Пока я дожидался возвращения их с прогулки, глаза мои разбегались от обилия всякой нелегальной литературы...

После возвращения Владимира Ильича и Надежды Константиновны с прогулки я был засыпан вопросами о делах в России, о делегатах на съезд, о том, как я добрался. О делах они оказались лучше меня осведомлены. Узнав, как я плутал по Женеве, Владимир Ильич смеялся надо мной вдоволь.

Разговор с Владимиром Ильичем. Я говорил, зачем было спешить со съездом, ведь ЦО (Центральный орган партии) у нас жизнью сложился, а ЦК нет пока. Не официального ЦК, а такой организации, которая играла бы роль такового, как признанного местами авторитетного органа. Съезд не может, говорил я, создать голосованием такой организации, нужно было подождать, пока таковая, более или менее сносная, сложится в России. ОК (Организационный комитет) не мог быть превращен в ЦК, так как этот ОК был создан по принципу представительства (организация «Искры», Питерский комитет, «Южный рабочий»).

¹ Е. В. Крупская (1842—1915) жила вместе с Надеждой Константиновной и Владимиром Ильичем в ссылке в Сибири и в эмиграции, помогала им в революционной работе. *Ред.*

Владимир Ильич ответил, что ждать, пока образуется удовлетворительный ЦК сам собою, нельзя... русские условия... провалы... Дело необходимо оформить. А при этом попутно и очень осторожно познакомил меня с некоторыми шероховатостями в редакции ЦО...

* * *

Наконец около двух часов дня я приехал в Женеву и отправился искать квартиру Владимира Ильича, которая находилась на окраине города, в рабочем поселке. Вместо каких-нибудь двадцати минут для знающего человека я потратил, должно быть, не менее двух часов на розыски, объясняясь с большим трудом по-французски с прохожими. Очень часто я абсолютно не понимал, что они говорили, и шел по направлению, куда они показывали пальцем или головой. Таким образом, топчась то в одну, то в другую сторону со своими пожитками (корзиной, связанной веревкой, и подушкой в грязной парусиновой наволочке), я наконец набрел на тот номер дома, который был нужен. Дома была одна Елизавета Васильевна, мать Надежды Константиновны...

Уже стемнело, когда Владимир Ильич с Надеждой Константиновной усталые вернулись с прогулки. (У меня осталось впечатление, что Надежда Константиновна не очень охотно участвовала в воскресных прогулках и делала это исключительно для Владимира Ильича. Во всяком случае, в следующее воскресенье мы отправились с Владимиром Ильичем вдвоем, а Надежда Константиновна, по-видимому, была очень рада, что взамен ее нашелся другой компаньон и она могла на весь день зарыться в свои бумаги и книги. Она остается себе верна и до сего дня — вытащить ее в Горки страшно трудно, она предпочитает провести воскресенье в своем кабинете за письменным столом. При жизни Владимира Ильича она ездила в Горки только для него.)

Владимир Ильич предоставил мне наверху маленькую комнату, где я наслаждался среди груды всякой нелегальщины. Я мог спокойно — не так, как в тогдашней царской России, — читать и «Революционную Россию» эсеров, и «Звезду», и «Искру», и прежние издания группы «Освобождение труда».

Зная прежнюю любовь брата к шахматам, я предложил ему как-то сыграть. Он согласился, но оказалось, что шахмат у него нет.

— Как же нет, ведь мама тебе послала папины шахматы?

Наш отец сам выточил из пальмы на токарном станке эти шахматы, мы все в них много играли и любили их. Мама послала их за границу Владимиру Ильичу, но они где-то затерялись. Поэтому не права Анна Ильинична, что эти шахматы пропали во время переезда Владимира Ильича в Россию в 1905 году, их не было у него и в 1903 году, когда я жил у него в Женеве¹.

¹ У Дмитрия Ильича в рукописи, по-видимому, допущена неточность (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 308, 508). Ред.

Отправились в город, исходили несколько кофеен, прежде чем нашли в какой-то шахматы. Расставляя фигуры, Владимир Ильич сказал:

— Надо что-то выпить, так неудобно сидеть только за шахматами. Ты что хочешь, кофе или пиво?

Я ответил, что предпочитаю une canette Munioh, то есть кружку мюнхенского пива. Он заказал кельнерше стакан черного кофе и кружку мюнхенского пива, после чего взглянул на меня с лукавой улыбкой — мое, мол, питье лучше для серьезной партии... Выиграл я и, конечно, ликовал, так как Владимиру Ильичу обычно я проигрывал. Моя тренировка в Самаре с хорошими шахматистами, и особенно с А. Н. Хардиным, помогла. Владимир Ильич, когда мы шли домой, твердил:

— Реванш, завтра же реванш.

В субботу он заявил:

— Я разбуду тебя завтра в 6 часов, сядем на поезд и отправимся на Доль.

Доль — это хорошая гора, около версты над уровнем моря, шли мы на нее почти целый день, остановившись лишь в одной кофейне, чтобы выпить по стакану кофе и немного закусить. В разговоре я, между прочим, сказал, что съезд созван рано, что «у нас сложился ЦО, а ЦК нет, его выбрать нельзя, надо бы подождать, когда он реально будет существовать». Владимир Ильич напал на меня и в несколько минут доказал, что ждать с созывом съезда невозможно, так как в России образовался целый ряд центров, в том числе «Южный рабочий», весьма ненадежный, с «рабочедельческим» (правым) уклоном.

Признаться, на этот раз он меня не переубедил, я считал, что «выбрать» ЦК нельзя, раз его не существует реально...

Перед вечером мы сидели на вершине Доля и любовались открывшимся видом.

* * *

Чтобы иметь ясное представление о II съезде партии, надо прежде всего знать ту обстановку, в которой он созывался.

Социал-демократические течения начали появляться в 80-х годах, когда за границей во главе с Плехановым организовалась группа «Освобождение труда». Она выставила чисто марксистскую декларацию, но имела слабую связь с Россией. Один-два раза в год этой группой выпускался журнал «Социал-демократ». Читался этот журнал одиночками, в массы он не проникал. В 90-х годах появляется наконец первая социал-демократическая революционная организация в России, в Петербурге, — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в которую входил и которую возглавлял товарищ Ленин. «Союз борьбы» ставил перед собой следующие задачи: политическое развитие рабочего класса; экономическую борьбу, превращая ее в политическую; всякий протест, всякое выступление, стачку связывать со свержением царизма.

Политические работники — революционеры — в те времена быстро убирались полицией в тюрьмы. «Союз борьбы» также проваливался несколько раз. Состав организации постоянно менялся. Туда стали проникать шаткие элементы, стремящиеся смягчить те требования, которые выставлял «Союз борьбы», заменяя революционные лозунги чисто экономическими требованиями. Особенно развилась эта новая форма движения, названная впоследствии «экономизмом», с 1897 года. Вдохновитель этого движения Бернштейн заявлял: «Движение — все, цель — ничто», что означало только экономические местные требования. Каждая организация, каждый город мог выставлять свои собственные требования и добиваться их осуществления своими силами. Отпадала необходимость связи одного города с другим. И как следствие этого — начались разброд и шатания в самой организации. Владимир Ильич конец 90-х годов пробыл в ссылке. Вернулся он в 1900 году. Я встретился с ним тогда одним из первых. И первым его вопросом было: «Какая ведется борьба с оппортунизмом? Этот развал недопустим, с ним надо покончить».

Тогда в целях борьбы с оппортунизмом и было решено издавать общерусскую газету. А чтобы сделать состав ее редакции более постоянным и устойчивым, чтобы оградить редакцию от преследований со стороны жандармерии, решили издавать газету за границей совместно с группой «Освобождение труда». Но для того чтобы газета достигала своей цели, надобно было наладить связь с местами, с рабочими, от которых можно было бы получать корреспонденции для газеты и распределять газету. Этой работой мы и занялись в первую очередь. Ленин писал об «Искре» в то время: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»¹.

Задачами «Искры» стало очищение партии от оппортунизма, ревизионизма. В 1900 году Ленин уехал за границу, и в Швейцарии стала выпускаться «Искра»². Под знаменем «Искры» соединились для борьбы против «экономизма» группа «Освобождение труда» и «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В России стали организовываться в то время кружки содействия «Искре». Мне пришлось для этого проделать большую работу. За короткое время я побывал в двух-трех партийных комитетах.

В 1903 году я приехал в Тулу. Здесь во главе комитета партии был Платон Васильевич Луначарский (брат Анатолия Васильевича). Комитет был вполне искровский. В Туле меня вместе с тов. Степановым выбрали делегатом на II съезд РСДРП. Ехать легаль-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 11. *Ред.*

² «Искра» сначала издавалась в Германии, потом в Англии и позднее в Швейцарии. *Ред.*

но за границу мне нечего было и думать. И вот через целую сеть явок я добрался до Кишинева, оттуда меня проводили в одно местечко, находившееся верстах в десяти от австрийской границы. Там в небольшом домике я ждал с 10 часов утра до 10 часов вечера. И наконец ночью на телеге провожатый повез меня дальше. Версты за две от границы оставили мы телегу и пошли пешком. Пробирались по кустам без дороги. Вдруг послышался топот... Мы залегли. Спустившись к речке, пошли вброд. Течение было такое быстрое, что провожатый все время держал меня за руку. За речкой начались пшеничные поля, и мы пропутешествовали по этим полям всю ночь. Наконец провожатый привел меня в какую-то хибарку вблизи железнодорожной станции и сказал, что через два часа я могу садиться на поезд. Так я очутился за границей.

В Женеве я поселился у Владимира Ильича и с головой окунулся в «нелегалщину». Каких политических книг только не было здесь у Владимира Ильича!

В часы отдыха, гуляя с Владимиром Ильичем по горам, мы много разговаривали. Из этих разговоров я впервые узнал, что в редакции «Искры» далеко не все благополучно, что между Лениным и Плехановым по целому ряду вопросов постоянно возникают споры, так что иногда дело доходит чуть не до разрыва. Особенно большие расхождения наметились тогда между Лениным и Плехановым по проекту программы партии, в частности о роли крестьянства в революции.

Большие расхождения между Лениным и другими членами редакции «Искры» выявились также в вопросах тактики, об отношении к либералам. И надо было ожидать, что на съезде все эти разногласия выльются в открытое расхождение, ведущее за собой раскол. Так оно и вышло.

Первым вопросом на съезде стоял вопрос о Бунде. Бунд хотел входить в партию в виде федерации. Против этого были все искровцы. И бундовцы провалились.

По вопросу о программе партии значительных споров не было, кроме аграрной части ее. Так, например, один делегат из Николаева говорил: «Зачем нам аграрная программа?»

Много споров было и относительно состава редакции «Искры». Ленин предлагал, чтобы редакция состояла не более чем из трех человек.

В общем, чтобы проследить раскол, происшедший на втором съезде, необходимо изучить не только самый съезд, но и положение в партии до него.

После окончания съезда я с партийными поручениями уехал в Киев. В Тулу мне обратно попасть не пришлось. На съезде идейно победили большевики. Но вскоре Плеханов перешел к меньшевикам, и Ленин ушел из «Искры». То время было очень тяжелым для Ленина. Особенно огорчила измена Плеханова. Но основная группа большевиков твердо заняла ленинскую позицию. Кто был

прав — большевики или меньшевики — показала история. А в то время, я помню, в России говорили: «Как мог Ленин повздорить с Мартовым? Надо было уступить».

Меньшевики вскоре же после II съезда стали оппортунистами. А семнадцатый год принес им окончательную политическую смерть.

Все принципы, выдвигаемые Лениным, оказались правильными не только для России и для нашей партии, но и для всемирного революционного движения.

*Воспоминания о II съезде РСДРП.
Изд. 3-е. М., 1983, с. 58—66*

ПОДГОТОВКА ВТОРОГО СЪЕЗДА ПАРТИИ

В истории нашего рабочего движения II съезд партии занимает совершенно исключительное положение по своей красочности и по своему содержанию, определившему главные перипетии борьбы за чистоту революционного марксизма и ленинизма, который тогда уже выступил на арену истории в полном боевом облачении...

Борьба организации «Искры» за революционную партию пролетариата была прелюдией к той колоссальной борьбе, которая развернулась вовсю лишь на этом историческом съезде и в последующее за II съездом время. Борьба с «экономизмом», борьба с рабочедельчеством, борьба с меньшевизмом, борьба с богдановщиной и богостроительством¹, борьба с троцкизмом, борьба с «примиренчеством», борьба с правыми и контрреволюционными элементами — все это отдельные этапы той грандиозной битвы, которую вел и будет вести победоносный ленинизм со всеми видами российского и международного оппортунизма.

Вспоминая время этих первых авангардных боев, когда мы, члены молодой организации «Искры», должны были отвоевывать от оппортунистов разных мастей каждый комитет нашей партии, каждый форпост нашей работы — транспорт, типографии, газеты и пр. и т. п. (и это под перекрестным огнем жандармерии, охранки и прочей чиновничьей нечисти), — можно сказать, что на долю организации «Искры» выпала нелегкая задача. Последняя была разрешена ею с удивительным совершенством, что объясняется прежде всего той спаянностью членов организации и той кристаллической чистотой ленинского учения, которые и составляли главную силу этой небольшой и все же непобедимой кучки революционеров, сгруппировавшихся вокруг великого Ленина.

Оппортунисты в лице «экономистов», рабочедельцев и бундовцев всячески старались захватить инициативу по созыву II съезда партии в свои руки, но благодаря бдительности нашего центра это

¹ *Богостроительство* — враждебное марксизму литературное и религиозно-философское течение, возникло после поражения революции 1905—1907 гг., в период столыпинской реакции, среди части партийных интеллигентов. Богостроители (А. А. Богданов, А. В. Луначарский и др.) пытались примирить марксизм с религией, проповедовали создание новой, «социалистической» религии. Совещание расширенной редакции большевистской газеты «Пролетарий», состоявшееся 8—17 (21—30) июня 1909 г., осудило богостроительство как извращение научного социализма. *Ред.*

никак им не удавалось, и каждый раз они бывали биты самым нещадным образом. Первая попытка этого рода имела место на Белостокской конференции в 1902 году, которую бундовцы и рабочедельцы хотели объявить II съездом РСДРП, но оказалось, что, несмотря на все безграничные хитрости бундовцев и рабочедельцев, все же вездесущая организация «Искры» проникла на эту конференцию и настояла на том, чтобы это совещание, очень незначительное по своему составу, было объявлено конференцией, создавшей лишь Организационный комитет по созыву II съезда. По иронии судьбы от организации «Искры», с директивами от вездесущего Ильича, присутствовал на этой Белостокской конференции будущий яркий противник ленинизма — Дан (Гурвич): тогда он был еще искровцем. Пишущий эти строки также имел мандат на эту Белостокскую конференцию, но не был на нее допущен вследствие хитросплетений бундовцев, бывших хозяевами на этой конференции. Но другой делегат, приехавший прямо из-за границы от Ильича (именно упомянутый выше Дан), был счастливее меня и попал на эту конференцию. Может быть, бундовцы уже тогда чуяли в нем своего тайного сторонника.

Вот эта Белостокская конференция и положила начало Организационному комитету по созыву II съезда РСДРП, после того как делегату «Искры» удалось воспрепятствовать провозглашению ею себя II съездом РСДРП. Это было в марте 1902 года. От «Союза русских социал-демократов» (рабочедельческой заграничной организации) присутствовал М. Коган-Гриневиц, от ЦК Бунда — П. И. Розенталь, от Петербургского комитета — доктор Краснуха и Зельдов, от Екатеринославского комитета — Ф. Шипулинский, от «Южного рабочего» — О. А. Ерманский-Коган и от «Искры» — Ф. И. Дан. Собрание не только вынуждено было согласиться с доводами делегата «Искры», вооруженного стальной логикой Ильича, конституироваться как конференция, но одобрило также с некоторыми поправками текст воззвания, предложенного «Искрой», и избрало Организационный комитет по созыву съезда *за границей*.

Этот Организационный комитет, однако, очень скоро потерпел большой урон вследствие арестов, и следующее собрание Организационного комитета, которое состоялось в Пскове, было устроено уже по инициативе организации «Искры». На этом совещании из прежнего состава Организационного комитета присутствовал один доктор Краснуха. Бунд по случайным причинам не присутствовал, а организация «Искры» была представлена целой плеядой товарищей. Новый ОК был определен на Псковском совещании в следующем составе: доктор Краснуха, Левин, Радченко, П. Н. Лепешинский (Лапоть), Красиков (Игнат, Шпилька), Г. М. Кржижановский (Клэр), Ф. В. Ленгник (Курц, Васильев)¹. Это совещание имело место примерно в начале ноября 1902 года. Оно не было прослежено жандармерией, хотя на следующий же

¹ В ОК кроме указанных лиц был кооптирован также А. М. Стопани. *Ред.*

день было арестовано несколько его участников, например П. Н. Лепешинский, И. И. Радченко, но, по-видимому, в другой связи.

В № 32 «Искры» в январе 1903 года было напечатано объявление ОК о его образовании, причем подчеркивалось, что его задача заключается в помощи местным организациям. Бунд очень обиделся, что ОК был образован без участия его делегата, но было разъяснено, что Бунд случайно не получил посланного ему приглашения на конференцию, и уже в феврале инцидент с Бундом был ликвидирован включением в ОК его представителя. Ряд крупнейших комитетов партии признал ОК организацией, которой они вручают подготовку II съезда. Среди них были: Одесский, Николаевский, Харьковский, Киевский, Московский, Екатеринославский, Казанский, Уфимский, Донской и «Северный союз» (с оговоркой). Борьба кипела в Петербургском комитете, где были очень сильны «экономисты» с 1898 года, на Урале, где имели влияние на наши партийные организации даже эсеры, и в Воронежском комитете, который считался особенно сильной цитаделью рабочедельцев (родина Махновца, одного из вождей рабочедельчества). Вскоре после опубликования извещения об образовании ОК он был признан всеми почти партийными комитетами, в том числе и Петербургским. Одесский и Николаевский комитеты, присоединяясь к ОК, заявили, однако, что они против попытки ОК исполнять функции ЦК партии. Единственным комитетом, не желавшим признать ОК, оказался Воронежский комитет. Однако и ряд других организаций занимал особую позицию по отношению к ОК, который вскоре стал цитаделью искровцев. Так, например, «Северный союз» в лице будущего члена ЦК тов. Носкова также не вполне примыкал к искровцам и старался обособиться от ОК.

Сама жизнь заставляла ОК брать на себя функции ЦК, так как тогда не было ни одного авторитетного органа, могущего взять на себя функции объединяющего партийного центра, необходимость которого чувствовалась всеми партийными организациями. В крайней оппозиции к ОК и в особенности к «Искре» были Бунд, отчасти «Южный рабочий» и прежде всего, конечно, «экономисты» и рабочедельцы. Но, как потом выяснилось на II съезде, и среди искровцев было много оппортунистических элементов, вождем которых после их выявления и оформления должен был стать один из бывших дотолем сподвижников Ленина по «Искре» — Юлий Осипович Мартов.

Что касается Плеханова, тогдашнего кумира искровцев и в то время крупнейшего теоретика нашей партии, то в нем боролись две души. Одна душа олицетворяла лучшие традиции правоверного марксизма, другая же тянула его в мешанское болото эмигрантщины, которая в конце концов и потянула его на дно, о чем все мы, твердые искровцы, тогда очень сокрушались. Судьба Г. В. Плеханова была поистине трагична в этом отношении.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВТОРОМ СЪЕЗДЕ РСДРП

С трудом дождавшись конца ссылки, я сейчас же отправился в назначенный мне Саратов, где должен был отбыть два года дополнительного надзора.

Мне повезло: в первый же день по приезде в Саратов я был кооптирован в комитет и получил возможность прочитать все накопившиеся номера «Искры» и благодаря этому сразу войти в курс всех партийных дел. В комитете я застал сильный разнобой. Комитет вел очень большую работу, но твердой точки зрения у него не было. Публика тут была очень молодая и легко поддавалась влиянию. Мне очень скоро удалось связаться с самарцами (Кржижановским, Соловьевым), которые были непосредственно связаны с Ильичем. В Саратове тоже нашелся один не входивший в организацию, сносившийся с женеvцами Барамзин, который хорошо информировал меня о всех партийных разногласиях, так что я мог действовать уже гораздо уверенней, и, действительно, очень скоро мне удалось провести в комитете резолюцию о признании «Искры» в качестве руководящего партийного органа. Скоро началась подготовка II съезда партии. В самый разгар предсъездовских дискуссий мне пришлось спешно бежать из Саратова за границу, и здесь уже я получил известие, что выбран на съезд. Еще до этого в Берлине мне пришлось помогать отправлять в Россию транспорты «Искры». При этом я получил возможность уже в спокойной обстановке перечитать все вышедшие номера «Искры» и «Зари», так что смог еще больше подковать себя. Получив мандат, я поехал в Женеву, куда, как я знал, начинали уже съезжаться делегаты съезда. До сих пор все мы — работавшие в России делегаты — были уверены, что главную скрипку в редакции ведет Плеханов. О внутренних делах редакции никто ничего не знал. Не знали также и про те довольно крупные разногласия, которые уже значительно проявлялись внутри редакции. Нас всех, наоборот, поражало кажущееся полное единомыслие и сплоченность редакции. Приехав в Женеву, я прежде всего отправился к Плеханову. Когда я начал ему в чем-то противоречить, он посмотрел на меня свысока и заявил: «Ваша маменька еще не была знакома с вашим папенькой, когда я был уже марксистом, а вы спорите со мной!» После такого заявления уже не хотелось ни о чем его расспрашивать, да и говорить с ним пропала всякая охота.

От него я отправился к Ленину. Я еще не знал твердо, что Ленин, автор произведшей на меня сильное впечатление книги «К деревенской бедноте», недавно мной прочитанной, есть именно тот Владимир Ульянов, которого я видел впервые почти десять лет тому назад в Москве.

Ильич жил за городом, на берегу Женевского озера. Я пошел к нему вместе с другим делегатом — питерским рабочим Шотманом. Помню, я был в очень плохом настроении и спрашивал себя: а что, если и Ленин встретит нас так же высокомерно, как только что встретил Плеханов? В это время нам повстречался велосипедист. Хотя он был одет по-европейски, но что-то выдавало его российское происхождение. На мой вопрос, где дом номер такой-то, он сразу соскочил с велосипеда и, протягивая нам руки, спросил: «Вы, наверное, ко мне? Я Ленин».

Теперь у меня не было уже сомнения, что передо мной тот самый Владимир Ильич Ульянов, которого я еще в Москве в 1894 году признал вождем. Когда мы назвали себя, Ильич сразу обрушился на нас целым потоком вопросов. Он был вполне в курсе всех наших организационных дел, видно, читал все направляемые в редакцию письма. Он требовал от нас самых детальных сведений о настроении рабочей массы, о нашей работе с крестьянством (а мы в Саратове тогда начали усиленно работать среди крестьян), о наших стычках с эсерами, о существовавшей еще в Саратове объединенной группе эсеров и эсдеков. По этим вопросам можно было сразу понять, что имеешь дело с человеком, который расспрашивает не из простого любопытства, а потому, что живет всеми партийными интересами, что он внимательно прочитывал все посылаемые в редакцию письма, что, кроме посылаемых официально комитетом писем, он ведет переписку еще кое с кем, стоящим вне комитета. Расспрашивая нас самым подробным образом, он одновременно тщательно экзаменовал нас, но делал это так незаметно, деликатно, что, конечно, мне и в голову не приходило обижаться на него.

Я заметил, что, по мнению Саратовского комитета, было бы лучше, если бы «Искра» не так резко нападала на «экономистов» и эсеров, что своей резкостью она отпугивает многих колеблющихся, которых можно было бы привлечь к нам, особенно рабочих, которые не понимают разницы между разными революционными взглядами и перестают всем доверять, слыша, как они грызутся между собой. Ильич внимательно выслушал меня и, хитро улыбаясь, стал доказывать, что наша задача — чтобы рабочие ясно поняли, что мы собираемся строить их партию, рабочую партию, поэтому замазывать разногласия является настоящим преступлением перед рабочими же. Им надо говорить обо всем, ничего не скрывая. Только так можно воспитать настоящих социал-демократов, вполне сознательно относящихся к самостоятельному решению сложных задач, стоящих перед ними. Как сейчас, помню, как мы шли тогда вдоль берега Женевского озера, прогуляли,

беседуя, часа два и Ильич внимательно растолковывал нам свою точку зрения. Растолковывал он внимательно не как противникам, а как, несомненно, единомышленникам, с которыми в близком будущем предстоят совместные тяжелые бои с противником. Наконец Ильич повел нас в свою квартиру, познакомил с Надеждой Константиновной, сам начал на керосинке готовить чай. Мы долго просидели у него, не хотелось уходить. Здесь чувствовалась настоящая товарищеская обстановка, чувствовалось, что имеешь дело с настоящим вождем партии. Тогда же мы узнали, что единомыслие в редакции только кажущееся. По каждому почти вопросу Ильичу приходилось драться со стариками, с Плехановым, который никак не мог понять, что русские рабочие уже не те, с которыми ему пришлось иметь дело в 80-х годах, когда он уехал из России. Вся беда его, что он не знал теперешней России, поэтому ему непонятны были стоящие перед партией задачи. Его беда, что он вынужден был жить в маленьком сравнительно городишке, вроде Женевы, в котором нет настоящих рабочих. Вот почему Ильич всегда настаивал, чтобы редакция была сначала в Мюнхене, а когда это стало невозможно, то в Лондоне. Плеханов на это очень обижался: переезжать в Мюнхен ему было невозможно, а в Лондон он не хотел. Аксельрод тоже пустил глубокие корни в Цюрихе, где он имел собственное кефирное заведение, которое доставляло ему средства к жизни. Так что почти вся работа в редакции лежала на Ленине и Мартове. Только по самым принципиальным вопросам, как, например, выработка проекта программы, устраивались совещания, на которых обычно Ильичу приходилось резко сталкиваться с Плехановым по очень важным принципиальным вопросам. У Аксельрода своего мнения обычно не было, он всегда соглашался с Плехановым. Засулич всегда боялась обидеть Плеханова и тоже голосовала с ним. Так что большинство голосований проходило при делении редакции на две половины. Ильич даже подумывал привлечь в редакцию седьмого члена. Ему предлагали в качестве такового недавно появившегося в Лондоне Троцкого, который очень бойко писал. Ильич присматривался к нему пока, но считал его очень самоуверенным. Плеханов высказывался решительно против него. Самое лучшее было бы, говорил Ленин, редакция из трех: Плеханова, Мартова и его — Ленина. Хотя с Плехановым приходится очень часто спорить, но Плеханов представляет собой большую теоретическую силу. Сейчас особенно важно, чтобы все приехавшие из России делегаты заразили Плеханова тем боевым предреволюционным энтузиазмом, которым так и дышит каждый из нас. Остальные члены редакции — просто обуза. Аксельрод за все время написал пару статей, Засулич старается, работает, но она не решается никогда выступить против Плеханова. Потресов — барин, он мог бы писать, но очень ленив и пишет редко и очень мало интересуется редакционными делами. Поэтому будет очень хорошо, если составить редакцию из Плеханова, Мартова и Ленина, — это будет самая деловая и работоспособная редакция.

Мы долго просидели в этот вечер у Ильича, не хотелось уходить, так хорошо и уютно было у него. И мы ушли совершенно влюбленные в него, в полной уверенности, что нам нужно будет, что бы ни случилось, твердо и без сомнений идти за Лениным. Дальнейшее знакомство с остальными членами редакции только подтвердило, насколько был прав Ильич в данных им характеристиках. Больше всех старался нас обработать Мартов. Он горько жаловался на Ленина, на его диктаторские замашки, на его нетерпимость к инакомыслящим. В общем он производил впечатление искреннего, но очень небольшого человека, а главное, совершенно несамостоятельного. Тяжелое впечатление произвел на меня и Дейч — тоже член группы «Освобождение труда». Он очень много рассказывал про свои ссылки и пребывание на Каре, но, видно, очень мало интересовался современными вопросами и текущими делами.

Все съехавшиеся в Женеву делегаты начали собираться на предварительные совещания. Среди других с докладами по текущим вопросам выступал и Ильич. Каждое его выступление было для нас, приезжих с мест, настоящей высшей школой. Он всегда ясно и четко ставил все вопросы, всегда затрагивал самую основную суть вопроса. После каждой беседы с ним я чувствовал, как расширялся у меня кругозор, как я начинал все более сознательно относиться к общепартийным делам. Общая беда всех местных работников, что каждый на первый план всегда выдвигал чисто местные интересы, их ставил всегда выше общепартийных. Вот в этом отношении беседы с Ильичем мне очень много дали.

Выступали и Плеханов, и Мартов. Плеханов говорил очень красиво, гораздо красивее, чем Ильич, очень любил рассказывать анекдоты, цитировать. Он проявлял громадную эрудицию. Но по основным вопросам текущей политики он был очень слаб, и видно было, что он «плавал». Мартов говорил очень много и скучно, а главное, о чем бы ни заговаривал, он всегда сворачивал на личные обиды, которые наносил «злодей» Ленин остальным членам редакции. Иногда в предсъездовских дискуссиях разгорался спор между Лениным и Мартовым, и как-то само собой случалось, что все приехавшие с местной работы из районов, где уже разгоралось массовое движение, где уже пахло близкой революцией, все тесней группировались вокруг Ленина, все более понимали, как важно для создающейся партии, чтобы именно Ленин оказался во главе ее. Наоборот, все заграничники или приехавшие с мест, где еще массового движения не было, все выступали против Ленина, не понимали всей серьезности выставленных им положений. И действительно, при дальнейшем обострении отношений все работники с мест стали большевиками, а все заграничники — меньшевиками.

Наконец наступило время начала съезда, понемногу, один за другим делегаты отправлялись в Брюссель, где должен был открыться съезд. Там будущий меньшевик Кольцов, который должен был организовать всю подготовку съезда, договорился с вож-

дем бельгийских социал-демократов Вандервельде¹ о том, что никто препятствовать съезду не будет, снял у социал-демократов, владельцев мелких гостиниц, помещение для делегатов, сговорился также с владельцами трактиров, тоже социал-демократами, о питании делегатов. Каждый из нас приходил к Кольцову на явку, получал там адрес гостиницы и обедов. На этом заканчивались заботы устроителей о делегатах. Совершенно иначе повел себя Ильич. Он лично обошел всех приехавших из России делегатов, не умеющих говорить ни на одном языке, кроме русского, помогал им сговориться с хозяевами, указывал, что нужно осмотреть в свободное время, сам водил делегатов осматривать местные достопримечательности. Приходил он также к тому или иному делегату просто провести совместно вечер. На таких вечерах обыкновенно Красиков играл на скрипке, а Гусев, который обладал хорошим баритоном, пел, а чаще всего мы пели хором любимые русские или украинские песни. Ильич очень любил эти хоровые песни и сам принимал в пении самое горячее участие, фальшивя не меньше каждого из нас. Иногда наши кавказцы, особенно Кнуныянец и Зурабов, пускались плясать лезгинку. Любоваться нашими плясками, послушать наше пение собирались обычно все проживающие в гостинице товарищи.

Слух о наших вечерах распространился широко по всему рабочему Брюсселю. Понятно, и полиция обратила на них внимание, особенно когда, как мы это узнали позднее, русские власти категорически потребовали от бельгийских властей помешать съезду русских «нигилистов».

Между тем собрались все делегаты и настало время открывать съезд. Для заседания съезда брюссельские социал-демократы представили нам кооперативный склад, в котором до этого хранилась шерсть или тряпье. Там были поставлены простые скамьи и один стол для президиума. Плеханов, как старейший член съезда, открыл съезд. Начало было очень торжественное. Мы, приехавшие с мест, сразу почувствовали, что совершается в истории нашей партии что-то очень большое. Этому съезду все придавали очень большое значение. Разногласия начались сразу после открытия съезда, как только был поставлен вопрос о выборе президиума. Плеханов, как председатель съезда, прошел единогласно... По вопросу о выборах Ленина уже ясно наметилось будущее разделение на большевиков и меньшевиков. Мы все, приехавшие с мест, дружно сплотились вокруг Ильича.

Во время первого заседания все вдруг обратили внимание на то, что делегаты все чаще и чаще начинают почесываться, выбегать один за другим из помещения. Наконец то же начало происходить и с только что выбранным президиумом. Плеханов предложил устроить перерыв. Это было очень кстати. Оказывается, на нас

¹ *Вандервельде, Э.* — лидер оппортунизма в бельгийском рабочем движении, один из руководителей II Интернационала. Во время первой мировой войны проявил себя как социал-шовинист; стал в 1914 г. министром бельгийского буржуазного правительства. *Ред.*

напали целые полчища блох, и самые европейские из нас вынуждены были самым неприличным способом чесаться. Пришлось все помещение тщательно вымыть, встряхнуть всю пыль, и только после этого мы могли продолжить наши занятия.

Уже с самого начала работ съезда я очень привязался к Ильичу. Становилось ясно, что только он твердо знает, что нужно партии и куда надо вести ее. Он во всем, даже в мелочах, стоял на принципиальных позициях. На все у него была своя принципиальная точка зрения. Было ясно, что он стремится создать единомыслящую и единойдействующую партию, а не просто случайное собрание всех, кто называет себя социал-демократами. Как мы узнали из рассказов самого Ленина, Баумана, Красикова и Надежды Константиновны, входивших тогда в Лигу русских социал-демократов, у них на заседаниях Лиги, то есть заграничной искровской организации, уже развернулись по этому вопросу широкие дебаты в связи с вопросом о приглашении Рязанова, претендующего на участие на съезде представителем группы «Борьбы» — литературной организации, состоявшей из трех человек и оказавшейся не в состоянии получить хотя бы один мандат от какой-нибудь работающей в России организации. Ильич считал необходимым обо всех возникающих на заседаниях Лиги дебатах информировать всех нас. Он всегда смотрел на съезд как на высший партийный орган, который выше и важнее всех отдельных организаций, входящих в партию. В то время как остальные заграничники оставались всего-навсего членами маленьких кружков, Ильич вырос уже в настоящего вожака партии. В этом отношении и Плеханов не представлял исключения из всех остальных заграничников. Поэтому он так легко подавался жалобам меньшевиков на личные обиды, якобы наносимые им Лениным. И это даже тогда, когда он, по-видимому, шел за Лениным. Мартов, работавший более других в редакции «Искры» вместе с Лениным и поэтому, казалось, лучше других знавший Ленина, вскоре оказался самым ярким его противником. Тоже и Троцкий. Он возомнил себя вождем и на съезде заговорил с таким апломбом и самоуверенностью, что сразу вооружил против себя всех приехавших с мест работников, среди которых преобладали более опытные люди, прошедшие гораздо больший стаж работы в массах и руководства массовым движением рабочих. Не мудрено поэтому, что на выступлении Троцкого, вздумавшего поучать делегатов, ему ответили кличкой Балаболкин, которая очень прочно сразу прилипла к нему.

Работы на съезде между тем шли своим чередом. Начались прения по выработке партийной программы. Когда съезд высказывался за принятие пункта о «самоопределении национальностей», делегаты социал-демократии Польши и Литвы, считавшие этот вопрос уступкой их противникам — пэпэсовцам¹, подали

¹ Пэпэсовцы — члены Польской социалистической партии. ППС — Polska partia socjalistyczna — мелкобуржуазная националистическая партия, созданная в 1892 г. *Ред.*

заявление об уходе со съезда. До съезда они не считались членами нашей партии. Вслед за ними ушли со съезда и представители Бунда, которые считались после I съезда членами партии. Они ушли после вынесенного съездом решения, отклонившего предложение бундовцев признать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата. К уходу бундовцев Ильич отнесся совершенно спокойно, но и не высказывал особенной радости, ибо имел уже возможность убедиться, что после их ухода на съезде осталось достаточное количество оппортунистов, с которыми предстоит еще основательно драться.

Ленин вообще очень серьезно относился ко всему, что происходило на съезде, он старательно записывал все прения и был всегда готов исправить секретаря, когда тот неверно заносил в протокол тот или иной инцидент. Секретарями были все по очереди. Каждый оратор был обязан не позже следующего дня давать в президиум текст своей речи. Ильич обычно давал только краткий конспект своей речи, очень многие его речи, например по аграрному вопросу, пропали таким образом. Плеханов представлял обычно свою речь вполне обработанную, со всеми «случайно» сказанными остротами и анекдотами.

Вскоре мы начали замечать все более усиливающуюся слежку за нами и русских и бельгийских полицейских агентов. Наконец Землячку вызвали в полицейское управление и объявили, чтобы она в 24 часа покинула Брюссель. Мы поручили Кольцову вместе с Плехановым выяснить у Вандервельде, который гарантировал нашу безопасность, в чем дело, какая нам грозит неприятность. Скоро наши делегаты вернулись от Вандервельде, который посоветовал как можно скорее убраться из Брюсселя, так как в противном случае нам всем грозит арест и высылка в Россию, потому что русское министерство иностранных дел через посла предупредило, что будто бы приехали важные русские анархисты, а по отношению к анархистам между всеми странами существует соглашение о выдаче их властям. Пришлось наскоро, маленькими группами, через различные порты выбираться из Брюсселя. Мне пришлось ехать с Владимиром Ильичем, Надеждой Константиновной, Бауманом. Эти полтора-два дня, проведенные вместе с Ильичем, навсегда остались у меня в памяти. Ильич был особенно откровенен с нами. Он подробно рассказал обо всем, что происходило в редакции «Искры», обо всех конфликтах внутри редакции.

Ильич много говорил также и о том, как, избавившись от оппортунистических элементов, вроде «экономистов» и бундовцев, мы создадим настоящую централизованную партию. Мы не должны гнаться за количеством членов партии. Она должна стать настоящей боевой, единомыслящей, чтобы каждый член партии отвечал за всю партию, а партия в целом могла отвечать за каждого члена партии. Ильич успел уже тщательно изучить всех делегатов съезда. И, вспоминая данные им характеристики, я вскоре убедился, что он дал уже тогда довольно правильную характеристику,

выделив будущих своих союзников и будущих противников. Он ошибся только по отношению к немногим, которые впоследствии стали меньшевиками.

В таких разговорах незаметно прошло время, и мы оказались уже в английском порту. Мы сели на отходящий в Лондон поезд и через несколько часов уже въезжали в английскую столицу. Мы долго ехали по улицам Лондона или, верней, по туннелям под городом. Впрочем, трудно было сразу разобрать, едем ли мы по туннелю или по улице: такой стоял туман и так много было копоти и дыма. Сами улицы, с узкими, высокими, совершенно однообразными домами, производили впечатление туннеля. Мы ехали, как я после узнал, по рабочим кварталам и наконец приехали на станцию Чаринг-Кросс. Сама станция, куда мы приехали, была заполнена массой пассажиров, которые входили и выходили из целого ряда прибывающих и отъезжающих поездов. Все это произвело на меня ошеломляющее впечатление, тем более что в нашей компании я был единственным человеком, который еще не бывал в Лондоне. Зато Ильич чувствовал себя здесь совсем как дома. Он повел нас всех к старому лондонскому товарищу — Алексееву. Он снимал комнату в доме, расположенном на маленьком сквере. Ильич уверенно постучал привешенным к входной двери молотком три раза. Спустившийся с третьего этажа Алексеев приветствовал нас и потащил к себе в комнату.

Внутренний вид его комнаты свидетельствовал о том, что хозяин совсем не думал, чтобы как-нибудь сделать свое житье хоть мало-мальски уютным. Вся мебель состояла из поломанной койки, двух еле стоящих на ногах стульев и колченого стола. Зато всюду, где только возможно, валялись газеты, и русские и английские. Хозяин сразу захлопотал с керосинкой и чайником. Делал он это так неловко, что Надежда Константиновна сразу устранила его от хозяйства и сама взялась хозяйничать. Понемногу стали прибывать и другие делегаты. В комнате сталолюдно, нечего было и думать, что кому-нибудь удастся здесь отдохнуть. Ильич, едва выпив кружку чаю, сразу взялся за дело, побежал разыскивать комнаты для делегатов. Всех поражала и восхищала его заботливость; он буквально предвидел все мелочи. Заботу о делегатах он проявлял во все время работ съезда. Каждый день он заходил на квартиры, где поселились делегаты, справлялся, не нужно ли чего, нет ли недоразумений с хозяйками, чертил подробнейшую карту, как пробраться на место, где должен был заседать съезд. Ради конспирации место заседаний съезда менялось каждый день, и эти начерченные Ильичем карты немало помогли нам без труда попасть в нужное место. И здесь, в Лондоне, он совершенно так же, как в Брюсселе, все свободное от заседаний время проводил с делегатами. Водил нас осматривать Лондон, конечно, прежде всего свел нас в Гайд-парк, показал воскресные тамешние митинги, которые производили сильное впечатление, особенно на тех, кто в первый раз попал за границу. Каждый

оратор приходил вместе с небольшой кучкой своих «поклонников», приносил с собой либо скамейку, либо специально изготовленный помост, с которого можно было говорить, взбирался на него или на скамейку и начинал свою речь. Слушатели постепенно подходили все новые и новые. Если оратор говорил интересно и сумел заинтересовать, толпа его слушателей все более и более росла. Если он не сумел заинтересовать, толпа слушающих все более и более редела, оставались лишь те, кого он привел с собой, часто его родственники или знакомые, которые шумными возгласами одобрения тщетно старались привлечь новых слушателей. Здесь, как объяснил нам Ильич, были самые различные проповедники: представители различных конкурирующих друг с другом сект, наряду с ними представители всевозможных политических и философских партий и учений. Наряду с ярым консерватором, защитником порядков «старой, доброй Англии», ее традиций, законов и обычаев, выступал анархист или социалист, нападающий на все старое, отжившее. Иногда два политических или философских противника, ораторствующие перед двумя соседними кучками слушателей, под влиянием слушателей, соединившихся в одну кучку, невольно должны были вступать в полемику друг с другом. Все это было для нас совершенно ново, и мы охотно стали каждое воскресенье, даже и без Ильича, ходить туда. Водил нас Ильич и по музеям. Помню, очень понравился нам промышленный музей, где были выставлены машины разных эпох. Например, помню паровозы и вагоны, начиная от первых до последних образцов современных паровозов. Жалко было, что работы на съезде оставляли нам очень мало свободного времени. На съезде нам приходилось заседать и днем и вечером, иногда до поздней ночи, а после, когда уже резко проявился раскол, приходилось в перерыве между утренним и вечерним заседаниями устраивать еще и фракционные заседания.

А настроение на съезде делалось все горячее и горячее. Во время прений по программе можно было еще договориться и основная масса делегатов казалась единомыслящей. Проект программы «Искрой» был опубликован еще задолго до съезда, и все делегаты имели полную возможность изучить его и узнать мнение организации, пославшей делегата на съезд, а по организационному и тактическим вопросам дело обстояло совершенно иначе. Существовала только книга Ленина «Что делать?», которая поставила организационный вопрос во всей его принципиальности. Но большинство делегатов увидели эту книжку, только попав за границу, и поэтому тщательно изучить ее не успели. Большинство даже сторонников Ильича казалось, что главное — это договориться по программным разногласиям, а вопрос об уставе — это вопрос второстепенный, здесь нетрудно будет прийти к какому-нибудь единому выводу. И только те, кто изучил внимательно «Что делать?», понимали все значение организационного вопроса и его связи с программными и тактическими вопросами.

Каждый из нас, работающих в России, особенно в тех местах, где уже происходило массовое рабочее движение, ясно понимал необходимость создания единомыслящей и единодействующей партии. Мы сразу поняли все значение первого пункта устава, предложенного Лениным, как верного средства создать именно такую строго централизованную партию. Характерно, что Плеханов, редактор «Искры», прямо заявил, что долго колебался, к кому пристать — к Мартову или Ленину, и наконец решился согласиться с Лениным. Здесь сказалось вообще неверие Плеханова в возможность создания мощной партии в нелегальных условиях. Он пошел тогда с нами, большевиками, и голосовал за ленинское предложение, по-видимому не поняв всей его серьезности, так же как он до съезда одобрял вместе со всей редакцией книгу Ленина «Что делать?», не поняв всей серьезности выдвинутых в ней проблем. Впоследствии он выступал против написанного в этой книжке и видел в ней главное зло. А пока на съезде по всем принципиальным вопросам, всплывшим после принятия мартовской формулировки первого пункта устава, он шел с нами, участвовал на наших фракционных заседаниях. Он даже как будто помолодел в нашей среде. Казалось, он уже теперь будет прочно с нами, и этому больше всего радовался Ильич.

Когда на съезде большевиков майоризировало меньшинство искровцев при помощи бундовцев и рабочедельцев и мы были биты по первому пункту устава, Ильич решил обезвредить этот пункт подходящим составом руководящих центров и строгими правами, предоставленными уставом этим руководящим центрам. Это удалось провести благодаря тому, что сначала бундовцы, а затем и рабочедельцы покинули съезд. Теперь мы остались в большинстве и могли уже спокойно проводить остальные пункты устава и на основании этого устава потом производить выборы в руководящие органы.

При принятии тактических резолюций обнаружилось, что между большевиками и меньшевиками существовали не только организационные, но и глубокие тактические разногласия. Мы фактически уже говорили на разных языках.

В последние дни работы съезда особенно интересно было наблюдать за Ильичем. Он проявил себя как настоящий вождь, которому дороже всего создающаяся партия. Еще теснее сплотились мы, большевики, вокруг Ленина. Теперь мы больше говорили уже не о съезде, а о будущей работе, о деталях организации...

Вскоре мы стали разъезжаться. Большинство поехало в Россию на нелегальную работу. Мне не удалось сразу вернуться туда. Ленин предложил мне поехать в Берлин и быть там представителем вновь избранного ЦК, выступать там в защиту нашей линии, ознакомить с ней тамошних товарищей. Ленин отлично понимал, что меньшевики воспользуются своими старыми связями, чтобы перед лидерами немецкого движения дискредитировать наше направле-

ние. Меня выбрал Ленин для этой цели, как человека, владеющего немецким языком. Он обещал обстоятельно информировать меня о всех дальнейших происшествиях в Женеве и инструктировать в новой для меня работе. И могу заявить, что он очень тщательно выполнил это обещание. Во все время моего пребывания в Берлине он аккуратно, лично или через Надежду Константиновну, снабжал меня самой подробной информацией и немедленно отвечал мне на каждый мой запрос. У меня тогда скопилось богатая коллекция его писем, и так жалко, что все они погибли через несколько лет при обыске, произведенном на квартире Камо¹ в Берлине.

Снова увидел я Ленина, очутившись после моей высылки из Берлина опять в Женеве, приблизительно через год после нашей разлуки. За это время многое произошло: начались изменения и дезертирства. Первым изменил Плеханов. Он твердо держался, пока не очутился в привычной для него женевской обстановке, среди эмигрантов. На съезде Заграничной лиги он сначала шел за Лениным, но после почувствовал, что ему гораздо спокойнее будет со своими старыми друзьями — Аксельродом, Засулич и др. Он написал статью о «змеиной мудрости», которая будто бы заставляет мириться с меньшевиками и идти по отношению к ним на уступки. В редакции «Искры» встал вопрос — либо он, либо Ленин. Стало ясно, что вместе они работать не смогут. Среди большевиков не было никого, кто мог бы взяться за работу в редакции. Один вести «Искру» Ленин не решился, и он вышел из редакции. Плеханов «единогласно» кооптировал всю не выбранную на съезде четверку редакторов. На этом закончилась славная история старой революционной «Искры». Затем перебежал выбранный на съезде член ЦК Глебов (Носков). Он от имени всего ЦК предложил ультимативно Ленину мириться с меньшевиками. За это время резко изменился состав ЦК. После ухода из редакции туда был кооптирован Ленин. Кроме него был кооптирован еще ряд лиц. Кржижановский заболел, а кооптированная в ЦК Землячка перешла на местную работу в Одесский комитет. Оставшиеся в ЦК, не считаясь с Лениным, вынесли примиренческую резолюцию, которую и стал осуществлять Глебов, несмотря на протесты Ильича. И вот мы, большевики, получившие большинство на съезде, остались и без ЦО и без ЦК, которыми целиком завладели меньшевики. Ильич очень тяжело переживал эти изменения. Но у него оставалась уверенность, что, несмотря на все это, большинство русских организаций пойдет за ним. Он продолжал неумолимо информировать всех оставшихся верными большевизму товарищей.

А между тем должен был состояться Амстердамский социалистический конгресс. Ильич, состоявший тогда еще членом ЦК, должен был участвовать на нем в числе делегации, составленной,

¹ Камо — профессиональный революционер, большевик С. А. Тер-Петросян.
Ред.

кроме него, сплошь из меньшевиков, подобранных Советом партии, во главе с Плехановым. Ленин понимал, что на конгрессе ему выступить меньшевики не дадут, что ему предстоит там неблагодарная роль молчаливого свидетеля. Он хорошо понимал, что у бывших членов группы «Освобождение труда» имеются старые прочные связи и личная дружба. И вот он заявил в Совете, что по болезни не сможет поехать на конгресс и просит, чтобы его заменили Павловичем (Красиковым) и мной. Плеханов ответил ему, что он это сделать не может, что делегация уже составлена, что следует с этой просьбой обратиться к президиуму конгресса. Меньшевики от имени Совета составили доклад, который пустили в печать, не показав его одному из членов Совета — Ильичу. Тогда Ленин предложил нам срочно засесть за писание конгрессового доклада. Он распределил отдельные главы, которые должны были написать Воровский, Павлович и я. Сам он тоже взялся писать одну — последнюю главу. Мы засели у него на квартире за работу. Он писал сам и тщательно редактировал все написанное нами.

После этого мне пришлось переводить все написанное на немецкий язык и вести корректуру набранных в типографии листов. Во всей этой работе Ленин тщательно помогал мне. Больше семи суток мы почти не спали. Надежда Константиновна поила нас крепким кофе. Наконец я просмотрел последний лист корректуры. Мы не стали дожидаться, пока книжка будет напечатана. Ильич обещал, что вышлет ее, как только она будет готова, и мы поехали в Амстердам. Приехали туда как раз, когда перед открытием конгресса был устроен торжественный митинг, на котором выступали все вожди II Интернационала. Выступал и Плеханов. После его выступления мы подошли к нему. Он был очень удивлен и возмущен нашим появлением, но встретил нас как джентльмен. На наш вопрос, получил ли президиум телеграмму от Ленина с запросом о разрешении заменить его нами, он ответил, что телеграмма получена, но он не знает, как реагировал на нее президиум. После выяснилось, что полученную телеграмму президиум передал ему, как председателю делегации, для решения вопроса самой делегацией, а Плеханов заявил президиуму, что это была поздравительная телеграмма, которая не требует никакого решения. На наш вопрос, примет ли нас делегация или нам придется идти в президиум, Плеханов ответил, что он и делегация ничего поделать не могут, пусть решает президиум. Только мы отошли от него, как повстречали Розу Люксембург, с которой я был знаком в Берлине. Когда я рассказал ей, в чем дело, она очень возмутилась, и именно она рассказала нам, что Плеханов обманул президиум, заявив, что Ленин прислал поздравительную телеграмму. Она повела нас к Каутскому, который тоже знал меня по моей работе в Берлине. Тот встретил нас очень приветливо и посоветовал обязательно прийти на заседание президиума, обещая настоять там на нашем принятии в делегацию.

Наутро состоялось заседание Исполкома Интернационала, там заседали все вожди II Интернационала. Когда мне дали слово для изложения нашей жалобы, у меня екнуло сердце: мне ведь впервые пришлось выступить перед такой аудиторией, владел я немецким языком далеко не твердо. Но, быстро овладев собой, я изложил суть дела. Сказал о нашем II съезде, о тех разногласиях, которые возникли там, о том, что мы, оставшись на съезде в большинстве и имея за собой в России большинство действовавших комитетов, лишены совершенно представительства на конгрессе. Я представил при этом только что полученную от Ленина телеграмму о том, что нам присланы мандаты от московской и одесской организаций. После меня слово было предоставлено Плеханову, который очень долго говорил о том, что на съезде обнаружилось полное единомыслие по всем важнейшим вопросам, что последовавший раскол партии произошел исключительно из-за желания Ленина играть первую роль в партии, что в действительности и сейчас в партии нет никаких разногласий, что существуют лишь ничтожные нюансы в мнениях, которые, конечно, ни в каком особом представительстве не нуждаются, поэтому он настаивает на отклонении нашей просьбы, как совершенно необоснованной. После него председательствующий на заседании Бебель дал слово Виктору Адлеру. Он заявил, обращаясь к Плеханову: «Разве ты не прожужжал нам все уши твоими жалобами на Ленина, на то, что между вами все большей становится пропасть, а теперь вдруг решаешься заявить, что у вас нет крупных разногласий, что только ничтожные нюансы мнений? Когда ты обманывал нас — тогда или теперь?» После него выступил с обстоятельной речью Каутский, который заявил, что в последнее время он имел возможность детально ознакомиться с положением в русской партии, говорил с большевиками и меньшевиками. Совершенно оставляя в стороне, кто из них прав, он не сомневается, что разногласия между ними очень крупные и принципиальные, и поэтому он настаивает на допущении нашего представительства, тем более что Лидина (так звали меня в Берлине) он знает как вполне порядочного товарища. Говорили еще Роза Люксембург и англичанин Гайндман. Они тоже настаивали на нашем допущении. Заключительное слово взял Бебель, который тоже подтвердил, что от Плеханова и он слышал про серьезные разногласия, возникшие у нас после съезда, поэтому он предлагает вынести резолюцию, что Исполком предоставляет право русской секции самой принять нас, если же там не договорятся, то тогда Исполком нас сам примет. Это была уже настоящая победа, и, выходя из Исполкома, мы спросили Плеханова, как он теперь решит — допустит ли нас либо предоставит решать самому Исполкому. Он зло ответил, что делать нечего, придется допустить, но нам придется после конгресса отвечать перед Советом партии за самовольное обращение к конгрессу. Ну, это уже нас мало трогало, мы получили билеты и стали правомочными членами конгресса.

Через день был получен наш доклад, который был выпущен под моим авторством, так как Ленин, как член ЦК, не мог выпустить его под своим именем. Как только мы получили отпечатанную книгу, мы сейчас же разложили ее всем делегатам на столы. Многие подходили к нам и просили дополнительный экземпляр. Среди меньшевиков появление нашего отчета произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Аксельрод сразу побежал в президиум, чтобы добиться запрещения распространять наш отчет. А Засулич, которая сидела рядом со мной, перелистала лежащую перед ней книжку с нашим отчетом, сразу вскочила с места и с истерическим криком: «Я с вами больше не знакома!» — пересела на другой конец стола. Другие делегаты, особенно французы-гедисты, во время конгресса подходили и расспрашивали нас о подробностях нашего съезда и вообще нашей работы. Для большинства рассказанное в нашем отчете, в особенности о нашем массовом движении, было настоящим откровением. По этому поводу вспоминаю, как в самом начале моей работы в Берлине я с официальным мандатом ЦК, написанным Лениным, явился к главному редактору немецкого центрального социал-демократического органа «Форвертс» с извещением о съезде, о том, что у нас создалась единая партия, и с просьбой впредь помещать корреспонденции о России, только одобренные нашим ЦК. Старший редактор «Форвертс» ответил мне, что они охотно будут помещать наши корреспонденции, но одновременно с этим будут продолжать печатать корреспонденции и эсеровские, и бундовские, и сионистские.

И действительно, они помещали наряду с написанными мной корреспонденциями самые фантастические небылицы о России, причем меньше всего о том, что действительно происходит в рабочем движении. Поэтому наш отчет с подробным изложением небывалой по размерам волны массовых забастовок, охвативших за период 1902—1903 годов весь юг, явился для большинства заграничных товарищей настоящим откровением. Наш отчет на деле, в особенности последняя глава, написанная Лениным, стал выступлением не только против наших меньшевиков, но и против основных принципов II Интернационала. Это было первым выступлением большевизма на международной арене. Не случайно поэтому, что сразу после конгресса все вожди II Интернационала встали на точку зрения меньшевиков, в то время как рабочие массы отнеслись сочувственно к нам, большевикам.

Когда я по приезде из Амстердама рассказал об этих наблюдениях Ильичу, он поручил мне заинтересовать нашим движением кого-либо из молодых социал-демократов — немцев и убедить выступить с рядом докладов о русском массовом движении. Познакомившись поближе с молодым Карлом Либкнехтом, я убедился, что он лучше других справится с этой задачей. Он жадно слушал мои рассказы о нашей нелегальной работе. Мы решили познакомиться самую широкую немецкую рабочую массу с нашим движением. Я подобрал ему уйму фактического материала, он по нему

составил несколько докладов, подыскал группу молодых социал-демократов, среди которых я припоминаю студента Альберти — мюнхенца. Они начали объезжать рабочие центры Германии с этими докладами. Всюду им приходилось выступать в переполненных залах, рабочие жадно вслушивались в их выступления. Германия переживала тогда острый экономический кризис, и в Саксонии против воли вождей началась волна забастовок, например знаменитая забастовка в Криммичау. Но скоро партайфоршланд (правление немецкой партии) запретил эти доклады под тем предлогом, что сейчас, во время предстоящих выборов в рейхстаг, нельзя отвлекать силы партии на чужие дела. А говорить про русские дела нельзя без того, чтобы оратора не привлекли к судебной ответственности за оскорбление дружественного монарха. И действительно, и сам Либкнехт, и ряд его товарищей по докладам уже были привлечены к ответственности. Особенно протестовал против наших докладов член партайфоршланда Зингер. Он утверждал, что все русское движение не стоит и одного человека, который будет оторван от основной работы по проведению парламентских выборов. Он прямо пригрозил Либкнехту партийным взысканием, если он немедленно не прекратит свои выступления по русскому движению. Либкнехту пришлось временно, до окончания выборов, подчиниться. Но как только кончились выборы, он снова вплотную занялся русскими делами.

Вскоре обнаружилось, что в целом ряде случаев немецкая полиция оказывала дружественное содействие русскому департаменту полиции в слежке за русскими социал-демократами. Иногда при этом совершались настоящие уголовные преступления. Так, например, у доктора Вечеслова, прежнего представителя «Искры», русский департамент решил произвести обыск, чтобы извлечь проходящую через него переписку с Россией. Официально произвести обыск было невозможно. Тогда немецкие полицейские симулировали ограбление его квартиры: в его отсутствие ворвались в квартиру, перерыли у него все вверх дном, забрали переписку. Мы пошли посоветоваться с Карлом Либкнехтом, у которого была адвокатская контора. Он сразу заинтересовался этим делом, привлек к нему нескольких товарищей, в том числе, помню, депутата от Шарлотенбурга Цубейля. Я тоже охотно принял участие в этом деле. Либкнехт организовал настоящий контрсыск, чтобы выяснить всю подноготную этого дела. Скоро выяснилось, что во главе русских полицейских в Берлине стоит старый провокатор Дандезен, живущий в Берлине под именем генерала Гартинга. Путем наблюдений мы скоро установили, что его штаб помещается в одной пивнушке, где аккуратно собираются русские сыщики и встречаются там с немецкими. Тут куется различные заговоры, например в виде подкупа немецких почтовиков, чтобы они воровали письма русских революционеров для снятия с них копий; ограбления квартир поднадзорных и т. п. Когда был собран достаточный материал, Либкнехт передал его Бебелю для запроса в рейх-

стаге. Бебель им сразу заинтересовался, тем более что немецкая партия одержала на выборах 1903 года блестящую победу и могла теперь позволить себе резко протестовать против реакционного правительства Бюлова. Запрос Бебеля произвел колоссальное впечатление на самую широкую бюргерскую публику, которая гордилась честностью и неподкупностью своей почты. А тут обнаружилось, что даже Берлинский университет оказывает поддержку русским сыщикам в их слежке за русскими студентами. На запрос Бебеля отвечал министр иностранных дел Рихтгофен. Он признал, что немецкая полиция помогает следить за русскими студентами, так как все они якобы являются анархистами, а русские студентки приезжают только для свободной любви.

Мы, конечно, созвали сейчас же после этого выступления собрание русской колонии, мне пришлось на этом собрании председательствовать, с подробным докладом выступил Либкнехт. После продолжительных прений была принята резолюция с протестом против наглого выступления министра Рихтгофена. Этот протест мы перевели на французский и английский языки и разослали по всем немецким и иностранным газетам. Конечно, ни одна немецкая газета не напечатала его, но зато почти все видные французские и английские газеты широко распространили наш протест. Он вызвал настоящий европейский скандал. Так что замолчать его не удалось, и с ответом на него выступил сам рейхсканцлер Бюлов, который обрушился на нас настоящей погромной речью, в которой, чтобы привлечь симпатию многочисленной партии консерваторов с антисемитским уклоном, он заявил, что «не позволит разным заговорщикам и бунтарям, вроде Мандельштама и Зильберфарба, вмешиваться в наши немецкие дела». Но после его выступления все антисемитские газеты подхватили его слова и всюду запестрели громадные анонсы о Мандельштаме и Зильберфарбе, под этими именами созывали митинги анархисты, с одной стороны, антисемиты и консерваторы — с другой. Мы сейчас же после выступления Бюлова организовали снова собрание русской колонии и вынесли новый протест, теперь уже против Бюлова, и снова разослали его по всем немецким и заграничным газетам. На этот раз большинство социал-демократических и свободомыслящих, и центристских газет перепечатали его с самыми различными комментариями, направленными против Бюлова. В тот же вечер старый социал-демократ Ледебур предупредил меня, чтобы я как можно скорей исчез из Берлина, так как он слышал, что меня решили арестовать и выдать России. Конечно, я сразу последовал мудрому совету и в тот же вечер через Италию направился в Женеву.

Я этому был очень рад, жизнь в Берлине мне здорово надоела, да и хотелось поработать рядом с Ильичем. Я тщательно информировал Ильича обо всем, что делал в Берлине. Он особенно одобрил мое сближение с Либкнехтом, одобрил также мою статью, кото-

рую я отнес Каутскому для помещения в «Нейе цейт»¹. В статье я выступил в защиту нашей большевистской точки зрения, против меньшевиков. Каутский отказался напечатать статью, но ответил на нее в меньшевистской «Искре», что особенно возмутило Ильича. В Женеве мне удалось занять квартиру в одном доме с Ильичем. В этом же доме жил Бонч-Бруевич и расположена была наша большевистская экспедиция. Весь дом состоял из двух- и трехкомнатных простеньких миниатюрных квартир, специально выстроенных для рабочих. Дом был недавно отстроен, поэтому не загрязнен, а главное, очень дешевый. В месяц пришлось платить по 25 франков, то есть рублей по восемь. Постепенно вокруг Ильича поселились и все приезжавшие большевики. Тут же, на улице Каруж, сняли помещение Лепешинские, устроившие у себя столовую, в которой мы все дешево обедали. Вблизи поселились Воровские, Ольминский, Луначарские, Богданов, Гусев, Красиков и др. Так на берегах мутного Арва образовалась наша большевистская колония. Каждый день за обедом мы встречались у Лепешинских. Здесь на каждую новую выходку меньшевиков мы отвечали какой-нибудь карикатурой. Обычно придумывали ее коллективно. Один дополнял другого, а Лепешинский тут же рисовал ее. Так появилась в ответ на статью Мартова, в которой он возвестил о политической смерти Ленина, известная карикатура «Как мыши кота хоронили». Особенно хорошо вышел Ильич в образе кота Васьки, который, хитро прищулив один глаз, выслушивает надгробную речь Мартова, в заключительной картинке, когда он разделяется с меньшевистской редакцией. Очень удался также Плеханов в виде мудрой крысы Онуфрия и пляшущий с ним трепака молодой наглый Троцкий. Очень удалась также карикатура «Жизнь преподающего Георгия-непобедоносца», в которой рассказывается, как Плеханов впустил в храм — кооптировал в редакцию — меньшевиков и что из этого вышло, как они загадили этот храм. Эта карикатура особенно обозлила Плеханова. Когда Плеханов написал свое знаменитое «Теперь молчание невозможно», мы объявили конкурс на наилучший ответ на эту статью. На конкурсе было представлено несколько статей. Ильич одобрил мою, которую я и послал в виде письма в редакцию «Искры». Оно было напечатано там рядом с ответом Плеханова, в котором он грозно вопрошает, по какому праву я задаю ему вопросы. Ответ его поразил нас всех своей наглостью и высокомерием.

¹ «Die Neue Zeit» («Новое время») — теоретический журнал германской социал-демократии, выходивший в Штутгарте с 1883 по 1923 г. В 1885—1895 гг. в «Die Neue Zeit» был опубликован ряд статей К. Маркса и Ф. Энгельса. Энгельс резко критиковал редакцию журнала за отступление от марксизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, журнал, являясь проводником каутскианских взглядов, систематически печатал статьи ревизионистов. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) занимал центристскую позицию, фактически поддерживая социал-шовинистов. *Ред.*

Одновременно со мной с письмом в редакцию обратилась и вся группа женевских большевиков. Письмо это «Искра» совсем не напечатала под тем предлогом, что неизвестно, являются ли подписавшиеся членами партии. В ответ на статью Плеханова появилась новая карикатура: мы все, писавшие в «Искру», изображены были в виде толпы оборванцев, подающих приставу Плеханову челобитную, Мартов — в виде полицейского делопроизводителя, Троцкий — в виде готового на все околоточного, Дан — в виде сыщика, разглядывающего внимательно толпу просителей. Аксельрод и Засулич — в виде икон. Все вышли очень удачно. Вообще все наши карикатуры были очень злые и попадали прямо в глаз. Конечно, больше всего доставалось Плеханову. Помню, как заразительно хохотал Ленин, который принимал самое живое участие при обсуждении текста карикатур. После карикатуры размножались на гектографе и разбирались нарасхват, преимущественно меньшевиками, хотя мы назначили за них сравнительно очень высокую плату.

Ильич заканчивал в это время свою фундаментальную книгу «Шаг вперед, два шага назад». После возвращения с Амстердамского конгресса Ильич назначил меня партийным кассиром. В экспедиции помимо Бонч-Бруевича работали моя жена Кручинина и несколько молодых людей. Надежда Константиновна вела обширную переписку с Россией, аккуратно снабжала все наши организации сведениями обо всем, что творится у нас в Женеве. Я помогал ей шифровать и расшифровывать письма. Активным помощником в этом была и Фотиева, приехавшая к нам после побега из Уфы. Постепенно съезжались и литераторы: Воровский, Ольминский, Богданов и Луначарский. До того меньшевики постоянно кричали, что у большевиков, кроме Ленина, нет никаких литературных сил.

ЦК в лице Глебова хотел было запретить посылку в Россию ленинских «Шагов», но тут энергично восстала наша экспедиция, которая приняла все меры к тому, чтобы «Шаги» своевременно и быстро были переправлены в Россию. Ведь транспорт еще оставался в наших руках, в наших руках была пока и искровская типография. Транспортom в Берлине заведовал по-прежнему Пятницкий, а в России — Папаша (Литвинов). После измены ЦК мы уже не могли выпускать литературу от имени ЦК. Тогда появилась «фирма» «Ленин и Бонч-Бруевич»¹. Под этой фирмой вышли книжки Галерки (Ольминского) и Рядового (Богданова), Воровского, Ленина. Все более становилось ясным, что между нами и меньшевиками никакой общей работы быть не может. Разрыв неизбежен. И его необходимо форсировать. От всей этой склоки

¹ Речь идет об издательстве социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина, которое было создано большевиками после того, как меньшевистская редакция «Искры» закрыла для них страницы газеты и отказалась печатать заявления организаций и членов партии, выступавших в защиту решений II съезда и требовавших созыва III съезда партии. *Ред.*

(меньшевики всячески старались идейный спор превратить в настоящую мелочную склоку) Ильич очень устал, и его пришлось почти насильно отправить на отдых в деревню, близ Лозанны. Там, на лоне природы, путешествуя по горам с Надеждой Константиновной, он действительно отдохнул. Мы все старались, чтобы к нему совершенно не проникали новости о новых изменах — типографии, части транспорта и т. п.

А между тем все более и более выяснялось, что нам не обойтись без своей газеты, без своего практического центра. Надо было начинать серьезную подготовку созыва III съезда. Прежде всего нам нужна была газета...

Наша вся надежда была на Россию, где, несмотря на то что мы за отсутствием средств не могли посылать людей, симпатии к нам все более росли. Начать газету необходимо, но как начать без средств? А наша касса была пуста. Много планов, иногда самых фантастических, возникало у нас во время обеда. Для начала денег нужно было совсем немного, типография охотно предоставит кредит. Тут я узнал, что одна сочувствующая нам студентка — Попова получила из дома 100 рублей на поездку на каникулы в Россию. Я решил убедить эту девушку, что она сделает благое партийное дело, если откажется от поездки домой и пожертвует эти деньги нам на газету. Попова долго колебалась: уж больно ей хотелось побывать дома. Но партийный долг взял верх, она отдала мне деньги. С ними уже можно было начать, и можно было не сомневаться, что, если удастся выпустить газету, появятся и деньги. Теперь оставалось договориться с Ильичем, чтобы приступить к делу немедленно. Это поручили нам с Ольминским. Мы застали Ильича за работой в огороде. Он помогал своему хозяину рыть картошку. Ильич нам очень обрадовался. Ему, видно, здорово надоело вынужденное безделье. Но когда мы заговорили с ним о газете, он не сразу согласился, не хотел действовать на авось, а тщательно все расспросил, все взвесил.

И вот тут-то был намечен весь план действия. Мы начнем с созыва конференции, хотя бы из тех работников, которые имеются уже в Женеве, затем с принятыми на конференции решениями кто-либо из нас поедет в Россию, отвезет их верным товарищам в три места: на север, на юг и Кавказ. Там местные организации должны созвать конференции — Северную, Южную и Кавказскую. На них должны быть одобрены принятые на Женевской конференции решения, утверждены выдвинутые в Женеве кандидаты в руководящие органы. И тогда предполагаемая газета будет уже не частным изданием отдельных лиц, а официальным органом определенной организации. Обсудив и детально обдумав весь план предстоящей кампании, Ильич загорелся энергией, он уже не хотел более отдыхать, заторопился возвращаться в Женеву и скорее взяться за работу.

И действительно, через несколько дней после нашего возвращения прикатил в Женеву Ильич. Он сразу созвал всю женевскую

группу большевиков, рассказал про разработанный нами план начала решительных шагов по созыву III съезда. Всем нашлось дело в начавшейся работе. Вокруг Надежды Константиновны образовалась целая канцелярия, занятая срочной перепиской с российскими организациями, литераторы занялись выработкой резолюций. А Ильич взялся за составление обращения от имени конференции. А мы, хозяйственники, договаривались с французскими типографиями о наиболее льготных условиях печатания и о кредите на бумагу. Дело затруднялось тем, что только в немногих типографиях был русский шрифт и надо было подыскать русских наборщиков.

Ильич сразу ожил. Он сам участвовал в окончательных переговорах с хозяевами типографий, сам убеждал наборщиков из русских эмигрантов идти работать в нашу газету, редактировал все написанное нашими литераторами, одним словом, он всюду успевал, все делал. И на конференции чувствовалась его рука хозяина, твердо верящего в свое дело. Мы снова почувствовали, что старый опытный рулевой опять уверенно повел корабль.

Сразу после окончания работ конференции 22-х, как она называлась, Ленин поручил мне свезти ее решения в Россию. Прежде всего я поехал в Ригу, где тогда работал Папаша (Литвинов), которому Ильич поручил созвать конференцию северных комитетов, затем я поехал в Одессу, где передал Левицкому поручение собрать конференцию южных комитетов, и, наконец, в Баку, где должен был повидаться с Алешей Джапаридзе, который должен был созвать конференцию кавказских комитетов.

Я очень быстро проделал этот путь, удачно выполнил все порученное Ильичем. Все намеченные конференции состоялись, и они полностью приняли предложенное конференцией 22-х решение о немедленном начале подготовки созыва III съезда. Эту задачу конференции возложили на специальный большевистский центр, названный Бюро комитетов большинства, и на центральную газету большевиков «Вперед».

О ВТОРОМ СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

ПЕРЕД СЪЕЗДОМ

Представитель Организационного комитета Попов (Розанов) приехал в Ростов-на-Дону как раз в тот день, когда там происходила известная мартовская демонстрация (2 марта 1903 г.).

Вечером, после демонстрации, он пришел ко мне на квартиру, где уже находились Локерман, Браиловский и еще некоторые члены Донского комитета. Собрание нам пришлось вести в крайне спешном порядке, так как ежеминутно можно было ожидать появления жандармов. Нам было известно, что жандармы успели получить сведения о составе нашей организации и наметили ее близкую ликвидацию, почему мы и поторопились использовать оставшееся время и устроили демонстрацию. Приходилось только удивляться, что они не пришли на мою квартиру тотчас же, а отложили визит до следующего дня. Это дало нам возможность заслушать доклад Попова о созыве съезда и принять предложение ОК. Заседание продолжалось часа полтора и носило весьма праздничный, оживленный характер, так как все участники его были еще полны впечатлений от только что удачно проведенной демонстрации.

На следующий день был арестован Локерман. Обыска у меня произведено не было, и обо мне жандармы не спрашивали. Некоторые товарищи решили на этом основании, что я жандармами не «расшифрован», но для меня было ясно, что это вопрос нескольких дней, если не часов. Поэтому я предпочел спрятаться у одного знакомого, стоявшего вне всяких подозрений. Через три дня я, переодетый реалистом, добрался до Новочеркаска и, пробыв там около недели, пока мне не добыли средства, отправился за границу.

После ряда мытарств и злоключений я благополучно перебрался через границу у Волочиска, но из-за недостатка денег застрял во Львове, откуда послал в «Искру» описание ростовской демонстрации.

Чуть ли не на следующий день по приезде в Женеву меня познакомили с Плехановым и Потресовым. По настоянию Плеханова решено было, что я сделаю публичный доклад о ростовских событиях (ноябрь 1902 г.— март 1903 г.). Докладом преследовались две цели: во-первых, дать бой эсерам, которые пытались приписать часть «заслуг» в ростовской забастовке себе, во-вторых,

собрать деньги для «Искры». Обе цели удалась. Народу собралось очень много, а разоблачение мною позорной попытки члена Донского комитета Брагина (в 1920 г. расстрелян в Ростове за службу в деникинском Осваге¹) и пропагандиста Владимира Азефа (брата известного провокатора) выступить во время забастовки от имени несуществующей группы эсеров произвело столь сильное действие, что нашелся только один эсер, который решился выступить, но не с опровержением моих утверждений, а с возражением против сделанной мной квалификации действий Брагина и Азефа. Действительно, сгоряча я обозвал их предателями, а следовало назвать их изменниками.

В переработанном виде мой доклад был напечатан в № 41 «Искры» (статья «Благородства своего не соблюла»).

На празднование 1 Мая я был отправлен в Цюрих, где сделал два доклада: о ростовских событиях и о 1 Мая. Как обнаружилось в 1920 году из разговора с тов. Дзержинским, он присутствовал на этих докладах.

Вскоре после 1 Мая я уехал в Кларан на берег Женевского озера, где в это время находился Плеханов. Здесь я имел возможность наблюдать Плеханова в его частной жизни во время ежедневных встреч, и эти наблюдения несколько расхолодили те чувства глубокого уважения и преклонения перед ним, которыми я был преисполнен, пока не узнал его ближе...

В конце мая мы вернулись в Женеву, куда к этому времени начали съезжаться делегаты съезда. Для делегатов было устроено несколько предварительных совещаний, из которых я запомнил два: одно — по вопросу о даче показаний, а другое — по вопросу о популярной газете.

На первом докладчиком был Дейч, доказывавший, что самая лучшая тактика — не давать жандармам никаких показаний. После окончания доклада несколько минут никто не брал слова, несмотря на неоднократные приглашения председателя. Мне стало неловко из-за товарищей, ибо получалось так, будто приезжие боятся выступать перед вождями, и я решился попросить слово. Я не возражал против основного положения доклада, а только поставил два вопроса: 1. Не могут ли быть такие случаи, когда организация найдет нужной дачу показаний, например при обвинении социал-демократа в террористическом акте и принадлежности к партии эсеров. 2. Применима ли тактика полного отказа от показаний в тех случаях, когда организация найдет нужным использовать судебный процесс для политических целей путем речей подсудимых, для сего может оказаться нужной дача некоторых показаний.

Отвечал мне какой-то неизвестный чернявый молодой человек в пенсне и с длинной шевелюрой. Ответ был очень резок по форме. Это, впрочем, было тогда в духе времени и меня не удивило.

¹ *Осваг* — Осведомительно-агитационное отделение армии Деникина. *Ред.*

Но что неприятно поразило — это нотка высокомерия, которая звучала в ответе.

Таково было мое первое знакомство с Троцким. Оно не вызвало у меня к нему никаких симпатий.

Второе собрание было не столь многолюдно, как первое. Были там Плеханов, Засулич и, кажется, Потресов, а также несколько делегатов. Тогда я еще не знал, что вопрос о популярной газете был у Ленина «лакмусовой бумажкой» по отношению к делегатам, которые не принадлежали к организации «Искры» и которых в Женеве еще не знали как следует. Считалось, что сторонники популярной газеты — нетвердые искровцы. Я же приехал с мыслью о необходимости издания такой газеты за границей, так как опыт «Южного рабочего», издававшегося в России, меня убедил, что гораздо труднее наладить регулярный выпуск и распространение газеты в России, чем организовать ее транспорт из-за границы. Да и газета за границей будет вестись, несомненно, лучше и живее. В течение получаса я приводил различные соображения, доказывая необходимость популярной газеты. Плеханов, стоявший за издание популярной газеты наряду с «Искрой» и искавший себе в этом вопросе союзников, по окончании моей речи скороговоркой сквозь свои пышные усы произнес: «Браво! Браво!»...

Вопрос о популярной газете обсуждался еще раз на частном совещании делегатов в начале съезда в Брюсселе...

На самом съезде вопрос о популярной газете выплыл в конкретной форме при обсуждении вопроса о «Южном рабочем». Я впервые увидел тогда, что политические соображения могут коренным образом изменить постановку и решение технического вопроса. По техническим соображениям популярную газету, доступную широким слоям рабочих, издавать было возможно. Но по политическим соображениям можно было в тот момент допустить издание только одного центрального органа. Политическая необходимость вытесняет техническую — таков был для меня один из первых политических уроков съезда, который я твердо запечатлел в своей памяти.

Время приближалось уже к съезду, а я все еще не видел Ленина, которого в Женеве не было. Дней за десять до съезда произошло и эта встреча.

Однажды группа делегатов съезда (в том числе и я) шла по улице Каруж и на повороте столкнулась с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной.

Больше всего меня поразило в Ленине при первом знакомстве умение его одновременно вести разговор с несколькими собеседниками. Он засыпал всех быстрыми вопросами, как-то успевал понять ответ, не дослушав его до конца, как бы заранее зная, каков будет ответ, и тотчас же ставил новые вопросы, и притом так, что самим вопросом ответ как бы предreshался. Получалось такое впечатление, как будто он одновременно быстро играл несколько партий в шахматы и ставил своих противников в такое

положение, что у них не оставалось никаких других ходов, кроме вынужденных. При этом глаза его так быстро перебегали с одного собеседника на другого, что казалось, будто у него не одна пара глаз, а не менее двух.

Как только он услышал мою фамилию (я жил тогда под фамилией Лебедев), он тотчас же поставил мне вопрос: «Вы стояли за издание популярной газеты?»

И пока я ему ответил: «Да, я считаю издание популярной газеты за границей при «Искре» крайне нужным делом», он уже успел задать кому-то другой вопрос, а затем его глаза перепрыгнули на меня и засмеялись. «Будем посмотреть, насколько это нужно», — быстро проговорил он. И опять: не успел я еще сообразить, что ответить ему, как он уже разговаривал с другим товарищем.

Только позже я понял, что вопрос о популярной газете был задан не случайно и неспроста.

Вскоре затем мы поехали на съезд. Мне, как знающему языки, поручено было довести до Брюсселя тех рабочих, которые приехали в Женеву. Их было трое, и, если не ошибаюсь, все они ехали под моим руководством, что дало повод товарищам шутить надо мной, называя меня «вождем пролетариата». Ехали мы до Кельна по Рейну. Превосходная погода, живописнейшая местность, радостные настроения в связи с предстоящим съездом, которого так долго ждали, — давало ли все это какой-либо намек на то, что произошло потом на съезде?

НА СЪЕЗДЕ

Общеизвестно и не раз уже было описано, как мое шумное пение оказало плохую услугу съезду. В гостинице, где за огромным столом собирались обедать чуть ли не все члены съезда, меня заставляли распевать «Эпиталаму» из рубинштейновского «Нерона», «Свадьбу» Даргомыжского и другие песни. Обеденный зал гостиницы находился во втором этаже и выходил на шумную, но узкую улицу, так что нетрудно было покрыть уличный шум пением. Перед окнами гостиницы собирался народ. Это бросилось в глаза полиции. Я первый заметил за собой слежку. Для проверки я сговорился с одесским делегатом Костичем. По окончании вечернего заседания я начал бродить по улицам Брюсселя, а Костич шел на некотором расстоянии от меня по другой стороне. Затем мы сошлись в условленном кафе, и Костич сигналом сообщил мне, что шпики за мной есть. Потом он вышел из кафе, я последовал за ним и обнаружил, что и его преследуют два шпики. На следующий день мы сообщили свои наблюдения на съезде, и в тот же день было решено съезд перенести в Лондон. Решено было также, чтобы все делегаты, в случае если им придется иметь дело с бельгийской полицией, выдавали себя за каких угодно иностранцев, но ни в коем случае не говорили, что они русские.

На следующий день меня вызвали в полицию, где я любезно сообщил, что я румынский студент Романеско, а в Брюсселе нахожусь по своим интимным (сердечным) делам. Мне выдали проходное свидетельство с предложением покинуть в 24 часа пределы Бельгии. На следующий день я вместе с Землячкой уехал в Лондон. Здесь полиция нас не тревожила и на мое пение никто не обращал внимания.

Но зато стало беспокойно на самом съезде.

Надо заметить, что не все делегаты, стоявшие на искровской точке зрения, принадлежали к организации «Искры». Хотя Донской комитет еще осенью 1902 года присоединился к «Искре», но это еще не значило, что его члены тем самым стали членами организации «Искры». Даже после приезда к нам в Ростов члена ОК по созову съезда Попова (Розанова) и после его благоприятного отзыва о комитете мы еще не считались членами организации «Искры». Эта часть делегатов-искровцев, не состоявших в организации «Искры», находилась в первую половину съезда на положении «диких», так как они не принадлежали ни к одной из представленных на съезде крупных организаций («Искра», «Союз русских социал-демократов», Бунд, «Южный рабочий»). Во время съезда происходили закрытые совещания делегатов, состоявших членами организации «Искры», но в тайны этих совещаний «дикие» посвящаемы не были. Только позже, когда организация «Искры» во время съезда раскололась и из нее образовались две фракции, «дикие» распределились между этими фракциями.

Первым громом, грянувшим на съезде, были прения по вопросу о первом параграфе устава партии. Они произвели на меня сильнейшее впечатление, ибо впервые на съезде обнаружилось, что среди самих искровцев, вместе с которыми мы, «дикие», шли единой стеной и против рабочедельцев, и против бундовцев, и против южнорабоченцев, имеются крупные разногласия по некоторым вопросам. Большое значение этой трещины в рядах искровцев я почувствовал особенно в связи с ничтожным инцидентом, происшедшим в перерыве тотчас после решающего голосования первого параграфа устава. Я подошел к Попову (Розанову) и в дружеском, товарищеском тоне сказал ему: «Как же это вы, товарищ, оказались за формулировку Мартова?» Попов ответил мне таким грубым ругательством, какое ни в коей мере не вызывалось ни тоном, ни содержанием моего вопроса. Почему этот южнорабоченец, только что одержавший победу вместе с искровцами Мартовым и Аксельродом над Плехановым и Лениным, находился в таком нервном настроении, я так и не понял. Но крайне болезненная реакция на мой вопрос дала мне почувствовать, что за разногласиями по первому параграфу устава кроется что-то большее.

Вопрос же мой я считал вполне законным потому, что, как практик, работавший на местах и имевший очень много всяких дел со всякими «сочувствующими» и «содействующими», начиная

от мелких приказчиков, которым «лестно» было давать свои квартиры для конспиративных свиданий, и кончая крупнейшими купцами и банкирами, которые довольно охотно давали деньги на то, чтобы другие устраивали революцию, я ни на секунду не сомневался, какую формулу надо было выбрать — ленинскую или мартовскую. И мне казалось, что и Попов должен был, как практик, быть за ленинскую формулу.

Отойдя от Попова, я столкнулся с Лениным и, полный еще впечатлений от только что разыгравшейся жаркой битвы, заговорил с ним о его проекте устава. «Понятие члена партии у нас ясно, но понятие партийной организации расплывчато», — сказал я ему. Ленин буквально уцепился за эти слова и, схватив кого-то из проходивших мимо делегатов за рукав, притянул его к себе со словами: «Послушайте, послушайте, что говорит т. Лебедев». Ленин повторил ему мои слова, а затем, обернувшись ко мне, разъяснил: «Совершенно верно. Но понятие партийной организации у меня определяет ЦК. Если ЦК утвердил организацию, то она тем самым и стала партийной».

Это был первый разговор мой с Лениным после встречи в Женеве на улице. Уже в течение первых двадцати заседаний для меня стало ясно, что Ленин играет в руководстве съездом не менее важную роль, чем Плеханов, а в отдельные моменты, наиболее горячие, берет на себя руководство целиком. Сила, выразительность, своеобразие и простота речи Ленина, отсутствие всяких «украшений», без которых Плеханов не мог произнести ни одной речи, великолепное спокойствие и улыбка Ленина, его поразительная простота в отношении к товарищам, притом какая-то особая, ленинская простота, сильно отличавшаяся от интеллигентской простоты Мартова и Засулич, наконец, то, что наиболее резко отличало Ленина от всех других, — какое-то высшее наслаждение и упоение, с каким он отдавался работе, не уступая ни единой крупинцы времени на какую-то «частную» жизнь и не считаясь ни с какими личными связями и симпатиями, — все это уже выделяло Ленина среди той шестерки, которую мы знали как возглавляющую «Искру». Но пока шестерка шла дружно вместе, роль и значение Ленина в ней оставались еще не вполне раскрытыми. Казалось, что все искровцы в борьбе против Бунда, против рабочедельцев и т. д. выступают одинаково сильно и произносят одинаково прекрасные речи.

Однако, как только искровцы разбились на две части при обсуждении первого параграфа устава, так тотчас же стало ясно, какое большое различие существует между Лениным и Мартовым и насколько Ленин выше Мартова. И чем дальше шел съезд, чем сильнее разгоралась борьба между искровцами, тем все выше вырастала в наших глазах фигура Ленина. И к концу съезда она стояла, по крайней мере в моих глазах, выше фигуры Плеханова.

Характерно было уже то, как высказался Плеханов насчет первого параграфа устава. Он начал свою речь следующими сло-

вами: «Я не имел предвзятого взгляда на обсуждаемый пункт устава. Еще сегодня утром, слушая сторонников противоположных мнений, я находил, что «то сей, то оный на бок гнется». Но чем больше говорилось об этом предмете и чем внимательнее вдумывался я в речи ораторов, тем прочнее складывалось во мне убеждение в том, что правда на стороне Ленина»¹.

Эти слова крайне удивили меня. Как можно по такому основному организационному вопросу не иметь «предвзятого взгляда»? Или, быть может, это дипломатический выверт по отношению к Аксельроду, который на утреннем заседании дважды выступал за формулу Мартова? Плеханову неприятно подносить пилюлю Аксельроду, и он позолачивает ее? Или, может быть, это неизбежные плехановские предисловия и вступления к речи, совершенно ненужные, так как вместо всего этого предисловия можно было просто сказать: «Я нахожу, что правда на стороне Ленина»?

Неприятное впечатление от начала речи Плеханова, правда, было сглажено ее продолжением.

Вопрос о первом параграфе устава обсуждался на 22-м и 23-м заседаниях съезда. На дальнейших заседаниях, вплоть до 30-го, за исключением 25-го, формально царит мир между обеими частями искровцев. Они еще продолжают совместно проводить ту линию против рабочедельцев и бундовцев, которая наметилась с самого начала съезда. На 25-м заседании выплывает вопрос о Совете партии, и в зале заседаний создается еще более напряженная атмосфера, чем это было при обсуждении первого параграфа. За сравнительно спокойными дебатами о Совете чувствуется глухая борьба, происходящая за кулисами съезда. Это заседание запомнилось почему-то особенно ярко во всех деталях. Низкая зала, скупой желто-серый лондонский свет, какая-то суровая тень на всех лицах. Даже неунывающий и бросавший направо и налево шутки и остроты Плеханов приумолк. Еще недавно он издевательски шутил над бундовцем Либером, который на вопрос Плеханова, относится ли его, Либера, требование свободы или равноправия языка во всех государственных учреждениях также и к управлению государственного коннозаводства, смело бросил «да», на что Плеханов скороговоркой ответил: «К сожалению, лошади не говорят, а вот ослы иногда разговаривают». Но сейчас Плеханов молчалив и только усиленно подергивает свои усы. Ленин в каком-то повышенном настроении и при голосовании поднимает руку как-то особенно высоко, как бы командуя своим сторонникам: голосуйте!

Затем проходят еще четыре заседания, посвященные детальному обсуждению отдельных параграфов устава и главным образом «избиению младенцев», то есть ликвидации ряда партийных

¹ Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 года. Протоколы. М., 1959, с. 271. *Ред.*

организаций¹. Несмотря на крайне обострившиеся к этому времени отношения между отдельными частями искровцев, они вынуждены совместно подводить итоги всей той борьбы, которую они вели против рабочедельцев, против Бунда, против «Борьбы» и т. д., но на каждом шагу чувствуется, что произошел в организации «Искры» какой-то внутренний неизлечимый надлом. Выступления против рабочедельцев и бундовцев ведутся как бы по обязанности. Только Плеханов еще пытается подшутить и бросает вдогонку уходящим со съезда Мартынову и Акимову: «Ушел Мартын с балалайкой».

Даже руководство заседаниями ослабевает, и прения приобретают какой-то хаотический характер. Особенно характерно в этом отношении 29-е заседание.

Наконец наступает историческое, решающее 30-е заседание. Оно начинается весьма странно. После принятия двух мелких резолюций председатель заявляет:

— На очереди стоит вопрос о группе «Южный рабочий».

Наступает долгое молчание, длящееся несколько минут. Никто не хочет брать слово. Вопрос полностью ясен, неоднократно обсуждался и был предreshен на предшествующих заседаниях. Все знают, что «Южный рабочий» будет распущен и что никакое иное решение вопроса уже невозможно. Но никому не хочется брать на себя роль инициатора в этом деле, однако, как видно будет дальше, по разным мотивам.

Молчание становится все более тягостным. Наконец я беру слово и предлагаю товарищам из «Южного рабочего» высказаться. Смысл этого предложения в том, чтобы облегчить съезду роспуск этой группы, вызвав со стороны представителей «Южного рабочего» заявление о том, что они не возражают против роспуска. Но один из представителей «Южного рабочего» — Попов притворяется, что они будто бы не понимают, чего от них хотят.

— Когда речь шла о других организациях,— говорит он,— их никто не заставлял высказываться... О группе «Южный рабочий» съезд также достаточно осведомлен,— мы своевременно представили доклад. Все зависит теперь только от съезда, и я не понимаю, чего от нас хотят².

Вновь наступает длительное молчание, и мне приходится вновь взять слово, чтобы «нанести смертельный удар» приговоренному к смерти «Южному рабочему». Стараюсь сделать это в возможно мягкой форме.

— «Южный рабочий»,— говорю я,— выполнял две функции: литературную и техническую (доставка литературы и т. п.)³.

¹ Имеется в виду решение II съезда РСДРП о роспуске отдельных групп — группы «Борьба», причислявшей себя к РСДРП, социал-демократической группы «Южный рабочий», а также «Союза русских социал-демократов за границей». *Ред.*

² Второй съезд РСДРП, с. 347—348. *Ред.*

³ Там же, с. 348. *Ред.*

И дальше идет предложение: по части технической убить «Южный рабочий» теперь же. Впрочем, я великодушен и могу согласиться на то, чтобы это богопротивное дело сделал будущий ЦК. Что же касается литературной функции «Южного рабочего», то по этой линии будем убивать его позже, когда будет обсуждаться пункт о партийной прессе.

Это было уже шагом вперед, но представителей «Южного рабочего» не так-то легко сдвинуть с места, и выступающий вслед за мной его второй представитель, Егоров (Левин), предлагает, чтобы высказались не они, а съезд. Начинается долгое хождение вокруг да около вопроса. Южнорабоченцы кланяются съезду и говорят любезности, съезд кланяется южнорабоченцам и говорит комплименты, и оба предлагают друг другу высказаться. И самое замечательное — это то, что наиболее ответственные представители обеих групп искровцев молчат. Только Плеханов приглашает представителей «Южного рабочего» высказать свои виды на будущее, чтобы уладить дело к обоюдному удовольствию. Попов и Егоров вновь берут слово, и на этот раз Попов более тонко, Егоров поглубже намекают на то, что они не прочь бы остаться в качестве второго партийного центра.

— Если подобная организация не вредна партии,— говорит Егоров,— то ее ни к чему распускать. «Искра» сочла необходимым себя распустить, «Южный рабочий» этого не находит нужным¹.

Егоров не объясняет, почему же «Южный рабочий» «не находит этого нужным». Дело не двигается с места, и бедному Гусеву в третий раз приходится брать слово, чтобы разъяснить представителям «Южного рабочего», что съезд именно и ожидает от них объявления их организации распущенной и растворившейся в партии.

— Все уже достаточно говорили,— поясняет Гусев,— что «Южный рабочий» был очень полезен. «Искра» была еще более полезна, однако она сочла нужным объявить себя распущенной, раствориться в партии.

Наконец ввязывается в прения Русов (Кнунянц), предлагающий «Южный рабочий» распустить. Но насколько все висит на волоске, видно по тому, что в связи с упоминанием о «Рабочей мысли» Егоров устраивает Русову истерический скандалчик.

— Это ложь! — кричит он.— Нельзя ставить на одну доску «Южный рабочий» с «Рабочей мыслью».

Председатель обрывает Егорова. В зале заседания всеобщее волнение и крики: «К порядку! Возьмите свои слова обратно!»²

Скандалчик ликвидирован. Прения разворачиваются. С обоснованными предложениями распустить «Южный рабочий» выступает Ланге (Стопани), его поддерживает Дейч, затем выступают Глебов, Попов, Лядов, но все же никакого движения вперед от

¹ Второй съезд РСДРП, с. 349. *Ред.*

² Там же, с. 350. *Ред.*

этих выступлений не происходит. Председатель Плеханов упорно замалчивает давно уже внесенную представителем Екатеринославского комитета Орловым резолюцию, предлагающую распустить «Южный рабочий».

И вдруг завеса начинает приоткрываться, становится ясным, что хотя спорят о «Южном рабочем», но спор-то идет на деле о другом. Слово берет Ленин.

«Ленин. После целого ряда разъяснений, я нахожу наиболее целесообразным принятие резолюции Костица о популярном органе. Говорили, что «Южный рабочий» хотел быть популярным органом и занимал соответствующее место в партии. В интересах дела, ввиду шекотливого положения, в какое мы попали, следует признать этот «casus»¹ заслуживающим особого внимания и разрешить себе отступление от принятого вчера регламента. Следует приступить к обсуждению вопроса о популярном органе, хотя это и неправильно. Следует допустить это, и я высказываюсь за это единичное исключение»².

Ленин, таким образом, отклоняет многочисленные предложения о роспуске «Южного рабочего» и предлагает заняться обсуждением вопроса о популярной газете (предложение Костица), переводя таким образом спор в принципиальную плоскость. Но предложение Костица не собрало необходимых по регламенту десяти голосов. Этим пользуются Троцкий и Мартов, резко выступающие против предложения Ленина.

Яркий свет во все эти запутанные моменты вносит Мартов, предлагающий оставить вопрос о «Южном рабочем» открытым впредь до обсуждения вопроса о партийной прессе и *«перейти немедленно к выборам»*.

Так вот в чем дело! Мартов и Троцкий ставят решение вопроса о «Южном рабочем» в зависимость от выборов. Избирательный маневр!..

Наступает решающий момент заседания и всего съезда. Ввиду серьезности момента Ленин берет председательствование на себя, так как Плеханов чересчур горяч и ввязывается в бои по мелочам, а поэтому как председатель в наиболее жарких битвах не годится.

Наступает момент *открытого* разрыва Ленина с Мартовым. В протоколах (с. 356) этот момент изображен так:

«Председатель Ленин (прочитав резолюцию Мартова). Резолюция Мартова поставит нас в совершенно невозможное положение.

(Сильное волнение, крики, протесты.)

Мартов берет резолюцию обратно, энергично протестует против заявления Ленина.

*(Шум в зале усиливается.)»*³

¹ — случай. Ред.

² Второй съезд РСДРП, с. 352. Ред.

³ Там же, с. 353 (автор ссылается на издание 1932 г.). Ред.

«Энергично протестует» — сказано слабо и неверно, ибо Мартов закатил чудовищную истерику. Так или иначе, но открытый разрыв между двумя частями искровцев налицо.

В конце концов, после некоторых дополнительных маневров и контрманевров, принята резолюция Орлова подавляющим большинством в 31 голос, 5 голосов против, 5 воздержавшихся.

Избирательный маневр Мартова не удался, но не удалось также Ленину добиться принципиального решения по вопросу о популярной газете. Вопрос решили «дикие», которые в свою очередь размежевались и примкнули к обеим частям расколовшихся искровцев. Окончательное закрепление этого деления на две фракции, организационно оформившееся на следующий день, происходит во время боя по вопросу о составе редакции «Искры», по отношению к которому бой по вопросу о «Южном рабочем» был только авангардной стычкой. Во вторую половину 30-го заседания и первую половину 31-го создаются фракции большинства и меньшинства съезда.

Мартов воспользовался одной из первых речей, чтобы попытаться сорвать выборы редакции. «Раз заговорили о внутренних отношениях, бывших в редакции «Искры», — заявил он, — мы, четыре из шести редакторов ее, удаляемся с заседания съезда, чтобы съезд в наше отсутствие свободнее обсудил этот вопрос».

Это заявление вызвало величайшее волнение среди делегатов, и не только среди сторонников удаляющейся четверки, которые были буквально потрясены заявлением Мартова, но и среди сторонников остальных двух членов редакции, у которых заявление Мартова вызвало величайшее возмущение. Именно эта обывательская выходка Мартова сразу провела резкую разграничительную черту между большинством и меньшинством съезда.

Маневр Мартова был немедленно отпарирован Плехановым, который заявил, что и он с Лениным уходит. Таким образом, расчет Мартова, что съезд поползет к ушедшей четверке на коленях, умоляя ее вернуться на условии утверждения всей старой редакции целиком, не выгорел. Но благодаря этому маневру съезд неожиданно для себя оказался без вождей.

Для подавляющего большинства оставшихся в зале заседания делегатов этот съезд был первым в их жизни, на котором они присутствовали. И можно было ожидать, что они растеряются. Но этого не случилось. Делегаты съезда уже успели закалиться в предыдущих трехнедельных боях с бундовцами и рабочедельцами, и, несмотря на истерические выходки и скандалчики Троцкого и Попова, а также угрозы Дейча (Дейч перед решающим голосованием встал и сказал: «Посмотрим, кто решится голосовать»), ничто не могло уже поколебать сложившегося большинства.

После речи Царева я вышел в соседнюю комнату, куда удалась редакция. Ленин подошел ко мне с вопросом: «Почему ничего не говорите?» Я ему ответил, что записался и скоро буду говорить. Вопрос Ленина я понял как поручение...

В это время Плеханов подошел к Засулич и что-то начал говорить ей. Бедная Засулич, тяжело страдавшая горлом и потому потерявшая голос, бешено захрипела и зашипела на Плеханова. Плеханов, впрочем, не смутился и, верный своей манере шутить и в самые тяжелые моменты, подошел к нам и заявил: «Я думаю, что Вера Ивановна приняла меня за Трепова» (Засулич стреляла в Трепова).

Я вернулся в зал заседаний к началу речи Русова (в издании протоколов «Прибоем», с. 300, эта речь ошибочно приписана мне).

На вопрос о редакции ушло не только 30-е (вечернее) заседание, но и значительная часть 31-го (утреннего).

Заседания эти были не только самыми решающими, но вместе с тем и самыми мучительными для делегатов. Нелегко было рвать с четверкой, нелегко было «расплываться» (это выражение тогда было в большом ходу) с товарищами, к которым мы питали долгие годы самое глубокое уважение, тяжело было разочаровываться в них.

А еще труднее это было Ленину.

Утром, еще до начала 31-го заседания, на котором вопрос о редакции был решен окончательно, я с несколькими товарищами из большинства стоял у наружного входа в помещение, где заседал съезд. Подошли Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Лицо у Ленина было желтое, вид совершенно больной. Он иногда страдал какой-то болезнью кишечника, но не только или, вернее, не столько болезнь так подействовала на него. Он провел мучительную, бессонную ночь и к утру пришел к выводу, что ему нужно отказаться от участия в редакции. Надежда Константиновна поддерживала это решение. Владимир Ильич сообщил нам свое намерение отказаться от участия в редакции, но мы решительно воспротивились этому и стали уговаривать его ни в коем случае этого не делать. Владимир Ильич как будто ждал и искал у нас поддержки и, найдя ее, тотчас же отказался от своего намерения.

Начались последние, самые неприятные заседания съезда. Основные вопросы были решены. Оставалось только принять ряд резолюций и протоколов. При создавшихся отношениях между большевиками и меньшевиками (эти названия появились позже) эта работа сопровождалась огромным количеством конфликтов.

На следующий день по окончании съезда фракция большевиков отправилась на могилу Маркса. Я сорвал себе на память миртовый листок с могилы и долго хранил его. В 1906 году во время ареста жандармы почему-то забрали его. Что они заподозрили в невинном миртовом листке, не могу до сих пор себе представить.

С кладбища пошли в большой парк и уселись там на травке. В центре восседал Плеханов и воодушевлял нас на дальнейшую борьбу против меньшевиков.

Какой-то досужий фотограф, увидев группу несомненных иностранцев, вознамерился сфотографировать нас и этим нару-

шил дальнейшее изложение воинственных планов Плеханова. Попасть на фотографию перед отъездом в Россию нам было не с руки.

В тот же день я вместе с Д. И. Ульяновым уехал в Россию.

ПОСЛЕ СЪЕЗДА

В Киеве я заехал к Г. М. Кржижановскому — одному из тройки, выбранной в ЦК, и, сделав ему доклад о съезде, направился в Одессу, Николаев, Екатеринослав и Харьков. В первых трех городах доклад о съезде сошел благополучно, и в них заложено было крепкое большевистское ядро: в Одессе — во главе с Левицким, в Екатеринославе — во главе с Ногиним. В Харькове же получилось нечто нелепое. Харьковский комитет уже заслушал доклады и своих представителей и южноробоченца Егорова и был настолько крепко огорожен меньшевистскими рогатками, что здесь, собственно, нечего уже было делать. Пытался я было разыскать коекого из ростовцев среди студентов, чтобы через них связаться с рабочими, входившими в организацию, но из этого ничего не вышло. Да и засиживаться в Харькове долго мне не следовало, так как меня усиленно разыскивали в связи с таганрогским процессом¹.

На докладе в комитете все было именно так, как я предвидел. Передо мной была глухая, непроницаемая, враждебная, молчаливая стена. Когда я кончил, никто — хотя бы из партийного «приличия» — не потрудился возражать мне. Вместо возражений посыпался ряд преядовитейших вопросов «устрашающего» характера, например такого рода: известно ли докладчику, сколько лет работает в революционном движении Вера Ивановна (Засулич)? Известно ли докладчику, что Павел Борисович (Аксельрод) — первый русский социал-демократ? Правда ли, что Ленин показывал кулак съезду?

Сначала я пытался давать спокойные разъяснительные ответы, но, увидев, что моих ответов даже и слушать не хотят, оборвал эту комедию резким заявлением, что нам разговаривать больше не о чем.

На обратном пути я еще раз заехал в Киев к Кржижановскому, который направил меня за границу. После ряда приключений я благополучно добрался до Женевы. Это было незадолго до съезда Лиги. Плеханова я застал еще в редакции «Искры» вместе с Лениным. Меня посадили за техническую работу в редакции,

¹ Имеется в виду суд над участниками демонстрации 2 марта 1903 г. в Ростове-на-Дону, проходивший с 19 по 23 августа 1903 г. в Таганроге. Царское правительство, испугавшись широкого размаха революционного движения, охватившего после Ростова весь юг России, решило устроить показательный процесс. Участники демонстрации были преданы военному суду по статье, грозившей смертной казнью. В числе привлеченных был и С. И. Гусев, дело о котором было выделено «за нерозыском обвиняемого». *Ред.*

но мне пришлось принять участие всего только в двух номерах «Искры».

А затем ленинская «Искра» перешла в руки меньшевиков.

Скверные, унылые, тяжелые дни пришлось пережить большевистской группе в Женеве, пока не появилась ленинская работа «Шаг вперед, два шага назад». Мировая литература не знает такого изумительного комментария к протоколам партийного съезда, кроме разве ленинского же отчета об объединительном съезде. Эта работа есть поразительный образец тончайшего научного анализа. Ленин произвел научный анализ происходившей на съезде и частично после съезда борьбы группировок, которые на съезде складывались, и дал научное определение их политических тенденций. Ему пришла в голову мысль изобразить голосование на съезде в виде схемы. Это было нечто совершенно новое и невиданное.

Обвинения в оппортунизме в организационных вопросах и в барском анархизме, выдвинутые Лениным против меньшевиков, показались им чем-то чудовищно нелепым. Просто грубая ругань, говорили они. Ленин смеялся над всеми этими меньшевистскими вывертами и разъяснял, что самое резкое, самое грубое слово не есть еще ругань, раз оно выражает научное определение данного явления. Ругань — это резкое слово, которое научно не соответствует данному явлению...

Однажды в темный, дождливый осенний вечер я заглянул в известный ресторан Ландольта и столкнулся там лицом к лицу с Плехановым. Ретироваться было некуда, и пришлось усесться с ним за один столик и начать беседовать. Беседа сначала не клеилась, потом кое-как разговорились, и я сказал Плеханову, что напрасно он порвал с Лениным, так как Ленин — крупнейшая сила. Плеханов задергал свои усы и начал сыпать свои любимые словечки: «Ще молода дetyна, у Саксонии не була», «Я уже был революционером, когда Ленин еще пешком под стол ходил» и т. п. А в заключение Плеханов весьма воинственно заявил: «И не таких еще бивали, справимся и с этим».

Ленин ужасно хохотал, когда я ему рассказывал эту сценку.

Началась длительная и упорная борьба за созыв III съезда. Меньшевики всячески мошенничали при подсчете числа организаций, высказавшихся за съезд. В конце концов стало ясно, что легальными партийными путями съезда не добиться. В таком положении нас застало лето 1904 года. В наших рядах наблюдалось некоторое уныние и разочарование, несмотря на то что силы большевиков росли и внутри страны, и в эмиграции.

В один из этих дней я с Красиковым забрел к одному меньшевику. На столе у него лежал листок под названием «План земской кампании» с надписью: «Только для членов партии». Мы очень заинтересовались листком и попросили меньшевика дать его нам. Меньшевик не отказал. Обнаружилось при этом, что листок вышел недели за две до того, как мы его увидели, и что меньшевики приняли все меры, чтобы скрыть его от большевиков.

Тотчас же мы отправились с листком к Ленину. Застали мы его в весьма кислом настроении. Он прочитал листок, но отнесся к нему равнодушно. Мы оба, я и Красиков, стали «наседать» на Ильича, доказывая, что листок содержит совершенно новые и чуждые социал-демократии мысли. Ленин слушал нас вяло и отвечал неохотно. Но потом, после моих слов, что листок проникнут насквозь «оппортунистическим прожектерством», Ленин вдруг «загорелся», схватил листок и стал его перечитывать, язвительно усмехаясь, прочитывая некоторые места вслух и подчеркивая в них «курсивом» отдельные слова и фразы (только Ленин умел говорить «курсивом») и временами заразительно смеясь.

— Хорошо, я напишу ответ,— заявил Ленин.

По тону этого заявления мы почувствовали, что Ленин сейчас же сядет за эту работу и что нам надо немедленно уходить. Через три дня ответ был готов и что-то очень скоро, дня через два, вышел из печати под названием «Земская кампания и план «Искры»¹. В сборнике статей Ленина «За 12 лет» сказано, что эта работа написана в ноябре или декабре 1904 года. Это, по-моему, неверно. Ноябрь, во всяком случае, совершенно исключается, так как я уехал из Женевы во второй половине октября. Помнится, что эта брошюра вышла не меньше чем недели за две до моего отъезда. Поэтому наиболее вероятной датой я считаю вторую половину или конец сентября.

Брошюра «Земская кампания и план «Искры» сыграла крупнейшую роль в развитии большевизма. Она была боевым сигналом к борьбе с меньшевиками на новой, принципиальной почве. До ее появления от меньшевиков нас отделяли в области принципиальной только организационные разногласия... Поэтому, несмотря на жестокую фракционную драку, возможность сговориться с меньшевиками еще не была исключена, но после листка меньшевистской «Искры» о земской кампании и ответа Ленина наши дороги начали быстро расходиться. Надвигающиеся революционные события отбросили в сторону все фракционные дразги и споры по организационным вопросам и повелительно поставили перед обеими частями партии тактические вопросы. И в этой области с огромной быстротой образовалась между большевиками и меньшевиками глубокая пропасть.

В брошюре «Земская кампания и план «Искры» содержится уже в зачаточной форме то основное разногласие по вопросу об отношении к буржуазии, которое, по существу, навсегда отделило большевиков от меньшевиков. И в этом смысле эта брошюра была первой большевистской платформой, вокруг которой объединились большевики для новой борьбы за III съезд. Начался новый, второй период в развитии большевизма...

*Воспоминания о II съезде РСДРП.
Изд. 3-е. М., 1983, с. 108—133*

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 75—98. Ред.

ВТОРОЙ СЪЕЗД ПАРТИИ

О том, что мне придется ехать за границу на II съезд партии, я узнал в середине апреля. Это сообщение было для меня несколько неожиданным. Поездка за границу меня не смущала, так как я уже бывал там и мог ехать совершенно легально, но поездка на съезд партии в качестве делегата меня весьма смущала. О своих колебаниях я сообщил Елене Дмитриевне Стасовой, но она объяснила мне, что на съезд необходимо послать рабочих, особенно от Петербурга, и что моя кандидатура, как члена комитета, в то время работавшего на заводе и являвшегося организатором такого крупного района, как Выборгский,— самая подходящая. Я не стал спорить.

В то время в Петербурге работали три подпольные социал-демократические организации, и все три претендовали на посылку своих делегатов. Две из этих организаций называли себя Российской социал-демократической рабочей партией и обе имели свой Петербургский комитет. В чем состояли тогда принципиальные разногласия между этими двумя организациями, сейчас не помню, но знаю, что наша организация имела связи почти со всеми заводами; литература, особенно листки, распространялась среди широких рабочих масс исключительно нашей организацией; у другой организации связей среди рабочих совсем не было, имелись лишь кое-какие связи среди студенчества.

Третья организация не имела своего комитета и называлась «Петербургская группа русских социал-демократов». Это была группа рабочедельцев.

Так как все три организации, как я уже говорил, требовали себе мандата на съезд, а согласно постановлению Организационного комитета, созданного специально для подготовки и созыва съезда, решено было дать Петербургу, как и всем комитетам, только два мандата, то для решения спора несколько раз приезжали члены ОК. После долгих обсуждений, споров и обследований ОК решил дать нашей организации два мандата условно, оба с решающим голосом, и один мандат, также с решающим голосом, петербургской группе.

После этого решения ОК было заседание нашего Петербургского комитета, на котором мы обсуждали кандидатуры делегатов.

Моя кандидатура, как рабочего, да еще работавшего на заводе, не вызывала никаких возражений и была утверждена без прений. Что же касается второй, то тут возникли продолжительные дебаты. Наиболее подходящим кандидатом на съезд была Е. Д. Стасова. Эта кандидатура сначала также не вызывала никаких возражений. Но когда возник вопрос о замене секретаря, то тут все в один голос заявили, что Елену Дмитриевну заменить в данный момент некем. И действительно, только ее энергии, ее колоссальным связям во всех слоях Питера, умению подбирать людей мы были обязаны тем размахом, сплоченностью и твердостью, какие проявил в это время искровский Петербургский комитет РСДРП.

Произведенные незадолго до этого значительные аресты среди нашей организации требовали напряжения всех сил для продолжения борьбы и сплочения организации, поэтому в конце концов решили из членов комитета, кроме меня, больше никого не посылать, а дать второй мандат члену ОК Гореву-Гольдману, присутствовавшему на заседании. На этом и разошлись.

Съезд намечался в июле 1903 года. Но так как я еще на заседании комитета заявил о своей неподготовленности к такому ответственному делу, а кроме того, надвигалось 1 Мая, когда обычно усиливались аресты, то Петербургский комитет совместно с представителями ОК решил послать меня за границу немедленно, с тем чтобы я там на свободе занялся чтением революционной литературы, познакомился и побеседовал с руководителями партии, ознакомился бы с положением дел в нашей партии, а кроме того, был бы застрахован от первомайских арестов.

Работал я в это время на чугунолитейном и механическом заводе Людвиг Нобеля, на Выборгской стороне. Чтобы получить расчет, необходимо было предупредить контору за две недели вперед, что я и сделал. Было решено, что я перееду границу легально, так как мне, как финляндскому уроженцу, легко было достать легальный заграничный паспорт.

Продолжая работать на заводе, я вместе с тем хлопотал о паспорте, для чего мне пришлось бегать в полицию и в финляндскую паспортную экспедицию. Самый паспорт нужно было получить в Выборге, куда я решил ехать, когда получу расчет. Кроме того, нужно было заканчивать подготовку к 1 Мая, подготовить себе заместителя — организатора — и выполнить ряд других дел, связанных с подпольной работой. Жил я тогда с матерью и с калекой братом на Выборгской набережной. Брат не работал, а мать вела наше домашнее хозяйство; жили на мой заработок. Нужно было обеспечить мать, пока я буду жить за границей. Елена Дмитриевна достала мне 100 рублей, что вместе с моим жалованьем, которое я получил при расчете, должно было ей хватить месяца на три.

Перед отъездом я виделся с Адель, с которым мы долго гуляли сначала по набережной Невки, вдоль Ботанического сада, а потом в саду. Там он меня подробно информировал, как надо

ехать, дал явку в Женеву к А. Н. Потресову (Староверу), снабдил паролем, дал денег на дорогу, и мы с ним распрощались, чтобы встретиться в Женеве.

После этого мне нужно было зайти в полицейский участок на Сампсониевском проспекте за какой-то справкой. Когда я сидел там в коридоре вместе с другими посетителями, вбегает запыхавшийся городской и, не обращая внимания на посторонних, тут же, в коридоре, докладывает остановившемуся околоточному, что рабочие фабрики Воронина прекратили не в урочное время работы и выходят из ворот с криками и пением. Это сообщение было неожиданным не только для полиции, но и для меня, районного организатора. Едва получив необходимую мне справку, я чуть не бегом бросился из участка разыскивать тов. Изотова, по кличке Мужик, работавшего у Воронина и бывшего на этой фабрике организатором. Разыскав Изотова, я узнал от него, что ему не удалось удержать рабочих от выступления и теперь надо срочно созвать собрание кружка. К вечеру собрался кружок; что мы на нем решили, сейчас не помню. Было это за несколько дней до 1 Мая.

По моему предложению заместителем моим в качестве организатора района Петербургский комитет назначил покойного ныне Н. Н. Юникова, работавшего слесарем на одном из заводов Выборгского района. Покончив со всеми делами, я накануне 1 Мая с маленьким узелком под мышкой уехал сначала в Выборг, где получил в тот же день паспорт, и отправился с ним за границу. О том, куда и зачем я еду, я никому, кроме матери, не сказал, что было, как выяснилось по возвращении со съезда, весьма целесообразно.

В Гельсингфорсе купил билет до Любека, сел без всяких препятствий на пароход и через два дня благополучно высадился в Любеке. По железной дороге доехал до Гамбурга, где переночевал и купил билет до Женевы. На вокзале со мной случилась маленькая неприятность. Стоя у входа на перрон, где проверяют билеты, я, посмотрев на часы, заметил, что до отхода поезда остается всего три минуты. Показываю свой билет контролеру, а он машет головой и не пускает на перрон. Когда же я заметил, что поезд трогается (он стоял как раз против открытой двери), я оттолкнул контролера, бросился к отходящему поезду и вскочил в один из вагонов. Когда я оглянулся назад, то там что-то кричали, указывая на меня. Проверявший билеты кондуктор, посмотрев мой билет, начал мне что-то говорить, но я его не понял. На одной из больших станций ко мне подходят двое в мундирах и предлагают мне выйти. Я начинаю протестовать, но они, не обращая на меня внимания, берут мой чемоданчик, купленный в Гельсингфорсе, и уносят его из вагона. Я, конечно, пошел за ними, решив, что арестован. Проведя меня через какой-то мост, под полотном, они привели меня на другой перрон и велели тут стоять, положив рядом со мной чемоданчик.

Немного погодя подходит поезд, а через минуту ко мне подбегает человек в форме, берет чемодан, идет в вагон и приглашает меня за собой. Там он кладет мой чемоданчик на полочку и, показывая мне свободное место, улыбается, хлопает меня по плечу и говорит: «Нах Генф, гут»¹, показывая рукой по направлению поезда. Тут только я сообразил, что у меня не хватило терпения подождать три минуты, чтобы сесть в поезд, идущий на Женеву. В Германии я был первый раз (до этого я бывал в Англии, Италии и во Франции), и такая точность и организованность меня поразили.

Дальше ехал без каких-либо приключений и прибыл в Женеву рано утром.

Показывая время от времени прохожим клочок бумаги, на котором был написан адрес А. Н. Потресова, я довольно легко нашел его квартиру. Отворил мне, как я потом узнал, сам А. Н. Потресов. Показав ему клочок бумаги, на котором был написан его адрес, я произнес условный пароль. Потресов очень обрадовался моему приезду, ибо я был, если не ошибаюсь, первым приехавшим на съезд делегатом. Он распорядился, чтобы мне дали помыться, почистить платье, запыхавшееся в дороге, и всячески выражал радость по случаю моего приезда. Когда мы сели за чай, он не стал сразу расспрашивать, как я ожидал, про Питер, про знакомых, а только о том, как я доехал, здоров ли и пр., говоря, что эти вопросы он откладывает до прихода Ю. О. Мартова, за которым он уже послал.

Через несколько минут пришел Мартов, и меня засыпали вопросами. Обоих чрезвычайно радовали мои рассказы о развитии рабочего движения, о котором они, конечно, знали в общих чертах. Но их интересовала каждая мелочь из жизни подпольной организации, особенно заводской. Оказались у нас и общие знакомые, с которыми я расстался всего с неделю назад. Опять вопросы: как живут, не грозит ли им арест, здоровы ли, что наказывали и пр. и т. п.

Оба они мне очень понравились; точно большие, добрые дети, радовались они всякому нашему, даже маленькому, успеху, удивлялись, что я проработал год в качестве организатора района и не провалился. Потом я часто встречался с ними, особенно с Мартовым, много нашел в них отрицательных черт, особенно во время съезда, но первая с ними встреча и почти двухчасовая душевная беседа навсегда врезались мне в память.

Зная обоих, особенно Мартова, по нелегальной литературе, я смотрел тогда на них как на людей особенных, тем более что, несмотря на мое более чем трехлетнее участие в революционном движении, я до этой встречи ни разу не беседовал по душам с такими знаменитыми литераторами, да еще революционерами. Помню, как поразил меня тогда внешний вид Мартова. В то время

¹ В Женеву, хорошо. *Ред.*

как Потресов — широкоплечий, с легким румянцем на щеках, с тщательно подстриженной бородой, в хорошем костюме — выглядел настоящим европейцем, Мартов был похож на бедствующего российского интеллигента. Лицо его было бледное, с ввалившимися щеками, жидкая борода всклокочена, на носу едва держалось пенсне, костюм сидел точно на вешалке, из всех карманов торчали газеты, брошюры, рукописи и т. п. Ходил он как-то сгорбившись, одно плечо выше другого, и вдобавок еще заикался. Внешне фигура неприглядная. Но когда с ним беседуешь или слушаешь его речь, все эти внешние недостатки как-то исчезают, остается только колоссальное знание, острый ум...

Как жаль, что такой большой ум отошел затем от рабочего класса, а в решительный момент, когда рабочий класс осуществлял то, к чему он его призывал в начале своей революционной деятельности, начал борьбу против этого класса.

В этот же день было назначено собрание искровцев, на котором должны были присутствовать все руководители партии. Мартов и Потресов предложили мне пойти с ними на это собрание, на что я, конечно, с радостью согласился. Наговорившись досыта, мы распростились с Мартовым (он куда-то спешил) и остались вдвоем с Потресовым. Тут уж я перешел на вопросы, а он мне отвечал. Побеседовав вдвоем около часу, мы пошли на собрание. Шел я на это собрание, где, как мне сказал Потресов, я увижу Плеханова, Ленина, Засулич и др., с бьющимся сердцем и в несколько торжественном настроении. После недолгой ходьбы по женевским улицам, где Потресов часто раскланивался со знакомыми встречными, мы вошли в небольшую, заставленную книгами комнату, где нас очень любезно встретил профессорского вида седой человек. Потресов меня представил ему, но я не слышал его фамилии, да и не интересовался, так как полагал, что это один из сочувствующих либералов, который предоставлял свою квартиру для собраний революционерам. Я с волнением ожидал прихода Плеханова, Ленина, Аксельрода, Веры Засулич и других руководителей партии.

Через несколько минут пришел Мартов, а вслед за ним Г. В. Плеханов, которого я сразу узнал по виденным мной его портретам. Он очень радушно со мной поздоровался, спросил, как я доехал. Я пожал ему руку с каким-то благоговением, и, когда он сел у края большого стола, стоявшего посреди комнаты, я, не отрывая от него глаз, смотрел на него в каком-то телячьем восторге. Не верилось, что я сижу в одной комнате с Плехановым, о котором я так много слышал и читал. Он сидел рядом с Мартовым и, показывая ему какие-то исписанные листки бумаги, тихо, но с горячностью что-то ему начал говорить. Минуты через три пришли две женщины в сопровождении человека с большой лысиной и, едва со мной поздоровавшись, уселись в противоположном от меня конце комнаты и стали тихо между собой разговаривать. Об одной из них, с седыми волосами, весьма небрежно одетой, я спросил тихо

на ухо у Потресова, кто она. Он так же тихо сообщил, что это Вера Ивановна Засулич. Совсем не такой ожидал я увидеть героиню, стрелявшую в 1878 году в царского сатрапа Трепова. Она, посидев с минуту рядом с пришедшей с ней вместе женщиной, как-то порывисто вскочила, подбежала к Плеханову, что-то шепнула ему на ухо, тот засмеялся, потом подошла к Мартову, взяла у него папиросу, закурила и села рядом со мной. Весело поглядывая на меня, стала меня расспрашивать, как я доехал, как себя чувствую, как поживает Елена Дмитриевна Стасова и т. п. Я чувствовал себя с ней хорошо, но отвечал невпопад, так как все мое внимание было обращено на присутствующих и проходящих. После Засулич вошли еще двое или трое, которым меня также представил Потресов, но фамилий которых я не разобрал. Потресов объявил заседание открытым. Что это было за собрание, я так и не знал; я с нетерпением ждал прихода Ленина, Аксельрода, Дейча. О чем говорили, совершенно не помню. Помню только, что собрание проходило спокойно, говорил больше всех Плеханов, а за ним Мартов. Собрание продолжалось не больше часа. Пришедшая с лысым человеком женщина записала постановление, и потом все быстро, не прощаясь, разошлись. Я остался один с седым хозяином квартиры. Показывая ему на большой портрет, висевший у него на стене, я спросил, кто это.

— Это Кравчинский,— ответил он мне.

Я с восхищением начал вспоминать о его замечательном террористическом акте в 1878 году, произведенном среди белого дня в центре города,— убийстве шефа жандармов Мезенцева. Это мое восхищение Кравчинским понравилось старику (он уже тогда был старик в моих глазах).

— Это мой лучший друг! — воскликнул он.— А меня вы знаете? — спросил он меня.

— Нет, не знаю.

— Я Дейч,— сказал он, мягко улыбаясь.

Это было так неожиданно, я так оторопел, обрадовался, что бросился его обнимать и крепко, крепко расцеловал.

Кто тогда из нас, молодых революционеров, не восторгался героями «Народной воли»? Кто не читал тогда прекрасных рассказов Кравчинского-Степняка «Домик на Волге», «Штундист Павел Руденко» и пр.! Мы, захлебываясь, зачитывались рассказами Л. Дейча о его побегах из тюрем. Неудивительно, что я пришел в такой восторг, когда увидел лично одного из героев, так смело совершившего побег из киевской тюрьмы вместе с Фроленко и Стефановичем.

Когда Лев Григорьевич немного успокоился от моих неожиданных для него выражений восторга, мы уселись с ним за стол и долго беседовали на различные темы. Он очень подробно расспрашивал меня о подпольной работе в Петербурге, рассказал много интересного о жизни за границей. Перед тем как пойти на квартиру, которую мне уже подыскали где-то за городом, я стал расспраши-

вать его о присутствовавших только что на собрании, признавшись, что почти половины фамилий я не расслышал, когда мне их рекомендовали.

Человек с рыжеватой бородкой и с большой лысиной, пришедший с Засулич и просидевший в углу все собрание молча, был Ленин, а пришедшая с ним женщина — Надежда Константиновна Крупская. Только тут я вспомнил, что иногда Плеханов и Мартов обращались к нему как бы за подтверждением своих мыслей, и он изредка в знак согласия кивал головой.

Был ли Ленин в тот день, как говорится, не в духе или вопросы, обсуждавшиеся на этом собрании, были предварительно согласованы, не знаю, но он вспоминается мне при этой встрече молчаливым и немного суровым.

Делегаты на съезд понемногу съезжались. Приехал ростовский делегат Сергей Иванович Гусев, с которым мы с первой же встречи очень подружились. Это был не только хороший революционер, едва избежавший виселицы после знаменитых стачек в Ростове-на-Дону в 1902 году, где впервые в России комитет нашей партии собирал митинги, доходившие до нескольких тысяч человек, но он был еще и прекрасный, жизнерадостный товарищ. Он был всегда в курсе всех совещаний и решений наших руководителей и всегда информировал нас, рабочих делегатов, об этих решениях. С ним мы иногда совершали большие прогулки в окрестностях Женевы, где... распевали... русские песни, причем запевалой всегда был Сергей Иванович.

Незадолго до моего приезда в Женеву туда приехали и другие организаторы и участники ростовской стачки, за которыми, как за героями, стаями следовали русские курсистки и студенты, проживавшие в Женеве. Среди них выделялся Ив. Ив. Ставский, бывший душой ростовских событий. Вместе с ним приехал Мочалов, описавший тогда довольно подробно историю этих событий, и третий приехавший с ним — Зека (Михайлов), впоследствии оказавшийся злостным провокатором. Из конспиративных соображений нам, делегатам, было предложено воздержаться от знакомства с ними, как и вообще с проживающими в Женеве эмигрантами, за исключением очень узкого круга товарищей, которых нам рекомендовал Ленин или кто-либо из редакции «Искры».

Мы, рабочие делегаты, жили как-то обособленно от остальных приехавших делегатов, хотя и присутствовали почти на всех совещаниях делегатов, которые устраивались чуть ли не ежедневно. Смутно помню сущность споров на этих совещаниях, помню только, что споры иногда бывали весьма горячие.

Если на первом собрании, где я встретился с Лениным, он молчал, то о следующих собраниях этого сказать нельзя. Не помню хорошо, о чем шел спор на следующем собрании, где я впервые слушал Ленина, но очень хорошо помню, что после первых же речей я был всецело на его стороне: так просто, ясно и убедительно он говорил.

Когда говорил Плеханов, я наслаждался красотой его речи, удивительно меткими остротами, но, если с ним спорил Ленин, я всегда был на стороне Ленина. Почему, право, не могу объяснить, но так было, и не только со мной, но и с другими рабочими делегатами — Степановым и Андреем¹.

Когда мы втроем после таких собраний собирались у меня или у Андрея, мы каждый раз восхищались практическим чутьем Ленина, его знаниями и каким-то особенным умением излагать свои мысли.

Иногда Ленин после совещания предлагал нам пройтись с ним и побеседовать по душам. После этих бесед мы уходили еще более очарованными, хотя в этих беседах он ни разу не навязывал нам своих взглядов, не ругал инакомыслящих. Он очень ясно, как-то по-товарищески говорил, что он думает по данному вопросу.

По мере того как подъезжали делегаты, стали чаще устраиваться и собрания делегатов, иногда и без участия членов редакции «Искры», причем нас, рабочих делегатов, приглашали на все совещания, чему мы были очень рады, так как хотели добросовестно разобраться во всех малейших разногласиях и оттенках между делегатами. Очень хорошо помню споры, которые разгорались вокруг вопроса о популярном органе, то есть нужен или не нужен кроме «Искры» еще популярный нелегальный орган нашей партии в настоящий момент. Дело в том, что группа екатеринославских товарищей в это время издавала на юге популярную газету-журнал «Южный рабочий». Мне ее приходилось читать еще в Петербурге, и, должен признаться, она мне нравилась, так как излагала те же мысли, что и «Искра», но языком понятным для широких масс рабочих, в то время как чтение «Искры» требовало некоторой подготовки. Так мне казалось. Но когда возник спор между Лениным и Плехановым о целесообразности издания двух органов и Ленин с присущей ему решительностью и настойчивостью стал доказывать бесполезность в данный момент параллельного, хотя бы популярного, органа, я захотел подробнее выслушать обе стороны.

По одному только этому спорному вопросу было устроено несколько собраний, и довольно бурных. Аргументы у той и другой стороны были убедительные, и нам, рабочим делегатам, трудно было на первых порах стать на ту или другую сторону, так как «Южный рабочий» нам нравился своим популярным изложением задач партии, а с другой стороны, мы в душе чувствовали, что два центральных органа — один за границей, другой в России — могут создать, пожалуй, осложнения.

На одном из наших собраний меня познакомили с Павлом Борисовичем Аксельродом. Он сразу завоевал мое сердце своим милым, каким-то отеческим обращением. Он подолгу беседовал

¹ Андрей — И. К. Никитин, делегат II съезда РСДРП от Киевского комитета. *Ред.*

с нами, то вместе, то с каждым из нас в отдельности. Он очень радовался, когда мы ему говорили, что брошюры группы «Освобождение труда» рабочими зачитываются до дыр. Мы очень с ним подружились и подолгу беседовали на всевозможные темы. Можно ли было ожидать тогда, что этот человек через 20 лет будет в рядах злейших врагов российского пролетариата, будет бороться против того самого рабочего, которого он тогда с таким успехом учил бороться против гнета и угнетателей и который с таким успехом осуществил то, чему учил его тогда этот ныне предавший его учитель!

Однажды, не помню, по какому случаю, я был приглашен на «чай» на квартиру Георгия Валентиновича Плеханова.

В частной жизни Плеханов, как мне рассказывали, жил обособленно от остальной эмигрантской публики, и приглашения с его стороны кого-либо к себе на квартиру были чрезвычайно редки. Чем я заслужил такую честь, не знаю. Были на этом вечере, помню, Мартов, Засулич, Дейч, Потресов. Хозяин, по-видимому, был не в духе, так как разговор не клеился. Чувствовал я себя среди них на этот раз как-то неловко, не знал, куда руки девать. Подавляла ли богатая обстановка и присутствие взрослых дочерей — барышень, не умевших, как передавали, говорить по-русски (они с матерью при мне разговаривали только по-французски), или что другое, но чувствовал я себя на этом вечере весьма не по себе. К счастью, «визит» мой продолжался недолго, и я с облегчением вздохнул, выйдя на улицу.

Зато как хорошо я чувствовал себя у Ильича, куда я попал благодаря случайной встрече на одной из улиц Женевы, по которой Ильич несся на велосипеде. Шли мы в это время с М. Н. Лядовым, и Ленин, увидя нас, соскочил с велосипеда и повел к себе на квартиру. Простая пролетарская обстановка, задушевный прием, дружеская беседа за стаканом чаю, а затем иногда маленькая прогулка за город. Но эти посещения Ленина были очень редки, так как Владимир Ильич был с утра до поздней ночи занят работой, главным образом подготовкой съезда. В перерывах между совещаниями я вместе со Степановым ходил в экспедицию «Искры» помогать работавшим там товарищам по отправке литературы в Россию. Там я познакомился с Литвиновым, которого все называли почему-то Папашей. Папаша подробно ознакомил нас с техникой экспедиции, отправлявшей огромное количество брошюр и газет в Россию. Довольно большое помещение на улице Каруж было завалено литературой, которую в одной из комнат паковали в специальной формы пакеты, тщательно заворачивали их в непромокаемую бумагу, так как пакеты эти, отправлявшиеся в Россию через контрабандистов, могли попасть в воду.

В одной из комнат Папаша вместе с Блюменфельдом, заведовавшим искровской типографией, делал опыты над только что изобретенным способом печатать газеты на цинковых листах. Способ этот заключался в следующем. На хорошо отшлифован-

ный цинковый лист, чем-то смазанный, клали отпечатанный лист газеты (печаталась эта газета особой, коричневого цвета краской); тщательно его разглаживали, затем, немного погодя, газету с цинкового листа осторожно снимали, и на цинке оставался отпечатанный текст газеты. После этого проводили по цинку каучуковым валиком, смазанным типографской краской, клали на цинк чистый лист бумаги, разглаживали ее чистым резиновым валиком и затем осторожно снимали. Получался чистый оттиск газеты. Особенность цинка и краски состояла в том, что с этого листа, как бы стереотипа, можно было получить бесконечное количество оттисков газеты. С этим изобретением тогда очень возились, предполагали, что во многих крупных центрах России можно будет таким способом воспроизводить не только «Искру», но и брошюры, а из-за границы будут посылаться только оригиналы газет, отпечатанных особой краской. Почему этот способ не получил тогда у нас широкого распространения, не знаю...

В это время партия социал-революционеров была в зените своей славы. Убийства и покушения на царских министров, жандармов и губернаторов следовали одно за другим. Это увлечение единоличным террором могло отрицательно отразиться на массовой агитации и пропаганде среди широких слоев рабочего класса, и как раз в такой момент, когда огромная волна массовых стачек и демонстраций разливалась по России и все чаще и чаще раздавался на них лозунг «Долой самодержавие!».

«Искра» учла это и открыла на своих страницах энергичную кампанию против такого увлечения и призвала массы к организации своих рядов, призвала готовиться к организованному массовому штурму самодержавия.

Между «Искрой» и «Революционной Россией», органом эсеров, началась жестокая полемика. После очень ядовитого, талантливо и резко написанного фельетона «Тартюфы революционной морали», принадлежавшего перу Мартова и появившегося в очередном номере «Искры», эсеровская колония в Женеве, к которой присоединились и анархисты, вызвала «Искру» к общественному суду, вроде как на дуэль.

Редакция «Искры» вызов приняла, и в один из ближайших праздничных дней было решено устроить совместно с эсерами собрание и дать им решительный, словесный конечно, бой.

На совместное с эсерами собрание собралась чуть ли не вся русская колония в Женеве. Эсеры почему-то долго не появлялись, мы прождали их больше часа. Наконец мы решили объявить собрание открытым без эсеров. Плеханов поднялся на трибуну и, заняв председательское место, позвонил и предложил открыть собрание. Тотчас же в задних рядах поднялся невероятный шум и крики. Что кричали, нельзя было разобрать, хотя и кричали во всю глотку. Этот шум и крики подняли, оказывается, анархисты, собравшиеся в довольно большом количестве в зале.

Плеханов, окруженный на трибуне Лениным, Мартовым, Дейчем и др., спокойно ожидал, когда утихнут скандалисты. Но те не унимались. Мы, искровцы, занимавшие переднюю часть зала, старались себя сдерживать и молчали. Но какое-то брошенное Плехановым слово вдруг, точно взорвавшаяся бомба, подбросило анархистов, и те бросились к трибуне с поднятыми кулаками, а некоторые размахивали над головами растерявшейся публики схваченными стульями и даже револьверами. Положение становилось опасным, часть публики бросилась к выходу. Помню, как сейчас, один известный в Женеве кавказский анархист, хромой на одну ногу, с дико вращающимися глазами, поднял над головой стул и, расталкивая публику, пробираясь к трибуне. Я не утерпел, тоже схватил стул и стал пробираться к трибуне, чтобы встать на защиту Плеханова и других наших руководителей. Но они были уже окружены своими и продолжали спокойно смотреть на беснующихся анархистов. Я с поднятым стулом стал пробираться сквозь напирющую, бегущую к выходу толпу, чтобы сразиться с хромым анархистом, но как он, так и я были оттерты толпой в разные стороны. Эсеры так и не пришли, и эта довольно оригинальная дискуссия кончилась ничем.

* * *

Прожил я в Женеве в общем около полутора месяцев. К началу июля съехались почти все делегаты, часть из которых, не заезжая в Женеву, направилась прямо в Брюссель, где решено было проводить съезд. Из многочисленных совещаний делегатов, на которых предварительное обсуждались все вопросы порядка дня предстоящего съезда, выяснилось полное единодушие съехавшихся искровцев. Казалось, что съезд пройдет дружно и не затянется. С этим настроением начали делегаты небольшими группами разъезжаться, чтобы встретиться в Брюсселе.

Мы, делегаты-рабочие (всего на съезд приехало только трое рабочих), решили поехать вместе. К нам присоединился С. И. Гусев и, кажется, Царев — делегат от Донского комитета. Отъезд пришлось обставить конспиративно, чтобы не выследили место съезда, поэтому выезжали небольшими группами в продолжение нескольких дней. Билеты были куплены заранее, на вокзал пошли каждый в отдельности, но в вагон сели все вместе, причем в начале дороги старались не узнавать друг друга. Но уже в Германии забыли о конспирации и беседовали открыто.

По приезде в Брюссель остановились в гостинице, а дня через два нам подыскали комнату в одной из частных квартир, где мы трое поселились в одной большой комнате. Через несколько дней рядом с нами, в маленькой комнате, поселился также один из приехавших делегатов. Прописки паспортов в то время в Бельгии не требовалось, и нас никто не спрашивал, кто мы такие.

С обедами и ужинами устроились прекрасно. Какой-то бельгийский социалист, содержавший довольно солидный ресторан,

предоставил этот ресторан в распоряжение съезда за приличную, конечно, плату. В этом ресторане собирались мы два раза в день, знакомились с вновь приезжающими делегатами и там же за столом продолжали наши беседы и споры, начатые еще в Женеве.

Иногда после ужина устраивали «концерты», на которых исполнителем являлся главным образом С. И. Гусев, обладавший прекрасным голосом. Не эти ли «концерты» обратили на нас внимание бельгийской полиции, через несколько дней после начала съезда организовавшей за нами слежку?

Наконец съехались все делегаты, кроме двух-трех, арестованных в России, в числе которых, как мы узнали, был и третий делегат от Петербурга — Адель (Гольдман), тот самый, который провожал меня на съезд. Он был арестован на самой границе, при переходе через нее.

Помещение для заседаний съезда предоставляли нам бельгийские товарищи, главным образом профессиональные союзы. Помогал нам в то время и нынешний бельгийский министр Вандервельде. Помещения были весьма неудобны. По конспиративным соображениям заседания съезда происходили в различных частях города, большей частью в рабочих районах.

Не помню, при открытии ли съезда или на одном из первых заседаний нам пришлось по совершенно непредвиденному обстоятельству прекратить заседание. Собрались мы в довольно мрачном, почти без окон зале, где-то чуть ли не на чердаке.

Сидеть пришлось на неструганых сырых досках, стулья были только в президиуме... Едва открылось заседание, как среди делегатов началось какое-то странное движение, все начали как-то нервно вздрагивать, потом оглядываться. В президиуме тоже начали сначала переглядываться, потом шептаться. Через несколько минут один за другим делегаты стали вскакивать, нервно передергивать плечами и, как-то виновато оглядываясь по сторонам, быстро направлялись к выходу. Когда почти половина делегатов таким образом покинула «зал» заседания, кто-то из делегатов предложил прервать заседание и разойтись, так как сидеть стало совершенно невозможно... блохи укусили.

Когда выяснилась причина такой «нервной» обстановки, заседание немедленно было прервано, и все стремглав, почесываясь, бросились к выходу. Как потом выяснилось, бельгийские товарищи предоставили нам для заседания помещение, бывшее недавно складом не то шерсти, не то чего-то вроде этого, где блохи находили себе обильную пищу и расплодились в огромном количестве.

Недолго нам пришлось заседать под сенью бельгийской конституции. Насколько помню, удалось нам устроить всего 4—5 заседаний, на которых съезд успел только конституироваться и принять порядок дня, или, как тогда говорили, «тагесорднунг».

В один далеко не прекрасный день бельгийская полиция предложила четырем нашим делегатам — Землячке, Гусеву,

Кнуныанцу и Зурабову — выехать из пределов Бельгии в 24 часа. Почему, зачем, никто не знал.

Ездили по этому поводу к Вандервельде, но тот тоже не знал причины высылки и обещал выяснить и заступиться. Из хлопот ничего не вышло, и четверем товарищам оставалось только собрать вещи и выметаться из «свободной» Бельгии. Кажется, дня на два им отсрочили пребывание в Брюсселе. Уж один этот факт расстраивал работы съезда, и встал вопрос о переезде в другое место. Но когда выяснилось, что и за остальными делегатами началась усиленная слежка, решено было переехать немедленно.

Наиболее подходящим местом для продолжения работ съезда признали Лондон; о продолжении же работ в Брюсселе нечего было и думать, так как слежка за нами приняла самый беззастенчивый, наглый характер. Мы, привычные к слежке в России, часто смеялись над неопытностью бельгийских шпииков: они ходили за нами, совершенно не скрывая этого, и когда мы иногда, желая их подразнить, брали одиноко стоящего извозчика и уезжали, то шпиики некоторое время буквально бежали вслед за нами.

По дороге из ресторана до дому шпиики нас аккуратно провожали. Наконец однажды утром пришли к нам на квартиру два полицейских агента в штатском и затребовали у нас сведения, кто мы такие.

Так как мы не говорили по-французски, то оказались в несколько затруднительном положении; выручили зашедшие к нам Павлович (Красиков) и Мартын (В. Розанов), знавшие французский язык. Красиков часто к нам захаживал и держал нас в курсе дел съезда, так как был в президиуме съезда.

Полицейские предложили нам заполнить опросный лист. Мне пришлось в голову назваться нам всем троицей... шведскими студентами. Я знал несколько шведских слов, а кроме того, знал, что шведы — народ благонадежный, никаких революций они не устраивают, поэтому бельгийская полиция оставит нас в покое. Заполнив анкеты тут же мною выдуманными фамилиями, вроде Сундстрем, Викстрем, Карлсон, родом один из Стокгольма, другой — из Упсала, третий — из Гетеборга, род занятий — студенты, по столько-то лет, полицейские вежливо раскланялись и ушли. Степанов и Андрей только руками разводили, неожиданно превратившись в шведских студентов.

На следующее утро пришел полицейский чиновник и пригласил нас к начальнику полиции. С нами пошел, не помню хорошо, Красиков или Розанов. Начальник принял нас очень вежливо в большом кабинете, где сидело несколько полицейских чиновников. У начальника на столе лежали наши анкеты. Он спросил, кто из нас Сундстрем, кто — Карлсон, кто — Викстрем. И тут среди нас произошло маленькое замешательство: мы забыли, кто из нас Сундстрем, кто — Викстрем. Из беды выручил сам же начальник полиции. Он обратился к нам... на шведском языке. На очень ломаном языке он спросил, говорим ли мы по-шведски. Из этого вопроса

я сразу понял, что он знает шведский язык так же, как и я, если не хуже, то есть почти не знает. Я поспешил ему ответить по-шведски и что-то спросил. Он ответил невпопад, потом что-то спросил у меня, я тоже ответил ему ни к селу ни к городу, так как не совсем понял, что он спросил. Словом, «разговорились». Из того, как он гордо посматривал на своих подчиненных, я убедился, что он очень доволен, что мог на практике подтвердить свое знание шведского языка, чем он, вероятно, не раз хвастал перед своими знакомыми. После этого «разговора» все оказалось в порядке, и мы очень любезно распрощались, а на следующий день выехали в Лондон.

В Лондон приехали несколько человек в одном поезде. Сначала мы поехали по железной дороге до Остенде, оттуда на пароходе в Дувр, а из Дувра до Лондона опять по железной дороге.

Проживавшие в Лондоне Алексеев и Тахтарев с женой заблаговременно подыскали для нас квартиры, и все устроились довольно хорошо. Гусев, Степанов, Красиков, Андрей и я проехали прямо на квартиру Алексеева, проживавшего где-то в районе Кингс-Кросс. Тов. Алексеев проживал в Лондоне много лет, говорил хорошо по-английски и явился для нас незаменимым человеком. Он познакомил нас с обычаями и некоторыми достопримечательностями Лондона. Занимал он небольшую комнату в третьем этаже и жил «по-студенчески» — как будто бы поселился на несколько дней и вот-вот уедет; питался он, казалось, одними консервами: пустые банки из-под консервов валялись у него во всех углах комнаты...

Я со Степановым поселился в небольшой комнате, «в тихом семействе» англичанина, недалеко от комнаты Алексеева, где мы часто затем собирались по нескольку человек и продолжали «преть» по поводу многочисленных выступлений на съезде.

Заседания съезда начались на второй день по приезде. Собирались, так же как и в Брюсселе, в различных частях города. Помещения нам предоставляли профессиональные союзы.

Однажды, в первые же дни после приезда, когда мы возвращались после одного заседания, уличные мальчуганы начали бросать в нас гнилой картошкой, комками мокрой бумаги и прочей дрянью. Чем это было вызвано, не знаю. Вероятно, англичан возмутила эта разношерстная публика, продолжавшая на улице неоконченные споры, происходившие на съезде.

А толпа наша была действительно разношерстная. Какие только национальности и костюмы не были представлены делегатами! Один Рашид-бек (Аршак Герасимович Зурабов), ныне покойный, чего стоил, когда он со свойственной кавказскому темпераменту горячность начинал на улице убеждать инкомыслящих!

Когда мы на следующий день выходили из этого же помещения, у дверей стоял рослый английский полисмен, как оказалось, поставленный по просьбе профсоюза специально для охраны нашего съезда.

Заседания съезда происходили ежедневно с утра до вечера с небольшим перерывом на обед. Продолжался съезд свыше трех недель.

Из 37 заседаний съезда в память врезалось лишь заседаний десять, не больше. По неопытности или по каким другим причинам по некоторым, даже незначительным в конечном счете, вопросам прения чрезвычайно затягивались, и казалось, им конца не будет. В таких случаях некоторые из нас, в том числе и я, грешный, незаметно скрывались и, гуляя по блестящим улицам, наблюдали за жизнью европейского города. Единственным, кажется, делегатом, не пропустившим не только ни одного заседания, но даже ни одного слова выступавших делегатов, был В. И. Ленин.

И действительно, как теперь известно, если бы Ленин не следил так внимательно за работой съезда и не вел почти протокольных записей, очень многое пропало бы для истории нашей партии.

Только благодаря Ленину некоторые вопросы, казавшиеся делегатам на первый взгляд несущественными, поднимались на принципиальную высоту, и в спорах по этим вопросам выявлялись иногда глубочайшие разногласия между будущими большевиками и меньшевиками. Многие ли, например, из делегатов придавали большое значение спору Ленина и Плеханова с Потресовым и Мартовым об отношении нашей партии к либералам? Многие из нас удивлялись горячности Ленина из-за «пустячной», как некоторым казалось, разницы в формулировках предложенных резолюций. К сожалению, этому важному вопросу не удалось уделить на съезде должного внимания и прений по этому вопросу почти не было, так как в порядке дня этот вопрос стоял в конце, а съезд и так очень затянулся. Помню, что голосовали предложенные резолюции в конце заседания, стоя, собираясь выходить. И в конце концов приняли обе резолюции одинаковым числом голосов.

Не прошло и двух лет после принятия этих двух «с пустячной разницей» в формулировках резолюций, как жизнь показала на практике 1905—1907 годов, насколько правильной было сформулировано предложение Ленина и Плеханова об отношении нашей партии к либералам и как не пустячна была разница в формулировках.

Смысл резолюции Ленина и Плеханова был, грубо, таков: используем либеральную буржуазию в борьбе против самодержавия, но вместе с тем будем объяснять рабочему классу, что либералы — враги рабочего класса, что и после свержения самодержавия они будут эксплуатировать рабочий класс и попытаются согнуть его в бараний рог.

Потресов же, поддержанный Мартовым и другими будущими меньшевиками, говорил приблизительно так: в борьбе с самодержавием мы должны идти вместе с либеральной буржуазией, а чтобы она нас не надула, мы поставим ей условие, чтобы она выставила в своей программе требование всеобщего избирательного права и вообще не выставляла бы таких требований, которые бы шли

вразрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняли сознание их.

Только из вышедшей в 1904 году брошюры Ленина «Шаг вперед, два шага назад», прочитанной мной по выходе из тюрьмы в 1905 году, я понял, какая существенная разница заключалась в этих двух принятых съездом резолюциях. Предательство кадетов (либеральной буржуазии) в 1904—1907 и в последующие годы особенно убедительно показало, как прав был Ленин, так горячо отстаивавший свою резолюцию.

Особенно затянулись и накалились прения по вопросу о месте Бунда в партии. Бунд через своих делегатов Либер, Медема, Косовского и др. (всего делегатов Бунда на съезде было: 5 с решающим голосом и 1 — с совещательным) доказывал, что он является единственным представителем еврейского пролетариата в России, и требовал, чтобы Бунд входил в нашу партию на федеративных началах, в то время как большинство съезда не возражало против предоставления Бунду автономии. Вокруг этого вопроса пришлось «претъ» несколько заседаний.

Главным оратором от Бунда был Либер, тот самый меньшевик, прославившийся в 1917 году, но без Дана¹. Оратор он был первоклассный, и речи его, пыльные, красиво построенные, слушали мы с удовольствием, а ударным местам даже аплодировали, но по существу его выводов и предложений доставалось ему основательно от таких мастеров дискуссии, как Плеханов, Ленин и Мартов (Мартов к этому времени еще не успел объединиться с бундовцами, так как вопрос о Бунде обсуждался в начале съезда). Помню, как меня возмущали эти домогания бундовцев, и хотя я не решался выступить против них с трибуны, но репликами старался доказывать бундовским ораторам свое отрицательное отношение к их неправильной установке.

Отдавая должное прекрасной организации еврейских рабочих и ремесленников, с восхищением следя за их героической борьбой с капиталистами-эксплуататорами, мы все же не могли пойти на организацию нашей партии на федеративных началах, как того требовали лидеры Бунда. В соответствии с такой постановкой вопроса, то есть против федерации, и была принята резолюция. И все же, несмотря на такой, казалось бы, простой вопрос — автономия или федерация, на обсуждение его ушло много заседаний. Происходило это потому, что бундовские делегаты при обсуждении их вопроса говорили по поводу каждой запятой длиннейшие речи, прерывали заседания, чтобы у себя на делегации обсудить чуть ли не каждое выступление против них Ленина, Плеханова или Марто-

¹ Имеется в виду ироническая кличка — либерданы, укрепившаяся за меньшевистскими лидерами Либером и Даном и их сторонниками после того, как в московской большевистской газете «Социал-демократ» (№ 141, 25 августа (7 сентября) 1917 г.) появился фельетон Д. Бедного под названием «Либердан». *Ред.*

ва. Если не ошибаюсь, больше всего времени отняло у нас обсуждение вопроса о месте Бунда в партии.

Напечатанный в «Искре» и «Заре» проект программы партии еще задолго до съезда и, как теперь говорят, «проработанный» в тогдашних комитетах и кружках очень долго обсуждался в программной комиссии и не вызвал особенно больших и горячих споров, какие были почти по всем другим вопросам порядка дня съезда.

Хотя представителями «Рабочего дела», или «экономистами», и было внесено огромное количество мелких и мельчайших поправок и поправочек, но проваливались они как-то уж очень быстро и дружно. Между прочим, три делегата-рабочедельца — Акимов-Махновец, его сестра Брукэр и Мартынов — доставили нам много забавных и еще больше досадных минут.

Не только при обсуждении программы вносили они часто совершенно нелепые поправки, но буквально по всем вопросам. Хорошо, если бы они ограничивались только предложением поправок, но они каждое свое предложение мотивировали длиннейшими и скучнейшими речами.

Когда Мартынов, Акимов и Брукэр демонстративно ушли со съезда¹, что означало то же, что уйти из партии, не согласившись с постановлением съезда о ликвидации их рабочедельческой организации, никто не выразил по этому поводу сожаления. Наоборот, появилась надежда, что работа съезда пойдет значительно быстрее. А Плеханов даже сказал по этому поводу, как тогда рассказывали: «Ушел Мартын с балалайкой».

Так же без какого-либо трагизма ушли и делегаты Бунда, когда съезд не согласился строить партию на федеративных началах.

Многие из делегатов даже выражали сожаление, что они раньше не ушли, тогда некоторые предложения антиленинцев не получили бы большинства голосов, как, например, при голосовании § 1 устава партии.

Особенно горячие прения разгорелись при обсуждении устава партии, главным образом по поводу формулировки § 1.

Очень многим сначала казалось, что существенной разницы между редакцией, предложенной Лениным, и редакцией, предложенной Мартовым, нет.

Проект Ленина сформулирован так: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

Проект Мартова гласил: «Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, признающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций».

¹ Со съезда ушли два делегата «Союза русских социал-демократов за границей» — рабочедельцы Мартынов и Акимов. *Ред.*

Действительно, на первый взгляд и не сообразишь особо существенной разницы. Даже Плеханов полушутя говорил: «Послушаешь Ленина — Ленин прав, слушаешь Мартова — Мартов прав».

Но когда открылись прения и по этому вопросу высказалось несколько ораторов, для всех стало ясно, какие глубокие разногласия таятся в этих двух резолюциях о членстве в партии.

Ленин требовал, чтобы членом партии считался только тот, кто подчиняется партийной дисциплине как член той или другой партийной организации, а Мартов считал возможным называться членом партии, не входя в какую-нибудь организацию.

Нужно было слышать Ленина, с какой горячностью и настойчивостью отстаивал он свою формулировку, чтобы понять, какое огромное значение он придавал правильной организации партии. Он снова и снова доказывал, что партия будет сильна только тогда, когда все ее члены связаны между собой не только тем, что признают ее программу и платят членские взносы. Нужно, чтобы каждый достойный называться членом революционной пролетарской партии принимал активное участие в ее опасной работе, а не только оказывал какое-то содействие. Не может быть членом партии какой-либо либеральный буржуа, предоставивший свою квартиру под собрание кружка.

Как почти при всех вопросах, где будущие меньшевики спорили с Лениным, к ним присоединились бундовцы, рабочедельцы Акимов и Мартынов и вносили такие поправки, от которых на первых порах даже некоторых не определившихся еще будущих меньшевиков коробило. Так случилось и с поправкой Акимова, который, будучи последовательным правым и не скрывая этого, предложил формулировку § 1 устава в такой редакции, благодаря которой членом партии мог называться, кто только пожелает. Его формулировка гласила: «Членом партии признается всякий, кто в *основном* признает программу», а дальше, как у Мартова.

После очень долгих и горячих прений § 1 устава благодаря голосам еще не ушедших со съезда пяти бундовцев и трех рабочедельцев был принят в редакции Мартова.

Особенно ярко воскресают в памяти заседания, посвященные выборам центральных учреждений партии. К этому времени вполне определились принципиальные разногласия, разделившие съезд на две почти равные половины.

Еще до того, как официально на съезде был поставлен вопрос о составе будущей редакции Центрального органа, нам, делегатам, было известно о тех постоянных трениях, которые происходили между шестью редакторами «Искры». Редакция состояла из следующих лиц: Ленина, Плеханова, Мартова, Засулич, Аксельрода и Потресова. В редакции нередко возникали разногласия, в которых Ленин очень часто подавлялся голосами Аксельрода и Засулич, всегда голосовавших с Плехановым.

Помимо этого, нам было известно, что писали в «Искре» и вели практически организационную работу партии первые трое, а остальные очень редко помещали свои статьи (например, Аксельрод за три года поместил только три статьи, и то не руководящие), а в редакционной работе совсем не принимали участия. Когда встал вопрос о выборе редакции Центрального органа партии, каковым съезд утвердил «Искру», было внесено два предложения: первое — выбрать старую редакцию и второе — выбрать тройку.

Совершенно правильное принципиально и практически предложение избрать редакцию подвижную, из трех лиц, фактически работавших в «Искре» и фактически создавших революционное крыло социал-демократии, известное тогда под именем «искровцев», вызвало со стороны будущих меньшевиков невероятное озлобление против Ленина, внесшего такое предложение.

Каких только выражений, мы, сторонники этого предложения Ленина, не наслушались со стороны этих будущих предателей рабочего класса! Стыдно и больно было слушать от революционеров, каковыми они до этого были в наших глазах, обывательские рассуждения об обиде и неуважении к ветеранам революции. Такие люди, как Розанов, один из редакторов закрытого съездом органа «Южный рабочий», особенно бесновались, и мы, делегаты-рабочие, хотя еще и не искушенные в политике, все же понимали, что беснуется он не только за обиду ветеранов, но и за то, что закрыли «Южный рабочий». Особенно как-то злило всех этих будущих меньшевиков, что к предложению Ленина в этом вопросе присоединились все три рабочих делегата. Во время голосования, когда мы голосовали за редакцию в числе трех: Ленина, Плеханова и Мартова, к нам подбежал Л. Г. Дейч и с какой-то странной жестикуляцией, с искаженной, точно от великого страдания, физиономией укорял нас за измену основателям группы «Освобождение труда», каковыми были Аксельрод и Засулич.

Было досадно, что все это было перенесено на личную почву, на обиду, тогда как мы, голосуя за тройку, вовсе не хотели кого-то обижать, кому-то изменять.

Съезд избрал ответственную редакцию из трех лиц: Ленина, Плеханова, Мартова. Мартов отказался вступить в редакцию. Тогда съезд поручил Ленину и Плеханову кооптировать в состав редакции, кого они найдут необходимым.

Центральный Комитет был избран из трех товарищей, причем от голосования отказались все антиленинцы.

По конспиративным соображениям оглашена была только фамилия одного из избранных, ныне покойного Носкова, известного нам тогда под именем Бориса Николаевича.

Двое других, избранных в первый большевистский ЦК, были гг. Г. М. Кржижановский и Ф. В. Ленгнич.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Забастовка в Ярославском земстве, где я работал в качестве статистика, последующая безработица и ухудшившиеся полицейские условия забросили меня в конце 1899 года из Ярославля в Псков, где я остался до II съезда РСДРП. Попал туда после неудачных попыток устроиться в разгромленной жандармами Москве.

Псков, будучи под самым Петербургом, жил преимущественно интересами последнего. Местная социал-демократическая работа имела, но была мизерна по своему объему и значению: она велась среди ремесленников в самом Пскове и в некоторых уездах (г. Остров и др.). Весь интерес местной жизни заключался в бесконечных дискуссиях, с одной стороны, между социал-демократами и эсерами и эсерствующими, а с другой стороны, между социал-демократами искровского и рабочедельческого толков, благо представители всех этих течений имелись в изобилии (главным образом, высланные из Петербурга).

В своей марксистской среде дискутировали бернштейниаду (книжка Бернштейна тогда появилась), рукопись известного Махайского, а позднее «ломали копыя» с рабочедельцами. В это время уже нарождалось освобожденчество, представители левого крыла которого — Пешехонов, М. Бернштам и др. — были высланы в Псков (впоследствии энесовцы¹). В то же время в городе было несколько видных рабочедельцев (тоже высланных из Питера) — Лохов и др. К нашей группе примыкали кроме меня и моей жены Лепешинские, Красиков и др.

Однако за этой дискуссионной жизнью клубного типа имелось и нечто более серьезное. Существовала небольшая «группа содействия» «Северному союзу», состоявшая из нескольких северян и связанная с Ярославлем и Воронежем (идейный и материальный центр «Северного союза»), а главное, эта группа искровцев была связана с границей и некоторыми такими же группами в России.

¹ *Энесы* — «народные социалисты» — мелкобуржуазная партия; образовалась в 1906 г., выдлившись из правого крыла эсеров; выставляла умеренно-демократические требования, не выходявшие из рамок конституционной монархии. В. И. Ленин называл энесов «мещанскими оппортунистами», «социал-кадетами», «эсеровскими меньшевиками». Лидерами энесов были А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский и др. *Ред.*

Наша искровская группа преследовала цель — получение из-за границы и распределение искровской литературы, выполнение всяких «специальных» поручений, иногда связанных с весьма конспиративными поездками (в Прибалтийский край, на границу и пр.). Имелось сильное руководящее влияние общего «центра» (искровского заграничного), имелась ясно намеченная цель — «собрание» Российской социал-демократической партии и планомерная работа по созданию условий для ее организации... Наконец, и непосредственные шаги по созыву II съезда РСДРП — в лице (2-го) Организационного комитета (1902 г.) — делаются в том же ничем не известном до того времени (кроме древних стен) тихом Пскове. Всю техническую работу по организации заседаний ОК проводила псковская искровская группа. В ОК я был кооптирован на Псковской конференции, состоявшейся в начале ноября 1902 г., в качестве представителя, делегированного «Северным союзом» (под кличкой Семен), как бывший работник Севера, не порывавший связи с «Северным союзом»¹. Этот же «Северный союз» я представил и на II Всероссийском съезде РСДРП (кличка Ланге). Вскоре после Псковской конференции нас разгромили. Лепешинский был арестован (у него что-то было найдено серьезное); у меня ничего не нашли — отделался обыском и надзором; оставаться в Пскове стало невозможным. Переезжаю снова в Ярославль и вскоре еду на II съезд.

С различными приключениями переходим границу. Только на самом съезде, после того как он окончательно осел в Лондоне (нас и за границей преследовала всесильная десница царского самодержавия), мы, провинциальные работники, впервые живо почувствовали себя партией и поняли, что социал-демократическая партия действительно существует и будет существовать... Мы, особенно члены псковской искровской группы, прекрасно были посвящены в суть разногласий между рабочедельцами («экономистами») и ортодоксальным революционным крылом социал-демократии, к которому принадлежали и искровцы, в том числе, следовательно, и Мартов с К⁰. Поэтому для нас, провинциалов-искровцев, полнейшей неожиданностью было обнаружение крупнейших разногласий между нашими же вождями-искровцами, с чем нас ознакомили еще до начала съезда (у нас были совещания во главе с В. И. Лениным). На самом съезде мы встретили крупнейшие разногласия (которые и привели затем к расколу партии), и совершенно не в той плоскости, в которой мы рассчитывали эти разногласия встретить...

Получив после съезда принятые им программу и устав РСДРП и нужные директивы и адреса от нового ЦК (помнится, у Надежды Константиновны Крупской), я направился на работу опять в свои «северные леса» — в район бывшего «Северного союза», благо в центре этого района — Ярославле у меня имелись старые свя-

¹ «Северный союз» звался конспиративно Семеном Семеновичем, откуда и моя псковская кличка — Семен или Семка. *Прим. автора.*

зи по прежней работе 90-х годов. Стягиваю нужных работников — первых членов Северного комитета. Это кроме меня Н. В. Романов, И. И. Лузин, И. А. Санжур и др. Организуем уже по новому уставу партии комитет РСДРП, но, будучи верны традициям «Северного союза», структура которого имела и в 1903 году свое жизненное основание, организуем Северный комитет РСДРП с группами: костромской, иваново-вознесенской и владимирской (ярославская первое время сливалась с самим Северным комитетом), совершаем объезды, вызываем к себе работников с мест, организуем получение литературы и ее развоз на места. Наконец, налаживаем и свое издательство, сначала гектографическим способом, а затем и типографию. Однако эта первая в районе Северного комитета типография просуществовала недолго, выпустив несколько номеров журнала «Бюллетень Северного комитета» и несколько листов (к рабочим отдельных фабрик, к учащимся, о тюремной голодовке в Костроме и др.; об образовании СК было декларировано в № 1 «Бюллетеня СК»).

Условия для работы были крайне затруднены постоянными провалами: провалился дважды наш транспорт литературы в Кострому, Санжур, потом костромич Лебедев и другие товарищи, приехавшие тоже из Москвы в Ярославль вместе с принадлежностями для типографии, — И. И. Лузин, Ю. А. Воровская; был арестован посланный в Кострому для доклада Н. В. Романов, произошел провал у О. Н. Алексеевой (Принцевой), Горшковой и др. Все же связи с рабочими были налажены на всем Севере, в том числе и в Ярославле (правда, с Корзинкинской фабрикой — слабо); мы даже руководили забастовками на Дунаевской табачной и спичечной фабриках. Различные общественные слои (врачи, инженеры, железнодорожники, студенчество, статистики) были использованы повсюду, главным образом в отношении добывания денежных средств, укрепления нашего влияния против социалистов-революционеров и освобожденцев¹... Со всей округой устанавливается правильная связь (в Костроме — с Ц. С. Зеликсон; во Владимире — с Добронравовым, Дюбюком и в Иваново-Вознесенске — с рабочими, фамилий которых не помню).

Начавшаяся война с Японией и наша позиция в отношении к ней, а также глубокие корни, пущенные нами среди рабочих и во все слои общества, усиливают симпатии к нам, социал-демократам, и укрепляют наше влияние; отсюда бессилие жандармов, несмотря на постоянные провалы, задержать нашу работу...

*Воспоминания о II съезде РСДРП. Изд.
3-е. М., 1983, с. 166—171*

¹ «Освобожденцы» — члены либерально-монархической организации «Союз освобождения», основанной П. Струве за границей в 1904 г. «Освобожденцы» были сторонниками конституционной монархии. Позднее они составили ядро партии кадетов. *Ред.*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

На меня, как участника II съезда партии, неизгладимое впечатление и глубокий след на всю последующую жизнь оставили встречи на съезде с В. И. Лениным.

С начала 1903 года началась подготовка к посылке делегатов на съезд. В Тулу приехал для временной работы Д. И. Ульянов. Здесь был искровский комитет. Он разъяснил нам цели и задачи предстоящего съезда. Выяснилось, что Д. И. Ульянов и я должны были ехать за границу делегатами на съезд.

Зная только русский язык, преодолев целую кучу всяких препятствий, наконец я добрался до явочной квартиры Потресова. Мое появление ночью у Потресова произвело переполох. На другое утро отправляемся на квартиру Ленина. Встретив нас так, как будто знаем друг друга десятков лет, Ильич полушутя-полусерьезно поругал меня за беспокойство, причиненное ночью Потресову, и тут же настоятельно рекомендовал не появляться больше в том районе, где жил Потресов.

Ленин быстро забросал меня вопросами об организации, о рабочих, чем они живут, как борются. Тут же начал горячо доказывать необходимость создания партии революционных марксистов, интересовался, как поняли рабочие его брошюру «Что делать?». Я с трудом успевал давать ответы.

С первых же дней началась подготовительная работа к съезду. На совещаниях обсуждались программные и тактические вопросы, а также устав.

Встреча с Лениным, Плехановым, В. Засулич произвела на меня огромное впечатление. Вместе с тем мы, группа делегатов, рабочие от станка, привлекали к себе особое внимание. Ленин же, ставя серьезные вопросы, шутя и незаметно отучал от робости и преклонения перед людьми «с большим авторитетом».

После жарких боев с Бундом начались споры вокруг программы и устава. На меня крепко влияли Ленин и Плеханов, особенно Ленин своей несокрушимой логикой и той ядовитой издевкой над бывшими соратниками по работе в «Искре», особенно над Троцким, который вел себя как драчливый петух.

По специальному поручению Ленина я усиленно уговаривал Мартова отказаться от саботажа работы в «Искре». Мартов же

категорически отказывался, доказывая мне, что Плеханов не годится для постоянной работы в боевом органе партии, а с Лениным ему с работой трудно справиться, да и оставаться в меньшинстве он не хочет, о чем я и передал Владимиру Ильичу.

После того как был принят первый параграф устава в редакции Мартова, Ленин очень много уделял внимания в беседах с нами об этом во внесъездовской обстановке. Ленин со всей мощью железной логики доказывал нам противоречие принятого устава с тем абзацем программы, где говорится, что «необходимое условие социальной революции составляет диктатура пролетариата», чего не было записано ни в одной программе партий, входящих во II Интернационал. Поэтому партия наша должна быть крепка, дисциплинирована и ограждена от разных «болтунов», не связанных прямым личным участием в одной из партийных организаций, чего именно и недоставало в первом параграфе устава, принятом на съезде.

В частности, Ленин разъяснил мне предстоящие трудности, какие встретятся сейчас же по возвращении в Россию при разъяснении решений съезда, рисовал перспективу ожесточенной борьбы с меньшинством, с той клеветой, которая разгорится во время отчетов о работе съезда...

Для нас уже тогда ясно было, к каким приемам будет прибегать меньшинство в борьбе с большинством. Как только наметился раскол, так сейчас же Л. Г. Дейч мне и другим из большинства заявлял, что для окончания съезда и на разъезд средств нет и своими решениями мы отрезали возможность к их получению. Когда я рассказал об этом случае Ленину, он назвал это подлостью.

И в Брюсселе, и в Лондоне наряду с работой съезда Ленин не забывал о наиболее продуктивном использовании нашего пребывания за границей, чтобы познакомить нас с тем, как живут рабочие Европы. Еще и еще раз он старался убедить нас в неизбежности революционных боев, в необходимости для рабочего класса своей революционной партии, для того чтобы взять власть в свои руки и осуществить диктатуру пролетариата для окончательной победы над эксплуататорами.

Перед отправлением обратно в Россию Ленин в течение нескольких дней занимался с нами — группами и с каждым в отдельности, горячо напутствовал: как можно больше вовлекать рабочих в партию, крепить связь с профессионалами-революционерами. Тепло распрощавшись, мы расстались на вокзале с пожеланием встретиться на следующем съезде, имея большее число наших сторонников.

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

...Параграф 13 устава, принятого на II съезде, посвящен Заграничной лиге. Этот параграф гласит:

«Заграничная лига русской революционной социал-демократии», как единственная заграничная организация Российской социал-демократической рабочей партии, имеет целью пропаганду и агитацию за границей, а равно содействие русскому движению. «Лига» имеет все права комитетов, с тем только исключением, что поддержку русскому движению она оказывает не иначе, как через посредство лиц и групп, особо назначенных Центральным Комитетом»¹.

Как только выяснилось, что съезд партии не пошел с Мартовым, который требовал избрания прежней редакции «Искры», Мартов, Троцкий и их сторонники хотели использовать Заграничную лигу для борьбы против центральных органов партии. Они поставили себе целью превратить Лигу в литературную группу, куда входили бы и три редактора, которые не были выбраны в редакцию Центрального органа партии — «Искры». Эту литературную группу они задумали противопоставить «Искре». II съезд партии принял специальную резолюцию о партийной литературе. Пункт 3 этой резолюции указывает, что должна быть «создана обширная брошюрная литература, которая ставила бы себе задачей систематическую популяризацию партийной программы и резолюций съезда по вопросам тактики.

Съезд поручает центральным учреждениям партии озаботиться принятием всех нужных мер для проведения в жизнь этих решений» (указанных в резолюции «О партийной литературе». — О. П.)².

Эти решения не оставляли сомнений, что центральным учреждениям партии поручается издание этой литературы. Однако Мартов и его сторонники воспользовались параграфом 13 устава о Лиге, дающей ей право вести за границей пропаганду и агитацию, для того чтобы провести на съезде Лиги решение об *издании литературы Лигой*. Кроме того, они отклонили предложение сторонников

¹ Второй съезд РСДРП, с. 427. *Ред.*

² Там же, с. 435. *Ред.*

большинства II съезда о внесении в устав Лиги пункта, устанавливающего, что устав Лиги входит в силу после утверждения его ЦК.

Еще до съезда Лиги я был вызван из Берлина в Женеву. Все искровцы, которые бежали из киевской тюрьмы осенью 1902 года, в том числе и я, были приняты в члены Лиги. Сторонники Мартова, к которым примкнул уже упомянутый мной Блюменфельд, не были уверены, что они получат большинство на съезде Лиги. Поэтому Блюменфельд стал обрабатывать меня в духе меньшевизма. Считая, что мой голос на съезде даст перевес либо большевикам, либо меньшевикам, он убеждал меня не мешать созданию литературной группы, в которую входили бы и бывшие редакторы «Искры». Эта литературная группа, по мнению Блюменфельда, должна контролировать работу центральных органов партии и своими литературными произведениями корректировать их работу. Если ее не будет, говорил он, партия превратится в секту, так как Ленин и большевики хотят сузить партию таким образом, чтобы в нее входили только агенты ЦК. Если я дам перевес большевикам, то на мою совесть ляжет невероятная ответственность. Но я не согласился с доводами Блюменфельда. Тогда он выдвинул предложение, что мне лучше уехать из Женевы и, таким образом, не участвовать в съезде.

Меньшевики оттягивали открытие съезда Лиги до тех пор, пока не убедились, что они будут иметь на нем большинство. К моменту открытия съезда они уже располагали таким большинством. На съезде присутствовало 15 сторонников большинства, которые имели вместе 18 голосов (отсутствовавшие члены Лиги имели право передачи своих голосов), и 18 сторонников меньшевиков, которые имели 22 голоса. Не примкнувшим ни к большинству, ни к меньшинству оказался только один член Лиги с двумя голосами. Таким образом, меньшинство на II съезде партии получило большинство в несколько голосов на съезде Лиги. Опираясь на это большинство, меньшевики лишили права голоса тех членов Лиги, сторонников большевиков, которые после II съезда поехали в Россию, хотя они и были хорошо информированы о разногласиях.

До II съезда Лиги я — хотя мне было неприятно, что конфликт на съезде вышел из-за недостаточно оцененного мной тогда вопроса о составе редакции, — твердо стоял в вопросе об организационных принципах на точке зрения большинства съезда партии. Этим объясняется, что я решительно отклонил предложение Блюменфельда: либо голосовать с ними, либо уехать со съезда Лиги. Я был очень близок с Блюменфельдом и во время пребывания в Англии близко сошелся с Мартовым. Я тогда не понимал, почему принципиальные разногласия должны повлиять на личные отношения между членами партии. Но я убедился на деле, что Мартов и его сторонники, которые до съезда Лиги были дружески расположены ко мне, резко порвали всякие отношения со мной, как только я подписал на съезде Лиги документ вместе со сторонниками большинства.

На съезде Лиги Мартов, сообщая в своем содокладе о II съезде всякие сплетни, отрывки из личных разговоров и т. д., довел большевиков до того, что они покинули зал заседания. Вначале я, не уйдя со сторонниками большинства, оставался на заседании съезда, но после речи Троцкого, который не уступал Мартову ни в политической беспринципности, ни в клеветническом тоне, и я покинул заседание. Во время съезда Лиги я уже по всем вопросам твердо стоял на точке зрения большинства, все время голосовал с ними и подписывал все документы сторонников большинства.

На съезде Лиги я впервые познакомился с Плехановым. Он бывал на всех совещаниях сторонников большинства, которые происходили во время съезда Лиги. Он верховодил, он председательствовал, он вносил всякие предложения, и они принимались. В этих своих предложениях он шел очень далеко, советуя, например, представителю Центрального Комитета внести на съезд Лиги список новых членов Лиги и ввести их таким образом своей властью в Лигу. Он вместе с остальными сторонниками большинства ушел со съезда Лиги, когда представитель ЦК заявил, что он не утвердит устава Лиги. А через пару дней Плеханов переметнулся на сторону меньшинства.

На меня поведение Плеханова произвело самое отрицательное впечатление. У меня создалось такое мнение, что все это была игра, что он заранее знал, что перейдет к меньшевикам. Вряд ли можно думать, что истерики литераторов и тех заграничных членов Лиги, которые были на съезде, произвели на Плеханова такое впечатление, что в течение нескольких дней он решил, что именно они, а не то большинство, которое было на II съезде партии, представляют общественное мнение партии. Если бы Плеханов не замышлял заранее перехода к меньшевикам, он не мог бы тотчас же после съезда Лиги действовать так решительно в пользу меньшевиков и так злобно против большевиков, как он это делал.

* * *

Плеханов кооптировал в редакцию тех трех редакторов, которые были отвергнуты съездом партии. «Искра» начала борьбу против сторонников большинства, главным образом против Ленина, по всему фронту, даже и по таким вопросам, по которым на съезде разногласий как будто не было.

В написанном Лениным обращении к партии участников частного собрания — 22 членов РСДРП, стоящих на точке зрения большинства II съезда, новой «Искре» дается такая характеристика:

«Партийный орган, который «меньшинству» вопреки воле съезда и благодаря личным уступкам выбранных съездом редакторов удалось захватить в свои руки, стал органом борьбы против партии!

Всего меньше он является теперь идейным руководителем партии в ее борьбе с самодержавием и буржуазией, всего больше —

руководителем кружковой оппозиции в борьбе с партийностью. С одной стороны, чувствуя недопустимость своей основной позиции с точки зрения интересов партии, он усиленно занят изысканием действительных и мнимых разногласий, чтобы идейно прикрыть эту позицию; и в этих поисках, хватаясь сегодня за один лозунг, завтра за другой, он все более черпает материал у правого крыла партии — прежних противников «Искры», все более идейно сближается с ними, реставрируя их отвергнутые партией теории, возвращая идейную жизнь партии к пережитому, казалось, периоду принципиальной неопределенности, идейных шатаний и колебаний»¹.

В письме к Глебову от 11 сентября 1904 года Ленин писал: «Кроме того, с января вполне выяснилась физиономия новой «Искры», этого центрального органа сплетен и дрызг, путаницы в рассуждениях и заигрыванья с оппортунистами, сведения личных счетов и выискивания разногласий. Что новая «Искра» есть орган кружка, орган нового «направления», это теперь видят все, и даже сама редакция, которая сначала бралась защищать «преемственность», а в настоящее время систематически оплевывает старую «Искру»².

Не лучше новой, меньшевистской «Искры» оказался и Центральный Комитет. После целого ряда арестов и изменений состава ЦК стал на точку зрения примирения большевиков и меньшевиков, при этом он понимал примирение таким образом, чтобы сдать все позиции меньшевикам, не считаясь с решениями съезда и с волей большинства местных комитетов.

Большевика Васильева (Ленгника), который во время съезда Лиги был представителем ЦК за границей, заменил В. Носков, который на II съезде партии поддерживал Ленина, а после съезда партии перешел к примиренцам и кооптировал в ЦК примиренцев против воли Ленина и несмотря на то, что устав партии требовал при кооптации новых членов в ЦК единогласия членов ЦК. Носков запретил партийной типографии печатать брошюры, которые писались сторонниками большинства. Так как транспорт через Германию был в моих руках, то примиренческим ЦК был прислан ко мне комиссар в лице Сюртука (Коппа) и была создана в Берлине транспортная группа, куда входил кроме меня и Коппа еще один член «болота». Они требовали от меня, чтобы я прекратил посылку большевистской литературы в Россию. Самый большой транспорт литературы шел через Германию. Берлинский транспортный аппарат функционировал хорошо. В России же заведовал транспортом тов. Литвинов. Поэтому, как только выходила новая литература сторонников большинства, я ее отправлял в Россию, усиленно пересылая также все находившиеся на складах написанные раньше Лениным брошюры: «Что делать?», «Задачи русских со-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 15—16. *Ред.*

² Там же, с. 31. *Ред.*

циал-демократов», «К деревенской бедноте» и др. Но как только была создана транспортная группа, большинство ее запретило мне отправлять в Россию большевистскую литературу...

Этим примиренческий ЦК хотел изолировать Ленина и зарубежных большевиков от российских парторганизаций.

Примиренчество внесло большую путаницу в ряды членов партии не только в России, но и за границей.

Берлинская «группа содействия большевикам» всеми голосами против меня и больного Горина (бывшего делегата II съезда от саратовской организации), который в то время лежал в больнице, высказалась за объединение с меньшевиками. Между тем берлинская группа имела большое значение. Она не только имела много связей с Россией, не только распространяла литературу, влияла на русскую колонию, но и собирала много денег. По отчетам Заграничной лиги, за десять месяцев 1902 года самое большое количество денег было переведено Лиге из Берлина — 3794 швейцарских франка. Берлинская группа покрывала большую часть расходов по отправке людей и транспорта. Само собой разумеется, что сторонники большинства II съезда создали свою самостоятельную заграничную группу.

Что касается России, то здесь деморализация сказывалась сильнее в тех организациях, где сидели представители «болота». Примиренцы — члены ЦК и агенты ЦК — разъезжали по России, старались внушить комитетам, недовольным примиренчеством ЦК, что им удастся привлечь сторонников меньшинства съезда к общей партийной работе, что те готовы распустить свою обособленную организацию и вернуться в партию. В то же самое время эти примиренцы тайно от партии вели переговоры с меньшевиками о кооптации их в ЦК и о фактическом переходе на сторону меньшевиков...

Этот обман не мог быть скрыт от партии, и громадное большинство русских комитетов сами создали орган — Бюро комитетов большинства — для созыва III съезда...

Борьба за партию от II до III съезда показала, что Ленину и его «Искре» не только удалось воспитать в большинстве русских организаций те кадры профессиональных революционеров, которые на II съезде отстаивали взгляды старой «Искры», ленинскую линию, но, несмотря на то что после II съезда Центральный орган и Центральный Комитет попали к меньшевикам и к примиренцам, которые третировали решения съезда, большинство российских комитетов занимало твердую ленинскую линию. Борьба против меньшевиков, борьба за большевистский III съезд, борьба против Плеханова создала те кадры, которые руководили революцией 1905 года и руководили партией и после победы над буржуазией.

В борьбе за III съезд партии, в борьбе против меньшевиков и примиренцев выдающуюся роль играл орган большевиков «Вперед», который стал выходить в декабре 1904 года (№ 1 вышел 22 декабря 1904 г.). Я присутствовал на совещании большевиков в Женеве, которое обсуждало вопрос об издании своего печатного

органа. К тому времени с согласия представителя БКБ и заграничного центра большевиков я удалил Сюртука и его товарищей по «болоту» из германской транспортной группы и прекратил отправку в Россию меньшевистской литературы, в том числе и новой «Искры». С энтузиазмом мы, большевики, стали отправлять нашу газету «Вперед» и брошюры сторонников большинства в Россию всеми способами.

Во всей этой борьбе можно отметить, между прочим, следующий характерный штрих. Как известно, Мартов и Троцкий, вся эта оппортунистическая компания, метали на II съезде партии и на II съезде Лиги громы и молнии против централизации, против якобы диктаторской власти, которую Ленин хотел предоставить ЦК. Когда же они при помощи всяческих махинаций и отсрочек захватили большинство на съезде Лиги, то они избрали администрацию Лиги из трех лиц, все сторонники Мартова, несмотря на то что большевики, сторонники Ленина, имели на съезде Лиги лишь на несколько голосов меньше мартовцев. Когда меньшевики очутились в ЦО, то они третировали местные комитеты партии, без всяких церемоний нарушали решения съезда. Когда большинство комитетов высказалось за созыв съезда и Совет партии обязан был созвать его, меньшевистский Совет решительно отказался выполнить волю партии.

Так действовали не только оппортунисты российские, то же самое было и в других партиях II Интернационала. Когда до войны в социал-демократических партиях большинство принадлежало центристам, то оппортунисты пользовались полной автономией для себя. А когда оппортунисты оказались в большинстве — еще во время войны, — они беспощадно выкидывали из партии всех, кто казался им левым.

*Воспоминания о II съезде РСДРП.
Изд. 3-е. М., 1983, с. 187—196*

ОРГАНИЗАЦИЯ БЮРО КОМИТЕТОВ БОЛЬШИНСТВА

В период подготовки II съезда В. И. Ленин письмом, которое привез в Полтаву И. И. Радченко, поручил мне выехать в Одессу в качестве агента «Искры» для завоевания Одесского комитета. С этого времени и до 1917 года протекает моя нелегальная жизнь.

Владимир Ильич придавал особенное значение печатному органу. «Искра» призвана была не только пропагандировать вопросы правильного построения партии. Она одновременно объединяла вокруг себя лучшие силы, мобилизовала лучших рабочих на борьбу с оппортунизмом. Небольшая группа искровцев боролась тогда с «экономистами».

Период «Искры» начался для меня в Полтаве в 1901 году, где находилась небольшая группа поднадзорных социал-демократов и где был тогда центр «Южного рабочего». Намечавшиеся уже тогда разногласия в партии были выражены в этом органе, которым руководили поднадзорные Левины (один из них — Егоров, по II съезду). Но разногласия носили тогда чисто теоретический характер и получили организационную форму лишь с появлением «Искры». Полтава являлась центром эсеров, где сосредоточились крупнейшие силы их партии. Борьба с последними ослабляла борьбу внутри группы, и вследствие этого среди нас были товарищи, недостаточно разобравшиеся в существе внутренних разногласий...

Задача искровской группы заключалась в том, чтобы создать возможность наибольшего распространения «Искры», пропагандировать ее идеи. Мы воевали за каждую букву ленинского слова, за каждого рабочего. Мы видели в каждом противнике «Искры» врага, который, ведя работу против правильного построения партии, толкает партию к оппортунизму и расплывчатости, губительным для партии. Мы были непримиримы. И только благодаря этой непримиримости мы очень быстро отвоевали позиции.

В нашей группе были оттенки (Малянтович уже тогда нерешительно подходил ко всем нашим мероприятиям), но они не проявлялись в практической работе, так как нам приходилось ожесточенно бороться за «Искру», против группы «Борьба»...

Во главе «Борьбы» стоял Д. Б. Рязанов. Но «Искра» оказалась сильнее, и мы победили, завоевав на свою сторону вместе с рабочими местную организацию... Искровцы из маленькой группы интеллигентов превратились в довольно многочисленную (по тому времени) и влиятельную группу, со значительным количеством рабочих.

Огромное значение в подполье имела типография. Своей типографии у нас в Одессе не было. Неоднократные попытки организовать свою типографию проваливались. К этому времени относится также провал типографии, которую организовал А. А. Сольц. И несмотря на это, в течение очень короткого времени Одесский комитет был завоеван на сторону «Искры».

Положение в Одессе мы считали уже достаточно прочным, и меня сочли возможным перебраться в Екатеринослав, где провалы комитета происходили чуть ли не каждый месяц. Провокатор обнаружился значительно позже; им оказался некий Батушанский, зубной врач, у которого в течение долгого времени были наши явки и квартиры для собраний.

Из-за частой смены работников организация переживала постоянные колебания. Связь с массой была слаба. В организации орудовал младший Цедербаум — ярый антиискровец, позже меньшевик, неплохой оратор и организатор-массовик. Внутри комитета часто получали перевес противники «Искры» благодаря одному колеблющемуся товарищу, по кличке Борис. Но рабочие группы на больших екатеринославских заводах постепенно переходили на нашу сторону.

Это было уже в 1903 году. Подготовка к съезду была в самом разгаре. К нам летели всевозможные посланцы — и от рабочедельцев, и от просто колеблющихся. Организация была к этому времени уже прочная, большинство в ней было крепкое, искровское. Масса была уже наша. Но чем крепче становилась организация, тем сильнее нажимала полиция.

Провокатор Батушанский, который знал всех в лицо, выдавал и поодиночке и скопом. Больше трех месяцев там не мог оставаться ни один из видных работников. Прошло три месяца пребывания моего в Екатеринославе, и все сигнализировало о моем близком провале. Тогда Организационный комитет приказал мне немедленно уехать за границу для подготовки II съезда.

И тогда, если память мне не изменяет, я впервые увидела Ильича. Все значительное в жизни партии неразрывно связано с личностью Ильича, и на этой встрече незадолго до II съезда мне хочется остановиться подробнее.

Ильич жил тогда с Надеждой Константиновной и ее матерью на маленькой дачке в деревушке не то в окрестностях Берна, не то Цюриха ¹.

¹ В конце апреля (ст. ст.) 1903 г. В. И. Ленин и Н. К. Крупская переехали из Лондона в Женеву и поселились в пригороде *Sécheron. Ped.*

Помню кухню, идеально чистую, где мы пили чай и где Ильич аккуратно выполнял свою часть обязанностей по хозяйству — перетирал чашки.

При первой личной встрече меня больше всего поразила в Ильиче необыкновенная мягкость, внимательность и деликатность в отношении к новому человеку. Он прощупывал каждого нового работника насквозь, но так, что вы чувствовали какую-то особенную, ему свойственную деликатность. Позже я узнала очень хорошо, как прощупывает Ильич своего идейного противника, как умеет он отбрасывать не только активного врага, но все дряблое, колеблющееся, что часто в огне сражений наносит вред не меньший, чем может нанести организованный враг.

Первое, что меня поразило в нем, — это удивительное знание, до мелочей, всего, что делалось тогда в организациях на местах. Он знал каждого искровца, его способности, его слабые стороны. Он имел особенность слушать, впитывая в себя каждое слово о том, как реагируют массы на нашу борьбу внутри организации. Мы наперебой рассказывали ему о жизни в России, а он с довольным видом потирал руки, делая про себя выводы, отмечая что-то на бумаге.

Собирание партии по одному человеку, по маленьким группам, борьба против оппортунистических взглядов в вопросах организации, которые на съезде оформились в меньшевизм, методы борьбы и сила влияния каждой группы — все то, о чем мы и другие товарищи рассказывали тогда Ильичу, давало ему ясное понимание действительного положения в России, и на этом отчасти Ленин построил свою тактику на самом съезде. Особенно его интересовала тогда наша работа среди рабочих и влияние наших противников на определенные группы рабочих.

Ильич мало высказывался и много, непрерывно и жадно спрашивал о России, о каждой мелочи борьбы. После Ильича меня взяла в переделку Надежда Константиновна, учинив допрос по организационной части, об установлении связи путем шифра и пр.

Несколько замечаний, сделанных Ильичем по сравнительно мелким вопросам, осветили для меня новые перспективы организационной борьбы. Внимательное отношение Ильича к мельчайшим извилинкам нашей организационной борьбы, к самому незначительному проявлению мысли и борьбы рабочего в России показало мне уже тогда, как умеет Ильич строить — на действительном знании движения рабочих, на знании малейших поворотов в развитии этого движения.

В Женеве, куда все мы съехались, мне пришлось оставаться недолго. Меня вместе с С. И. Гусевым направили в Брюссель для подготовки к съезду. Но те несколько совещаний, на которых Ильич излагал программу работ съезда, рисовали фактически картину возможного раскола. Мы жили это короткое время как в лихорадке, отдавая себе ясный отчет в важности для партии этого съезда. Линия, намечавшаяся в рядах наших будущих противников, вы-

зывала величайшие опасения, заставляла Ильича с особенной, ему только одному свойственной энергией организовывать, разъяснять и убеждать, анализировать положение, намечать перспективы будущей борьбы.

Я была направлена для приема делегатов в Брюссель, где мы собирались созвать съезд и откуда нас выслали к границе, как только собралось человек пятьдесят. Переезд через границу был связан с большими трудностями. Поэтому довольно значительная группа прожила в Брюсселе дней двадцать, дожидаясь остальных. Среди делегатов шло оживленное обсуждение вопросов, стоявших на съезде. И драка началась уже до съезда. Еще до съезда определились некоторые фигуры «твердокаменных», оппортунистов, «болота». В Лондон многие приехали, уже изрядно перессорившись между собой.

Я помню, какое впечатление производили на противников речи Ильича на II съезде. Вялость их ответов на нападки Ильича говорила о той оцепенелости мысли, которую они испытывали от железной и ничем не опровержимой логики Ильича. Мне говорили бундовцы и меньшевики на II съезде, позже другие наши противники, что после речи Ильича, ясной и простой, нужно некоторое время, чтобы собрать свои растерянные мысли. Впечатление от ясности его речи остается такое, что каждому начинает казаться, что Ильич высказал его мысль.

Оформившиеся на съезде разногласия казались многим, и в первую очередь «болоту», созданными на почве дрызг и склоки. Наши противники считали, что разногласия создались из-за пустяков...

Весной 1904 года раскол в партии назрел настолько, что стал ясен для широких партийных масс. Ряд членов ЦК растерялся из-за боязни полного разрыва с меньшевиками перед началом решительной борьбы. ЦК в России взял линию примиренчества.

Примиренчество на всех этапах жизни партии неизбежно приводило к оппортунизму.

В августе или сентябре 1904 года в Женеве состоялась конференция 22-х большевиков, на которую я была вызвана Владимиром Ильичем и которая фактически положила начало подготовке к III съезду большевиков. Эта конференция, помню, наполнила нас радостью и придала исключительную энергию. Ленин на конференции был особенно радостен. Кончался период мелких дрызг, кружковщины, тяжелой, утомительной борьбы по мелочам с нечестными вылазками меньшевиков и примиренцев.

Ильич правильно учел настроение организаций. Совещание (конференция 22-х) было посвящено исключительно выяснению сил и организации Бюро комитетов большинства. Через несколько дней, несмотря на крайнее утомление от пережитых волнений и трудного переезда, мы мчались обратно в Россию, окрыленные ясностью линии, решимостью и верой в победу, которую так крепко вдохнул в нас Ильич. Мне лично по поручению организации уда-

лось тогда объездить с резолюцией конференции 13 комитетов: Рижский, Московский, Петербургский, Тверской, Тульский, Бакинский, Батумский, Тифлиссский, Кутаисский, Екатеринбургский, Пермский, Ярославский и Вятский.

Хорошо помню, что была в Риге, где организовали собрания с Папашей (Литвиновым), в Баку, где останавливалась у Красина, в Тифлисе (устраивал собрание Миха Цхакая), Екатеринбурге, где организовала собрание Кирсанова. Объездила Тверь, Тулу и ряд других комитетов. Большинство резолюций, принятых по моему докладу этими комитетами, вошли в сборник «Как рождалась партия большевиков». В Баку мне сообщили, что Дубровинский (Иннокентий) успел уже побывать до меня с примиренческой резолюцией. Но это не остановило меня, и, кажется, через три дня после принятия его резолюции Кавказский комитет принял резолюцию, высказавшуюся за созыв III съезда.

Несмотря на то что до моего объезда эти же комитеты объехали примиренцы, комитеты один за другим присоединились к резолюции «22-х». Ожесточенная была борьба в Петербурге, но и там вскоре сдались под давлением рабочих масс.

В декабре на Северной и Южной конференциях было выбрано Бюро комитетов большинства (БКБ). Какое значение Ленин придавал конференциям большинства и выбранному на них Бюро комитетов большинства, можно видеть из трех выдержек из его письма ко мне от 26 декабря 1904 года:

«Такая конференция (Северная.— *Ред.*) — труднейшее дело при русских условиях, удалась она, видимо, отлично. Значение ее громадно...» И дальше: «Теперь задача такова: 1) как можно скорее выступить в России с печатным листком о Бюро Комитетов Большинство. Ради бога не откладывайте этого ни на неделю. Это важно черт знает как». И еще дальше: «Скорее извещение публичное о бюро и непременно с перечнем всех 13-ти комитетов. Скорее и скорее и скорее!»¹

Ленин торопился прочно организовать большевистскую партию, чтобы к моменту массовых боев иметь подлинно революционную партию и твердо повести пролетариат в бой.

«Мелкие дразги» и «пустяки», внутренняя склока, как определяла тогда некоторая часть партии внутрипартийную борьбу, на самом деле была борьбой за крепость рядов партии, за ее монолитность, за железную дисциплину, за четкую программу и устав партии. Непримируемая борьба с оппортунистическими элементами всех оттенков закаляла и организовывала. «Твердокаменный» большевик не упал с неба. Он выковывался в этой повседневной борьбе.

*Воспоминания о II съезде РСДРП.
Изд. 3-е. М., 1983, с. 197—205*

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 432. *Ред.*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Приехал я в Женеву к тому моменту фракционной борьбы, когда большевики, благодаря крутому повороту Плеханова от союза с Лениным к союзу с Мартовым и К⁰, потеряли свои организационные позиции в Совете и в ЦО партии. Коротко напомню читателю перипетии этой борьбы, отсылая его за подробностями к печатным документам (например, к брошюре Ленина «Шаг вперед, два шага назад»).

Еще задолго до съезда в редакции «Искры» не чувствовалось той прочности идеологической спайки ее членов, которая служила бы достаточной гарантией от возможных сюрпризов. Работало в редакции по-настоящему только три лица: Ленин, Плеханов и Мартов. Остальные — Аксельрод, Засулич и Потресов выступали в «Искре» изредка и случайно. Редакционные совещания тоже обычно состояли из трех основных сотрудников. Но и среди этой тройки не хватало некоторых идеологических и психологических предпосылок для того, чтобы представить из себя чрезвычайно прочное, монолитное ядро.

Мартов по своей природе не был крупным политиком. На создание смелого плана большой революционной работы, рассчитанного на длительный период его неуклонного систематического осуществления, он совершенно не был способен и хорош был только в роли истолкователя и популяризатора тех идей (а иногда — идей тех людей), которые почему-нибудь ему импонировали. Ни для кого не было тайной, что ловкий Дан распоряжался после съездовской катастрофы слабавольным Мартовым, как скрытый от взоров публики хозяин Петрушки распоряжается своей визжащей куклой, заставляя ее члены судорожно подергиваться. Дан не спускал ревнивых глаз со своей «собственности» и следовал за нею как тень (в свое время за границей ходила по рукам карикатура: «Мартов и его тень». От вышедшего на прогулку «лидера» новоискровцев падает по земле тень, и в очертаниях этой тени легко узнать фигуру и характерный профиль Дана).

А так как Владимир Ильич не был столь хорошей нянькой (да, вероятно, и не желал брать на себя этой скучной роли), то даже и в первый период «Искры» иногда давали себя знать неожиданные зигзаги шатающейся и неустойчивой мысли Мартова (например,

по вопросу о терроре, ставшему очень острым в недрах самой редакции «Искры» после покушения Леккерта на фон Валя, по вопросу о либералах, в котором Мартов солидаризировался с Потресовым, по поводу программного лозунга национализации земли, бывшего предметом ожесточенных споров в редакционной шестерке, главным образом между Плехановым и Лениным, и по некоторым другим вопросам). Но до тех пор, пока хозяином искровской компании был Ленин, большой беды от этих зигзагов еще не было, и существовала лишь угроза расхождения во взглядах руководителей «Искры» пока что только в потенции.

Что касается Плеханова, то это, конечно, был не «поплавок», а «грузило» (выражаясь языком рыболовов). Его очень крупная индивидуальность высоко расценивалась и самим Лениным. И действительно, огромный авторитет Плеханова не мог не стоять тогда очень высоко. Один из наиболее сильных теоретиков марксизма, человек с огромной силой логики, с остроумием и изысканным сарказмом, напоминающим иногда сарказм Маркса, со своим революционным темпераментом патентованного «забияки» — Плеханов был еще на высоте своего величия и своей завидной репутации. А все-таки... А все-таки уже и в тот период его апогея славы проскальзывали некоторые признаки постепенного процесса угасания его революционной мысли.

Он заметно выдыхался. Как Антей, оторванный от земли, он терял свой революционный вес. Его уму не хватало непосредственных живых впечатлений от русской действительности, и это... было источником большой драмы его жизни. Оставались только при нем, как его неотъемлемое достоинство, огромная сила логического аппарата, большая эрудиция, прочные, а иногда и трафаретные, навыки вполне сложившейся марксистской мысли и умение шеголять внешними формами этой мысли.

Но быть вождем армии практиков, действующих на местах по своим подпольям, чутко улавливать назревающие лозунги дня, набрасывать смелой рукой программу партийной работы на ближайший период — на это он уже был не способен.

Подлинным и настоящим вождем партии и в первый период искровства был несомненно Ленин. Ведь не кто иной, как именно Ленин, создал «Искру» как базу для широко задуманной кампании борьбы с идейным разбродом внутри социал-демократии и для сплочения партийных элементов, подготовив все нужные для этой кампании предпосылки (начиная, быть может, с «Протеста 17-ти»). Это он «втащил» в свое дело и Мартова, и Плеханова.

Это он уже в № 4 «Искры» набрасывает широкой и смелой рукой при молчаливом одобрении своих союзников конкретный план организации партии. Не кто иной, как он, пишет затем свою великолепную, блестящую книгу «Что делать?», которая берет все запутанные вопросы шатающейся социал-демократической мысли под знак тщательнейшего разбора, филигранно-тонкого анализа,

доведения до полной ясности, которая становится евангелием всех русских искровцев. Это он заводит у себя под боком конспиративный центр сношения с русскими практиками и комитетами. Это он пишет руководящие письма на места (например, «Письмо к товарищу») и в этих письмах учит, поясняет, втолковывает, подсказывает ближайшие лозунги дня...

Одним словом, он самый подлинный, самый естественный центр старого искровства, которое без него было бы звуком пустым. Что же касается Мартова, то он стал глупой игрушкой стихий. Таким образом, оба они, отрываясь от Ленина, променивали, сами того, вероятно, не подозревая, почетное положение деятелей революционной социал-демократии на сомнительного достоинства роль «бывших людей»¹.

На съезде партии Мартов, видя себя в центре редакционно-искровской оппозиции (так сказать, искровского сената из Аксельрода, Засулич и Потресова), возымел вдруг несчастную для него идею «эмансипироваться» от Ленина.

Первый дебют «эмансипации» Мартова выявился во время обсуждения § 1 устава о том, кого считать членом партии. Вряд ли самому Мартову было тогда ясно, на какой скользкий путь оппортунизма он становится, выдвигая свою формулу о расширении рамок партии за счет тех индивидуалистических элементов, которые не пожелают войти в партийные организации и захотят «гордо» остаться одиночками. Мне кажется, что ему просто (хотя, конечно, с точки зрения его природы не случайно) вздумалось выявить свой собственный зигзаг мысли в противовес ленинской линии. Отчего же бы в уставе и не быть такому маленькому гуттаперчевому варианту, свидетельствующему о его, Мартова, прекраснодушии и, главное, «независимости» его мысли... Но когда «сам» П. Б. Аксельрод изволил поддержать его своим великолепным аргументом о профессоре, который тоже будет стучаться в дверь социал-демократической партии, и когда радостно изумленное, взволнованное съездовское болото и махровое правое крыло с Мартыновым и Акимовым во главе учуяло вдруг носом, что из яйца вылупляется новый вождь для всех униженных и оскорбленных когда-либо ленинским «кулаком», тут уж Мартова взмыла волна. Он закусил удила.

Отныне его лозунгом становится «раскрепощение партии от ига ленинского централизма», то есть прежде всего его личная эмансипация от влияния Ленина. Он яростно борется за состав Центрального Комитета, но с уходом бундовцев съездовского «болота» уже не хватает, чтобы обеспечить за ним большинство. При

¹ Когда я писал свою книгу «На повороте» в 1921 г., мне еще не были известны факты крупных разногласий и конфликтов внутри искровской редакционной шестерки. Опубликованные впоследствии в Ленинских сборниках (например, в № 2 Ленинского сборника) данные об этих разногласиях дают полное представление о сложных, постоянно угрожавших существованию старой «Искры» взаимоотношениях между членами искровской редакционной коллегии. *Прим. автора.*

выборе редакции Центрального органа решение большинства съезда распустить старую редакцию «Искры» и произвести перевыборы (мысль, которая раньше ему не только не казалась чудовищной, но представлялась как будто бы совершенно приемлемой) доводит его до истерического бешенства. Тем не менее большинство съезда, не обращая внимания на истерические вопли меньшинства, выбирает редакционную тройку из Плеханова, Ленина и Мартова. Этот последний ультимативно ставит вопрос о вводе в новую редакцию всех прежних сотрудников «Искры», в противном же случае он отказывается от привхождения в редакцию ЦО. Таким образом, в редакции остаются Плеханов и Ленин.

Между тем лондонская экзотическая температура съезда переносится в Женеву и здесь с особенной силой дает себя знать на съезде Заграничной лиги. Если на II съезде из русских практиков Ленин смог опереться на большинство из своих единомышленников (любопытно отметить, что все или почти все присутствовавшие на съезде рабочие голосовали с большинством против оппозиции), то здесь, в гуще заграничной интеллигентщины и литературщины, бурно праздновавшей свое освобождение от ига партийной дисциплины, Мартов облюбовал себе идею эффектного реванша. Огромное большинство членов Лиги было за него. Он уже попал в цепкие руки Дана, и если бы даже захотел отступить, то было уже поздно. Лига просто заняла позицию игнорирования II съезда. Решительная мера (подсказанная, между прочим, «непримиримо» настроенным Плехановым) со стороны представителя ЦК распустить съезд Лиги в виду его неподчинения постановлениям съезда вызвала только еще пущий скандал со стороны анархически настроенных членов Лиги, которым, по-видимому, было уже, что называется, и море по колено и которые шли *va banque*.

И вот Плеханов, который до сих пор мужественно боролся за интересы партии и за достоинство съезда, против анархических элементов заграничной кружковщины, вдруг как-то струсил и скорехонько «побежал в Каноссу». Это был для него момент очень серьезного экзамена. Испугается или не испугается он той шумихи, которая так эффектно была инсценирована на съезде Лиги? Поймет ли он, что эта шумиха вовсе еще не выражает настроения большинства подлинной партии, которая там, в разных уголках России, подготавливает пролетариат к большому революционному выходу на историческую революционную авансцену? Оценит ли он по достоинству удельный вес и Мартова, и Мартынова, и всех прочих, вместе взятых, оппортунистов, имеющих уже свое заслуженное прошлое или только что еще вступивших на оный путь, чтобы не задрожать перед мыслью о расколе и даже, в случае надобности, отживающихся от буйных заграничных элементов партии, задерживающих ее поступательное шествие вперед?

Г. В. Плеханов экзамена не выдержал. Картину заграничной склоки он принял за отражение российских настроений среди руководящих элементов партии (а виною этого было все то же самое

обстоятельство — его оторванность от русской жизни) и... и... и... сдрейфил (выражаясь грубовато).

Якобы во избежание раскола партии он потребовал от Ленина под угрозой своего собственного ухода из редакции ввода в нее стоящей, так сказать, за дверь ЦО и уверенной в своей конечной победе четверки (Мартова, Аксельрода, Засулич и Потресова). При такой постановке вопроса Ленину ничего другого не оставалось, как только выбрать одно из двух: или согласиться на роль страдательной оппозиции в редакции, имея перед собой распоясавшихся и закусивших удила оппортунистов (совершенно было ясно, что «Искра» фактически попадет в руки Мартова, Дана и им подобных), или же совершенно уйти из «Искры». Ленин по вполне понятным причинам выбрал второй исход.

Шумно и радостно хлынувшая в двери редакции четверка, вслед за которой туда же потащились и другие причастные к литературе меньшевики — Дан, Мартынов, Кольцов, Троцкий, позволила себе даже покуражиться над Лениным. Вчерашние полуанархисты имели смелость упрекать его, что своим выходом из редакции он бойкотирует «законный» состав редакции и нарушает партийную дисциплину. Конечно, этот жест вовсе не выражал подлинного сожаления этих милых людей, что среди них нет Ленина, а исключительно лишь задорное желание «показать язык» своему «побежденному» смертельному врагу.

Так или иначе, однако, но самая крупная большевистская цитадель — ЦО, а вместе с ним и Совет партии были сданы меньшевикам.

Правда, у большевиков оставался еще оплот в лице ЦК. Выбранная на съезде в ЦК тройка (Ленгник, Кржижановский и Носков) путем кооптации пополнилась до девяти (из большевиков, ибо на представительство в ЦК нескольких меньшевиков — не большинства, однако, членов — лидеры меньшевизма не пошли, как на невыгодную для них сделку). В числе кооптированных был, конечно, и Ленин после его выхода из состава редакции. Но первый же провал ЦК в России угрожал сделать этот оплот очень шатким, как это потом на самом деле и оказалось.

Что же касается высшего Совета партии из пяти лиц, то против двух членов из ЦК (Ленина и Ленгника) было сплоченное большинство из трех лиц: двух от редакции ЦО — Мартова и Аксельрода и пятого члена, председателя Совета, предполагавшегося «нейтральным» по отношению к представителям от ЦО и ЦК, — Плеханова.

Но вот тут-то и вся история. Отчасти от Плеханова зависело смягчить остроту партийного кризиса и своим действительным нейтралитетом поставить Ленина в положение представителя лояльной оппозиции внутри партии так, чтобы дело не дошло до полного раскола.

Но Плеханов понял свою задачу таким образом, что единства партии можно и должно достигнуть полным сокрушением слабей-

шей стороны. За такую слабейшую сторону он признал ленинцев (ведь шутка ли сказать, как Лига была грозна в сознании своей большой силы и как перед ней беззащитно выглядел Ленин, а следовательно, Ленин и иже с ним — morituri (должны умереть)).

Поэтому и в новой «Искре», и в Совете партии Плеханов не старался даже соблюсти внешнего вида нейтралитет. Решительно все предложения представителей большевистского ЦК неизменным большинством 3 против 2 неукоснительно проваливались в Совете без каких бы то ни было попыток договориться с «оппозицией» относительно средней линии.

Точно таким же образом и так называемый «Центральный орган» партии, то есть новая «Искра», стал исключительным и монопольным газетным орудием меньшевиков, которые просто смеялись над нашей претензией на помещение в ней статей или даже просто какого-нибудь «открытого письма» из лагеря «оппозиции».

Чтобы читатель мог себе ясно представить картину тех отношений, которые установились между двумя враждующими лагерями эмигрантской социал-демократической братии, я бы охотнее всего отослал его к той брошюрочной литературе, посредством которой обе стороны обстреливали позиции друг друга. Но вряд ли эта брошюрочная полемическая литература скоро будет полностью переиздана. Поэтому я позволю себе в интересах характеристики этой распри заглянуть в некоторые литературные памятники описываемого периода.

Редакция «Искры» опубликовала письмо к партийным организациям — только «для членов партии», в котором излагала свой знаменитый «банкетный» план земской кампании. Как известно, в этом письме Аксельрод и К⁰, очень пренебрежительно отзываясь о таких демонстрациях, как, например, ростовская, и квалифицируя эти революционные выступления рабочих как «низший тип мобилизации масс», как «обычный», «общедемократический тип», противопоставляют этому низшему типу гораздо более «высокую» тактику выступления рабочих на либеральных банкетах, если, конечно, воспоследует на сие соизволение хозяев банкета (рабочие должны идти путем «соглашения» с оппозиционной буржуазией и отнюдь не действовать нахрапом, дабы не производить среди этой буржуазии «панического страха»).

О, со времени написания «Протеста 17-ти» против «Кредо» Кусковой Владимир Ильич не испытывал такого боевого зуда!

«Письмо» редакции «Искры» появилось в тот день утром, а к вечеру у Ильича уже была готова отповедь меньшевикам (изданная затем отдельной брошюрой под заглавием «Земская кампания и план «Искры»») ¹...

Мне вспоминается при этом один очень характерный эпизод. В карикатуре «Как мыши кота хоронили» несколько легкомысленный автор вложил в уста одной из мышей, пострадавшей от когтей

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 75—98. *Ред.*

Мурлыки, предсмертный вздох: «Испить бы кефирцу...» Так как ни для кого не было секретом, что П. Б. Аксельрод имел свое кефирное заведение в Цюрихе, вся наша «шпана» реагировала на этот кефирный намек веселым одобрительным смехом. И только Владимир Ильич, вообще говоря самый благосклонный ценитель моих карикатур, от души хохотавший (как только он умел хохотать) над тем, что ему казалось в них остроумным, тут вдруг по поводу «кефирца» нахмурился и решительно заявил, что это не годится: ни одного ведь атома политической насмешки в этом дурашливом выпаде нет, а следовательно, он не должен иметь места. Нечего делать — сконфуженному автору пришлось в оригинале, готовом уже к отправке в печать, путем подклейки заменить забракованное «*bon mot*» другим изречением: «Я это предвидел», что было намеком на любимый оборот речи Аксельрода, воображавшего себя изумительно тонким прорицателем.

Как полемист необычайно субъективный, темпераментный и истеричный Мартов составляет совершенную противоположность Владимиру Ильичу. Для Мартова все средства полемической борьбы были хороши. Я помню, как в одной из своих полемических брошюр против Ленина он обнаружил способность в пылу бешеной злобы опускаться до самых грязных, клеветнических выходов, служа до некоторой степени прототипом будущих рекордных героев беззастенчивой наглости, вроде пресловутого Алексинского.

Сравнение тактики Ленина с нечаевщиной (тот «смачный» термин долгое время был у меньшевиков столь же ходким, как и «якобинизм», «бонапартизм» и пр.) показалось ему, извольте видеть, слишком уж бледным и пресным... Нужно было выдумать что-нибудь позабористее, посочнее, оглушительнее. И вот он выкрикивает такую даже фразу: «Сегодня нечаевщина, а завтра дегаевщина»... Несчастный, он даже, вероятно, и не подозревал в момент написания этой пошлости, что, становясь жертвою своих злобных, мутных инстинктов, застилающих его политическую мысль и даже торжествующих над остатками его здравого смысла, он выдает себе *testimonium paupertatis*¹ и лишает себя права на то, чтобы с ним сколько-нибудь серьезно считались, как с порядочным в элементарном смысле слова противником...

Недаром же у Владимира Ильича, когда он пробежал глазами этот новый перл полемических красок Мартова, лицо искривилось презрительной усмешкой, и он реагировал на пахучее мартовское остроумие одной только фразой:

— Ну, теперь довольно... Отныне — карантин. (Владимир Ильич характерным жестом руки выразил идею отмежевания от нечистоплотного противника.) Ни в какую полемику я с Мартовым больше не вступаю.

И вот на сцену выступают... Галерка (М. С. Ольминский), Павлович (Красиков), Лядов, Бонч-Бруевич, Олин (Лепешинский),

¹ Свидетельство о бедности. *Ред.*

Гусев и др. Бонч-Бруевич организует большевистское издательство. Лядов наскоро пишет брошюру на немецком языке для Амстердамского конгресса. Олин по заказу товарищей рисует свои политические карикатуры («Как мыши kota хоронили», «Участок», «Меньшевистское болото» и т. д.). И все они, вместе взятые, ведут себя очень беспокойно: на собраниях храбро дерутся с меньшевиками, не боясь никаких перипетий и последствий драки, и все время тревожат редакцию новой «Искры», посылая туда свои вызовы, полемические статьи, «открытые письма» и время от времени выпаривая из берлоги даже такого крупного зверя, как сам Георгий Валентинович Плеханов, который, грозно рыча и страшно вращая своими зрачками под густыми нависшими бровями, выползает на страницы «Искры» и начинает «пужать» «шпану»:

— А-а... где они... Я, тамбовский дворянин, сейчас вот вас, такую-сякую сволочь, изничтожу...

А «шпана» с превеликим ликованием подхватывает: «Ура, тамбовский дворянин! Да здравствует тамбовский дворянин!..»

Весной 1904 года на женевском горизонте появился очень скромный и даже как будто застенчивый, но уже не молодой эмигрант М. С. Александров (Ольминский — Галерка).

Покончивши с периодом своих сомнений и колебаний, Галерка, благодущнейший сам по себе и добрейший из людей, становится рыцарем большевизма без страха и упрека, выступает с открытым забралом против своих сильных противников, устремляясь при этом с копьем наперевес на самых крупных из них, самых страшных, пользующихся репутацией «непобедимых» (ему на «мелочь» — наплевать! подавай ему по меньшей мере Плеханова и Мартова), и бросается в «драку» без оглядки.

Чтобы общественное мнение партии не оказалось монопольным объектом обработки со стороны новоисковцев, большевики не могли не реагировать на обильное истечение той мутной струи в партийные низины, которая лилась через сточные канавы меньшевистской прессы. И задорная, полная юмора и карикатурных подчас мотивов полемика большевистской «шпаны» была для этой цели как нельзя более кстати. В этом отношении брошюрочная литература Галерки сыграла свою историческую роль. Даже то обстоятельство, что Галерка сам несколько заражен сбивающимся иногда на мелкобуржуазную точку зрения фетишистским преклонением перед принципом демократизма (что, в сущности говоря, составляет самое слабое место позиции Галерки в *теоретическом отношении*), — даже это обстоятельство было очень кстати потому, что направляло оружие Мартова против него же самого.

Писания Галерки импонируют своей искренностью и отсутствием в них иудушкина лицемерия, чего нельзя сказать о выступлениях корифеев меньшевизма. Эту искренность можно было бы предполагать и заранее: ведь Галерка, будучи, как и очень многие из нас, выходцем из той массы, которая у него фигурирует под именем шпаны, черни, плебса, быдла и пр., восторженно встретил

первые вести о съезде партии, объединившем всех нас под знаком дружного, товарищеского напора на общего врага...

Лозунг «долой авторитарность», «долой кумиров на глиняных ногах», «долой партийных чиновников», «долой торжествующих над «трупом» kota мышей», «долой анархистов и подлинных разрушителей партии» стал нашим боевым лозунгом. И мы (а в том числе, конечно, и Галерка) были искренни прежде всего уже потому, что наша субъективная психология людей, чувствовавших на своей собственной шкуре деспотизм кучки олигархов, не изживших еще привычек нашего партийного детства, совпадала с объективной тенденцией роста партии, которая перед лицом грядущей революции требовала от своих вождей перехода от кружковщины к другим организационным формам, долженствовавшим более отвечать задачам большой политической партии пролетариата накануне штурма им самодержавия.

Зато же и ненавидели меньшевики Галерку, как самого злейшего своего врага! Я помню, как однажды на мой какой-то реферат (собравший в зале Handwerk'a довольно многочисленную с точки зрения большевистской... публику) изволили почему-то припожаловать (чуть ли не впервые после многих месяцев абсолютного отсутствия контакта между членами двух фракций) именитые меньшевики: Мартов, Мартынов и некоторые другие. Можно было опасаться, что мне, несчастному, не поздоровится, ибо с нашей стороны особенно зубастых полемистов не было. К счастью для меня, со мною рядом сидел выбранный председателем собрания добрейший и тишайший Михаил Степанович Ольминский. Он явился для меня настоящим громоотводом. По крайней мере весь запас иронии, раздражения и полемического пыла Мартова, совершенно не в соответствии с темой доклада, вылился на голову бедного Галерки. На меня же набросился один только Мартынов, но это было не так уж «страшно».

Лепешинский П. Н. На повороте. М., 1955, с. 173—192

ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ В ЖЕНЕВЕ И ПАРИЖЕ

Ранней весной 1904 года, после семимесячного заключения, я была освобождена из пермской тюрьмы, где сидела одновременно с братом и другими товарищами по обвинению в принадлежности к пермской социал-демократической организации, и сразу снова включилась в революционную работу. Однако уже через месяц стало несомненным, что неизбежен новый арест, и пермские товарищи помогли мне бежать за границу. От них я получила явку в Самару. В Самаре мне дали направление в пограничный городок Сувалки, где мне должны были устроить переправу через границу.

Переход через границу совершился до смешного просто и стоил 15 рублей, из которых немалую часть получил начальник пограничной заставы, а солдатiku на самом рубеже досталось 20 копеек на бутылку водки, как сказал мне проводник. Я перешла небольшой ручеек и буквально через несколько минут оказалась на территории Германии. Мой проводник довел меня до немецкого городка Гольдап, где я направилась по указанному мне в Сувалках адресу немецкого социал-демократа портного, у которого переночевала. На другой день, получив при его помощи железнодорожный билет, я отправилась в Берлин, а затем выехала в Женеву.

Не сразу по приезде в Женеву я встретила с В. И. Лениным. Явившись по данному мне адресу на Rue de Carouge, я нашла там товарища В. Д. Бонч-Бруевича, которого приняла за Ленина; но он назвал себя и сказал мне, что Владимира Ильича и Надежды Константиновны сейчас нет в Женеве, но они скоро приедут.

В. Д. Бонч-Бруевич встретил меня очень приветливо и предложил работать в большевистской экспедиции партийной литературы, которой по поручению Центрального Комитета он заведовал. Экспедиция помещалась тоже на Rue de Carouge (на «Каружке», как мы говорили). Здесь я встречалась с В. М. Величкиной (Бонч-Бруевич), с М. Н. Лядовым и его женой Л. П. Мандельштам, с Ф. Ф. Ильиным, с П. Н. и О. Б. Лепешинскими и многими партийными работниками — большевиками. Это были прекрасные товарищи, и общение с ними было мне не только приятно, но и полезно, так как помогало разобраться в сложных условиях жизни политэмигрантской колонии.

До приезда в Женеву у меня еще не было ясного представления о сущности и размерах разногласий между большевиками и меньшевиками. Но и то небольшое, что доходило до нас, склоняло нас на сторону большевиков. Поэтому, когда я приехала в Женеву, быть может скорее инстинктивно, чем по полному разумению, все мои симпатии были на стороне большевиков, и я сразу вошла в их среду. Только в Женеве, читая партийную литературу, на которую я с жадностью накинулась, особенно работу Ленина «Шаг вперед, два шага назад», и беседуя со старшими товарищами, я полностью поняла всю глубину и непримиримость разногласий между большевиками и меньшевиками.

Обстановка в политэмигрантской колонии в Женеве была исключительно напряженной и сложной. Шла острая борьба большевиков с меньшевиками за созыв III съезда партии. Меньшевики вели раскольническую политику. Идеиная беспринципность позиции меньшевиков определяла линию их поведения как в зарубежных политэмигрантских колониях, так и в России. В печати и на собраниях они всячески клеветали на большевиков, обвиняли Ленина в диктаторстве, в стремлении захватить всю власть в партии, в бонапартизме и вообще во всех смертных грехах, обманывали русские партийные организации, делали попытки срывать собрания, организованные большевиками в Женеве, подтасовывали итоги голосования при принятии резолюций на собраниях. Словом, они создавали бесконечную склоку, мелочные фракционные дразги, порой невыносимые. Меньшевики охотились за каждым работником, приехавшим из России, стараясь перетянуть его на свою сторону, не пренебрегая при этом и демагогическими приемами.

Вот в такой напряженной и тяжелой обстановке жизни эмигрантской колонии летом 1904 года довелось мне очутиться сразу по приезде в Женеву.

Вскоре вернулись в Женеву Владимир Ильич и Надежда Константиновна, и произошла моя первая встреча с Лениным, встреча, о которой я мечтала, к которой готовилась с сердечным трепетом. Она стала незабываемой в моей жизни. Меня поразила выдержка и постоянная бодрость Ленина, его сила воли. Ленин был как бы вне этой склоки, бесконечно выше ее. Беспринципности меньшевиков он противопоставлял высокую принципиальность, твердую убежденность в правоте отстаиваемых взглядов. Он разъяснял сущность большевистских позиций, идеологическую несостоятельность и оппортунизм меньшевистских взглядов.

Во время пребывания в Женеве я почти ежедневно встречалась с Владимиром Ильичем в разной обстановке и не переставала восхищаться им и как мудрым руководителем и как чудесным товарищем, его тактом и какой-то особой деликатностью, с которой он относился к людям в такой сложной обстановке.

Надежда Константиновна вела конспиративную переписку с большевистскими комитетами и другими большевистскими орга-

низациями, находившимися в России. В своих воспоминаниях она пишет, что количество писем (в период борьбы за III съезд) доходило до 300 в месяц¹. Она предложила мне быть ее помощницей в этой работе, на что я с радостью согласилась.

Работая с Н. К. Крупской, я полюбила ее. Она была всегда ровная, спокойная, приветливая и неизменно заботливая, готовая помочь каждому товарищу. Надежда Константиновна обладала большими теоретическими знаниями и солидным опытом партийной работы и, живя в эмиграции, все свои силы отдавала большой и важной работе по переписке с нелегальными партийными организациями, которую вела изо дня в день под непосредственным руководством и по прямым указаниям Ленина.

Получая многочисленные письма и корреспонденции, приходившие из России в адрес Ленина, Надежда Константиновна подробно информировала его о положении дел в наших нелегальных организациях. Она была лучшим помощником Владимира Ильича, хорошо знала кадры профессиональных революционеров, помнила имена и партийные клички товарищей, умела оценить по достоинству каждого партийного работника.

Переписка с Россией была тяжелой и трудоемкой работой. Она состояла из ряда операций: прежде всего полученные письма следовало разобрать, каждое письмо проявить, расшифровать зашифрованную часть текста и переписать. Затем надо было написать текст письма, направляемого в Россию, зашифровать наиболее секретную часть его, вписать все письмо химическим способом между строк заготовленного заранее и написанного обыкновенными чернилами письма, которое по содержанию не могло бы вызвать подозрения охранки. Нередко в шифровке полученных писем встречались ошибки, и приходилось долго биться над их расшифровкой. Случалось также, что в результате пропажи предыдущего письма или провала организации полученное письмо было зашифровано новым, неизвестным шифром, и нелегко было выяснить, каким именно. Иногда написанный «химией» текст не проявлялся — тогда приходилось через «Почтовый ящик» просить повторения письма.

Владимир Ильич внимательно следил за перепиской с Россией. Текст писем обыкновенно писала Надежда Константиновна от имени Ленина, или Владимир Ильич писал сам. Остальную, техническую часть работы во время моего пребывания в Женеве Надежда Константиновна делила со мной.

Трудно переоценить значение писем Владимира Ильича для партийных комитетов. Они спланировали и объединяли комитеты общим руководством, их с нетерпением ждали и с волнением читали большевики-подпольщики в России.

Надежда Константиновна с Владимиром Ильичем вели также «Почтовый ящик», который был очень важен в условиях конспи-

¹ См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 276. *Ред.*

ративной работы. В нем в лаконичной форме и в выражениях, понятных только адресату, давались указания и советы, запрашивались сведения, сообщалось о получении или о длительном неполучении писем, о невозможности расшифровать то или другое письмо и т. д. В период, когда у большевиков не было своей газеты (с ноября 1903 г. до конца 1904 г.), «почтовые ящики» печатать было негде, но с выходом газеты «Вперед» снова почти в каждом номере стали появляться «почтовые ящики». Иногда они были очень обширны...

Я приходила к Надежде Константиновне каждый день с утра и работала большую часть дня. «Ильичи» жили в то время на Rue de Dovidé (на «Давидке», как говорили мы). В скромной квартире из двух комнат (каждая в одно окно) и кухни жили Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ее мать Елизавета Васильевна, очень симпатичная старушка, которая почти никогда не расставалась с Надеждой Константиновной и жила с ней до своей смерти. Владимир Ильич относился к ней очень хорошо, а она души в нем не чаяла.

Быт семьи Владимира Ильича был самый скромный. Елизавета Васильевна вела все хозяйство, покупала продукты, готовила, убирала комнаты. Она была всегда спокойна, не суетлива и очень заботлива в отношении Надежды Константиновны и Владимира Ильича. Надежда Константиновна, урывая свободные от работы минуты, помогала ей. Она часто говорила мне, что ее не так тяготит выполнение домашней работы — это бы ничего, — как тяготит необходимость думать о ней.

В одной комнате жили Надежда Константиновна с матерью, в другой — Владимир Ильич. Обставлены обе комнаты были очень скромно, как квартира простого рабочего. В комнате Владимира Ильича стояли железная кровать с мочальным матрасом, небольшой стол и два или три стула. Здесь Владимир Ильич принимал товарищей, приезжавших из России, беседовал с ними, а работал он в общественной библиотеке и в Société de lecture, где были очень хорошие условия для этого. Он уходил туда с утра и возвращался к обеду и потом уходил снова до вечернего чая. Насколько я помню, обедали «Ильичи» в 4 часа дня. Изредка я принимала их радушные приглашения и оставалась обедать у них, а когда работы было особенно много, то оставалась и пить вечерний чай. Эти дни были для меня особенно дороги. Владимир Ильич был обычно весел, шутил, поддразнивал Елизавету Васильевну, уверяя ее, что самое большое наказание за двоеженство — две тещи. Ни за обедом, ни за чаем Владимир Ильич не вел деловых разговоров, ел с аппетитом, никогда не предъявляя никаких претензий, и, казалось, не разбирался в том, что ест.

Я наслаждалась какой-то особенно дружной слаженностью этой семьи, в основе которой лежала высокая идейность, общность духовных интересов, взаимное доверие и уважение.

Обедала я обычно, как и большинство русских политэмигран-

тов, в столовой Лепешинских, где с утра до вечера толпился народ. Фактически это был большевистский клуб. Сюда приходили для встречи с товарищами, поделиться новостями, поспорить, поиграть в шахматы, послушать доклад. Приезжавшие из России товарищи шли прежде всего в столовую Лепешинских. Здесь стояло пианино, взятое напрокат, и по вечерам мы часто слушали пение С. И. Гусева, игру на скрипке П. А. Красикова. Я аккомпанировала им обоим и иногда играла на пианино какую-нибудь фортепьянную пьесу. Приходил сюда и Владимир Ильич. Гусев, один из активнейших большевиков, делегат II съезда партии, обладал красивым баритоном и был очень музыкален. С удовольствием слушал Владимир Ильич исполняемые им романсы Даргомыжского, Рубинштейна, Чайковского.

Из фортепьянных произведений, исполняемых мною, Владимир Ильич больше всего любил слушать Патетическую сонату Бетховена (№ 8, оп. 13, так называемая «Малая Аппассионата»). Однажды, прослушав эту сонату, Владимир Ильич подошел ко мне и сказал: «Вам надо учиться». Эти слова поразили меня. «Значит, можно?!» — подумала я. В ранней юности, увлекаясь сочинениями Писарева, я вычитала у него такую фразу: «Общество, которое занимается искусством, имея хотя бы одного неграмотного, похоже на дикаря, который ходит голым и носит золотые браслеты на руках» (привожу по памяти). Это произвело на меня неизгладимое впечатление, и, перейдя с отличием на старший курс консерватории, где я тогда училась, я вышла из нее и поступила на Бестужевские курсы. И вдруг — кто же?! — ЛЕНИН сказал: «Вам надо учиться...» Но к музыке мне пришлось вернуться лишь лет десять спустя.

Красиков хорошо исполнял на скрипке незамысловатые пьесы — «Серенаду» Брага и «Каватину» Раффа. П. А. Красиков приехал в Женеву в конце июня после больших арестов в Москве, случайно избежав провала. Я увидела его, когда он, только что приехав с вокзала, шел с П. Н. Лепешинским, неся маленький чемоданчик и скрипку в футляре. Профессиональный революционер, вырвавшийся из лап шпиков и жандармов, перешедший нелегально границу со скрипкой в руках, — это показалось мне чем-то необычным. Красиков рассказывал много интересного о II съезде партии, на котором он был делегатом, о работе в России, о Сибири, где родился и вырос. Он удачно выступал в полемике с меньшевиками, умел нащупать их самое слабое место и метко наносил удары, был остроумен, находчив, в меру язвителен. Недаром его так не любили меньшевики и одной из его партийных кличек была Шпилька.

Однажды Красиков предложил мне организовать небольшой кружок из трех-четырех товарищей и взялся обучать нас писать листовки и прокламации на заданные темы. В этот кружок кроме меня вошли Соня Афанасьева — моя соседка по киевской тюрьме, Валя Касаткина, которая в то время была студент-

кой медицинского факультета Женевского университета, а позже, в 1905 году, стала секретарем Совета рабочих депутатов в Питере, и еще кто-то. Никто из нас не собирался долго засиживаться в Женеве, а в России умение хорошо написать листовку очень пригодилось бы, и мы охотно согласились на предложение Красикова. Но занятия продолжались недолго: было что-то искусственное в этой затее.

По вечерам мы иногда засиживались в кафе «Ландольт», где для русских политэмигрантов был отведен небольшой кабинет с отдельным выходом в какой-то переулок. Здесь за кружкой пива сидели мы по вечерам, беседуя, споря или играя в шахматы. Бывали в «Ландольке» только большевики, по крайней мере я ни разу не встречала здесь ни одного меньшевика. Чаше всего в шахматы играла я с Гусевым, а Красиков присутствовал в роли болельщика и отчаянно мешал нам. Иногда заходил сюда на партию шахмат Владимир Ильич. Случалось нам вдвоем с Марией Ильиничной проводить здесь часок-другой.

Мария Ильинична Ульянова приехала в Женеву во второй половине сентября или в начале октября 1904 года, вскоре после освобождения из тюрьмы. Познакомившись, мы сразу и крепко подружились с ней, и эта дружба сохранилась до конца ее жизни...

Частенько мы с Марией Ильиничной (партийная кличка ее была Медвежонок) совершали прогулки на велосипедах в окрестностях Женевы, иногда к нам присоединялся Владимир Ильич. Однажды вечером мы втроем ехали где-то за пределами города, полем, по узкой тропинке, по обеим сторонам которой были неглубокие канавы; Владимир Ильич впереди, я за ним, Мария Ильинична сзади. Тропинка слегка спускалась под уклон. Я только что научилась ездить на велосипеде и не имела понятия о существовании заднего тормоза, а передний отказывал, и я не смогла сдержатъ велосипед, который все быстрее и быстрее нагонял Владимира Ильича. На мой крик «Наезжаю!» Владимир Ильич обернулся и, заметив опасность, свернул в канаву. Владимир Ильич успел соскочить, но велосипед его упал в канаву и был испорчен: скривился руль, ехать дальше было нельзя. Ни малейшего выражения упрека или досады не услышала я от Владимира Ильича, и тем сильнее были мое смущение и досада на то, что я растерялась и не догадалась направить свой велосипед в канаву раньше, чем это сделал Владимир Ильич. Весело подшучивая надо мной, Владимир Ильич повел нас к скамейке, которая стояла около недалеко расположенной церкви, откуда слышались звуки фисгармонии. Посидев на скамейке и послушав музыку, мы пешком, с велосипедами вернулись в город.

Владимир Ильич любил эти поездки за город на велосипеде, которые он совершал по большей части вместе с Надеждой Константиновной. Они служили для него хотя бы некоторым отдыхом от той нервной, напряженной обстановки, которая создавалась

в результате все обострявшихся взаимоотношений с меньшевиками.

Некоторую разрядку нервного напряжения внесли на время известные карикатуры П. Н. Лепешинского. В июне в меньшевистской «Искре» появилась статья Мартова «Вперед или назад?», направленная против книги Ленина «Шаг вперед, два шага назад». Мартов объявил Ленина политически умершим и дал подзаголовок к статье: «Вместо надгробного слова». Реакцией на меньшевистское «надгробное слово» была карикатура П. Н. Лепешинского «Как мыши кота хоронили» — одна из лучших его карикатур. П. Н. Лепешинский придал мышам почти портретное сходство с видными меньшевиками: Мартовым, Даном, Потресовым и др. Текст был удачно заимствован из конца сказки Жуковского «Война мышей и лягушек». Карикатура была широко распространена в Женеве. Отдельные фразы из текста передавались из уст в уста, вызывая смех среди большевиков и бурное негодование меньшевиков. Эта карикатура была меньшевиков смехом — убийственное оружие, против которого меньшевики были бессильны.

В июле положение в большевистской колонии стало еще тяжелее. После ареста нескольких членов ЦК в России изменился его состав. Новый ЦК занял примиренческую позицию и опубликовал заявление («Декларацию»), в котором настаивал на примирении с меньшевиками и решительно высказывался против созыва III съезда партии и против агитации за съезд. Ленин был отстранен от заведования заграничными делами ЦК, и ему запрещалось печатать что-либо без согласования со всей коллегией ЦК. Центральный Комитет запрещал отправку в Россию большевистской литературы и требовал распространения меньшевистской. Все это вело к дезорганизации партийной работы в России. Возникал конфликт за конфликтом. Вся большевистская группа в Женеве крайне тяжело переживала создавшееся положение. Особенно тяжело было Владимиру Ильичу, ибо он лучше всех понимал, что все это вело к бесплодной растрате сил, дезорганизации всей партийной работы в России, и это в то время, когда рост революционного движения в стране требовал от нашей партии максимального напряжения сил.

Владимиру Ильичу и его ближайшим товарищам было ясно, что нельзя оставить без ответа раскольническую «Июльскую декларацию» ЦК. Так возникла мысль о созыве совещания группы большевиков, бывших в то время в Женеве, получившего название «совещания 22-х». На нем было обсуждено и принято обращение «К партии», написанное В. И. Лениным¹. Обращение с начала до конца проникнуто горячей верой в силу партии, которая так характерна для Владимира Ильича, верой в способность партии преодолеть тяжелый кризис и, несмотря ни на что, выйти на правильный путь.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 13—21. *Ред.*

Совещание проходило за городом, где-то в окрестностях Женевы, не помню, в каком помещении, но это было на втором этаже и в довольно просторном зале. Я не могу точно восстановить в памяти имена всех, кто был на этом совещании. В Женеве летом 1904 года я встречалась со многими большевиками-подпольщиками. Среди них были Луначарский, Богданов, Малинин, Ворковский, Карпинский, Ильины, Первухины и др. Кто из них приехал до совещания и, следовательно, участвовал в нем, а кто после, я точно сказать не могу, но отчетливо помню в числе присутствовавших Владимира Ильича, Надежду Константиновну, В. Д. Бонч-Бруевича, В. М. Величкину, Лепешинских, Лядовых, Первухиных, П. А. Красикова, С. И. Гусева, Лизу Кнуньянц.

Обращение «К партии» разъясняло необходимость немедленно созыва III съезда партии, как единственного возможного выхода из кризиса, и призывало партийные организации к борьбе за съезд. Оно сыграло огромную роль в деятельности большевистских партийных комитетов в России, дало им в руки боевое оружие, программу борьбы за III съезд. В октябре по инициативе Ленина в России было создано Бюро комитетов большинства для подготовки созыва III съезда партии.

Большое затруднение в работе большевистских организаций создавало отсутствие газеты. Особенно это отражалось на руководстве партийными организациями в России.

Мысль об издании большевистской газеты все больше и больше захватывала Владимира Ильича и его ближайших товарищей. Большевистское издательство («Издательство В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина») выпустило ряд брошюр, написанных Лениным, Ольминским, Воровским, Лядовым, Богдановым и другими для посылки в Россию. Но этого было явно недостаточно. Нужен был руководящий периодический печатный орган, тесно связанный с партийными организациями, живо откликающийся на события революционной жизни в России.

Крайнее нервное переутомление вынудило Владимира Ильича и Надежду Константиновну выехать из Женевы на отдых. Примерно с середины июля и до середины сентября они бродили пешком в горах Швейцарии и жили в деревне около озера Lac de Vré. Все это время, особенно в августе, Владимир Ильич был тесно связан перепиской с оставшимися в Женеве заграничными агентами ЦК: В. Д. Бонч-Бруевичем, М. Н. Лядовым, П. Н. Лепешинским; он руководил их работой, получал через них корреспонденцию из России.

В это время у Владимира Ильича, по-видимому, уже вполне определенно созрел план издания большевистской газеты. Надежда Константиновна в своих воспоминаниях пишет, что август она и Владимир Ильич провели в глухой деревушке около озера Lac de Vré вместе с Богдановым, Ольминским и Первухиным. Здесь они сговорились с Богдановым о плане литературной работы, «наметили издавать свой орган за границей и развивать в России агитацию за съезд».

Об этом же косвенно свидетельствует и письмо, которое я получила в конце августа от Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Владимир Ильич просил «возможно скорее (желательно бы сегодня)» послать письмо «*всем нашим друзьям в России*». Дальше идет текст письма, написанный рукой Владимира Ильича, который надо было послать в Россию: «Пожалуйста, немедленно приступите к сбору и отсылке всех и всяческих корреспонденций по нашим адресам с надписью: для Ленина. Крайне нужны также деньги. События обостряются. Меньшинство явно готовит переворот по сделке с частью ЦК. Мы ждем всего худшего. Подробности на днях». Владимир Ильич повторяет, что это письмо надо послать немедленно. Дальше рукой Надежды Константиновны написано 10 адресов, куда надо было послать письмо: «...и вообще по всем адресам друзей, в которых вполне можно быть уверенными»¹. По-видимому, Владимир Ильич собирал корреспонденции как материал для новой большевистской газеты. Препятствием для ее издания было отсутствие денежных средств. Но в ноябре В. Д. Бонч-Бруевичу удалось договориться с одной французской фирмой о кредите на бумагу и на печатание газеты, а М. Н. Лядову — достать некоторую сумму денег на первые расходы. Кроме того, в перспективе была возможность получения денег от продажи газеты за границей и в России.

Все это уже позволяло поставить издание газеты на деловую, практическую почву. В связи с этим в начале декабря 1904 года в Женеве состоялось собрание группы большевиков, на котором вопрос об издании нового органа был решен окончательно, единогласно были приняты его название — «Вперед» — и предложенный В. И. Лениным текст извещения о выпуске газеты. Кроме того, были решены вопросы редакционного порядка и определен состав редакции: Ленин, Воровский, Ольминский и Луначарский. Настроение на этом собрании было приподнятое. Наконец-то дело сдвинулось с мертвой точки! Я присутствовала на собрании и видела, как радостно взволнован был Владимир Ильич, да и не он один. У всех точно гора свалилась с плеч.

Газета «Вперед» продолжала линию старой, ленинской «Искры». Она сыграла огромную роль в борьбе за III съезд и в руководстве большевистскими подпольными организациями в России, в разъяснении сущности и принципиальности разногласий большевиков с меньшевиками. 24 декабря 1904 года Владимир Ильич писал М. М. Эссен: «У нас теперь подъем духа и заняты все страшно: вчера вышло объявление об издании нашей газеты «Вперед». Все большинство ликует и ободрено, как никогда. Наконец-то порвали эту поганую склоку и заработаем дружно вместе с теми, кто хочет работать, а не скандалить!»²

Принятие обращения «К партии» подняло настроение больше-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 372. Ред.

² Там же, с. 429. Ред.

виков, но не разрядило обстановку. Не проходило ни одного собрания с докладами большевиков без организованных меньшевиками скандалов. Запомнилось одно устроенное большевиками собрание с рефератом, на котором дело дошло чуть ли не до драки. Меньшевики учинили обструкцию, хотели захватить кассу. Ушли мы с этого собрания в отвратительном настроении и до рассвета бродили с Красиковым, Гусевым и еще несколькими товарищами по улице Женевы, взвинченные до последней степени, возмущенные, негодующие.

Последнее выступление Владимира Ильича, на котором я присутствовала в Женеве, был его реферат на тему «Земская кампания и план «Искры». Оно проходило в «Café Caserne». На входном билете напечатано «Café Caserne. Начало ровно в 8¹/₂ час. вечера. Входной билет № 12. На реферат тов. Ленина. Тема «Земская кампания и план «Искры». Вход только по этим билетам; входн. плата 20 сантимов. Бюро по организации рефератов большинства. Председатель собрания Вл. Бонч-Бруевич. Женева».

Реферат Ленина был посвящен критике письма редакции «Искры» к партийным организациям («Для членов партии»), опубликованного в ноябре 1904 года. В этом письме меньшевики выдвигали целый план политической кампании для воздействия на либеральную буржуазию, ходатайствующую о конституции. Меньшевики предлагали организацию многолюдных манифестаций рабочих для придания храбрости либеральной буржуазии. Вместо рабочих демонстраций с революционными требованиями они предлагали поддержку либерального конституционного движения.

Ленин разоблачал меньшевиков как прихвостней буржуазии, стремящихся подчинить пролетариат буржуазии и в своем усердии перед буржуазией требующих даже «уменьшения храбрости пролетариата». Не соглашение с земцами, а массовый натиск на правительство — так определил Ленин ближайшие цели борьбы пролетариата. Жизнь очень скоро подтвердила верность ленинских установок. В революции 1905—1907 годов либеральная буржуазия разоблачила себя как контрреволюционная сила. Владимир Ильич прочитал этот реферат с большим воодушевлением. Он разделал меньшевиков, как мы говорили, «под орех». Меньшевики буквально неистовствовали. Реферат Владимира Ильича был напечатан отдельной брошюрой и послан в Россию. И вот наконец, к общему нашему восторгу, 4 января 1905 года вышел первый номер газеты «Вперед»¹. Я получила его уже в Париже.

В декабре 1904 года П. А. Красиков был послан Владимиром Ильичем в Париж для укрепления русской большевистской группы в качестве ее секретаря. Недели через две переехала в Париж и я.

¹ Из-за задержки набора первый номер газеты «Вперед» вышел в свет не 22 декабря 1904 г. (4 января 1905 г.), как указано в газете, а на два дня позднее. *Ред.*

Здесь не было такого напряжения организационной борьбы, как в Женеве, и встречи с меньшевиками были реже. Но не было и того биения пульса русской революционной жизни, который так ощущался в Женеве; не было Ленина, к которому, как к центру, тянулись нити от партийных организаций России.

Связь с Женевой, то есть с заграничным центром, осуществлялась преимущественно через Марию Ильиничну. Она осведомляла нас о всех партийных новостях. Переписка с ней была оживленной. Она писала большие письма, сообщала сведения, получаемые из России, и о том, что делалось в Женеве, присылала литературу, в том числе брошюры, издаваемые женевским большевистским издательством, и газету «Вперед» для парижской группы и для отправки в Россию «в конвертах». Время от времени из Женевы приезжал кто-либо из товарищей, привозил литературу и картины (репродукции), в которые искусно были вклеены большевистские печатные издания для отправки их почтой в Россию. Все эти издания печатались в то время на очень тонкой, почти папиросной бумаге, что значительно облегчало отправку их в Россию. Приезжали в Париж Воровский, Бонч-Бруевич, Луначарский, Эссен (Барон и его брат Бур) и др.

В одном из писем ко мне из Женевы в Париж в январе или феврале 1905 года Мария Ильинична делилась сведениями о неважном положении в некоторых партийных организациях в России и выражала надежду, что «Вперед» изменит положение вещей на местах. Важно побольше отправить людей в Россию, писала Мария Ильинична, есть надежда получить деньги, но пока их нет.

«В Питере, слышно, был провал человек 17-ти меньшевиков. В Одессе дела обстоят недурно, там теперь Дяд-ка¹. Меньшевиков туда понаехало человек 14, между прочим и маленький мышонок в пенсне Д². Образована там агитгруппа в 8 человек — 4 меньшевика и 4 большевика, но, видимо, дело все больше идет к тому, что всюду будут образовываться, путем раскола, отдельные комитеты меньшевиков и большевиков.

Из местной жизни новости вот какие: в Женеве был реферат Мартова о либерализме и социализме страшно жалкий и бессодержательный, точно для гимназистов пятого класса читался. Всякая полемика и новые планы новой «Искры» в нем старательно были обойдены, так что Воинов³, собиравшийся говорить, при всем желании не мог этого сделать, так как не на что было возражать... Наша публика устроила ряд кружков: организационный, агитаторский, пропагандистский и технический. Дело идет живо, ведутся протоколы собраний. Пока интересно и плодотворно, не знаю, как дальше пойдет...»

¹ Дяденька — Л. М. Книпович. *Прим. автора.*

² Так изображена на карикатуре Лепешинского «Как мыши кота хоронили» И. Г. Смидович-Леман (Димка). *Прим. автора.*

³ А. В. Луначарский. *Прим. автора.*

Мария Ильинична выражала надежду, что мы хорошо поставим рассылку конвертов с литературой. «Это было бы очень важно, тем паче, что в других колониях это дело идет, как оказывается, очень плохо. Лейпциг, на который возлагались также большие надежды, рассылает главным образом «Искру» (!!). Лондон совсем молчит и т. д.». Далее Мария Ильинична просит сообщить все адреса, по которым рассылается большевистская литература из Парижа, и если отмечается, то также что и куда разослано, обещает прислать и новые адреса, «только важно, чтобы они использовались...»¹.

Рассылать литературу в конвертах и бандеролью даже из такого большого города, как Париж, можно было лишь малыми дозами, по 1—2 пакета в день, во избежание провала их на границе. Сейчас трудно себе представить, какое значение имела систематическая, изо дня в день, посылка «конвертов», а значит, и получение русскими партийными органами свежих номеров газеты с руководящими статьями Ленина. Этот «малый транспорт» был очень важной составной частью нашей работы в Париже. Выполняли мы ее добросовестно.

В наши обязанности входило также распространение большевистской литературы в политэмигрантской колонии, встречи и устройство приезжавших (чаще всего из Женевы) товарищей, организация платных вечеринок с буфетом, доход от которых поступал в партийную кассу, всегда скудную...

*Воспоминания о В. И. Ленине. В 5-ти т.
Изд. 3-е. М., 1984, т. 2, с. 139—151*

¹ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 25, оп. 1, д. 135. *Ред.*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ИСКРОВСКОЕ БОЛЬШИНСТВО И МЕНЬШИНСТВО НА ВТОРОМ СЪЕЗДЕ

Наконец он открылся — этот так долго ожидавшийся и так тщательно подготовлявшийся съезд. Почти пять с половиной лет отделяли его от первого съезда. Все придавали ему особое значение как важнейшему событию в жизни партии. Всеми чувствовался какой-то подъем, и ничто, решительно ничто не предвещало каких-либо непредвиденных печальных событий. Разумеется, никто и не думал, что на съезде все пройдет как по нотам — без сучка и задоринки; нет, таких наивных чудаков не было. Все думали, что, вероятно, будет борьба, а временами, быть может, и ожесточенная, но... съезд! — верховный орган, его воля общеобязательна для всех членов партии снизу доверху, его решения непререкаемы, они могут быть изменены или вовсе отменены только съездом же. Следовательно, какие бы там бои ни происходили или, вернее, именно в результате этих боев возродится единая партия с единой программой, тактикой и организационными формами. Так казалось всем нам — не участникам съезда, да так, вероятно, думали и сами съездовцы. К сожалению, на деле вышло не совсем так...

Однако, судя по некоторым сведениям, вначале все шло хорошо, как впоследствии и подтвердилось. Вся первая половина съезда прошла достаточно дружно: бундовскую федерацию с треском провалили, проект программы «Искры» с незначительными поправками был утвержден, «Искра» как таковая, то есть как орган определенного направления, была признана центральным органом партии (ЦО), принят был организационный устав партии, хотя с большой «трещиной» (по выражению Ленина): параграф первый его прошел в формулировке Мартова, а не Ленина.

Бунд, обидевшись, что его «федерацию» съезд отверг, демонстративно заявил, что он выходит из состава РСДРП, и тут же покинул съезд. Вскоре после того, когда за роспуском таких самостоятельных групп, как организация «Искры», «Южный рабочий», «Освобождение труда», очередь дошла до заграничного «Союза русских социал-демократов», представители его рабочедельцы Мартынов и Акимов-Махновец, обидевшись тоже за роспуск их «Союза», так же демонстративно покинули съезд. Таким обра-

зом, из восьми антиискровских голосов семь выбыло (пять бундовских и двое из трех рабочедельческих). Вслед за тем, при обсуждении вопроса о центрах (ЦК и ЦО), о выборе личного состава их и пр., уже часть самих искровцев повела себя так, что создала угрозу раскола.

Такого рода поведение со стороны части искровцев казалось нам тем более странным, что его возглавляли люди, которые, как мы думали, ни в каком случае не должны были взять на себя эту печальную роль. Но обо всем этом мы, члены Лиги, узнали позже, когда съезд уже закрылся, а до того нам казалось — мы даже уверены были в том, — что все его работы шли и закончились во вполне благоприятном «искризму» направлении.

Вскоре по окончании съезда участники его стали разъезжаться. Многие из них двинулись в Женеву. В это время, если не ошибаюсь, набирался 47-й номер «Искры». В числе первых приехал и Ленин — это было в конце августа. Помню, однажды, вернувшись домой после обеда, я нашел на столе его записку, где он писал, что посылает эту записку с Vertrauensmann (доверенное лицо — это был, кажется, Павлович-Красиков), что тот должен сообщить мне кое-что и что, наконец, он сам хочет поскорее повидаться и поподробнее поговорить со мной, для чего рассчитывает зайти к нам на другой день утром. Мы с П. И. были, разумеется, чрезвычайно рады этому и с нетерпением стали ожидать его. На другой день утром Владимир Ильич действительно зашел к нам (познакомившись тут же впервые с П. И.), и вскоре мы с ним вдвоем ушли «на часок» пройтись и потолковать. Этот «часок» длился довольно долго, и я вернулся домой что-то к вечеру. П. И. терялась в догадках, куда я пропал на целый день, а я и не замечал, как время летело.

Отправились мы с ним куда-то за город, и Владимир Ильич оживленно, но не горячась, не разбрасываясь, стал передавать, в самых существенных чертах конечно, все, что происходило, день за днем, на самом съезде и около съезда — до ухода Бунда и после того; рассказывал также и об условиях работы еще до съезда внутри редакционной шестерки, о взаимоотношениях между членами редакции, об удельном весе и работоспособности того или другого из этих членов. Временами я останавливал и переспрашивал его в наиболее запутанных местах, и он подробнее освещал отдельные моменты борьбы, характерные группировки при различных голосованиях на съезде и т. п.

Нечего и говорить, с каким напряженным, неослабным вниманием следил я все время, до самого конца, за рассказом Владимира Ильича. Меня, как вскоре многих и многих других, поразило, ошеломило и глубоко огорчило своей полной неожиданностью не то, конечно, что состав искровцев на съезде оказался далеко не однородным, не первосортным, так сказать, что одни из них оказались более сильными, последовательными, выдержанными, а другие — слабыми, непоследовательными, колеблющимися, — нет,

конечно, это было в порядке вещей; точно так же не было ничего удивительного в том, что между мягкотелыми искровцами, с одной стороны, и рабочедельцами и бундовцами, с другой, часто бывало при голосованиях некоторое «родство душ», что ли, трогательное взаимное притяжение — нет, и не это поразило меня, а вот факт такого резкого расхождения, раскола перед лицом съезда среди самих руководителей «Искры». При этом — подумать только! — не по какому-либо принципиальному вопросу — таких уже не было, а по вопросу о личном составе центров: ЦО и ЦК. Но что уже совершенно было дико — это то, что возглавил-то эту оппозицию не кто другой, как... Мартов — друг Ленина, ближайший товарищ и соратник его по работе за все время существования «Искры» и до нее.

Между тем как ранее, еще до съезда, поскольку бывали конфликты, трения, размолвки внутри редакционной шестерки по различным существенным вопросам, как, например, по поводу проекта аграрной программы Ленина и другим; разделение, поскольку оно имело место, происходило главным образом, если не всегда, между «молодыми» (Ленин, Мартов и Старовер-Потресов), с одной стороны, и «стариками» (Плеханов, П. Аксельрод, Засулич) — с другой, не говоря уже о столкновении с Плехановым (группой «Освобождение труда») при самом основании газеты, благодаря чему, как известно, чуть не потухла «Искра». И все это только потому, что съезд выбрал не всю редакционную шестерку, а лишь троих из них...

Нет, это было слишком. Прямо не верилось, не хотелось верить этому! Ленин говорил тогда об этом шаге Мартова с чрезвычайным сожалением, высоко ценя его блестящие публицистические способности и вообще считая его крайне необходимым членом в редакционной коллегии. Многие из нас, в том числе и сам Ленин, не теряли надежду, что дело еще поправится, что Мартов не станет по каким-то семейно-психологическим мотивам дальше упорствовать в своем отказе принять избрание его съездом в редакцию, что воля съезда, интересы партии и политические соображения превозмогут в конце концов в нем его неприятные личные переживания — «измену» (sic) по отношению к избранным товарищам по редакции.

Позднее, месяца два-три спустя, я не без горечи смеялся в душе над собственной наивностью, когда я рассчитывал добиться от Мартова примирения с Лениным и работы его в редакции. В тот момент я еще не знал и не подозревал, что такого рода поведение Мартова и ближайших его товарищей из съездовского меньшинства искровцев — это только первая страница из истории партии на данном этапе ее развития, что это пока лишь цветики, а ягодки будут впереди...

А теперь посмотрим, как эти «ягодки» созревали. Я уже говорил, что многие российские делегаты, прежде чем вернуться в «родное» подполье, двинулись предварительно в Женеву; с другой

стороны, что было вполне естественно, все наши члены Лиги бросились узнавать о делах съезда; все с жадностью и напряженно выслушивали отдельные рассказы о съездовских событиях. Но, несмотря на эти отдельные более или менее отрывочные рассказы, первое время среди членов Лиги еще не было полного разделения на сторонников съездовского большинства и меньшинства, и на некоторые частные собрания, устраиваемые лидерами того или другого крыла, ходили не одни лишь определенные сторонники данного лагеря. Так, на одном из собраний, созванном Лениным в конце августа или начале сентября, в числе присутствующих были некоторые, в то время еще не успевшие стать определенно на сторону мартовцев. На собрании присутствовал и выступал рядом с Лениным в полном согласии с ним и Плеханов, который держался как-то более воинственно по отношению к Мартову и его сторонникам, чем Ленин. Последний без свирепости, но очень живо и отчетливо, с огоньками в глазах и часто с тонкой иронической усмешкой излагал различные этапы борьбы, особенно обострившейся во второй половине съезда и окончившейся отказом мартовцев от участия в голосовании при выборах и пр. Помню, с каким боевым вдохновением говорил Владимир Ильич о протестах меньшинства после того или иного неприятного для них решения съезда: обсуждается тот или другой вопрос, говорил он, разгорается борьба, страсти кипят. Но вот мнения высказаны, вопрос голосуется, руки поднялись, решение состоялось, борьба кончилась. Переходим к следующему вопросу. О чем еще тут толковать?!

Не о мире думало в это время меньшинство. Оно мобилизовало свои силы и лихорадочно готовилось... к проведению в жизнь постановления съезда, к живой положительной работе на местах — думает читатель? Как бы не так! Что съезд, если не все его решения «нам» по душе, если с некоторыми из них «мы» не согласны, как бы говорили нам мартовцы. «Мы» устроим другой, свой съезд; на нем нас, заграничных, наверное, будет большинство, и тогда, дескать, посмотрим, чья возьмет... И всюду начали мартовцы говорить о необходимости скорейшего созыва съезда Заграничной лиги и усиленно готовиться к нему. Тут кстати же для них прибыл в Женеву бежавший из ссылки Дан, который быстро после того стал на сторону меньшинства, сделавшись с тех пор одним из его лидеров.

Приблизительно в начале второй половины сентября прибыл из России в Женеву член ЦК Ленгник (Курц) — на смену Носкову, уехавшему «домой» еще из Лондона, тотчас после съезда. Этот член ЦК был, так же как и прочие рядовые члены Лиги — сторонники большинства, против немедленного созыва съезда Лиги, справедливо полагая, что этот съезд, в данное время ничем не содействуя делу объединения партии и налаживанию практической работы на местах, поведет лишь к дальнейшему усилению и обострению борьбы меньшинства с большинством, являясь не чем

иным, как ареной для сведения счетов «обиженных», «опозоренных», «заезжаемых», «казнимых» и пр. и т. п. с «обидчиками», «заезжателями», «бюрократами» и пр.

Это с одной стороны, с другой — на основании одного из параграфов организационного устава партии, принятого съездом (13-го), Лига должна была существенно преобразоваться. От нее отпадал ряд функций, как-то: издательство, непосредственные сношения с русскими организациями, транспорт и пр., она сводилась на положение одного из местных комитетов партии. Да, в сущности, это «преобразование» в действительности было не чем иным, как уставным закреплением, юридическим выражением того, что существовало de facto задолго до съезда.

Пробыв год с лишним за границей, я что-то не заметил особой активности и размаха в деятельности Лиги вообще и ее администрации, как таковой, в частности. В этом я убедился еще больше из доклада Шарко (Крупской) о деятельности Лиги на съезде последней, да наконец некоторые члены администрации Лиги как бы даже забыли, что они — члены администрации, и им пришлось срочно напомнить об этом.

Указанные выше функции Лиги уже давно перешли фактически и непосредственно к «Искре», к лондонской части ее редакции, где сосредоточились все связи и сношения с Россией, посылка людей, налаживание транспорта и т. п. И если ряд членов Лиги очень энергично и успешно работали по разным отраслям организации «Искры», то уж, конечно, не потому, что они были членами Лиги. Таким образом, партийный устав, приравнявший Лигу к местной организации, требовал тем самым внесения соответствующих изменений и в существовавший до того устав Лиги.

В силу этих соображений и обстоятельств член ЦК в своем «Циркуляре ЦК РСДРП членам Заграничной лиги русской революционной социал-демократии» сообщал кратко о важнейших решениях съезда, о перемене в положении Лиги и, указывая, что делегатом Лиги готовится подробный письменный отчет о съезде для членов ее, извещал, что ЦК приступает к разработке нового устава Лиги и приглашает всех членов, и в особенности администрацию ее, содействовать ему в этом деле в той или иной форме своими советами, указаниями, что по выработке нового устава он будет предложен на рассмотрение Лиге, для чего и будет созван съезд.

Член администрации Дейч, единолично также, обратился с «Открытым письмом» к членам Лиги, уверяя, что изменения в положении незначительны, что Лига и без ЦК сама внесет в свой устав нужные поправки, что ЦК тут делать нечего, а посему полагает со своей стороны, что «члены Лиги должны возможно скорее собраться на съезд».

В ответ на эти два обращения (ЦК и Дейча) группа лигистов, сторонников большинства партийного съезда, в числе двенадцати, со своей стороны обратилась ко всем остальным членам Лиги

также с «Открытым письмом», в котором, вполне присоединяясь к предложениям ЦК, резко протестует против содержания и тона обращения Дейча, который к тому же, как член администрации Лиги, не имел, по мнению авторов письма, никакого права на подобное единоличное выступление без ведома и согласия остальных членов администрации. На заседании же администрации, которая фактически тогда состояла из трех членов — Дейча, Крупской и Литвинова, предложение Дейча о немедленном созыве съезда Лиги торжественно проваливается двумя голосами против Дейча.

Тогда Дейч, вспомнив, что в администрации формально числятся еще два члена: Лейтейзен — в Париже и Вечеслов — в Берлине, которые к тому времени уже с год, если не больше, фактически не принимали никакого активного участия в делах администрации, запрашивает их относительно своего предложения. Те, с давних пор живущие за границей и не успевшие хорошенько разобраться, в чем дело, поддерживают Дейча, высказываются за созыв съезда. И вот последний, вопреки желанию ЦК и указанному выше протесту большевистской части Лиги, созывается...

Но еще за месяц и более до него лигисты — члены оппозиции, строго следуя «лояльному» примеру Мартова и бывших членов редакции «Искры» (недаром все твердил Мартов: «Строго придерживаясь рамок партийного устава»), неизменно отвечали о т к а з о м на все приглашения ЦК принять на себя те или иные ответственные функции, приступить к той или иной работе.

Таким образом, еще задолго до съезда Лиги тактика бойкота центральных учреждений партии проводилась всеми членами оппозиции: литераторы бойкотировали ЦО, практики — ЦК, но в то же время литераторы создавали и распространяли с в о ю литературу, всячески подрывая авторитет ЦО и осыпая, главным образом и специально, Ленина обвинениями в сверхцентрализме, бюрократизме, робеспьерщине, самодержавии, введении осадного положения в партии и т. д. А практики, возвращаясь в Россию, разъезжали по комитетам, старались в них всячески скомпрометировать ЦК, подорвать доверие к нему, рассказывая всякие небылицы о том, что ЦК смотрит на местных работников как на пешек, слепых и безгласных исполнителей своей воли и т. п., всемерно добываясь перехода этих комитетов на сторону оппозиции...

И все это называлось действовать, «не переходя за рамки партийного устава».

РАСКОЛ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

На другой день, 1 ноября, Совет партии на своем заседании признал действия представителя ЦК на съезде Лиги правильными и предоставил ему реорганизовать Лигу путем ввода в нее новых

членов. Особенно горячо стоял за это Плеханов. Это решение Совета, однако, не было осуществлено.

Но еще накануне этого заседания Совета, вечером дня закрытия лиговского съезда, большевиками — членами Лиги было устроено частное совещание. Все уже были, когда пришел Плеханов. Вид у всех хмурый, удрученный, настроение подавленное всем происшедшим, но решительное. Но вот входит и Георгий Валентинович — мрачнее осенней тучи, глубоко взволнован, никогда раньше я его таким не видел. Входит и молча садится. Молчат и остальные. Наконец кто-то предлагает открыть заседание, выбрать председателя. Выбираем, помнится, Плеханова. И вот Г. В. вдруг совершенно неожиданно и отрывисто заявляет: «Надо мириться!» Все поражены; снова молчание. Наконец я не выдерживаю и, обращаясь к нему, спрашиваю: «Георгий Валентинович, как же так, после всего происшедшего мириться?! Что это значит?» После небольшой паузы он, пристально глядя на меня, говорит: «Николай Иванович¹, я вам сейчас объяснить этого не могу, я вам после скажу».

К сожалению, мне так и не пришлось больше после того с ним увидеться и услышать от него объяснения: я через несколько дней срочно выехал в Россию. Тогда мы были все в полном недоумении от его слов. А он начал говорить о том, что надо наконец покончить с этими вечными расколами в нашей партии, что мы начинаем напоминать собою Екатерину II, которая одно время так часто прогоняла своих министров, что на это обратили внимание наконец ее друзья — корреспонденты, иностранные ученые, которые в письмах спрашивали ее, что за монстры (уроды, чудовища. — *И. Л.*) у нее министры, что она никак не может с ними ужиться, а она каждый раз отвечала им, что уж это последний раз, что больше ей уж не придется их менять. Затем Плеханов, тут же обращаясь к Владимиру Ильичу, стал уверять его, что принятие обиженных, бунтующих редакторов в редакцию — «лучший способ успокоить и обезвредить их», что «мы (то есть Плеханов и Ленин. — *И. Л.*) их задушим в своих объятиях» и пр. и т. д.

Так мы и разошлись в тот вечер, насколько помнится, ни о чем толком не поговоривши.

Столь крутой поворот со стороны Плеханова нас тем более поразил, что именно он особенно воинственно был настроен по отношению к мартовцам после съезда партии, как до лиговского съезда — об этом я уже упоминал выше, — так и во время этого съезда. Тут он все время, что называется, кипел, принимал очень близкое и активное участие в выработке тех или иных мероприятий со стороны заграничного представителя ЦК (проект ввода новых членов в Лигу, преобразование ее, заявление ЦК на съезде и пр.).

Итак, Плеханов, вдруг испугавшись надвинувшегося раскола, «сдал», как говорил тогда Ленин. Да, Плеханов не выдержал

¹ Это была моя кличка за границей, а потом в России. *Прим. автора.*

натиска заграничных литераторов. Здесь, как я себе объясняю поведение Плеханова в то время, в последний момент он, не сознавая сам того, отдал дань слишком долгому своему пребыванию за границей, слишком большой оторванности от подлинного движения в тогдашней России. Группа заграничных интеллигентов, солидных литераторов, заслонила собой в его глазах подлинную Россию; он увидел в этой группе «соль» движения и считал необходимым во что бы то ни стало помириться с экс-редакторами, надеясь успокоить их раздраженное самолюбие.

Ленин не верил в благотворность этого шага Плеханова и тогда же (1 ноября) заявил ему о своем выходе из редакции.

Каковы же были те «свои» организационные принципы, в торжестве которых меньшинство тогда не сомневалось и которые так упорно оно отказывалось излагать и защищать на страницах ЦО, на чем не переставал настаивать Ленин?

Все, что мы слышали от меньшинства до лиговского съезда и на нем, сводилось, в сущности, к нападкам на тот централизм, который защищался как организационный принцип еще до партийного съезда и который получил свое признание на самом этом съезде; этот централизм стал именоваться теперь меньшинством не иначе как централизм механический, помпадурский, полицейский и пр. все в этом же роде; в резолюции, предложенной съезду Лиги Аксельродом, Мартовым, Засулич и Потресовым, централизму «бюрократическому» противопоставлялся централизм «истинно социал-демократический», за который и призывались бороться все «сознательные товарищи», конечно «в рамках партийного устава».

Но это был набор пустых слов, никому ничего не объясняющих, ничего не обосновывающих. Мартовцы сами это, видимо, сознавали. Поэтому с переходом ЦО в их руки, в частности тотчас после письма Ленина «Почему я вышел из редакции «Искры»¹, Мартов, по поручению остальных своих товарищей по редакции, взялся наконец по-настоящему, так сказать, «обосновать» организационные принципы меньшинства, в результате чего и явилась тогда его брошюра «Борьба с «осадным положением» в партии».

Вот что, между прочим, мы узнали тогда (я лично был в это время уже в России и читал ее в Одессе) из этой брошюры (привожу две-три выдержки): «Политика «осадного положения» потерпела очевидное крушение. Переход «Искры» в руки старой редакции (наконец-то! — *И. Л.*) показал всю ее нежизнеспособность; поход на Лигу (меньшевики тут немножечко спутали: свой поход на партию они назвали «походом» большинства «на лигу». — *И. Л.*) доставил носителям системы неизлечимые раны. Система, в сущности, уже убита, ее следует только похоронить,

¹ «Новая», меньшевистская редакция отказалась напечатать это письмо в «Искре», Ленину пришлось тогда выпустить его отдельным листком; перепечатано в Полн. собр. соч., т. 8, с. 98—104. *Ред.*

чтобы по возможности скорее забыть о ней» (с. 66 брош. Мартова)...

Оппозиция явно стремилась к расколу: да он, этот раскол, в сущности, был уже налицо. Надежды Плеханова на мир не оправдались: Ленин, как я уже говорил, вышел уже из редакции ЦО. События партийной жизни у нас в Женеве неслись с такой стремительностью, что за ними не успевали следить наши даже в других заграничных городах, не только что в России с ее подпольными условиями. А между тем вся надежда была на ЦК — на русскую часть его: за границей был в это время лишь один его представитель — Ленгник. Ленин по выходе своем из ЦО хотел «окопаться» в ЦК. Предстояло принять быстрые и серьезные решения... Полный контакт со всем составом ЦК являлся настоятельной необходимостью...

Тогда на меня была Лениным и Ленгником возложена миссия — немедленно выехать в Россию, ознакомить возможно подробнее ЦК со всем ходом событий, происходивших перед открытием съезда Лиги, на самом этом съезде и в первые дни по закрытии его, и всячески настаивать на скорейшем выезде в Женеву Кржижановского и еще какого-либо другого члена ЦК. Отъезд мой из Женевы состоялся дня через четыре или пять по окончании съезда Лиги и поворота Плеханова — числа 4-го или 5 ноября 1903 г.

Ныне покойный Кнушнянц (Рубен-Русов), один из кавказских делегатов на II съезде партии, снабдил меня «своим» паспортом на имя какого-то персидского подданного Жана Жакоба Леона; документ оказался, как я сам убедился потом, очень хорошим, с персидским и французским текстом; паспорт был выдан персидским генеральным консульством в Париже на имя представителя какой-то французской торговой фирмы; в нем, между прочим, была обращена просьба ко всем гражданским и военным властям иностранных государств оказывать возможное содействие владельцу сего паспорта при исполнении им своих обязанностей. Правда, я старался как-то избегать этого «содействия» русских властей при исполнении моих обязанностей...

Выехав из Женевы рано утром на пароходе до Лозанны (чтобы не обратить на себя внимание русских шпионов в Женеве), я здесь уже сел на поезд и через Лион, Париж, Берлин и др. быстро и благополучно прикатил в Россию. Впрочем, имел остановку в Париже на один только день, где моим «гидом» явилась студентка Шустова (ныне по мужу Шаповалова). С ней мы весь день летали по Парижу как угорелые: побывали на кладбище Père lachaise — у Стены коммунаров, испещренной надписями на разных языках и увешанной венками с красными и траурными лентами; там же осмотрели и крематорий. Побывали в Лувре, в восковом музее революции, в Ботаническом саду и т. д. и т. п. А вечером удалось нам даже попасть на оперу «Отелло» в La Grande Opéra (Большой опере).

Резиденция ЦК, или его бюро, находилась тогда в Киеве и обставлена была, как и следовало, конечно, очень конспиративно. У меня была явка на Политехнический институт к профессору Тихвинскому¹, который должен был связать меня с Кржижановским. Пока он налаживал мне эту встречу, я остаток дня (дело было к вечеру) побродил по городу и, подкормившись, явился, как было между нами условлено, к тому же Тихвинскому на ночевку. Ночевал я в том же институте — в какой-то лаборатории, очень богато обставленной, среди каких-то машин и приборов, куда он меня таинственно провел, и, кажется, без огня, чтобы не привлечь внимание сторожей и вообще посторонних. Впрочем, чьими-то заботливыми руками была там — на этот случай, по-видимому, — устроена достаточно удобная постель.

На другой день утром по данному мне адресу я отправился к Кржижановским. Я им рассказал в нескольких словах о цели моего приезда. Условились о встрече в тот же вечер на заседании совместно с остальными наличными членами ЦК, на котором я сделаю подробную информацию. Расставшись до вечера, я отправился с подобающими предосторожностями разыскивать семью Ульяновых, которая тоже в то время жила в Киеве и с которой я не виделся до того около четырех лет (со времени моих переговоров с Владимиром Ильичем в Москве, в марте 1900 года, о предлагавшемся тогда созыве II съезда). Застал дома только Марию Александровну и Анну Ильиничну. После оживленной беседы, расставаясь, мы с Анной Ильиничной уславливаемся еще раз до моего отъезда из Киева встретиться и местом встречи, по ее предложению, назначаем Владимирский собор.

Вечером, как было условлено с Кржижановским, я явился в назначенное место; собралось человек пять или шесть совершенно в то время мне незнакомых. Я рассказал самым подробным образом о событиях последнего времени за границей, ответил на ряд вопросов, заданных мне в связи с моей информацией, не переставая вновь и вновь указывать на важность и необходимость скорейшего отъезда в Женеву двух членов ЦК, в том числе обязательно Кржижановского. С самого начала я не мог не обратить внимания на некоторое благодушное настроение у собравшихся в отношении к развернувшимся в конце партийного съезда и после него событиям. У меня получалось впечатление — да это отчасти и не скрывалось слушателями, — что здесь все еще склонны приписывать известной нервной взвинченности и горячности отдельных лиц с той и другой стороны, считают преувеличенной тревожность положения и допускают возможность, что дело все еще может быть вполне улажено путем мирных переговоров. Но по мере ознакомления с ходом последних событий, с фактами в конце ливовского съезда и тотчас после него это настроение заметно менялось.

¹ Расстрелян ВЧК за участие в белогвардейском заговоре. *Прим. автора.*

К концу собрания решено было, что Кржижановский во всяком случае двинется за границу и, по возможности, в ближайшие же дни. В отношении меня решено было так: я закрепляюсь в Одесском комитете как месте постоянной работы, а оттуда, глядя по обстоятельствам, время от времени заглядываю в тот или иной из южных комитетов.

ОДЕССКИЙ КОМИТЕТ И БЮКБ. БОРЬБА ЗА ТРЕТИЙ СЪЕЗД

Переночевав на этот раз у Кржижановского, я на другой же день двинулся в Одессу, предварительно повидавшись официально, так сказать, с Дмитрием Ильичем, от которого получил цекистскую явку в Одесский комитет через ветеринарного врача Малянтовича... Зная по опыту, как часто явки «шалют», я при получении явки спросил Дмитрия Ильича, уверен ли он, что явка вполне действительна и без всяких «сюрпризов». Он решительно заявил мне, что на этот счет я могу быть вполне спокоен и что он сам был на днях в Одессе и мог лично убедиться, что явка действует безукоризненно. Прекрасно.

Затем повидался с Анной Ильиничной. При прощании, мимоходом, она сообщила, что в Одессе проживает одна ее знакомая, очень хороший человек, не революционерка, но сочувствующая, и при случае вполне может оказать какую-либо конспиративную услугу: по профессии — акушерка, проживает там-то: назвала фамилию ее — Каган или что-то в этом роде, теперь уже точно не помню, предложила когда-нибудь зайти познакомиться и передать той от нее привет. Повторяю, это было сказано между прочим, наспех, и я особенно не старался зафиксировать в памяти адрес этого человека, никак не предвидя в тот момент, что он окажется очень скоро для меня спасительным.

Приехал я в Одессу вечером. Темно уже. Города не знал я тогда совершенно, очутился в нем впервые; знакомых ни души. Сдав вещи тут же на вокзале, направился я с видом беззаботно прогуливающегося человека на данную мне Дмитрием Ильичем явку. Малянтович, судя по адресу, должен был жить где-то на другом конце города, ближе к морю.

Прошел всю Ришельевскую, нашел наконец нужную мне улицу и дом; уверенно поднимаюсь и звоню. Открывают и на мой вопрос отвечают, что здесь такого нет и никогда не жил, быть может, этажом ниже или выше; двигаюсь вверх-вниз по лестнице, везде пучат на меня глаза, качают головой и захлопывают дверь. Тычусь в соседние дома, справа и слева, но уже не так уверенно... Нет нигде! Вновь и вновь в голове перебираю название улицы, номер дома — все так, а человека вот нет, точно заговор какой-то. Натурально, огорчен и зол. Куда деться? В гостиницу в крайнем случае, но ведь на завтра опять та же история. Вернуться в Киев? Но ведь это же скандал!

Решил в конце концов пока что зайти в ресторанчик, подкрепиться кое-чем и спокойно вновь обдумать свое положение. Недалеко от набережной захожу в какое-то «кафе Франкони». За столиком, ища какого-либо выхода из неприятного положения, вдруг вспоминаю про знакомую Анны Ильиничны, но опять беда: все помню, а номер дома забыл! Но тут, действительно, оказалось, что «нет худа без добра»: помни я номер, опять ни черта бы не добился. Как? Да так! Представьте себе, читатель, что бывают случаи, когда лучше не знать номера дома, который ищешь.

Иду по нужной мне улице (это была та же Ришельевская), надо было ближе к вокзалу, по нечетной стороне — это я сообразил по некоторым имевшимся у меня данным. Ищу на воротах и подъездах табличку: акушерка такая-то. Нашел! Звоню и действительно попадаю к тому, кого ищу, знакомлюсь и передаю привет; принимают очень приветливо и просто; кругом шум, пение, веселье. Масса молодежи. Оказывается, я попал на какое-то семейное торжество: не то день рождения, не то свадьба; меня тут же подхватывают и без всяких разговоров волокут в столовую, где за большим столом идет прямо пир горой. Сажают, и тут же одни накладывают мне кушанье на тарелку, другие наполняют стакан. И я положительно оказываюсь в положении человека, попавшего «с корабля на бал».

Наконец, опомнившись от всей этой неожиданности, я отрываю незаметно в сторонку свою «незнакомую знакомку» и, кое-что объяснив насчет себя, спрашиваю, не знает ли она такого-то врача. Оказывается, прекрасно знает и очень часто видится с ним и с женой его. «А где он живет?» — спрашиваю. Называет тот же самый адрес, который дан был мне в Киеве. На мое замечание, что таких там нет, она поднимает меня на смех, говорит, что еще в этот день утром была у них, и уверяет меня, что я не на той улице искал. Каждый из нас из кожи лезет, доказывая свою правоту. В конце концов решаем так: я остаюсь до утра у них или, ради наилучшей безопасности, у одного из их гостей, который с удовольствием заберет меня к себе на ночевку, а утром она самолично доставит меня к этому самому Малянтовичу, и я тогда позорно проиграю пари.

Наутро отправляемся вместе, и она прямехонько приводит меня туда, куда мне нужно, и тут же, торжествующе обращаясь ко мне, спрашивает, здесь ли я был. Отвечаю, что нет, ибо номер дома совсем не тот. Как?! Поднимает голову, и в самом деле номер вовсе не тот. Тут уж я посмеялся вдоволь над ней. Возвращаясь к себе домой, она не без удивления «открыла», что и она живет «не там»; а Малянтович, узнав о моих мытарствах, тут же устремился на улицу, чтобы самому удостовериться в происшедшем «чуде». Однако хорошо хоть то, что все кончилось благополучно. Искомый врач оказался на своем месте, и все прочее дальше пошло великолепно.

В чем же все-таки дело? Этого никто не мог сразу объяснить. Лишь спустя несколько дней изумленные одесситы узнали, что все это — шалости игривого начальства. В городе, видите ли, посте-

пенно накопилось по главным улицам очень много домов под одними и теми же номерами, но с прибавлением, для отличия, букв «а» и «б». Неизвестно, взор ли начальства стали возмущать сии невинные литеры или соображения «высшей» охранной политики, только в один прекрасный день на градоначальника (кажется, генерал Нейдгарт был там в то время) нашло административное вдохновение: уничтожить буквы и заменить последующими порядковыми номерами. Сказано — сделано. И чуть ли не в одну ночь, с чисто военной стремительностью, «реформа» была совершена, и притом без всякого предварительного или последующего оповещения о том населения. Впрочем, одесские градоначальники всегда отличались какой-то особенною восторженностью.

Малянтович направил меня к одному из членов комитета — врачу Богомольцу; сам он в комитете не состоял, но был в общем в курсе дел и считался своим человеком, оказывал комитету немало ценных услуг. Через Богомольца познакомился я с остальными членами комитета, и в первую голову с Левицким Константином Осиповичем, ныне уже покойным, прекрасным человеком во всех отношениях, скромным, но весьма выдержанным и ценным работником. Жена его Е. Г., ныне коммунистка, не состоя в то время членом комитета, была посвящена, несомненно, в его дела, оказывала ему постоянное, активное содействие, будучи верным помощником своего супруга, — словом, была как бы техническим секретарем комитета.

По рассказам, Одесский комитет перед II партийным съездом был неоднородным, его состав по своему духу и направлению целиком не был искровским или, во всяком случае, выдержанно искровским — был наполовину шатким, расплывчатым. Из двух делегатов его на съезде один — Землячка, другой — Зборовский, который примкнул на съезде к меньшинству. По окончании съезда, как мне передавали, доклад о нем в Одесском комитете был, именно Землячка будто бы делала этот доклад; делал ли, кроме того, доклад Локерман (Царев), которого я там застал, или кто-либо другой из меньшевиков, не знаю. Ко времени моего приезда в Одессу комитет был в общем большевистским, за исключением Локермана — довольно добродушного, как мне показалось, меньшевика. Среди большевиков вначале некоторые оттенки все же были: Левицкий занимал вполне определенную и решительную позицию в отношении меньшинства съезда, остальные — один или двое, не помню, примыкали к ним; Богомолец же держался немножко вяло, миролюбиво, что ли, уж не знаю, как сказать.

На одном из первых же заседаний комитета я сделал подробнейший доклад о положении в партии за время с окончания II съезда и до своего отъезда из Женевы. Тактика бойкота со стороны мартовцев за это время, их поведение на лиговском съезде и все прочее вызвали общее возмущение. Даже Локерман не пытался защищать их действия, а только старался смягчить и объяснить как-нибудь все происшедшее раздражением и прочими психологи-

ческими причинами. После подробного и продолжительного обсуждения моего сообщения была принята резолюция, резко осуждающая поведение мартовцев и протестующая против попыток их нарушить постановление съезда.

Тут же решено было на закрытых собраниях членов организации, в пропагандистских кружках сделать сообщение о партийном съезде и последовавших за тем событиях, но на открытых широких собраниях, ввиду отсутствия еще со стороны ЦК официального извещения о состоявшемся II съезде партии и принятых им решениях, с таким сообщением не выступать. Это дало повод какому-то досужему «собственному» корреспонденту сообщить в новую «Искру», что Одесский комитет-де всячески старается скрыть от широких кругов сознательных рабочих действительное положение вещей в партии. По-видимому, это сообщение послужило новой «Искре» основанием к враждебному обращению ее к Одесскому комитету с демагогическим призывом к рабочим «ломать все интеллигентские перегородки» и потребовать от комитета сообщения «всей правды».

Однако на этой демагогической выходке «Искра» ничего не заработала: рабочим ничего не пришлось «ломать», ибо они уже до того были прекрасно осведомлены обо всем и, ознакомившись с этим обращением, весело посмеялись над «Искрой»: они уже прочно стояли на стороне своего большевистского комитета. Подобный ответ, посланный впоследствии комитетом в форме «письма в редакцию», в «Искре», насколько помнится, не был помещен.

Связь наша с границей в это и в последующее время поддерживалась по тем временам довольно аккуратно; в то же время меньшевики нас не забывали своей литературой: мы своевременно получали номера новой «Искры», отдельные брошюры вроде «Борьба с «осадным положением», «О заезжаемых и заезжателях» и пр., что держало нас в общем курсе дел и давало комитету возможность соответственно реагировать в своих выступлениях устно и в листках. Мы видели, что борьба в центрах не только не приостановилась, не говоря уже о прекращении ее, о чем мечтал Плеханов, но все сильнее и сильнее разгоралась: аппетиты оппозиции росли с каждой новой уступкой. Она требует (требует!) от съездовского большинства полной капитуляции, на меньшее она не согласна никак!..

Между тем вся эта возня с оппозицией, эта «кооптационная» канитель, по-видимому, поглощала все силы нашего ЦК: на местах не видно никакой помощи от него ни людьми, ни литературой, не говоря уже о руководстве. По крайней мере наш Одесский комитет совершенно предоставлен самому себе; постепенно «кустарными» способами приходится убеждаться, что и в других ближайших к нам местах та же история. Действительно, полная... «автономия»!.. Мы делали все, что могли: отзывались на местные и общерусские события, выпускали листки, расширяли связи и кружки пропаганды. Позднее, уже в 1904 году, мы старались поддер-

живать связь с соседями (например, с Симферополем, Севастополем, Ялтой, Николаевом, сносились с Екатеринославом), иногда делились листками, в самые же острые моменты, случалось, и людей временно посылали на поддержку — после жандармских набегов. Наша местная «техника» — типография — работала с полным напряжением.

А тем временем развернулись внешние события; в конце января (ст. ст.) 1904 года грянула русско-японская война: империалистические хищники не поладили между собой, кучка русских титулованных и нетитулованных грабителей, при поддержке царского правительства, уже чересчур глубоко запустила свою лапу в лесные концессии на реке Ялу в Корее.

Был выкинут лозунг — немедленное приостановление военных действий и созыв Учредительного собрания, которое решит вопрос о способах и условиях скорейшего прекращения войны. В развитие этого положения велась пропаганда в кружках и на «массовках», выпускались агитационные листки с разъяснением смысла и характера этой войны, причин, вызвавших ее, и с призывом к низвержению самодержавия.

Ну а как обстояли дела в это время в партии? Весьма печально. Кризис дошел до высшей точки своего развития, что подтверждалось сведениями, дошедшими до нас приблизительно в конце февраля 1904 года. Благодаря широко раскрытым Плехановым дверям редакции ЦО туда хлынули все старые редакторы «Искры». Утвердившись там, они забрали в Совете оба места от ЦО. Вместе с Плехановым, к тому времени окончательно перекочевавшим в лагерь мартовцев, последние и тут получили большинство в три голоса против двух голосов представителей от ЦК. Таким образом, оппозиция оставалось теперь забрать в свои руки для своего полного торжества лишь ЦК, что ей и удалось сравнительно совсем легко. Ленин, видя, что оппозиция ведет войну «до победного конца», что недавний съезд партии с его решениями идет насмарку во славу лиговского съезда, вместе с другим членом ЦК поставил в Совете партии вопрос о необходимости срочного созыва III съезда. Предложение это тут же было провалено тремя голосами против двух.

Приблизительно в это же время или несколько позже в составе самого ЦК происходят некие перемены (еще до кооптации представителей оппозиции). Кое-кто сам устраняется, кое-кого забирают. Более или менее скрытое примиренческое настроение у некоторых из оставшихся начинает явно проступать наружу. По вопросу о созыве III съезда начинается расхождение внутри ЦК: одни — за созыв его, другие — против этого и за мир с оппозицией во что бы то ни стало, ценой чего угодно, вплоть до полной капитуляции перед мартовцами. Особенно далеко пошел в этом отношении Носков (Нил — Глебов) — тот самый, который был единственным наличным кандидатом в ЦК в большевистском списке и который там же на съезде и был избран в члены ЦК. Теперь он стал лидером

примиренцев и ярким противником тех, кто стоял за созыв III съезда. За ним следовали Гальперин (Валентин — Конягин) и Красин (Никитич). Они стали вершить теперь дела в русской части ЦК.

Одесский комитет в числе первых на своем заседании решительно и единогласно (меньшевика Локермана — Адама — уже давно не было у нас, он как-то вскоре после моего приезда ушел совсем) высказался за необходимость созыва III съезда и стал с тех пор активно бороться за него. Это очень не нравилось ЦК (названной выше группе). Носков (Нил) при мне несколько раз приезжал в Одессу: у него тут была поставлена одно время своя типография для цекистских нужд. Ради нее он и приезжал очень тайно в Одессу. Он особенно косился на наш комитет из-за борьбы его за III съезд. В один из таких приездов пожаловал даже к нам в комитет перед отъездом на вокзал. Сообщил о последних событиях, говорил, что все хорошо налаживается, что все спасение теперь в достигнутом внутреннем мире, что надо решительно бросить эту затею с созывом III съезда, а приналечь возможно сильнее на текущую работу и пр. Вид у него был при этом достаточно важный и суровый.

А места не слушались: комитеты и организации, чем дальше, тем дружнее, стали один за другим высказываться за созыв III съезда. С этих пор окончательно привились и получили право гражданства названия: большевики, меньшевики.

Одесский комитет тем временем, не ослабляя местной работы, старался, где возможно, теснее связаться с некоторыми из южных комитетов. А тут кстати приехал Воровский — это было, помнится, в марте; откуда он прибыл к нам, я теперь уже не помню. В комитет он не входил. Я лично знал его еще по загранице, в последний период моего пребывания там.

С целью еще более усилить и объединить борьбу за III съезд за пределами одесской организации мы решили с ним образовать вне комитета, но в полном контакте с ним, конечно, особую группу, так сказать, для внешних сношений. Группа составила из Воровского, меня и Левицкого, причем мы с Левицким не только не выделались из комитета, но продолжали работу и там, насколько хватало времени и сил.

В целях наиболее широкой пропаганды идеи о необходимости созыва III съезда мы решили составить от имени Одесского комитета обоснованную подробную резолюцию с изложением всех существенных моментов в ходе событий, имевших место в жизни партии, начиная с созыва II съезда и кончая «приходом к власти» меньшевиков, с призывом к другим комитетам присоединиться к требованию созыва III съезда.

Первоначальный набросок предложено было составить Воровскому, после чего этот набросок подвергся длительному рассмотрению на ряде заседаний нашей группы, детально прорабатывался со внесением множества изменений, дополнений, поправок. При этом решено было так: после того как резолюция эта будет принята

Одесским комитетом, ее отпечатать в виде отдельной брошюры, по возможности четко и крупно, в массовом количестве для широкого распространения и через другие комитеты помимо Одесского. Но предварительно, до отпечатания ее, решили ознакомить с этой резолюцией Ленина и вообще заграничную часть ЦК, согласовать с ними и предложить утвердить нашу группу как Бюро южных комитетов большинства (БЮКБ)¹; заодно считали нужным ознакомить их подробнее с положением дел в некоторых южных комитетах, с которыми к тому времени мы были более или менее связаны. Поездка была возложена на меня. Мне удалось совершить ее вполне благополучно и достаточно быстро — что-то в неделю с чем-то, так что по возвращении моем в комитете шутили, что точно в Питер съездил я.

Засадила жену Левицкого мелко переписать резолюцию на тонкой мягкой бумаге, чтобы при ощупывании не шуршала. Та с вечера и всю ночь напролет просидела над ней и успешно выполнила задание; затем она же зашила ее мне очень искусно в плече пальто, под подкладкой. Тем временем я успел побывать «у нас его», сиречь персидского, консула в Одессе, который принял меня очень любезно (видимо, мое парижское пальто, котелок и пр. произвели на него некоторое впечатление) и тотчас же поставил мне на паспорте визу на выезд из России, заметив при этом, что я, вероятно, не раз еще побываю в этой стране. Я с восторгом отозвался о России и сказал, что рассчитываю опять заглянуть как-нибудь сюда. Границу — через Австрию — проехал в поезде с полным удобством, на этот раз без всяких свиных хлевушек.

В Женеву прибыл днем и через какой-нибудь час уже сидел у Владимира Ильича. После горячих приветствий началась тотчас, еще в частном порядке, подробная взаимная информация. Владимиру Ильичу, конечно, хотелось как можно скорее и подробнее узнать, что происходит «там»; разумеется, у меня было такое же нетерпение относительно «здешнего». Вечером того же дня в каком-то кафе мы снова сошлись как бы официально, было несколько человек, в том числе были, помнится, член ЦК Зверь (М. Эссен) и, кажется, Н. К. Крупская. Я вновь порассказал обо всем мне известном, о положении дел у нас на юге, жаловался на недостаток литературы и людей, с которыми у нас было очень напряженное положение; к нам обращались из других мест, мы с трудом изворачивались, кроили «тришкин кафтан». Затем прочитал нашу резолюцию. Во время ее чтения Владимир Ильич не раз постукивал кулаком по столу, сопровождая каждый раз свой жест восклицанием «Sehr richtig!» («Совершенно верно!»).

По окончании чтения и внесении в нее незначительных поправок и изменений резолюция тут же была одобрена и получила «бла-

¹ Южное бюро ЦК РСДРП было создано в Одессе в феврале 1904 г., объединяло деятельность Одесского, Николаевского, Екатеринославского и ряда других комитетов и групп РСДРП, стояло на большевистских позициях. *Ред.*

гословение» на размножение путем отпечатания. Потом она была переписана, а подлинный экземпляр я тем же порядком повез обратно, на другой день, «домой». Предложение об образовании БЮКБ также получило одобрение. Под конец Зверю было поручено выдать мне из кассы для нужд организации некую сумму — что-то около ста рублей, хорошенько не помню теперь.

Обратный путь совершен был в общем тоже благополучно, если не считать маленькой «заминки» у той же австрийской границы.

Возвращался я через Волочиск — Подволочиск. Австрийский поезд перешел нашу границу и остановился у станции. Прибывшие с поездом пассажиры проходят в помещение вокзала, выход из которого сейчас же запирается. Паспорта отбираются и уносятся в дежурную жандармскую комнату для просмотра. Пассажиры, в ожидании возвращения им паспортов, нетерпеливо толпятся у барьера перед дежурной комнатой. На другой стороне вокзала стоит наготове русский поезд. Из дежурной комнаты то и дело показывается жандарм с пачками паспортов в руках и раздает их. Получивших пропускают к русскому поезду. Толпа у барьера редет. Наконец все получили свои документы и ушли. Остался я один. Даны уже первый и второй звонок к отходу, а моего паспорта нет! Наконец появляется «сам» офицер, в руках — мой паспорт.

Видя, что я с трудом говорю по-русски, становится любезным и старается объяснить, что у меня просрочена виза для въезда в Россию — уже полгода прошло — и он, к сожалению, ничего не может сделать и вынужден попросить меня вернуться во Львов (Лемберг), где проживает ближайший русский консул, который сейчас же поставит визу. Я спорю (а у самого точно гора с плеч свалилась, готов хоть к черту на кулички ехать за этой самой визой!), говорю, что мне каждый день дорог, торговые дела... и если нужны какие-либо сборы — я готов... Он снова рассыпается в любезностях, говорит, что, к величайшей своей досаде, он ничего не может сделать, «знаете, наши русские законы очень строги на этот счет», что он сам не рад, но... и начинает успокаивать меня, что на это потребуются только сутки и завтра в это же время, с этим же поездом я буду здесь...

Делать нечего, еду в Лемберг, ночую там (была уже ночь), а наутро, быстро получив визу, приезжаю, действительно, в тот же час обратно. Жандарм встречает меня вновь с бесконечными извинениями и моментально пропускает паспорт. Дальнейший путь совершается без всяких препятствий, и на другой день я был уже в Одессе. Весть о том, что все сошло великолепно и резолюция наша вполне одобрена Ильичем и его друзьями, встречается нашими с большой радостью; да и деньги, конечно, оказались весьма и весьма кстати.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

...Путь мой лежал, как всегда, на Цюрих, к Аксельродам. В первый же день приезда узнала от жены Аксельрода, что Павел Борисович уехал в Женеву, что идет отчаянная склока между двумя образовавшимися в нашей партии частями: большевиками и меньшевиками. Большевики, с Лениным во главе, ведут свою возмутительную раскольническую линию не только за границей, а и в России. Основой расхождения явилось толкование пункта первого устава нашей партии о том, кто должен считаться членом партии: тот ли, кто, разделяя ее программу, является активным работником, участвуя в одной из ее организаций, или также и тот, кто, разделяя эту программу, оказывает организации лишь только услуги? Из узнанного казалось, что вполне права та сторона, которая считает членом партии только активного участника организации. Работая на месте, мне очень хорошо было известно, сколь чужды нам частенько бывали те, которые только иногда, когда им это вздумается, оказывали нам услуги. Поэтому как-то не могла взять в толк, чем большевики так провинились.

Из старых приятелей застала в Женеве всех киевских беглецов. Они уже больше не представляли из себя тесной компании. Внутри этой компании наподобие того, как это было внутри партии, тоже образовалась глубокая трещина. Одна часть киевлян в лице Виктора Крохмаля, Марьяна Гурского, Иосифа Басовского, Блюменфельда и Мальцмана была с Мартовым — на стороне меньшевиков; Макс Валлах (Папаша — Литвинов), Иосиф Таршис, Николай Эрнестович Бауман, мой муж Владимир Бобровский уже определились как большевики — были с Лениным. А Лев Ефимович Гальперин, насколько помнится, занимал тогда какую-то промежуточную позицию. Мой костромской приятель Макар имел самый несчастный, растерянный вид. Природа тянула его к большевикам, а Мартов и главным образом Дан (который не отпускал в то время от себя Мартова ни на один шаг, боясь, что тот проявит недостаточное много энергии в деле травли большевиков) крепко уцепились за бедного Макара, как за импонирующего пролетария¹, и не давали ему ни отдыха, ни сроку, обращали его в свою меньшевистскую веру.

¹ Заграничные вожди вообще набрасывались (как на особо ценную находку) тогда на каждого живого, не книжного рабочего, попавшего за границу; так было, например, в 1902 г. с рабочими — руководителями знаменитой ростовской стачки

Не в лучшее положение попала и я. Я тоже тяготела к большевикам. А Мартов, с которым была знакома по Харькову, сопровождаемый неизменно Даном, несколько раз заходил ко мне в пансион Фурне, на Плен-пасс. Туда я сейчас же по приезде в Женеву была помещена по болезни. Мартов очень кипятился и шумел, когда я, с точки зрения местного работника-практика, пыталась возражать против неправильного толкования меньшевиками пункта первого устава. В один прекрасный день меня вызвали в контору пансиона и заявили, что, если мои русские гости будут продолжать ходить ко мне и громко ссориться, меня придется из пансиона выселить. Теперь даже вкратце не могу вспомнить пространных тогда речей Мартова и Дана; по отрывкам, уцелевшим в памяти, помню, что дело иногда сводилось к резкому осуждению Ленина, насаждающего бонапартизм в партии, водящего за нос доверчивых российских практиков и т. д.

Что же касается нашего брата российского практика, нами остро ощущалось, что место настоящего работника не посредине, а с одной из этих сторон. Еще думалось, что если ты не только настоящий работник, но настоящий революционер, то место тебе с Лениным в рядах большевиков, а не с Мартовым.

Пришел ко мне и Павел Борисович Аксельрод. Узнав, что я в Женеве и больна, так как лечившая меня Роза Марковна (жена Плеханова, очень известный в Женеве врач) нашла, что мне кроме усиленного питания необходим еще абсолютный покой, он отечески меня предупредил, что о расколе со мною говорить не станет. От Мартова он слышал, что я скорее склоняюсь на сторону большевиков; поэтому он не может не скорбеть душою, что и я записываюсь в ленинские бараны. Нельзя сказать, чтобы Павел Борисович достиг этим коротким, но достаточно внушительным разговором своего благого намерения не волновать меня. Ведь так тяжело было чувствовать, что начинаем мы говорить на разных языках с учителем-другом, который сам называл меня своей дочкой. Разволновалась донельзя. И, уже не щадя Аксельрода, ответила: «Очевидно, в большевистской позиции есть больше убедительности, если я, не видев Ленина, записываюсь за глаза к нему в бараны, чем в позиции меньшевиков, которую так горячо отстаивали передо мной такие лидеры, как Мартов и Дан». Так мы с тех пор и не виделись больше.

После посещения Аксельрода я как-то сразу стала с меньшей завистью поглядывать на счастливых товарищей, которые уже примкнули к тому или другому лагерю, как, например, мой муж Бобровский, приятели его Бауман, Валлах и другие беглецы-киевляне большевики. Визиты Мартова с Даном прекратились сами собой. Я стала подумывать, что, когда оправлюсь и в состоянии

Иваном Ивановичем Ставским, Афанасием и др., когда они появились в Женеве, и Плеханов с Верой Засулич, бывало, не нарадуются на этих настоящих пролетариев-агитаторов. *Прим. автора.*

буду выходить из комнаты, обязательно пойду к Ленину и... запишусь к нему в бараны. Макар, навещавший меня каждый день, тоже все больше и больше склонялся в сторону большевиков. Он стал постепенно освобождаться от дановских чар и, определившись окончательно как большевик, повеселее стал. По своему обыкновению, зубоскалить стал, будто я второй раз присутствую при его кажущейся гибели: тогда, в Костроме, когда он чуть не умер от кровоизлияния горлом, и теперь, в Женеве, когда он чуть не умер политически, чуть не сделался меньшевиком.

Внутренне давно и хорошо я знала Ленина, не будучи с ним знакомой. Всегда чувствовалось, особенно с момента образования «Искры», его глубокое идейное влияние на весь строй нашей, даже повседневной, работы в России, на местах. Так ясен мне был его облик. Показалось вполне естественным увидеть его таким, каким увидела первый раз на довольно многочисленном собрании большевиков. Он выступил с докладом не то по аграрному, не то по какому-то другому вопросу партийной программы, по вопросу, не имевшему непосредственного отношения к расколу. Тут же на собрании товарищи познакомили меня с ним и с Надеждой Константиновной. Тут же получила приглашение к ним в гости. В ближайший же день отправилась с несколькими товарищами в Сешерон — предместье Женевы, где снимал маленькую дачку Ленин с семьей, состоявшей кроме него самого и Надежды Константиновны еще и из ее матери — Елизаветы Васильевны Крупской.

Дачка состояла из низа и верха; верх вроде мезонинчика, куда вела скрипучая лестница. Меблировка ее или, скорее, почти полное отсутствие меблировки — все было рассчитано на более чем скромный вкус. Самая просторная комната во всей дачке была кухня с большой газовой плитой. На этой-то кухне Ильич принимал своих гостей, когда нас сразу приходило так много, что другие «парадные» комнаты не могли нас вместить. Эти парадные комнаты были наверху. Кабинет Владимира Ильича, меблировка которого состояла из твердой железной койки, простого белого стола, заваленного рукописями, газетами, книгами, нескольких табуретов и белых, грубо, на скорую руку сколоченных полок по стенам с большим количеством книг. Комната Надежды Константиновны тоже была обставлена приблизительно с таким же «комфортом».

Вообще вся обстановка тем более бросалась в глаза, потому что все мы, нанимая комнату в Женеве, хотя бы самую дешевую, получали ее меблированной: с хорошей кроватью, письменным столом, диваном, комодом и т. д. И как это Ильич ухитрился на российский манер устроиться в Женеве, я уж не знаю. Хозяйством, тоже более чем скромным, ведала Елизавета Васильевна Крупская. Таким образом, Надежда Константиновна была освобождена от всяких домашних забот и могла все время отдать на работу как в смысле непосредственной помощи Ильичу в его трудах, так и в смысле поддержки правильной связи с Россией, путем переписки с организациями на местах. Эта зашифрованная переписка при-

няла к описываемому времени такие большие размеры, что сейчас бы для этого, наверно, был создан целый шифровальный отдел с покрикивающим заведующим, сотрудниками, забронированными пайками и т. д... Тогда же одна Надежда Константиновна сидела иногда целые дни, не разгибая спины, на этой скучной, но столь необходимой тогда для партии работе.

Так как нас всех тянуло к Ильичу как к естественному центру, то одно время у него во все дни недели толкался народ. Потом сообразили, что для партии не особенно-то будет полезно, если мы так будем мешать Ленину работать. Решили одно время установить какой-нибудь определенный день в неделю, не то вторник, не то четверг. Вторники эти или четверги Макар живо окрестил «ильичевскими журфиксами на плите», так как собирались мы на кухне. Зафиксированного состава посетителей этих вечеров, конечно, не могло быть. Тогда в Женеву каждый день приезжали из России все новые товарищи, уезжали на работу старые. Вообще связь с Россией поддерживалась самая интенсивная. Но гораздо приятнее и интереснее, чем журфиксы, бывали встречи и беседы с Лениным не в эти официальные дни, а когда можно бывало прийти и в неурочное время потолковать и даже просто посмеяться. До веселого, здорового смеха Ильич был тогда большой охотник.

Если говорить лично о себе, то после таких неурочных нашествий на Ильича меня мучили угрызения совести. Но трудно было устоять от соблазна. Сам Ленин поощрял эти нашествия, появляясь иногда и сам, и вместе с Надеждой Константиновной ко мне в гости, когда бывали в городе, и приглашая к себе. Кроме того, Макар, питавший к Ленину пристрастие, граничившее с обожанием, постоянно приходил ко мне и тянул «сходить к Ильичу покалякать». Когда я отказывалась, уговаривая и его не идти, так как нельзя отнимать столько времени у Ленина, Макар начинал мне доказывать, что и мы Ильичу полезны, что от нас «русским духом пахнет», которого не хватает ему за границей. Не знаю, в какой мере был прав Макар насчет «русского духа», но Ленин действительно любил встречаться чаще с товарищами, которые не собирались засиживаться за границей, а стремились поскорее в Россию на практическую работу.

В Женеве прожила тогда несколько месяцев. За это время многие товарищи уехали, в том числе и часть киевлян. Физически я несколько не поправлялась: здоровье было из рук вон плохо. О поездке на работу в Россию в таком виде нечего было и помышлять. Это значило бы только лечь бременем на ту организацию, куда приедешь, а войти в жизнь русской колонии в Женеве не сумела. Все, что продолжало кипеть в нашем женевском большевистском котле, как-то мало захватывало меня. Чтения, занятия по теории не шли на ум. Хотелось живого практического дела, а его вне России для меня не могло быть. Тосковала донельзя и от тоски перекочевала в Берлин, где хоть по крайности было чему

научиться у германской социал-демократической партии. А в Женеве, если бы даже рабочее движение представляло интерес, то не для меня: я совершенно не знала и не знаю французского языка.

Берлин меня первоначально захватил. Особенно приковывали такие собрания, где выступал Бебель, после речей и докладов которого, полных гениальной простоты, я ходила как зачарованная. Поражало меня в Бебеле великое умение его вытягивать на свет божий новые молодые силы партии. Это чувствовалось почти при каждом его докладе, когда в заключительном слове он отвечал тому или другому молодому товарищу, принимавшему участие в прениях. Бебель как-то удивительно умел уничтожить все сделанные ему возражения, не уничтожая самого товарища, который их делал. (Последнее уничтожение противника, к сожалению, постоянно наблюдалось и наблюдается у нас по сие время, как бы мы много ни говорили о приучении и подготовке молодых партийных сил.) Наоборот, в самой мягкой, в самой простой и дружеской форме, как бы ни был юн противник и как бы наивны ни были возражения, учил его правильному пониманию, подбодряя его на дальнейшие выступления. Моральный авторитет, обаяние Бебеля на немецких рабочих, как массовиков, так и на членов партии, были так велики, что на таких собраниях, где бывал Бебель, царила всегда какая-то торжественная атмосфера.

Не забуду огненной речи, произнесенной Бебелем 1 мая 1904 года в огромном, самом большом в Берлине зале, доступном тогда для рабочих. Зал не вместил всех желавших услышать в этот день Бебеля. На улице, около помещения, было еще больше народа, чем в зале. Бравые немецкие шуцманы все оттесняли толпу, а худенький старичок Бебель, закончив свою речь, прошел скромно через боковую дверь, надел свою потертую, каждому берлинскому рабочему известную крылатку, сел на свой велосипед и уехал.

Клару Цеткин, тогда еще нестарую же:щину без единого седого волоса, приходилось слышать больше на женских собраниях. Выступления ее по яркости лишь немного отличались от выступлений Бебеля. Цеткин, между прочим, в своих речах много тогда внимания уделяла России. А когда был убит Плеве, Цеткин читала во всех районах Берлина целый цикл рефератов, специально посвященных российским делам, под названием «Казацкий курс».

Русская колония в Берлине была довольно большая. Разделялась на большевиков, меньшевиков и всякие иные промежуточные группировки. Во главе большевистской части колонии стоял уполномоченный Центрального Комитета Мартын Николаевич Мандельштам (Лядов), вокруг которого публика и группировалась. Для крупной технической работы по организации транспорта в Берлине тогда сидел знакомый мне киевский беглец Иосиф Таршис. Жил он в Берлине по немецкому паспорту и назывался Фрейтаг. Так как по-русски это значит пятница, то отсюда его дальнейшая фамилия Пятницкий. В организации транспорта принимал участие студент Берлинского университета Яков Жито-

мирский. Впоследствии он оказался злостнейшим провокатором. К транспорту также имел отношение, насколько помнится, Александр Квятковский. Встречалась я с этими товарищами чаще всего на квартире славной, теперь уже погибшей русской студентки Наталочки Бах. Жила она с матерью Наталией Руфовой. Последняя очень тепло к нам относилась. Она не вынесла смерти своей Наталки и вскоре тоже умерла.

В Берлине за всей нашей компанией посматривала прусская полиция. Меня даже раз вызвали в комиссариат и справились, действительно ли я дочь уральского заводчика Харитонова? (По такому паспорту я была прописана в Берлине.) А если я дочь заводчика, то почему снимаю такую дешевую комнату, плохо питаюсь и почему так плохо одета?.. Я выразила удивление, поблагодарила за внимательное ко мне отношение и разъяснила, что с отцом-заводчиком мы люди разных характеров, часто спорим и что денег он мне высылает чрезвычайно мало, а потому жить богаче, чем живу, не могу. Ответ мой как будто оказался удовлетворительным. По крайней мере, после этого меня больше нигде не требовали для объяснения. Хотя и продолжала я болеть и тосковать без реального дела, но в Берлине жить все-таки было гораздо легче, чем в Женеве. Очень заинтересовало немецкое рабочее движение: главное, язык я знала и могла повсюду бывать, во все вникать.

Зато Макар, сбежавший от женевского безделья, был в Берлине еще большим мучеником. Он не понимал ни слова по-немецки. «В Женеве,— бывало, говорил он,— я хоть тоже ничего не понимал по-французски, но там и слушать-то нечего было; а здесь вижу так много интересного и ничего не понимаю». В Берлине Макар протолкался недолго. Уехал в Россию на нелегальную работу в Москву. Легкие у него были далеко не важны. Но лечиться от туберкулеза можно было только в санатории, где-нибудь на юге Франции или Италии. Для этого у партии тогда не было средств.

Мне же пришлось прожить в Берлине довольно долго. Когда в конце концов почувствовала себя хоть сколько-нибудь работоспособной (длительное безделье все же помогло поправиться, хотя питаться приходилось все время очень плохо), попросила, чтобы меня отправили в Россию на работу. Это было осенью 1904 года. Мне предложили ехать на Кавказ в распоряжение союзного комитета. Так называлась наша областная кавказская партийная организация, объединявшая Тифлис, Баку, Батум и т. д. Центр союзного комитета был в Тифлисе. Заранее предполагалось, что работать я буду в Баку, где люди были в то время больше нужны.

Обратный переход через границу обошелся вовсе без всяких трудностей, так как знакомая студентка снабдила меня своим настоящим заграничным паспортом, об утере которого она должна была заявить в прусскую полицию, как только получится известие, что границу я переехала.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Строгого разделения труда в комитете¹ у нас не было, и каждый делал то, что нужно было в данный момент. На мне лежали преимущественно литературно-редакционные обязанности: я входил в состав литературной комиссии (Шлихтер, Дижур и я); на моей обязанности лежало распределять между товарищами темы, поддерживать сношения с тайной типографией, то есть передавать туда рукописи, корректировать первые оттиски и получать готовые издания.

Все это было очень кропотливо и требовало особой конспиративности, частой перемены квартир для встреч и т. п. Иногда квартир не было, и тогда приходилось назначать встречи с «техникой» на парадных лестницах многоэтажных домов; при переноске изданий приходилось либо «фаршировать» себя, закинув кучи прокламаций под жилет и т. п., либо прибегать к таким хитростям: носить с собой деревянный футляр от скрипки и заполнять этот гробик доверху нелегалыщиной...

Одно время весьма большую подпольную работу проводил в Киеве Владимир Михайлович Сапежко, присяжный поверенный, брат известного профессора-хирурга, которому товарищи дали шутовское прозвище Великий Конспиратор.

Мне очень часто приходилось встречаться с ним по всяким конспиративным делам, но не могу ясно представить его отношение к комитету в это время. Помнится, что параллельно с комитетом существовала одно время (кажется, в 1902 году) организация «Искры», и вот тов. Сапежко был участником и активным работником этой организации.

Однажды нужно было получить с товарной станции два громадных ящика «Искры», этак пудиков 8—10 весом. Организовал это дело тов. Сапежко и привлек к нему меня. Опасную роль по получению этого груза смело приняла на себя тов. Ланда-Безверхова. План поездки на вокзал, перегрузки на новых извозчиков в каком-то проходном дворе на Мало-Васильковской улице «для заматания следов» был составлен тов. Сапежко, который в этом деле, что называется, перемудрил. Все же доставка произошла благополучно. Конечным пунктом для складов был избран Политехнический институт — лаборатория профессора Тихвинского, где

¹ Речь идет о Киевском комитете РСДРП. *Ред.*

я должен был принять этот груз. При проезде через еврейский базар все дело чуть не погубило: один из ящиков с треском свалился на мостовую; но, к счастью, укупорка была прочная, и этот инцидент не дал никаких последствий. Великий Конспиратор наблюдал за этой сценой из дверей парадного входа...

Тов. Сапежко жил в одной квартире с Тарасевичем, который тоже принимал участие в организации «Искры».

К концу 1904 года и к началу 1905 года фракционные разногласия в комитете очень обострились, особенно с появлением меньшевика тов. Сашина. Было одно время, в 1903 году и в начале 1904 года, когда большинство в комитете принадлежало большевикам. Однако мы не «злоупотребляли» нашим перевесом и при кооптации новых членов комитета руководствовались деловыми соображениями, хотя бы это и были меньшевики. Помимо этого ряд случайных обстоятельств (отъезды, аресты и т. п.) были причиной того, что количество большевиков уменьшилось, а пополнение происходило из фракции меньшевиков.

Еще во время преобладания в комитете большевиков у нас возникло опасение, что меньшевики, или рабочедельцы, как мы еще их называли по старой памяти, совершат «переворот», как я писал в моих письмах-отчетах Владимиру Ильичу, копии которых найдены мною теперь в делах охраны.

«Переворот» представлялся возможным тогда в следующем виде: поговаривали о том, что на районных рабочих собраниях комитет будет объявлен низложенным, и меньшевики проведут демократическую систему выборности, проведя в комитет путем выбора половину рабочих.

Здесь, надо сознаться, было слабое место большевистской части комитета. В принципе, конечно, большевистская фракция стояла за включение в наш чисто «интеллигентский» комитет рабочих, но только путем кооптации, без всяких выборов, исходя из провозглашенных Лениным принципов — крепкой конспиративной организации «заговорщицкого», как говорили тогда меньшевики, типа.

Но подходящих для работы в комитете кандидатов рабочих-большевиков почему-то тогда не находилось. Меньшевики же, имевшие в то время более сильные связи в рабочей массе, могли смело рассчитывать на проведение своих сторонников из рабочей среды путем выборов. Поэтому опасность такого переворота была, насколько помню, вполне реальна.

Но вскоре, как я отметил это выше, состав комитета сам собою изменился: большевики понемногу растаяли, а количество меньшевиков увеличилось. Когда большинство перешло к меньшевикам, то оставшимся большевикам стало очень трудно работать. Вынужден был уйти из комитета А. Г. Шлихтер; я еще некоторое время оставался, но после и я должен был оставить комитет, так как совместная работа не спорилась, и в результате к 1905 году Киевский комитет РСДРП был уже чисто меньшевистский.

Когда в конце 1904 года выяснилась невозможность совместной работы, большевики образовали отдельную группу, в состав которой вошли Шлихтер, Малышев, Скорняков, Елагин, Козеренко и автор этих строк. Но работа этой группы — вне ее самой — как-то ничем реальным не проявлялась: группа считала, что она не имеет права нарушать принцип партийного единства и вести работу в массах. Поэтому группа почти не имела связи с рабочими, не имела и не пыталась даже поставить самостоятельной типографии. Деятельность группы сводилась к совместному обсуждению различных принципиальных вопросов, вызывающих расхождение в партии, к взаимной информации, в частности о всякого рода новостях из деятельности большевиков за границей, к получению и распространению большевистского «Вперед» и т. п.

Все почти члены группы уже были сильно скомпрометированы в политическом отношении и имели за своими плечами годы ссылки и тюремного заключения.

Это вызывало необходимость известной осторожности, а также лишало возможности развернуть сколько-нибудь широкую работу.

А что имело наибольшее значение, так это то, что среди участников группы не было ни одного настоящего «профессионального революционера», то есть подпольщика, живущего по подложному паспорту, всецело отдавшегося этой работе, который мог бы использовать все связи, организовать районные коллегии пропагандистов и вообще наладить всю работу. Такого человека у нас не было. Все мы были легальными, и естественно, что работа поэтому не могла развиваться.

Между тем в меньшевистском комитете все время были такие «освобожденные от работ» профессионалы-революционеры, которые налаживали и вели всю работу. Таким был тов. Ишуф (организатор июльской стачки 1903 г.), а после него тов. Сашин, тов. Локерман, которому за участие в ростовской демонстрации угрожала смертная казнь, а после тов. Хинчук и его жена Колокольникова (видный профработник в Москве) и др. С приездом тов. Хинчука и его жены и с началом их деятельности в Киеве необходимо констатировать значительный подъем социал-демократической работы. Можно смело сказать, что это был один из лучших организаторов, лучших подпольных работников, которых я наблюдал за все время моего участия в работе киевской социал-демократической организации.

Тов. Хинчук сразу проявил себя как блестящий организатор, сразу с его приездом выросли районы, сразу усилились коллегии пропагандистов, сразу закипела работа... Все элементы этой работы имелись налицо и до его приезда, но понадобился его организационный талант, чтобы связать их воедино, завести машину коллективного сотрудничества.

А жена тов. Хинчука вносила в работу массу неподдельного энтузиазма, массу жизни...

Тов. Хинчук выступал с большим успехом и публично как представитель социал-демократии, а также на модных тогда банкетах.

Работа тов. Хинчука в Киеве продолжалась с конца 1904 года до начала или, может быть, середины 1905 года, но в момент событий 1905 года тов. Хинчука уже в Киеве не было.

К периоду 1903—1905 годов относятся также частые приезды в Киев со всякими конспиративными поручениями центра товарища Красикова (Игнат Павлович) и товарища Ленгника.

Хотя в то время я и состоял в комитете и был в курсе всех дел, по которым они приезжали в Киев для переговоров с комитетом, но я затрудняюсь теперь более или менее точно перечислить круг этих вопросов. Товарищ Ленгник был избран на II Лондонском съезде в 1903 году членом ЦК. Другим членом ЦК был Глеб Максимилианович Кржижановский (тогда инженер — заведующий лабораторией ЮЗА).

Приезды тов. Ленгника были скорее всего связаны с заседаниями ЦК, но попутно он имел сношения с Киевским комитетом по отдельным вопросам текущего момента.

Цель приезда товарища Красикова... для меня менее ясна, равно и характер выполнявшихся им поручений. Насколько я себе это представлял, тов. Красиков был близок к Владимиру Ильичу: с первых же дней раскола с меньшевиками тов. Красиков стал горячо поддерживать за границей, где он тогда находился, тов. Ленина и вообще позицию большинства. Красиков при этом, помню, всегда чрезвычайно интересовался всеми комбинациями соотношения сил «меньшинства» и «большинства» как среди эмигрантов, так и в самой России и всецело был поглощен этой внутренней межфракционной борьбой. Этой борьбе он посвятил тогда небольшую полемическую брошюрку, выпущенную «большинством» за границей после раскола.

Многим большевикам-примиренцам — на местах преобладало тогда такое настроение и отношение к расколу — казалось, что раскол — это большое несчастье для партии; казалось, что партийное единство надо сохранить во что бы то ни стало; мелкобуржуазная природа меньшевизма была неясна; казалось, что причина раскола лежит в разном понимании организационных принципов и что никакой глубокой идеологической почвы для расхождения нет. В то же время казалось, что на первом плане должна быть активная положительная работа по пропаганде социализма в массах, для чего должен быть единый фронт всех революционных социал-демократов, без различия фракций, раскол же считался вредным и навеянным эмигрантскими настроениями.

Так в то время рассуждали многие большевики на местах, относя причины раскола преимущественно к «эмигрантским настроениям». Конечно, рассуждения эти были ошибочны, глубокие идеологические причины расхождения, коренящиеся в классовой природе разных слоев населения, сначала совершенно неясные,

вскрылись лишь позднее и окончательно обнаружались, может быть, только после Октябрьской революции. Невозможность же действительной совместной работы большевиков с меньшевиками скоро обнаружилась и на местах, что видно хотя бы на примере Киевского комитета. Однако в первый период самый раскол и причины его были еще недостаточно ясны и совместная работа с меньшевиками, среди которых было много профессиональных революционеров, казалась вполне возможной...

Тов. Красиков сразу занял непримиримую позицию к меньшевикам и, обладая большим полемическим задором, не только не пытался сглаживать и примирять противоречия между двумя фракциями для налаживания совместной работы, но всегда стремился заострить и углубить спорные вопросы.

Должен сказать, что тогда многие киевские большевики были сторонниками такой примиренческой тактики, и даже член ЦК тов. Кржижановский, отличаясь большой терпимостью, тоже не мог быть причислен к числу так называемых тогда «твердокаменных» большевиков и стремился к внутривнутрипартийному миру.

Тов. Красиков внутривнутрипартийного мира не признавал и, приезжая в Киев, действовал определенно, как представитель левого «твердокаменного» крыла большевизма, стремившегося к тому, чтобы поставить все точки над *i*, чтобы выяснить истинную природу меньшевизма и расколоть в случае надобности партию надвое.

В сущности говоря, дальнейшее развитие событий и в особенности Октябрьская революция и связанное с ней разложение меньшевизма полностью оправдали эту непримиримость. Но тогда казалось, что такая позиция еще несвоевременна, что она недостаточно обоснованна и понятна. И в Киеве, например, в 1905 году большевики работали с меньшевиками в коалиционном комитете, и после этого попытки к совместному сотрудничеству большевиков с меньшевиками продолжались до 1907 года, когда совместными усилиями литераторов обоих направлений издавался легальный социал-демократический еженедельник «Друг народа», несомненно сыгравший известную роль в деле политического развития рабочих масс.

Тов. Ленгника я чаще всего встречал в Политехническом институте на квартире у профессора Тихвинского, оказавшего большие услуги нашей партии. Известная всем нам близость тов. Ленгника к Владимиру Ильичу делала его особенно авторитетным и в глазах членов комитета. Но целью его приезда в Киев была, кажется, не столько связь с комитетом, сколько преимущественно участие в заседаниях ЦК вместе с Г. М. Кржижановским.

Так протекала работа Киевского социал-демократического комитета в описываемый период, вернее, ее отдельные моменты, характеризующие партийную работу и внутривнутрипартийную борьбу в период до и после II съезда РСДРП.

КИЕВСКИЙ КОМИТЕТ 1903 ГОДА

Тотчас же после II съезда меньшевики спешно мобилизовали свои силы. Опорным пунктом их работы стали Киевский, Ростовский и Харьковский комитеты... Не знаю почему, но меньшевики тяготели больше к югу. Мне тогда пришлось объехать около двадцати комитетов с докладом о съезде, и чем дальше я отдалялась от юга и приближалась к северу, тем меньше я встречала меньшевиков, тем слабее было их влияние, тем отрицательнее было отношение организаций к ним. Но и на юге не везде они были сильны. Екатеринославский комитет был почти сплошь большевистский, и там, насколько я помню, меньшевики никогда большого успеха не имели. Но в Киеве они сидели прочно, и, если мне не изменяет память, им принадлежит первенство в деле непризнания ЦК и выражения ему недоверия.

Члены ЦК, бывшие тогда в Киеве, решили, что так как мне поручено объезжать комитеты с докладами о II съезде, то лучше всего начать с Киева. Я сговорила с тов. Шлихтером, и мы вместе направились на заседание комитета. Присутствовало человек десять, но, кроме Розанова, Шнеерсона и Шлихтера, я сейчас фамилий вспомнить не могу. Доклада о съезде и возникших разногласиях делать не пришлось. Комитет был отлично осведомлен обо всем. Вопрос был поставлен в плоскости обсуждения создавшегося положения. Меньшевики с пеной у рта доказывали... что обижены лучшие люди в партии, что большевики — бонапартисты и стремятся к диктаторству и т. п. Я стремилась вести спор в рамках принципиальных разногласий, считая, что только с этой точки зрения он имеет значение и могут быть поняты назревшие разногласия, что, если мы хотим прийти к единству, мы должны договориться принципиально и т. д. Куда тебе! Они кипели злобой...

Шнеерсон (Ерема) длинно рассказывает о том, что мы узурпировали власть, что Надежда Константиновна не дает никому из инакомыслящих ни явок, ни адресов, что их, меньшевиков, сознательно стремятся удерживать за границей, чтобы вместе с ними не просочилась истина. Что большевики скрывают причину разногласий, боясь обанкротиться. Такая бессмысленная болтовня меня взорвала, и я заявила, что мы, объявив войну всему капиталистическому миру и самодержавию, уж, конечно, не испугаемся кучки беспринципных оппортунистов и что именно в наших интересах

не задерживать их за границей, а дать им всяческую возможность приехать. Что такое беспринципное отношение к крупнейшим разногласиям показывает всю их несостоятельность и мы убеждены, что местные организации и работники сумеют по существу оценить и разобраться в вопросах, которым меньшевики стремятся придать характер склоки. Ну, после такого моего ответа спор уже перешел все границы. Не могло быть и речи о том, что будут найдены точки соприкосновения.

Еще одна особенность меньшевистской организации. У них в комитете не было ни одного рабочего. Это была типично интеллигентская организация... Когда я изумилась, почему у них нет рабочих, и спросила, они меня чуть не загрызли. «Ах, вот что, вам нужны мозолистые руки?» Конечно, «ведь дело освобождения рабочих есть дело самих рабочих». Эта фраза вызвала взрыв негодования. Я и сейчас не понимаю, почему это их так взорвало? Этот инцидент не остался без последствий. Розанов приехал в Питер и рассказывал, что я явилась в Киевский комитет и, сверкая глазами, заявила: «А у вас нет рабочих, я вас распускаю» — и распустила комитет. Представьте, говорил он Буру, «она говорит, что дело освобождения рабочих есть дело самих рабочих», точь-в-точь как Надеждин».

Меня удивляло тогда, что меньшевики не понимали, что, если бы даже разногласий не было, их нужно было выдумать, я им об этом сказала тогда, потому что иначе нельзя было и выступать перед организациями, а особенно перед рабочими. В сущности, споры о том, будет ли в редакции тройка или пятерка и будет ли в этой тройке Вера Ивановна Засулич или нет, мало кого трогали. Все хотели понять сущность разногласий, не придавая почти никакого значения обидам и пр. Меньшевики не поняли и не учли этого и с чисто интеллигентским настроением явились в Россию жаловаться на обиды и, конечно, провалились. Из двадцати комитетов, которые я объехала, только Киевский принял резолюцию против ЦК. Ростовский принял резолюцию за ЦК и позже от нее отказался. Харьковский — не помню¹.

Во всяком случае, большинство комитетов после II съезда приняли резолюции признания всех решений съезда и подчинения ЦК. Позже меньшевики поняли, что принципы нужны, что на одних обидах и ругани далеко не уедешь, и выдвинули принцип рабочей демократии в противовес диктатуре большевиков. И тут уж они, забыв свое возмущение моей якобы демагогией по поводу «мозолистых рук», стали кричать на всех перекрестках о нашем яковинском отрыве от рабочих масс и об их органической связи с массами. Нашим же добром в нас же челом.

ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, оп. 3,
д. 206, л. 12—14

¹ После II съезда РСДРП Харьковский комитет стоял на меньшевистских позициях. *Ред.*

СНОВА В ТВЕРИ

По приезде в Тверь я там не нашел уже многих товарищей, работавших до моего отъезда в Вышний Волочок. В тверской организации произошел большой провал...

Тверской комитет изменился не только по составу работников, но и по методам работы: вместо чтения в кружках книжечек перешли на лекционную систему, на устройство массовок. Несмотря на то что время было зимнее — январь, февраль, массовки устраивались по ночам в лесу, далеко за городом, конечно, с большой конспирацией и осторожным подбором участников. На всем протяжении пути расставлялись замаскированные патрули, чтобы приходившие не могли узнать их.

Несмотря на холод, приходило до 100 человек, по пояс в снегу, простаивали по 2—3 часа. Темой для массовок была — русско-японская война и другие политические вопросы. На массовках выступали агитаторы Шаповалов (Максим), старейший революционер, петербургский рабочий, Шестаков А. В. (Никодим) — тоже рабочий, революционер-подпольщик, тогда работавший на Морозовской фабрике.

Секретарем Тверского комитета работала Прасковья Францева Куделли, членами комитета были Шаповалов, Шестаков, Панов Василий, Кутушев.

Кроме перечисленных товарищей в то время в организации работали: Семен — студент, Буш, Мария Федоровна, Гусев — семинарист, Потоцкая, Мечникова и др., фамилии которых не помню.

В Твери я познакомился с ссыльными рабочими из Петербурга: Яциневичем Александром, Петровым Василием, Приваловым, Орловой Дуней, Кузьминой Лизой и др.

Они нанимали близ Затьмакского моста деревянный домишко и жили коммуной. Заработок имели только двое — Яциневич и Петров, которые работали у кустарей за гроши, остальные и этого не имели.

Я остался в коммуне, рассчитывая найти работу, но скоро достать ее мне не удалось, пришлось оставаться иждивенцем коммуны. Несмотря на материальную нужду, ощущаемую в коммуне, отношения между нами не портились, жили дружно. Женщины работали по хозяйству, мы, безработные, делали что-нибудь в организации: печатали листовки на гектографе, а то и от руки

писали печатными буквами, разносили их по рабочим квартирам. Вместе с нами принимали участие в печатании листовок некоторые семинаристы — Гусев и др. Мы сами и наша квартира находились под усиленным надзором не только жандармерии и полиции, но и обывателя, который для нас был даже опаснее полиции, от него труднее было скрыться.

Отправляясь на собрание или в разноску литературы, нам приходилось выходить из дома задолго до назначенного часа, бродить по улицам, проверяя, не идут ли за нами шпики, и, только когда убеждались, что хвосты оторвались, мы шли по нужному адресу. Вследствие этого ходить к нам в коммуны активным товарищам запрещалось, с ними встречались мы в других местах.

Тверская социал-демократическая организация жила в это время очень интенсивной жизнью, шла усиленная работа по ликвидации Залогинской стачки и подготовка к стачке на других фабриках. Повышенное настроение в рабочих массах навело на мысль организовать политическую демонстрацию-протест против русско-японской войны.

Недовольство в массах было так сильно, что достаточно было какого-нибудь незначительного повода со стороны администрации фабрик, как вспыхивали забастовки. На Залогинской фабрике из-за ничтожного повода рабочие забастовали, причем перебили стекла в фабричных зданиях, порезали ремни, основы, поломали станки и т. п. Тверской комитет выпустил по поводу этого листовку, в которой высказывал свое отрицательное отношение, предупреждая рабочих против таких методов борьбы, которые, кроме вреда, ничего рабочим не приносят, так как понесенные убытки фабриканты перекладывают на самих рабочих.

19 февраля вспыхнула забастовка на Морозовской фабрике. Причиной к этому послужил такой инцидент: в ситцевом отделении фабрики директор заметил у рабочего сваренный в котелке картофель, набросился на котелок, выбросил из него картофель на пол и тут же растоптал его ногами. Рабочие, возмущенные таким поведением директора, отправились к главному директору фабрики Сахарову: но на его вопрос — зачем они пришли, могли только ответить: «Дайте нам кипятку для чая». Работая в 30-градусной жаре и в пыли, они ощущали сильную жажду, а от сырой воды болели, и потому первое, что у них было на языке, — кипяток. Но это требование, по мнению Сахарова, было невыполнимо для Морозова: сегодня рабочие хотят горячей воды, завтра потребуют еще что-нибудь, дай только им потачку. Нет, Сахаров не такой человек, и он прогнал рабочих: «Пошли вон, бездельники».

Рабочие, думая, что их требование законное, обратились к фабричному инспектору, блюстителю законности, но, конечно, они ошиблись: фабричный инспектор не поддержал их. Даже либеральствующая жена Морозова также возмутилась дерзостью рабочих и не захотела выслушивать их. Рабочие забастовали. Но кому лучше знать о материальном положении рабочих, как не фабрикан-

там, они знали, что у рабочих нет запасов, они живут в кредит в фабричной лавке, стоит закрыть лавку, и больше двух-трех дней они не выдержат. С первого дня стачки повесили объявление о расчете рабочих, и стачка была сорвана...

На фабрике Берга рабочие заметили, что директор часто вызывает молоденьких девушек к себе в кабинет и подолгу задерживает их. На этой почве росло сильное недовольство среди рабочих. Тогда один молодой рабочий откуда-то достал пистолет, и, когда после выхода из кабинета директора заплаканной девушки вышел и директор, рабочий выстрелил в него и поранил. Он, конечно, немедленно был арестован, но симпатии рабочих были на его стороне, и они все, как один человек, дали свои подписи и взяли его на поруки. Суд присяжных, учитывая настроение рабочих, оправдал этого смелого рабочего.

Бастовали и рабочие вагоностроительного завода, но забастовка кончилась неудачно. На всех фабриках и заводах Твери в этот период шла как бы репетиция, рабочие пробовали свои силы.

В это время, начало 1904 года, в тверской организации получены были известия о том, что на II съезде РСДРП произошел раскол, но подробных сведений не было, и организация стояла на распутье. Вопросы, связанные с расколом, тревожили каждого революционера. Для нас многое было неясно, и мы не могли разобраться, на чьей стороне правда. Ловили всякую полученную весть, каждую мысль, высказанную товарищами.

При обсуждении вопроса о расколе в партии подходили к нему и с принципиальной стороны и оценивая личный состав теоретиков, стоявших во главе той и другой группы. Тогда личное качество даже рядового революционера, не говоря уже о теоретиках, имело колоссальное значение, и часто в зависимости от этого определялась принадлежность к партии. В теоретических вопросах слабо разбирались не только рабочие, но и интеллигенты и часто, руководствуясь симпатиями, примыкали к той или другой организации.

Раскол рабочие встретили отрицательно, объясняли его, по внушению интеллигентов-меньшевиков, личной неприязнью лидеров партии. Но это было только вначале, пока не разобрались в спорных вопросах. Из первого сообщения о расколе мы узнали, что на стороне большинства съезда оставались В. И. Ленин и Плеханов, это примиряло с фактом раскола.

Но скоро стало известно о переходе Плеханова к меньшинству, то есть о присоединении его к Мартову, Аксельроду, Засулич и др. Появились письма Мартова, в которых он приписывал Ленину желание диктаторствовать в партии и с этой целью он как будто вытеснил старейших и испытанных революционеров. Мартов обвинял Ленина во всех смертных грехах. В это время ничего не противопоставлялось измышлениям меньшевистских лидеров, никаких объявлений со стороны Ленина мы не получали.

Питаясь этими односторонними сведениями, мы призадумались, не прав ли Мартов. Надо заметить, что организация больше

знала Плеханова, чем Ленина, и знала его с лучшей стороны, как теоретика, училась у него марксизму, а в особенности интеллигенция, она боготворила Плеханова. А как известно, партийные комитеты возглавлялись интеллигентами, окружали их также интеллигенты всяких толков, и потому неудивительно, что многие организации, в особенности южных городов, перешли к меньшевикам.

Был период, когда тверская организация была накануне присоединения к меньшевикам¹.

В то время, когда Мартов и другие меньшевики спекулировали на Плеханове и поносили всячески Ленина, а сентиментальная интеллигенция, окружавшая партийные комитеты, усердно вторила меньшевикам, от большевистского центра никаких сведений не было, он не проявлял признаков жизни.

Тогда тверская организация приступила к самоопределению.

Секретарем Тверского комитета работала Прасковья Францевна Куделли (Тетушка), которая была одним из культурнейших марксистов-практиков. Прасковья Францевна, отбросив личные моменты, то есть сплетни о симпатиях и антипатиях лидеров, как не имеющие существенного значения для разрешения основного вопроса, поставила перед Тверским комитетом, а затем и на рабочих собраниях этот вопрос с принципиальной стороны. Раскололся съезд, говорила она, по первому пункту устава партии, который определяет членство партии; по-меньшевистски, членом партии может быть тот, кто признает программу и платит членский взнос, а по-большевистски — кто, кроме того, и активно работает в одной из организаций. Прасковья Францевна говорила: по Ленину, партия — боевой отряд пролетариата, а не объединение филантропов, право члена партии нельзя купить за деньги; по меньшевистскому определению, всякий либеральствующий интеллигент и даже буржуа найдет свое место в партии.

Итак, говорила Прасковья Францевна, все вопросы, из-за которых раскололся съезд... выявили лицо партии — или она должна плестись в хвосте у буржуазии, или должна стать боевым авангардом пролетариата, опираться только на рабочий класс и поддерживать революционное крестьянство.

С болью в сердце расставались рабочие с Плехановым, но вопросы, по которым произошел раскол, были важнее их отношения к нему.

Еще до получения письма от Н. К. Крупской тверская организация определилась, в этом видную роль играли такие старейшие товарищи, как А. Шаповалов, Шестаков и другие петербургские рабочие, отбывавшие ссылку...

Голубев И. М. От стачки к восстанию. Воспоминания рабочего большевика (1896—1907). М.—Л., 1931, с. 72—77

¹ Меньшевики пытались склонить комитет на свою сторону. Но это им не удалось. Комитет остался верен большевикам. *Ред.*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ УРАЛЕ

Весной 1903 года я был откомандирован группой «Искры» в Россию для партийной работы. Перед тем я пробыл более года в Париже, где работал в социал-демократических кружках, подготовлявших кадры будущих партийных работников из временно проживавших там русских рабочих и учащихся.

Все возрастающее революционное настроение масс в России чрезвычайно оживило деятельность русских революционеров за границей. В Париже кроме организационной шла и идейная подготовка ко II партийному съезду.

Освежив и пополнив свои познания по вопросам партийной программы и тактики, я отправился в Россию через Берлин, где я должен был встретиться с товарищем, организующим переправу через русскую границу работников, едущих на партийную работу в Россию. В Берлине я виделся с Крохмалем и другими товарищами, которые снабдили меня паспортом и всем необходимым. По переезде через русскую границу я направился в Самару, где должен был явиться с паролем в земскую управу. В Самаре меня связали с Восточным бюро РСДРП, которое откомандировало меня для работы на Урал ввиду слабой постановки тамошней работы, в особенности в Екатеринбурге.

Прибыв в Екатеринбург, я прямо с вокзала отправился на явочную квартиру — центральную электрическую станцию. Пароль к работавшему на этой станции инженеру был нельзя сказать, чтобы очень удобный: «Объявляю ревизию всему сумасшедшему двору». Как я вскоре убедился, этот пароль вполне соответствовал недавнему прошлому екатеринбургской практики — незадолго до моего приезда в Екатеринбурге существовала объединенная организация социал-демократов и социалистов-революционеров. Вот до чего в прежние времена додумывались местные организации!

Связавшись через электрическую станцию с активными работниками — тов. Неверовым (по партийной кличке Лука) и товарищем-украинцем¹, фамилию которого сейчас не помню, я в этот же вечер познакомился с положением партийной организации в

¹ Н. А. Скрыпник, входил в состав Средне-Уральского комитета РСДРП. *Ред.*

Екатеринбурге. Положение было незавидное. Организации, в сущности, не было, были лишь связи с несколькими фабриками, заводами и либеральным «обществом». Так, например, была связь с прядильно-мануфактурной фабрикой Макарова через рабочего Морозова и работницу Катю, с электрической станцией — через инженеров сочувствующих Некрасова и Меклера.

Через некоторое время, расширив наши связи, мы стали организовывать кружки из фабричных рабочих и работниц, печатать на гектографе прокламации, которые распространялись и разбрасывались рабочими этих же кружков, в которых велись занятия по партийной грамоте. Я не запомнил всех фамилий рабочих первых кружков, с которыми занимался, мне запомнились лишь фамилии рабочих, принимавших в то время более активное участие в партийной работе, как товарищей Морозова, Капустина, Ровинского и работницы Кати. Из «общества» ближе стояли к нашей организации товарищи Полякова (Д. Х. Чуцкаева), Жукова и фактический редактор газеты «Уральский листок»; услуги оказывали нам директор электрической станции Кроль, санитарный врач Спасский, учащаяся молодежь и др. От Восточного бюро к нам часто заезжали агенты с целью информации и собирания сведений о работе. Бюро прислало нам для подкрепления тов. Козловского (партийная кличка Павел), тогда большевика (теперь он, кажется, меньшевик) и одного газетного сотрудника.

Постепенно наша организация настолько окрепла, что с санкции Восточного бюро преобразовалась в Екатеринбургский комитет. В конце 1903 года ЦК прислал к нам своего агента тов. Смидовича¹...

В целях более глубокого проникновения в массы на предприятия мы обратились в центр с просьбой откомандировать к нам несколько хорошо развитых рабочих. Когда к нам прислано было два московских рабочих, дело пошло у нас живее, хотя во многом еще хромало. Партийная кличка одного из этих рабочих — развитого, энергичного организатора-агитатора — была Нитка. В это же время я связался с рабочими нижнетагильских заводов, куда часто отвозили партийную литературу. Для развертывания партийной работы в Нижнем Тагиле и близлежащих заводских местностях в Нижнем Тагиле была оставлена для постоянного жительства моя жена Фанни Абрамовна. Она сняла там квартиру в качестве зубного врача, открыла зубоврачебный кабинет, который в конспиративном отношении был очень удобен для явок и встреч с представителями заводских и железнодорожных рабочих.

Вскоре нижнетагильская организация завела прочные связи с близлежащими заводами, такими как Алапаевский, Салдинский и др. Таким образом, нам удалось связать с Екатеринбургом почти весь Средний Урал. Когда эти связи окрепли, нами был организован Средне-Уральский комитет (СУК, как его именовали в кон-

¹ Петр Гермогенович Смидович. *Ред.*

спиративном кружке и разговоре) РСДРП¹, члены которого все были большевистского направления; между нами были даже твердокаменные ленинцы.

Когда началась русско-японская война, настроение так называемого «общества» резко изменилось. В «Уральском листке» стали появляться шовинистические статьи, учащаяся молодежь устраивала патриотические манифестации, и мы временно лишились возможности использовать квартиры либералов для наших собраний и прочих услуг. Были даже случаи, когда ближе стоящие к нашей организации «помощники» добровольно уезжали на фронт в качестве сестер милосердия и пр. Наши «пораженческие» взгляды встречали недоумение даже среди распропагандированных нами торговых служащих; потребовалось немало усилий, чтобы растолковать им, что ближайшие выступления революционных масс находятся в тесной зависимости от неудачи царской военной авантюры.

Поражение царской армии, падение Порт-Артура и безостановочное отступление генерала Куропаткина отрезвили либерально-буржуазное общество и вызвали брожение среди пролетарских масс. Темп партийной жизни ускорился, работа на местах оживилась, и у нас возникла идея объединить всю уральскую партийную работу в единое целое. С этой целью было решено, что тов. Неверов и я (моя партийная кличка была Фаддей) отправимся в Пермь для постановки там партийной работы и связи ее с Средне-Уральским комитетом. Для губернского города Перми требовался лучший паспорт, чем тот, который у меня имелся на случай соприкосновения с полицией, и для меня была изготовлена бессрочная паспортная книжка на имя Петерсона. Помню, тов. Смидович тогда уверял, что с таким паспортом можно жить даже в Питере...

В Перми мы устроили конспиративную квартиру у сочувствующего нам Сасулича, который потом поплатился за это тремя месяцами тюремного заключения. Скоро мы приобрели связи с рабочими Мотовилихинского завода и другими предприятиями, постепенно расширяя нашу деятельность. Встречаться с активными элементами мотовилихинских рабочих нам приходилось в «черной бане», на огороде одного рабочего при закрытых ставнях единственного маленького окошечка, при свете керосиновой копилки.

В Перми наша работа продолжалась по-прежнему, но была весьма затруднена вследствие хорошо организованной за нами слежки пермского охранного отделения. Охранка, видно, была осведомлена о нашей работе, и в апреле 1904 года моя квартира осаждалась шпиками, которые дежурили у дома, где я жил, и следили за мной по пятам. Чтобы не провалить наладившуюся

¹ Средне-Уральский комитет РСДРП создан в июне 1903 г. в Екатеринбурге, стоял на искровских позициях; он объединял деятельность социал-демократических организаций Среднего Урала. *Ред.*

работу, решено было, что мне необходимо скрыться из Перми.

Когда кольцо окружавших меня шпииков стало все более суживаться, я приступил к исполнению моего решения. Сказав хозяину моей комнаты, что еду на несколько дней в уезд для переговоров относительно предложенной мне должности на заводе, и оставив у него свои вещи, я налегке отправился на вокзал. Один из дежуривших у дома шпииков пошел за мной. По дороге, увидев на углу улицы единственного спящего извозчика, я взял его и погнал к вокзалу, отвязавшись таким образом от шпиика. Когда прибыл на вокзал, поезда еще не было. Пришлось обождать. Вокруг меня завертелись двое подозрительных субъектов.

В это время подали поезд, публика двинулась на платформу, я замешался в толпе: товарищ, поджидавший на платформе с билетом до Екатеринбурга, сунул мне его в руку, и я вскочил в вагон. Переходя из вагона в вагон, я на площадке столкнулся с жандармом, обходившим вагоны и всматривавшимся в каждого пассажира. Я набросился на него со словами: «Что за порядки, билеты продают, а местов нет». Он предупредительно уступил мне дорогу, сказав: «Впереди есть места». Поезд тронулся, грозящий мне арест был таким образом избегнут.

Я направился в Нижний Тагил как уполномоченный от Средне-Уральского комитета. Здесь я был вне всякого подозрения и остался работать вместе с женой. Наша работа сосредоточилась главным образом среди рабочих железного рудника, медного рудника, железнодорожного депо, а отчасти велась также среди учащихся технической школы. Работа носила преимущественно пропагандистский характер; она переходила в агитацию лишь в исключительных случаях при острых конфликтах с заводской администрацией или при забастовках. Нижнетагильская организация поддерживала постоянную связь с Екатеринбургом, откуда снабжались партийной литературой. В Нижнем Тагиле я, кажется, впервые встретился с С. Е. Чуцковым, приехавшим к нам с поручением из Екатеринбурга.

Для более удобного сношения с рабочими мы сняли еще одну квартиру на окраине Нижнего Тагила. Вначале трудно нам давалась работа на окраине — «Гальянке», где среди рабочего населения было сильно развито пьянство и поножовщина. Но рабочее население «Гальянки» представляло для нас интерес как удалой и бунтарски настроенный народ; в конце концов наши усилия увенчались полным успехом: в 1905 году это был наиболее революционный район...

Постепенно социал-демократическая работа охватывала все большие районы Урала; она велась в Перми, Екатеринбурге, Нижнем Тагиле и в окружающих их заводских местностях. Наступил момент, когда идея объединения всей уральской партийной работы могла быть воплощена в жизнь. Для этой цели решено было созвать Уральскую партийную конференцию из представителей центральных мест, откуда работа распространилась почти

по всему Уралу. В июле 1904 года в Нижний Тагил съехались представители всех этих мест... Конференция в конспиративных целях несколько раз меняла место своих заседаний. Несколько дней она заседала на квартире Ф. А. Залкинда, несколько заседаний было на нашей квартире, которую мы занимали на окраине города, и одно или два заседания — в лесу... Заседали мы в течение целой недели с утра до позднего вечера.

На этой конференции мною был сделан обстоятельный доклад о партийной работе при особых условиях Урала, а также о положении уральских заводских рабочих. Этот доклад решено было переслать в «Искру» для использования...

После докладов с мест было приступлено к обсуждению вопроса об объединении всей уральской партийной работы. После тщательного обсуждения этого вопроса конференцией было постановлено объединить все уральские партийные организации в Уральский комитет Российской социал-демократической рабочей партии, который образовался из состава представителей конференции.

Работа на местах после этого еще больше оживилась, но в самом разгаре развертывания организационной деятельности нашей организации был нанесен сильный удар. В ночь на 12 сентября 1904 года все участники Уральской конференции были арестованы и отведены в Пермь...

КАК ИЗ НАС, РАБОЧИХ, ВЫРАБАТЫВАЛИ БОЛЬШЕВИКОВ

В 1903 году, вскорости после II съезда партии, я встретился в городе Николаеве в одном из кружков с товарищами Ногиним Виктором Павловичем (в то время Соколов Николай Петрович, по кличке Василий), Радус-Зеньковичем... где нас было человек двенадцать рабочих, из коих тов. Ногиним семь человек, в том числе и я, были выделены в так называемую агитаторскую группу. Позанимавшись с нами месяца два, тов. Ногин написал нам конспекты для ведения кружковых занятий. Помнится, что, когда мне или кому-нибудь другому из новых агитаторов нужно было провести беседу в кружке первый раз, вместе с нами обязательно присутствовал тов. Ногин или тов. Радус-Зенькович. Умело делая соответствующие поправки и пуская нового агитатора в кружок не раньше, как убедившись в способности товарища — сможет ли он справиться с возложенной на него задачей.

Таким образом, товарищи Ногин и Радус-Зенькович вырабатывали из рабочих николаевских заводов большевиков. Благодаря энергии товарищей Ногина и Радус-Зеньковича и тому редкому чутью, по которому они могли выбирать из массы тех товарищей, которые разделили бы с ними работу и были бы верными и надежными помощниками, уже в январе и феврале 1904 года в Николаеве насчитывалось немало большевистских кружков, главным образом на Слободке, где жили исключительно рабочие заводов. К этому времени была сколочена техника (типография) и было выпущено две-три прокламации, исключительно большевистской организации.

Работа шла полным ходом, как вдруг 21 февраля 1904 года, когда на одной из квартир собрался организованный мной кружок, нас всех арестовали, в том числе и пропагандистку тов. Шнеерсон Евдокию. Помнится мне, как тов. Ногин еще раньше учил нас, как держать себя на допросе перед жандармами, и на второй день на допросе я заявил, то есть написал сам свои показания: «На задаваемые мне вопросы отвечать не желаю, так как дознание жандармов и суд самодержавного правительства считаю пустой комедией, которую поддерживать не намерен».

Подписал: «Член РСДРП фракции большевиков С. Макаров».

Жандармский полковник Фокин и прокурор Милиант разинули рты и предложили мне отказаться от такого показания — я остался при своем мнении. Просидел в тюрьме две недели, и вот 9 марта 1904 года привели в тюрьму товарищей Ногина, Радус-Зеньковича и с ними вместе всю большевистскую организацию, в том числе товарищей, работавших в типографии: Колчинского Моисея, Краснобродского Леву и женщину. Среди арестованных был меньшевик Бовшеверов, от влияния которого так заботливо охраняли нас товарищи Ногин и Радус-Зенькович, так как на прогулке мы встречались все вместе. Был замышлен побег из тюрьмы товарищей Ногина и Радус-Зеньковича, которые сидели нелегальными, шла подготовка, были перерезаны провода сигналов, соединяющие помещение арестованных с конторой тюрьмы. Побег не удался вследствие нашей неопытности.

В мае месяце 1904 года арестованных поразвозили по российским тюрьмам: тов. Ногина в Ломжу, тов. Радус-Зеньковича — в Воронеж, меня — в Одессу и т. п. Всех нас обвиняли в принадлежности к Николаевскому комитету РСДРП (большевиков).

Последняя моя встреча с тов. Ногиним была в 1923 году на кавказских курортах...

Четверть века со времени начала большевизма — и укрепились те корни, которые пустили товарищи Ногин и Радус-Зенькович, выделив из нас, рабочих города Николаева, ответственных большевиков. Некоторые из них погибли на каторге, иные во время гражданской войны, оставшихся в живых из той группы нас двое: я и тов. Кашевский Георгий, ныне оба — члены Общества старых большевиков.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

АЛЕКСЕЕВ Н. А. — революционный социал-демократ, искровец, со II съезда РСДРП — большевик. Весной 1897 г. вступил в петербургский «Союз борьбы». В начале 1898 г. арестован и выслан на четыре года в Вятскую губернию, откуда в 1899 г. бежал за границу. С 1900 по 1905 г. жил в Лондоне, был членом «Союза русских социал-демократов за границей», затем — Заграничной лиги русской революционной социал-демократии. После II съезда РСДРП — представитель большевиков в Лондоне.

БАБУШКИН И. В. — рабочий, профессиональный революционер, большевик. Работал слесарем на Семяниновском заводе в Петербурге. В 1894 г. занимался в рабочем марксистском кружке, которым руководил В. И. Ленин. В 1895 г. — активный член петербургского «Союза борьбы». Один из агентов и корреспондентов газеты «Искра». Неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению, ссылке. В январе 1906 г. без суда и следствия расстрелян царской карательной экспедицией на станции Слюдянка, когда с группой товарищей вез из Читы оружие для иркутских рабочих. В. И. Ленин назвал его «народным героем», «гордостью партии».

БАКАЛОВ Г. И. — болгарский литературный критик, публицист, историк, пропагандист марксизма. В 1891 г. вступил в Болгарскую социал-демократическую партию. Во время учебы в Женеве (1891—1893 гг.) сблизился с группой «Освобождение труда». По возвращении в Болгарию участвовал в рабочем движении. Был делегатом Лондонского (1896 г.) и Амстердамского (1904 г.) конгрессов II Интернационала. В 1903—1905 гг. — член ЦК БРСДП (тесных социалистов). В 1905 г. во главе группы так называемых анархо-либералов вышел из БРСДП (т. с.). С 1920 г. — член БКП (тесных социалистов).

БАРАНСКИЙ Н. Н. — член партии с 1898 г., известный географ. Один из организаторов первых социал-демократических кружков в Сибири и Сибирского социал-демократического союза. Будучи студентом Томского университета (1901 г.), руководил студенческой политической забастовкой, за что был исключен из университета. Вел партийную работу в Екатеринбурге, Самаре, Киеве. Неоднократно подвергался арестам.

БУРЕНИН Н. Е. — социал-демократ, в революционном движении с начала 900-х годов. С 1902 г. принимал участие в транспортировке нелегальной литературы в Петербург через Финляндию, доставлял средства на партийные нужды, переправлял революционных социал-демократов через границу.

ВАКАР В. В. — социал-демократ, в революционном движении с конца 90-х годов. Корреспондент «Искры». В 1902 г. вошел в Киевский комитет РСДРП. После II съезда партии — большевик.

ВАРЕНЦОВА О. А.— член партии с 1893 г. Один из руководителей Иваново-Вознесенского и Северного рабочих союзов.

ВИНОКУРОВ А. Н.— член партии с 1893 г. Участвовал в студенческом революционном движении. В 1891—1894 гг.— один из основателей московской и екатеринославской социал-демократических организаций. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам.

ВЛАДИМИРСКИЙ М. Ф.— член партии с 1895 г., большевик. Вел партийную работу в Москве, Арзамасе, Нижнем Новгороде и за границей. Неоднократно подвергался репрессиям царского правительства.

ВОЕВОДИН П. И.— член КПСС с 1899 г., рабочий-литейщик. Входил в екатеринославскую социал-демократическую организацию. В 1901 г. арестован и выслан в Саратов, где за участие в демонстрации 5 мая 1902 г. вновь арестован. На суде произнес речь, которая была нелегально издана и сыграла значительную агитационную роль.

ГАНШИН А. А.— один из зачинателей социал-демократического движения в Москве, инженер-технолог. Входил в первую московскую социал-демократическую организацию «Центральный рабочий союз». Участвовал в издании нелегальной литературы. Им были напечатаны на гектографе первая и вторая (не полностью) части книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». В связи с провалом «Центрального рабочего союза» в июне 1895 г. был арестован и выслан в Вятскую губернию на три года.

ГОЛУБЕВ И. М.— член КПСС с 1900 г., большевик. Вел революционную работу в Петербурге, Твери, Баку, Москве.

ГУСЕВ С. И. (Драбкин Я. Д.) — член КПСС с 1896 г., профессиональный революционер, большевик. Революционную деятельность начал в 1896 г. в петербургском «Союзе борьбы». Весной 1897 г. арестован и выслан в Оренбург. С 1899 г. жил в Ростове-на-Дону, принимал активное участие в работе Донского комитета РСДРП, был одним из руководителей стачки 1902 г. и мартовской демонстрации 1903 г. На II съезде РСДРП — делегат от Донского комитета, искровец большинства; объехал ряд городов юга России с докладами о съезде. В августе 1904 г. участвовал в совещании 22-х большевиков в Женеве.

ЕНУКИДЗЕ А. С.— член КПСС с 1898 г. Будучи статистиком бакинского общества «Электрическая сила», в 1901—1902 гг. участвовал в транспортировке искровской литературы через Тавриз — Баку и Марсель — Батум, работал в подпольной бакинской типографии «Искры». В апреле 1902 г. арестован за участие в демонстрации, 13 мая освобожден. 2 сентября 1902 г. вновь арестован и в июне 1903 г. выслан на три года в Архангельскую губернию.

ЗАЛКИНД С. И.— член КПСС с 1903 г., в революционном движении с 90-х годов, инженер-механик. С 1901 г. входил в Заграничную лигу русской революционной социал-демократии. С августа 1902 г. по паспорту К. Г. Петерсона жил в Париже. С июня 1903 г. работал на Урале, был одним из организаторов Средне-Уральского комитета РСДРП.

ЗАЛОМОВ П. А. — рабочий, социал-демократ, один из организаторов первомайской демонстрации 1902 г. в Сормове. Во время демонстрации был арестован, на суде выступил с яркой речью, направленной против самодержавия. Был приговорен к пожизненной ссылке в Восточную Сибирь. В марте 1905 г. бежал из ссылки, примкнул к большевикам, работал в Петербурге и Москве.

ЗЕЛИКСОН-БОБРОВСКАЯ Ц. С. — член КПСС с 1898 г., профессиональный революционер, агент «Искры». Вела партийную работу в Твери, Тифлисе, Баку, Москве, Костроме и других городах. Неоднократно подвергалась арестам и ссылкам.

ЗЕМЛЯЧКА Р. С. — профессиональный революционер. Член КПСС с 1896 г. В революционное движение вступила в 1893 г. С 1896 г. входила в Киевский комитет РСДРП. В 1901 г. была агентом «Искры», вела работу в Одессе и Екатеринославе. На II съезде РСДРП — делегат от Одесского комитета, искровец большинства. После съезда была кооптирована в ЦК от большевиков, активно участвовала в борьбе с меньшевиками. В августе 1904 г. принимала участие в совещании 22-х большевиков в Женеве, была избрана в Бюро комитетов большинства. Неоднократно подвергалась репрессиям царского правительства.

КАЛИНИН М. И. — член КПСС с 1898 г., в революционном движении с середины 90-х годов. В 1899 г. арестован по делу петербургского «Союза борьбы» и в 1900 г. выслан в Тифлис, где вел пропагандистскую работу в железнодорожных мастерских. В 1901 г. приехал в Ревель, работал токарем на заводе «Вольта». В 1902 г. установил связь с редакцией «Искры». В январе 1903 г. арестован и отдан под особый надзор полиции в Ревеле.

КНЯЗЕВ В. А. — член петербургского «Союза борьбы», портовый рабочий. С 1894 г. вместе с другими передовыми рабочими участвовал в организации рабочих кружков. На его квартире проходили занятия кружка, которым руководил В. И. Ленин. В 1896 г. был арестован и выслан на три года в Вятскую губернию. Впоследствии отошел от политической деятельности.

КОЛЫШКЕВИЧ В. Н. — революционный социал-демократ, принимал участие в распространении газеты «Искра» в Латвии. Один из основателей рижской социал-демократической большевистской организации.

КРАСИН Л. Б. — социал-демократ, искровец, после II съезда РСДРП — большевик. В 1890 г. был членом социал-демократического кружка Бруснева в Петербурге. В 1891 г. выслан в Нижний Новгород за участие в демонстрации при похоронах Шелгунова. В 1894 г. вновь арестован и выслан на три года в Иркутск. По окончании ссылки (1897 г.) поступил в Харьковский технологический институт, который окончил в 1900 г. В 1900—1904 гг. работал инженером в Баку, где вместе с В. З. Кецховели организовал нелегальную типографию «Искры». После II съезда кооптирован в ЦК партии.

КРЖИЖАНОВСКИЙ Г. М. — в революционном движении с 1893 г., известный советский ученый, инженер-энергетик. Вместе с В. И. Лениным был одним из организаторов петербургского «Союза борьбы». В декабре 1895 г. арестован и сослан на три года в Сибирь (Минусинский округ). После возвращения из ссылки поселился в Самаре, где при его ближайшем участии был организован искровский центр. Осенью 1902 г. вошел в состав Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП. На съезде заочно избран в состав ЦК.

КРУПСКАЯ (Ульянова) Н. К. — член партии с 1898 г. Жена, друг и соратник В. И. Ленина. В 1891—1896 гг. преподавала в вечерне-воскресной школе за Невской заставой, вела революционную пропаганду среди рабочих. Участвовала в организации и работе ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В августе 1896 г. арестована, в 1898 г. приговорена к трем годам ссылки, которую отбывала вместе с В. И. Лениным в с. Шушенское Енисейской губернии. В 1900 г. заканчивала срок ссылки в Уфе, вела занятия в рабочем кружке, готовила будущих корреспондентов «Искры». После освобождения (1901 г.) приехала к Ленину в Мюнхен, работала секретарем редакции «Искры».

КУДЕЛЛИ П. Ф. — член КПСС с 1903 г. В революционном движении с конца 80-х годов, народоволка, затем социал-демократ. В 1901 г. выслана из Петербурга в Псков, где входила в искровскую группу. 1 марта 1903 г. арестована в Петербурге и в мае выслана на три года в Тверь, где вошла в комитет РСДРП.

ЛАЛАЯНЦ И. Х. — в 80-х годах член марксистского кружка Н. Е. Федосеева в Казани, в 1892 г. вел революционную пропаганду в Нижнем Новгороде. На следующий год в Самаре вошел в марксистский кружок, которым руководил В. И. Ленин. В 1895 г. сослан в Екатеринослав, участвовал в создании местного «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и подготовке I съезда РСДРП. При его участии весной 1900 г. был издан первый номер нелегальной социал-демократической газеты «Южный рабочий». В апреле 1900 г. арестован.

ЛЕНГНИК Ф. В. — профессиональный революционер, большевик. В социал-демократическом движении с 1893 г. В 1896 г. арестован по делу петербургского «Союза борьбы» и сослан на три года в Восточную Сибирь. Там вместе с шестнадцатью социал-демократами подписал написанный В. И. Лениным «Протест российских социал-демократов» против «Средо», «экономистов». Входил в организацию «Искры». На Псковском совещании Организационного комитета по подготовке II съезда РСДРП (ноябрь 1902 г.) был введен в состав ОК. На съезде заочно избран в ЦК и Совет партии. В 1903—1904 гг. активно участвовал в борьбе с меньшевиками за границы.

ЛЕПЕШИНСКИЙ П. Н. — в социал-демократическом движении с начала 90-х годов. В 1890 г. за участие в студенческих выступлениях был арестован и выслан из Петербурга. В 1895 г. вновь арестован и в 1897 г. сослан в Сибирь, сначала в Енисейский, а затем в Минусинский уезд Енисейской губернии. В ссылке познакомился и сблизился с В. И. Лениным. По окончании ссылки (1900 г.) поселился в Пскове, принимал деятельное участие в распространении «Искры». В 1902 г. арестован и опять сослан в Сибирь. В 1903 г. бежал в Швейцарию, где под руководством Ленина принимал участие в подготовке III съезда РСДРП.

ЛИТВИНОВ М. М. — член партии с 1898 г., после II съезда РСДРП — большевик. Революционную работу начал как пропагандист в рабочих кружках Черниговской губернии. В 1900 г. работал в Киевском комитете, в 1901 г. был арестован. В августе 1902 г. в числе одиннадцати искровцев бежал из тюрьмы и эмигрировал за границу. Принимал активное участие в распространении газеты «Искра». Был делегатом от рижской организации на III съезде РСДРП.

ЛЯДОВ (Мандельштам) М. Н. — профессиональный революционер, большевик. Революционную деятельность начал в 1891 г. в московских народнических кружках. В 1892 г. вошел в марксистский кружок, в 1893 г. принял участие в создании «Московского рабочего союза» — первой социал-демократической организации в Москве. В 1895 г. руководил маевкой в Москве, был арестован и сослан на пять лет

в Верхоянск. По возвращении из ссылки работал в Саратове. На II съезде РСДРП — делегат от Саратовского комитета, искровец большинства, после съезда — агент ЦК, вел активную борьбу с меньшевиками в России и за границей. В августе 1904 г. участвовал в совещании 22-х большевиков в Женеве, вошел в Бюро комитетов большинства, был делегатом от большевиков на Амстердамском конгрессе II Интернационала.

МАКАРОВ С. — рабочий, член николаевской социал-демократической большевистской организации.

МИЦКЕВИЧ С. И. — член партии с 1893 г., по профессии врач. Один из организаторов «Московского рабочего союза». В 1894 г. арестован и в 1897 г. сослан в Якутскую губернию. После возвращения из ссылки вел революционную работу в Москве, Нижнем Новгороде, Саратове, сотрудничал в большевистских газетах.

НЕВЗОРОВА-КРЖИЖАНОВСКАЯ З. П. — революционную деятельность начала в 90-х годах. Принимала участие в работе петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В июне 1896 г. арестована. Отбывала ссылку в селе Тесинском Минусинского округа Енисейской губернии, а затем в Минусинске. В 1899 г. в числе 17 социал-демократов подписала составленный В. И. Лениным «Протест российских социал-демократов» против «Credo» «экономистов».

НЕМЧИНОВ Е. И. — член партии с 1893 г., рабочий-металлист. Один из организаторов «Московского рабочего союза», член Центрального рабочего кружка. В июне 1896 г. арестован, но из-за отсутствия улик вскоре освобожден и поступил на лесопильный завод Арцыбашева в Мытищах, а затем на Мытищинский вагоностроительный завод, где организовал социал-демократический кружок для рабочих.

НОГИН В. П. — член КПСС с 1898 г., профессиональный революционер. Один из организаторов забастовки рабочих на фабрике Паля и на Семянниковском заводе. В 1897 г. вступил в Петербурге в социал-демократическую группу «Рабочее знамя», занимавшую непримиримую позицию по отношению к «экономистам». Вскоре был арестован и сослан в Полтаву, где вступил в группу содействия «Искре». Агент «Искры». Работал в Москве и Петербурге. После II съезда партии — большевик, вел партийную работу в Ростове, Москве и Николаеве.

ОКУЛОВА-ТЕОДОРОВИЧ Г. И. — член КПСС с 1899 г., профессиональный революционер. Вела партийную работу в Киеве, Уфе, Полтаве, Иваново-Вознесенске. С осени 1901 г. — член Киевского комитета РСДРП. Вскоре была арестована и выслана в Чернигов. С сентября 1902 г. как агент «Искры» работала в Москве. В ноябре того же года на Псковском совещании утверждена кандидатом в члены ОК по созыву II съезда РСДРП. В декабре 1902 г. арестована в Москве и выслана на пять лет в Якутскую губернию.

ОНУФРИЕВ Е. П. — член КПСС с 1904 г. Организовал большевистскую группу на Обуховском заводе. Был членом Невского районного и Петербургского комитетов РСДРП. Подвергался арестам и тюремному заключению, был в ссылке.

ПЕТРОВСКИЙ Г. И. — член КПСС с 1897 г., большевик. Депутат IV Государственной думы от рабочих Екатеринославской губернии, входил в большевистскую фракцию.

ПИСКУНОВ А. И.— член КПСС с 1899 г. В 1894 г. за участие в студенческом движении исключен из Московского университета и сослан в Нижний Новгород. В 1900 г. дважды встречался с В. И. Лениным (в Уфе и Нижнем Новгороде). Член Нижегородского комитета РСДРП.

ПЯТНИЦКИЙ О. А.— член КПСС с 1898 г., профессиональный революционер. Возглавлял искровскую транспортную группу в Вильне. В марте 1902 г. арестован и заключен в Лукьяновскую тюрьму в Киеве, 18 августа бежал из нее в числе одиннадцати искровцев. Жил в Берлине, занимался транспортировкой искровских изданий.

СИЛЬВИН М. А.— в революционном движении с 1891 г. В 1895 г. вошел в руководящий центр петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1896 г. арестован и сослан в Восточную Сибирь на три года. В августе 1899 г. вместе с шестнадцатью другими социал-демократами подписал «Протест российских социал-демократов» против «Credo» «экономистов», написанный В. И. Лениным.

СТАСОВА Е. Д.— член КПСС с 1898 г. До 1905 г. вела подпольную революционную работу в Петербурге, Киеве, Минске, Орле, Смоленске, Вильне и Москве, была секретарем Петербургского комитета партии, секретарем Северного бюро ЦК. За революционную деятельность неоднократно подвергалась арестам, тюремному заключению и ссылке в Сибирь.

СТЕПАНОВ С. И.— член КПСС с 1895 г. Токарь Патронного завода в Туле, в 1902—1905 гг.— член Тульского комитета РСДРП. Делегат II съезда РСДРП. Вел партийную работу в Петербурге, Оренбурге, Москве, Луганске. Неоднократно арестовывался и ссылался.

СТОПАНИ А. М.— профессиональный революционер, большевик. Революционную деятельность начал в 1892 г. в Казани. В 1894—1898 гг. был пропагандистом в социал-демократических рабочих кружках Ярославля. Затем работал в Пскове, где в 1900 г. познакомился с В. И. Лениным; принимал участие в подготовке издания «Искры», был одним из организаторов «Северного рабочего союза». В ноябре 1902 г. на Псковском совещании Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП был введен в состав ОК. На съезде — делегат от «Северного рабочего союза», искровец большинства. После съезда по поручению ЦК работал в Ярославле, организовал нелегальную типографию, после провала которой летом 1904 г. уехал в Баку. Был одним из организаторов Бакинского комитета большевиков.

ТУЧАПСКИЙ П. Л.— социал-демократ, один из организаторов киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», участник I съезда РСДРП.

УЛЬЯНОВ Д. И.— младший брат В. И. Ленина — участвовал в революционном движении с 1894 г. Член партии с 1903 г., большевик. Был членом марксистских кружков, входил в «Московский рабочий союз». С 1900 г. агент «Искры». В 1903 г. вел революционную работу в Туле, делегат II съезда РСДРП, затем агент ЦК РСДРП в Киеве. Неоднократно подвергался арестам.

УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА А. И.— старшая сестра В. И. Ленина. Член партии с 1898 г. Принимала участие в студенческом революционном движении. В социал-демократическое движение вошла в 1894 г. в Москве, в 1896 г. осуществляла связь

арестованного В. И. Ленина с петербургским «Союзом борьбы». В 1898 г.— член первого состава МК РСДРП. В 1900—1902 гг. в Берлине и Париже, а затем в России вела работу по содействию «Искре». В 1903—1904 гг.— на партийной работе в Киеве и Петербурге. Неоднократно арестовывалась.

ФЕЙНБЕРГ Л. Б.— социал-демократ, в революционном движении с 90-х годов. В 1903 г.— член Бакинского комитета РСДРП.

ФОТИЕВА Л. А.— член КПСС с 1904 г. В революционное движение вступила в 1901 г. В 1904—1905 гг. работала в большевистской группе за границей, помогала Н. К. Крупской в ведении переписки с подпольными организациями в России.

ЧЕРНОМОРДИК (Ларионов) С. И.— член партии с 1902 г. Пропагандист МК РСДРП.

ШЕЛГУНОВ В. А.— рабочий, профессиональный революционер, большевик. В революционное движение вступил в 1886 г. С 1892 г. вел пропаганду марксизма в рабочих кружках Петербурга. Один из организаторов петербургского «Союза борьбы», по делу которого был арестован и сослан. После ссылки работал в Екатеринославе, Баку, Тифлисе и Петербурге. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам.

ШЕСТЕРНИН С. П.— в революционном движении с 1892 г. В 1894 г. познакомился с В. И. Лениным. Юрист по образованию, работал городским судьей в Иваново-Вознесенске и Боброве Воронежской губернии. Оказывал помощь русской организации «Искры», по заданию которой ездил в 1902 г. в Сибирь для устройства побега И. Х. Лалаянца.

ШОТМАН А. В.— профессиональный революционер, большевик, рабочий-токарь. Революционную деятельность начал в 1899 г. в петербургском «Союзе борьбы». Работал на Обуховском заводе, участвовал в «Обуховской обороне» (1901 г.), был партийным организатором Выборгского района. На II съезде РСДРП — делегат Петербургского комитета, искровец большинства. После съезда работал в Костроме и Иваново-Вознесенске, был членом Северного комитета РСДРП.

ЭССЕН М. М.— социал-демократка, искровка, после II съезда — большевичка. В революционное движение вступила в начале 90-х годов, работала в рабочих кружках Екатеринослава, Одессы, Киева. В 1899 г. была арестована, просидела в тюрьме около двух лет, после чего сослана в Якутскую губернию, оттуда в 1902 г. бежала за границу. Вскрещивалась в Россию и работала в Петербургском комитете РСДРП; в конце 1903 г. кооптирована в ЦК.

ЭЙДЕЛЬМАН Б. Л.— член КПСС с 1898 г. В революционном движении с 1893 г. Один из организаторов киевского «Союза борьбы», участник I съезда РСДРП.

ЯКОВЛЕВ И. И.— рабочий, социал-демократ. Член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	7
Введение	11
I. У ИСТОКОВ БОЛЬШЕВИЗМА	
<i>В. И. Ленин.</i> Из брошюры «Задачи русских социал-демократов»	17
<i>А. И. Ульянова-Елизарова.</i> Из воспоминаний об Ильиче	19
<i>Н. К. Крупская.</i> Из воспоминаний о Ленине	43
<i>Г. М. Кржижановский.</i> О Владимире Ильиче	63
<i>А. А. Ганшин.</i> Как были изданы статьи В. И. Ульянова «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»	69
<i>М. А. Сильвин.</i> Создание петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»	71
<i>В. А. Шелгунов.</i> Владимир Ильич в Петербурге	89
<i>Э. П. Невзорова-Кржижановская.</i> Наброски воспоминаний о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса»	92
<i>П. Н. Лепешинский.</i> Из воспоминаний	98
<i>В. А. Князев.</i> Николай Петрович	108
<i>И. И. Яковлев.</i> Воспоминания	113
<i>Е. П. Онуфриев.</i> На уроках складывались и крепили наши революционные убеждения	121
<i>П. Ф. Куделли.</i> Дом № 65 по Шлиссельбургскому тракту	124
<i>М. Н. Лядов.</i> Как организовался «Московский рабочий союз»	129
<i>А. Н. Винокуров.</i> О возникновении московской партийной организации	144
<i>С. И. Мицкевич.</i> Московская партийная организация в 1893—1898 годах	150
<i>М. Ф. Владимирский.</i> Из истории московской социал-демократической организации. 1895—1896 годы	156
<i>Е. И. Немчинов.</i> Воспоминания старого рабочего	160
<i>С. П. Шестернин.</i> Из воспоминаний	162
<i>Л. Б. Фейнберг.</i> В рядах харьковской социал-демократической организации	168
<i>И. В. Бабушкин.</i> Из воспоминаний о екатеринославском «Союзе борьбы»	175
<i>Г. И. Петровский.</i> Воспоминания. С 1898 по 1905 год	186
<i>И. Х. Лалаянц.</i> Из воспоминаний	189
<i>Б. Л. Эйдельман.</i> Из книги «Первый съезд РСДРП»	193
<i>П. Л. Тучапский.</i> Из воспоминаний	207
	637

II. В ГОДЫ ЛЕНИНСКОЙ «ИСКРЫ»

<i>В. И. Ленин.</i> Заявление редакции «Искры»	219
<i>В. И. Ленин.</i> Как чуть не потухла «Искра»?	224
<i>Н. К. Крупская.</i> Из воспоминаний о Ленине	236
<i>Е. Д. Стасова.</i> Агент «Искры»	258
<i>Н. Е. Буренин.</i> Транспорты литературы	272
<i>М. А. Сильвин.</i> Разъездной агент «Искры»	288
<i>М. М. Литвинов.</i> Воспоминания о ленинской «Искре»	312
<i>Г. И. Окулова-Теодорович.</i> Воспоминания	328
<i>О. А. Пятницкий.</i> Моя работа за границей	332
<i>Г. И. Бакалов.</i> Искровец Иван Загубанский	338
<i>М. М. Эссен.</i> Петербургский искровский комитет в 1902—1903 годах	346
<i>Н. А. Алексеев.</i> В. И. Ленин в Лондоне (1902—1903 гг.)	354
<i>Ц. С. Зеликсон-Бобровская.</i> Из воспоминаний	357
<i>В. П. Ногин.</i> Из воспоминаний о московской организации РСДРП в 1901—1903 гг.	370
<i>С. И. Черномордик (П. Ларионов).</i> Двадцать лет тому назад	372
<i>О. А. Варенцова.</i> Как возник «Северный рабочий союз»	376
<i>А. И. Пискунов.</i> Социал-демократическая организация в Нижнем Новгороде в 1900—1903 годах	400
<i>П. А. Заломов.</i> Демонстрация в Сормове	411
<i>П. И. Воеводин.</i> Воспоминания о социал-демократической работе в Саратове и Саратовской губернии	417
<i>А. С. Енукидзе.</i> История организации и работы нелегальных типографий РСДРП на Кавказе в 1900—1906 годах	421
<i>Н. Н. Баранский.</i> В рядах Сибирского социал-демократического союза	440
<i>Л. Б. Красин.</i> Большевистская партийная техника	443
<i>М. И. Калинин.</i> Пребывание в Ревеле	449
<i>В. Н. Колышкевич.</i> Из воспоминаний	452

III. ВТОРОЙ СЪЕЗД РСДРП

<i>В. И. Ленин.</i> Рассказ о II съезде РСДРП	457
<i>А. И. Ульянова-Елизарова.</i> Из воспоминаний об Ильиче	468
<i>Н. К. Крупская.</i> Из воспоминаний о Ленине	475
<i>Д. И. Ульянов.</i> Воспоминания о Втором съезде РСДРП	488
<i>Ф. В. Ленгник.</i> Подготовка Второго съезда партии	494
<i>М. Н. Лядов.</i> Из воспоминаний о Втором съезде РСДРП	497
<i>С. И. Гусев.</i> О Втором съезде партии	517
<i>А. В. Шотман.</i> Второй съезд партии	532
<i>А. М. Стопани.</i> Из воспоминаний	551
<i>С. И. Степанов.</i> Из воспоминаний	554
<i>О. А. Пятницкий.</i> Из далекого прошлого	556
<i>Р. С. Землячка.</i> Организация Бюро комитетов большинства	562
<i>П. Н. Лепешинский.</i> Из воспоминаний	567
<i>Л. А. Фотиева.</i> Встречи с В. И. Лениным в Женеве и Париже	576
<i>И. Х. Лалаянц.</i> Из воспоминаний	588

<i>Ц. С. Зеликсон-Бобровская.</i> Из воспоминаний	606
<i>В. В. Вакар.</i> Из воспоминаний	612
<i>М. М. Эссен.</i> Киевский комитет 1903 года	617
<i>И. М. Голубев.</i> Снова в Твери	619
<i>С. И. Залкинд.</i> Из воспоминаний об Урале	623
<i>С. Макаров.</i> Как из нас, рабочих, вырабатывали большевиков	628
Краткие биографические сведения об авторах воспоминаний	630

ДАЙТЕ НАМ
ОРГАНИЗАЦИЮ
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ...

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*
Редакторы *А. В. Качурина, Г. П. Шкаренкова*
Младший редактор *Л. Г. Еремина*
Художник *В. И. Андреев*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *В. П. Крылова*

На 1-й стороне переплета:
В. И. Ленин на II съезде РСДРП.
С картины худ. *Ю. Белова*

На 4-й стороне переплета:
Первая листовка.
С картины худ. *Ф. Голубкова*

ИБ № 5772

Сдано в набор 10.10.86. Подписано в печать 12.02.87. А 00028. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 40,0. Усл. кр.-отт. 44,25. Уч.-изд. л. 42,94. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 2271. Цена 1 р. 60 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».

103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

РСДРП

XXVII съезд КПСС указал на необходимость более глубокого изучения истории партии. Издание «История КПСС в воспоминаниях современников» призвано помочь решению этой задачи.

В предлагаемую читателю книгу под названием «Дайте нам организацию революционеров...» вошли воспоминания ближайших соратников В. И. Ленина, активных участников марксистского рабочего движения в России на рубеже XIX—XX веков. Ее хронологические рамки: 1895—1903 гг. — от ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»

до II съезда РСДРП, на котором была создана большевистская партия.

В книгу включены мемуары, опубликованные в периодической печати в первые десятилетия Советской власти, а также в различных сборниках, выходящих на местах, малоизвестные широкому читателю. Часть воспоминаний почерпнута из архивных фондов и публикуется впервые. Авторы мемуаров — не сторонние наблюдатели, а пламенные борцы за дело партии, ее высокие идеалы, люди, своими руками творившие историю.